

Управление
Верховного
Комиссара
Организации
Объединенных
Наций по правам
человека

ПОДБОРКА РЕШЕНИЙ КОМИТЕТА
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
В СООТВЕТСТВИИ
С ФАКУЛЬТАТИВНЫМ ПРОТОКОЛОМ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПАКТ
О ГРАЖДАНСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ

П Р А В А Ч Е Л О В Е К А

ТОМ
6

**ОРГАНИЗАЦИЯ
ОБЪЕДИНЕННЫХ
НАЦИЙ**

УПРАВЛЕНИЕ ВЕРХОВНОГО КОМИССАРА
ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПАКТ
О ГРАЖДАНСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ

ПОДБОРКА РЕШЕНИЙ КОМИТЕТА
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
В СООТВЕТСТВИИ
С ФАКУЛЬТАТИВНЫМ ПРОТОКОЛОМ

Том 6

*Пятьдесят шестая-шестьдесят пятая сессии
(март 1996 года – март 1999 года)*

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ
Нью-Йорк и Женева, 2005 год

ПРИМЕЧАНИЕ

Материал, содержащийся в настоящей публикации, можно свободно цитировать и воспроизводить, при условии включения соответствующей ссылки и направления экземпляра публикации, в которой содержится перепечатанный материал в Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека (8-14 avenue de la Paix, CH-1211 Geneva 10, Switzerland)

ССPR/C/OP/6

ИЗДАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

<i>В продаже под No. R.05.XIV.1</i>

ISBN 92-1-454022-5

СОДЕРЖАНИЕ

(Подборка решений—пятьдесят шестая-шестьдесят пятая сессии)

	Стр.
Введение	1
ОКОНЧАТЕЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ	
А. Решения об объявлении сообщения неприемлемым	4
(порядковый номер сессии Комитета указан в скобках)	
No. 593/1994 [58] Патрик Холланд <i>против</i> Ирландии.....	4
No. 608/1995 [57] Франц Нахлик <i>против</i> Австрии	10
No. 643/1995 [60] Петер Дробек <i>против</i> Словакии	15
No. 645/1995 [57] Вайхере Бордес и Джон Темехаро <i>против</i> Франции	18
No. 669/1995 [64] Герхард Малик <i>против</i> Чешской Республики	24
No. 670/1995 [64] Рюдигер Шлоссер <i>против</i> Чешской Республики	29
В. Соображения в соответствии со статьей 5 (4) Факультативного протокола	
Nos. 422/1990, [57] Адимайо М. Адуайом, Софиану Т. Т. Диассо 423/1990 и 424/1990 и Яво С. Добу <i>против</i> Того	35
No. 454/1991 [55] Энрике Гарсия Понс <i>против</i> Испании	41
No. 480/1991 [57] Хосе Луис Гарсия Фуэнсалида <i>против</i> Эквадора	45
No. 526/1993 [59] Майкл и Брайен Хилл <i>против</i> Испании	51
No. 538/1993 [58] Чарльз Стюарт <i>против</i> Канады	66
No. 540/1993 [56] Росарио СелисЛауреано <i>против</i> Перу	87
No. 549/1993 [60] Франсис Опю и Тепоайту Бессер <i>против</i> Франции	93
No. 552/1993 [60] Веслав Калл <i>против</i> Польши	105
No. 554/1993 [61] Робинсон Лавенде <i>против</i> Тринидада и Тобаго	113
No. 555/1993 [61] Рамчаран Биккару <i>против</i> Тринидада и Тобаго	119
No. 560/1993 [59] А. <i>против</i> Австралии	124
No. 563/1993 [55] Нидия Эрика Баутиста де Ареллана <i>против</i> Колумбии.....	145
No. 574/1994 [64] Гын-Дэ Ким <i>против</i> Республики Кореи	155
No. 577/1994 [61] Виктор Альфредо Полай Кампос <i>против</i> Перу	165
No. 586/1994 [57] Йозеф Франк Адам <i>против</i> Чешской Республики	172
No. 588/1994 [56] Эррол Джонсон <i>против</i> Ямайки	179
No. 612/1995 [60] Хосе Висенте и Амадо Вильяфанье Чапарро, Диоселина Торрес Креспо, Эрмес Энрике Торрес Солис и Висенсио Чапарро Искьердо <i>против</i> Колумбии	194
Nos. 623, 624, [62] Виктор Домуковский, Заза Циклаури, Петр Гельбахияни и 626 и 627/1995 Ираклий Доквадзе <i>против</i> Грузии	203
No. 628/1995 [64] Дэ Хун Пак <i>против</i> Республики Кореи	220
No. 633/1995 [65] Роберт У.Готье <i>против</i> Канады	227
No. 671/1995 [58] Юни Е. Лянсман, Юни А. Лянсман, Эйно Лянсман и Марко Торрика <i>против</i> Финляндии	242

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	<i>Стр.</i>
№. 692/1996 [60] А.Р.Дж. <i>против</i> Австралии	255
№. 676/1996 [62] Абдул Салим Яссин и Ноэль Томас <i>против</i> Гайаны	266

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ответы, полученные от государств-участников после принятия соображений Комитетом по правам человека	278
--	-----

УКАЗАТЕЛИ

Указатель по статьям Пакта	282
Указатель по статьям Факультативного протокола.....	284
Предметный указатель	285
Указатель по авторам и жертвам.....	289

ВВЕДЕНИЕ

1. Международный пакт о гражданских и политических правах и Факультативный протокол к нему были приняты Генеральной Ассамблеей 16 декабря 1966 года и вступили в силу 23 марта 1976 года.

2. В соответствии со статьей 28 Пакта государства-участники 20 сентября 1976 года учредили Комитет по правам человека.

3. В соответствии с Факультативным протоколом лица, которые утверждают, что какое-либо из их прав, перечисленных в Пакте, было нарушено и которые исчерпали все имеющиеся у них внутренние средства правовой защиты, могут представить на рассмотрение Комитета по правам человека письменные сообщения. Ни одно сообщение не принимается Комитетом, если оно касается государства - участника Пакта, которое не является также участником Факультативного протокола. По состоянию на 30 июля 1999 года из 145 государств, которые присоединились к Пакту или ратифицировали его, 95 признали компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения от отдельных лиц посредством ратификации Факультативного протокола или присоединения к нему.

4. Согласно положениям Факультативного протокола, Комитет может рассматривать сообщения лишь в случае соблюдения определенных требований в отношении приемлемости. Эти требования изложены в статьях 1, 2, 3 и 5 Факультативного протокола и воспроизведены в правиле 90 правил процедуры Комитета (CCRP/C/3/Rev.7), согласно которому Комитет удостоверяется в том, что:

a) сообщение не является анонимным и что оно исходит от лица или лиц, на которых распространяется юрисдикция государства - участника Протокола;

b) лицо достаточно обоснованно утверждает, что оно является жертвой нарушения этим государством-участником какого-либо из прав, изложенных в Пакте. Как правило, сообщение должно представляться самим лицом или его представителем; однако Комитет может согласиться рассмотреть сообщение, представленное от имени лица, которое, как утверждается, является жертвой, если выясняется, что оно не способно само представить сообщение;

c) сообщение не представляет собой злоупотребление правом на представление сообщений в соответствии с Протоколом;

d) сообщение не является несовместимым с положениями Пакта;

e) этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования;

f) данное лицо исчерпало все доступные внутренние средства правовой защиты.

5. В соответствии с правилом 92 (в прошлом правилом 86) правил процедуры Комитет может, до представления своих окончательных соображений по сообщению, информировать государство-участника относительно того, желательно ли принятие "временных мер" защиты во избежание причинения непоправимого ущерба жертве предполагаемого нарушения. Вместе с тем просьба о принятии временных мер не предполагает окончательного заключения по существу сообщения. Комитет обращался с просьбами о принятии таких временных мер в целом ряде случаев, например, когда представлялось неминуемым вынесение смертного приговора или высылка либо экстрадиция соответствующего лица. В соответствии с пунктом 2 правила 94 Комитет может рассматривать совместно два или более сообщений, если он сочтет это целесообразным.

6. Что касается вопроса о бремени доказывания, то Комитет постановил, что такое бремя не может возлагаться только на автора сообщения, особенно если принять во внимание тот факт, что автор и государство-участник не всегда имеют равный доступ к доказательствам и что зачастую лишь государство-участник располагает соответствующей информацией. В соответствии с пунктом 2 статьи 4 Факультативного протокола государство-участник обязано добросовестно расследовать утверждения о нарушениях Пакта, представленные в отношении него и его органов власти.

7. Комитет приступил к работе в соответствии Факультативным протоколом на своей второй сессии в 1977 году. Начиная с того времени и до его шестьдесят седьмой сессии осенью 1999 года на рассмотрение Комитета было направлено 901 сообщение о предполагаемых нарушениях, совершенных 61 государством-участником. По состоянию на конец шестьдесят седьмой сессии состояние этих сообщений было следующим:

а) рассмотрение завершено путем принятия соображений в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола	333
б) сообщение объявлено неприемлемым	274
в) рассмотрение прекращено или сообщение отозвано	129
г) сообщение объявлено приемлемым, но рассмотрение его еще не завершено	38
е) дело находится на рассмотрении, решение о приемлемости не принято	127

8. За свои первые 22 года работы Комитет получил гораздо больше 901 зарегистрированного сообщения, о которых говорилось выше. Секретариат регулярно получает запросы от отдельных лиц, которые намереваются представить сообщение в Комитет. Такие запросы не регистрируются сразу же в качестве дел. На практике число авторов, которые в конечном итоге представляют свои дела для рассмотрения Комитетом в соответствии с Факультативным протоколом, является относительно небольшим отчасти по той причине, что авторы узнают, что их дела не отвечают определенным базовым критериям, касающимся приемлемости, таким, как требование об исчерпании внутренних средств правовой защиты, а отчасти потому, что они осознают, что оговорка или заявление со стороны соответствующего государства-участника может лишить Комитет компетенции рассматривать соответствующее дело. Несмотря на эти замечания, число сообщений, ежегодно представляемых на рассмотрение Комитета, неизменно возрастает, и работа Комитета получает все большую известность среди юристов, исследователей и широкой публики. Цель Подборки решений состоит в том, чтобы вносить вклад в распространение информации о деятельности Комитета.

9. Первым шагом на пути к обеспечению более широкого распространения информации о деятельности Комитета явилось решение о публикации его соображений, принятое на его седьмой сессии: эта публикация отвечала интересам наиболее эффективного осуществления Комитетом своих функций в соответствии с Протоколом, а публикация полного текста соображений являлась более предпочтительной, чем публикация кратких резюме. Начиная с ежегодного доклада Комитета по правам человека за 1979 год и вплоть до его доклада за 1993 год, охватывающего работу сорок шестой сессии, все соображения Комитета и подборка его решений, признающих соответствующие сообщения неприемлемыми, решения о пересмотре решений о приемлемости и решения о прекращении рассмотрения были опубликованы без сокращений¹.

¹ См. *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать четвертая сессия, Дополнение № 40 (A/34/40); тридцать пятая сессия, Дополнение № 40 (A/35/40); тридцать шестая сессия, Дополнение № 40 (A/36/40); тридцать седьмая сессия, Дополнение № 40 (A/37/40); тридцать восьмая сессия, Дополнение № 40 (A/38/40); тридцать девятая сессия, Дополнение № 40 (A/39/40); сороковая сессия, Дополнение № 40 (A/40/40); сорок первая сессия, Дополнение № 40 (A/41/40); сорок вторая сессия, Дополнение № 40 (A/42/40); сорок третья сессия, Дополнение № 40 (A/43/40); сорок четвертая сессия, Дополнение № 40 (A/44/40); сорок пятая сессия, Дополнение № 40 (A/45/40); сорок шестая сессия, Дополнение № 40 (A/46/40), сорок седьмая сессия, Дополнение № 40 (A/47/40); сорок восьмая сессия, Дополнение № 40 (A/48/40).*

10. На своей пятнадцатой сессии Комитет постановил приступить к осуществлению отдельного проекта - периодической публикации подборки своих решений в соответствии с Факультативным протоколом, включая некоторые важные решения о признании сообщений приемлемыми и другие решения промежуточного характера. Том 1 этой серии, охватывающий решения, принятые за период со второй по шестнадцатую сессию включительно, был опубликован в 1985 году на английском языке². Том 2 охватывает решения, принятые в период с семнадцатой по тридцать вторую сессии и включает все решения, объявляющие сообщения приемлемыми, два промежуточных решения, содержащих просьбу о представлении автором и государством-участником дополнительной информации, и два решения в соответствии с правилом 86 правил процедуры Комитета, содержащих просьбу о применении временных мер защиты³. В томе 3 содержится подборка решений, принятых с тридцать третьей по тридцать девятую сессии, в томе 4 - подборка решений, принятых с сороковой по сорок шестую сессии, а в томе 5 - решений, принятых с сорок седьмой по пятьдесят пятую сессии.

11. За период, охватываемый настоящим томом, вновь отмечалось существенное увеличение количества дел, находящихся на рассмотрении Комитета. Специальный докладчик по новым сообщениям, мандат которого был дополнен в 1991 году с учетом увеличения рабочей нагрузки, продолжал заниматься дальнейшим уточнением и усовершенствованием своих методов работы. В период, охватываемый настоящим томом, Специальный докладчик иногда обращался с просьбами о принятии временных мер защиты.

12. Специальный докладчик по последующей деятельности в связи с соображениями также продолжал уточнять свои методы работы в период, охватываемый настоящим томом. В 1997 году его мандат был официально пересмотрен, и изменения, внесенные в этот мандат, были включены в правила процедуры Комитета. В соответствии с пересмотренной процедурой последующей деятельности Комитет в принципе рассматривает последующую информацию не на конфиденциальной основе, как прежде, а в открытом заседании.

13. В период, охватываемый настоящим томом, продолжал использоваться новый формат решений о приемлемости и окончательных соображений, принятый на тридцать седьмой сессии Комитета в 1989 году с целью повышения ясности и обеспечения краткости.

14. Важным свидетельством эволюции правовой практики Комитета является постоянное увеличение числа особых мнений, прилагаемых членами Комитета к решениям (правило 104 правил процедуры). Следует особо отметить, что многие члены Комитета прилагают к решению совместное особое мнение, будь то согласное или несогласное. Читатель найдет многочисленные примеры такой практики в этом томе.

² *Human Rights Committee, Selected Decisions under the Optional Protocol (Second to sixteenth sessions)*, New York, 1985 (United Nations publication, Sales No. E.84.XIV.2), далее именуемые *Selected Decisions*, vol. 1. Соответствующие издания на испанском и французском языках были опубликованы в июне 1988 года (CCPR/C/OP/1).

Обсуждение юриспруденции Комитета см. Manfred Nowak: *ICCPR Commentary*, 2nd edition (Engel Verlag, 2005).

³ *International Covenant on Civil and Political Rights. Selected Decisions under the Optional Protocol (Seventeenth to thirty-second sessions)*, New York, 1990. Соответствующие издания на испанском и французском языках были опубликованы в 1991 году.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ

А. Решения об объявлении сообщения неприемлемым

Сообщение No. 593/1994

Представлено: Патрик Холланд

Предполагаемая жертва: Автор

Государство-участник: Ирландия

Объявлено неприемлемым: 25 октября 1996 года (пятьдесят восьмая сессия)

Предмет сообщения: Справедливость и беспристрастность разбирательства в специальных уголовных судах

Вопросы процедуры: Неприемлемость *ratione temporis* - Исчерпание внутренних средств правовой защиты

Вопросы существа: Несправедливое судебное разбирательство - Дискриминация

Статья Пакта: 14 (1)

Статья Факультативного протокола и правила процедуры: 5 (2) (b)

1. Автор сообщения является Патрик Холланд, гражданин Ирландии, родившийся 12 марта 1939 года, во время представления сообщения отбывающий тюремное заключение в Ирландии. Он утверждает, что является жертвой нарушения Ирландией статей 14 и 26 Пакта. Пакт и Факультативный протокол вступили в силу для Ирландии 8 марта 1990 года.

Факты в изложении автора

2.1 Автор был арестован 6 апреля 1989 года на основании статьи 30 Закона о преступлениях против государства 1939 года и обвинен в хранении взрывчатых веществ в противозаконных целях. Его дело, вместе с делами четырех других обвиняемых по делу, слушалось 27 июня 1989 года в Особом уголовном суде, он был признан виновным и приговорен к десяти годам тюремного заключения. При обжаловании приговора Апелляционный суд 21 мая 1990 года сократил приговор до семи лет тюремного заключения, сочтя, что решение Особого суда могло создать впечатление, будто он был осужден по более серьезному обвинению, а именно за хранение взрывчатых веществ с целью предоставления их другим лицам, которые могут угрожать жизни людей. Автор был освобожден из тюрьмы 27 сентября 1994 года.

2.2 На слушании дела в Особом уголовном суде автор признал себя виновным якобы из-за того, что его адвокат сказал ему, что "в этом суде они поверят полиции" и что, если он не признает себя виновным, его приговор будет более суровым. В этом контексте автор заявляет, что один из других обвиняемых по этому делу, не признавший себя виновным, действительно был приговорен к более длительному сроку тюремного заключения.

2.3 Автор заявляет, что против него не было улик, но полиция утверждала, что он им признался, что знал о взрывчатых веществах в своем доме. Не было представлено магнитофонной записи якобы сделанного автором признания; он не подписывал никакого признания.

2.4 Автор разъясняет, что в апреле 1989 года в его доме гостил его знакомый А. М., приехавший из Англии, чтобы узнать, можно ли взять в аренду ресторан или пивную. 3 апреля 1989 года к ним присоединился П. У., друг А. М., приехавший в Дублин, чтобы присутствовать на судебных слушаниях. Автор утверждает, что раньше не был знаком с П. У., но разрешил ему остановиться в своем доме. Автор, у которого было собственное полиграфическое предприятие, основную часть времени работал, приходя домой только поспать или поесть. Во время обеда 6 апреля 1989 года

полиция ворвалась к нему в дом и арестовала его, А. М. и П. У. и четвертого знакомого - бывшего коллегу, находившегося у автора в гостях. Взрывчатые вещества были найдены в черной сумке, но автор отрицает, что знал об этом.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что судебное разбирательство его дела было несправедливым, поскольку Особый уголовный суд не является независимым и беспристрастным судом, что составляет собой нарушение пункта 1 статьи 14 Пакта. В связи с этим автор разъясняет, что конституция Ирландии допускает создание "особых судов" для рассмотрения правонарушений в случаях, когда установлено, что обычные суды не могут обеспечить действенное осуществление правосудия и соблюдение общественного спокойствия и порядка. Автор отмечает, что то, какие дела будут переданы особому суду, решает правительство. Автор приводит цитату из раздела 39 Закона о преступлениях против государства, где предусматривается, что члены особых судов назначаются и отзываются по усмотрению правительства. Размер вознаграждения, если оно выплачивается, определяется министерством финансов. Члены особых судов не обязательно должны быть членами судебной системы; могут также назначаться барристеры и солиситоры с опытом работы не менее семи лет и высокопоставленные служащие сил обороны.

3.2 Автор утверждает, что особые суды представляют угрозу равенству обращения с обвиняемыми в преступлениях, поскольку независимость членов таких судов не защищена. В этом контексте автор ссылается на решение в его деле, которое создавало впечатление, что он осужден за более тяжкое преступление, чем то, в котором он обвинялся.

3.3 Далее автор утверждает, что в тюремной системе он подвергался дискриминации, потому что "боролся за свои права" через обращения в суды, чтобы установить свое право на условно-досрочное освобождение. Он заявляет, что двое из его сообвиняемых, получившие такой же приговор, были переведены в тюрьму открытого типа в 1992 году и в начале 1993 года, в то время как автор был переведен в тюрьму открытого типа только в начале 1994 года. Автор указывает, что из тюрьмы открытого типа даются регулярные увольнительные домой на выходные, в то время как он не смог получить разрешение на посещение сестры в больнице до того, как она умерла 22 декабря 1993 года; он был отпущен под честное слово с 22 по 27 декабря 1993 года после смерти сестры.

Представление государства-участника и комментарии автора

4.1 В представлении от 5 декабря 1994 года государство-участник утверждает, что сообщение неприемлемо *ratione temporis*, поскольку содержание жалобы автора относится к судебному разбирательству его дела Особым уголовным судом 27 июня 1989 года, то есть до вступления в силу Пакта и Факультативного протокола к нему для Ирландии.

4.2 Государство-участник далее утверждает, что сообщение неприемлемо, поскольку не были исчерпаны внутренние средства правовой защиты. Государство-участник отмечает, что суть жалобы автора заключается в том, что ему не было обеспечено справедливое разбирательство независимым и беспристрастным судом и что, по его утверждению, он не виновен в правонарушениях, в которых его обвиняли. Однако автор снял заявление о своей невинности, не оставив суду иного выбора, кроме как принять его признание и вынести ему соответствующий приговор. Государство-участник заявляет, что автор мог бы быть оправдан, если бы заявил о своей невинности. Оно оспаривает предположение автора о том, что лица, судимые особыми уголовными судами, неизбежно осуждаются.

4.3 Государство-участник далее заявляет, что автор не требовал, чтобы судьи Особого суда дисквалифицировали себя на том основании, что они не являются независимыми и беспристрастными. В связи с этим государство-участник отмечает, что фактически автор не высказывал какого-либо предубеждения в отношении судей слушавшего его дело суда. По-видимому, выдвигаемый им довод заключается в том, что способ назначения и отзыва членов суда мог привести к отсутствию независимости и беспристрастности, а не в том, что он имел такие последствия.

4.4 Государство-участник разъясняет, что Особый суд подвергается судебному контролю со стороны Верховного суда. Лицо, заявляющее о нарушении конституции или естественной справедливости, может запросить от Верховного суда приказ, аннулирующий решение Особого уголовного суда или воспрепятствующий ему действовать вопреки конституции или правилам естественной справедливости. Если у автора были основания утверждать, что его дело не получило справедливого разбирательства в Особом суде, он мог запросить приказ о судебном пересмотре от Верховного суда, чего он не сделал.

4.5 В этом контексте государство-участник ссылается на решение Верховного суда в деле *Экклза*¹, где утверждается, что правительство не имеет законного права прекращать пребывание в должности отдельных членов Особого суда в связи с несогласием с их решениями. Суд постановил, что несмотря на то, что прямые конституционные гарантии независимости судей не применимы к Особому суду, он обладает косвенной гарантией независимости при выполнении своих функций.

4.6 Государство-участник также утверждает, что автор мог заявить на слушании своей апелляции, что его осуждение несостоятельно по причине отсутствия независимости судей. Государство-участник отмечает, что автор, тем не менее, не обжаловал свой обвинительный приговор и не утверждал, что Особый суд пристрастен или лишен независимости.

4.7 Далее государство-участник заявляет, что автор не показал, что он лично является жертвой предполагаемого нарушения. Государство-участник ссылается на довод автора, согласно которому при применимом законодательстве независимость суда не может быть гарантирована. Государство-участник считает, что это довод *actio popularis*, поскольку автор не утверждает, что судившие его судьи были фактически лишены независимости или были к нему пристрастны, и не указывает на какие-либо недостатки в судопроизводстве. В этом контексте государство-участник ссылается на решение Европейской комиссии по правам человека по делу *Экклза*², которая постановила, что Особый суд является независимым по смыслу статьи 6 Европейской конвенции.

4.8 Государство-участник разъясняет, что статьей 38 Конституции предусматривается, что особые суды могут учреждаться законом для рассмотрения дел о правонарушениях в случаях, когда в соответствии с таким законом может быть установлено, что обычные суды неспособны обеспечить эффективное отправление правосудия и соблюдение общественного мира и порядка. Закон о преступлениях против государства 1939 года предусматривает создание таких особых судов, если правительство убеждено, что обычные суды неспособны обеспечить эффективное отправление правосудия и соблюдение общественного мира и порядка, и если оно издает соответствующий указ. Любой подобный указ правительства может быть аннулирован резолюцией Нижней палаты Парламента. Особый уголовный суд был впервые создан в 1939 году и просуществовал до 1962 года. В 1972 году в связи с положением, обусловленным беспорядками в Северной Ирландии, Особый уголовный суд был воссоздан.

¹ *Eccles V. Ireland* [1985] I.R. 545.

² *Eccles e.a. V. Ireland*, Application №. 12839/87, decision of 9 December 1988.

4.9 Разделом 39 Закона о преступлениях против государства контролируется назначение членов суда. Государство-участник подчеркивает, что, за немногими исключениями, с 1972 года члены Особого уголовного суда во время своего назначения были судьями обычных судов и что с 1986 года суд состоял только из действующих судей. С момента создания суда в 1972 году в него не назначались служащие сил обороны.

4.10 Разделом 40 Закона предусматривается, что решения Особого уголовного суда принимаются согласно мнению большинства и что личные мнения не раскрываются. В соответствии с разделом 44 Закона обвинительные приговоры и наказания по приговору Особого уголовного суда можно обжаловать в Уголовном апелляционном суде в том же порядке, что и приговоры и наказания Центрального уголовного суда. Не существует норм доказательственного права, применимых в Особом уголовном суде, которые не применялись бы в обычных судах, за исключением положений, позволяющих сбор доказательств по поручению в Северной Ирландии.

4.11 Наконец, государство-участник ставит Комитет в известность о том, что суд, перед которым предстал автор, состоял из судьи Верховного суда, судьи окружного суда и окружного судьи. Государство-участник добавляет, что ему неизвестно о каких-либо сомнениях относительно личной беспристрастности и независимости членов суда.

5.1 8 февраля 1995 года автор сообщает свои замечания по представлению государства-участника. Он повторяет, что члены Особого суда могут отзываться с должности по усмотрению правительства и что поэтому не существует гарантий их независимости и беспристрастности.

5.2 Что касается довода государства-участника, согласно которому его сообщение неприемлемо вследствие неисчерпания внутренних средств правовой защиты, поскольку он снял заявление о своей невиновности, автор разъясняет, что после того, как он заявил о своей невиновности, его адвокат обратился к суду с просьбой о кратком перерыве. Затем он подошел к автору и посоветовал ему признать себя виновным, поскольку он находится в Особом уголовном суде и заявление о невиновности повлечет за собой приговор в 12 лет лишения свободы. Поэтому он признал себя виновным.

5.3 В отношении довода государства-участника, согласно которому автор не потребовал от судей суда первой инстанции, чтобы они себя дисквалифицировали, не потребовал аннулирования результатов судебного разбирательства путем судебного пересмотра и не обжаловал свой обвинительный приговор, а также не воспользовался отсутствием, согласно его утверждениям, независимости суда как основанием для апелляции, автор утверждает, что не мог проделать ничего из вышеперечисленного, поскольку его собственный защитник уже велел ему признать себя виновным, а сам он еще ничего не знал о договорах Организации Объединенных Наций по правам человека. Автор отмечает, что как непрофессионал он полагался на своих юридических советников, которые подвели его и не подняли эти вопросы. В связи с этим автор замечает, что знает многих людей, которые не смирились и не признали суд и были осуждены за одно только это.

Дальнейшее представление государства-участника

6.1 По просьбе Комитета государство-участник в дальнейшем представлении от 2 июля 1996 года комментирует приемлемость жалобы автора на то, что он подвергался дискриминации в тюремной системе, и разъясняет законодательство и практику, относящуюся к решению передать дело автора в Особый уголовный суд.

6.2 Что касается утверждения автора, будто он является жертвой дискриминации, государство-участник подтверждает, что двое других обвиняемых, которые были приговорены к шести годам тюремного заключения, были переведены в тюрьму открытого типа до истечения сроков их заключения, а что автор и еще один его сообвиняемый содержались в закрытом учреждении вплоть до их освобождения. Далее государство-участник разъясняет, что в отношении сообвиняемых, переведенных в тюрьму открытого типа, применено обычное 25-процентное сокращение сроков

заклучения и они были освобождены примерно на шесть месяцев раньше. Третий обвиняемый отбывал весь срок в особо охраняемой зоне и был освобожден за 36 дней до истечения срока заключения.

6.3 Государство-участник разъясняет, что вопрос о переводе автора в тюрьму открытого типа рассматривался, но, поскольку у автора были друзья и родственники в Дублине, а все учреждения открытого типа располагались за пределами Дублина, было решено, что лучше будет, если он останется в закрытом учреждении в Дублине. Автору было предложено досрочное освобождение с 27 июня 1994 года, то есть за три месяца до истечения срока. Однако он отказался покинуть тюрьму, поскольку ему негде было жить. Затем он был освобожден 22 сентября 1994 года, на четыре дня раньше.

6.4 Государство-участник отмечает, что перевод из тюрьмы закрытого типа в тюрьму открытого типа является льготой, предоставляемой некоторым заключенным на основании их поведения, местожительства и других имеющих отношение к делу соображений, но не является правом, на которое все заключенные могут в равной мере претендовать. Дается ссылка на решение Европейского суда по правам человека в деле *Эшингдейна*³.

6.5 Далее сообщается, что с автором обращались так же, как и с другими заключенными, а решение оставить автора в закрытом учреждении в Дублине было принято, как и решения о переводе двух его обвиняемых в учреждение открытого типа за пределами Дублина, на основании личных и семейных обстоятельств и имело целью облегчить сообщение между заключенными и их близкими. Кроме того, сообщается, что, если Комитет все же решит, что с автором обращались иначе, чем с другими заключенными, такое обращение основывалось на разумных и объективных критериях и не являлось дискриминацией.

6.6 Государство-участник утверждает, что сообщение неприемлемо согласно статье 3 Факультативного протокола как несовместимое с положениями Пакта. Далее утверждается, что жалоба автора неприемлема по причине исчерпания внутренних средств правовой защиты, поскольку автор имел возможность добиваться судебного пересмотра приказа министра юстиции о переводе его в Уэйтфилдский центр заключения в Дублине, а не в тюрьму открытого типа. Автор также имел возможность возбудить иск по якобы имевшему место нарушению конституционных прав, поскольку статья 10.1 конституции защищает право всех граждан на равенство перед законом. Отмечается, что автор не воспользовался имевшимися в его распоряжении средствами правовой защиты.

7.1 Что касается процедур, определяющих, будет ли дело рассматриваться в Особом уголовном суде, государство-участник разъясняет, что государственный прокурор в соответствии с законом принимает решение о том, будет ли дело рассматриваться обычным уголовным судом или Особым уголовным судом согласно части V Закона о преступлениях против государства. Прокурор не зависит от правительства и полиции в исполнении своих функций. Законом о преступлениях против государства предусматривается, что определенные правонарушения подпадают под действие этого закона. Когда какое-либо лицо обвиняется в правонарушении, подпадающем под действие этого закона, государственный прокурор, согласно разделу 47 (1) Закона, может распорядиться, чтобы это лицо предстало перед Особым уголовным судом по делу о таком правонарушении. Автору было предъявлено обвинение в хранении взрывчатых веществ в противозаконных целях, что, согласно разделу 47 (1) Закона, является правонарушением, подпадающим под его действие.

7.2 Для слушания дел в Особом уголовном суде имеется комиссия из девяти судей, назначаемых правительством, все они являются судьями Верховного суда, выездного окружного суда или окружного суда. Назначение членов суда для слушания какого-либо дела находится исключительно в ведении судей из этой комиссии. Государство-участник решительно отвергает любое предположение о том, что судьи Особого уголовного суда не являются независимыми или были пристрастны к автору.

³ (14/1983/70/106).

7.3 Государство-участник разъясняет, что решение предъявить автору соответствующее обвинение, а также решение передать дело автора в Особый уголовный суд основывалось на оценке имеющихся доказательств, о которых государственному прокурору сообщила полиция Ирландии.

7.4 Государство-участник разъясняет, что можно оспаривать учреждение Особого уголовного суда, поскольку это подлежит конституционному надзору. Также можно оспаривать конституционность различных аспектов законодательства, относящихся к Особому уголовному суду. Было предпринято несколько таких попыток. Однако автор не пытался возбудить иск в этом отношении.

7.5 Государство-участник разъясняет, что также можно оспаривать передачу дела в Особый уголовный суд путем судебного пересмотра решения государственного прокурора. Тем не менее все соответствующие правовые прецеденты относятся к делам, в которых обвиняемому вменялось правонарушение, не подпадающее под действие Закона о преступлениях против государства, а государственный прокурор при этом постановил, что обвиняемый предстанет перед Особым уголовным судом. Если бы автор воспользовался этим средством правовой защиты, ему бы пришлось доказать, что государственный прокурор действовал *mala fides*.

7.6 Государство-участник повторяет, что сообщение следует признать неприемлемым.

Комментарии автора по представлению государства-участника

8.1 В своих комментариях по представлению государства-участника автор подчеркивает, что его основная жалоба заключается в том, что Особый уголовный суд является незаконным, поскольку при его создании не было сделано сообщение в соответствии с пунктом 3 статьи 4 Пакта. Он утверждает, что невозможно избежать обвинительного приговора в Особом суде, и повторяет, что, когда он заявил о своей невиновности, его адвокат сказал ему, что приговор будет менее суровым, если он признает свою виновность, после чего он так и поступил.

8.2 Автор повторяет, что ему не было позволено покинуть тюрьму, чтобы успеть посетить умирающую сестру в декабре 1993 года, но что ему была предоставлена увольнительная после ее смерти для присутствия на похоронах.

Вопросы и процедуры в Комитете

9.1 До рассмотрения любых жалоб, содержащихся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека, в соответствии с правилом 87 правил процедуры, должен принять решение по вопросу о том, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

9.2 Комитет принимает во внимание довод государства-участника о том, что сообщение неприемлемо *ratione temporis*. Комитет ссылается на свою предыдущую судебную практику и повторяет, что он не вправе рассматривать сообщение, если предполагаемые нарушения имели место до вступления в силу Пакта для соответствующего государства-участника, если только предполагаемые нарушения не продолжаются или не имеют продолжающихся последствий, которые сами по себе являются нарушением. Комитет отмечает, что, хотя автор был осужден и приговорен судом первой инстанции в июне 1989 года, то есть до вступления в силу Пакта для Ирландии, его апелляция была отклонена 21 мая 1990 года, то есть после вступления в силу Пакта для Ирландии, а его тюремное заключение длилось до августа 1994 года. При данных обстоятельствах Комитет не лишен *ratione temporis* возможности рассмотреть сообщение автора.

9.3 Что касается жалобы автора на то, что судебное разбирательство по его делу было несправедливым, поскольку он предстал перед Особым уголовным судом, созданным в нарушение статьи 14 Пакта, Комитет отмечает, что автор признал себя виновным во вменявшемся ему преступлении, не обжаловал свой обвинительный приговор и не выдвигал возражений относительно беспристрастности и независимости Особого суда. В этом контексте Комитет отмечает, что автор постоянно был представлен защитником и из дела следует, что он воспользовался своим правом

обратиться в Верховный суд с прошениями по другим вопросам, но не поднимал вышеуказанного спорного вопроса. В данных обстоятельствах Комитет постановляет, что автор не выполнил требования подпункта б) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола об исчерпании доступных внутренних средств правовой защиты.

9.4 В отношении утверждения автора о том, что он подвергался дискриминации, поскольку не был переведен в тюрьму открытого типа одновременно со своими сообвиняемыми, Комитет отмечает, что государство-участник утверждает, а автор не отрицает, что у автора имелась возможность добиваться судебного пересмотра этого решения. В данных обстоятельствах Комитет считает, что эта жалоба также неприемлема согласно подпункту б) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола по причине неисчерпания внутренних средств правовой защиты.

10. Исходя из этого, Комитет по правам человека постановляет:

- a) считать настоящее сообщение неприемлемым;
- b) препроводить настоящее решение государству-участнику и автору.

Сообщение № 608/1995

Представлено: Франц Нахлик

Предполагаемая жертва: Автор

Государство-участник: Австрия

Объявлено неприемлемым: 22 июля 1996 года (пятьдесят седьмая сессия)

Предмет сообщения: Предполагаемая дискриминация при начислении пенсионного пособия

Вопросы процедуры: Нет

Вопросы существа: Дискриминация

Статья Пакта: 26

Статьи Факультативного протокола и правила процедуры: 1 и 2

1. Автор сообщения является Франц Нахлик, гражданин Австрии, в настоящее время проживающий в Элсбетхене, Австрия. Он представляет сообщение от своего собственного имени и от имени 27 бывших коллег. Он утверждает, что является жертвой нарушения Австрией статьи 26 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Факты в изложении автора

2.1 Автор работал в Совете социального страхования в Зальцбурге (*Salzburger Gebietskrankenkasse*) и вышел на пенсию до 1 января 1992 года. Он утверждает, что он и его 27 бывших коллег получают пенсионное пособие на основе соответствующей схемы, предусмотренной Служебным регламентом для работников Совета социального страхования. С 1 января в соответствии с коллективным соглашением между Советом социального страхования Зальцбурга и его сотрудниками указанная схема была изменена; в соглашении предусматривалось повышение с 1 января 1992 года линейных выплат на 4 процента и постоянное ежемесячное начисление в размере 200 австрийских шиллингов, которое рассматривается в качестве регулярных выплат, подлежащих включению в расчеты пенсионного пособия служащих. Региональный совет страхования Зальцбурга принял решение, что право на получение такого начисления имеют только работающие сотрудники, в число которых не входят сотрудники, вышедшие на пенсию до 1 января 1992 года.

2.2 Авторы, представляемые адвокатом, предъявили Совету иск в Федеральном окружном суде Зальцбурга по трудовым и социальным вопросам (*Landesgericht Salzburg als Arbeits- und Sozialgericht*), который был отклонен 21 декабря 1992 года. По мнению суда, стороны коллективного соглашения вправе, в соответствии с федеральным законом о труде, включать в него положения, предусматривающие различный режим расчета пенсий действующим и вышедшим на пенсию сотрудникам или даже нормы, не отвечающие интересам вышедших на пенсию. Затем авторы обратились с апелляционной жалобой в Федеральный апелляционный суд Линца (*Oberlandesgericht in Linz*), который 11 мая 1993 года подтвердил решение окружного суда. Впоследствии 22 сентября 1993 года жалоба авторов была отклонена Верховным судом (*Oberster Gerichtshof*). Согласно его заключению, хотя сумма в размере 200 австрийских шиллингов и является частью постоянного дохода авторов (*ständiger Bezug*), лишь часть такого дохода может рассматриваться в качестве ежемесячного жалования (*Gehalt*), которое является основой для определения уровня пенсионного пособия. Кроме того, поскольку это было оговорено в коллективном соглашении, допустимо использование различного режима расчета пенсии на основе размера дохода работающих и вышедших на пенсию сотрудников.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что Австрийская Республика нарушила права пенсионеров на равенство перед законом и равную защиту закона без какой-либо дискриминации. В частности, он указывает, что применение различного режима к работающим и вышедшим на пенсию сотрудникам, а также к сотрудникам, вышедшим на пенсию до и после января 1992 года, не основывается на разумных и объективных критериях, поскольку рассматриваемые группы людей находятся в сопоставимом положении с точки зрения своих доходов, и они живут в одних и тех же экономических и социальных условиях. Он также заявляет, что подобный различный режим является произвольным, поскольку он не преследует какой-либо законной цели, и что дискреционные полномочия составителей рассматриваемого коллективного соглашения, утвержденного австрийскими судами, нарушают общий принцип равенства в области трудового законодательства.

3.2 Указывается, что этот же вопрос рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

Замечания государства-участника и комментарии по ним автора сообщения

4. В своем представлении от 18 сентября 1995 года государство-участник признает тот факт, что все внутренние средства правовой защиты были исчерпаны. Вместе с тем оно утверждает, что данное сообщение является неприемлемым, поскольку его автор оспаривает одно из положений коллективного соглашения, на которое государство-участник влиять не может. Государство-участник объясняет, что коллективные соглашения представляют собой договоры, заключенные в соответствии с нормами частного права и исключительно по усмотрению договаривающихся сторон. Государство-участник в этой связи делает заключение, что данное сообщение является неприемлемым в соответствии со статьей 1 Факультативного протокола, поскольку речь не идет о нарушении со стороны государства-участника.

5.1 В своих комментариях от 19 ноября 1995 года автор поясняет, что он обратился в Комитет не для проведения абстрактного рассмотрения коллективного соглашения, а, скорее, с целью указать на неспособность государства-участника, и в частности его судов, обеспечить надлежащую защиту от дискриминации, что повлекло за собой нарушение статьи 26 Пакта. Поэтому автор настаивает на том, что ответственность за нарушение, жертвой которого он стал, фактически должна быть возложена на государство-участник.

5.2 Что касается утверждения государства-участника о том, что оно не имеет никакого влияния на содержание коллективного соглашения, автор объясняет, что в данном случае речь идет о коллективном соглашении особого вида, и квалифицирует его как законодательный указ в соответствии с австрийским законодательством. Обсуждаемые и согласуемые учрежденными в соответствии с законом государственными профессиональными организациями процедуры и

содержание коллективных соглашений определяются в федеральном законодательстве, в котором оговорены вопросы, подлежащие регулированию коллективным соглашением. Кроме того, федеральные суды уполномочены осуществлять полномасштабный судебный надзор за такими соглашениями. Для того чтобы вступить в силу, коллективные соглашения (и возможные поправки к ним) должны быть утверждены Федеральным министром социальных дел занятости. После этого такое соглашение публикуется таким же образом, как и постановления федеральных и местных административных органов власти.

5.3 Поэтому автор оспаривает утверждение государства-участника о том, что оно не имело влияния на содержание коллективного соглашения, и заявляет о том, что государство-участник осуществляет контроль за заключением коллективных соглашений и их исполнением на законодательном, административном и судебном уровнях. Автор отмечает, что государство-участник принимает законодательство и делегирует определенные полномочия автономным органам. Вместе с тем он обращает внимание на то, что статья 26 Пакта запрещает дискриминацию "в законодательстве или на практике в любой области, регулируемой и защищаемой государственными органами власти"¹. Автор делает вывод о том, что государство-участник было обязано соблюдать статью 26 и не сделало этого.

6.1 В следующем представлении, сделанном в мае 1996 года, государство-участник поясняет, что рассматриваемое коллективное соглашение с внесенными в него поправками предусматривает ежемесячную надбавку в размере 200 австрийских шиллингов сотрудникам австрийских учреждений социального обеспечения. Эта надбавка не принимается во внимание при расчете пенсий тем лицам, которые стали пенсионерами до 1 января 1992 года. С юридической точки зрения вопрос заключается в том, является ли эта надбавка так называемым "постоянным доходом" (*ständiger Bezug*), право на который имеют не только сотрудники, но также и пенсионеры. Государство-участник сообщает, что этот вопрос рассматривался судами, которые пришли к выводу о том, что эта надбавка не является постоянным доходом и что поэтому пенсионеры не имеют права на ее получение.

6.2 Государство-участник также сообщает, что работающие сотрудники и пенсионеры относятся к двум разным категориям, режим обращения с которыми может быть неодинаковым при рассмотрении вопроса об их праве на данную ежемесячную надбавку.

6.3 Государство-участник вновь повторяет, что, поскольку коллективное соглашение является договором на основе норм частного права, который заключается вне сферы влияния государства, статья 26 Пакта не применима к положениям коллективного соглашения. Что касается судов, государство-участник поясняет, что они разрешают споры на основе коллективного соглашения, соответствующим образом толкуя его текст и намерения сторон. В данном случае исключение пенсионеров из числа имеющих право на ежемесячную надбавку было как раз намерением сторон. Далее государство-участник поясняет, что коллективное соглашение не является законодательным указом, и, следовательно, у судов нет возможности вынести такое соглашение на рассмотрение Конституционного суда.

6.4 Государство-участник придерживается своей позиции, согласно которой данное сообщение является неприемлемым в соответствии со статьей 1 Факультативного протокола.

7.1 В своих комментариях автор говорит о том, что замечания государства-участника касаются в основном вопросов существования его жалобы и не имеют никакого отношения к вопросу о ее приемлемости.

7.2 В отношении утверждения государства-участника о том, что коллективное соглашение представляет собой договор на основе норм частного права, автор ссылается на свои предыдущие представления, где показано активное участие правительства в коллективном соглашении, касающемся работников австрийских учреждений социального обеспечения, на которых распространяется действие публичного права.

¹ См. *Брукс против Нидерландов*, сообщение № 172/1984.

7.3 В отношении замечания государства-участника о том, что работающие и вышедшие на пенсию сотрудники являются двумя различными группами людей, автор указывает на то, что его жалоба касается различного режима обращения с сотрудниками, вышедшими на пенсию до и после 1 января 1992 года. Он подчеркивает, что такой аспект, как регулярная выплата 200 австрийских шиллингов не принимается во внимание при определении размера пенсии для лиц, вышедших на пенсию до 1 января 1992 года, и, вместе с тем, принимается во внимание при определении размера пенсии для лиц, вышедших на пенсию после 1 января 1992 года. Он утверждает, что это является дискриминацией по признаку возраста.

7.4 Автор настаивает на том, что, согласно положениям Пакта, суды обязаны обеспечивать эффективную защиту от дискриминации и, следовательно, они должны были отменить положение указанного коллективного соглашения, которое дискриминирует пенсионеров на основе даты их выхода на пенсию.

Вопросы и процедуры в Комитете

8.1 До рассмотрения любых жалоб, содержащихся в каком-либо сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры решить, является ли оно приемлемым или неприемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

8.2 Комитет принял к сведению мнение государства-участника о том, что данное сообщение является неприемлемым в соответствии со статьей 1 Факультативного протокола, поскольку оно касается предполагаемой дискриминации в рамках частного соглашения, на которое государство-участник не имеет влияния. Комитет отмечает, что согласно статьям 2 и 26 Пакта государство-участник обязуется обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам отсутствие какой-либо дискриминации и, следовательно, суды государств-участников обязаны защищать всех лиц от дискриминации где бы то ни было: в государственной сфере или в отношениях между частными сторонами в квазигосударственном секторе, например в сфере занятости. Комитет также отмечает, что рассматриваемое в данном случае коллективное соглашение регулируется законом и вступает в силу лишь после его утверждения Федеральным министром социальных дел и занятости. Кроме того, Комитет отмечает, что данное коллективное соглашение касается работников Совета социального страхования, т.е. учреждения, деятельность которого регулируется нормами публичного права и которое проводит государственную политику. По этим причинам Комитет не может согласиться с доводом государства-участника о том, что данное соглашение должно быть объявлено неприемлемым в соответствии со статьей 1 Факультативного протокола.

8.3 Комитет отмечает, что автор объявляет себя жертвой дискриминации, поскольку его пенсия рассчитана на основе его зарплаты до 1 января 1992 года без учета ежемесячной надбавки в размере 200 австрийских шиллингов, которая стала начисляться работающим сотрудникам, начиная с этой даты.

8.4 Комитет напоминает о том, что право на равенство перед законом и равную защиту закона без какой-либо дискриминации не означает, что все различия в режиме обращения являются дискриминационными. Дифференциация, обусловленная разумными и объективными критериями, не является запрещенной дискриминацией по смыслу положений статьи 26 Пакта. В рассматриваемом случае оспариваемая дифференциация лишь чисто внешне основана на различии между сотрудниками, вышедшими на пенсию до и после 1 января 1992 года и после этой даты. Фактически такое различие обусловлено неодинаковым режимом обращения с работавшими и вышедшими на пенсию сотрудниками в тот момент времени. В отношении этого различия Комитет считает, что автор не смог доказать для целей определения приемлемости, что такое различие не было объективным или что оно было произвольным или необоснованным. Следовательно, Комитет делает вывод о том, что данное сообщение является неприемлемым в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

9. Поэтому Комитет по правам человека постановляет:

- а) считать данное сообщение неприемлемым;
- б) препроводить данное решение автору сообщения и для информации - государству-участнику.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое мнение членов Комитета Прафулачандры Натварлала Бхагвати, Сесилии Медини Кироги, Андреаса Мавромматиса, Франсиско Хосе Агилара Урбины и Элизабет Эватт в соответствии с пунктом 3 правила 94 правил процедуры Комитета в отношении решения Комитета по сообщению № 608/1995, Франц Нахлик против Австрии

Автор данного сообщения возражает против различия, которое делается между работниками Совета социального страхования, вышедшими на пенсию до января 1992 года и после этой даты. Пенсионное начисление для каждой группы этих сотрудников осуществляется на основе их текущего ежемесячного жалования. Согласно коллективному соглашению между Советом социального страхования в Зальцбурге и его работниками жалование работающих сотрудников может дополняться регулярными выплатами, не являющимися частью ежемесячного жалования (пункт 2.2). Это позволяет материально поощрять работающих сотрудников путем выплат, которые никак не влияют на существующие пенсии, но тем не менее могут приниматься во внимание при расчете пенсии сотрудников, вышедших на пенсию с 1 января 1992 года или после этой даты.

Проблема состоит в том, чтобы определить, равнозначно ли проведение подобного различия дискриминации, запрещенной статьей 26 Пакта.

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо установить, является ли цель, с которой проводится такое различие, законной с точки зрения Пакта, и являются ли критерии для установления такого различия обоснованными и объективными. Государство-участник утверждает, что подобного рода различие обоснованно; вместе с тем автор утверждает, что его проведение является необоснованным и дискриминационным. Жалоба автора подпадает под действие статьи 26 Пакта и затрагивает вопрос существа, который не может быть решен без рассмотрения всех вышеуказанных аспектов, т.е. без рассмотрения вопросов существа. Таким образом, данная жалоба является обоснованной для целей признания приемлемости.

Теоретически там, где затрагиваемые автором вопросы касаются жалоб в связи с подобного рода дискриминацией и отсутствуют сложные вопросы, относящиеся к приемлемости (кроме тех, которые касаются обоснования жалобы о дискриминации), Комитету следовало бы запросить информацию, с тем чтобы иметь возможность одновременно заниматься вопросом приемлемости и вопросами существа. Вместе с тем такой подход не предусмотрен существующими правилами процедуры и не использовался в данном деле. При отсутствии указанной процедуры некоторые дела, и в частности рассматриваемое сообщение, признаются неприемлемыми, поскольку Комитет считает, что жалоба о дискриминации не подтвердилась. Данное особое мнение заключается в том, что жалоба о дискриминации, которая является основным предметом спора, требующего рассмотрения вопросов существа, должна быть признана приемлемой.

Еще одной причиной признать данное конкретное сообщение приемлемым является тот факт, что ни государство, ни автор не были поставлены в известность о том, что Комитет будет принимать решение о приемлемости с учетом существа дела. Сам автор указал на тот факт, что замечания государства по его сообщению касались главным образом вопросов существа и не имели отношения к вопросу о приемлемости (пункт 7.1). Заключение о том, что данное сообщение является неприемлемым, лишает его автора возможности ответить на представление государства-участника.

По этим причинам мы считаем данное сообщение приемлемым.

Сообщение No. 643/1995

Представлено: Петер Дробек [представлен юридическим центром Кингсфорда, Австралия]

Предполагаемая жертва: Автор

Государство-участник: Словакия

Объявлено неприемлемым: 14 июля 1997 года (шестидесятая сессия)

Предмет сообщения: Экспроприация имущества по признаку этнического происхождения

Вопросы процедуры: Неприемлемость *ratione temporis* - Обоснование утверждений

Вопросы существа: Дискриминация - Правомерность особого отношения - Посягательство на честь и репутацию

Статьи Пакта: 2, 17 и 26

Статья Факультативного протокола и правила процедуры: 2

1. Автором сообщения, датируемого 31 мая 1994 года, является Петер Дробек, гражданин Австралии, родившийся в Братиславе. Он утверждает, что является жертвой нарушения Словакией статей 2, 17 и 26 Международного пакта о гражданских и политических правах. Факультативный протокол вступил в силу для Словакии 12 июня 1991 года. После распада Чешской и Словацкой Федеративной Республики Словакия сообщила о правопреемстве в отношении Пакта и Факультативного протокола, которые вступили в силу с первого дня существования новой республики - 1 января 1993 года. Автор представлен адвокатом.

Факты в изложении автора

2.1 Автору предстояло унаследовать от отца и дяди определенную собственность в Братиславе, экспропрированную по декретам Бенеша № 12 и 108 от 1945 года, согласно которым вся собственность, принадлежавшая этническим немцам, была конфискована. В 1948 году коммунистическим режимом была конфискована вся частная собственность, используемая для получения дохода. После падения коммунистического режима Чешская и Словацкая Федеративная Республика приняла закон 87/1991¹, а после создания государства Словакия ее правительство учредило процедуру, по которой можно вернуть собственность, захваченную при коммунистическом режиме. Тем не менее законодательство о реституции не охватывает конфискацию, произведенную по декретам Бенеша.

2.2 Автор предпринимал усилия, с тем чтобы воспользоваться законодательством о реституции и добиться возвращения своей собственности. 23 мая 1993 года его жалобы были отклонены местным судом Братиславы. Адвокат утверждает, что суд не рассматривал вопросы дискриминации и расовой несправедливости, от которых пострадал автор. В этом отношении он заявляет, что, поскольку ему недоступны эффективные внутренние средства правовой защиты, с помощью которых он мог бы получить возмещение за расовую дискриминацию, которой он подвергался, внутренние средства правовой защиты были исчерпаны.

¹ См. соображения Комитета по сообщению № 516/1992 (*Симунек и др. против Чешской Республики*), принятые 19 июля 1995 года, и по сообщению № 586/1994 (*Адам против Чешской Республики*), принятые 23 июля 1996 года.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что он является жертвой нарушения статей 2 и 26 Пакта правительством Словакии, поскольку оно одобрило этническую дискриминацию, имевшую место до принятия Пакта, приняв закон, согласно которому компенсация предоставляется тем, чьи земли были экспроприированы по экономико-идеологическим причинам, но не предоставляется тем, у кого они были экспроприированы по этническим мотивам. Адвокат утверждает, что статью 2 Пакта вместе с его преамбулой следует толковать следующим образом: права, утверждаемые Пактом, проистекают из присущего человеческой личности достоинства, а нарушение, совершенное до вступления Пакта в силу, было подкреплено принятием в 1991 году дискриминационного законодательства и решениями словацких судов в 1993 и 1995 годах.

3.2 Автор утверждает, что имело место нарушение статьи 17 в том, что с членами его семьи обращались как с преступниками, их чести и репутации был нанесен серьезный ущерб. В связи с этим автор заявляет, что, пока правительство Словакии не восстановит их в правах и не вернет их собственность, оно будет по-прежнему нарушать положения Пакта.

Замечания государства-участника и комментарии автора по ним

4. 11 августа 1995 года сообщение было передано государству-участнику в соответствии с правилом 91 правил процедуры Комитета. От государства-участника не было получено представления в соответствии с правилом 91, несмотря на напоминание, направленное ему 20 августа 1996 года.

5.1 В своем письме от 10 августа 1995 года адвокат уведомил Комитет, что в отношении имущественной претензии автора внутренние средства правовой защиты были исчерпаны и что 9 февраля 1995 года сессия городского суда отклонила апелляцию автора на решение местного суда Братиславы. В отношении иска автора по дискриминации средств правовой защиты никогда не имелось.

5.2 В последующем письме от 23 июля 1996 года адвокат утверждает, что органы власти Словакии подвергают дискриминации лиц немецкого происхождения.

Соображения по приемлемости

6.1 До рассмотрения любых жалоб, содержащихся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека в соответствии с правилом 87 правил процедуры должен принять решение по вопросу о том, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 Комитет отмечает, что оспариваемый закон вступил в силу на территории Словакии в 1991 году, когда страна все еще была частью Чешской и Словацкой Федеративной Республики, то есть до присоединения Словакии к Пакту и Факультативному протоколу в январе 1993 года. Но принимая во внимание, что Словакия продолжала применять положения закона 1991 года и после января 1993 года, сообщение не является неприемлемым *ratione temporis*.

6.3 Хотя жалоба автора касается имущественных прав, которые как таковые не защищаются Пактом, он утверждает, что закон 1991 года нарушает его права по статьям 2 и 26 Пакта, поскольку он применяется только к лицам, чье имущество было конфисковано после 1948 года, и тем самым исключает компенсацию за имущество, отобранное у этнических немцев по декрету 1945 года, принятому докоммунистическим режимом. Комитет уже имел повод утверждать, что законы, относящиеся к имущественным правам, могут нарушать статьи 2 и 26 Пакта, если они по своей природе дискриминационны. Вследствие этого вопрос, который в данном случае предстоит решить Комитету, заключается в том, входит ли в эту категорию закон 1991 года применительно к истцу.

6.4 В своих соображениях по сообщению 516/1992 (*Симунек против Чешской Республики*) Комитет отметил, что закон 1991 года является нарушением Пакта, поскольку из сферы его применения исключены лица, чья собственность была конфискована после 1948 года лишь потому, что они не являлись гражданами страны или не проживали в ней после падения коммунистического режима в 1989 году. Настоящий случай отличается от соображений по приведенному выше делу, так как автор в данном случае не утверждает о якобы дискриминационном обращении в плане конфискации собственности после 1948 года. Вместо этого он утверждает, что закон 1991 года носит дискриминационный характер, поскольку в соответствии с ним компенсация не предоставляется жертвам конфискаций, проведенных в 1945 году по декретам докоммунистического режима.

6.5 Комитет настойчиво утверждает, что не всякое различие или дифференциация в обращении являются дискриминацией согласно смыслу статей 2 и 26. Комитет считает, что в настоящем случае законодательство, принятое после падения коммунистического режима в Чехословакии для компенсации жертвам этого режима, не является дискриминационным *prima facie* согласно смыслу статьи 26 лишь потому, что, как утверждает автор, оно не предоставляет компенсации жертвам несправедливости, якобы допущенной предшествующими режимами. Автор не обосновал такую претензию в соответствии со статьями 2 и 26.

6.6 Автор утверждает, что Словакия нарушила статью 17 Международного пакта о гражданских и политических правах, не устранив предполагаемое обращение с его семьей как с преступниками со стороны органов власти Словакии. Комитет считает, что автор не обосновал это конкретное утверждение.

7. Исходя из этого, Комитет по правам человека постановляет:

- a) считать настоящее сообщение неприемлемым согласно статье 2 Факультативного протокола;
- b) препроводить настоящее решение государству-участнику, автору и его адвокату.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое мнение членов Комитета

г-жи Сесилии Медины Кироги и г-на Экарта Клайна в соответствии с пунктом 3 правила 94 правил процедуры Комитета в отношении решения Комитета по сообщению № 643/1995, Петер Дробек против Словакии

Автор сообщения утверждает, что государство-участник подвергло его дискриминации, приняв закон 87/1991, согласно которому компенсация предоставляется лицам, чьи земли были конфискованы коммунистическим режимом, и не предоставляется лицам немецкого происхождения, чьи земли были конфискованы по декретам Бенеша.

Комитет объявил это сообщение неприемлемым из-за недостаточного обоснования иска автора. Мы не согласны с этим решением. Автор приводит четкие причины, по которым он считает, что подвергается дискриминации со стороны государства-участника: он так считает не только потому, что закон 87/1991 распространяется лишь на собственность, захваченную при коммунистическом режиме, а не на конфискации по декретам 1945 года, проводившиеся с 1945 по 1948 год докоммунистическим режимом; автор заявляет, что принятие закона 87/1991 отражает поддержку Словакией дискриминации, которой лица немецкого происхождения подвергались сразу после окончания Второй мировой войны. Далее он добавляет, что эта дискриминация со стороны органов власти Словакии продолжается по настоящее время (пункты 3.1 и 5.2). Поскольку статья 26 Пакта должна уважаться всеми органами власти государств-участников, законодательные акты также должны отвечать ее требованиям; соответственно, закон, который является дискриминационным по любому из оснований, приводимых в статье 26, будет нарушением Пакта. Государство-участник не

отреагировало на обвинения автора. Иск по дискриминации, в котором поднимается вопрос по существу дела, - не оспаривавшийся государством-участником на этапе рассмотрения приемлемости - требует рассмотрения по существу. Вследствие этого мы делаем вывод, что данное сообщение следовало объявить приемлемым.

Сообщение No. 645/1995

Представлено: Г-жа Вайхере Бордес и г-н Джон Темехаро [представлены адвокатом]

Предполагаемые жертвы: Авторы

Государство-участник: Франция

Объявлено неприемлемым:* 22 июля 1996 года (пятьдесят седьмая сессия)

Предмет сообщения: Ядерные испытания в южной части Тихого океана как потенциальная угроза для жизни жителей Французской Полинезии

Вопросы процедуры: Статус "жертвы" по смыслу статьи Факультативного протокола - Оговорка к статье 5 (2) а) Факультативного протокола

Вопросы существа: Ядерное оружие и право на жизнь - Вмешательство в частную и семейную жизнь

Статьи Пакта: 6 и 17

Статьи Факультативного протокола и правила процедуры: 1, 2 и 5, пункт 2 (а), и правила 85 и 86

1. Авторами сообщения являются Вайхере Бордес, Ноэль Нарии Тауира и Джон Темехаро, граждане Франции, проживающие в Папэте, Таити, Французская Полинезия. По их словам, все они являются жертвами нарушения Францией статей 6 и 17 Международного пакта о гражданских и политических правах. Авторы представлены адвокатом.

Факты в изложении авторов

2.1 13 июня 1995 года президент Франции Жак Ширак объявил о намерении Франции провести серию подземных ядерных испытаний на атоллах Муруроа и Фангатауфа в южной части Тихого океана. Авторы оспаривают решение президента Ширака, которое, как они утверждают, принято в нарушение международного права. По их словам, эти испытания представляют собой угрозу их праву на жизнь и их праву не подвергаться произвольному вмешательству в их личную и семейную жизнь. После представления сообщения в период с 5 сентября 1995 по начало 1996 года было проведено шесть подземных ядерных испытаний. По сообщению государства-участника, эти испытания станут последними из проведенных Францией, поскольку президент Ширак объявил о намерении Франции присоединиться к Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, который планировалось принять в конце 1996 года.

2.2 Авторы ссылаются на замечания общего порядка Комитета по правам человека относительно права на жизнь, в частности на замечание общего порядка № 14 (23), касающееся ядерного оружия, и добавляют, что многие исследования свидетельствуют об опасности ядерных испытаний для жизни людей в силу непосредственного воздействия радиации на здоровье лиц, проживающих в районе испытаний, что проявляется в увеличении числа заболеваний раком и лейкемией, а также в генетических рисках. Утверждается, что опосредованной угрозой для жизни людей является заражение пищевой цепи.

* В соответствии с правилом 85 правил процедуры член Комитета г-жа Кристин Шане не принимала участия в рассмотрении этого сообщения.

2.3 По мнению авторов, французские власти не приняли достаточных мер для защиты их жизни и обеспечения безопасности. По их словам, власти не сумели доказать, что подземные ядерные испытания не представляют опасности для здоровья жителей южной части Тихого океана и для окружающей среды. Поэтому они ходатайствуют о том, чтобы Комитет, в соответствии с правилом 86 правил процедуры, обратился к Франции с просьбой не проводить любых ядерных испытаний, пока независимая международная комиссия не установит, что эти испытания действительно не представляют угрозы и не сопряжены с нарушением любых из прав, закрепленных в Пакте. На своих пятидесят четвертой и пятидесят пятой сессиях в 1995 году Комитет принимал решения не предоставлять временную защиту в соответствии с правилом 86.

2.4 Что касается требования об исчерпании внутренних средств правовой защиты, то авторы утверждают, что в силу неотложного характера данного дела они не могут ожидать исхода судебных разбирательств во французских судебных инстанциях. Кроме того, утверждается, что внутренние средства правовой защиты на практике неэффективны и не способны обеспечить авторам какую-либо безопасность или правовую защиту.

Представление государства-участника относительно приемлемости и комментарии авторов

3.1 В своем представлении от 22 января 1996 года в соответствии с правилом 91 правил процедуры государство-участник оспаривает приемлемость сообщения на основании ряда соображений.

3.2 Государство-участник утверждает, что, во-первых, авторов нельзя квалифицировать как "жертв" по смыслу статей 1 и 2 Факультативного протокола. В этой связи оно ссылается на аргументы, изложенные в его представлении Европейской комиссии по правам человека по делу (№ 28024/95), которое практически идентично делу, рассматриваемому Комитетом. Государство-участник дает подробное описание геологического строения атолла Муруроа, где проводится большая часть подземных испытаний, и методов проведения испытаний. Как отмечает государство-участник, эти методы рассчитаны на обеспечение максимальной безопасности и минимизацию рисков радиоактивного заражения окружающей среды и атмосферы. Оно отклоняет довод авторов о том, что в результате предыдущих подземных испытаний, проведенных в 70-х годах, и инцидентов, которые, как утверждается, имели место в ходе этих испытаний, в геологической структуре атолла образовались расколы, что увеличивает риск радиоактивных выбросов из подземных скважин, где испытываются ядерные устройства, за счет процесса, получившего название "прорыв" радиоактивных газов.

3.3 Далее государство-участник опровергает довод о том, что в результате испытаний население островов вокруг полигона подвергается повышенному риску радиоактивного облучения. Оно напоминает, что уровень радиоактивности на Муруроа идентичен уровню, регистрируемому на других островах и атоллах в южной части Тихого океана, и является, например, ниже уровня, регистрируемого на территории Франции: так, уровень цезия-137, зарегистрированный во Французской Полинезии в 1994 году, составлял одну треть уровня, зарегистрированного в тот же день во Франции и в северном полушарии, где, как отмечается, все еще регистрируются излучения, связанные с ядерной аварией, происшедшей в Чернобыле (Украина) в 1985 году.

3.4 Подобные же соображения относятся к предполагаемому и ожидаемому загрязнению пищевой цепи вследствие ядерных испытаний. Государство-участник опровергает довод авторов о том, что они подвергаются риску радиоактивного заражения вследствие потребления сельскохозяйственных продуктов, произведенных в районе полигона, и рыбы, пойманной в том же районе. Оно указывает, что, согласно выводам всех серьезных научных исследований о воздействии подземных ядерных испытаний на окружающую среду, любые радиоактивные элементы, достигающие поверхности лагуны на Муруроа или Фангатауфа, впоследствии разбавляются водами океана до таких концентраций, которые совершенно безвредны для морской фауны и флоры и *a fortiori* для людей. Подобным же образом государство-участник отвергает как необоснованное и беспочвенное утверждение авторов о том, что число раковых заболеваний во Французской Полинезии возросло в результате французских ядерных испытаний в этом районе.

3.5 Государство-участник отмечает, что в прошлом оно разрешало нескольким независимым комиссиям проводить исследования в районе испытаний. Такое исследование было, в частности, проведено в 1982 году миссией, возглавляемой известным в международных кругах вулканологом Харуном Тазифом, в 1983 году - миссией экспертов из Новой Зеландии, Австралии и Папуа-Новой Гвинеи, а в 1987 году - исследовательской группой Ж.И. Кусто. Тот факт, что контроль за экологическими последствиями испытаний, производимых французскими властями, осуществляется на серьезной основе и является высококачественным, был, среди прочего, подтвержден лабораторией Лоренса Ливермора (Калифорния) и Международной лабораторией по изучению проблем морской радиоактивности в Монако.

3.6 В свете вышеизложенного государство-участник утверждает, что авторы не представили доказательств того, что они являются "жертвами" по смыслу статьи 1 Факультативного протокола. Оно отмечает, что авторы не в состоянии аргументировать утверждение, согласно которому риск, которому они могли бы подвергнуться в связи с ядерными испытаниями, мог бы непосредственно угрожать их правам, закрепленным в статьях 6 и 17 Пакта. Однако чисто теоретические и гипотетические нарушения недостаточны для того, чтобы эти лица могли быть сочтены "жертвами" по смыслу Факультативного протокола.

3.7 В дополнение к вышеизложенному государство-участник утверждает, что сообщение является неприемлемым по смыслу пункта 2а статьи 5 Факультативного протокола, поскольку двое из авторов, г-жа Бордес и г-н Тауира, являются соавторами жалобы, представленной в Европейскую комиссию по правам человека и зарегистрированной этим органом в августе 1995 года (дело № 28204/95). Государство-участник обосновывает свою оговорку ссылкой на пункт 2а статьи 5, согласно которой Комитет "не рассматривает никаких сообщений от лиц, пока не удостоверится в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования"^а. Поскольку дело, которое рассматривалось Европейской комиссией и было признано неприемлемым 4 декабря 1995 года, фактически касалось утверждений о незаконности французских ядерных испытаний и является, таким образом, "этим же вопросом", можно утверждать, что Комитет некомпетентен рассматривать настоящее дело.

3.8 В дополнение к вышеизложенному государство-участник также заявляет, что данная жалоба является неприемлемой в силу того, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны. Оно ссылается на свои доводы, представленные в этой связи Европейской комиссии по правам человека: так, авторы могли бы представить жалобу в Государственный совет и аргументировать ее тем, что решение президента Ширака о возобновлении ядерных испытаний представляет собой злоупотребление (исполнительной) властью (...recours pour excès de pouvoir). Вопреки утверждениям авторов такое обжалование не могло бы быть априори сочтено бесполезным или неэффективным. Кроме того, государство-участник отмечает, что, поскольку авторы, по сути, ссылаются на потенциальные риски, которые влекут за собой испытания для их здоровья и окружающей среды, им следовало бы запросить компенсацию в компетентных органах, чего они не сделали. Если бы их просьба была отвергнута, они могли бы представить жалобу в административные суды, ссылаясь на объективную ответственность государства (*responsabilité sans faute*).

3.9 И наконец, государство заявляет, что претензия авторов несовместима *ratione materiae* со статьями 6 и 17 Пакта. По мнению государства-участника, статья 6 применяется только в случае реальной и непосредственной угрозы праву на жизнь, имеющей под собой реальную основу; в данном же случае ситуация является несколько иной. Аналогичные соображения относятся и к статье 17, когда запрещенное незаконное вмешательство в частную или семейную жизнь является реальным фактом, а не носит чисто гипотетический характер.

4.1 В своих замечаниях от 8 апреля 1996 года адвокат авторов утверждает, что опасность отрицательного воздействия уже проведенных ядерных испытаний на жизнь, здоровье авторов и окружающую среду, является реальной и серьезной. Она сожалеет, что не было проведено независимое международное расследование с целью выявления последствий запланированных и состоявшихся испытаний. В связи с отсутствием гласности она подвергает критике французские власти, которые, как утверждает, даже не назвали истинного количества подземных ядерных

испытаний, проведенных на Муруроа и Фангатауфа с начала 70-х годов. Далее она указывает, что даже в докладах, на которые ссылается само государство-участник (см. пункт 3.5 выше), есть фрагменты, в которых содержится предупреждение об опасности утечки радиоактивных веществ (цезий-134, йод-131) из подземных скважин, а следовательно, и загрязнения атмосферы; однако государство-участник предпочло ссылаться только на те выводы, которые благоприятны для его позиции.

4.2 Адвокат утверждает, что испытания действительно оказывают отрицательное воздействие на морскую среду в районе полигонов, что влечет за собой последствия для экосистемы региона в целом в результате распространения радиации через пищевую цепочку, особенно рыбу. Она отмечает, что в докладе от июля 1995 года, подготовленном организацией "Врачи без границ", справедливо критикуется отсутствие медицинского контроля за населением Французской Полинезии после проведения ядерных испытаний.

4.3 Утверждается, что в результате проведенных ядерных испытаний существует некоторая вероятность увеличения числа раковых заболеваний среди населения Французской Полинезии. Адвокат допускает, что пока еще трудно определить степень загрязнения экосистемы, морской среды и пищевой цепочки, поскольку раковые заболевания могут проявиться лишь через 10-30 лет; это же касается и генетических пороков развития. Она отмечает, что в некоторых докладах сообщается о появлении после испытаний в лагуне Муруроа значительных количеств йода-131, и высказывает предположение о том, что обнаружение цезия-134 в водах лагуны свидетельствует о негерметичности подземных скважин и вероятности новых, более существенных выбросов радиоактивных веществ в атмосферу. И наконец, возможны негативные последствия отравления рыбы в южной части Тихого океана токсичным веществом, которое содержится в водорослях, растущих на мертвых коралловых рифах, и которое в свою очередь является возбудителем заболевания, получившего название "сигуатера"; не исключено, что между проведением ядерных испытаний в южной части Тихого океана и увеличением числа случаев отравления рыбы и людей существует определенная связь.

4.4 На основании вышеизложенного адвокат утверждает, что авторы могут быть отнесены к категории жертв по смыслу статьи 1 Факультативного протокола. Утверждается, что опасность для здоровья г-на Темехаро и г-жи Бордес является существенной и явно выходит за пределы чисто гипотетических рисков. По мнению адвоката, определить степень ущемления прав авторов в соответствии со статьями 6 и 17 можно лишь при оценке существа их претензий. Для целей установления приемлемости авторы представили достаточные доказательства, обосновав свои обвинения *prima facie*.

4.5 Адвокат отрицает факт неприемлемости сообщения в соответствии с пунктом 2а статьи 5 Факультативного протокола. Она отмечает, что г-жа Бордес отозвала свою жалобу из Европейской комиссии по правам человека письмом от 17 августа 1995 года; г-н Тауира, напротив, отозвал свою жалобу, представленную на рассмотрение Комитета по правам человека, письмом от 18 августа 1995 года. Адвокат далее утверждает, что оговорка Франции со ссылкой на пункт 2а статьи 5 Факультативного протокола в данном случае неприменима; в этой связи она утверждает, что эта ссылка была бы приемлема только в том случае, если "этот же вопрос" стал бы предметом решения по существу дела, принятого другой инстанцией в рамках международного разбирательства или урегулирования. В данном случае Европейская комиссия по правам человека объявила представленное ей дело неприемлемым без обсуждения существа претензий авторов.

4.6 По мнению адвоката, авторы соблюли требование в отношении исчерпания внутренних средств правовой защиты, поскольку имеющиеся в их распоряжении такие средства явно неэффективны. В этой связи она отмечает, что решение президента Ширака о возобновлении ядерных испытаний в южной части Тихого океана не подлежит юридическому контролю: это утверждение подтверждается судебной практикой Государственного совета Франции - самого высокого административного суда. Так, в постановлении, вынесенном 11 июля 1975 года по делу г-на Пари де Боллардьера, Государственный совет уже признал, что создание зоны безопасности вокруг ядерных полигонов в южной части Тихого океана было осуществлено по решениям правительства ("*acte de gouvernement*"), которые нельзя выводить из контекста международных отношений Франции и которые не подлежат

контролю национальных судов. Эти же соображения применимы и в настоящем случае. Адвокат далее отмечает, что французское отделение организации "Гринпис" протестовало против возобновления ядерных испытаний; однако своим постановлением от 29 сентября 1995 года Государственный совет отклонил жалобу на основании "акта правительства"¹.

4.7 Адвокат вновь заявляет, что жалобы авторов совместимы *ratione materiae* со статьями 6 и 17 Пакта. Что касается статьи 6, то она напоминает, что Комитет по правам человека неоднократно утверждал, в том числе в замечании общего порядка № 6 (16), касающемся статьи 6, что право на жизнь не должно истолковываться ограничительно и что государства должны принимать действенные меры по защите этого права. Например, в связи с рассмотрением периодических докладов государств Комитет зачастую изучает политику государств-участников в области мер по сокращению детской смертности или повышению продолжительности жизни, а также политику в области защиты окружающей среды или в области здравоохранения. Адвокат подчеркивает, что сам Комитет в своем замечании общего порядка № 14 (23) от 2 ноября 1984 года указал, что разработка, испытание, развертывание ядерного оружия и обладание им представляет собой одну из самых серьезных угроз праву на жизнь.

4.8 Что касается претензии авторов в соответствии со статьей 17, то адвокат отмечает, что опасность для семейной жизни авторов носит реальный характер: так, пока не приняты меры по предотвращению выбросов в атмосферу и окружающую среду радиоактивных веществ, высвобождаемых в ходе подземных испытаний, существует опасность гибели членов их семей вследствие заболевания раком, лейкемией, сигуатерой или другими болезнями. Утверждается, что это представляет собой незаконное вмешательство в право авторов на семейную жизнь.

Вопросы и процедуры в Комитете

5.1 До рассмотрения любых жалоб, содержащихся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека в соответствии с правилом 87 его правил процедуры должен принять решение по вопросу о том, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

5.2 Комитет отмечает, что г-н Тауира отозвал свое сообщение, представленное на рассмотрение Комитета письмом от 18 августа 1995 года, с тем чтобы получить возможность представить свое дело на рассмотрение Европейской комиссии по правам человека. Поэтому Комитет прекращает рассмотрение его жалобы. Г-жа Бордес, напротив, отозвала свое представление в Европейскую комиссию факсом от 17 августа 1995 года, прежде чем Европейская комиссия по правам человека приняла какое-либо решение. Поэтому, учитывая неидентичность авторов дела, находившегося на рассмотрении Европейской комиссии, и авторов настоящего дела, Комитет освобождается от необходимости рассмотрения вопроса о применимости оговорки Франции по пункту 2а статьи 5 Факультативного протокола к настоящему делу.

5.3 В первоначальном сообщении авторы оспаривают решение президента Ширака о возобновлении ядерных подземных испытаний на Муруроа и Фангатауфа в качестве нарушения их прав в соответствии со статьями 6 и 17 Пакта. В последующих письмах они иначе излагают свою претензию, утверждая, что фактическое проведение испытаний увеличило опасность для их жизни и для их семей.

¹ *Association Greenpeace, France, judgement of 29 September 1995.*

5.4 Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что авторов нельзя отнести к категории "жертв" по смыслу статьи 1 Факультативного протокола. Он напоминает, что в том случае, если то или иное лицо утверждает, что оно является жертвой нарушения какого-либо права, закрепленного в Пакте, оно должно доказать, что действие или бездействие государства-участника уже отрицательно сказалось на осуществлении им такого права либо что такое действие или бездействие таит в себе такую угрозу².

5.5 Поэтому вопрос в данном случае состоит в том, действительно ли объявление и последующее проведение Францией подземных ядерных испытаний на Муруроа и Фангатауфа привели к нарушению права г-жи Бордес и г-на Темехаро на жизнь и право на семейную жизнь или представляли непосредственную угрозу осуществлению ими таких прав. Комитет отмечает, что, исходя из информации, представленной сторонами, авторы не обосновали свою претензию относительно того, что проведение ядерных испытаний в период с сентября 1995 года по начало 1996 года действительно дает им возможность с полным основанием утверждать, что они являются жертвами, чье право на жизнь было нарушено или подвергалось реальной угрозе нарушения в тот период.

5.6 И наконец, что касается утверждения авторов о том, что ядерные испытания приведут, в частности, к дальнейшему разрушению геологической структуры атоллов и растрескиванию верхних известняковых пород, что может вызвать катастрофу глобального масштаба, то Комитет отмечает, что это утверждение представляется весьма спорным даже в соответствующих научных кругах; так или иначе, Комитет не имеет возможности установить его обоснованность.

5.7 На основании вышеизложенных соображений и после тщательного изучения представленных аргументов и материалов Комитет пришел к выводу о том, что авторы не могут быть отнесены к категории жертв по смыслу статьи 1 Факультативного протокола.

5.8 В свете вышеизложенного Комитет не считает необходимым рассматривать другие соображения неприемлемости, которые были выдвинуты государством-участником.

5.9 Хотя авторы не доказали, что они являются "жертвами" по смыслу статьи 1 Факультативного протокола, Комитет хотел бы вновь подтвердить свой вывод, сделанный в своем замечании общего порядка № 14 (23), принятом 2 ноября 1984 года, о том, что "разработка, испытание, производство и развертывание ядерного оружия представляют собой одну из наиболее серьезных угроз праву на жизнь, нависших в настоящее время над человечеством"³.

6. Исходя из этого, Комитет по правам человека постановляет:

а) считать настоящее сообщение неприемлемым в соответствии со статьей 1 Факультативного протокола;

б) препроводить настоящее решение государству-участнику, авторам и их адвокату.

² См., например решение по сообщению № 429/1990 Э.В. и др. против Нидерландов, принятое 8 апреля 1993 года.

³ Замечание общего порядка 14 [23], принятое 2 ноября 1984 года.

Сообщение No. 669/1995

Представлено: Герхард Малик [представлен адвокатом]

Предполагаемая жертва: Автор

Государство-участник: Чешская Республика

Объявлено неприемлемым: 21 октября 1998 года (шестьдесят четвертая сессия)

Предмет сообщения: Дискриминационное действие указов об экспроприации, принятых в 1945 году, применительно к бывшим жителям бывшей Чехословакии

Вопросы процедуры: Недостаточное обоснование жалобы - Неисчерпание внутренних средств правовой защиты

Вопросы существа: Равенство перед судами - Принцип недискриминации – Осуществление прав меньшинств

Статьи Пакта: 12 (4), 14, 26 и 27

Статьи Факультативного протокола и правила процедуры: 2 и 5, пункт 2 (b)

1. Автор сообщения является Герхард Малик, гражданин Германии, проживающий в Доссенхайме, Германия. Г-н Малик утверждает, что является жертвой нарушений Чешской Республикой статей 12, 14, 26 и 27 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его представляет юридическая фирма "Леевог и Гронес", Майен, Германия. Пакт вступил в силу для Чехословакии 23 марта 1976 года, а Факультативный протокол - 12 июня 1991 года.

Факты в изложении автора

2.1 Г-н Малик, по рождению гражданин Чехословакии, родился 3 июля 1932 года в Шенбрунне на Одере, в районе, известном тогда под названием Восточные Судеты. Эта территория была частью Австрийской империи до ноября 1918 года, когда она стала частью нового государства Чехословакии. В октябре 1938 года эта территория на основании Мюнхенского соглашения стала частью Германии, а в конце второй мировой войны, в мае 1945 года, была возвращена Чехословакии. С 1 января 1993 года она является частью Чешской Республики.

2.2 Автор заявляет, что в 1945 году он сам, его родители и их родители были лишены чехословацкого гражданства на основании декрета Бенеша № 33 от 2 августа 1945 года "Об определении чехословацкого гражданства лиц, принадлежащих к немецкой и венгерской этническим группам".

2.3 Г-н Малик и его семья были подвергнуты коллективной высылке вместе с другими лицами, принадлежавшими к немецкой этнической группе в Шенбрунне, которые были высланы в оккупационную зону Соединенных Штатов в Германии 21 июля 1946 года. По утверждению автора, он и его семья не имели никакой реальной или юридической возможности выступить против этой меры. Их собственность была конфискована на основании декрета Бенеша № 108/1945 от 25 октября 1945 года. Автор представил текст декрета и копию соответствующей страницы из регистрационной книги в Нови Йичин (Шенбрунн), из которой явствует, что собственность его семьи была конфискована в соответствии с декретом № 108/1945.

Жалоба

3.1 Автор жалуется на продолжающееся нарушение его права на въезд в свою собственную страну, права на равенство перед судом, права на недискриминацию и пользование правами меньшинств. Продолжающееся нарушение было, как утверждает, подтверждено решением Конституционного суда Чешской Республики от 8 марта 1995 года, которое подтверждает, что декреты Бенеша сохраняют юридическую силу. Юридическая сила декретов Бенеша неоднократно подтверждалась чешскими властями, в том числе премьер-министром Чехии Вацлавом Клаусом 23 августа 1995 года.

3.2 Г-н Малик утверждает, что на протяжении последних десятилетий он был лишен права, провозглашенного в пункте 4 статьи 12 Пакта, на возвращение на свою родину, где родились его родители и их родители и где похоронены его предки. Кроме того, он был лишен права пользоваться своими культурными правами в сообществе с другими представителями немецкой этнической группы, молиться в церквах своих предков и жить на земле, где он родился и вырос.

3.3 Г-н Малик, в частности, жалуется на лишение его равноправия перед судом в нарушение статьи 14 и на дискриминацию в нарушение статьи 26. Он указывает, что насильственное лишение гражданства в 1945 году, конфискация и высылка носили коллективный характер и основывались не столько на поведении, сколько на статусе. Были высланы все члены немецкого меньшинства, включая социал-демократов и других антифашистов, а их собственность была конфискована только потому, что они были немцами. В этой связи он ссылается на политику этнических чисток в бывшей Югославии, политику, которая, как сейчас признано, является нарушением международного права. Он также ссылается на депортацию немецких евреев и конфискацию нацистами их имущества, носивших произвольный и дискриминационный характер. Он указывает, что, хотя нацистские законы были отменены, а за осуществленные нацистами конфискации была проведена реституция или дана компенсация, ни Чехословакия, ни Чешская Республика не предложили реституцию или компенсацию ставшему жертвой депортации, конфискаций и изгнания немецкому меньшинству.

3.4 Г-н Малик отмечает, что в соответствии с законом № 87/1991 чешские граждане, проживающие на территории Чешской Республики, могут получить реституцию или компенсацию за имущество, которое было конфисковано правительством Чехословакии в период с 1948 до 1989 год. Г-н Малик и его семья не имеют права на компенсацию по этому закону, потому что их имущество было конфисковано в 1945 году и потому что они потеряли чешское гражданство по декрету Бенеша № 33, а свое местожительство - в результате изгнания. Кроме того, он подчеркивает, что, хотя существует закон о реституции и компенсации для чехов, не было принято ни одного закона, допускающего любую форму реституции или компенсации для немецкого меньшинства. Он утверждает, что это составляет нарушение статьи 26 Пакта.

3.5 Что касается применимости Пакта к его делу, то г-н Малик указывает, что, хотя декреты Бенеша относятся к 1945 и 1946 годам, их действие продолжается, что само по себе является нарушением Пакта. Кроме того, эти декреты были подтверждены решением чешского Конституционного суда от 8 марта 1995 года. Действие дискриминационного закона о реституции 1991 года также приходится на период, когда Чешская Республика подпадает под действие Пакта и Факультативного протокола.

3.6 Что касается положения о необходимости исчерпать все внутренние средства правовой защиты, то автор заявляет, что чешское законодательство не только не дает лицам в его положении возможности обратиться в суд, но что до тех пор, пока сохраняют юридическую силу и считаются конституционными дискриминационные декреты Бенеша, попытки обжаловать их также бесполезны. В этой связи автор ссылается на недавний иск, направленный против декретов Бенеша, поданный в Верховный конституционный суд Чешской Республики этническим немцем - жителем Чешской Республики. 8 марта 1995 года суд признал, что декреты Бенеша сохраняют юридическую силу и являются конституционными. Поэтому в Чешской Республике нет никаких доступных и эффективных средств правовой защиты.

Замечания государства-участника о приемлемости

4.1 В своем представлении от 15 февраля 1996 года государство-участник отмечает, что автор - германский гражданин, проживающий в Германии. Во время подачи сообщения он не являлся ни гражданином, ни жителем Чешской Республики и, таким образом, не имел необходимого в таком случае по закону правового статуса на территории Чешской Республики.

4.2 Государство-участник напоминает, что декрет № 33 от 2 августа 1945 года, в силу которого автор был лишен гражданства Чехословакии, содержит положения, позволяющие восстановить чехословацкое гражданство. Ходатайства о восстановлении гражданства следовало подать соответствующим властям в течение шести месяцев после издания декрета. Поскольку автор и его семья не воспользовались этой возможностью для восстановления своего гражданства, государство-участник заявляет, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны.

4.3 Государство-участник оспаривает довод автора о том, что он и его семья не имели реальной возможности выступить против их высылки из Чехословакии. Государство-участник утверждает, что они были выселены, так как не исчерпали внутренние средства правовой защиты против лишения их гражданства. Что касается принципа *ignorantia legis neminem excusat*, то государство-участник утверждает, что юридический статус автора и его семьи изменился из-за этого упущения с их стороны и что возможные возражения в том смысле, что они не были информированы о соответствующем законодательстве в этой области, к делу не относятся.

4.4 В отношении конфискации имущества семьи автора и вытекающего из этого, по его утверждению, нарушения его прав, предусмотренных Пактом, государство-участник указывает, что Пакт имеет для него обязательную силу только с 1976 года, и утверждает, что в силу этого обстоятельства положения Пакта неприменимы к событиям, имевшим место в 1945-1946 годах. Относительно довода автора о том, что решение Конституционного суда от 8 марта 1995 года является подтверждением нарушений, допущенных в прошлом, и делает любое обращение в суд бесполезным, государство-участник отмечает, что в соответствии с упомянутым решением декрет № 108/1945 больше не имеет силы как конституционный акт и что, таким образом, совместимость декрета с высшими законами (например, Конституцией и Пактом) может быть оспорена в суде. В этом контексте государство-участник указывает, что Конституционный закон № 2/1993 года (Хартия основных прав и свобод) содержит запрет на любую форму дискриминации. Поэтому государство-участник оспаривает заявление автора о том, что исчерпание внутренних средств правовой защиты было бы бесполезным. По мнению государства-участника, это заявление автора свидетельствует о незнании чешских законов и является неточным.

4.5 Государство-участник утверждает, что международные договоры, касающиеся прав человека и основных свобод и имеющие обязательную силу для Чешской Республики, имеют прямое действие и приоритетный характер по отношению к законам страны. Государство-участник поясняет, что Конституционный суд Чешской Республики имеет право аннулировать законы или постановления, если установит, что они не соответствуют Конституции. Любое лицо, утверждающее, что его права были нарушены решением того или иного государственного органа, может подать ходатайство о пересмотре законности подобного решения.

4.6 Что касается заявления автора о том, что его права до сих пор нарушаются по действующему чешскому законодательству, то государство-участник утверждает, что, учитывая существующую в чешской правовой системе возможность прямо ссылаться на Пакт, автор мог бы подать иск в чешский суд. Кроме того, государство-участник отрицает, что права автора когда-либо нарушались, и, следовательно, предполагаемые нарушения не могут продолжаться в настоящее время.

4.7 В заключение государство-участник просит Комитет объявить это сообщение неприемлемым на том основании, что автор не исчерпал внутренние средства правовой защиты, а также на том основании, что предполагаемые нарушения, произошли до вступления в силу Пакта и Факультативного протокола к нему.

5.1 В своих комментариях по замечаниям государства-участника адвокат напоминает, что не вина автора в том, что он не является больше чешским гражданином и не живет в Чешской Республике, так как он был лишен гражданства и выслан государством-участником.

5.2 Адвокат заявляет, что подобным же образом государство-участник не может утверждать, что автор или его семья могли бы восстановить свое гражданство, подав заявление. Адвокат напоминает, что в то время автор и его семья находились под угрозой немедленной высылки государством-участником, которое к тому же конфисковало все их имущество, в результате чего они были лишены всех средств. Вследствие этого средства правовой защиты, существовавшие в 1945 году, в действительности не были доступны автору и его семье, так же как и большинству других немцев. Адвокат отмечает, что если государство-участник утверждает, что лица, находящиеся в положении автора, могли бы воспользоваться эффективными внутренними средствами правовой защиты, то ему следовало бы привести в качестве примера тех, кто сумел ими успешно воспользоваться.

5.3 Автор указывает, что во время изгнания его семьи с ними обращались как с людьми, поставленными вне закона. Тысячи немцев содержались в лагерях. По мнению автора, было не только бесполезно жаловаться чешским властям, но во многих случаях, если люди жаловались, они подвергались физическому насилию.

5.4 Автор признает, что Пакт вступил в силу для Чехословакии только в 1976 году. Однако он утверждает, что законы о реституции 1991 года являются дискриминационными, потому что они исключают реституцию для немецкого меньшинства. Кроме того, он заявляет, что решение Конституционного суда от 8 марта 1995 года, подтверждающее сохранение юридической силы декретов Бенеша, является подтверждением прошлых нарушений и, таким образом, его сообщение подпадает под действие Пакта и Факультативного протокола. Адвокат ссылается на соображения Комитета по делу № 516/1992 (*Шимунек против Чешской Республики*), в которых Комитет высказал мнение, что конфискации, имевшие место до вступления в силу Пакта и Факультативного протокола, могут, однако, быть предметом сообщения для подачи в Комитет, если последствия конфискаций продолжаются или если законодательство о предоставлении возмещения жертвам конфискаций является дискриминационным.

5.5 Что касается утверждения Конституционного суда о том, что декрет № 108/1945 больше не имеет обязательной силы, то автор заявляет, что оно составляет лишь констатацию факта, поскольку конфискации завершены и немцы не имели возможности оспорить их. В отношении заявления государства-участника о том, что Конституционный суд имеет право аннулировать законы или их положения, если таковые противоречат Конституции или тому или иному международному соглашению о правах человека, адвокат утверждает, что Конституционному суду была направлена просьба аннулировать декреты Бенеша как дискриминационные, но вместо этого он подтвердил их конституционность решением от 8 марта 1995 года. После этого решения автору не доступно никакое эффективное средство правовой защиты, поскольку было бы бесполезно снова оспаривать законность упомянутых декретов.

5.6 В связи с утверждением государства-участника о том, что в настоящее время автору доступны внутренние средства правовой защиты, адвокат просит государство-участника точно указать, какая процедура в таких обстоятельствах, в каких находится дело автора, была бы для него доступна, и привести примеры успешного использования этой процедуры другими. В этой связи адвокат ссылается на практику Комитета, согласно которой недостаточно, чтобы государство-участник лишь перечислило соответствующие законы, оно призвано объяснить, как автор может воспользоваться законодательством в своей конкретной ситуации.

5.7 Наконец, адвокат утверждает, что если Пакт действительно имеет приоритет перед внутренним правом Чешской Республики, то государство-участник обязано принять коррективные меры в отношении дискриминации, которой в 1945 году подверглись автор и его семья, а также устранить все другие вытекающие из нее последствия. По мнению адвоката, нет признаков того, что

государство-участник собирается поступить таким образом. Напротив, утверждает адвокат, недавние заявления высокопоставленных должностных лиц правительства государства-участника, объявляющие о приватизации ранее конфискованного имущества немцев, свидетельствуют о том, что государство-участник не готово каким-либо образом возместить ущерб автору или любому другому лицу, находящемуся в аналогичной ситуации.

Вопросы и процедуры в Комитете

6.1 Прежде чем рассмотреть жалобы, содержащиеся в сообщении, Комитет по правам человека должен, в соответствии со статьей 87 своих правил процедуры, принять решение о том, является ли сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

6.2 В отношении утверждения автора в связи с пунктом 4 статьи 12 Пакта Комитет отмечает, что лишение его гражданства и его высылка в 1946 году основывались на декрете Бенеша № 33. Хотя Конституционный суд Чешской Республики объявил декрет Бенеша № 108, разрешающий конфискацию имущества, принадлежавшего этническим немцам, конституционным, этот Суд никогда не имел повода рассмотреть вопрос о конституционности декрета № 33. Комитет также отмечает, что после решения Суда от 8 марта 1995 года декреты Бенеша утратили свой конституционный статус. Совместимость декрета № 33 с законами более высокого уровня, включая Пакт, который вошел в качестве составной части в чешское национальное законодательство, может, таким образом, быть оспорена в судах Чешской Республики. Комитет полагает, что согласно пункту 2 b) статьи 5 Факультативного протокола автор должен подать свой иск сначала в национальные суды, прежде чем Комитет сможет рассмотреть его сообщение. Данная претензия, таким образом, неприемлема ввиду того, что не были исчерпаны внутренние средства правовой защиты.

6.3 Аналогичным образом Комитет полагает, что автор не обосновал, в целях приемлемости, свое требование по статье 27 Пакта. Эта часть сообщения, таким образом, неприемлема согласно статье 2 Факультативного протокола.

6.4 Автор далее утверждает, что нарушены статьи 14 и 26, потому что, хотя был принят закон о предоставлении чешским гражданам компенсации за имущество, конфискованное в период с 1948 по 1989 год, не было принято никакого закона о компенсации этническим немцам за имущество, конфискованное в 1945 и 1946 годах по декретам Бенеша.

6.5 Комитет последовательно придерживается того мнения, что не каждое различие или разграничение в обращении означает дискриминацию по смыслу статей 2 и 26. Комитет полагает, что в данном случае законодательство, принятое после падения коммунистического режима в Чехословакии, о компенсации жертвам этого режима не представляется *prima facie* дискриминационным по смыслу статьи 26 лишь по той причине, что, как заявляет автор, не предоставляет компенсацию жертвам несправедливости, совершенной в период до установления коммунистического режима¹. Комитет считает, что автор не обосновал, в целях приемлемости, свое утверждение о том, что он является в этом плане жертвой нарушения статей 14 и 26. Эта часть сообщения, таким образом, неприемлема согласно статье 2 Факультативного протокола.

¹ См. решение Комитета, объявляющее неприемлемым сообщение № 643/1995 (*Дробек против Словакии*), принятое 14 июля 1997 года.

7. Соответственно Комитет по правам человека принимает решение:
- а) сообщение является неприемлемым;
 - б) данное решение довести до сведения государства-участника и автора.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое мнение Сесилии Медины Кирога и Экарта Кляйна в соответствии с пунктом 3 правила 94 правил процедуры Комитета в отношении решения Комитета по сообщению № 669/1995, Герхард Малик против Чешской Республики

К сожалению, мы не можем согласиться с решением Комитета о том, что сообщение неприемлемо и в той части, где автор утверждает, что он является жертвой нарушения статьи 26 Пакта, потому что применение к нему Закона № 87/1991 носило бы преднамеренно дискриминационный характер по этническому признаку (см. пункт 3.4). По причинам, изложенным в нашем особом мнении по сообщению № 643/1995 года (*Дробек против Словакии*), мы считаем, что Комитет должен был признать сообщение приемлемым в этой части.

Сообщение No. 670/1995

Представлено: г-н Рюдигер Шлоссер [представлен адвокатом]

Предполагаемая жертва: Автор

Государство-участник: Чешская Республика

Объявлено неприемлемым: 21 октября 1998 года (шестьдесят четвертая сессия)

Предмет сообщения: Дискриминационное действие указов об экспроприации, принятых в 1945 году, применительно к бывшим жителям бывшей Чехословакии

Вопросы процедуры: Недостаточное обоснование жалобы - Неисчерпание внутренних средств правовой защиты

Вопросы существа: Равенство перед судами - Принцип недискриминации

Статьи Пакта: 12 (4), 14, 26 и 27

Статьи Факультативного протокола: 2 и 5 (2) (b)

1. Автор сообщения - Рюдигер Шлоссер, гражданин Германии, проживающий в Третове, Германия (земля Бранденбург, бывшая Германская Демократическая Республика). Г-н Шлоссер утверждает, что является жертвой нарушения Чешской Республикой статей 12, 14, 26 и 27 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его представляет юридическая фирма "Леевог и Гронес", Майен, Германия. Пакт вступил в силу для Чехословакии 23 марта 1976 года, Факультативный протокол - 12 июня 1991 года.

Факты в изложении автора

2.1 Г-н Шлоссер, по рождению гражданин Чехословакии, родился 7 июня 1932 года в Ауссиге (сегодня Усти-над-Лабем), в районе, известном тогда под названием Судеты. Эта территория была частью Австрийской империи до ноября 1918 года, когда она стала частью нового государства - Чехословакии. В октябре 1938 года эта территория стала частью Германии на основании Мюнхенского соглашения, а в конце второй мировой войны в мае 1945 года она была возвращена Чехословакии. С 1 января 1993 года она является частью Чешской республики.

2.2 Автор заявляет, что в 1945 году он, как и его родители, был лишен чехословацкого гражданства в соответствии с декретом Бенеша № 33 от 2 августа 1945 года "Об определении чехословацкого гражданства лиц, принадлежащих к немецкой и венгерской этническим группам".

2.3 Г-н Шлоссер и его семья были подвергнуты коллективной высылке вместе с другими лицами, принадлежавшими к немецкой этнической группе в Ауссиге, которые были высланы в Саксонию, в тогдашней советской оккупационной зоне в Германии, 20 июля 1945 года. Он утверждает, что это изгнание явилось нарушением международного права, так как основывалось на этнической и языковой дискриминации. Отец г-на Шлоссера Франц, умерший в 1967 году, был антифашистом и членом Социал-демократической партии. Он был предпринимателем в области строительства и имел два дома и другую недвижимость, которые были конфискованы на основании декретов Бенеша № 12/1945 от 21 июня 1945 года и № 108/1945 от 25 октября 1945 года. Автор представил тексты декретов и копии соответствующих страниц из регистрационной книги Хабаровице, Усти-над-Лабем, из которых явствует, что это имущество было конфисковано в соответствии с декретами Бенеша.

Жалоба

3.1 Автор жалуется на продолжающееся нарушение его права на въезд в свою собственную страну, права на равенство перед судом, права на недискриминацию и пользование правами меньшинств. Это продолжающееся нарушение было, как утверждает, подтверждено решением Конституционного суда Чешской Республики от 8 марта 1995 года, которое подтверждает декреты Бенеша, которые были применены в отношении автора и его семьи и сохраняют юридическую силу. Юридическая сила декретов Бенеша была неоднократно подтверждена чешскими властями, в том числе премьер-министром Чехии Вацлавом Клаусом 23 августа 1995 года.

3.2 Г-н Шлоссер утверждает, что на протяжении последних десятилетий он был лишен права, провозглашенного в пункте 4 статьи 12 Пакта, на возвращение на свою родину и на поселение там, где родились его родители и их родители и где похоронены его предки. Кроме того, он был лишен права пользоваться своими культурными правами в сообществе с другими представителями немецкой этнической группы, молиться в церквах своих предков и жить на земле, где он родился и вырос. В этой связи он также ссылается на право на возвращение, провозглашенное Советом Безопасности Организации Объединенных Наций в отношении депортированных лиц и беженцев из Боснии, Хорватии и Сербии (резолюции Совета Безопасности № 941/1994, 947/1994, 981/1995 и 1009/1995).

3.3 В отношении соблюдения его прав как представителя этнического меньшинства на своей родине г-н Шлоссер указывает, что ни одному государству не позволено препятствовать реализации прав своих граждан, лишая их гражданства и высылая их.

3.4 Г-н Шлоссер, в частности, жалуется на нарушение принципа равенства перед судом в нарушение статьи 14 и на дискриминацию в нарушение статьи 26. Он указывает, что насильственное лишение гражданства в 1945 году, конфискация имущества и высылка носили коллективный характер и основывались не столько на поведении, сколько на статусе. Были высланы все члены немецкого меньшинства, включая социал-демократов и других антифашистов, а их собственность была конфискована только потому, что они были немцами; ни одному из них не была предоставлена возможность определить свои права через суд. В этой связи он ссылается на политику этнических чисток в бывшей Югославии, политику, которая, как сейчас признано, является нарушением

международного права. Он также ссылается на депортацию немецких евреев и конфискацию нацистами их имущества, носивших произвольный и дискриминационный характер. Он указывает, что, хотя нацистские законы были отменены, а за осуществленные нацистами конфискации была проведена реституция или дана компенсация, ни Чехословакия, ни Чешская Республика не предложила реституцию или компенсацию ставшему жертвой депортации, конфискаций и изгнания немецкому меньшинству.

3.5 Г-н Шлоссер отмечает, что в соответствии с законом № 87/1991 чешские граждане, проживающие на территории Чешской Республики, могут получить реституцию или компенсацию за имущество, которое было конфисковано правительством Чехословакии в период с 1948 по 1989 год. Г-н Шлоссер и его семья не имеют права на компенсацию по этому закону, потому что их имущество было конфисковано в 1945 году и потому что они потеряли чешское гражданство по декрету Бенеша № 33, а свое местожительство - в результате изгнания. Кроме того, он подчеркивает, что, хотя существует закон о реституции и компенсации для чехов, не было принято ни одного закона, допускающего любую форму реституции или компенсации для немецкого меньшинства. Он утверждает, что это составляет нарушение статьи 26 Пакта.

3.6 Что касается применимости Пакта к его делу, то г-н Шлоссер указывает, что хотя декреты Бенеша относятся к 1945 и 1946 годам, их действие продолжается, что само по себе является нарушением Пакта. В частности, продолжают действовать последствия лишения чешского гражданства, и это не позволяет ему, а также членам его семьи посещать Чешскую Республику, иначе как в качестве туристов. Нынешнее чешское законодательство не предусматривает права бывших чешских граждан немецкого происхождения на возвращение и поселение в стране. Кроме того, декреты Бенеша были подтверждены решением чешского Конституционного суда от 8 марта 1995 года. Действие дискриминационного закона о реституции 1991 года приходится на период, когда Чешская Республика подпадает под действие Пакта и Факультативного протокола.

3.7 Что касается положения о необходимости исчерпать все внутренние средства правовой защиты, то автор заявляет, что чешское законодательство не только не дает лицам в его положении возможности обратиться в суд, но и что до тех пор, пока сохраняют силу и считаются конституционными дискриминационные декреты Бенеша, попытки обжаловать их также бесполезны. В этой связи автор ссылается на недавний иск, направленный против декретов Бенеша, поданный в Верховный конституционный суд Чешской Республики этническим немцем - жителем Чешской Республики. 8 марта 1995 года Суд признал, что декреты Бенеша сохраняют юридическую силу и являются конституционными. Поэтому в Чешской Республике нет никаких доступных и эффективных средств правовой защиты.

Замечания государства-участника о приемлемости

4.1 В своем представлении от 15 февраля 1996 года государство-участник отмечает, что автор - германский гражданин, проживающий в Германии. Во время подачи сообщения он не являлся ни гражданином, ни жителем Чешской Республики и, таким образом, не имел необходимого в таком случае по закону правового статуса на территории Чешской Республики.

4.2 Государство-участник напоминает, что декрет № 33 от 2 августа 1945 года, в силу которого автор был лишен гражданства Чехословакии, содержит положения, позволяющие восстановить чехословацкое гражданство. Ходатайство о восстановлении гражданства следовало подать соответствующим властям в течение шести месяцев после издания декрета. Поскольку автор и его семья не воспользовались этой возможностью для восстановления своего гражданства, государство-участник заявляет, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны.

4.3 Государство-участник оспаривает довод автора о том, что он и его семья не имели реальной возможности выступить против их высылки из Чехословакии. Государство-участник утверждает, что автор и его семья оставили страну не по принуждению, а по собственному выбору. Так как в то время, когда они покидали страну, они еще были чехословацкими гражданами, они могли бы использовать средства правовой защиты, доступные всем гражданам. Они также не исчерпали

внутренние средства правовой защиты против лишения их гражданства. Что касается принципа *ignorantia legis neminem excusat*, то государство-участник утверждает, что юридический статус автора и его семьи изменился из-за этого упущения с их стороны и что возможные возражения в том смысле, что они не были информированы о соответствующем законодательстве в этой области, к делу не относятся.

4.4 В отношении конфискации имущества семьи автора и вытекающего из этого, по его утверждению, нарушения его прав, предусмотренных Пактом, государство-участник указывает, что Пакт имеет для него обязательную силу только с 1976 года, и утверждает, что в силу этого обстоятельства положения Пакта неприменимы к событиям, имевшим место в 1945-1946 годах. Относительно заявления автора о том, что решение Конституционного суда от 8 марта 1995 года является подтверждением нарушений, допущенных в прошлом, и делает любое обращение в суд бесполезным, государство-участник отмечает, что в соответствии с упомянутым решением декрет № 108/1945 больше не имеет силы как конституционный акт и что, таким образом, совместимость декрета с высшими законами (например, Конституцией и Пактом) может быть оспорена в суде. В этом контексте государство-участник указывает, что Конституционный закон № 2/1993 года (Хартия основных прав и свобод) содержит запрет на любую форму дискриминации. Поэтому государство-участник оспаривает заявление автора о том, что исчерпание внутренних средств правовой защиты было бы бесполезным. По мнению государства-участника, это заявление автора свидетельствует о незнании чешских законов и является неточным.

4.5 Государство-участник утверждает, что международные договоры, касающиеся прав человека и основных свобод и имеющие обязательную силу для Чешской Республики, имеют прямое действие и приоритетный характер по отношению к законам страны. Государство-участник поясняет, что Конституционный суд Чешской Республики имеет право аннулировать законы или постановления, если установит, что они не соответствуют Конституции. Любое лицо, утверждающее, что его права были нарушены решением того или иного государственного органа, может подать ходатайство о пересмотре законности подобного решения.

4.6 Что касается заявления автора о том, что его права до сих пор нарушаются по действующему чешскому законодательству, то государство-участник утверждает, что ввиду наличия в чешской правовой системе возможности прямо ссылаться на Пакт, автор мог бы подать иск в чешский суд. Кроме того, государство-участник отрицает, что права автора когда-либо нарушались, и, следовательно, предполагаемые нарушения не могут продолжаться в настоящее время.

4.7 В заключение государство-участник просит Комитет объявить это сообщение неприемлемым на том основании, что автор не исчерпал внутренние средства правовой защиты, а также на том основании, что предполагаемые нарушения произошли до вступления в силу Пакта и Факультативного протокола к нему.

Комментарии автора

5.1 В своих комментариях по замечаниям государства-участника адвокат напоминает, что автор не повинен в том, что он не является больше чешским гражданином и не живет в Чешской Республике, так как он был лишен гражданства и выслан государством-участником.

5.2 Адвокат заявляет, что подобным же образом государство-участник не может утверждать, что автор или его семья могли бы восстановить свое гражданство, подав заявление. Адвокат напоминает, что в то время автор и его семья, несмотря на то что они являлись членами Социал-демократической партии и антифашистами, уже были высланы государством-участником (июль 1945 года), которое также конфисковало все их имущество, в результате чего они были лишены всех средств. Вследствие этого средства правовой защиты, существовавшие в 1945 году, в действительности не были доступны автору и его семье, так же как и большинству других немцев. Адвокат отмечает, что если государство-участник утверждает, что лица, находящиеся в положении автора, могли пользоваться эффективными внутренними средствами правовой защиты, то ему следовало бы привести в качестве примера тех, кто сумел ими успешно воспользоваться.

5.3 Автор указывает, что во время изгнания его семьи с ними обращались как с людьми, поставленными вне закона. Тысячи немцев содержались в лагерях. По мнению автора, было не только бесполезно жаловаться чешским властям, но во многих случаях, если люди жаловались, они подвергались физическому насилию.

5.4 Автор признает, что Пакт вступил в силу для Чехословакии только в 1976 году. Однако он утверждает, что законы о реституции 1991 года являются дискриминационными, потому что они исключают реституцию для немецкого меньшинства. Кроме того, он заявляет, что решение Конституционного суда от 8 марта 1995 года, подтверждающее сохранение юридической силы декретов Бенеша, является подтверждением прошлых нарушений и, таким образом, его сообщение подпадает под действие Пакта и Факультативного протокола. Адвокат ссылается на соображения Комитета по делу № 516/1992 (*Шимунек против Чешской Республики*), в которых Комитет высказал мнение, что конфискации, имевшие место до вступления в силу Пакта и Факультативного протокола, могут, однако, быть предметом сообщения для подачи в Комитет, если последствия конфискаций продолжаются или если законодательство о предоставлении возмещения жертвам конфискаций является дискриминационным.

5.5 Что касается утверждения Конституционного суда о том, что декрет № 108/1945 больше не имеет обязательной силы, то автор заявляет, что оно представляет лишь констатацию факта, поскольку конфискации завершены и немцы не имели возможности оспорить их. В отношении заявления государства-участника о том, что Конституционный суд имеет право аннулировать законы или их положения, если они противоречат Конституции или тому или иному международному соглашению о правах человека, адвокат утверждает, что Конституционному суду была направлена просьба аннулировать декреты Бенеша как дискриминационные, но вместо этого он подтвердил их конституционность решением от 8 марта 1995 года. После этого решения автору не доступно никакое эффективное средство правовой защиты, поскольку было бы бесполезно снова оспаривать законность упомянутых декретов.

5.6 В связи с утверждением государства-участника о том, что в настоящее время автору доступны внутренние средства правовой защиты, адвокат просит государство-участника точно указать, какая процедура в таких обстоятельствах, в каких находится дело автора, была бы для него доступна, и привести примеры успешного использования этой процедуры другими. В этой связи адвокат ссылается на практику Комитета, согласно которой недостаточно, чтобы государство-участник лишь перечислило соответствующие законы, - оно призвано объяснить, как автор может воспользоваться законодательством в своей конкретной ситуации.

5.7 Наконец, адвокат утверждает, что если Пакт действительно имеет приоритет перед внутренним правом Чешской Республики, то государство-участник обязано принять коррективные меры в отношении дискриминации, которой в 1945 году подверглись автор и его семья, а также устранить все другие вытекающие из нее последствия. По мнению адвоката, нет признаков того, что государство-участник собирается поступить таким образом. Напротив, утверждает адвокат, недавние заявления высокопоставленных должностных лиц правительства государства-участника, объявляющие о приватизации ранее конфискованного немецкого имущества, свидетельствуют о том, что государство-участник не готово каким-либо образом возместить ущерб автору или любому другому лицу, находящемуся в подобной ситуации.

Вопросы и процедуры в Комитете

6.1 Прежде чем рассматривать жалобы, содержащиеся в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии со статьей 87 своих правил процедуры принять решение о том, является ли сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

6.2 В отношении претензии автора в связи с пунктом 4 статьи 12 Пакта Комитет отмечает, что лишение его гражданства и его высылка в 1946 году основывались на декрете Бенеша № 33. Хотя Конституционный суд Чешской Республики объявил декрет Бенеша № 108, разрешающий конфискацию имущества, принадлежавшего этническим немцам, конституционным, этот Суд

никогда не имел повода рассмотреть вопрос о конституционности декрета № 33. Комитет также отмечает, что после решения Суда от 8 марта 1995 года декреты Бенеша утратили свой конституционный статус. Совместимость декрета № 33 с законами более высокого уровня, включая Пакт, который вошел в качестве составной части в чешское национальное законодательство, может, таким образом, быть оспорена в судах Чешской Республики. Комитет полагает, что согласно пункту 2 b) статьи 5 Факультативного протокола автор должен подать свой иск сначала в национальные суды, прежде чем Комитет сможет рассмотреть его сообщение. Данная претензия, таким образом, неприемлема ввиду того, что не были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты.

6.3 Аналогичным образом Комитет полагает, что автор не обосновал, в целях приемлемости, свое требование по статье 27 Пакта. Эта часть сообщения, таким образом, неприемлема согласно статье 2 Факультативного протокола.

6.4 Автор далее утверждает, что нарушены статьи 14 и 26, потому что, хотя был принят закон о предоставлении чешским гражданам компенсации за имущество, конфискованное в период с 1948 по 1989 год, не было принято никакого закона о компенсации этническим немцам за имущество, конфискованное в 1945 и 1946 годах по декретам Бенеша.

6.5 Комитет последовательно придерживается того мнения, что не каждое различие или разграничение в обращении означает дискриминацию по смыслу статей 2 и 26. Комитет полагает, что в данном случае законодательство, принятое после падения коммунистического режима в Чехословакии, о компенсации жертвам этого режима не представляется *prima facie* дискриминационным по смыслу статьи 26 лишь по той причине, что, как заявляет автор, не предоставляет компенсацию жертвам несправедливости, совершенной в период до установления коммунистического режима¹. Комитет считает, что автор не обосновал, в целях приемлемости, свое утверждение о том, что он является в этом плане жертвой нарушения статей 14 и 26. Эта часть сообщения, таким образом, неприемлема согласно статье 2 Факультативного протокола.

7. Соответственно Комитет по правам человека принимает решение:

- a) сообщение является неприемлемым;
- b) данное решение довести до сведения государства-участника и автора.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое мнение Сесилии Медины Кирога и Экарта Кляйна в соответствии с пунктом 3 правила 94 правил процедуры Комитета в отношении решения Комитета по сообщению № 670/1995, Рудигер Шлоссер против Чешской Республики

К сожалению, мы не можем согласиться с решением Комитета о том, что сообщение неприемлемо в той части, где автор утверждает, что он является жертвой нарушения статьи 26 Пакта, потому что применение к нему закона № 87/1991 носило бы преднамеренно дискриминационный характер по этническому признаку (см. пункт 3.5). По причинам, изложенным в нашем особом мнении по сообщению № 643/1995 года (*Дробек против Словакии*), мы считаем, что Комитет должен был признать сообщение в этой части приемлемым.

¹ См. решение Комитета, объявляющее неприемлемым сообщение № 643/1995 (*Дробек против Словакии*), принятое 14 июля 1997 года.

**В. Соображения Комитета по правам человека в соответствии со статьей 5(4)
Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах**

Сообщения №№ 422/1990, 423/1990 и 424/1990

Представлено: Адимайо М. Адуайом, Софиану Т. Диассо и Яво С. Добу

Предполагаемая жертва: Авторы

Государство-участник: Того

Объявлено приемлемым 30 июня 1994 года (пятьдесят первая сессия)

Дата принятия соображений: 12 июля 1996 года (пятьдесят седьмая сессия)

Предмет сообщения: Арест и увольнение гражданских служащих за предполагаемое оскорбление главы государства-участника

Вопросы процедуры: Приемлемость *ratione temporis* - Продолжающееся действие – Частичный пересмотр решения относительно приемлемости

Вопросы существа: Право на компенсацию после произвольного ареста - Свобода выражения - Отказ в равном доступе к государственной службе

Статьи Пакта: 9 (1) и (5), 19 и 25 (с)

Статьи Факультативного протокола и правила процедуры: 2 (3) (а), 4 (2), и 5 (1) и 2 (b), и правила 88 (2) и 93 (3)

Заключение: Нарушение [ст. ст. 19 и 25 (с)]

1. Авторами сообщения являются Адимайо М. Адуайом, Софиану Т. Диассо и Яво С. Добу, три гражданина Того, в настоящее время проживающие в Ломе. Авторы утверждают, что они являются жертвами нарушений Того статей 9 и 19 Международного пакта о гражданских и политических правах. Факультативный протокол вступил в силу в отношении Того 30 июня 1988 года.

Факты в изложении авторов

2.1 Автор сообщения № 422/1990 является г-н Адуайом, преподаватель Бенинского университета (Того) в Ломе. Он утверждает, что 18 сентября 1985 года он был арестован полицией в Ломе и 25 сентября 1985 года был переведен в ломейский пенитенциарный центр. Ему были предъявлены обвинения в *lèse-majesté* (оскорбление главы государства при исполнении им своих обязанностей), и против него было возбуждено уголовное дело. Однако 23 апреля 1986 года предъявленные ему обвинения были сняты, и он был освобожден. Впоследствии он безуспешно ходатайствовал о восстановлении его в должности старшего преподавателя университета, которую он занимал до ареста.

2.2 Автор сообщения № 423/1990 г-н Диассо также работал преподавателем в Бенинском университете. Он был арестован 17 декабря 1985 года сотрудниками тоголезской национальной жандармерии якобы за то, что у него имелись листовки, в которых критиковались условия жизни иностранных студентов в Того и в которых утверждалось, что деньги, "растрачиваемые" на политическую пропаганду, более целесообразно было бы израсходовать на улучшение условий жизни и оборудования в тоголезских университетах. Он был заключен в ломейскую тюрьму 29 января 1986 года. Ему также были предъявлены обвинения в оскорблении главы государства, однако прокуратура, признав эти обвинения необоснованными, освободила его 2 июля 1986 года. Впоследствии он безуспешно добивался восстановления в должности адъюнкт-профессора экономики в университете.

2.3 Автор сообщения № 424/1990 г-н Добу работал инспектором в министерстве почт и связи. Он был арестован 30 сентября 1985 года и 4 октября 1985 года переведен в ломейскую тюрьму якобы за то, что он был застигнут при прочтении документа, в котором излагался проект устава новой политической партии. Ему были предъявлены обвинения в оскорблении главы государства при исполнении им своих обязанностей. Однако 23 апреля 1986 года обвинения были сняты, и автор сообщения был освобожден. Впоследствии он безуспешно ходатайствовал о восстановлении в своей прежней должности.

2.4 В рамках административных процедур после ареста авторов им была прекращена выплата зарплаты на том основании, что они без оправдательных причин покинули свои должности.

2.5 Что касается требования об исчерпании внутренних средств судебной защиты, то авторы утверждают, что они представили свои соответствующие дела на рассмотрение Национальной комиссии по правам человека, органа, который, по их утверждению, был создан для рассмотрения жалоб на нарушения прав человека. Однако эта комиссия не рассмотрела их жалобы, а лишь передала их дела на рассмотрение административной палаты апелляционного суда, которая, по всей видимости, сочла неуместным рассмотрение их дел. Автор сообщения № 424/1990 также высказывает жалобы в отношении задержек в рассмотрении его дела в апелляционном суде: так, документы, представленные министерством почт и связи, были направлены ему примерно через семь месяцев после их получения судом.

Жалоба

3.1 Авторы утверждают, что их арест и задержание противоречат пункту 1 статьи 9 Пакта. Это было косвенно подтверждено государством-участником, когда государство сняло все предъявленные им обвинения. Они также утверждают, что государство-участник нарушило статью 19, поскольку они были подвергнуты преследованию за то, что они имели в своем распоряжении, читали или распространяли документы, содержавшие лишь оценку внутренней или внешней политики Того.

3.2 Авторы просят восстановить их в должностях, которые они занимали до ареста, а также ходатайствуют о компенсации в соответствии с пунктом 5 статьи 9 Пакта.

Замечания государства-участника в отношении приемлемости и замечания и пояснения авторов сообщений

4.1 Государство-участник возражает против приемлемости сообщений на том основании, что их авторы не исчерпали имеющихся внутренних средств судебной защиты. Оно отмечает, что такие дела должны рассматриваться в апелляционном суде. Что касается г-д Адуайома и Диассо, то их наниматель (Бенинский университет) не представил необходимые материалы и поэтому административная палата апелляционного суда не смогла вынести решения. Что же касается г-на Добу, то автор якобы не высказал своих замечаний в отношении материалов, представленных министерством почт и связи. Государство-участник утверждает, что внутренние средства судебной защиты не были исчерпаны, поскольку административная палата не вынесла никакого решения.

4.2 Государство-участник также отмечает, что еще одним средством правовой защиты для авторов сообщений является Закон об амнистии от 11 апреля 1991 года, принятый президентом Республики. Этот закон охватывает все дела по политическим преступлениям, как они определены в уголовном кодексе ("преступления политического характера, подпадающие под действие уголовного законодательства"), которые были совершены до 11 апреля 1991 года. В статье 2 Закона об амнистии четко предусматривается возможность восстановления на гражданской службе или в частном секторе. Амнистия предоставляется прокурором ("Прокурором Республики или судьей, назначенным Генеральной прокуратурой") в течение трех дней после получения ходатайства (статья 4). Согласно статье 3, представление ходатайства в рамках этих положений не препятствует жертве возбуждать иски в обычных судах.

5.1 После того как Комитет на своей сорок девятой сессии (1993 год) просил авторов представить дальнейшие пояснения, авторы сообщений в письмах от 23 декабря, 15 ноября и 16 декабря 1993 года, соответственно, проинформировали Комитет о том, что они были восстановлены в своих должностях на основании закона от 11 апреля 1991 года. Г-н Диассо отмечает, что он был восстановлен с 27 мая 1991 года, а остальные - 1 июля 1991 года.

5.2 Авторы отмечают, что разбирательство в административной палате апелляционного суда не продвигается вперед и что их дела, как представляется, были отложены после их восстановления в должности на основании закона об амнистии. В то же время они утверждают, что этот закон не должен был к ним применяться, поскольку они не предстали перед судом и не были осуждены за совершение какого-либо преступления, а лишь подверглись незаконному аресту и задержанию, а впоследствии были освобождены после того, как выдвинутые против них обвинения были сняты. Они добавляют, что им не была выплачена задолженность по заработной плате за период с момента ареста по момент восстановления в должности и что они были лишены доходов в течение этого периода.

5.3 Что касается статуса Бенинского университета, то автор утверждает, что, хотя университет, по крайней мере в теории, пользуется административной и финансовой автономией, на практике он находится под контролем государства, поскольку 95% его бюджета контролируется государством.

5.4 Авторы отвергают утверждения государства-участника о том, что они не использовали имеющиеся внутренние средства судебной защиты. В этой связи они утверждают, что разбирательство в административной палате апелляционного суда является совершенно неэффективным, поскольку их дела явно были отложены после их восстановления в должности согласно закону об амнистии и что ничего с этих пор не изменилось. В то же время они не указывают, подали ли они какие-либо жалобы в целях выплаты им задолженности по заработной плате.

Решение Комитета о приемлемости

6.1 Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости этого сообщения в ходе своей пятьдесят первой сессии. Он с обеспокоенностью отметил, что от государства-участника не поступило ответа на просьбу о представлении пояснений по вопросу об исчерпании внутренних средств судебной защиты, которая была направлена ему 26 октября 1993 года.

6.2 Комитет отметил утверждения авторов в связи со статьей 9 и указал, что их арест и задержание имели место до вступления Факультативного протокола в силу в отношении Того (30 июня 1988 года). Он далее отметил, что нарушения, о которых поступило сообщение, имели последствия после вступления Факультативного протокола в силу в отношении Того, поскольку авторам отказывали в восстановлении в должности до 27 мая и 1 июля 1991 года, соответственно, и что им не была выплачена задолженность по заработной плате или иная форма компенсации. Комитет счел, что эти продолжающиеся последствия можно квалифицировать как подтверждение нарушений, совершенных ранее государством-участником. Поэтому Комитет пришел к выводу о том, что *ratione temporis* не препятствуют ему в рассмотрении сообщений, и отметил, что в этой связи могут быть затронуты вопросы согласно пункту 5 статьи 9, статье 19 и статье 25с Пакта.

6.3 Комитет принял к сведению утверждения государства-участника о том, что внутренние средства судебной защиты не были исчерпаны, а также утверждения авторов, что процедура разбирательства в административной палате апелляционного суда является неэффективной, поскольку после восстановления авторов в должности согласно закону об амнистии не было достигнуто никакого прогресса, и что упомянутые дела, как представляется, были отложены. На основе имеющейся в его распоряжении информации Комитет не считает, что обращение в административную палату апелляционного суда представляет собой имеющееся и эффективное средство правовой защиты по смыслу пункта 2b статьи 5 Факультативного протокола.

6.4 В этой связи 30 июня 1994 года Комитет объявил сообщение приемлемым, поскольку оно, как представляется, затрагивает вопросы по пункту 5 статьи 9, статье 19 и статье 25с Пакта. Во исполнение пункта 2 правила 88 своих правил процедуры Комитет далее принял решение о совместном рассмотрении сообщений авторов.

Рассмотрение дела по существу

7.1 Срок представления замечаний государства-участника согласно пункту 2 статьи 4 Факультативного протокола истек 10 февраля 1995 года. От государства-участника не было получено никаких материалов, несмотря на напоминание, направленное ему 26 октября 1995 года. Комитет выражает сожаление в связи с отсутствием сотрудничества со стороны государства-участника, в том что касается существа жалоб, представленных авторами. Из пункта 2 статьи 4 Факультативного протокола следует, что государство-участник, действуя добросовестно и в пределах установленных сроков, должно представить Комитету всю имеющуюся у него информацию. Государство-участник не сделало этого; в этих обстоятельствах утверждения авторов сообщений должны быть надлежащим образом учтены в той мере, в которой они являются обоснованными.

7.2 Комитет рассмотрел данное сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами, согласно пункту 1 статьи 5 Факультативного протокола.

7.3 Авторы утверждают, что они не получили компенсацию за период произвольного ареста вопреки пункту 5 статьи 9 Пакта. Разбирательство, возбужденное ими в административной палате апелляционного суда, не привело, если исходить из информации, имеющейся в распоряжении Комитета, к вынесению какого-либо приговора или решения, благоприятного или неблагоприятного для авторов. В этих условиях Комитет не видит оснований отменить свое решение о приемлемости, в котором он постановил, что обращение в административную палату апелляционного суда не представляет собой имеющееся и эффективное средство правовой защиты. Что касается вопроса о том, препятствуют ли *ratione temporis* рассмотрению жалобы авторов согласно пункту 1 статьи 9, то Комитет хотел бы отметить, что он, как правило, не рассматривает жалобы в рамках Факультативного протокола, касающиеся событий, которые имели место после вступления в силу Пакта, но до вступления в силу Факультативного протокола в отношении государства-участника. Некоторые члены отметили, что практика Комитета в этой связи не является убедительной и что ее, возможно, следует пересмотреть в рамках какого-либо подходящего (будущего) дела. Что же касается данного конкретного дела, то Комитет не обнаружил никаких элементов, которые позволили бы ему прийти к каким-либо выводам на основе Факультативного протокола в отношении законности арестов авторов сообщений, поскольку эти аресты были совершены в сентябре и декабре 1985 года, соответственно, и авторы были освобождены в апреле и июле 1986 года, соответственно, т.е. до вступления Факультативного протокола в силу в отношении Того 30 июня 1988 года. Ввиду вышеизложенного *ratione temporis* не позволяют Комитету рассмотреть данную жалобу в рамках пункта 5 статьи 9.

7.4 Что касается жалобы по статье 19 Пакта, то Комитет отмечает, что не было получено никаких опровержений того, что авторы сначала подверглись преследованиям, а затем не были восстановлены на своих должностях в период с 1986 по 1991 год, в частности, за то, что они читали и, соответственно, распространяли информацию и материалы, в которых подвергалось критике правительство Того и действующая в стране система управления. Комитет отмечает, что свобода информации и выражения своих мнений является краеугольным камнем свободного демократического общества. Суть такого уклада общественной жизни заключается в том, что граждане могут получать информацию об альтернативах политической системе и правящим партиям и что они могут критиковать свои правительства и открыто и публично оценивать их деятельность без боязни какого-либо вмешательства или наказания в пределах, устанавливаемых пунктом 3 статьи 19. Имеющаяся в распоряжении Комитета информация дает основания считать, что авторы не были восстановлены в должностях, которые они занимали до ареста, именно по причине такой деятельности. Государство-участник косвенно подтвердило этот вывод, квалифицировав

деятельность авторов как "политические преступления", которые подпадают под действие Закона об амнистии от 11 апреля 1991 года; нет никаких оснований считать, что деятельность авторов создавала угрозу для прав и репутации других лиц или для национальной безопасности и общественного порядка (пункт 3 статьи 19). В этих условиях Комитет считает, что имело место нарушение статьи 19 Пакта.

7.5 Комитет напоминает, что авторы были сняты со своих должностей на период продолжительностью более пяти лет за деятельность, которая, как считалось, противоречит интересам правительства; в этой связи Комитет отмечает, что г-н Добу являлся государственным служащим, тогда как гг. Адуаимом и Диассо являлись сотрудниками Бенинского университета, который практически находится под контролем государства. Что касается дела г-на Добу, то Комитет считает, что доступ к государственной службе на общих условиях равенства включает обязанность государства не допускать дискриминации по признаку политических убеждений и их выражения. Это применяется а fortiori к лицам, занимающим должности на государственной службе. Права, зафиксированные в статье 25, следует также рассматривать как включающие свободу заниматься политической деятельностью как индивидуально, так и в рамках политических партий, обсуждать государственные дела, критиковать правительство и публиковать материалы политического содержания.

7.6 Комитет отмечает, что авторы были сняты со своих должностей за то, что они якобы "покинули" эти должности после их ареста за деятельность, которая была сочтена противоречащей интересам правительства государства-участника. Г-н Добу являлся государственным служащим, тогда как гг. Адуаимом и Диассо являлись сотрудниками Бенинского университета, который практически находится под контролем государства. В рамках всех трех дел возникает вопрос по статье 25с в том, что касается неспособности авторов вернуться на свои должности в период с 30 июня 1988 года по 27 мая и 1 июля 1991 года, соответственно. В этой связи Комитет отмечает, что невыплата задолженности по заработной плате авторам является следствием их невосстановления на ранее занимаемых ими должностях. Комитет приходит к выводу о том, что в период с 30 июня 1988 года по 27 мая и 1 июля 1991 года, соответственно, имело место нарушение статьи 25с.

8. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что факты, установленные Комитетом, свидетельствуют о нарушениях Того статей 19 и 25с Пакта.

9. В соответствии с пунктом 3а статьи 2 Пакта авторы имеют право на соответствующую правовую защиту, включающую компенсацию, размер которой должен устанавливаться на основе суммы, эквивалентной заработной плате, которую они получили бы за период невосстановления, т.е. начиная с 30 июня 1988 года. Государство-участник обязано обеспечить, чтобы аналогичные нарушения не совершались в будущем.

10. Учитывая тот факт, что, став государством-участником Факультативного протокола, государство-участник признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязуется обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам признаваемые в Пакте права, с тем чтобы предоставить в их распоряжение действенные и реальные средства правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника не позднее чем через 90 дней информацию о мерах, принятых для реализации его Соображений.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое мнение члена Комитета Фаусто Покара в соответствии с пунктом 3 правила 94 правил процедуры Комитета в отношении решения Комитета по сообщениям № 422-424/1990, Адимайо М. Адуайом, Софиану Т. Диассо и Яво С. Добу против Того

Хотя я согласен с выводами Комитета по вопросам, поднятым авторами сообщения согласно статьям 19 и 25с, я не могу присоединиться к выводам Комитета по вопросам, затронутым в рамках пункта 5 статьи 9 Пакта. По этому вопросу Комитет считает, что, поскольку *ratione temporis* не позволяют ему установить законность ареста и задержания авторов согласно пункту 1 статьи 9 Пакта, *ratione temporis* не позволяет ему изучить их заявления в отношении компенсации согласно пункту 5 статьи 9. Я не разделяю эти выводы по следующим причинам.

Во-первых, мое личное мнение заключается в том, что заявление в рамках пункта 1 статьи 9 могло бы быть рассмотрено Комитетом, даже если факты, о которых говорится в сообщении, имели место до вступления Факультативного протокола в силу в отношении Того. Как я уже отмечал в отношении других сообщений и в более широком смысле при обсуждении Комитетом своего Комментария общего порядка в отношении оговорок (см. ССРР/С/SR.1369, пункт 31), Факультативный протокол предусматривает процедуру, позволяющую Комитету следить за осуществлением обязательств, взятых на себя государствами - участниками Пакта, но он не оказывает существенного воздействия на обязательства как таковые, которые должны выполняться с момента вступления в силу Пакта. Другими словами, он позволяет Комитету рассматривать нарушения таких обязательств не только в рамках процедуры представления докладов, предусмотренной в статье 40 Пакта, но также в контексте рассмотрения индивидуальных сообщений. Если исходить из чисто процедурных соображений, то, за исключением тех случаев, когда государство-участник высказывает оговорку при присоединении к Протоколу, компетенция Комитета распространяется также на события, которые имели место до вступления Факультативного протокола в силу в отношении данного государства при условии, что такие события имели место или продолжают иметь последствия после вступления в силу Пакта.

Даже если допустить, как это следует из мнения большинства, что *ratione temporis* препятствуют Комитету рассматривать утверждения авторов в рамках пункта 1 статьи 9 Пакта, то все равно неправильно считать, что *ratione temporis* также препятствует Комитету рассматривать их утверждения в рамках пункта 5 статьи 9. Хотя право на компенсацию, которое имеет каждое лицо, незаконно подвергнутое аресту или задержанию, можно также рассматривать как один из аспектов средств правовой защиты по смыслу пункта 3 статьи 2, т.е. средств правовой защиты в связи с нарушением права, установленного в пункте 1 статьи 9, Пакт не устанавливает причинно-следственной связи между этими двумя положениями статьи 9. Скорее в формулировке пункта 5 статьи 9 предусматривается, что ее применимость не зависит от выводов в рамках пункта 1 статьи 9; незаконный характер ареста или задержания может обуславливаться не только нарушением положений Пакта, но также и нарушением положений внутреннего права. В последнем случае право на компенсацию может существовать независимо от того, можно ли квалифицировать арест или задержание как основание для требования в рамках пункта 1 статьи 9, при условии, что такой арест или задержание являются незаконными согласно внутреннему праву. Другими словами, для целей применения пункта 5 статьи 9 ничто не препятствует Комитету рассматривать вопрос о незаконности ареста или задержания, даже если для рассмотрения этого вопроса имеются препятствия в рамках других положений Пакта. Это также применимо в тех случаях, когда невозможность ссылки на другие положения обусловлена тем фактом, что арест или задержание имели место до вступления в силу Пакта или, как это изложено в мнении большинства, до вступления в силу Факультативного протокола. Поскольку в данном случае незаконный характер ареста и задержания авторов сообщений согласно внутреннему праву не оспаривается, я считаю, что их право на компенсацию согласно пункту 5 статьи 9 Пакта было нарушено и что Комитету следовало сделать соответствующие выводы в отношении данного вопроса.

Сообщение No. 454/1991

Представлено: Энрике Гарсия Понс

Предполагаемая жертва: Автор

Государство-участник: Испания

Объявлено приемлемым 30 июня 1994 года (пятьдесят первая сессия)

Дата принятия сообщений: 30 октября 1995 года (пятьдесят пятая сессия)

Предмет сообщения: Предполагаемая дискриминация с точки зрения доступа к государственной службе и дискриминация

Вопросы процедуры: Неисчерпание внутренних средств правовой защиты - Частичная отмена решения относительно приемлемости

Вопросы существа: Дискриминация - Отказ в справедливом слушании - Дискриминация с точки зрения доступа к государственной службе

Статьи Пакта: 14 (1), 25, и 26

Статьи Факультативного протокола и правила процедуры: 1, 2, 3, и 5, пункт 2 (b), и правило 93 (4)

Заключение: Отсутствие нарушения

1. Автор сообщения является Энрике Гарсия Понс, гражданин Испании, 1951 года рождения, в настоящее время проживающий в Бадалоне, Испания. Он утверждает, что является жертвой нарушения Испанией пункта 1 статьи 14, статьи 25с и статьи 26 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Факты в изложении автора

2.1 Автор сообщения является гражданский служащий местного отделения Национальной службы занятости (Instituto Nacional de Empleo) в муниципалитете города Бадалона. 20 декабря 1986 года он был назначен заместителем окружного суда Бадалоны, функции которого он исполнял до 16 октября 1987 года; после своего назначения он просил своего работодателя, Министерство труда и социального обеспечения, официально оформить его новый статус и подтвердить, что с точки зрения административных функций ему были приданы "специальные полномочия". Министерство отказалось удовлетворить эту просьбу.

2.2 Через некоторое время в том же 1987 году автору было вновь поручено замещать окружного судью Бадалоны, однако к осуществлению этих функций он так и не приступил, поскольку пост окружного судьи был занят новым судьей. В этой связи автор направил ходатайство о предоставлении ему пособия по безработице (*prestaciones de desempleo*). В этой связи он вновь просил официально признать его административный статус, однако его работодатель отказался рассмотреть его просьбу. Ввиду того, что в 1988 году ситуация не изменилась, автор направил в компетентный административный суд жалобу на Национальную службу занятости, в которой он просил предоставить ему пособие по безработице. 27 мая 1988 года 9-й суд по социальным вопросам (Барселона) отклонил его ходатайство, мотивируя это тем, что, поскольку у автора сохранялась возможность возобновить работу на своем прежнем месте, он не мог претендовать на получение пособия по безработице. При этом утверждалось, что цель, которую при этом преследовал автор, заключалась в том, чтобы отказаться от своего прежнего поста, дающего ему право на получение более низкого пособия по безработице по сравнению с тем пособием, которое он намеревался получать в период подготовки к карьере судебного должностного лица.

2.3 11 мая 1989 года Национальная служба занятости постановила, что начиная с конца 1986 года автор находится в "добровольном отпуске без содержания". Автор оспорил это решение и продолжал выполнять, когда его просили об этом, функции заместителя окружного судьи. Он утверждал, что, поскольку все заместители судей выплачивают взносы в систему страхования по безработице, он также имеет право на получение соответствующего пособия. На этом основании он попытался обжаловать решение от 27 мая 1988 года, однако 30 апреля 1990 года Верховный суд Каталонии отклонил поданную им апелляцию.

2.4 22 июня 1990 года автор направил конституционное ходатайство (*recurso de amparo*) в Конституционный суд. 21 сентября 1990 года Конституционный суд отклонил жалобу автора. 10 ноября 1990 года автор вновь направил в Конституционный суд апелляцию, в которой отмечал, что во всей Испании он является единственным заместителем судьи, который не имеет права на получение пособия по безработице, и что такая ситуация свидетельствует о нарушении его конституционных прав. 3 декабря 1990 года Конституционный суд подтвердил ранее вынесенное им решение. В этой связи автор сообщает, что он исчерпал доступные внутренние средства правовой защиты.

Жалоба

3. Автор утверждает, что является жертвой отказа ему в праве на равенство перед судами, предусмотренном в статье 14 Пакта, дискриминации в отношении доступа к государственной службе в нарушение пункта статьи 25с и дискриминации в связи с отказом предоставить ему пособие по безработице в нарушение статьи 26.

Представление государства-участника по вопросу о приемлемости

4. В своем представлении от 17 сентября 1991 года государство-участник отмечает, что "сообщение г-на Гарсии Понса в принципе удовлетворяет требованиям приемлемости, установленным в статье 3 и пункте 2 статьи 5 Факультативного протокола... и что оно не противоречит положениям Пакта". Не оспаривая факт приемлемости сообщения, государство-участник отмечает, что будет в должном порядке направлять представления по существу дела.

Решение Комитета о приемлемости

5.1 Прежде чем рассматривать любые утверждения, содержащиеся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека обязан в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры решить вопрос о том, является ли данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

5.2 Комитет пришел к выводу, что для целей признания сообщения приемлемым автор надлежащим образом обосновал свои утверждения, и удостоверился в том, что сообщение не противоречит статьям 1, 2 и 3 Факультативного протокола. Комитет далее отметил, что соответствующее государство-участник признало факт исчерпания внутренних средств правовой защиты.

6. В силу вышеизложенного 30 июня 1994 года Комитет по правам человека постановил, что сообщение является приемлемым в той мере, в какой оно может затрагивать вопросы, подпадающие под сферу применения статей 14, 25 и 26 Пакта.

Представления государства-участника по существу дела

7.1 В своих представлениях от 13 февраля и 15 июня 1995 года государство-участник отрицает какие-либо нарушения Пакта. Касаясь фактов по делу, государство-участник отмечает, что автор является не безработным, а гражданским служащим и что, хотя ему несколько раз предоставляли отпуск для целей временного исполнения обязанностей заместителя судьи, он всегда имел возможность вернуться на свою прежнюю работу; таким образом, он никогда не был безработным и

соответственно не может претендовать на получение пособия по безработице. В сообщении автора прослеживается противоречие, обусловленное его желанием исполнять обязанности судьи на постоянной основе и нежеланием отказаться от тех гарантий, которые дает ему статус гражданского служащего в его нынешнем положении.

7.2 В связи с утверждением автора о том, что он является единственным безработным заместителем судьи, который не получает пособия по безработице, государство-участник отмечает, что автор не привел ни одного случая, который свидетельствовал бы о том, что лицо, находящееся в аналогичном с автором положении, т.е. гражданский служащий, временно отпущенный с занимаемого им поста, получал право на иной режим обращения. Пособие по безработице получают лишь те безработные заместители судей, которые действительно являются безработными, однако автор находится в иной ситуации. Равным образом он не может рассчитывать на принятие специальной юридической нормы, позволяющей ему сохранять за собой пост на гражданской службе на тот период, когда, вместо исполнения своих служебных обязанностей, готовится к конкурсным экзаменам, получая при этом пособие по безработице в связи с окончанием срока его назначения на пост заместителя судьи.

7.3 В связи с предполагаемым нарушением статьи 14 Пакта государство-участник заявляет, что автор имеет равный по сравнению с другими гражданами доступ ко всем испанским судам, включая Конституционный суд, и что все его жалобы добросовестно рассматривались компетентными судами, о чем свидетельствуют соответствующие решения и иные материалы. Вполне понятно, что автор не согласен с решением по его делу, однако он не представил достаточные доказательства в обоснование своей претензии о том, что многочисленные судебные инстанции не соблюдали процессуальные гарантии.

7.4 В связи с предполагаемым нарушением статьи 25 Пакта государство-участник заявляет, что в ходе осуществления возбужденных автором многочисленных процедур он ни разу не ссылался на право, гарантируемое статьей 25 Пакта. Кроме того, данный вопрос не имеет отношения к настоящему делу, поскольку в нем идет речь не о праве на равный доступ к государственной службе, а о предполагаемом лишении права на получение пособия по безработице.

Комментарии автора

8.1 В своих замечаниях от 29 марта и 29 июля 1995 года автор вновь утверждает, что является жертвой дискриминации, и заявляет, что соответствующие испанские законы противоречат положениям Пакта, в частности правила 1987 года и циркуляр 10/86 заместителя секретаря министерства юстиции в отношении статуса заместителей судей. Он далее утверждает, что временный и ненадежный статус заместителей судей ставит под угрозу принцип независимости судебной системы.

8.2 Он отвергает утверждение государства-участника о том, что им движут главным образом экономические соображения и что он рассчитывает на принятие специальной юридической нормы, учитывающей его интересы. Жалование, которое он зарабатывал в качестве судьи, мало чем отличалось от его жалования на гражданской службе, куда он был вынужден возвращаться для целей удовлетворения своих минимальных потребностей. Он далее подчеркивает, что в разное время в период 1986-1992 годов он добросовестно выполнял обязанности заместителя судьи и выплачивал взносы в систему страхования от безработицы. Он настаивает на необходимости внесения в соответствующие законодательство и практику изменений, в соответствии с которыми лица, вносящие взносы в систему страхования по безработице, могли бы получать пособие по безработице с момента окончания их временного трудового контракта, несмотря на сохраняющуюся у них возможность возвращения на какое-либо другое место работы в системе гражданской службы.

8.3 Автор заключает, что, поскольку он является единственным заместителем судьи, который не получает пособия по безработице, его следует считать жертвой дискриминации по смыслу статьи 26 Пакта.

Повторное изучение вопроса о приемлемости и рассмотрение дела по существу

9.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей представленной ему сторонами информации, как это предусмотрено пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

9.2 В связи с утверждениями автора, касающимися пункта статьи 25с Пакта, Комитет принимает к сведению заявление государства-участника о том, что автор ни разу не ссылался на это право в ходе любых процедур в испанских судах; при этом и сам автор не утверждал, что он не имеет возможности сослаться на это право в местных судах. В этой связи Комитет, ссылаясь на пункт 4 правила 93 своих правил процедуры, выделяет часть сообщения, касающуюся претензий по статье 25 Пакта, и объявляет ее неприемлемой ввиду исчерпания внутренних средств правовой защиты.

9.3 До рассмотрения существа настоящего дела Комитет хотел бы обратить внимание на то, что, хотя в Международном пакте о гражданских и политических правах право на социальное обеспечение как таковое не гарантируется, соответствующие спорные вопросы, относящиеся к сфере применения положений Пакта, могут тем не менее возникать в случае нарушения принципа равноправия, закрепленного в статьях 14 и 26 Пакта.

9.4 В этой связи Комитет вновь ссылается на свои предыдущие решения, согласно которым не все различия в режиме обращения могут квалифицироваться в качестве дискриминации по смыслу соответствующих положений Пакта¹. Разграничения, не противоречащие положениям Пакта и носящие обоснованный характер, не относятся к категории запрещаемой дискриминации.

9.5 Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что он является единственным безработным заместителем судьи, который не получает пособия по безработице. Вместе с тем из имеющейся в распоряжении Комитета информации явствует, что соответствующая категория получателей пособия по безработице охватывает лишь тех безработных заместителей судей, которые не могут незамедлительно возобновить работу в какой-либо другой должности по окончании срока их временного назначения. К этой категории автор не относится, поскольку он имеет статус гражданского служащего. По мнению Комитета, проведение разграничений между безработными заместителями судей, которые являются гражданскими служащими, получившими специальный отпуск, и безработными заместителями судей, которые таковыми не являются, нельзя считать произвольным или необоснованным. На основании вышеизложенного Комитет заключает, что предполагаемое различие в режиме обращения не влечет за собой нарушения принципа равноправия и недискриминации, провозглашенного в статье 26 Пакта.

9.6 Что касается претензий автора по статье 14, то после тщательного изучения различных судебных процедур, возбужденных автором в Испании, а также принятых по их завершении решений Комитет заключает, что представленные доказательства не содержат оснований для вывода о том, что автору было отказано в праве на справедливое судебное разбирательство по смыслу пункта 1 статьи 14 Пакта.

10. Руководствуясь положениями пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола, Комитет по правам человека заключает, что представленные ему факты не свидетельствуют о нарушении Испанией каких-либо положений Международного пакта о гражданских и политических правах.

¹ См. *Зван де Врис против Нидерландов*, сообщение № 182/1984, соображения, принятые 9 апреля 1987 года, пункт 13. *Алина Симунок и др. против Чешской Республики*, сообщение № 516/1992 соображения, принятые 19 июля 1995 года, пункт 11.3.

Сообщение No. 480/1991

Представлено: Хосе Луис Гарсия Фуэнсалида [представлен неправительственной организацией]

Предполагаемая жертва: Автор

Государство-участник: Эквадор

Объявлено приемлемым: 15 марта 1995 года (пятьдесят третья сессия)

Дата принятия соображений: 12 июля 1996 года (пятьдесят седьмая сессия)*

Предмет сообщения: Дискриминация и жестокое обращение с задержанными по признаку сексуальной ориентации

Вопросы процедуры: Недостаточное обоснование жалобы

Вопросы существа: Принцип недискриминации - Произвольный арест - пытки и жестокое обращение - Несправедливое судебное разбирательство

Статьи Пакта: 2 (3) (a), 3, 7, 9, 10, 14, и 26

Статьи Факультативного протокола и правила процедуры: 2, 3, 4, пункт 2, и 5, пункты 2 (b) и 4, и правила 85 и 93 (3)

Заключение: Нарушение [ст. ст. 7, 10, пункт 1, 14, пункты 3 (c) и (e) и 5]

1. Автор сообщения является Хосе Луис Гарсия Фуэнсалида, гражданин Чили, в настоящее время проживающий в Кито, который в момент представления сообщения находился в заключении в тюрьме № 2 Кито. Он заявляет, что является жертвой нарушения Эквадором статей 3, 7, 9 и 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его представляет Экуменическая комиссия по правам человека - эквадорская неправительственная организация.

Факты в изложении автора

2.1 Автор сообщения, парикмахер по профессии, был задержан 5 июля 1989 года и через два дня был обвинен в изнасиловании Д.К., добровольца "Корпуса мира" Соединенных Штатов, имевшем место 5 мая 1989 года. Он заявляет о своей невиновности, утверждая, что никогда не имел половых сношений ни с одной женщиной. Его дело рассматривалось четвертым судом Пичинчи, и 11 апреля 1991 года он был признан виновным по пунктам обвинения, а 30 апреля 1991 года был приговорен к восьми годам лишения свободы. 2 мая 1991 года он подал апелляцию в вышестоящий суд, ходатайствуя об отмене решения суда и пересмотре дела. Ходатайство об отмене судебного решения было отклонено этой судебной инстанцией, а кассационная жалоба не была рассмотрена в 30-дневный срок, предусмотренный законом. После двух с половиной лет ожидания решения кассационного суда автор сообщения отозвал свою кассационную жалобу как условие освобождения из заключения. В октябре 1994 года он был условно освобожден.

2.2 По поводу своего заключения под стражу автор сообщения указывает, что 5 июля 1989 года около 19.00 он был задержан полицейскими, которые завязали ему глаза и приказали лечь на пол их машины. Из изложения фактов не ясно, имелся ли у них ордер на арест. Очевидно, автор сообщения не знал о причинах его задержания и сначала подозревал, что оно было связано с наркотиками. Лишь через два дня он узнал о том, что подозревается в изнасиловании. Его допрашивали о том, где он находился во время совершения изнасилования. Он заявляет, что подвергался крайне жестокому обращению и что на ночь его привязывали к койке. Он также утверждает, что в нарушение эквадорских законов и действующего порядка у него брали пробы крови и волос.

* В соответствии с правилом 85 правил процедуры член Комитета Хулио Прадо Вальехо не участвовал в утверждении соображений Комитета.

2.3 Утверждается, что ночью 6 июля 1989 года в глаза и нос автора сообщения, которого продолжали держать с завязанными глазами, залили соленую жидкость. Автор сообщения утверждает, что во время допроса повязка, которой были завязаны его глаза, упала, и он узнал агента полиции, который, по утверждению автора сообщения, затаил на него злобу после предыдущего задержания по подозрению в убийстве близкого знакомого-гомосексуалиста.

2.4 Вечером в тот же день автор сообщения был доставлен в уголовно-следственный отдел Пичинчи (УСО-П), где ему грозили смертью, вынудив подписать заявление о признании вины. Из приговора ясно следует, что на суде он не признал себя виновным и отказался от ранее сделанного признания. Приговор подтверждает, что автор сообщения дал на суде подробные показания относительно событий, связанных с его задержанием и получением у него признания под принуждением.

2.5 Автор сообщения утверждает, что он узнал о событиях, связанных с изнасилованием, из обвинения, оглашенного ему 7 июля 1989 года после его опознания потерпевшей. Кроме того, он утверждает, что до его выставления на опознание его отвезли домой, чтобы он принял душ, побрился и оделся так, как ему сказали полицейские. Он также утверждает, что полицейские взяли у него дома несколько предметов нижнего белья, которые впоследствии были представлены в качестве доказательств его вины, хотя одна из свидетелей, МК. М. П. показала, что эти предметы принадлежат ей.

2.6 Наконец, автор сообщения утверждает, что в субботу, 8 июля 1989 года, полицейский ранил его выстрелом в ногу при, как заявляет полиция, попытке к бегству, что, как утверждает автор, было подстроеной провокацией. Получив это ранение, он был помещен в больницу, где, как он утверждает, он по-прежнему подвергался психологическим пыткам. На суде представитель Экуменической комиссии по правам человека Эквадора, посетившая автора в больнице, заявила следующее: "Я видела у него на ноге две пулевые раны, а также следы от прижигания сигаретой на груди и на руке". Она далее показала: "Я говорила с больным, лежавшим рядом с г-ном Гарсией, и спросила его, действительно ли полицейский угрожал г-ну Гарсии, на что он ответил мне, что это правда и что он слышал, как этот человек (полицейский) угрожал г-ну Гарсии".

2.7 Согласно обвинительному заключению, представленному прокуратурой, ночью 5 мая 1989 года Д.К. была похищена неизвестным, заставившим ее сесть к нему в машину. Все это время он заставлял ее лежать на полу и неоднократно подвергал сексуальным надругательствам. Наконец, он вытолкнул потерпевшую в придорожный кювет, оставив ее в беспомощном состоянии. Потерпевшая сообщила о происшедшем советнику американского посольства, который уведомил о случившемся полицию. На суде полицией утверждалось, что в квартире автора сообщения ею были найдены предметы нижнего белья потерпевшей.

2.8 В отношении исчерпания внутренних средств правовой защиты в связи с жестоким обращением, которому, как утверждает, он подвергался, указывается, что от имени автора сообщения его адвокат направил жалобу на сотрудников полиции. Дополнительных сведений о ходе расследования этой жалобы не имеется.

Жалоба

3.1 Автор сообщения утверждает, что он стал жертвой нарушения положений статьи 3 в связи со статьей 26 Пакта, обосновывая это трудностями, с которыми он столкнулся, пытаясь получить адвоката, из-за того, что, как он утверждает, он гомосексуалист.

3.2 Автор сообщения также утверждает, что он является жертвой неоднократных нарушений статьи 7, поскольку после его задержания он подвергался пыткам и жестокому обращению. Последнее также было подтверждено на суде членом Экуменической комиссии по правам человека Эквадора.

3.3 Автор также утверждает, что имело место нарушение статьи 9, выразившееся в его произвольном задержании и помещении под стражу, поскольку, как он утверждает, он никак не замешан в изнасиловании.

3.4 Кроме того, автор сообщения утверждает, что суд над ним не был беспристрастным и что на нем были нарушены положения статьи 14 Пакта. В этой связи его адвокат утверждает, что его подзащитный был признан виновным, несмотря на доказательства обратного, содержащиеся в показаниях самой потерпевшей, по словам которой насильник был человеком высокого роста с лицом, изрытым оспой. Автор сообщения, опознанный потерпевшей, низкого роста, всего лишь 150 см, без оспин на лице.

3.5 Он также сообщает, что лабораторный анализ проб следов крови и спермы, взятых на теле потерпевшей, показал наличие фермента, не содержащегося в пробе крови автора сообщения, принудительно взятой у него вместе с пробой волос. Чтобы подтвердить это, он просил на суде проведения анализа его крови и семени, в чем суд отказал.

3.6 Кроме того, автор жалуется на нарушение процессуальных сроков, в частности на то, что его кассационная жалоба не была рассмотрена в установленный законом срок, и на то, что через два с половиной года ожидания решения кассационного суда ему пришлось отказаться от этого средства защиты, чтобы получить условное освобождение.

Решение Комитета о приемлемости

4. 26 августа 1992 года сообщение было препровождено государству-участнику, которому была направлена просьба представить Комитету информацию и замечания по вопросу о приемлемости сообщения. Несмотря на два напоминания, направленные 10 мая 1993 года и 9 декабря 1994 года, государство-участник своих замечаний не представило.

5.1 В соответствии с правилом 87 своих правил процедуры до рассмотрения любой жалобы, содержащейся в сообщении, Комитет по правам человека должен решить, является ли данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

5.2 Как этого требует подпункт a пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола, Комитет удостоверился в том, что данный вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

5.3 Комитет с озабоченностью отметил отсутствие содействия со стороны государства-участника, несмотря на два направленных ему напоминания. На основе имеющейся у него документации Комитет пришел к выводу, что ничто не препятствует рассмотрению им данного сообщения в соответствии с подпунктом b пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола.

5.4 Комитет отметил, что автор сообщения не обосновал для целей приемлемости то, что он подвергался иному обращению ввиду своей гомосексуальности, как и то, что это стало причиной трудностей с получением адвоката. Поэтому эта часть сообщения признается в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола неприемлемой.

5.5 В том что касается того утверждения автора сообщения, что в нарушение статьи 7 Пакта он подвергался пыткам и жестокому обращению, что на суде подтвердила член Экуменической комиссии по правам человека Эквадора, то Комитет пришел к выводу, что факты, изложенные автором сообщения, не будучи опровергнуты государством-участником, могли бы вызвать вопросы в связи со статьями 7 и 10 Пакта. Ввиду отсутствия какого-либо содействия государства-участника Комитет счел, что для целей приемлемости эти утверждения автора сообщения являются обоснованными.

5.6 Что касается утверждений автора сообщения о том, что он был подвергнут произвольному задержанию в нарушение статьи 9 Пакта, то Комитет пришел к выводу, что изложенные факты являются обоснованными для целей приемлемости и вследствие этого заслуживают рассмотрения по существу, прежде всего в том, что касается выдачи ордера на арест и того момента, когда автор сообщения был информирован о причинах его задержания.

5.7 Что касается тех утверждений автора сообщения, что доказательства по его делу не были должным образом оценены судом, то Комитет, руководствуясь своей юриспруденцией, вновь заявил, что, как общее правило, оценка фактов и доказательств по каждому делу является прерогативой апелляционных судов государств - участников Пакта. Поэтому эта часть сообщения признается неприемлемой ввиду ее несовместимости с положениями Пакта в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола.

5.8 Автор также сообщил сведения, касающиеся рассмотрения дела в суде и того, что кассационная жалоба не была рассмотрена в течение двух с половиной лет, которые вызывают вопросы в связи со статьей 14 Пакта и требуют рассмотрения по существу.

6. 15 марта 1995 года Комитет по правам человека постановил, что данное сообщение является приемлемым, и постановил обратиться к государству-участнику и автору сообщения с просьбой о представлении копий ордера на арест и любых решений по данному делу, а также медицинских заключений и информации, касающейся расследования физических посягательств, которым, как утверждается, подвергнулся г-н Гарсия.

Замечания государства-участника по существу и комментарии автора

7.1 18 октября 1995 года государство-участник направило Комитету некоторые документы, касающиеся данного дела, не представив опровержения сообщения автора.

7.2 Из полицейского рапорта, по-видимому, следует, что полиция дает фактам, касающимся пыток и жестокого обращения, иную трактовку, чем автор сообщения. Государство-участник сообщает, что не удалось опросить полицейского, виновного, как утверждается, в таком обращении, поскольку последний уже не числится среди сотрудников полиции и место его нахождения неизвестно.

7.3 Из приговора, по которому был осужден автор сообщения, следует, что суд счел убедительной версию полиции, оставив без последствий показания монахини, посетившей автора сообщения в больнице, о содержании которых говорится в пункте 2.6 выше.

7.4 Что касается ранения в ногу, полученного г-ном Гарсией, то государство-участник настаивает, что это огнестрельное ранение было получено им при попытке к бегству:

"Что касается ранения, полученного задержанным, сообщается, что в ходе выезда для производства следственных действий в субботу, 8 июля, на улице Босмедиано, где, по имеющимся сведениям, проживал другой подозреваемый, задержанный, пользуясь невнимательностью охраны, внезапно бросился бежать, после чего сотрудники полиции, которым была поручена его охрана, сначала окриком приказав ему остановиться, открыли огонь; одна из пуль попала в задержанного, вызвав перелом левой бедренной кости, вследствие чего он был доставлен в больницу им. Эухенио Эспехо для оказания медицинской помощи. Сообщается также, что это ранение никоим образом не было получено в уголовно-следственном отделе Пичинчи и что, кроме того, по этому факту был составлен рапорт, подписанный д-ром Хильдой Марией Аргуэльо Л., вторым прокурором по уголовным делам Пичинчи".

Из документов, направленных государством, не следует, что суд провел какое-либо расследование обстоятельств ранения г-на Гарсии, например, допрос свидетелей, которые, по сообщению полиции, присутствовали при этой попытке к бегству.

7.5 Государство-участник также направило текст рапорта № 4271-SIC-P от 8 июля 1989 года, составленного Клаудио Геррой, из которого следует, что арест г-на Гарсии был произведен в четверг, 6 июля 1989 года, в 10 ч. утра сотрудниками полиции в соответствии с данными дознания и что в квартире г-на Гарсии полицией было изъято женское белье, которое, как было установлено, принадлежало г-же Д.К. Направляется копия заявления г-на Гарсии от 7 июля 1989 года, в котором он признался в совершении изнасилования и в том, что он взял белье г-жи Д.К., и другое заявление от 9 июля 1989 года, в котором он сознался в попытке к бегству; оба заявления были подписаны д-ром Хильдой Аргуэльо, вторым прокурором по уголовным делам Пичинчи. Кроме того, прилагается копия рапорта агента 06 от 8 июля 1989 года по факту попытки к бегству, в котором указывается, что другие свидетели могут подтвердить происшедшее, в частности то, что, до того как открыть огонь на поражение, полицейские стреляли в воздух. Прилагается копия заявления г-жи Д.К. от 7 июля 1989 года в отношении опознания, произведенного 6 июля 1989 года, в ходе которого она "сразу" опознала г-на Гарсию в группе из 10 человек, "будучи полностью уверена в том, что человек, находившийся передо мной, является насильником". Кроме того, препровождается медицинское заключение, составленное при госпитализации г-на Гарсии. Прилагается также другой полицейский рапорт, в котором сообщается, что до проведения опознания г-же К. было направлено несколько фотографий, и фотография г-на Гарсии была направлена сначала по факсу, и что г-жа К. сообщила по телефону из Соединенных Штатов, что "она похожа больше всего из всех фотографий, которые я видела".

7.6 Сообщается, что 5 октября 1994 года г-н Гарсия был условно освобожден и был обязан каждую неделю отмечаться в пенитенциарном центре. Г-н Гарсия туда ни разу не явился, и установить его местонахождение оказалось невозможным, поскольку он уже не проживает по прежнему адресу.

7.7 Государство-участник направило документацию, из которой следует, что 6 июля 1989 года г-н Гарсия был задержан по подозрению в совершении изнасилования американской гражданки Д.К. 5 мая 1989 года. По данным учета иностранцев, г-н Гарсия женат на эквадорской гражданке. Государство-участник не направило копии ордера на арест г-на Гарсии или решений по его делу.

8.1 В своем письме от 29 декабря 1995 года Экуменическая комиссия по правам человека Эквадора, представляющая г-на Гарсию, ссылается на заявление автора сообщения, сделанное судье в 1989 году, в котором он утверждает о своей невиновности, отрицает факт попытки к бегству и утверждает, что агент 06 выстрелил в него во время допроса, сначала наложив платок ему на бедро. Он утверждает, что признание было получено у него под пыткой. Это заявление находится в материалах дела.

8.2 В этом письме говорится, что если проверка жалоб, как жалоба г-на Гарсии, поручается самой полиции, то, пытаясь спасти честь мундира, полицейских будут всегда выгораживать.

Рассмотрение дела по существу

9.1 Комитет по правам человека рассмотрел сообщение в свете всей информации материалов и судебных документов, представленных сторонами. Он пришел к выводам, основывающимся на излагаемых ниже соображениях.

9.2 В связи с арестом г-на Гарсии и его заключением под стражу Комитет рассмотрел документы, представленные государством-участником, из которых не следует, что арест был незаконным или произвольным или что г-н Гарсия не был поставлен в известность о причинах его помещения под стражу. Поэтому Комитет не может прийти к какому-либо выводу в отношении утверждений о нарушении положений статьи 9 Пакта.

9.3 Что касается утверждений о жестоком обращении со стороны сотрудника полиции, то Комитет отмечает, что автор сообщил об этом четвертому уголовному суду Пичинчи, который, как это следует из приговора от 30 апреля 1991 года, оставил это сообщение без последствий. В принципе Комитету не надлежит подвергать сомнению оценку доказательств национальными судами, если только такая оценка не является явно произвольной или равнозначной отказу в правосудии. В материалах, представленных автором сообщения в распоряжение Комитета, не имеется доказательств того, что состоявшееся судебное разбирательство имеет такие пороки.

9.4 Вместе с тем в представленных документах не имеется каких-либо свидетельств того, что инцидент, в ходе которого автор сообщения получил пулевое ранение, был расследован судом. В прилагаемом медицинском заключении не указывается, каким образом было причинено такое ранение, и не содержится предположений на этот счет. Ввиду информации, представленной автором сообщения, и того, что серьезный инцидент, в ходе которого автор сообщения получил ранение, не был расследован, Комитет заключает, что имело место нарушение положений статей 7 и 10 Пакта.

9.5 Что касается разбирательства в суде первой инстанции, то Комитет выражает сожаление в связи с тем, что государство-участник не представило подробных замечаний относительно утверждений автора сообщения о том, что разбирательство не было беспристрастным. Комитет изучил судебное решение и текст приговора от 30 апреля 1991 года, прежде всего отказ суда назначить экспертизы, крайне необходимые для данного дела, и приходит к выводу, что такой отказ представляет собой нарушение положений подпункта e пункта 3 и пункта 5 статьи 14 Пакта.

9.6 Что касается информации, представленной автором сообщения в отношении процессуальных затяжек, в частности того, что его кассационная жалоба не была рассмотрена в установленный законом срок и что спустя более двух с половиной лет ожидания решения по кассационной жалобе он был вынужден отказаться от использования этого средства правовой защиты как условия условного освобождения, Комитет отмечает, что государство-участник не дало каких-либо разъяснений и не направило копий соответствующих решений. Ссылаясь на свою юриспруденцию, Комитет вновь заявляет, что в соответствии с положениями подпункта c пункта 3 статьи 14 Пакта государство-участник обязано обеспечить скорейшее судопроизводство. Государство-участник не представило какой-либо информации, обосновывающей такие затяжки. Комитет заключает, что имело место нарушение положений подпункта c пункта 3 статьи 14 и пункта 5 той же статьи, поскольку автор сообщения оказался вынужден отозвать апелляцию в обмен на условное освобождение.

10. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с положениями пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что доведенные до его сведения факты свидетельствуют о нарушениях Эквадором положений статьи 7, пункта 1 статьи 10, подпунктов c и e пункта 3 и пункта 5 статьи 14 Пакта.

11. В соответствии с положениями подпункта a пункта 3 статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору сообщения эффективные средства правовой защиты. По мнению Комитета, это включает в себя возмещение и гарантии неповторения государством-участником таких нарушений в будущем.

12. Поскольку, являясь участником Факультативного протокола, государство-участник признало компетенцию Комитета определять наличие нарушений Пакта и в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязуется уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и обеспечить им эффективные средства правовой защиты, применимые в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в 90-дневный срок информацию о мерах, принятых для практического осуществления данных соображений.

Сообщение No. 526/1993

Представлено: Майкл и Брайен Хилл [представлены неправительственной организацией]

Предполагаемая жертва: Авторы

Государство-участник: Испания

Объявлено приемлемым 22 марта 1995 года (пятьдесят третья сессия)

Дата принятия сообщений: 2 апреля 1997 года (пятьдесят девятая сессия)

Предмет сообщения: *Задержание и предполагаемое несправедливое судебное разбирательство по делу британских граждан в испанских судах*

Вопросы процедуры: *Исчерпание внутренних средств правовой защиты - Достаточное обоснование жалобы*

Вопросы существа: *Адекватность процедуры ареста - Право быть судимым без неоправданной задержки - Минимальные гарантии защиты в уголовном процессе - Право на пересмотр осуждения и приговора*

Статьи Пакта: 9, 10, 14 (1) (2), (3) (b), (c), (d) и (e), и (5)

Статья Факультативного протокола и правила процедуры: 5, пункт 2 (a) и (b)

Заключение: Нарушение [ст. ст. 9, пункт 3, 10 и 14, пункты 3 (c) и (d) и 5]

1. Авторами сообщения являются Майкл Хилл, 1952 года рождения, и Брайен Хилл, 1963 года рождения, британские граждане, проживающие в Херефордшире, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. Они утверждают, что являются жертвами нарушения Испанией статей 9 и 10, а также пунктов 1, 2 и подпунктов b) и e) пункта 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Майкл Хилл также ссылается на подпункт d) пункта 3 статьи 14 Пакта. Пакт вступил в силу для Испании 27 августа 1977 года, а Факультативный протокол - 25 апреля 1985 года.

Факты в изложении авторов

2.1 Авторы владели строительной фирмой в Челтенхеме, Соединенное Королевство, которая была объявлена банкротом во время содержания авторов под стражей в Испании. В июле 1985 года они отправились в Испанию на отдых. Полиция Гандии арестовала их 16 июля 1985 года по подозрению в поджоге одного из баров в Гандии: это обвинение авторы отклоняли с момента своего ареста, утверждая, что находились в баре до 2 час. 30 мин. ночи, но не возвращались в 4 часа ночи, чтобы поджечь помещение бара.

2.2 В полицейском участке авторы просили сотрудников полиции разрешить им связаться с британским консульством, с тем чтобы воспользоваться помощью консульского представителя, который мог оказать им содействие в качестве независимого переводчика. Просьба была отклонена, и для выполнения перевода во время допроса, который производился в отсутствие адвоката, была вызвана молодая неопытная студентка-переводчица. Авторы заявляют, что не могли должным образом отвечать на вопросы, поскольку не говорили по-испански, а переводчица слабо владела английским языком. В результате, как они утверждают, возникло серьезное недопонимание. Они отрицают, что были поставлены в известность об их правах в момент ареста или во время проведения допроса, после ареста они также не были должным образом проинформированы о причинах задержания, соответственно, до 7 часов утра и 8 часов утра.

2.3 Авторы также заявляют, что во время так называемого предъявления для опознания с участием авторов, которым надели наручники, и двух полицейских в форме была проведена очная ставка с человеком, якобы являвшимся свидетелем. Свидетель, который сначала не мог описать совершивших преступление, в конце концов указал на авторов сообщения.

2.4 Они также жалуются, что их новый автофургон, оцененный в 2,5 млн. песет, а также все их деньги и другие личные вещи конфискованы полицией и не возвращены им.

2.5 19 июля 1985 года авторам были официально предъявлено обвинение в поджоге и причинении ущерба частной собственности. Обвинительный акт гласил, что авторы 16 июля 1985 года покинули бар в 3 часа ночи на своем автофургоне, затем вернулись в 4 часа ночи и бросили бутылку с бензином и смоченную в бензине бумагу в окно бара.

2.6 20 июля 1985 года они были доставлены к расследующему дело магистрату (Гандия № 1) и подали заявление, в котором отрицали свою причастность к указанному преступлению.

2.7 После пребывания под арестом в полиции в течение 10 дней, из которых пять дней, по их утверждению, они оставались без еды и только получали теплую воду для питья, авторов перевели в тюрьму в Валенсии.

2.8 29 июля 1985 года им был назначен адвокат для предварительного слушания дела в суде; этот адвокат якобы сказал авторам, что если они заплатят определенную сумму, то будут освобождены. Из заявлений авторов осталось неясным, как проходило предварительное слушание. Однако они, по видимому, утверждают, что путаница и недопонимание возникали на всех стадиях слушания дела из-за некомпетентности переводчика. В частности, утверждается, что в полицейском отчете указано, будто их автофургон работал на "*petroleo*" (дизельное топливо). На вопрос ведущего допрос магистрата (который также полагал, что их автофургон работал на дизельном топливе), что содержится в их запасном баке, они ответили, что в баке находится бензин, но переводчик перевел "*petrol*" как "*petroleo*". После чего судья сказал, что они лгут. Авторы пытались объяснить, что автофургон работает на бензине и что в задней части их автомобиля есть запасной четырехлитровый бак, наполненный бензином. По их словам, судья, должно быть, увидел или понял по запаху пробы содержимого бака, что бак действительно был наполнен "*gasolina*" (бензином), и поскольку он считал, что автофургон работает на дизельном топливе, то, должно быть, подумал, что у авторов имелся бак с бензином для изготовления "коктейля Молотова".

2.9 По окончании предварительного слушания авторы были проинформированы, что судебный процесс начнется в ноябре 1985 года. Однако суд был отложен на том якобы основании, что не найдены некоторые документы. 26 ноября 1985 года авторы были вызваны в суд для подписания некоторых бумаг, после чего судья сказал им, что свяжется с их адвокатом, чтобы назначить новую дату проведения процесса. 10 декабря 1985 года авторы сообщили назначенному для них адвокату, что более не нуждаются в его услугах, поскольку не удовлетворены тем, как он ведет их дело.

2.10 Авторы нашли частного адвоката 4 декабря 1985 года. 17 января 1986 года адвокат подал заявление в суд с просьбой освободить авторов под залог главным образом на основании того, что их строительная фирма оказалась в состоянии банкротства из-за ареста обвиняемых. По настоянию государственного обвинителя 21 февраля 1986 года в освобождении под залог было отказано. Авторы жаловались, что, хотя они выплатили крупную сумму денег адвокату, в их деле не было прогресса, поскольку адвокат игнорировал их указания. 31 июля 1986 года они отказались от услуг этого адвоката. Поскольку авторы опять не получили от него ответа, они предположили, что им был назначен адвокат от государства. Однако адвокат лишь 22 октября 1986 года уведомил суд о том, что он отстранен от ведения дела.

2.11 1 ноября 1986 года авторам был назначен новый адвокат. Процесс планировалось начать 3 ноября 1986 года. Первый вопрос государственного обвинителя касался того, на каком топливе работал автофургон. Авторы вновь ответили, что фургон работал на бензине; на этот раз слово "бензин" было переведено как "*gasolina*". После того как авторы трижды дали один и тот же ответ,

они обратились с просьбой отложить заседание, с тем чтобы обвинение могло проверить их утверждение. Они просили об отсрочке также на основании того, что у них была лишь 20-минутная беседа с защитником после его назначения для ведения их дела. Суд был отложен на две недели.

3.1 Авторы жалуются на недостаточное усердие их адвоката при подготовке к защите. Они заявляют, что адвоката, посетившего их 1 ноября 1986 года, сопровождал переводчик, который едва изъяснялся на английском языке; у адвоката даже не было с собой материалов дела. После того как процесс был отложен, адвокат посетил их только 14 ноября 1986 года, всего лишь на 40 минут и вновь без материалов дела, причем на этот раз не было и переводчика. Авторы также утверждают, что, хотя адвокат был назначен и его услуги были оплачены государством, он запросил 500 000 песет у их отца якобы на оплату расходов, понесенных перед слушанием дела.

3.2 С помощью двух других заключенных, которые владели двумя языками, авторы подготовились к самостоятельной защите. Они решили, что Майкл будет сам защищать себя в суде, а Брайен поручит защиту адвокату, для которого они подготовили все необходимые материалы.

3.3 17 ноября 1986 года авторов судили в Высоком провинциальном суде Валенсии. С помощью переводчика Майкл Хилл сообщил судье о своем намерении защищать себя самостоятельно в соответствии с подпунктом с) пункта 3 статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судья спросил его, говорит ли он на испанском языке и юрист ли он; услышав отрицательный ответ, судья велел ему сесть на место и замолчать.

3.4 Доводы обвинения основывались исключительно на показаниях якобы имеющегося свидетеля, который на предварительном расследовании подтвердил, что видел авторов еще до происшествия и что их автофургон был припаркован перед его домом. Около 4 часов ночи он видел двух молодых людей, похожих на авторов, которые бросили бутылку с зажигательной смесью в бар и уехали на сером автофургоне. Он немедленно позвонил в полицию. Авторы утверждают, что показания, данные свидетелем на предварительном расследовании, противоречивы в ряде аспектов и что в ходе процесса свидетель не смог опознать их. Судья трижды предлагал ему внимательно всмотреться в подсудимых, и каждый раз свидетель говорил, что "он не может вспомнить молодых людей", что "он старый человек" и что "все это произошло 16 месяцев назад". Более того, во время перекрестного допроса он не смог точно описать автофургон и заявил, что "автомобиль, которым воспользовались преступники, мог быть британским, австрийским или даже японским".

3.5 Авторы поясняют, что, поскольку адвокат задал свидетелю только четыре не относящихся к делу вопроса об автофургоне и не воспользовался перечнем вопросов, которые они специально подготовили и которые касались выявленных в ходе так называемого предъявления для опознания несоответствий, Майкл Хилл вновь просил предоставить ему право защищать самого себя. Он сообщил судье, что желает провести перекрестный допрос свидетеля обвинения и вызвать свидетеля защиты, который присутствовал в суде. Судья якобы ответил, что не имеет возможности выполнять все просьбы, явно демонстрируя, что в этот момент он уже решил осудить их в нарушение их права на презумпцию невиновности. После рассмотрения дела по существу, продолжавшегося не более 40 минут, авторы были осуждены в соответствии с предъявленным им обвинением и приговорены к шести годам и одному дню тюремного заключения и выплате 1 935 000 песет в возмещение ущерба, причиненного владельцу бара.

3.6 По рассмотрении дела в суде авторы сообщения направили множество писем в различные инстанции, в частности в британское посольство в Мадриде, министерство юстиции, Верховный суд, а также королю Испании, омбудсмену и своему адвокату, жалуюсь не несправедливое судебное разбирательство и спрашивая, как им поступить дальше. Адвокат ответил, что его обязанности в качестве назначенного защитника закончились по завершении процесса и, если они нуждаются в дальнейшей помощи, они должны оплачивать его услуги. Министерство юстиции рекомендовало авторам обратиться в суд первой инстанции. В письме от 15 января 1987 года они просили Высокий суд Валенсии пересмотреть дело на том основании, что судебное производство велось в нарушение

конституции и Европейской конвенции. В октябре 1987 года они в шестой раз обратились с ходатайством в Высокий суд Валенсии с жалобой на несправедливый процесс и на этот раз с просьбой предоставить им адвоката. В уведомлении от 9 декабря 1987 года суд сообщил, что их жалоба признана необоснованной и суд не может рассматривать это дело.

3.7 Между тем 29 января 1987 года осужденные известили о своем намерении подать апелляцию. Впоследствии они пригласили частного адвоката, с тем чтобы тот представлял их интересы. 24 марта 1987 года Верховный суд отклонил назначение частного адвоката, поскольку последний не был зарегистрирован как практикующий юрист в Мадриде. 24 июля 1987 года авторы направили в Верховный суд апелляцию с обоснованием своей жалобы. Поскольку им не было разрешено защищать себя без помощи защитника, 17 декабря 1987 года адвокат был назначен судом. 28 марта 1988 года адвокат заявил суду, что не видит оснований для апелляции, после чего 12 апреля 1988 года суд назначил второго адвоката, который также заявил, что не находит оснований для апелляции. 6 июня 1988 года Верховный суд, действуя в соответствии со статьей 876 Уголовно-процессуального кодекса Испании, не стал заслушивать апелляционную жалобу и предоставил авторам 15 дней на поиск частного адвоката. Затем, в сентябре 1987 года, авторы направили в Ассоциацию адвокатов (*Colegio de Abogados*) письмо с просьбой назначить адвоката и солиситора для представления их апелляции; однако ответа не последовало.

3.8 В марте 1988 года министерство юстиции сообщило авторам, что они могут направить конституционное ходатайство в Конституционный суд, поскольку права, которые, по их мнению, были нарушены, защищаются Конституцией Испании.

3.9 6 июля 1988 года авторы (в официальном порядке) ходатайствовали в суде первой инстанции о своем освобождении согласно статье 504 Уголовно-процессуального кодекса, которая предусматривает, что заключенный может быть освобожден до вынесения решения по его апелляции, если он или она отбыли половину присужденного срока. 14 июля 1988 года авторы были освобождены из-под стражи и возвратились в Соединенное Королевство, сообщив испанским властям свой адрес в Соединенном Королевстве и уведомив их о намерении довести дело до конца.

3.10 17 августа 1988 года авторы обратились с жалобой (средство правовой защиты в форме *amparo*) в Конституционный суд. По возвращении в Соединенное Королевство авторы предприняли несколько попыток связаться с адвокатом и солиситором в Испании, чтобы получить информацию о состоянии дел с их апелляцией и судебными материалами, но безрезультатно. Наконец, в апреле или мае 1990 года им сообщили через британское посольство в Мадриде, что Конституционный суд постановил отказать в рассмотрении апелляции. На этом, утверждают авторы сообщения, все внутренние средства правовой защиты были исчерпаны.

Жалоба

4.1 Авторы, заявляющие о своей невинности, выражают возмущение судебной и бюрократической системой Испании. По их мнению, они скорее всего стали жертвой мошенничества, совершенного владельцем бара, у которого были причины устроить пожар. Они утверждают, что процедура предъявления для опознания не отвечала требованиям закона. Они жалуются, что судья не вмешался в слушание дела, когда стало ясно, что назначенный судом адвокат не защищал их надлежащим образом. Кроме того, отказав Майклу Хиллу в возможности осуществить право на защиту собственными силами и в вызове свидетеля защиты, судья нарушил принцип равноправия сторон. Утверждается, что использование отделом по расследованию полиции и судьей сведений о прошлой судимости Майкла свидетельствует о неправомерном и предвзятом отношении не только к Майклу, но и к Брайену Хиллу.

4.2 Что касается пункта 2 статьи 14, то авторы утверждают, что этот принцип был нарушен до, в ходе и после судебного процесса: до суда - поскольку судебные органы не раз отказывали в освобождении под залог; в ходе процесса - когда судья сказал Майклу Хиллу, что у него будет возможность защищать себя и вызвать свидетеля защиты при подаче апелляционной жалобы; и сразу после слушания дела - до оглашения вердикта, когда назначенный адвокат начал переговоры с отцом обвиняемых о подаче апелляции.

4.3 Авторы утверждают, что отсутствие какой-либо помощи со стороны испанских властей в решении процессуальных вопросов, в результате чего они сами были вынуждены переводить каждый документ при содействии других заключенных, владеющих обоими языками; отсутствие в тюрьме информации об испанском законодательстве и отсутствие квалифицированных переводчиков во время допроса в полиции и предварительного слушания - все это вместе с ненадлежащим ведением защиты назначенным им адвокатом составляет нарушение подпункта b) пункта 3 статьи 14 Пакта.

4.4 Подпункт d) пункта 3 статьи 14, как утверждается, нарушен в деле Майкла Хилла, так как в процессе судебного разбирательства ему дважды было отказано в праве защищать себя лично. Следовательно, был нарушен и подпункт e) пункта 3 статьи 14, поскольку ему также было отказано в праве допрашивать от имени брата свидетеля, ожидавшего вызова вне зала суда.

Информация и замечания государства-участника

5.1 В заявлении от 11 апреля 1993 года государство-участник утверждает, что авторы сообщения злоупотребили правом на представление сообщения в Комитет и что сообщение следует признать неприемлемым в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола. Из информации, представленной государством-участником, включая тексты судебных решений и другие документы, следует, что вопрос об исчерпанности внутренних средств правовой защиты не вызывает возражений со стороны данного государства.

5.2 Подводя итог, государство-участник излагает ситуацию в данном деле следующим образом:

Относительно содержания под стражей:

1. 16 июля 1985 года около 4 часов ночи два человека прибыли в автофургоне цвета "серый металл" с горизонтальным молдингом сбоку и сзади и с номерным знаком, начинающимся с буквы "А", в клуб "JM" в Гандии и, приготовив "коктейль Молотова", бросили его в помещение клуба, в результате чего было разбито несколько стеклянных рам над дверью; сразу же после начала пожара в помещении они скрылись.
2. Свидетель происшествия вызвал полицию.
3. Полиция прибыла на место происшествия вместе с пожарной бригадой и, выслушав свидетеля, обнаружила автофургон с регистрационным номером A811 JAB, внутри которого была найдена полупустая пластиковая канистра с приблизительно четырьмя литрами бензина; полиция арестовала находившихся в фургоне, господ Брайена и Майкла Хилл.
4. В присутствии переводчика задержанные были немедленно проинформированы об их правах.
5. В присутствии переводчика и при содействии присутствующего по просьбе задержанных адвоката, выступавшего в этом качестве по долгу службы, они сделали заявление полиции. Задержанные сказали, что находились в клубе в начале того дня, когда было сделано заявление, и выпив 5-6 кружек пива, ушли около 2 час. 30 мин. ночи. Они признали, что автофургон и канистра с бензином принадлежат им, но отрицали, что совершили поджог, подтвердив, что, "после того как вышли из помещения, действительно проехали в автомобиле на близком расстоянии (от клуба)".

6. Во время процедуры предъявления для опознания свидетелю были предъявлены полицией несколько лиц, и свидетель узнал в Брайене и Майкле Хилл "тех людей, которые подожгли клуб "JM" предыдущей ночью, бросив бутылку с зажигательной смесью в дверь клуба, и которые скрылись в большом автофургоне с иностранным номером".

5.3 Относительно стадии расследования в магистратуре:

1. 17 июля 1985 года, на следующий день после происшествия, братья Хилл давали показания ведущему расследование магистрату в Гандии при содействии назначенного им адвоката и повторили заявление, сделанное накануне в полиции.

2. Магистрат № 1 вынес постановление о проведении различных процедур, включая оценку причиненного ущерба, размер которого составил 1 935 000 песет. Другие присутствовавшие в полиции стороны, включая свидетеля, повторили свои показания.

3. Магистрат № 1 Гандии 19 июля вынес постановление о возбуждении уголовного судопроизводства против братьев Хилл за совершение поджога, о заключении их под стражу и установлении залога.

4. Дальнейшие показания обвиняемых, дополнительное полицейское досье с фотографиями и информацией, предоставленными Интерполом по делу Майкла Джона Хилла, осужденного в Соединенном Королевстве за кражу, взлом и проникновение в помещение, мошенничество, хранение краденных вещей, подделку документов, нарушение правил дорожного движения и поджог.

5. Изъятие автофургона, согласно нормам гражданско-правовой ответственности, налагаемой во время досудебного расследования.

6. Постановление о прекращении досудебного расследования, принятое судом 24 октября 1985 года, и направление дела обвиняемых в Высокий суд провинции Валенсии. Вызов в суд обвиняемых, которые по своему собственному выбору назначили адвоката для ведения защиты.

7. 4 декабря 1985 года обвиняемые направили заявление в отделение Высокого суда провинции Валенсии с просьбой назначить г-на Гюнтера Рудигера Джорда своим адвокатом.

5.4 Относительно устного производства:

1. Защитник, выбранный по желанию обвиняемых, вызвал только одного свидетеля, а именно того же свидетеля, который был выставлен прокуратурой, г-на П., свидетеля преступления, инкриминируемого задержанным.

2. 22 октября 1986 года было объявлено, что устные слушания будут проведены 3 ноября, о чем стороны были надлежащим образом уведомлены.

3. 28 октября 1986 года представитель защитника сообщил коллегии Высокого суда, которая рассматривала это дело, что, "поскольку между обвиняемыми и защитником возникли разногласия, он отказывается вести дело".

4. Суд вынес постановление о назначении адвоката для обвиняемых. Братья Хилл заявили о своем желании иметь назначенного судом адвоката.

5. После назначения адвоката им сообщили 31 декабря 1986 года дату предстоящего судебного заседания 3 ноября 1986 года. Из протокола судебного заседания за тот день следует, что судебная коллегия, рассматривавшая это дело, из-за недостаточного времени, отведенного для подготовки защиты, согласилась отложить слушания и назначила их на 17 ноября 1986 года.

6. 17 ноября 1986 года состоялись устные слушания по делу. Заседание началось с того, что защита огласила заявление обвиняемых о происшедшем, которое было принято судебной коллегией; таким образом, мнение обвиняемых было доведено непосредственно до суда. Заседание проводилось с использованием услуг переводчика, а свидетеля допрашивали и обвинитель, и защита.

7. 20 ноября 1986 года Высокий суд провинции Валенсии вынес решение, отметив, что подсудимые не имели ранее судимостей, и после изучения фактов приговорил братьев Хилл к шести годам и одному дню тюремного заключения за совершение поджога, а также возложил на них ответственность за возмещение убытков, вызванных пожаром.

5.5 Относительно апелляционной жалобы об отмене судебного решения Высокого суда, поданной братьями Хилл:

a) На апелляционные слушания явился только г-н Брайен Хилл. Он назначил своим адвокатом г-на Гюнтера Рудигера Джорда, то есть того же защитника, которого он и его брат уже приглашали для ведения дела, а затем отказались от его услуг за пять дней до судебного заседания;

b) оба брата представили заявление в Верховный суд, которое было подшито к их делу;

c) поскольку г-н Рудигер Джорда не мог представлять интересы братьев в Верховном суде, он просил назначить адвоката для защиты Брайена Энтони Хилла;

d) адвокат был назначен, но не нашел оснований для апелляции;

e) второй адвокат, также назначенный судом в соответствии со статьей 876 Уголовно-процессуального кодекса, также не нашел оснований для апелляции;

f) один за другим оба адвоката посчитали, что для апелляции нет оснований. Затем дело было передано в прокуратуру, чтобы выяснить, считает ли она апелляцию обоснованной. Прокуратура также не нашла оснований для апелляции и возвратила дело;

g) было вынесено постановление об отказе в удовлетворении апелляции, поскольку она не была представлена надлежащим образом, и о праве апеллянта назначить адвоката по собственному выбору, чтобы придать апелляционной жалобе надлежащую правовую форму;

h) поскольку апеллянт не сделал этого в предписанные сроки, дело было сдано в архив;

i) в это время обвиняемые нарушили условия их условного освобождения, покинув то место в Испании, где им надлежало находиться, и уехав из страны.

5.6 Относительно условного освобождения:

14 июля 1988 года Высокий суд провинции Валенсии еще до рассмотрения апелляции об отмене решения суда принял решение об условном освобождении братьев Хилл под залог и предписал им являться в суд в первый и пятнадцатый день каждого месяца. Обвиняемые, подыскивающие квартиру, назвали в качестве адреса своего местонахождения британское посольство.

5.7 Относительно средства правовой защиты *amparo*:

16 августа 1988 года братья Хилл направили в Конституционный суд заявление о нарушении конституционных положений (*amparo*) и обратились с просьбой назначить им адвоката. После назначения адвоката было представлено конституционное ходатайство. 8 мая 1989 года Конституционный суд, рассмотрев дело по существу, вынес обоснованное постановление о том, что ходатайство к производству не принимается.

5.8 Что касается гражданско-правовой ответственности, то, согласно заявлению государства-участника, автофургон, оцененный в 2,5 млн. песет, был выставлен на открытые торги, но не был продан. Затем автофургон был передан владельцу бара в качестве компенсации за нанесенный пожаром ущерб.

5.9 Государство-участник отмечает:

что 14 июля 1988 года обвиняемые были условно освобождены и после решения Верховного суда, в соответствии с которым апелляционная жалоба отклонялась, братья Хилл в нарушение условий их условного освобождения покинули Испанию, и что, "в соответствии с заявлением британского вице-консула, братья после выхода из тюрьмы в июле или августе прошлого года уехали из Испании и не жили со своими родителями, а в настоящее время, по некоторым данным, находятся в Португалии". Поэтому 1 марта 1989 года Высокий провинциальный суд Валенсии объявил, что Майкл Джон Хилл и Брайен Энтони Хилл нарушили условия освобождения, и вынес постановление об их розыске и взятии под стражу.

Замечания авторов сообщения

6.1 В своих замечаниях от 6 июля 1993 года авторы утверждают, что они невиновны и считают свое осуждение следствием ряда недоразумений, возникших из-за отсутствия надлежащего перевода в ходе судебного процесса.

6.2 Авторы повторяют, что их права были нарушены, в частности право на справедливое судебное разбирательство, гарантирующее достаточное время и возможности для подготовки защиты, а также право защищать себя лично и опрашивать свидетелей. Авторы отклоняют предъявленные им государством-участником обвинения в том, что они покинули Испанию сразу после освобождения, и поясняют, что они выполнили условия своего условного освобождения и затем вернулись к своей семье в Соединенном Королевстве, известив власти о своем адресе и намерении продолжить дело, чтобы доказать свою невиновность. Из представленных Комитету документов следует, что в феврале 1990 года братья Хилл действительно обратились с письмом в Конституционный суд, чтобы узнать об исходе их апелляции.

6.3 Авторы возражают против презумпции виновности, из которой исходило государство-участник на основании отчета Интерпола о Майкле Хилле. Прежде всего, отчет относится к событиям, которые происходили в Соединенном Королевстве более 14 лет назад, и к ранее имевшему место уголовному делу, которое было закрыто и потому не могло использоваться в качестве аргумента в суде. Ссылки прокуратуры на упомянутый отчет были неправомерными и предвзятыми, но авторы не имели возможности опровергнуть представление прокуратуры во время слушаний, которые едва ли заняли 40 минут. Они подчеркивают, что Майклу Хиллу было отказано в праве защищать себя лично на основании презумпции виновности и что, более того, назначенный ему адвокат не следовал его указаниям. По этим причинам не были представлены возражения по вопросу о предвзятом характере презумпции виновности. Далее, информация, которую не смог опровергнуть назначенный судом адвокат, имела в высшей степени негативные последствия также для Брайена Хилла, у которого не было никакой уголовной судимости в Соединенном Королевстве.

Решение Комитета о приемлемости

7.1 Прежде чем приступить к рассмотрению жалобы, содержащейся в сообщении, Комитет по правам человека, согласно правилу 87 своих правил процедуры, выносит решение относительно приемлемости дела в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

7.2 Комитет установил, что, как того требует подпункт а) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола, этот вопрос не рассматривался в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования. Принимая во внимание всю информацию, представленную сторонами, Комитет пришел к выводу, что внутренние средства правовой защиты, о которых говорится в подпункте б) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола, были исчерпаны.

7.3 Комитет рассмотрел заявление государства-участника о том, что братья Хилл злоупотребили правом на обращение, но пришел к выводу, что только рассмотрение дела по существу может прояснить, злоупотребили ли этим правом братья Хилл и нарушило ли государство-участник положения Пакта.

7.4 Комитет считает, что заявления, сделанные согласно статье 14, были достаточно обоснованными с точки зрения приемлемости и, соответственно, должны быть рассмотрены по существу. Факты, представленные Комитету, также вызывают вопросы, связанные со статьями 9 и 10 (см. пункты 2.3 и 2.7, выше).

8. 22 марта 1995 года Комитет по правам человека вынес решение о приемлемости сообщения.

Замечания государства-участника

9.1 В своем заявлении от 9 ноября 1995 года государство-участник ссылается на свои сделанные ранее замечания и уже представленные документы и вновь утверждает, что жалоба необоснованна. В своем представлении от 30 мая 1996 года государство-участник настаивает на том, что сообщение следует признать неприемлемым по причине злоупотребления правом на обращение. Оно считает, что авторы были условно освобождены 14 июля 1988 года при условии, что они будут являться в приемную провинциального суда Валенсии в первый день каждого месяца. Вместо этого братья Хилл покинули Испанию и возвратились в Англию. Из-за нарушения ими условий освобождения и испанского законодательства они лишаются права жаловаться на то, что Испания не соблюдает свои обязательства по международному праву.

9.2 Касаясь существа сообщения, государство-участник объясняет, что переводчик был не случайно выбран местной полицией, а был назначен Национальной службой занятости (НСЗ) [*Instituto Nacional de Empleo (INEM)*] по согласованию с министерством внутренних дел. Прежде чем поступить на службу в НСЗ, переводчики должны пройти проверку на соответствие профессиональным требованиям. Согласно представленным документам, Исабель Паскаль была в надлежащем порядке назначена переводчицей братьев Хилл в Гандии, и назначение г-жи Паскаль и г-жи Риеты подтверждается соответствующей справкой НСЗ.

9.3 Что касается желания авторов связаться с британским консульством, то, по утверждению государства-участника, согласно имеющимся документам, консульство было должным образом извещено об их содержании под стражей.

9.4 В связи с проведением процедуры предъявления для опознания государство-участник опровергает слова авторов, что они предстали перед свидетелем в наручниках и рядом с полицейскими в форме. Государство-участник заявляет, что процессуальные гарантии, предусмотренные статьями 368 и 369 Уголовно-процессуального кодекса, были должным образом соблюдены. Кроме того, процедура идентификации проводилась в присутствии адвоката обвиняемых

г-на Сальвадора Виценте Мартинеса Феррера, с которым связалось государство-участник и который, по утверждению этого государства, отрицает представленное авторами описание происходившего. Документ, направленный государством-участником, подтверждает, что два других лица, участвовавших в процедуре предъявления для опознания, были "инспекторами" и входили в состав Высшего полицейского корпуса, сотрудники которого не носят формы.

9.5 Государство-участник отвергает утверждение, будто братья Хилл в течение 10 дней оставались без пищи, и прилагает заявление начальника полиции Гандии и расписки, якобы подписанные братьями Хилл.

9.6 Что касается продолжительности уголовных процессуальных действий до начала устного слушания дела с 16 июля по 24 октября 1985 года, было проведено расследование, в том числе относительно прежней судимости Майкла Хилла. 26 ноября авторы были извещены о порядке судопроизводства, и они сообщили о приглашении своего адвоката. 4 декабря 1985 года дело было передано гандийским судом в камеру провинциального суда Валенсии (*Audiencia Provincial de Valencia*). 28 декабря дело было направлено государственному атторнею, который представил свой доклад и выводы 3 марта 1986 года. 10 сентября суд назначил дату проведения устных слушаний 3 ноября. 22 октября 1986 года представитель защиты отказался от ведения дела. 28 октября братья Хилл обратились с просьбой назначить им адвоката. 30 октября г-н Карбонелл Серрано был назначен их адвокатом. 3 и 17 ноября состоялись устные слушания. По мнению государства-участника, приведенные хронологические выкладки подтверждают, что со стороны испанских властей в рассмотрении дела не было необоснованной задержки.

9.7 Государство-участник заявляет, что предварительное задержание продолжительностью в 16 месяцев не является чем-то необычным: оно было оправданно сложными обстоятельствами дела; решение о залоге не было принято из опасения, что авторы покинут испанскую территорию, что они и сделали, как только были условно освобождены.

9.8 Государство-участник утверждает, что у авторов было достаточно времени и возможностей, чтобы подготовиться к защите. Во-первых, они пользовались услугами адвоката, которого выбрали сами, а когда отказались от его услуг, им был назначен адвокат, и рассмотрение дела в суде было отложено, с тем чтобы новый адвокат мог ознакомиться с материалами дела. Неправда, будто г-н Карбонелл, назначенный судом адвокат, затребовал у авторов 500 тыс. песет перед судебным разбирательством. Он требовал 50 тыс. песет за ведение дела, которое они хотели обжаловать в Верховном суде, - сумму, вполне разумную для адвоката, выбранного по желанию клиента. Однако авторы не воспользовались его услугами, а предпочли двух других адвокатов, назначенных для них судом. Государство-участник отклоняет утверждение авторов, будто им не были представлены материалы дела в переводе на английский язык.

9.9 По поводу устных слушаний государство заявляет, что г-жа Риета - квалифицированный переводчик и что единственный свидетель, г-н Пеллисер, подтвердил, что опознал авторов и их автомобиль-пикап.

9.10 Что касается права Майкла Хилла защищать себя лично, то судебными протоколами не подтверждается, что Майкл Хилл требовал предоставить ему право защищать себя и что суд отказал ему в этом праве. Кроме того, испанское законодательство признает, в соответствии с Пактом и Европейской конвенцией, право защищать себя. Такая защита должна осуществляться компетентным адвокатом, услуги которого в случае необходимости оплачиваются государством. Оговорки Испании в отношении статей 5 и 6 Европейской конвенции касаются только ограничения этого права в отношении служащих Вооруженных сил.

9.11 Что касается презумпции невиновности, то авторы признали, что находились в клубе и выпили несколько порций пива. С учетом показаний свидетеля нет оснований утверждать, что их считали виновными без представления необходимых доказательств.

Замечания авторов

10.1 В письмах от 8 января и 5 июля 1996 года авторы опровергают доводы государства-участника относительно приемлемости жалобы и рассмотрения ее по существу. По поводу якобы злоупотребления правом на обращение авторы утверждают, что поведение государства-участника, учитывая многочисленные нарушения им прав обвиняемых во время содержания под стражей и судебного процесса, было нечестным в отношении Комитета. Они настаивают на том, что, покидая территорию Испании, действовали правомерно, поскольку опасались дальнейшего нарушения их прав. Кроме того, они покинули Испанию не сразу после освобождения из тюрьмы 14 июля 1988 года, а пять недель спустя, 17 августа, без возражений со стороны британского консульства в Аликанте. Они ссылаются на протокол своего посещения консульства 12 августа 1988 года для получения временного паспорта. Кроме того, государство-участник не предупреждало их о том, что они должны оставаться в Испании после освобождения, а вся документация об освобождении была на испанском языке.

10.2 Что касается переводчицы, они настаивают на утверждении, что г-жа Исабель Паскаль допускала грубые ошибки при переводе, которые в итоге привели к осуждению обвиняемых. Они не высказывают критических замечаний в адрес другой переводчицы, г-жи Риеты, кроме замечания по поводу ошибочного названия топлива, на котором работал их автомобиль.

10.3 В отношении процедуры предъявления для опознания они вновь подтверждают заявление, сделанное ими в сообщении от 6 июля 1993 года.

10.4 Они подтверждают, что не получали никакой еды или питья в течение пяти дней и очень немного еды после, поскольку средства, выделяемые специально на эти цели, присваивались. Они указывают, что в ведомости, представленной государством-участником, не упоминается о первых пяти днях, когда, по их утверждению, они были полностью лишены пищи. Ведомости, представленные государством-участником, относятся к 11 дням, и только на двух из ведомостей, а именно за 21 и 24 июля, есть их подписи.

10.5 Касаясь необходимых для подготовки к защите времени и возможностей, авторы утверждают, что они провели лишь два кратких свидания с назначенным им адвокатом, г-ном Карбонеллом. Они настаивают на своем заявлении о том, что 1 ноября 1986 года г-н Карбонелл потребовал у их родителей полмиллиона песет.

10.6 Относительно права Майкла Хилла защищать самого себя утверждается, что письмо вице-консула в Аликанте от 12 марта 1987 года подтверждает их жалобу на повторившийся дважды отказ судебных органов предоставить право защищать себя в суде, предусмотренное в Конституции Испании. Майкл Хилл недвусмысленно выразил желание защищать себя лично еще до судебного разбирательства через официального переводчика г-жу Риету.

10.7 В отношении продолжительности слушаний авторы вновь утверждают, что первое заседание, состоявшееся 3 ноября, продолжалось только 20 минут; за это время был поднят вопрос о топливе, на котором работал их автомобиль. Не было проведено опроса подсудимых или свидетеля происшествия. Второе заседание, состоявшееся 17 ноября, продолжалось 35 минут и в основном было посвящено формальностям. Таким образом, авторы опровергают утверждение государства-участника, будто суд мог должным образом опросить подсудимых и одного свидетеля; при этом следует учитывать необходимость переводить каждое сказанное слово.

10.8 Что же касается презумпции невиновности, то они утверждают: не только на судебном процессе, но и на протяжении всего расследования к ним относились как к виновным, хотя с самого начала они говорили о своей невиновности.

Рассмотрение дела по существу

11. Комитет по правам человека рассмотрел это сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами, как предусмотрено пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

12.1 Относительно утверждения государства-участника, что дело должно быть признано неприемлемым из-за злоупотребления правом на обращение, поскольку авторы не выполнили условий своего освобождения в нарушение испанского законодательства, Комитет считает, что авторы не утратили права на обращение с жалобой в соответствии с Факультативным протоколом лишь потому, что вышли из-под юрисдикции государства-участника, которому они предъявляют претензии, нарушив тем самым условия своего освобождения.

12.2 В связи с заявлениями авторов о нарушении статьи 9 Пакта Комитет считает, что арест авторов не был незаконным или произвольным. Пункт 2 статьи 9 Пакта требует, чтобы лицо, которое подвергается аресту, было проинформировано в момент ареста о причинах его задержания и незамедлительно поставлено в известность о любых предъявляемых ему обвинениях. Авторы особо подчеркивают, что до извещения их о причинах ареста прошло, соответственно, семь и восемь часов, и жалуются на то, что не поняли, какие им предъявляются обвинения, из-за отсутствия квалифицированного переводчика. Документы, представленные государством-участником, свидетельствуют о том, что выполнение формальных процедур, связанных с арестом, было отложено в полицейском участке с 6 часов утра до 9 часов утра, когда прибыл переводчик и обвиняемых можно было проинформировать в надлежащем порядке в присутствии адвоката. Далее, из документов, представленных государством-участником, следует, что переводчик был не случайным, а официальным переводчиком, назначенным в соответствии с правилами, гарантирующими его компетентность. С учетом этого обстоятельства Комитет считает, что представленные ему факты не свидетельствуют о нарушении пункта 2 статьи 9 Пакта.

12.3 В связи с пунктом 3 статьи 9 Пакта, согласно которому содержание под стражей лиц, ожидающих суда, не должно быть общим правилом, авторы жалуются, что им не была предоставлена возможность освобождения под залог и, поскольку они не могли вернуться в Соединенное Королевство, их строительная фирма была объявлена банкротом. Комитет подтверждает свое прежнее заключение, что содержание под стражей до суда должно быть исключением и необходимо освобождать под залог, кроме ситуаций, когда есть вероятность того, что обвиняемый скроется от правосудия или уничтожит доказательства, повлияет на свидетелей или окажется вне юрисдикции страны-участника. Сам по себе тот факт, что обвиняемый является иностранцем, не означает возможности держать его под стражей до суда лишь на этом основании. Государство-участник действительно утверждает, что были веские причины опасаться, что авторы покинут испанскую территорию в случае освобождения под залог. Однако оно не представило никакой информации относительно того, на чем основывались такие опасения и почему нельзя было решить проблему установлением соответствующей суммы залога или иного условия освобождения. Одно лишь предположение государства-участника, что иностранец может оказаться вне его юрисдикции в случае освобождения под залог, не оправдывает несоблюдения положения, предусмотренного в пункте 3 статьи 9 Пакта. С учетом этого Комитет решил, что право на освобождение под залог в отношении авторов было нарушено.

12.4 Авторы были арестованы 15 июля 1985 года, и им было предъявлено официальное обвинение 19 июля 1985 года. Суд над ними не начинался до ноября 1986 года, а их апелляция не рассматривалась до июля 1988 года. Такая задержка лишь в незначительной степени может быть оправдана решением авторов поменять адвокатов. Государство-участник утверждает, что просрочка была вызвана "сложными обстоятельствами дела", но не представило никакой информации, указывающей на такие сложности. Рассмотрев всю имеющуюся информацию, Комитет не установил, что именно в этом деле может считаться сложным. Единственный очевидец происшествия был свидетелем, который давал показания на слушании в июле 1985 года, и ничто не свидетельствует о необходимости проведения какого-либо дополнительного расследования по завершении слушания. С учетом этого Комитет решил, что государство-участник нарушило право авторов на судебное разбирательство без необоснованной задержки, предусмотренное в подпункте с) пункта 3 статьи 14.

13. Что касается утверждений авторов относительно обращения с ними во время заключения, в частности в течение первых 10 дней, когда они находились под стражей в полицейском участке (пункт 2.7), Комитет отмечает, что информация и документы, представленные государством-участником, не опровергают утверждения авторов, что они не получали никакой пищи в течение первых пяти дней после задержания полицией. Комитет пришел к выводу, что такое обращение является нарушением статьи 10 Пакта.

14.1 В отношении права каждого обвиняемого в совершении уголовного преступления иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты авторы заявили, что у них было мало времени на переговоры с назначенным им адвокатом и что посещение их последним за два дня до судебного процесса длилось всего лишь 20 минут, причем у него не было с собой материалов дела или бумаги для пометок. Комитет отмечает, что государство-участник опровергает это утверждение и указывает, что у авторов был адвокат, выбранный ими лично. Кроме того, судебное заседание было отложено, чтобы назначенный адвокат мог подготовиться к ведению дела. Авторы также утверждают, что, хотя они не говорят по-испански, государство-участник не предоставило им переводов многих документов, которые могли бы помочь им лучше понять суть выдвинутых против них обвинений и организовать защиту. Комитет ссылается на свое прежнее заключение¹ и напоминает, что право на справедливое судебное разбирательство не подразумевает, что подсудимый, не понимающий языка, на котором слушается дело в суде, имеет право получить переводы всех относящихся к делу материалов уголовного расследования, при условии, что относящиеся к делу материалы имеются у его защитника. На основании представленных документов Комитет заключил, что факты не свидетельствуют о нарушении подпункта b) пункта 3 статьи 14 Пакта.

14.2 Комитет напоминает, что Майкл Хилл настаивает на том, что хотел защищать себя лично с помощью переводчика и что суд отказал ему в этой просьбе. Государство-участник заявляет в ответ, что протоколы слушаний не отражают эту просьбу и что Испания признала права на "самозащиту" в соответствии с Пактом и Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, но что "такая защита должна осуществляться профессиональным адвокатом, услуги которого оплачиваются государством в случае необходимости", из чего следует, что законодательство Испании не позволяет подсудимому защищать себя лично, как это предусмотрено в Пакте. Комитет, соответственно, пришел к выводу, что право Майкла Хилла на защиту самого себя не было соблюдено, что противоречит подпункту d) пункта 3 статьи 14 Пакта.

14.3 Далее, Комитет замечает, что апелляция авторов не была должным образом рассмотрена Апелляционным судом, как того требует статья 876 испанского Уголовно-процессуального кодекса, поскольку отсутствовал адвокат, обязанный представить основания для апелляции. Следовательно, предусмотренное Пактом право авторов на пересмотр решения об их осуждении и приговора было нарушено, что противоречит пункту 5 статьи 14 Пакта.

14.4 С учетом заключения Комитета о нарушении права авторов на справедливое судебное разбирательство, согласно статье 14, нет смысла рассматривать их конкретные заявления относительно адекватности представительства их интересов назначенным для них адвокатом, нарушения процедуры предъявления для опознания, уровня профессионализма переводчиков и несоблюдения презумпции невиновности.

15. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, решил, что представленные факты свидетельствуют о нарушении пункта 3 статьи 9; статьи 10 и подпункта c) пункта 3 и пункта 5 статьи 14 Пакта в отношении как Майкла Хилла, так и Брайена Хилла, а также подпункта d) пункта 3 статьи 14 в отношении только Майкла Хилла.

¹ См. соображения по сообщению № 451/1991 (*Харвард против Норвегии*), принятые 15 июля 1994 года, пункты 9.4 и 9.5.

16. В соответствии с подпунктом а) пункта 3 статьи 2 Пакта авторы имеют право на эффективное средство правовой защиты и выплату компенсации.

17. Принимая во внимание, что государство-участник, ставшее участником Факультативного протокола, признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что, в соответствии со статьей 2 Пакта, государство-участник обязалось обеспечить всем находящимся в пределах его территории или подпадающим под его юрисдикцию лицам права, признаваемые в Пакте, а также предоставлять эффективные и подлежащие принудительному осуществлению средства правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет просит государство-участника представить в течение 90 дней информацию о мерах, принятых во исполнение соображений Комитета.

ДОБАВЛЕНИЕ I

Особое мнение члена Комитета г-на Нисуке Андо в соответствии с пунктом 3 правила 94 правил процедуры Комитета в отношении решения Комитета по сообщению № 526/1993, Майкл и Брайен Хилл против Испании

Я согласен с соображениями Комитета относительно статьи 14. Однако я не могу согласиться с выводом Комитета относительно статьи 10.

Согласно утверждениям авторов их держали в полиции 10 дней, в течение пяти из которых, по их заверениям, им не давали пищу, а лишь теплую воду для питья (см. пункт 2.7). Государство-участник опровергает это утверждение и прилагает заявление начальника полиции Гандии, а также расписки, якобы подписанные авторами (см. пункт 9.5). Авторы утверждают, что выделяемые на питание средства присваивались и что в ведомостях государства-участника не упоминается о первых пяти днях, когда они были полностью лишены пищи (см. 10.4).

Тем не менее как признает сам Комитет (см. пункт 10.4), ведомости относятся к 11 дням - с 16 по 26 июля 1985 года и, вопреки заключению Комитета о том, что подписи авторов имеются в ведомостях только за 21 и 24 июля, имена авторов с их подписями есть в ведомостях за все 11 дней. Как представляется, все подписи нельзя назвать абсолютно идентичными, и, возможно, охранники, отвечающие за питание, подписали эти ведомости вместо авторов.

В любом случае авторы не представили никаких доказательств, опровергающих существование и содержание ведомостей: то, что они находились без пищи в течение первых пяти дней после задержания полицией, остается лишь неподтвержденным заявлением. При таких обстоятельствах я не могу согласиться с заключением Комитета о том, что государство-участник не предоставило достаточные свидетельства, опровергающие утверждение авторов, и что оно нарушило статью 10 Пакта (см. пункт 13).

ДОБАВЛЕНИЕ II

Особое мнение члена Комитета г-на Экарта Клайна в соответствии с пунктом 3 правила 94 правил процедуры Комитета в отношении решения Комитета по сообщению № 526/1993, Майкл и Брайен Хилл против Испании

Я не разделяю выраженного в пункте 14.4 соображений мнения, согласно которому Комитету нет смысла рассматривать конкретные заявления авторов относительно адекватности представительства их интересов назначенным для них адвокатом, нарушения процедуры предъявления для опознания, уровня профессионализма назначенных судом переводчиков и несоблюдения презумпции невиновности.

Тот факт, что Комитет обнаружил нарушение права авторов на справедливое судебное разбирательство согласно статье 14 в некоторых аспектах [подпункты с) и d) пункта 3 и пункт 5 статьи 14], не освобождает Комитет от обязанности рассмотреть вопрос о том, были ли иные нарушения прав, предусмотренных в статье 14 Пакта. Следовало рассмотреть имевшиеся, по утверждениям авторов, нарушения пунктов 1, 2 и подпункта f) пункта 3 статьи 14.

Статус Комитета отличается от положения национального суда, который в силу ограниченных временных рамок может себе позволить рассмотрение только наиболее очевидных причин, как таковые оправдывающих отмену той или иной принятой меры. Авторитетность представляемых Комитетом соображений обуславливается в значительной мере тщательным рассмотрением всех утверждений, сделанных автором, и убедительными *ratio decidendi* (мотивами решения). Влияние соображений Комитета на поведение государства-участника будет укрепляться только в случае тщательного изучения всех аспектов дела и четкой аргументации всех необходимых заключений.

Помимо этого возражения общего характера, я хотел бы отметить, что не считаю, будто статья 14 Пакта должна рассматриваться только как всеобъемлющее положение, предусматривающее право на справедливое судебное разбирательство. Действительно, все положения указанной статьи связаны с этим вопросом, но четкое формулирование различных аспектов права на справедливое судебное разбирательство обосновано многими разнообразными вескими причинами, коренящимися в предшествующей практике. Комитет не должен способствовать формированию представления, будто некоторые права, предусмотренные статьей 14 Пакта, менее важны, чем другие.

Я не думаю, что представленные авторами и относящиеся к данному делу факты свидетельствуют о таком нарушении предусмотренных Пактом прав, которое не отмечено в выводах Комитета, но я обязан высказать собственную позицию по этому принципиальному вопросу.

Сообщение No. 538/1993

Представлено: Чарльз Стюарт [представлен адвокатом]

Предполагаемая жертва: Автор

Государство-участник: Канада

Объявлено приемлемым 18 марта 1994 года (пятидесятая сессия)

Дата принятия соображений: 1 ноября 1996 года (пятьдесят восьмая сессия)

Предмет сообщения: Высылка человека, длительно проживавшего в государстве-участнике, в страну его происхождения по причине преступного поведения

Вопросы процедуры: Временные меры защиты - Оспаривание государством-участником обоснованности временных мер

Вопросы существа: Произвольное лишение права въехать в свою собственную страну - Вмешательство в семейную жизнь

Статьи Пакта: 7, 9, 12 (4), 13, 17, и 23

Статьи Факультативного протокола и правила процедуры: 2 и 5, пункт 2 (b), и правило 86

Заключение: Отсутствие нарушения

1. Автор сообщения является Чарльз Эдвард Стюарт, британский гражданин, 1960 года рождения. Он проживает в Онтарио, Канада, с семи лет и в настоящее время ему грозит депортация из Канады. Он утверждает, что является жертвой нарушения Канадой статей 7, 9, 12, 13, 17 и 23 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его интересы представляет адвокат.

Факты в изложении автора

2.1 Автор родился в Шотландии в декабре 1960 года. Его мать вместе с ним эмигрировала в Канаду; его отец и старший брат в то время уже жили в Канаде. Родители автора стали проживать раздельно, и автор живет вместе со своей матерью и младшим братом: у матери - слабое здоровье, а брат - психически неполноценен и страдает хронической эпилепсией. Старший брат автора был депортирован в Соединенное Королевство в 1992 году, поскольку ранее имел уголовную судимость. За исключением брата, все родственники автора живут в Канаде; сам автор - отец двух малолетних близнецов, живущих со своей матерью, с которой автор развелся в 1989 году.

2.2 Автор заявляет, что большую часть своей жизни считал себя канадским гражданином. Он утверждает, что только тогда, когда ему пришлось столкнуться с иммиграционными чиновниками из-за уголовной судимости, он понял, что по закону является лишь постоянно проживающим лицом, так как его родители ни разу во времена его юности не обращались с просьбой о предоставлении ему канадского гражданства. Автор заявляет, что за период с сентября 1978 года по май 1991 года он был осужден 42 раза, в основном за мелкие правонарушения и нарушение правил дорожного движения. Два раза его судили за хранение семян марихуаны и запрещенного оружия, применяемого в восточных единоборствах; он был также осужден за совершенное в сентябре 1984 года нападение на свою бывшую подругу с причинением ей телесных повреждений. Адвокат указывает, что большинство судимостей ее клиента связаны со злоупотреблением различными веществами, в частности алкоголем. С момента его освобождения под обязательный надзор в сентябре 1990 года автор проходил несколько курсов лечения от наркотической и алкогольной зависимости. Кроме того, врачи рекомендовали ему воздерживаться от употребления алкоголя, и, за исключением одного рецидива, он абсолютно не употребляет алкоголь.

2.3 Заявляется, что, хотя автор не может полностью обеспечивать свою семью, но по возможности делает это и помогает по дому своей больной матери и психически неполноценному брату.

2.4 В 1990 году против автора было возбуждено иммиграционное расследование в соответствии с пунктом 1 статьи 27 закона об иммиграции. Согласно положению этого пункта лицо, постоянно проживающее в Канаде, должно быть депортировано из Канады, если судья по расследованию иммиграционных дел получит доказательства того, что ответчик был осужден за некоторые конкретно установленные преступления, предусмотренные законом об иммиграции. 20 августа 1990 года был издан приказ о депортации автора из-за его уголовных судимостей. Он обжаловал приказ в Отделе апелляций по иммиграционным делам. Совет этого Отдела заслушал апелляцию 15 мая 1992 года и отклонил ее решением от 21 августа 1992 года, о чем автор был уведомлен 1 сентября 1992 года.

2.5 30 октября 1992 года автор обратился в Федеральный апелляционный суд с просьбой об отсрочке исполнения приказа, чтобы ходатайствовать о получении разрешения на апелляцию. Сначала суд удовлетворил просьбу, но потом отклонил ходатайство о получении разрешения на апелляцию. Других средств обжалования или ходатайства о получении разрешения Федерального апелляционного суда о представлении апелляции в Верховный суд Канады или любой другой суд страны не имеется. Таким образом, как утверждается, другое эффективное внутреннее средство правовой защиты не является доступным.

2.6 Если автор будет депортирован, он не сможет вернуться в Канаду без прямого согласия канадского министра по делам занятости и иммиграции в соответствии со статьями 19 (1) (i) и 55 закона об иммиграции. Новое заявление о разрешении на выезд в Канаду потребует не только согласия министра, но и выполнения автором всех других условий, установленных законом для иммигрантов. Кроме того, вследствие имеющихся у него судимостей автору будет закрыт въезд в Канаду согласно статье 19 (2) (a) указанного закона.

2.7 Поскольку приказ о депортации автора может быть приведен в исполнение в любой момент, адвокат просит Комитет сообщить государству-участнику о желательности применения временных мер защиты в соответствии с правилом 86 его правил процедуры.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что вышеизложенные факты свидетельствуют о нарушении статей 7, 9, 12, 13, 17 и 23 Пакта. Он утверждает, что в связи со статьей 23 государство-участник не предусмотрело четко сформулированного положения о законодательном признании и необходимости защиты семьи. При отсутствии такого законодательства, которое обеспечило бы надлежащий учет интересов семьи в ходе административного разбирательства, в частности в Совете по делам иммиграции и беженцев, прежде всего, по мнению автора, возникает вопрос, совместимо ли канадское законодательство с требованиями защиты семьи.

3.2 Автор также ссылается на Замечания общего порядка, принятые Комитетом в отношении статьи 17, согласно чему "вмешательство [в семейную или частную жизнь] может совершаться только на основании закона, который должен, в свою очередь, соответствовать положениям, целям и задачам Пакта". По утверждению автора, в стране нет закона, который обеспечил бы возможность учитывать его законные семейные интересы или интересы членов его семьи при решении вопроса о его депортации из Канады; есть лишь сформулированное в неопределенных и общих выражениях дискреционное правило, оставляющее на усмотрение Отдела апелляций по иммиграционным делам рассмотрение всех обстоятельств дела, а этого, как утверждается, недостаточно для обеспечения баланса между интересами его семьи и другими законными интересами государства. В своем решении Отдел апелляций по иммиграционным делам не учел состояние здоровья матери и брата автора, вместо этого он постановил, что "принимая во внимание, что апеллент никого не имеет на своем иждивении, и отсутствие реальной привязанности к кому-либо и реальной поддержки от кого-либо, Отдел апелляций не видит достаточных оснований, оправдывающих присутствие апеллента в стране".

3.3 По мнению автора, термин "дом" следует толковать широко, подразумевая все сообщество, членом которого является тот или иной индивидуум. В этом смысле его "дом", как он считает, - это Канада. Кроме того, автор утверждает, что его личная жизнь подразумевает возможность жить в рамках этого сообщества без произвольного или неправомерного вмешательства. Поскольку канадское законодательство не ограждает иностранцев от такого вмешательства, автор настаивает, что в его случае была нарушена статья 17.

3.4 Автор утверждает, что пункт 4 статьи 12 применим к его ситуации, поскольку во всех практических аспектах Канада является его собственной страной. Его депортация из Канады привела бы к абсолютному запрету вернуться в Канаду на основании закона. В этой связи отмечается, что из контекста пункта 4 статьи 12 не следует, что каждый имеет право на въезд в страну своего гражданства или рождения, в ней говорится лишь о въезде в "свою собственную страну". Адвокат утверждает, что Соединенное Королевство более не является "собственной страной" автора, поскольку он покинул ее в возрасте семи лет и вся его жизнь теперь связана с его семьей в Канаде; таким образом, хотя формально он и не является канадцем, он должен де-факто рассматриваться как канадский гражданин.

3.5 Автор настаивает, что его ссылки на статьи 17 и 23 следует рассматривать также в свете других положений, в частности статей 9 и 12. Хотя статья 9 касается лишения свободы, в ней не говорится о том, что единственным аспектом понятия "свобода" является физическая свобода. Статья 12 признает понятие свободы в более широком смысле: автор полагает, что его депортация из Канады была бы нарушением "его свободы передвижения в пределах Канады и его общины" и что она не является необходимой с точки зрения какого-либо из легитимных оснований, перечисленных в пункте 3 статьи 12.

3.6 Автор считает, что принудительное исполнение приказа о депортации было бы жестоким, бесчеловечным и унижающим достоинство обращением по смыслу статьи 7 Пакта. Он признает, что Комитет еще не принимал решения о том, является ли постоянное разлучение лица с его/ее семьей и/или близкими родственниками и фактическая высылка человека из единственной страны, которую он знает и в которой вырос, жестоким, бесчеловечным и унижающим достоинство обращением; он полагает, что этот вопрос следует рассмотреть по существу.

3.7 В этой связи автор напоминает, что: а) он проживает в Канаде с семи лет; б) на момент вынесения приказа о депортации все ближайшие члены его семьи проживали в Канаде; в) несмотря на его неоднократные судимости, это ни в коем случае не означает, что он представляет угрозу государственной безопасности; г) он добровольно предпринял усилия для решения своих проблем, связанных со злоупотреблением различными веществами; д) депортация из Канады реально и навсегда оборвет все его связи в Канаде; и) сроки тюремного заключения, которые он отбыл по различным приговорам, уже являются достаточным наказанием, а доводы Отдела апелляции по иммиграционным делам, который акцентирует внимание на его уголовных судимостях, представляют собой дополнительное наказание.

Просьба Специального докладчика о принятии временных мер защиты и реакция государства-участника

4.1 26 апреля 1993 года Специальный докладчик по новым сообщениям передал сообщение автора государству-участнику с просьбой представить, в соответствии с правилом 91 правил процедуры, информацию и замечания о приемлемости рассматриваемого сообщения. Согласно правилу 86 правил процедуры Докладчик обратился к государству-участнику с просьбой не депортировать автора в Соединенное Королевство на время рассмотрения Комитетом его сообщения.

4.2 В представлении от 9 июля 1993 года в ответ на просьбу об обеспечении временных мер защиты государство-участник заявило, что, хотя автору, несомненно, будут причинены личные неудобства в случае его депортации в Соединенное Королевство, в данном деле нет особых или непреодолимых обстоятельств, которые могли бы причинить кому-либо непоправимый ущерб. В этой связи государство-участник отмечает, что автора не высылают в страну, где его безопасность

или жизнь были бы поставлены под угрозу; кроме того, он не лишается раз и навсегда возможности вернуться в Канаду. Далее государство-участник отмечает, что, хотя социальные связи автора с его семьей могут быть затронуты, из его жалобы вполне определенно следует, что его семья ни в финансовом, ни в ином отношении объективно от него не зависит: автор не оказывает финансовой поддержки своему брату, не поддерживает контактов со своим отцом в течение семи или восьми лет и после развода с женой в 1989 году, по всей видимости, не поддерживает каких-либо отношений с ней или с детьми.

4.3 Государство-участник считает, что применение правила 86 не должно быть общим правилом для государство-участников в плане приостановления мер или решений на национальном уровне, если только нет особых обстоятельств, когда такая мера или решение могут противоречить реальному осуществлению права автора на обращение с жалобой. Сам факт обращения с жалобой в Комитет не должен автоматически подразумевать, что государство-участник ограничивается в своих полномочиях на исполнение решения о депортации. Государство-участник полагает, что соображения государственной безопасности и общественного порядка должны считаться приоритетными и их следует принять во внимание, прежде чем ограничивать государство-участника в осуществлении законно принятого решения. Поэтому оно просит Комитет разъяснить критерии, лежащие в основе решения Специального докладчика относительно принятия временных мер защиты, и рассмотреть вопрос об отзыве требования о временных мерах защиты в соответствии с правилом 86.

4.4 В своих комментариях от 15 сентября 1993 года адвокат оспаривает аргументы государства-участника относительно применения правила 86. Она считает, что депортация действительно навсегда лишила бы автора возможности вернуться в Канаду. Кроме того, вопрос о том, что именно может явиться "непоправимым ущербом" для апелланта, следует рассматривать не с точки зрения критериев, выработанных канадскими судами, которые, как заявляется, свели вопрос о непоправимом ущербе в отношении семьи почти полностью к финансовой зависимости, а с точки зрения критериев, которыми руководствуется сам Комитет.

4.5 По мнению адвоката, сообщение было представлено именно потому, что канадские суды, в том числе Отдел апелляций по иммиграционным делам, не признают существования интересов семьи, если они выходят за рамки финансовой зависимости ее членов. Она добавляет, что именно этот критерий, который был использован Отделом апелляций по иммиграционным делам и Федеральным судом, и является вопросом, подлежащим рассмотрению Комитетом по правам человека: если сейчас отозвать требование, выдвинутое согласно правилу 86, это отрицательно скажется на действенности любого постановления, которое Комитет может принять в пользу автора в будущем. И наконец, адвокат утверждает, что было бы неоправданным применение критерия "баланса удобств" при определении, нужно ли ссылаться на правило 86, поскольку этот критерий не подходит, когда речь идет о правах человека.

Замечания государства-участника о приемлемости сообщения и комментарии адвоката

5.1 В своем представлении от 14 декабря 1993 года, направленном согласно правилу 91, государство-участник заявляет, что автор не обосновал свои утверждения относительно нарушения статей 7, 9, 12 и 13 Пакта. Оно напоминает, что международные и национальные нормы о правах человека вполне определенно устанавливают: право оставаться в стране и не быть высланным из нее ограничивается гражданами этого государства. Согласно этим нормам любые такие права, которыми обладают лица, не являющиеся гражданами, доступны только при некоторых обстоятельствах и более ограничены, чем права, которыми обладают граждане. Статья 13 Пакта "ограничивает сферу применения этого документа в отношении права иностранца оставаться на территории государства-участника... Статья 13 прямо регулирует только процедуру, а не материально-правовые основания для высылки. Ее цель явно заключается в предотвращении произвольной высылки. [Это положение] нацелено на обеспечение того, чтобы процедура высылки такого лица соответствовала нормам внутреннего законодательства государства и чтобы она не оказалась связанной с недобросовестностью или злоупотреблением властью". Приводится ссылка на соображения Комитета по сообщению № 58/1979 *Маруфиду против Швеции*.

5.2 Государство-участник утверждает, что применение закона об иммиграции в отношении данного дела соответствует требованиям статьи 13. В частности, в ходе расследования в иммиграционном суде автор был представлен адвокатом, и ему была предоставлена возможность предъявить доказательства для решения вопроса о том, следует ли дать ему разрешение остаться в Канаде; он также мог провести перекрестный допрос свидетелей. Судья издал приказ о депортации автора на основании доказательств, приведенных в ходе расследования. Государство-участник поясняет, что Совет по рассмотрению апелляций иммигрантов, в который обращался автор, является независимым и беспристрастным судом, уполномоченным рассматривать любые основания для обжалования, которые касаются вопросов прав или факта, или того и другого, вместе взятых. К его юрисдикции относится также рассмотрение в апелляционном порядке просьбы о невысылке на гуманных основаниях того или иного лица из Канады. Как заявляется, Совет тщательно рассмотрел и взвесил все представленные ему доказательства и обстоятельства дела автора.

5.3 Хотя государство-участник признает, что право оставаться в стране может в исключительных случаях подпадать под сферу применения Пакта, оно заявляет, что в данном деле таких обстоятельств нет: решение о депортации г-на Стюарта, как указывается, "основывается на фактах дела и обязанности Канады приводить в исполнение законы о государственных интересах и защищать общество. Канадские суды решили, что самой важной задачей государства является охрана безопасности его граждан. Это соответствует позиции, выраженной Верховным судом Канады, которая заключается в том, что исполнительная ветвь власти имеет первостепенные права в вопросах, касающихся безопасности граждан... и что основополагающий принцип иммиграционного права заключается в том, что лица, которые не являются гражданами, не имеют безусловного права въезжать в страну или оставаться на ее территории".

5.4 Государство-участник утверждает, что решение о депортации г-на Стюарта и подтверждение приказа о депортации отвечают требованиям закона об иммиграции и соответствуют международным нормам; не существует никаких особых обстоятельств, которые могли бы служить основанием для "применения Пакта в оправдание дальнейшего пребывания подателя жалобы в Канаде". Кроме того, нет никаких доказательств злоупотребления властью со стороны компетентных органов Канады, а при отсутствии таких злоупотреблений "Комитету не надлежит оценивать толкование и применение канадского законодательства такими органами".

5.5 В связи с заявлением о нарушении статей 17 и 23 Пакта государство-участник отмечает, что его законы об иммиграции, подзаконные акты и практика совместимы с требованиями этих положений. В частности, статья 114 (2) закона об иммиграции позволяет делать исключения из положений подзаконных актов, принятых на основании закона, или разрешать въезд в Канаду некоторым лицам из сочувствия к ним или по соображениям гуманности. Основанием для этого может быть, в частности, наличие семьи в Канаде или нанесение ей потенциального ущерба как следствие высылки одного из членов семьи из Канады.

5.6 Общий принцип канадских иммиграционных программ и практики заключается в том, что иждивенцы иммигрантов, въезжающих в Канаду, имеют право на постоянное жительство одновременно с основным заявителем. Кроме того, если члены семьи остаются за пределами Канады, закон об иммиграции и подзаконные акты предоставляют возможности для их воссоединения посредством оказания помощи членам семьи и поддерживаемым родственникам, и "фактически воссоединение происходит в результате такой помощи почти во всех случаях".

5.7 С учетом вышеизложенного государство-участник утверждает, что любые возможные последствия депортации автора для его семьи в Канаде станут результатом применения законодательства, совместимого с положениями, целями и задачами Пакта: "В данном случае соображения гуманности и сочувствия, включая интересы семьи, были приняты во внимание в ходе расследования в иммиграционных органах и соотношены с обязанностью Канады защищать общество и надлежащим образом осуществлять законы о государственных интересах".

5.8 В заключение государство-участник утверждает, что г-н Стюарт не смог обосновать довода о нарушении прав, защищаемых Пактом, и фактически требует права остаться в Канаде. По мнению государства-участника, ссылаясь на Пакт, он в действительности пытается заявить претензию на право не быть депортированным из Канады: эта претензия в материально-правовом аспекте несовместима с положениями Пакта и неприемлема с точки зрения соответствия статье 3 Факультативного протокола.

6.1 В своих комментариях адвокат отмечает, что государство-участник создает неверное представление, будто дело автора дважды разбиралось иммиграционными органами, которые учли все особые обстоятельства этого дела. Она замечает, что иммиграционный судья, проводивший расследование, "не имеет компетенции суда права справедливости". Если судья убедится, что данное лицо является тем, о ком говорится в первоначальном отчете, что это лицо является постоянно проживающим в Канаде и что оно было осуждено за уголовное преступление, приказ о высылке последует обязательно. Адвокат утверждает, что судья "может не принять во внимание любые другие факторы и не имеет опирающегося на закон дискреционного права облегчить сложную ситуацию, связанную с изданием приказа о высылке".

6.2 Что касается предусмотренного в статье 114 (2) закона об иммиграции дискреционного права на исключения, в отношении некоторых лиц, из правил подзаконных актов и допуск в страну по гуманным соображениям, то адвокат отмечает, что это право не используется для облегчения положения какого-либо лица и его/ее семьи, вызванного высылкой постоянного жителя Канады: Отдел апелляций по иммиграционным делам осуществляет квазисудебное дискреционное полномочие на основе закона после полного расследования, и считается, что министру или должностным лицам министерства нецелесообразно фактически "опрокидывать" отрицательное решение... этого органа.

6.3 Адвокат утверждает, что право учесть соображения гуманности и сочувствия, делегированное министру иммиграционными правилами, в любом случае вряд ли может рассматриваться как эффективный механизм, обеспечивающий возможность сбалансировать интересы семьи и прочие интересы. Последние годы Канада, как заявляется, следует практике разлучения семей или пытается разлучить семьи, даже когда речь идет об интересах малолетних детей; таким образом, "наивысшие интересы детей не учитываются в процессе такого административного разбирательства".

6.4 Адвокат утверждает, что из заявления Канады создается впечатление, будто почти всегда обеспечивается помощь членам семей и поддерживаемым родственникам. По мнению адвоката, возможно, это и соответствует действительности, если речь идет о помощи членам семьи, но дело определенно обстоит иначе в отношении помощи поддерживаемым родственникам, поскольку поддерживаемые родственники-заявители должны соответствовать всем критериям отбора, предъявляемым к заявителям-иждивенцам. Кроме того, адвокат опровергает как "явно неверное" утверждение государства-участника, будто суд при рассмотрении ходатайства о судебном пересмотре приказа о депортации может уравновесить государственные интересы с проблемами, вызванными высылкой. Как неоднократно повторялось, суд не может соотносить эти интересы, он ограничен рамками сугубо судебного пересмотра и не может заменить решение чиновников собственным решением, даже если он приходит к другим выводам в отношении фактов: его функциональные обязанности ограничиваются отменой решения в случае юрисдикционной ошибки, нарушения принципов правосудия, основанного на естественном праве или праве справедливости, ошибки в праве или в установлении фактов из-за их искажения или произвольного толкования [статья 18 (1) Закона о Федеральном суде].

6.5 По поводу совместимости жалоб автора с Пактом адвокат отмечает, что г-н Стюарт не претендует на абсолютное право остаться в Канаде. Она соглашается с тем, что сам по себе Пакт не признает права лиц, не являющихся гражданами, въехать на территорию государства или оставаться там. Тем не менее представляется, что положения Пакта должны восприниматься не изолированно, а во взаимосвязи друг с другом; соответственно, статья 13 должна толковаться в свете других положений.

6.6 Адвокат признает, что, согласно определению Комитета, статьей 13 предусматривается процессуальная, а не материально-правовая защита; однако процессуальная защита не может толковаться в отрыве от защиты, предоставляемой в соответствии с другими положениями Пакта. Таким образом, законодательство, регулирующее высылку, не может быть дискриминационным ни по одному из признаков, перечисленных в статье 26; оно также не может допустить произвольного или незаконного вмешательства в семейную или личную жизнь и посягательства на неприкосновенность жилища (статья 17).

6.7 Относительно жалобы в соответствии со статьей 17 адвокат отмечает, что государство-участник изложило лишь положения закона об иммиграции, которые предусматривают воссоединение семьи, то есть те положения, которые, по ее мнению, не могут быть применимы в случае автора. Она добавляет, что статья 17 налагает позитивные обязательства на государство-участника и что в Канаде нет закона, который признавал бы интересы семьи, личной жизни или неприкосновенности жилища в контексте дела автора. Далее, хотя она признает, что существует предусмотренная законом процедура, которая дает Отделу апелляций по иммиграционным делам общее дискреционное право учитывать личные обстоятельства постоянно проживающего лица, в отношении которого вынесен приказ о депортации, это дискреционное право не принимается во внимание при рассмотрении главных интересов, таких как единство семьи. Адвокат ссылается на дело *Sutherland* и как на еще один пример непризнания того, что единство семьи является важным и подлежащим защите интересом. С точки зрения адвоката, "интересы не могут быть сбалансированы, если... семейные... интересы не признаются как фундаментальные с точки зрения баланса. Главным интересом с точки зрения канадского законодательства и судебной практики является защита общества...".

6.8 Относительно утверждения государства-участника о том, что "право оставаться" в стране может подпадать под сферу применения Пакта только при исключительных обстоятельствах, адвокат считает, что при разбирательстве, в ходе которого было принято и санкционировано решение о депортации автора, не ставился вопрос о признании или подтверждении прав автора, предусмотренных в статьях 7, 9, 12, 13, 17 и 23. Хотя Канада действительно обязана охранять общество, этот законный интерес должен быть соотнесен с другими защищаемыми личными правами.

6.9 Адвокат соглашается, что г-н Стюарт получил возможность представить все обстоятельства дела в Отделе апелляций по иммиграционным делам. Однако она считает, что внутреннее законодательство и судебная практика не признают, что в случае депортации будут нарушены основные права ее клиента. Это происходит потому, что такие права не учитываются и не должны учитываться, если принять во внимание направленность разработки иммиграционного законодательства. Такие понятия, как "дом", "частная жизнь", "семья" или "проживание в собственной стране", охраняемые Пактом, чужды канадскому законодательству в его иммиграционном аспекте. При принятии решения о высылке постоянного жителя не проводится никакого различия между теми, кто давно проживает в стране, и теми, кто прибыл недавно, а во главу угла ставятся интересы государственной безопасности.

Решение Комитета о приемлемости

7.1 Прежде чем приступить к рассмотрению каких-либо жалоб, содержащихся в сообщении, Комитет по правам человека должен, в соответствии с правилом 87 своего регламента, решить вопрос о том, является ли оно приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

7.2 Комитет отметил, что не был опровергнут тот факт, что у автора не осталось никаких внутренних средств правовой защиты, которые могли быть им исчерпаны, и что требования, изложенные в подпункте b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола, были соблюдены.

7.3 Что касается жалоб автора, представленных в соответствии со статьями 7 и 9 Пакта, то Комитет рассмотрел вопрос о том, были ли соблюдены условия статей 2 и 3 Факультативного протокола. В отношении статей 7 и 8 Комитет, исходя из представленных ему материалов, не считает, что автор обосновал с точки зрения приемлемости свою жалобу на то, что депортация в Соединенное Королевство и разлучение с семьей были бы жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращением по смыслу статьи 7 или что они нарушили бы его право на свободу и безопасность личности по смыслу пункта 1 статьи 9. Поэтому Комитет решил, что в этом отношении автор не имеет оснований для жалобы по смыслу статьи 2 Факультативного протокола.

7.4 Относительно статьи 13 Комитет отметил, что приказ о депортации автора был издан во исполнение решения, принятого на основании закона, и что государство-участник аргументировало его соображениями защиты общества и национальной безопасности. Нет явных указаний на то, что такое решение было принято произвольно. В этом отношении Комитет считает, что автор не смог обосновать свою жалобу с точки зрения ее приемлемости и что эта часть сообщения является неприемлемой по смыслу статьи 2 Факультативного протокола.

7.5 Относительно жалобы, поданной в соответствии со статьей 12, Комитет отметил утверждение государства-участника об отсутствии обоснования в поддержку такой жалобы, а также заявление адвоката о том, что пункт 4 статьи 12 применим к делу г-на Стюарта. Комитет отметил, что решение вопроса о применимости пункта 4 статьи 12 к ситуации автора требует тщательного анализа вопроса о том, может ли Канада рассматриваться как "собственная страна автора" в значении статьи 12, и, в этом случае, будет ли препятствовать депортация автора в Соединенное Королевство его возврату в "свою собственную страну", а при положительном ответе - будет ли это сделано в дискреционном порядке. Комитет считает, что нет априорных доказательств того, что ситуация, в которой оказался автор, не может быть отнесена к положению, подпадающему под сферу применения пункта 4 статьи 12, и поэтому пришел к выводу, что данный вопрос надлежит рассмотреть по существу.

7.6 Относительно жалоб, касающихся статей 17 и 23 Пакта, Комитет замечает, что вопрос о том, запрещается ли государству на основании статей 17 и 23 осуществлять право на депортацию иностранца, в иных случаях соответствующее статье 13 Пакта, следует рассмотреть по существу.

7.7 Комитет отметил просьбу государства-участника разъяснить критерии, обусловившие требование Специального докладчика о применении временных мер защиты согласно правилу 86 правил процедуры Комитета, а также просьбу государства-участника отозвать требование, предъявленное согласно правилу 86. Комитет замечает, что нельзя в общем плане определить, что именно может нанести "непоправимый ущерб" жертве по смыслу правила 86. Действительно важным критерием является необратимость последствий в том смысле, что у автора не будет возможности обеспечить свои права, если позднее будет вынесено заключение о нарушении Пакта по вопросам существа. В любом случае Комитет может принять решение не обращаться с требованием согласно правилу 86, если посчитает, что компенсация послужит адекватным средством правовой защиты. Применяя эти критерии к ситуациям, связанным с депортацией, Комитету необходимо знать, что автор сможет вернуться, если решение по существу вопроса будет принято в его пользу.

8. 18 марта 1994 года Комитет объявил сообщение приемлемым в той части, в какой оно поднимает вопросы, предусмотренные в пункте 4 статьи 12, статьях 17 и 23 Пакта.

Замечания государства-участника и комментарии автора

9.1 В своем представлении от 24 февраля 1995 года государство-участник утверждает, что г-н Стюарт никогда не приобретал безусловного права оставаться в Канаде как в "своей стране". Кроме того, его депортация не станет непреодолимым препятствием для его возвращения в Канаду. Рассмотрение вопроса с гуманных позиций в контексте будущего заявления о возвращении в Канаду в качестве иммигранта представляет собой практически осуществимую административную процедуру, которая не влечет пересмотра судебного решения, принятого Советом по рассмотрению апелляций иммигрантов.

9.2 Статьи 17 и 23 Пакта не могут толковаться как несовместимые с правом государства-участника депортировать иностранца при условии соблюдения положений статьи 13 Пакта. В соответствии с канадским законодательством каждый имеет право на защиту от произвольного или незаконного вмешательства в семейную и личную жизнь и посягательства на неприкосновенность жилища, как того требует статья 17. Государство-участник заявляет, что, когда решение выслать иностранца принимается после тщательного и справедливого разбирательства в соответствии с законом и практикой, которые сами по себе не являются несовместимыми с Пактом и в которых важные и насущные интересы государства, безусловно, сбалансированы с правами личности, предусмотренными в Пакте, такое решение не может быть признано произвольным. В этой связи государство-участник считает, что изложенные в законе условия, касающиеся продолжительного проживания в Канаде лиц, не являющихся ее гражданами, обоснованы и объективны, а применение закона канадскими органами совместимо с положениями Пакта, воспринимаемыми как единое целое.

9.3 Государство-участник заявляет, что решение о предстоящей депортации г-на Стюарта - результат не упрощенного производства, предпринятого канадскими властями, а тщательного рассмотрения всех имеющих отношение к делу факторов, проведенного в соответствии с четко разработанной и справедливой процедурой, отвечающей требованиям статьи 13 Пакта, в ходе которой автор был представлен адвокатом и мог изложить веские аргументы в поддержку своей жалобы о том, что депортация якобы представляет собой необоснованное вмешательство в его личную и семейную жизнь. Компетентные канадские органы правосудия приняли во внимание интересы г-на Стюарта и соотнесли их с интересами государства по защите общества. В этой связи государство-участник ссылается на Конвенцию о статусе беженцев, которая прямо признает право на защиту общества от преступников и тех, кто ставит под угрозу безопасность; утверждается, что эти соображения в равной мере уместны при толковании Пакта. Кроме того, Канада ссылается на принятое Комитетом Замечание общего порядка № 15 "О положении иностранцев в соответствии с Пактом", который предусматривает, что "именно компетентные органы государства-участника, действующие в духе доброй воли и осуществляющие свои полномочия, должны применять и толковать внутреннее законодательство, соблюдая при этом такие требования Пакта, как равенство перед законом". Оно также ссылается на соображения Комитета по сообщению № 58/1979, *Маруфиду против Швеции*, в которых Комитет определил, что депортация г-жи Маруфиду не повлекла за собой нарушения Пакта, поскольку она была выслана в соответствии с процедурой, установленной внутренним законодательством государства, и не было обнаружено признаков недобросовестности или злоупотребления властью. Комитет считает, что при таких обстоятельствах в его компетенцию не входят переоценка доказательств и рассмотрение вопроса о корректности толкования и применения своих законов компетентными органами государства, если только не было очевидно, что они действовали недобросовестно или злоупотребили своей властью. В данном сообщении не говорится о недобросовестности или злоупотреблении властью. Поэтому государство-участник утверждает, что Комитет не должен изменять свои собственные решения, не имея объективной причины полагать, что установление фактов и добросовестность решений канадских властей небезупречны в силу пристрастности, беспринципности или иных факторов; ведь только это могло бы оправдать вмешательство Комитета в вопросы, находящиеся в рамках компетенции национальных судебных органов.

9.4 В отношении обязательства Канады защищать, в соответствии со статьей 23 Пакта, семью делается ссылка на соответствующее законодательство и практику, в том числе на Конституцию и Хартию прав человека Канады. Канадское законодательство обеспечивает защиту семьи, совместимую с требованиями статьи 23. Однако защита, предусмотренная в пункте 1 статьи 23, не абсолютна. При рассмотрении вопроса о депортации автора компетентные суды Канады должным образом приняли во внимание последствия депортации для его семьи, соотнося их с законными интересами государства с точки зрения защиты общества и регулирования процесса иммиграции. В этой связи государство-участник утверждает, что конкретные факты данного дела, в том числе возраст автора и отсутствие у него иждивенцев, предполагают, что характер и качество его семейных взаимоотношений могли бы в достаточной мере поддерживаться посредством переписки, телефонных звонков и визитов в Канаду, которые он свободно сможет осуществлять согласно канадским иммиграционным законам.

9.5 Государство-участник в заключение указывает, что депортация не влечет нарушения Канадой какого-либо из прав г-на Стюарта, предусмотренных Пактом.

10.1 В представлении от 16 июня 1995 года адвокат г-на Стюарта утверждает, что в силу продолжительного проживания в Канаде г-н Стюарт имеет право считать Канаду "своей собственной страной" в целях пункта 4 статьи 12 Пакта. Она заявляет, что это положение не подлежит ограничениям и что отказ во въезде какому-либо лицу в ситуации г-на Стюарта равнозначен высылке. Адвокат рассматривает и подвергает критике соответствующие положения прецедентного права Канады, в том числе судебное решение, вынесенное в 1992 году по делу *Chiarelli v. M.E.I.*, в котором утрата права на постоянное жительство была приравнена к нарушению контракта; если условия контракта нарушены, может быть осуществлена высылка. Адвокат утверждает, что постоянное проживание в стране и семейные узы не могут рассматриваться с позиций коммерческого права.

10.2 Относительно возможности г-на Стюарта возвратиться в Канаду после депортации адвокат автора отмечает, что из-за своих уголовных судимостей он столкнется с серьезными препятствиями в получении доступа в Канаду в качестве постоянного жителя; он должен соответствовать отборочным стандартам, чтобы с учетом его профессиональной подготовки, образования и опыта ему разрешили прибыть в страну в качестве независимого иммигранта. Что касается иммиграционных правил, то потребовалось бы снятие всех его прежних судимостей, иначе ему будет закрыт доступ в качестве постоянного жителя.

10.3 В отношении лиц, стремящихся получить статус постоянного жителя Канады, адвокат ссылается на решения канадских иммиграционных властей, которые, по ее утверждению, не учитывали должным образом смягчающие обстоятельства. Кроме того, адвокат утверждает, что решение, оставленное на усмотрение судьи, не подлежит пересмотру в порядке обжалования.

10.4 В связи с нарушением статей 17 и 23 Пакта адвокат автора отмечает, что такие понятия, как "семья", "частная жизнь" и "дом", не нашли отражения в положениях закона об иммиграции. Поэтому, хотя иммиграционные власти могут принять во внимание семейные и иные обстоятельства, закон не обязывает их делать это. Кроме того, соображения, относящиеся к наличию иждивенцев, ограничиваются рассмотрением такого аспекта, как финансовая зависимость, о чем свидетельствуют решения по делам *Langner v. M.E.I.*, *Toth v. M.E.I.* и *Robinson v. M.E.I.*

10.5 Утверждается, что канадские власти, принимая решение, не смогли в достаточной мере разобраться в семейной ситуации г-на Стюарта и учесть ее. В частности, адвокат возражает против оценки канадскими судами семейных связей г-на Стюарта как поверхностных и ссылается на неофициальные записи разбирательства дела о депортации, на котором г-н Стюарт подчеркивал аспект моральной поддержки в его отношениях со своей матерью и братом. Мать г-на Стюарта подтвердила, что он помогал ей ухаживать за ее младшим сыном. Далее адвокат высказывает критические замечания по поводу мотивировки решения Отдела апелляций по иммиграционным делам в решении вопроса по делу Стюарта, где якобы слишком явно акцентировался финансовый аспект поддержки: "Апеллянт находится в хороших отношениях со своей матерью, которая написала письмо в его поддержку. Но мать апелланта всегда жила независимо, и он никогда не оказывал ей материальной помощи. Младший брат апелланта проходит курс лечения для инвалидов, и поэтому о нем заботятся социальные службы. Фактически никто не находится на иждивении апелланта или пользуется его поддержкой..." Адвокат утверждает, что Отдел, делая упор на финансовом аспекте взаимоотношений, не учитывает эмоционального значения семейных уз; в подтверждение своего довода адвокат приводит заключение психолога д-ра Ирвина Сильвермана, который обращает внимание на сложность человеческих взаимоотношений. Кроме того, адвокат приводит цитаты из книги Джонатана Блум-Фесбаха "*Психология разлучения и потери*", в которой рассматриваются длительные последствия разрыва семейных связей.

10.6 Адвокат отклоняет аргумент государства-участника, будто было найдено правильное соотношение между государственными интересами и индивидуальными правами человека.

Вопросы и процедуры в Комитете

11.1 Данное сообщение было объявлено приемлемым в той части, в какой оно поднимает вопросы, предусмотренные в пункте 4 статьи 12 и статьях 17 и 23 Пакта.

11.2 Комитет рассмотрел сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

12.1 В связи с данным делом предстоит решить вопрос о том, является ли высылка г-на Стюарта нарушением обязательств Канады по пункту 4 статьи 12 и статьям 17 и 23 Пакта.

12.2 Пункт 4 статьи 12 Пакта предусматривает: "Никто не может быть произвольно лишен права на въезд в свою собственную страну". В этой статье не содержится прямой ссылки на высылку или депортацию того или иного лица. Разумеется, можно утверждать, что смысл этого положения состоит в утверждении обязанности государства-участника воздерживаться от депортации кого-либо и что государство-участник, на котором лежит обязательство разрешать въезд лицу, не имеет также права депортировать это лицо. Комитет, опираясь на сделанный им вывод относительно пункта 4 статьи 12, который будет разъяснен ниже, считает, что в задачи Комитета в связи с данным делом не входит решение, касающееся приведенного аргумента. Он просто исходит из того, что, если бы пункт 4 статьи 12 применялся в отношении автора, государство-участник не имело бы права его депортировать.

12.3 Теперь следует поставить вопрос о том, можно ли рассматривать Канаду как "страну г-на Стюарта". При толковании пункта 4 статьи 12 важно отметить, что смысл выражения "своя собственная страна" шире, чем понятие "страна своего гражданства", которое охватывается этим выражением и которое используется в положениях некоторых региональных международных договоров о правах человека о гарантиях права на въезд в страну. Кроме того, пытаясь понять значение пункта 4 статьи 12, необходимо учитывать также формулировку статьи 13 Пакта. В этом положении говорится об "иностранце, законно находящемся на территории какого-либо из участвующих в настоящем Пакте государств", при ограничении прав государств на высылку лица, подпадающего под категорию "иностранец". Таким образом, представляется, что выражение "своя собственная страна" как концепция применяется в отношении лиц, являющихся гражданами, и в отношении некоторых категорий лиц, которые, не будучи гражданами в формальном смысле слова, в то же время не являются и "иностранцами" в значении статьи 13, хотя они могут считаться иностранцами в других целях.

12.4 Еще менее ясным представляется вопрос о том, кто, помимо граждан, защищается положениями пункта 4 статьи 12. Поскольку понятие "своя собственная страна" не ограничивается гражданством в формальном смысле слова, то есть гражданством, приобретенным на основании рождения или официально предоставленным, оно охватывает, по меньшей мере, лиц, которые в силу своих особых связей или правоприязнаний в отношении данной страны не могут считаться просто иностранцами. Это относится, в частности, к гражданам той или иной страны, которые были лишены гражданства в нарушение международного права, и к тем лицам, чья страна гражданства стала составной частью другого национального образования, в гражданстве которого им отказано. Короче говоря, хотя эти лица могут и не быть гражданами в формальном смысле слова, они в то же время не являются и иностранцами в значении статьи 13. Более того, формулировка пункта 4 статьи 12 допускает более широкое толкование, которое может охватывать другие категории лиц, продолжительное время проживающих в стране, в частности лиц без гражданства, произвольно лишенных права приобрести гражданство страны проживания.

12.5 В связи с данным делом встает вопрос о том, может ли лицо, которое въехало в данное государство в соответствии с иммиграционным законодательством этого государства и на условиях, предусмотренных этим законодательством, считать это государство своей собственной страной, если оно не приобрело гражданства этой страны и по-прежнему сохраняет гражданство страны своего происхождения. Ответ мог быть положительным, если бы страна иммиграции ставила необоснованные препятствия при получении гражданства новыми иммигрантами. Но когда, как в

данном случае, страна иммиграции создает благоприятные возможности для приобретения гражданства, а иммигрант воздерживается от этого - по собственному выбору или совершая действия, которые лишат его права приобрести это гражданство, - страна иммиграции не становится для него "своей собственной страной" по смыслу пункта 4 статьи 12 Пакта. В этой связи следует отметить, что, хотя при разработке пункта 4 статьи 12 от использования термина "страна гражданства" отказались, было отклонено также предложение сделать ссылку на страну постоянного проживания.

12.6 Г-н Стюарт является британским гражданином и по рождению, и по гражданству своих родителей. Хотя он прожил в Канаде основную часть своей жизни, он ни разу не обращался за получением канадского гражданства. Верно и то, что его уголовные судимости могли мешать ему приобрести канадское гражданство к моменту, когда он достиг возраста, достаточно зрелого для того, чтобы сделать это самому. Однако он фактически ни разу не делал попытки приобрести такое гражданство. Кроме того, если бы он обратился с просьбой предоставить ему гражданство и получил отказ из-за уголовных судимостей, это ограничение его прав было бы результатом его собственных поступков. Нельзя сказать, что на основании канадского иммиграционного законодательства произвольно или необоснованно отказывается в канадском гражданстве лицам, имеющим уголовные судимости.

12.7 Это дело не вызывало бы очевидных проблем с правами человека в связи с депортацией г-на Стюарта, если бы не тот факт, что он не был депортирован ранее. Если Комитет будет исходить из этого довода, чтобы сейчас воспрепятствовать высылке г-на Стюарта из Канады, он создаст прецедент, который может отрицательно сказаться на иммигрантах по всему миру, которые при первом же столкновении с законом дадут повод для своей депортации, дабы их продолжительное проживание в стране не превратило их в лиц, имеющих право на защиту согласно пункту 4 статьи 12.

12.8 Такие страны, как Канада, где иммигрантам разрешается стать гражданами после разумно обоснованного периода проживания, имеют право рассчитывать на то, что эти иммигранты должным образом получают все права и будут нести все обязательства, связанные с получением гражданства. Можно считать, что лица, которые не воспользовались такой возможностью и уклоняются от обязательств, налагаемых статусом гражданина, предпочли оставаться в Канаде иностранцами. Они имеют полное право так поступать, но при этом должны осознавать и последствия. Тот факт, что уголовные судимости г-на Стюарта лишили его возможности стать гражданином Канады, не может дать ему больших прав по сравнению с любым другим иностранцем, который по каким-либо причинам предпочел не становиться канадским гражданином. Следует проводить различие между лицами, оказавшимися в таких ситуациях, и теми категориями лиц, о которых говорилось в пункте 12.4, выше.

12.9 Комитет пришел к заключению, что, поскольку Канада не может считаться "страной" г-на Стюарта в целях пункта 4 статьи 12 Пакта, государство-участник не нарушило эту статью.

12.10 Депортация г-на Стюарта, несомненно, будет вмешательством в его семейные отношения в Канаде. Однако вопрос заключается в том, можно ли такое вмешательство рассматривать как незаконное или произвольное. Иммиграционным законом Канады прямо предусматривается, что статус постоянного жителя в отношении лица, не являющегося гражданином, может быть аннулирован и это лицо может быть после этого выслано из Канады, если он или она осуждены за серьезные преступления. В процессе обжалования Отдел апелляций по иммиграционным делам имеет право отменить приказ о депортации, "приняв во внимание все обстоятельства дела". В данном случае в процедуре, связанной с депортацией, г-ну Стюарту была предоставлена достаточная возможность представить Отделу апелляций по иммиграционным делам доказательства его семейных связей. В своем обоснованном решении Отдел апелляций по иммиграционным делам учел все представленные доказательства, но пришел к выводу, что семейные связи г-на Стюарта в Канаде не являются достаточным основанием для отмены приказа о депортации. Комитет считает, что вмешательство в семейные отношения г-на Стюарта, которое станет неизбежным последствием его депортации, не может рассматриваться как незаконное или произвольное, поскольку приказ о

депортации был вынесен в соответствии с законом в обеспечение законных государственных интересов и семейные связи депортируемого лица были надлежащим образом приняты во внимание во время разбирательства вопроса о депортации. Поэтому в данном случае не было нарушения статей 17 и 23 Пакта.

13. Комитет по правам человека, действуя на основании пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные Комитету факты не свидетельствуют о нарушении какого-либо из положений Международного пакта о гражданских и политических правах.

ДОБАВЛЕНИЕ I

Особое мнение г-на Экарта Клайна в соответствии с пунктом 3 правила 94 правил процедуры Комитета в отношении решения Комитета по сообщению № 538/1993, Чарлз Стюарт против Канады

В полной мере соглашаясь с выводами Комитета о том, что факты дела не свидетельствуют о нарушении пункта 4 статьи 12 и статей 17 и 23 Пакта по причинам, приведенным в соображениях, я не могу согласиться с определением взаимосвязи между пунктом 4 статьи 12 и статьей 13. Хотя этот вопрос не является решающим для исхода данного дела, он может иметь значение при рассмотрении других сообщений, и поэтому я считаю себя обязанным пояснить свою позицию.

В своих соображениях Комитет исходит из того, что есть категория лиц, которые не являются "гражданами в формальном смысле слова", но вместе с тем не являются "иностранцами в значении статьи 13" (пункт 12.4). Хотя я признаю, что сфера действия пункта 4 статьи 12 не ограничивается гражданами, а может распространяться и на других лиц, как указано в соображениях, тем не менее я полагаю, что эта категория лиц - неграждан, но подпадающих под действие пункта 4 статьи 12, - может считаться "иностранцами в смысле статьи 13". Я не думаю, что положения статьи 13 распространяются лишь на некоторых иностранцев. Эта статья имеет четкие формулировки, и в ней не делается никаких исключений; иностранцы - это все лица, не являющиеся гражданами. Связь между пунктом 4 статьи 12 и статьей 13 не взаимоисключающая. Оба положения могут применяться одновременно.

Поэтому я считаю, что статья 13 применяется во всех случаях, когда иностранец должен быть выслан из страны. В статье 13 говорится о процедуре высылки иностранцев, а пункт 4 статьи 12 и, в некоторых обстоятельствах, другие положения Пакта могут препятствовать депортации по веским причинам. Таким образом, пункт 4 статьи 12 может применяться даже в том случае, если речь идет о лице, которое является "иностранцем".

ДОБАВЛЕНИЕ II

Особое мнение г-на Лауреля Б. Фрэнсиса в соответствии с пунктом 3 правила 94 правил процедуры Комитета в отношении решения Комитета по сообщению № 538/1993, Чарлз Стюарт против Канады

Я излагаю свое мнение, основываясь на запротоколированных мною соображениях, высказанных в ходе предварительного рассмотрения Комитетом данного дела в начале сессии, когда я заявил, в частности, что: а) г-н Стюарт был жителем "собственной страны" в соответствии со статьей 12 Пакта и б) его высылка, согласно статье 13, не была нарушением пункта 4 статьи 12.

Я буду по возможности избегать непоследовательности в изложении своего мнения по поводу принятого 1 ноября решения Комитета по вопросу о том, была ли высылка г-на Стюарта из Канады (согласно статье 13 Пакта) нарушением обязательства государства-участника по пункту 4 статьи 12 и статьям 17 и 23 Пакта.

Я хотел бы заявить следующее:

1. Во-первых, я согласен с доводами, приведенными Комитетом в пункте 12.10, и его решением о том, что положения статьей 17 и 23 Пакта не были нарушены.

2. Во-вторых, я, тем не менее, не согласен с тем, что применение Комитетом понятия "собственная страна" в четвертом предложении пункта 12.3 решения Комитета имело ограничительный характер (в этом положении говорится об иностранце, законно находящемся на территории какого-либо из участвующих в настоящем Пакте государств, при ограничении прав государств на высылку лица, подпадающего под категорию "иностранец"). Препятствует ли оно "высылке" незаконных иностранцев? Конечно же, нет, так как они подпадают под другой правовой режим. Я подчеркиваю этот момент, для того чтобы показать, что правовое значение фразы "иностранец, законно находящийся на территории какого-либо из участвующих в настоящем Пакте государств", содержащейся в первой строке статьи 13 Пакта, связано с фразой, содержащейся в первой строке статьи 12: "Каждому, кто законно находится на территории какого-либо государства", то есть включающей и иностранцев; но, возможно, при этом подразумевается, что какой-либо соотечественник г-на Стюарта, законно находящийся в Канаде по гостевой визе (и не являющийся лицом, постоянно проживающим в Канаде), обычно не приобретает статуса жителя "собственной страны", как г-н Стюарт, и ему безразлична сфера применения пункта 4 статьи 12. Но г-на Стюарта это определенно касается, что он и продемонстрировал.

3. В-третьих, если было намерение ограничить применение статьи 13, то есть исключить из сферы ее применения законно находящихся на территории государства-участника иностранцев, которые приобрели статус жителя "собственной страны", то такое исключение было бы особо оговорено в самой статье 13 и не оставлено для толкования сферы применения пункта 4 статьи 12, бесспорно относящегося и к гражданам, и к другим лицам, о которых говорится в решении Комитета.

4. В связи со статусом жителя "собственной страны" государство-участник утверждает в своем представлении от 24 февраля 1995 года, что г-н Стюарт никогда не приобретал *безусловного* (курсив мой (см. пункт 9.1)) права оставаться в Канаде, как в "своей стране". Кроме того, его депортация не станет непреодолимым препятствием для его возвращения в Канаду. Рассмотрение вопроса с гуманных позиций в контексте будущего заявления о возвращении в Канаду в качестве иммигранта представляет собой практически осуществимую административную процедуру, которая не влечет пересмотра судебного решения, принятого Советом по иммиграционным апелляциям (см. пункт 9.1). См. также пункт 4.2.: Заявления, сделанные государством-участником, в том числе следующее: "...кроме того, он не лишается раз и навсегда возможности вернуться в Канаду".

Согласно вышеизложенному подразумевается, что государство-участник признает статус г-на Стюарта в качестве постоянно проживающего в Канаде, как в своей "собственной стране". Именно это условное право, связанное с таким статусом, позволило принять решение о высылке г-на Стюарта.

Если бы не приведенное выше заявление государства-участника, мы могли бы заключить, что решение о высылке г-на Стюарта прекратило его статус жителя "собственной страны" в отношении Канады, но в свете такого заявления статус жителя "собственной страны" лишь приостанавливается по воле государства-участника и остается на его усмотрение.

Исходя из вышеизложенного я не могу поддержать решение Комитета о том, что г-н Стюарт никогда не имел статуса жителя "собственной страны" в Канаде.

ДОБАВЛЕНИЕ III

Особое мнение г-жи Элизабет Эватт и г-жи Сесилии Медины Кироги, подписанное также г-ном Франсиско Хосе Акиларом Урбиной, в соответствии с пунктом 3 правила 94 правил процедуры Комитета в отношении решения Комитета по сообщению № 538/1993, Чарлз Стюарт против Канады

1. С нашей точки зрения, нельзя согласиться с заключением Комитета о том, что автор не может претендовать на защиту согласно пункту 4 статьи 12.

2. Предварительный вопрос: следует ли приравнивать произвольную депортацию какого-либо лица из его/ее собственной страны к произвольному лишению права на въезд в эту страну в обстоятельствах, когда еще не было предпринято попытки въехать или вернуться в эту страну? Комитет не сделал заключения по этому вопросу; он просто исходил из того, что, если бы пункт 4 статьи 12 применялся в отношении автора, государство не имело бы права его депортировать (пункт 12.2). Следствием различных разбирательств, инициированных Канадой, и вынесенных приказов стало лишение автора права на проживание и издание приказа о его депортации. Он более не может по праву въехать в Канаду, и перспектива того, что ему когда-либо удастся получить разрешение на въезд на более чем короткий срок, и в лучшем случае представляется отдаленной. По нашему мнению, его право на въезд в страну перспективно в той же мере, в какой перспективны его нынешние права, и лишение этого права может иметь место, как и в обстоятельствах, присущих данному делу, независимо от наличия фактического отказа на въезд. Если государство-участник обязано разрешить въезд какому-либо лицу, оно не имеет права депортировать его. С нашей точки зрения, автор был лишен права на въезд в Канаду, вне зависимости от того, находится ли он в Канаде в ожидании депортации или уже депортирован.

3. Сообщение автора, направленное в связи со статьей 13, было признано неприемлемым, и вопросов по поводу рассмотрения этого положения не возникает. Однако Комитет считает, что пункт 4 статьи 12 применяется только в отношении тех лиц, которые являются гражданами или которые, не будучи гражданами в формальном смысле слова, в то же время не являются иностранцами в значении статьи 13 (пункт 12.3). Из этого суждения следуют два вывода. Согласно первому, взаимоотношения между личностью и государством сводятся не только к отношениям между государством и гражданином или иностранцем (в частности, лицами без гражданства), они могут подпадать и под иную, не определенную Комитетом категорию. Мы не думаем, что это обусловливается статьей 12 Пакта или общими нормами международного права. Из суждения Комитета вытекает также, что то или иное лицо не может претендовать на защиту ни по статье 13, ни по пункту 4 статьи 12. Мы не согласны с таким положением. На наш взгляд, статья 13 предусматривает минимальный уровень защиты в отношении высылки любого иностранца, то есть любого не являющегося гражданином лица, которое законно находится на территории государства. Кроме того, формулировка статьи 13 никоим образом не свидетельствует о том, что она должна стать исключительным источником прав для иностранцев, или также о том, что иностранец, законно находящийся на территории государства, не имеет права претендовать на защиту согласно пункту 4 статьи 12, если он или она может установить, что это его/ее собственная страна. Каждое положение следует толковать исходя из его исчерпывающего значения.

4. Комитет пытается идентифицировать дополнительную категорию лиц, которые могли бы воспользоваться пунктом 4 статьи 12, заявляя, что лицо не может считать собственной страной государство по смыслу пункта 4 статьи 12, если только это лицо не является гражданином данного государства или не лишено своего гражданства, или если ему не отказано в гражданстве данным государством в обстоятельствах, о которых говорится выше (пункт 12.4). Комитет также считает, что если необоснованные препятствия не мешали приобретению иммигрантом гражданства, лицо, которое въезжает в страну в соответствии с ее иммиграционным законодательством и которое имеет возможность приобрести ее гражданство, не может рассматривать это государство как свою собственную страну, если ему не удалось приобрести это гражданство (пункт 12.5).

5. По нашему мнению, подход Комитета к толкованию пункта 4 статьи 12 слишком узок и не учитывает смысла формулировки этого пункта. Нельзя лишать права на въезд в "собственную страну", поскольку считается неприемлемым лишение любого человека непосредственных контактов с его семьей или друзьями или, говоря обобщенно, лишить его/ее всех связей, которые составляют его/ее социальную среду. Именно поэтому данное право изложено в статье 12, которая адресована к лицам, законно находящимся на территории государства, а не тем, кто состоит с этим государством в формальных отношениях. С точки зрения прав, изложенных в статье 12, наличие формальной связи с государством не имеет значения; в этом отношении Пакт охраняет тесные личные и эмоциональные узы, которые сложились у индивидуума на той территории, где он живет, и в той социальной среде, где он их обрел. Именно это и защищает пункт 4 статьи 12.

6. Цель и предмет права, изложенного в пункте 4 статьи 12, подтверждаются его формулировкой. Ничто в этом пункте, как и в статье 12 в целом, не говорит об ограничительном ее применении предложенным Комитетом образом. Хотя "собственная страна" лица, безусловно, включает и страну его гражданства, есть факторы помимо гражданства, которые могут установить тесные и устойчивые связи между лицом и страной, связи, которые могут оказаться сильнее гражданства. Кроме того, человек может иметь несколько гражданств и при этом лишь слабые - или вообще никакие - фактические домашние или семейные узы, связывающие его с одним или несколькими такими государствами. Слова "своя собственная страна" вызывают такие ассоциации, как постоянное проживание в течение длительного времени, тесные личные и семейные узы и намерение остаться (как и отсутствие таких уз в любой другой стране). Если определенное лицо не является гражданином данной страны, должно быть установлено наличие тесных уз, которые подтверждали бы вывод, что это его "собственная страна". Тем не менее, по нашему мнению, иностранец вправе иметь возможность доказать, что с государством его связывают такие тесные узы, которые дают ему право претендовать на защиту согласно пункту 4 статьи 12.

7. Обстоятельства, на которые ссылался автор, чтобы доказать, что Канада является его собственной страной, - это его проживание в Канаде в течение свыше 30 лет, тот факт, что его привезли в Канаду в возрасте семи лет и что здесь он женился и развелся. Его дети, мать, больной брат продолжают жить здесь. У него нет никаких связей с какой-либо другой страной, кроме того, что он является гражданином Соединенного Королевства. Несколько лет назад в Соединенное Королевство был депортирован его старший брат. Фактическая сторона совершения его братом правонарушений изложена в пункте 2.2; последствия этих правонарушений остаются неясными: имел ли когда-либо автор право обратиться за приобретением гражданства? В основе тех связей, о которых шла речь, лежит тот факт, что автор и его семья были приняты в Канаду как иммигранты, когда автор был еще ребенком, и что практически он стал членом канадского общества. Он не знает никакой другой страны. С учетом всех этих обстоятельств автор, как мы считаем, доказал, что Канада является его собственной страной.

8. Было ли лишение автора права на въезд в страну произвольным? В другом контексте Комитет посчитал, что "произвольный" означает необоснованный в конкретной ситуации или противоречащий целям и задачам Пакта (Замечания общего порядка по статье 17). Этот подход представляется также приемлемым в контексте пункта 4 статьи 12. В случае, когда речь идет о гражданах, могут возникнуть ситуации, в которых депортация не будет считаться произвольной в указанном смысле. В случае, касающемся иностранца, такого как автор, депортация может рассматриваться как произвольная, если основания для лишения его права въехать в страну и оставаться в ней были в конкретной ситуации необоснованными с учетом обстоятельств, при которых эта страна является его "собственной страной".

9. Основания, которые приводит государство-участник в оправдание высылки автора, - его уголовные судимости. Следует поставить под сомнение, может ли совершение уголовных преступлений само по себе оправдать высылку лица из его собственной страны, если государство не смогло доказать, что были веские причины, связанные с государственной безопасностью или общественным порядком, которые требовали такого решения. Характер преступлений, совершенных автором, не дает прямых оснований для такого вывода. В любом случае Канада вряд ли может утверждать, что эти причины были вескими в отношении автора, если в другом контексте было

заявлено, что автор вполне может получить въездную визу на короткий срок для свидания со своей семьей. Далее, хотя разбирательство по вопросу о депортации не было несправедливым с процессуальной точки зрения, вопрос, который выяснялся в ходе разбирательства, заключался в определении, мог ли автор обосновать доводы против депортации, а не в установлении того, были ли основания для лишения его права на въезд в "свою собственную страну". Ответственность была возложена на автора, а не на государство. При таких обстоятельствах мы пришли к выводу, что решение о депортации автора было произвольным и, следовательно, принято в нарушение его прав, предусмотренных пунктом 4 статьи 12.

10. Мы согласны с выводом Комитета о том, что депортация автора, несомненно, будет вмешательством в его семейные отношения в Канаде (пункт 12.10), но не можем согласиться, что это вмешательство не было произвольным, поскольку мы пришли к заключению, что решение о депортации автора, ставшее причиной вмешательства в семью, было произвольным. Поэтому мы должны сделать вывод, что Канада также нарушила права автора, предусмотренные статьями 17 и 23.

ДОБАВЛЕНИЕ IV

Особое мнение г-жи Кристины Шане, подписанное также г-ном Хулио Прадо Вальехо в соответствии с пунктом 3 правила 94 правил процедуры Комитета в отношении решения Комитета по сообщению № 538/1993, Чарлз Стюарт против Канады

Я не разделяю позицию Комитета по делу Стюарта, которая изложена в пункте 12.9 и в соответствии с которой он делает вывод: "поскольку Канада не может считаться "собственной страной" г-на Стюарта", Канада не нарушила пункт 4 статьи 12 Пакта.

Я не согласна с подходом к рассматриваемому делу в связи с данным вопросом:

- Если исходить из того, что неправомерные действия лишили автора права возможности приобрести гражданство и что в результате этого Канада может считать, что не является его собственной страной, то такой вывод должен был бы подвести Комитет к решению отклонить сообщение на стадии определения его приемлемости, поскольку, осознавая наличие препятствия для решения о приемлемости, Комитет должен был исключить какое-либо применение пункта 4 статьи 12 Пакта.

- Ни в самом Пакте, ни в материалах подготовительных обсуждений нет формулировок, относящихся к определению понятия "собственная страна"; поэтому Комитет должен или решать этот вопрос в связи с каждым конкретным делом, или установить критерии определения этого понятия и известить о них государства и авторов сообщений, избегая таким образом несоответствия с решениями о приемлемости; если лицо не может приобрести гражданство страны по причине правовых препятствий, то, независимо от любого другого критерия или фактических обстоятельств, сообщение не следует признавать приемлемым в соответствии с пунктом 4 статьи 12 Пакта.

Я согласна с положениями существа, изложенными в особом мнении, сформулированном г-жой Эватт и г-жой Мединой Кирогой.

ДОБАВЛЕНИЕ V

Особое (несовпадающее) мнение г-на Прафуллагандры Бхагвати в соответствии с пунктом 3 правила 94 правил процедуры Комитета в отношении решения Комитета по сообщению № 538/1993, Чарлз Стюарт против Канады

Я полностью согласен с особым мнением г-жи Элизабет Эватт и г-жи Сесилии Медины Кироги, но относительно важности затронутых в данном деле вопросов выражаю особое мнение. Это особое мнение может рассматриваться как дополняющее мнение г-жи Эватт и г-жи Медины Кироги, с которым я полностью согласен.

Это вопрос, касающийся не одного частного лица. Его решение будет иметь последствия для жизни десятков тысяч иммигрантов и беженцев. Поэтому данное дело чрезвычайно взволновало меня. Если мнение, которого придерживается большинство членов Комитета, верно, тогда люди, постепенно завязавшие тесные связи со страной не только в результате продолжительного проживания в ней, но и в силу других разнообразных факторов, воспринимающие страну как свою собственную, привыкшие считать ее своей родной страной, останутся без какой-либо защиты. Вопрос заключается в следующем: рассматриваем ли мы права человека в его широком и целенаправленном значении или в узком и ограничительном? Не будем забывать, что по сути права человека в Международном пакте охраняются как права личности в отношении государства; они защищают ее от государства и поэтому должны толковаться широко и либерально. Этот принцип следует иметь в виду при толковании пункта 4 статьи 12.

Прежде всего, я бы хотел опровергнуть аргумент, касающийся смысла статьи 13. Комитет заявил, что сообщение неприемлемо в соответствии со статьей 13 и что поэтому оно не требует рассмотрения. В отношении пункта 4 статьи 12 Комитет поставил три вопроса. Первый: распространяется ли пункт 4 статьи 12 на случаи депортации или сфера его действия ограничивается только правом на въезд? Второй: каково значение и дополнительный смысл слов "своя собственная страна" и можно ли считать Канаду собственной страной автора? И третий: каковы критерии определения того, было ли действие, вменяемое как нарушение пункта 4 статьи 12, произвольным и была ли произвольной депортация автора Канадой? Я могу сразу подчеркнуть, что если действия Канады не были произвольными при данных обстоятельствах, то нет и нарушения пункта 4 статьи 12, даже если присутствуют два других элемента; это значит, что пункт 4 статьи 12 распространяется на депортацию и Канада является собственной страной автора по смыслу пункта 4 статьи 12, и в таком случае нет необходимости рассматривать вопрос о том, присутствуют или нет эти два других элемента. Но поскольку большинство членов Комитета исходили в своем решении из толкования слов "своя собственная страна" и заняли, по моему мнению, неверную, ошибочную позицию, согласно которой Канада не может считаться собственной страной автора, я считаю необходимым рассмотреть все эти три элемента пункта 4 статьи 12.

Я полагаю, что при правильном толковании пункт 4 статьи 12 защищает каждого от произвольной депортации из его собственной страны. И такое мнение я могу подкрепить двумя доводами. Во-первых, если не толковать пункт 4 статьи 12 как распространяющийся на депортацию, гражданин государства не будет иметь защиты от высылки или депортации в соответствии с Пактом. Предположим, что внутреннее законодательство государства дает ему право выслать или депортировать гражданина по определенным конкретным причинам, которые могут не иметь никакого отношения к рассматриваемому вопросу и быть абсолютно нереальными или произвольными. Можно ли представить на минуту, что Пакт не предоставляет защиты гражданину от высылки или депортации согласно такому внутреннему законодательству? Единственная статья Пакта, в которой можно найти такую защиту, - это статья 12, пункт 4. Возможно, в соответствии с международным правом гражданин не может быть выслан из страны своего гражданства. Я не знаком со всеми аспектами международного права и поэтому не могу подтвердить или опровергнуть такое предположение. Но как бы то ни было, государство может принять закон, предусматривающий высылку гражданина. Такой закон может противоречить соответствующему принципу международного права, но это не сделает недействительным внутренний закон. Принцип международного права не обеспечит защиту конкретного лица от применения положений

внутреннего закона. Единственной защитой такого лица был бы пункт 4 статьи 12. Мы не должны толковать пункт 4 статьи 12 таким образом, чтобы гражданин остался беззащитным в случае высылки согласно внутреннему законодательству. Действительно, есть страны, внутреннее законодательство которых предусматривает высылку даже граждан, и при правильном толковании пункт 4 статьи 12 предоставляет защиту от произвольной высылки гражданина. Те же самые доводы применяются и к тем случаям, когда речь идет о лицах, не являющихся гражданами. Поэтому пункт 4 статьи 12 должен толковаться как распространяющийся на высылку или депортацию.

Более того, очевидно, что, если лицо имеет право на въезд в свою собственную страну и ему/ей произвольно не могут чиниться препятствия для въезда в его/ее собственную страну, но он/она может быть произвольно выслан(а), это лишает смысла пункт 4 статьи 12. Предположим, что лицо выслано из своей собственной страны произвольно, потому что его/ее права не защищены в соответствии с пунктом 4 статьи 12, и что сразу же после высылки он/она пытается въехать в эту страну. Очевидно, что ему/ей не может быть запрещено сделать это, поскольку пункт 4 статьи 12 защищает его/ее право на въезд. Тогда какой смысл высылать такое лицо? Поэтому мы должны толковать пункт 4 статьи 12 как обеспечивающий, по логике, защиту от произвольной высылки лица из его собственной страны.

Это подводит меня ко второму вопросу. Каковы сферы применения и пределы понятия "своя собственная страна"? По общему признанию, "своя собственная страна" не может быть приравнена к "стране гражданства", и поэтому я не буду останавливаться на этом. Очевидно, что выражение "своя собственная страна" шире, чем "страна гражданства", и с этим согласилось большинство членов Комитета. "Своя собственная страна" включает "страну гражданства и что-то еще". Что же это такое: "что-то еще"? Большинство членов Комитета признает, что понятие "своя собственная страна" охватывает, по меньшей мере, "лиц, которые в силу своих особых связей или правоприязний в отношении данной страны не могут считаться просто иностранцами". Я полностью разделяю эту точку зрения. Но затем большинство членов Комитета ограничивает это понятие следующими тремя ситуациями:

- 1) если граждане какой-либо страны лишены гражданства в нарушение международного права;
- 2) если страна гражданства лиц стала составной частью другого национального образования, в гражданстве которого им отказано; и
- 3) если лица без гражданства произвольно лишены права приобретать гражданство страны, где они проживают.

По мнению большинства членов Комитета, эти лица, не будучи "гражданами в формальном смысле слова, в то же время не являются и иностранцами в значении статьи 13" и в их отношении применяется пункт 4 статьи 12.

Есть два замечания, которые я хотел бы сделать в связи с этой позицией большинства членов Комитета. Они считают, что пункт 4 статьи 12 и статья 13 взаимоисключающие. В сообщении, представленном Комитетом, отмечается, что выражение "своя собственная страна" как концепция применяется в отношении лиц, являющихся гражданами, и в отношении некоторых категорий лиц, которые, не будучи гражданами в формальном смысле слова, в то же время не являются и "иностранцами" в значении статьи 13, хотя они могут считаться иностранцами в других целях. Таким образом, согласно мнению большинства, лицо, подпадающее под действие пункта 4 статьи 12, не является "иностранцем" в значении статьи 13. Я также придерживаюсь этой точки зрения. Но на этом мое согласие с позицией большинства заканчивается. Возникает вопрос: кого защищает пункт 4 статьи 12? Кто подпадает под сферу его защиты? Могу повторить еще раз в подтверждение точки зрения большинства, что пункт 4 статьи 12, по меньшей мере, распространяется на лиц, которые в силу особых связей или правоприязний в отношении данной страны не могут считаться иностранцами. Это верный критерий, но я не могу понять, почему применение указанной статьи должно ограничиваться тремя ситуациями, на которые ссылается большинство членов Комитета. Эти

три ситуации, несомненно, соответствуют указанному критерию, но ведь могут быть и другие ситуации, которые также соответствовали бы этому критерию. Я не вижу никакой веской причины, чтобы исключать их и исходить из позиции большинства членов Комитета, согласно которой они не соответствуют упомянутому критерию, поскольку это затронуло бы иммиграционную политику развитых стран. Приведу в качестве примера большое число африканцев, латиноамериканцев или индийцев, которые осели в Соединенном Королевстве, но не получили британского гражданства. Их дети, родившиеся и выросшие в Соединенном Королевстве, зачастую даже не посещают страну своего гражданства. Если вы спросите их: "Где твоя собственная страна?", они, не задумываясь, ответят: "Соединенное Королевство". Разве можно сказать, что только Индия или какая-то страна в Африке или в Латинской Америке, в которой они никогда не были и с которой их ничто не связывает, является единственной страной, которую они считают своей собственной страной? Я согласен, что сама по себе продолжительность срока проживания в стране не является главным критерием, но продолжительность проживания может быть фактором, который следует учитывать наряду с другими факторами. При решении вопроса о том, является ли данная страна той страной, которую конкретное лицо воспринимает как свою собственную или с которой у него особые связи либо самые тесные узы, чтобы ее можно было считать "своей собственной страной" в значении пункта 4 статьи 12, надо принимать во внимание совокупность всех факторов.

Прежде чем завершить обсуждение этого вопроса, я должен упомянуть еще одно нелогичное суждение большинства членов Комитета. Большинство полагает, что если страна иммиграции ставит перед новым иммигрантом необоснованные препятствия на пути приобретения гражданства, то можно сказать, будто в отношении этого нового иммигранта, который не приобрел гражданства страны иммиграции и по-прежнему сохраняет гражданство страны своего происхождения, страна иммиграции может рассматриваться как "его собственная страна". Против такого утверждения можно выдвинуть как минимум два возражения. Во-первых, решение вопроса о том, на каких условиях предоставлять гражданство лицу, не являющемуся гражданином, является суверенным правом государства. Комитет не может определять, являются ли эти условия обоснованными или нет и ставят ли эти условия необоснованные препятствия на пути приобретения гражданства новым иммигрантом; Комитет также не вправе выяснять вопрос о том, является ли действие государства, отклонившего заявление нового иммигранта о приобретении гражданства, обоснованным или нет. Во-вторых, я не вижу разницы между двумя ситуациями: первая, когда подается заявление на приобретение гражданства и оно необоснованно отклоняется, и другая, когда заявление на приобретение гражданства не подается вообще. В обоих случаях новый иммигрант будет оставаться лицом, не являющимся гражданином, и, если в одном случае особые связи или тесные узы со страной иммиграции делают такую страну "его собственной страной", было бы не логично полагать, что в другой ситуации не будет тех же самых последствий.

Я решительно не могу понять, на чем основывается заявление большинства членов Комитета о том, что такие страны, как Канада, имеют право рассчитывать, что иммигранты надлежащим образом приобретут все права и будут выполнять все обязательства, связанные с гражданством. Согласен, лица, не воспользовавшиеся возможностью обратиться за приобретением гражданства, должны нести бремя последствий того, что они не являются гражданами. Но возникает вопрос: каковы эти последствия? Входит ли в их число исключение таких лиц из сферы применения пункта 4 статьи 12? Этот вопрос требует ответа, и нельзя исходить из того, что, похоже, и сделало большинство членов Комитета, будто исключение из сферы действия пункта 4 статьи 12 и есть такое последствие. Относительно решения Комитета в целом я придерживаюсь следующего мнения: большинство исходит из посылки, что в случае автора Канада не может считаться "его собственной страной", хотя особые связи и самые тесные узы соединяют его с Канадой и он всегда воспринимал ее как свою собственную страну, а затем пытается оправдать такой вывод тем, что у автора не было разумно обоснованных препятствий для получения канадского гражданства, но автор не воспользовался возможностью обратиться за канадским гражданством и поэтому должен нести бремя последствий того, что Канада не считается его собственной страной и на него не распространяется пункт 4 статьи 12. Еще раз повторяю: тот факт, что автор не обращался за предоставлением канадского гражданства в ситуации, когда не было разумно обоснованных препятствий для его

получения, не может повлиять на решение вопроса, считать ли Канаду "его собственной страной". Вопрос возник именно потому, что автор не является канадским гражданином, и утверждение, что Канаду нельзя считать "его собственной страной", так как он не приобрел или не мог приобрести канадского гражданства, ничего не доказывает.

Несомненно, что с этих позиций и Соединенное Королевство, и Канада являются для автора "его собственной страной". Одна из них - страна гражданства, а другая - то, что я бы назвал приобретенной страной. Вполне понятно, что то или иное лицо может иметь две страны, которые считает своими собственными: одна из них может быть страной его гражданства, а другая - страной, воспринимаемой им как его собственная страна. Поэтому на основании представленных в сообщении фактов я склоняюсь к точке зрения, что Канада является собственной страной автора в значении пункта 4 статьи 12 и что он не мог быть произвольно выслан или депортирован из Канады правительством Канады.

Тогда возникает вопрос, можно ли назвать произвольной высылку или депортацию автора. В этой связи напомним прежнее решение Комитета, согласно которому понятие "произвол" не должно ограничиваться процессуальным произволом, а должно включать материально-правовой произвол, который нельзя приравнять к понятию "не в соответствии с законом", а следует толковать широко, с включением таких элементов, как нецелесообразность, или чрезмерность, или несоразмерность. Если действия, предпринятые государством против какого-либо лица, чрезмерны или несоразмерны по сравнению с предотвращаемым ущербом, они будут необоснованны и произвольны. В данном деле автора пытаются выслать на основании его неоднократных судимостей. Он совершил порядка 40 преступлений, в том числе кражу и грабеж, за которые был наказан. Вопрос в том, есть ли необходимость при всех обстоятельствах дела высылать или депортировать его, чтобы защитить общество от его преступных наклонностей, и может ли эта цель быть достигнута посредством принятия менее жестких мер, чем высылка или депортация. Следует учитывать элемент несоразмерности. Я думаю, что, если применять этот критерий, действия Канады в отношении высылки или депортации автора представляются произвольными, особенно с учетом успешного воздержания автора от употребления алкоголя и отсутствия правонарушений с мая 1991 года. Если автор совершит еще какие-либо преступления, он может быть соответствующим образом наказан и помещен в тюрьму, а если, с учетом его прежних судимостей, ему будет вынесен достаточно строгий приговор в виде тюремного заключения, это послужит сдерживающим фактором в отношении совершения дальнейших преступлений, и в любом случае он будет изолирован от общества на период заключения. Именно такие действия были бы предприняты в отношении гражданина, чтобы оградить его от общества, и по отношению к нему как к гражданину это будет считаться адекватным. Не вижу оснований не считать это адекватным по отношению к лицу, которое не является гражданином, но воспринимает Канаду как свою собственную страну. Я полагаю, что высылка или депортация автора из Канады, в результате чего будут полностью разорваны его связи с домом, семьей и местом, где он обосновался, является чрезмерной и несоразмерной мерой по сравнению с ущербом, который стремятся предотвратить, и, следовательно, должна рассматриваться как произвольная.

Поэтому я считаю, что в данном деле нарушен пункт 4 статьи 12 Пакта. В соответствии с такой позицией нет необходимости рассматривать вопрос о нарушении статей 17 и 23 Пакта.

Сообщение No. 540/1993

Представлено: Басилио Лауреано Атачауа от имени своей внучки [представлены адвокатом]

Предполагаемая жертва: Росарио Селис Лауреано

Государство-участник: Перу

Объявлено приемлемым: 4 июля 1994 года (пятьдесят первая сессия)

Дата принятия соображений: 25 марта 1996 года (пятьдесят шестая сессия)

Предмет сообщения: Похищение и последующее исчезновение несовершеннолетней.

Вопросы процедуры: Дела, находящиеся на рассмотрении других органов правозащитного механизма.

Вопросы существа: Принудительное исчезновение и право на жизнь - Жестокое и бесчеловечное обращение - Произвольный арест и задержание - Защита несовершеннолетних

Статьи Пакта: 2 (1) и (3), 6 (1), 7, 9, 10 (1), и 24 (1)

Статья Факультативного протокола и правила процедуры: 5, пункт 2 (а) и (б)

Заключение: Нарушение [ст. ст. 6, пункт 1; 7; 9, пункт 1, в совокупности со статьей 2, пункт 1; и 24, пункт 1]

1. Автор сообщения является Басилио Лауреано Атачауа, гражданин Перу, 1920 года рождения. Он представляет сообщение от имени его внучки Анны Росарио Селис Лауреано, гражданки Перу, 1975 года рождения. Ее настоящее местонахождение неизвестно. Автор утверждает, что его внучка является жертвой нарушения Перу пунктов 1 и 3 статьи 2; пункта 1 статьи 6; статей 7 и 9; пункта 1 статьи 10; и пункта 1 статьи 24 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его представляет адвокат.

Факты в изложении автора

2.1 Автор, являющийся фермером, живет со своей семьей в округе Амбар, провинция Уаура, Перу. В марте 1992 года его внучка, которой в то время было 16 лет, была похищена неизвестными вооруженными лицами, предположительно бойцами движения "Сендеро луминосо". Она вернулась через шесть дней и рассказала автору сообщения о том, что, угрожая смертью, боевики вынуждали ее присоединиться к ним, что они заставляли ее таскать их имущество и готовить для них еду и что в конечном счете ей удалось бежать. В мае 1992 года боевики вновь заставили ее присоединиться к ним, однако после перестрелки между подразделениями перуанской армии и боевиками ей снова удалось сбежать. Автор не сообщил об этих фактах властям, поскольку, во-первых, он опасался репрессалий со стороны группы боевиков и, во-вторых, подразделения регулярной армии в то время еще не размещались в округе Амбар.

2.2 23 июня 1992 года Анна Селис Лауреано была задержана военными властями по подозрению в сотрудничестве с движением "Сендеро луминосо". В течение 16 дней она находилась под стражей на военной базе в Амбаре, которая была создана к тому времени. В течение первых восьми дней ее мать имела возможность посещать ее, тогда как в течение следующих восьми дней, как утверждается, она не имела связи с внешним миром. На запрос о ее местонахождении ее матери было сказано, что ее перевели в другое место. Затем семья обратилась к прокурору провинции из первой прокуратуры Уаура-Уачо с просьбой помочь установить местонахождение Анны. Выяснив, что она по-прежнему находится под стражей в Амбаре, прокурор распорядился, чтобы военные власти перевели ее в Уачо и передали в руки специальной полиции Национального управления по борьбе с терроризмом (ДИНКОТЕ).

2.3 Во время перевода в Уачо грузовик, в котором находилась Анна Селис Лауреано, попал в аварию. С переломом бедра ее доставили в местное отделение перуанской национальной полиции, где она находилась с 11 июля по 5 августа 1992 года. 5 августа судья первого гражданского суда Уаура-Уачо постановил освободить ее, поскольку она была несовершеннолетней. Он назначил автора ее опекуном и постановил, чтобы они не покидали Уачо, пока ведется расследование по выдвинутым против нее обвинениям.

2.4 13 августа 1992 года примерно в час ночи г-жа Лауреано была похищена из дома, в котором находились она и автор. В своих показаниях автор заявил, что двое нападавших проникли в здание через крышу, тогда как другие - через главную дверь. Эти лица были в масках, однако автор заметил, что на одном из них была военная форма и что были также другие признаки (например, тип огнестрельного оружия и марка автофургона, в который втащили его внучку), свидетельствовавшие о том, что нападавшие были военными и/или сотрудниками специальной полиции.

2.5 19 августа 1992 года автор подал официальную жалобу прокурору Уачо. Прокурор совместно с представителями местной группы по защите прав человека помог автору запросить военные и полицейские власти в провинции Уаура, однако эти усилия оказались безрезультатными.

2.6 24 августа 1992 года начальник полицейского управления Уачо проинформировал прокуратуру о том, что он получил информацию из штаб-квартиры ДИНКОТЕ в Лиме, согласно которой Анна Селис Лауреано подозревалась в партизанской деятельности в округе Амбар и участвовала в нападении на военный патруль в Паране.

2.7 4 сентября 1992 года автор подал ходатайство о применении процедуры хабеас корпус во второй уголовный суд Уачо. Это первое ходатайство не было принято судьей, поскольку "проситель должен указать местонахождение полицейского или военного управления, в котором содержится под стражей несовершеннолетняя, и точную фамилию старшего офицера [этого управления]".

2.8 8 сентября 1992 года Центр исследований и действий во имя мира (СЕАПАС) направил от имени автора ходатайство национальному министру обороны с просьбой расследовать обстоятельства задержания и/или исчезновения Анны Лауреано, указав, что она является несовершеннолетним лицом, и сославшись, в частности, на Конвенцию Организации Объединенных Наций о правах ребенка, которую Перу ратифицировала в сентябре 1990 года. 16 сентября 1992 года генеральный секретарь министерства обороны проинформировал СЕАПАС о том, что он направил это дело в вооруженные силы на предмет проведения расследования. Никакой дополнительной информации получено не было.

2.9 8 сентября 1992 года СЕАПАС направил также ходатайство директору ДИНКОТЕ с просьбой выяснить, действительно ли Анна Селис Лауреано была задержана одним из подразделений ДИНКОТЕ и доставлена в одно из его отделений. 15 сентября 1992 года директор ДИНКОТЕ указал в своем ответе, что ее имя не значится в реестрах задержанных лиц.

2.10 8 и 9 сентября 1992 года были направлены также запросы директору секретариата по правам человека министерства обороны, министру внутренних дел и командующим военных баз в Андауаси и Антабамбе с целью получения информации и расследования дела. На эти запросы не было получено никаких ответов.

2.11 30 сентября 1992 года автор обратился к председательствующему судье второй уголовной палаты высшего окружного суда Кальяо на предмет применения процедуры хабеас корпус, просив его принять к рассмотрению ходатайство и направить одного из членов суда в Уачо с целью приведения в исполнение приказа о применении процедуры хабеас корпус. По-прежнему неясно, было ли начато разбирательство судебными органами по этому ходатайству.

2.12 С учетом вышеизложенного утверждается, что для установления местонахождения Анны Селис Лауреано и выяснения, жива ли она, были использованы все имеющиеся внутренние средства правовой защиты.

2.13 18 сентября 1992 года дело г-жи Лауреано было зарегистрировано в Рабочей группе Организации Объединенных Наций по насильственным или недобровольным исчезновениям¹ (дело № 015038, препровожденное перуанскому правительству 18 сентября 1992 года и повторно направленное 11 января 1993 года). В ноябре 1992 года перуанское правительство уведомило Рабочую группу о том, что вторая объединенная прокуратура Уачо осуществляет расследование этого дела и что пока не удалось установить местонахождение г-жи Лауреано и определить лиц, несущих ответственность за ее исчезновение. Было указано также, что в министерство обороны и министерство внутренних дел был направлен запрос с целью получения информации. Рабочая группа получила аналогичные уведомления от 13 апреля и 29 ноября 1993 года, в которых вновь говорилось о продолжении расследования по данному делу и отсутствии пока конкретных результатов.

Жалоба

3.1 Утверждается, что незаконное содержание под стражей г-жи Лауреано и ее последующее исчезновение, которое автор приписывает вооруженным силам Перу, представляют собой нарушение пункта 1 статьи 6; статей 7 и 9; и пункта 1 статьи 10 Пакта.

3.2 Кроме того, утверждается, что государство-участник нарушило пункт 1 статьи 24, поскольку Анне Селис Лауреано не были предоставлены такие меры защиты, которые требуются в ее положении как несовершеннолетнего лица. Утверждается, что государство-участник не смогло обеспечить защиту ее прав, провести добросовестное расследование нарушений ее прав и привлечь к ответственности и наказать виновных в ее исчезновении, что представляет собой нарушение пунктов 1 и 3 статьи 2 Пакта.

Информация и замечания государства-участника в отношении приемлемости и комментариев адвоката по этим замечаниям

4.1 В представлении от 10 июня 1993 года государство-участник ссылается на информацию, представленную министерством обороны Перу. Согласно этой информации, службы безопасности и вооруженные силы провели расследования в декабре 1992 года, в результате которых было подтверждено, что в июне 1992 года Анна Р. Селис Лауреано была арестована лицами с военной базы в Амбаре. Она, по заявлениям, призналась в том, что участвовала в вооруженном нападении на военный патруль в Паране 6 мая 1992 года, и указала места, где боевики прятали свое оружие и боеприпасы. В июле 1992 года она была передана начальнику Перуанской национальной полиции в Уачо и затем следственным органам этого же города; против нее были выдвинуты обвинения, в частности, в причастности к террористической группе. Впоследствии ее дело было передано судье гражданского суда, который принял решение о ее временном освобождении из-под стражи. 8 сентября 1992 года начальник военной базы в Амбаре обратился к судье с запросом о состоянии дела; 11 сентября 1992 года судья подтвердил, что месяц назад девушка была похищена и что судебные органы, занимающиеся делом, приписывают ответственность за этот акт военным властям. 21 сентября 1992 года главный прокурор второй прокуратуры сообщил о мерах, которые были приняты к тому времени его прокуратурой; он подготовил перечень восьми полицейских и военных управлений и пришел к заключению, что г-жа Лауреано не содержится под стражей в каком-либо из них.

4.2 Государство-участник подтверждает, что г-жа Лауреано была задержана за свою террористическую деятельность или связи и что она была передана в руки компетентных судебных органов. Оно заявляет, что в связи с утверждениями об ее исчезновении не следует игнорировать возможность совершения этого акта самими боевиками по следующим причинам: а) они могли похитить ее, с тем чтобы она не была предана суду и не смогла разгласить структуру террористической группы, в которую она входила; и б) возможно, ее ликвидировали в качестве репрессалии за то, что после атаки в Паране она указала место, где боевики прятали свое вооружение и боеприпасы. И наконец, утверждается, что любые подозрения в причастности перуанских

¹ Учреждена в соответствии с резолюцией 20 (XXXVI) Комиссии по правам человека от 29 февраля 1980 года.

вооруженных сил в этом отношении должны быть сняты исходя из: результатов запросов, направленных министерством по государственным делам в военные и полицейские управления в Уачо и Уауре, согласно которым было подтверждено, что г-жа Лауреано не содержится под стражей; и неопределенности обвинений, поскольку в них говорится лишь о "предположительных преступниках".

5.1 В комментариях от 19 сентября 1993 года адвокат отмечает, что министерство обороны не компетентно и не в состоянии делать заключения на основании расследований, которые должны быть приняты судебными органами. Он указывает, что государство-участник признает факты, имевшие место до исчезновения г-жи Лауреано, а именно тот факт, что она была задержана военными властями и что судья гражданского суда в Уачо возложил на них ответственность за ее похищение. Ссылаясь лишь на отрицательные ответы на запросы, направленные главным прокурором второй прокуратуры, государство-участник демонстрирует тем самым, как заявляется, свое нежелание провести серьезное расследование обстоятельств исчезновения несовершеннолетней и замалчивает основные элементы, характеризующие практику насильственных исчезновений, а именно невозможность установления виновных лиц из-за методов, которыми пользуются силы безопасности в Перу. Адвокат ссылается на данные автором показания относительно характера одежды и вооружения лиц, совершивших похищение, а также методов, с помощью которых это похищение было совершено.

5.2 По мнению адвоката, совершенно необоснованными являются утверждения государства-участника относительно того, что г-жа Лауреано была задержана за свою террористическую деятельность и что она была похищена самими боевиками; он отмечает, что именно военные власти обвинили ее в принадлежности к движению "Сендеро луминосо" и что ее вина не была признана судами. Адвокат приводит также заявление бабушки г-жи Лауреано от 30 сентября 1992 года, в котором говорится, что как до, так и после исчезновения ее внучки капитан с военной базы в Амбаре угрожал расправиться с ней и некоторыми другими членами семьи.

5.3 В отношении требования о том, что должны быть исчерпаны внутренние средства правовой защиты, адвокат указывает, что председатель высокого суда, решая вопрос относительно приемлемости ходатайства о применении процедуры хабеас корпус, передал его обратно суду первой инстанции, который после слушания показаний пришел к заключению о причастности военных лиц к похищению и исчезновению Анны Р. Селис Лауреано. Отмечается, что, несмотря на это заключение, до сих пор не установлено местонахождение г-жи Лауреано, не было начато уголовное судопроизводство и не была выплачена компенсация ее семье.

6.1 В представлении от 6 сентября 1993 года государство-участник утверждает, что Комитет не компетентен рассматривать дело, которое уже изучается Рабочей группой Организации Объединенных Наций по насильственным или недобровольным исчезновениям. В этой связи государство-участник ссылается на пункт 2а статьи 5 Факультативного протокола.

6.2 В ответ на это адвокат указывает, что Рабочая группа по насильственным или недобровольным исчезновениям имеет конкретный мандат, предусматривающий, в частности, изучение утверждений, касающихся случаев исчезновения, и в этой связи может получать информацию от правительств, неправительственных, межправительственных или гуманитарных организаций и из других надежных источников и представлять общие рекомендации Комиссии по правам человека. Он заявляет, что цели Рабочей группы являются сугубо гуманитарными и она осуществляет свою деятельность с должной осмотрительностью; она не определяет лиц, несущих ответственность за исчезновения, и не выносит решения по какому-либо делу, что, по мнению адвоката, является одним из необходимых элементов любой "процедуры международного разбирательства или урегулирования". Он приходит к заключению о том, что процедура, ограничивающаяся изучением общего положения в области прав человека в определенной стране и не предусматривающая принятия решения по конкретным утверждениям в отношении соответствующего дела или предоставления эффективных средств защиты в отношении утверждаемых нарушений, не представляет собой процедуру разбирательства или урегулирования по смыслу пункта 2а статьи 5 Факультативного протокола.

Решение Комитета о приемлемости

7.1 Комитет признал сообщение приемлемым на своей пятьдесят первой сессии. В отношении довода государства-участника относительно того, что дело является неприемлемым, поскольку оно находится на рассмотрении Рабочей группы по насильственным или недобровольным исчезновениям, он отметил, что внедоговорные процедуры или механизмы, которые создаются Комиссией по правам человека или Экономическим и Социальным Советом и в мандатах которых предусматривается изучение положения в области прав человека в конкретных странах или территориях или серьезных случаев нарушений прав человека во всем мире и подготовка предаваемых гласности докладов на основе полученных результатов, не представляют собой - что должно быть известно государству-участнику - процедуры международного разбирательства или урегулирования по смыслу пункта 2а статьи 5 Факультативного протокола. Комитет напомнил, что, хотя при более широком исследовании проблем прав человека может использоваться информация, касающаяся отдельных лиц, подобное исследование не может рассматриваться в качестве изучения индивидуальных дел по смыслу пункта 2а статьи 5 Протокола. Поэтому, по мнению Комитета, тот факт, что дело г-жи Лауреано зарегистрировано в Рабочей группе по насильственным или недобровольным исчезновениям, не делает его неприемлемым на основе упомянутого положения.

7.2 В отношении требования, предусматривающего, что должны быть исчерпаны внутренние средства правовой защиты, Комитет отметил, что государство-участник не представило никакой информации о наличии и эффективности средств правовой защиты в отношении данного дела. На основе имеющейся информации он пришел к выводу об отсутствии эффективных средств защиты, которые мог бы использовать автор от имени своей внучки. В этой связи нет никаких оснований по смыслу пункта 2b статьи 5 Факультативного протокола, препятствующих Комитету приступить к рассмотрению сообщения.

7.3 4 июля 1994 года Комитет признал сообщение приемлемым. Государству-участнику было предложено, в частности, представить подробную информацию о том, какие расследования были проведены судебными органами на основании ходатайства автора о применении процедуры habeas corpus и какие расследования проводятся в настоящее время в отношении заключения, вынесенного судьей суда первой инстанции в Уачо, о причастности военных лиц к похищению г-жи Лауреано. Государству-участнику было также предложено представить все относящиеся к делу документы суда.

Рассмотрение дела по существу

8.1 Срок, установленный для получения информации от государства-участника в соответствии с пунктом 2 статьи 4 Факультативного протокола, истек 11 февраля 1995 года. От государства-участника не было получено никакой информации о каких-либо результатах дальнейших расследований по данному делу или каких-либо документов суда, несмотря на напоминание, направленное ему 25 сентября 1995 года. По состоянию на 1 марта 1996 года не было получено никакой дополнительной информации о состоянии этого дела.

8.2 Комитет выражает сожаление по поводу отсутствия сотрудничества со стороны государства-участника в отношении вопросов существа сообщения. Из положений пункта 2 статьи 4 Факультативного протокола вытекает, что государство-участник должно в установленные сроки провести тщательное и добросовестное расследование всех выдвинутых против него утверждений о нарушении Пакта и представить Комитету всю имеющуюся у него информацию. В отношении данного дела государство-участник не представило никакой информации, сообщив лишь о том, что проводится расследование в связи с исчезновением г-жи Лауреано. В этих обстоятельствах должное внимание следует уделить утверждениям автора в той мере, в какой они являются обоснованными.

8.3 В отношении утверждения о нарушении пункта 1 статьи 6 Пакта Комитет напоминает свое замечание общего порядка 6 (16) по статье 6^b, в котором говорится, в частности, что государства-участники должны принять меры не только по предупреждению и наказанию уголовных действий, ведущих к лишению жизни, но также и по предотвращению произвольных убийств, совершаемых их собственными силами безопасности. Государства-участники должны также принять конкретные и

эффективные меры по предотвращению случаев исчезновения отдельных лиц и разработать эффективные средства и процедуры для проведения надлежащим и беспристрастным органом тщательного расследования дел об исчезнувших и пропавших без вести лицах при обстоятельствах, которые могут быть связаны с нарушением права на жизнь.

8.4 В данном случае Комитет отмечает, что государство-участник признает, что г-жа Лауреано исчезла в ночь на 13 августа 1992 года и с тех пор считается пропавшей без вести, и не отрицает, что военные подразделения или подразделения специальной полиции в Уауре или Уачо, возможно, несут ответственность за ее исчезновение, в частности, к такому выводу пришел судья гражданского суда в Уачо. Не было представлено никаких существенных доказательств, подтверждающих утверждение государства-участника о том, что ответственность за ее похищение может нести одна из групп "Сендеро луминосо". С учетом обстоятельств дела Комитет считает, что государство-участник не смогло обеспечить эффективную защиту права Анны Р. Селис Лауреано на жизнь, провозглашенного в статье 6 Пакта в совокупности с пунктом 1 статьи 2. Комитет напоминает, в частности, что перуанские военные власти ранее уже арестовывали жертву и заключали ее под стражу по обвинению в сотрудничестве с "Сендеро луминосо" и что в отношении жизни г-жи Лауреано и членов ее семьи ранее высказывались угрозы со стороны капитана военной базы в Амбаре, который фактически подтвердил бабушке г-жи Лауреано, что Анна Р. Селис Лауреано уже убита².

8.5 В отношении утверждения о нарушении статьи 7 Пакта Комитет напоминает, что г-жа Лауреано исчезла и не имеет связи ни со своей семьей, ни, согласно информации, представленной Комитету, с внешним миром. В этих обстоятельствах Комитет пришел к выводу о том, что похищение и исчезновение жертвы и лишение ее возможности установить связь со своей семьей и внешним миром представляют собой жестокое и бесчеловечное обращение в нарушение статьи 7 в совокупности с пунктом 1 статьи 2 Пакта.

8.6 Автор заявляет о нарушении пункта 1 статьи 9 Пакта. Согласно информации, имеющейся у Комитета, г-жа Лауреано была насильственно увезена из своего дома вооруженными агентами государственных служб 13 августа 1992 года; не вызывает сомнения, что действия этих лиц не были основаны на ордере на арест или распоряжении судьи или судебного должностного лица. Кроме того, государство-участник проигнорировало запросы Комитета о представлении информации относительно результатов ходатайства о применении процедуры хабеас корпус, которое было подано автором от имени Анны Р. Селис Лауреано. И наконец, Комитет напоминает, что г-жа Лауреано была временно освобождена из-под стражи под попечение ее бабушки в соответствии с решением судьи гражданского суда Уачо 5 августа 1992 года, т.е. буквально за восемь дней до ее исчезновения. С учетом этих обстоятельств Комитет пришел к выводу о том, что имело место нарушение пункта 1 статьи 9 в совокупности с пунктом 1 статьи 2.

8.7 Автор заявляет о нарушении пункта 1 статьи 24 Пакта, поскольку государство-участник не обеспечило защиту его внучки как несовершеннолетнего лица. Комитет отмечает, что в ходе расследований, начатых после того, как г-жа Лауреано впервые была задержана военными властями в июне 1992 года, судья гражданского суда Уачо вынес распоряжение о ее временном освобождении, поскольку она была несовершеннолетней. Однако после ее исчезновения в августе 1992 года государство-участник не приняло каких-либо конкретных мер по расследованию обстоятельств ее исчезновения и установлению ее местонахождения с целью обеспечения ее безопасности и благополучия с учетом того, что г-жа Лауреано была несовершеннолетней на момент исчезновения. В свете этих обстоятельств Комитет пришел к выводу о том, что в отношении г-жи Лауреано не было принято специальных мер защиты, которые требуются в ее положении как несовершеннолетней, и что имело место нарушение пункта 1 статьи 24.

² Это заявление, содержащееся в показаниях, данных бабушкой жертвы 30 сентября 1992 года, со всей очевидностью свидетельствует о том, что Селис Лауреано действительно была убита.

9. Руководствуясь пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, Комитет по правам человека считает, что факты, которыми он располагает, свидетельствуют о нарушении пункта 1 статьи 6, статьи 7 и пункта 1 статьи 9 в совокупности с пунктом 1 статьи 2 и пунктом 1 статьи 24 Пакта.

10. Согласно пункту 3 статьи 2 Пакта, государство-участник обязуется обеспечить жертве и автору эффективное средство правовой защиты. Комитет настоятельно предлагает государству-участнику приступить к надлежащему расследованию обстоятельств исчезновения Анны Росарио Селис Лауреано и выяснению ее судьбы, предоставить надлежащую компенсацию жертве и ее семье и предать правосудию лиц, виновных в ее исчезновении, несмотря на возможное существование внутреннего законодательства об амнистии, предусматривающего обратное.

11. С учетом того, что государство-участник, став участником Факультативного протокола, признало компетенцию Комитета устанавливать, имело ли место нарушение Пакта, и что, согласно статье 2 Пакта, государство-участник обязалось обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и обеспечивать эффективные и подлежащие принудительному осуществлению средства правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о мерах, принятых в целях осуществления его соображений.

Сообщение No. 549/1993

Представлено: Франсис Опю и Топоаиту Бессер [представлены адвокатом]

Предполагаемая жертва: Авторы

Государство-участник: Франция

Объявлено приемлемым: 30 июня 1994 года (пятьдесят первая сессия)

Дата принятия соображений:* 29 июля 1997 года (шестидесятая сессия)

Предмет сообщения: Строительство отеля на исконных землях коренной общины во Французской Полинезии

Вопросы процедуры: Квалификация заявления государства участника по статье 27 как оговорки

Вопросы существа: Эффективное средство правовой защиты и доступ к независимому суду - Произвольное вмешательство в частную и семейную жизнь - Принцип недискриминации - Право пользоваться собственной культурой

Статьи Пакта: 2 (1) и (3) (а), 14, 17 (1), 23 (1), 26 и 27

Статья Факультативного протокола и правила процедуры: 4 (2), и правило 93 (4)

Заключение Нарушение [ст. ст. 17, пункт 1, и 23, пункт 1]

1. Авторы сообщения - Франсис Опю и Топоаиту Бессер, этнические полинезийцы, проживающие на Таити, Французская Полинезия. Они утверждают, что являются жертвами нарушения Францией пункта 1 и подпункта а) пункта 3 статьи 2, пунктов 14 и 17 статьи 3, пункта 1 статьи 23 и статьи 27 Международного пакта о гражданских и политических правах. Их интересы представляет г-н Франсуа Ру, предъявивший надлежащим образом оформленную доверенность.

* В соответствии с правилом 85 правил процедуры член Комитета г-жа Кристин Шане в рассмотрении дела не участвовала.

Факты в изложении авторов

2.1 Авторы являются потомками владельцев земельного участка (площадью приблизительно 4,5 га) под названием Тетаитапу в Нууроа, на острове Таити. Они утверждают, что их предки были лишены этой собственности по решению гражданского суда Папееэте 6 октября 1961 года. Согласно решению суда право собственности на земельный участок было передано "Сосьете отельер дю Пасифик сюд" (СОПС) [*Société hôtelière du Pacifique sud (SHPS)*]. С 1988 года единственным акционером указанной компании являлась Территория Полинезия.

2.2 В 1990 году СОПС сдала этот участок в аренду "Сосьете д'этюд э де промосьон отельер" (*Société d'étude et de promotion hôtelière*), которая, в свою очередь, сдала его в субаренду "Сосьете отельер РИВНАК" (*Société hôtelière RIVNAC*). РИВНАК намеревается в ближайшие, по возможности, сроки начать на граничащем с лагуной участке строительство роскошного гостиничного комплекса. Уже проведены некоторые предварительные работы, как то: рубка деревьев, очистка территории от кустарников, постройка забора вокруг участка.

2.3 В июле 1992 года авторы и другие потомки владельцев земельного участка мирно заняли его в знак протеста против намеченного строительства гостиничного комплекса. Они утверждают, что эта земля и прилегающая к ней лагуна занимают важное место в их истории, культуре и жизни. Они также утверждают, что на этом месте располагалось существовавшее до прихода европейцев захоронение и что лагуна остается традиционным местом рыболовства и обеспечивает средства к существованию примерно 30 семьям, живущим поблизости от нее.

2.4 30 июля 1992 года РИВНАК подал в суд первой инстанции Папееэте иск с просьбой вынести решение о промежуточном судебном запрете; в тот же день просьба была удовлетворена, и авторам и другим лицам, занявшим этот участок, было приказано незамедлительно покинуть его и выплатить РИВНАК 30 тыс. тихоокеанских франков. 29 апреля 1993 года Апелляционный суд Папееэте утвердил вынесенное решение и вновь потребовал незамедлительно покинуть занятый земельный участок. Авторы были уведомлены о том, что они могут подать апелляцию в Кассационный суд в течение месяца с даты уведомления о решении суда. По-видимому, они не воспользовались предоставленной возможностью.

2.5 Авторы утверждают, что строительные работы приведут к уничтожению традиционного захоронения и пагубно скажутся на рыболовстве. Они добавляют, что приближается срок их изгнания с земельного участка и что Верховный комиссар Республики, представляющий правительство Франции в Полинезии, вскоре применит полицейскую силу, чтобы очистить участок и сделать возможным начало строительства. В этой связи авторы отмечают, что, по сообщениям местной прессы, с этой целью на Таити прибыли самолетом до 350 полицейских (в том числе республиканский корпус безопасности). Поэтому авторы просят Комитет принять временные меры защиты в соответствии с правилом 86 правил процедуры Комитета.

Жалоба

3.1 По утверждению авторов, был нарушен подпункт а) пункта 3 статьи 2, а также пункт 1 статьи 14, поскольку они не имели возможности обратиться в законно созданные суды, чтобы воспользоваться эффективными средствами правовой защиты. В этой связи они отмечают, что земельные иски и споры на Таити традиционно разрешались местными судами (*tribunaux indigunes*) и что компетенция таких судов была признана Францией, когда Таити оказалось под суверенитетом Франции в 1880 году. Однако отмечается, что с 1936 года, когда прекратил свое существование так называемый Верховный суд Таити, государство-участник не приняло надлежащих мер для обеспечения дальнейшего функционирования местных трибуналов; в результате, как утверждают авторы, земельные иски разрешались гражданскими и административными судами без тщательного рассмотрения и зачастую без законного обоснования.

3.2 Авторы далее утверждают, что были нарушены пункт 1 статьи 17 и пункт 1 статьи 23, поскольку было принято решение о их насильственном удалении с оспариваемого земельного участка и поскольку строительство гостиничного комплекса приведет к разрушению захоронения, где, как утверждается, похоронены их родственники; кроме того, их переселение явится вмешательством в их частную и семейную жизнь.

3.3 Авторы утверждают, что они являются жертвами нарушения пункта 1 статьи 2. Они заявляют, что полинезийцы не защищены законами или нормативными актами [такими, как статьи R 361 (1) и 361 (2) *Code des Communes*, касающимися обычно правовых форм наследственного права, в частности захоронений, а также законодательства о природоохранных зонах и археологических раскопках], которые были приняты для регулирования правоотношений в территориях метрополии с целью охраны мест захоронений. Авторы утверждают, что являются жертвами дискриминации.

3.4 Наконец, авторы утверждают, что имеет место нарушение статьи 27 Пакта, так как они лишены права пользоваться своей культурой.

Решение Комитета о приемлемости

4.1 В ходе своей пятьдесят второй сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости данного сообщения. Он с сожалением отметил, что государство-участник не представило свои замечания относительно приемлемости данного дела, несмотря на три уведомления, направленные ему в период с октября 1993 года по май 1994 года

4.2 Комитет прежде всего отметил, что авторы могли бы обратиться в Кассационный суд с апелляционной жалобой на постановление Апелляционного суда от 29 апреля 1993 года. Однако если бы такая апелляция была подана, она касалась бы обязательства покинуть земельный участок, занятый авторами, и возможности выступить против строительства запланированного гостиничного комплекса, а не вопроса о праве собственности на землю. В этой связи Комитет отметил, что так называемые "местные суды" компетентны выносить решения по земельным спорам на Таити в соответствии с указами от 29 июня 1880 года, ратифицированными французским парламентом 30 декабря 1880 года. В данном случае нет оснований считать, что юрисдикция этих судов была официально отменена государством-участником, скорее их перестали использовать, и государство-участник не привело никаких возражений, опровергающих в этой части заявление авторов. Не было высказано возражений и против утверждения авторов о том, что земельные споры на Таити решаются "без тщательного рассмотрения" гражданскими и административными судами. В этих обстоятельствах Комитет пришел к выводу, что авторы не имели эффективных внутренних средств защиты, которые они могли бы исчерпывающим образом использовать.

4.3 В связи с утверждением о нарушении статьи 27 Пакта Комитет напомнил о том, что, присоединяясь к Пакту, Франция заявила, что "в свете статьи 2 Конституции Французской Республики... статья 27 неприменима в том, что касается Французской Республики". Комитет подтвердил свое ранее принятое решение о том, что сделанное Францией "заявление" по статье 27 действовало как оговорка, и, соответственно, заключил, что не компетентен рассматривать жалобы против Франции по статье 27 Пакта.

4.4 Комитет пришел к выводу, что жалобы, принесенные в соответствии с другими положениями Пакта, являются обоснованными и приемлемыми, и 30 июня 1994 года объявил о приемлемости сообщения в той его части, которая касается вопросов, предусмотренных пунктом 1 статьи 14, пунктом 1 статьи 17 и пунктом 1 статьи 23 Пакта.

Просьба государства-участника о пересмотре вопроса о приемлемости и информация по существу дела

5.1 В двух представлениях от 7 октября 1994 года и 3 апреля 1995 года, касающихся пункта 2 статьи 4 Факультативного протокола, государство-участник возражало против неприемлемости сообщения и просило Комитет пересмотреть это решение в соответствии с пунктом 4 правила 93 правил процедуры.

5.2 Государство-участник утверждает, что авторы не исчерпали внутренних средств правовой защиты, которые государство-участник считает эффективными. Так, относительно доводов авторов о незаконности лишения их земельного участка, который был сдан в субаренду РИВНАК, и исключительной компетенции местных судов по разрешению их жалобы, оно отмечает, что ни один французский суд никогда не рассматривал иски, предъявленные г-дами Опю и Бессером. Так, в момент продажи оспариваемого участка и судебного разбирательства, завершившегося решением суда Папезте от 6 октября 1961 года, они могли оспорить законность начатой процедуры или компетенции суда. Любое решение, принятое в отношении такого протеста, могло дать основание для апелляции. Однако решение от 6 октября 1961 года никогда не оспаривалось и, следовательно, стало окончательным.

5.3 Кроме того, в 1992-1993 годах, когда данный участок был занят, авторы, по утверждению государства-участника, имели все возможности вмешаться в разбирательство между РИВНАК и Ассоциацией "IA ORA O NU'UROA". Эта процедура, известная под названием "протест третьей стороны", позволяет любому лицу опротестовать решение, затрагивающее или нарушающее его или ее права, даже если он/она не является участником судебного процесса. Процедура "протеста третьей стороны" определяется статьей 218 и последующими статьями Гражданско-процессуального кодекса Французской Полинезии. Государство-участник отмечает, что авторы могли бы опротестовать ("*auraient pu former tierce opposition*") как решение суда первой инстанции Папезте, так и решение Апелляционного суда Папезте, оспорив законность правового титула РИВНАК на оспариваемый участок и компетенцию указанных судов.

5.4 Государство-участник подчеркивает, что любой жалобщик может всегда оспорить компетенцию суда. В статье 65 Гражданско-процессуального кодекса Французской Полинезии говорится, что жалобщик, оспаривающий юрисдикцию суда, обязан указать суд, который, по его мнению, обладает надлежащей компетенцией ("*s'il est prétendu que la juridiction saisie est incompétente..., la partie qui soulève cette exception doit faire connaître en même temps et a peine d'irrecevabilité devant quelle juridiction elle demande que l'affaire soit portée*").

5.5 По мнению государства-участника, авторы также могли, в контексте "протеста третьей стороны", утверждать, что их изгнание с земельного участка, на который претендовал РИВНАК, является нарушением их права на частную жизнь и их права на семейную жизнь. Государство-участник напоминает, что положения Пакта имеют прямое действие во французских судах; в настоящем деле могли быть применены статьи 17 и 23. Что касается жалоб, принесенных в соответствии со статьей 17 и пунктом 1 статьи 23, то государство-участник также утверждает, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны.

5.6 Наконец, государство-участник утверждает, что судебные решения, принятые в контексте "протеста третьей стороны", могут быть опротестованы так же, как постановления того же суда ("*... les jugements rendus sur tierce opposition sont susceptible des même recours que les décisions de la juridiction dont ils émanent*"). Если бы авторы опротестовали постановление Апелляционного суда Папезте от 29 апреля 1993 года на основании "протеста третьей стороны", в отношении любого решения по их протесту можно было бы подать апелляцию в Кассационный суд. В этой связи государство-участник отмечает, что, согласно статье 55 Конституции Франции от 4 июня 1958 года, положения Пакта включены в правовую систему Франции и имеют приоритет над обычными законами. Авторы могли бы поднять в Кассационном суде те же вопросы, с которыми они обратились в Комитет по правам человека.

5.7 По мнению государства-участника, авторы не являются "потерпевшими" по смыслу статьи 1 Протокола. Так, в отношении их утверждений в связи со статьей 14 они не приводят никаких доказательств права собственности на землю или права занимать этот участок. В результате их изгнание с данного участка не может быть квалифицировано как нарушение каких-либо принадлежащих им прав. Согласно аргументации государства-участника то же самое относится к заявлениям по статье 17 и пункту 1 статьи 23. Авторы не смогли доказать, что человеческие останки, выкопанные на оспариваемом участке в январе 1993 года или до этой даты, являются останками их родственников или предков. Патологоанатомические экспертизы, проведенные Полинезийским центром науки о человеке, засвидетельствовали большой возраст этих скелетов и удостоверили тот факт, что они были захоронены до появления европейцев в Полинезии.

5.8 Наконец, государство-участник утверждает, что сообщение не может быть приемлемым *ratione materiae* и *ratione temporis*. Оно считает, что жалоба авторов на самом деле относится к спору о собственности. Поскольку право собственности не является предметом Пакта, данное дело не может считаться приемлемым в силу статьи 3 Факультативного протокола. Далее, государство-участник отмечает, что продажа земельного участка, занятого авторами, с процедурной точки зрения является правильной и соответствует решению суда первой инстанции от 6 октября 1961 года. Таким образом, в основе дела лежат фактические обстоятельства, предшествующие вступлению в силу для Франции как Пакта, так и Факультативного протокола, и потому сообщение является неприемлемым *ratione temporis*.

5.9 Государство-участник высказывает следующие дополнительные замечания по существу утверждений авторов: в отношении требования на основании статьи 14 государство-участник напоминает, что король Помаре V, объявивший 29 июня 1880 года о сохранении местных судов по земельным спорам, сам подписал 29 декабря 1887 года декларации, касающиеся упразднения этих судов. Декларации от 29 декабря 1887 года были, в свою очередь, ратифицированы статьей 1 закона от 10 марта 1891 года. По утверждению государства-участника, с тех пор земельные споры подсудны обычным судам. Вопреки утверждениям авторов, земельные споры разрешаются специалистами, так как в суде первой инстанции Папезте имеются двое судей, специализирующихся на рассмотрении земельных споров, и каждый из них председательствует ежемесячно на двух сессиях суда, посвященных рассмотрению таких дел. Кроме того, утверждается, что право обращения в суд не подразумевает права истца на неограниченный выбор состава суда; право обращения в суд должно пониматься как право обращения в судебную инстанцию, которой подсудно данное дело.

5.10 По поводу заявлений, сделанных согласно статье 17 и пункту 1 статьи 23, государство-участник напоминает, что даже сами авторы не утверждают, будто обнаруженные на оспариваемой территории останки принадлежат членам их семей или родственникам, но говорят, что они принадлежат их "предкам" в самом широком смысле слова. Распространение понятия "семья" на человеческие останки неясного возраста и происхождения означает чрезмерно широкое и практически неприменимое толкование этого понятия.

Замечания авторов относительно представления государства-участника в соответствии с пунктом 2 статьи 4

6.1 В своих замечаниях авторы опровергают утверждение государства-участника, что в их распоряжении еще остались эффективные внутренние средства правовой защиты. Они обращаются к Комитету с просьбой отклонить возражение государства-участника против объявления приемлемым их сообщения по той причине, что оно якобы представлено с опозданием.

6.2 Авторы вновь заявляют, что они ссылаются не на право собственности, а на право обращения в суд и на свое право на частную и семейную жизнь. Поэтому они отвергают аргумент государства-участника о неприемлемости сообщения *ratione materiae* и добавляют, что их права были нарушены в момент подачи их сообщения, то есть в июне 1993 года, и после того, как Пакт и Факультативный протокол вступили в силу для Франции.

6.3 Авторы считают, что они должны рассматриваться как "жертвы" по смыслу статьи 1 Факультативного протокола, поскольку, по их мнению, они имеют право быть заслушанными в местном суде, компетентном рассматривать земельные споры во Французской Полинезии, Рправо, которое не признает за ними государство-участник. Они утверждают, что государство-участник не вправе критиковать их за то, что они не сослались на свое право собственности или право проживания на оспариваемых землях именно тогда, когда доступ к местному суду, компетентному рассматривать подобные споры, был для них невозможен. Аналогичным образом они считают себя "жертвами" по смыслу статьи 17 и пункту 1 статьи 23, утверждая, что именно судам, а не французскому правительству надлежит доказывать наличие либо отсутствие семейных или родственных связей между человеческими останками, обнаруженными на оспариваемом участке, и семьями авторов.

6.4 Относительно необходимости исчерпать все внутренние средства защиты авторы напоминают, что они не участвовали в разбирательстве между "Сосьете отельер РИВНАК" и Ассоциацией "IA ORAO NU'UROA" и, не будучи стороной в судебном процессе, не могли ставить вопрос о компетенции суда. Они повторяют, что находятся в ситуации, когда их требования не могут рассматриваться в суде в силу того, что французское правительство упразднило местные суды, которые оно по Договору 1881 года согласилось сохранить. Утверждается, что этот аргумент применим и к возможности подачи кассационной жалобы: поскольку авторы не участвовали в судебном разбирательстве в Апелляционном суде Папэте 29 апреля 1993 года, они не могли обратиться с кассационной жалобой в Кассационный суд. Даже если предположить, что они имели бы возможность обратиться в Кассационный суд, это, по их утверждению, не было бы эффективным средством защиты, так как такой суд мог только решить, что суды, рассматривающие данный земельный спор, не обладают необходимой компетенцией для решения данного вопроса.

6.5 Авторы подтверждают, что только местные суды компетентны рассматривать земельные споры во Французской Полинезии. Декларации от 29 сентября 1887 года не отвергают такой вывод, а скорее подтверждают его, так как в них говорится, что местные суды будут ликвидированы после того, как будут урегулированы споры, для разрешения которых они были созданы ("*Les Tribunaux indigènes, dont le maintien avait été stipulé à l'acte d'annexion de Tahiti à la France, seront supprimés dès que les opérations revalives à la délimitation de la propriété auxquelles elles donnet lieu auront été vidées*"). Авторы выражают сомнение в законности Деклараций 29 декабря 1887 года и добавляют, что поскольку земельные споры не прекращались на Таити, и само государство-участник этого не отрицает (см. пункт 5.9, выше), то следует полагать, что местные суды по-прежнему компетентны выносить по ним решения. Только этим можно объяснить тот факт, что Верховный суд Таити продолжал выносить решения по таким спорам до 1934 года.

Соображения, представленные после решения вопроса о приемлемости

7.1 В ходе своей пятьдесят пятой сессии Комитет дополнительно изучил сообщение и принял к сведению просьбу государства-участника о пересмотре решения о приемлемости сообщения согласно пункту 4 правила 93 правил процедуры. Он принял к сведению заявление государства-участника о том, что правительство не представило свои замечания о приемлемости сообщения вовремя из-за сложных обстоятельств дела и краткости предоставленных государству-участнику сроков, однако Комитет отметил, что правительство не отреагировало на три уведомления, что государству-участнику понадобилось шестнадцать месяцев вместо двух, для того чтобы ответить на вопрос о приемлемости доказательств, представленных авторами, и что первые замечания государства-участника были представлены через три месяца после принятия решения о приемлемости сообщения авторов. Комитет пришел к выводу, что, поскольку ко времени принятия решения о приемлемости сообщения представлений от государства-участника не поступило, Комитет должен полагаться на информацию авторов; далее, молчание государства-участника отчасти подталкивало к выводу, что государство-участник согласно с тем, что все требования в отношении приемлемости сообщения были выполнены. В этих обстоятельствах Комитет имел право рассматривать утверждения авторов по существу.

7.2 Однако, исходя из замечаний государства-участника, Комитет пересмотрел свое решение о приемлемости сообщения. В частности, он принял к сведению утверждение авторов о том, что они подверглись дискриминации, поскольку полинезийцы не защищены законами и нормативными актами, применяемыми на территории метрополии, особенно в том, что касается охраны захоронений. Такое утверждение может привести к постановке вопросов, предусмотренных статьей 26 Пакта, но не охваченных положениями решения о приемлемости от 30 июня 1994 года; тем не менее Комитет счел, что соглашение должно быть объявлено приемлемым и рассмотрено по существу. Государству-участнику было предложено передать в Комитет информацию относительно заявления авторов о дискриминации. Если государство-участник намеревалось оспорить приемлемость сообщения авторов, то ему было предложено присоединить свои замечания на этот счет к замечаниям по существу сообщения, и Комитет рассмотрел бы их при изучении существа жалобы.

7.3 Таким образом, 30 октября 1995 года Комитет принял решение об изменении своего решения о приемлемости сообщения от 30 июня 1994 года.

8.1 Письмом от 27 февраля 1996 года адвокат информирует Комитет о том, что Верховный комиссар Французской Республики по делам Французской Полинезии вызвал силы охраны порядка для очистки (археологической) площадки в Нууроа от людей, с тем чтобы обеспечить возможность немедленно приступить к строительству гостиничного комплекса. В 5 час. 30 мин. утра большое число полицейских, к которым затем присоединилось воинское подразделение, заняли земельный участок и огородили его забором. 19 января на побережье у данного участка около 100 жителей района провели акцию протеста против строительства гостиничного комплекса, а также против оскорбления, как утверждалось, священного характера этого участка, где в 1993 году были найдены человеческие останки, свидетельствующие о существовании древнего захоронения. По заявлению ассоциации "*Paruru Ia Tetaitapu Eo Nuuroa*", столбы для забора были поставлены на месте старых могил.

8.2 Авторы направляют копию показаний, данных под присягой 22 января 1996 года адвокатом, действовавшим по указанию г-на Дж. Беннетта, президента ассоциации "*Paruru Ia Tetaitapu Eo Nuuroa*". Из этих показаний, в частности, следует, что в некоторых местах на земельном участке, где намечено строительство гостиницы, были обнаружены человеческие останки. Для того чтобы доказать, что на этом участке найдены человеческие кости, г-н Беннетт раскопал песок на небольшом песчаном возвышении, и там показались края нескольких человеческих костей. Затем г-н Беннетт вновь засыпал их песком. Столбы забора были установлены менее чем в метре от этого возвышения. Г-н Беннетт высказал опасение, что человеческие останки могли быть по небрежности выкопаны и выброшены во время строительства забора.

8.3 Авторы вновь подтверждают, что являются жертвами дискриминации по смыслу статьи 26, поскольку французское законодательство, определяющее порядок и формы охраны захоронений, не применяется во Французской Полинезии.

9.1 В представлении от 6 июня 1996 года государство-участник вновь высказало возражения против приемлемости жалобы авторов в той части, которая касается статьи 26, на том основании, что они не могут утверждать, что являются "жертвами" нарушения этого положения. Оно полагает, что авторы не смогли доказать, что человеческие останки, обнаруженные на оспариваемых землях в январе 1993 года, действительно принадлежат их предкам или что их предки были захоронены в этом могильнике. Государство-участник еще раз заявляет, что, по данным судебно-медицинской экспертизы, проведенной в Полинезийском центре науки о человеке, обнаруженные скелеты по своему возрасту предшествуют появлению европейцев в Полинезии. Следовательно, у авторов нет личной, прямой и существующей на настоящий момент заинтересованности в том, чтобы сослаться на применение законодательства, регулирующего охрану захоронений, поскольку они не могли доказать наличие родственных связей между ними и обнаруженными останками.

9.2 В этом контексте государство-участник отмечает, что уважение к покойным не обязательно распространяется на людей, которые были давно захоронены и память о которых была утрачена много веков назад. В противном случае следует допустить, что каждый раз, когда на земельном участке, расчищаемом под строительство, обнаруживаются человеческие останки, строительство становится невозможным, так как гипотетически эти останки принадлежат предкам людей, живущих в настоящее время. Соответственно, государство-участник приходит к выводу, что французское законодательство, регулирующее вопросы, связанные с захоронениями, неприменимо в отношении жалобы авторов и что их требования, предъявленные согласно статье 26, должны считаться неприемлемыми в соответствии со статьей 1 Факультативного протокола.

9.3 Дополнительно государство-участник утверждает, что в настоящем деле не может быть и речи о нарушении статьи 26. На самом деле соответствующие положения Уголовного кодекса Франции¹ применяются также во Французской Полинезии после принятия Постановления № 96267 от 28 марта 1996 года, касающегося вступления в силу нового Уголовного кодекса в заморских территориях Франции и на Майотте. Следовательно, авторы необоснованно жалуются на дискриминационное применение уголовного законодательства по охране захоронений. Государство-участник добавляет, что авторы никогда ранее, вплоть до середины 1996 года, не предъявляли каких-либо исков с жалобами на осквернение захоронений.

9.4 В своих дополнительных замечаниях государство-участник утверждает, что существование различных законов во Франции и ее заморских территориях никоим образом не означает нарушения принципа недискриминации, закрепленного в статье 26. Оно разъясняет, что, согласно статье 74 Конституции Франции и имплементирующим законам, законодательство, принятое в метрополии, не применяется автоматически и полностью в заморских территориях, учитывая географические, социальные и экономические особенности этих территорий. Таким образом, законодательство, применимое во Французской Полинезии, принято либо государственными органами, либо компетентными властями Французской Полинезии.

9.5 Напоминая о компетенции Комитета, государство-участник отмечает, что статья 26 не запрещает различий в подходе к осуществлению недискриминационного режима, если такие различия основаны на разумных и объективных критериях. Оно полагает, что различия в законодательстве и нормативной базе метрополии и заморских территорий Франции основаны на таких разумных и объективных критериях, как критерии, определенные в статье 74 Конституции, в которой содержится ясное указание на "специфические интересы" заморских территорий. Понятие "специфические интересы" имеет целью обеспечить сохранение характерных особенностей заморских территорий и обосновывает придание особой компетенции властям Французской Полинезии. Кроме того, нормативные базы метрополии и Французской Полинезии, регулирующие вопросы охраны захоронений, имеют очень много общего.

9.6 В свете последних замечаний государство-участник отмечает, что параграф 2 статьи L.131 *Code des Communes* фактически применяется как в метрополии, так и в Полинезии. Нормативная база по применению данного положения закона может основываться на разных текстах в метрополии и во Французской Полинезии, но на практике эти различия незначительны. Таким образом, запрет на эксгумацию тела без предварительного разрешения содержится в статье 28 Постановления (*Arrêté*) № 583 S от 9 апреля 1953 года, применяемого во Французской Полинезии, и в статье R. 361-15 *Code des Communes*.

9.7 Далее государство-участник отмечает, что в 1989 году во Французской Полинезии был принят закон, регулирующий вопросы благоустройства территории (*Code d'aménagement du territoire*). Вопросы охраны мест и памятников, имеющих историческое значение, а также вопросы археологической деятельности регулируются в главе пятой указанного закона. Положения данного закона во многом основываются на законах от 2 мая 1930 года и 27 сентября 1941 года (последний регламентирует деятельность, связанную с археологическими раскопками), применяемых в метрополии. Государство-участник ссылается на пункт 1 статьи D. 151-2 Кодекса (*Code de*

¹ Статьи 225-17 и 225-18 Уголовного кодекса Франции.

l'aménagement de la Polynésie française), в котором, в частности, говорится о возможности частичной или полной охраны мест и памятников, имеющих историческое, художественное, научное или иное значение ("... peuvent faire l'objet d'un classement en totalité ou en partie"). Утверждается, что настоящее положение применимо к охране мест, представляющих особый интерес. В статье D. 151-8 упомянутого Кодекса говорится о том, что предметы и места или памятники, поставленные под охрану, не должны подвергаться разрушению или перемещению, или реставрации без предварительного разрешения главного административного лица Французской Полинезии. Наконец, статья D. 154-8 Кодекса конкретно касается обнаруженных захоронений; согласно этому положению, компетентные органы управления должны быть немедленно поставлены в известность об обнаружении захоронения.

9.8 Государство-участник утверждает, что вышеуказанные положения полностью обеспечивают защиту интересов авторов и могут способствовать разрешению их проблем. Вопреки утверждениям авторов, во Французской Полинезии существует законодательство, обеспечивающее охрану исторических мест и захоронений, а также археологических раскопок, представляющих особый интерес.

9.9 В своем письме от 26 августа 1996 года адвокат ставит Комитет в известность о кончине г-на Опю и отмечает, что его наследники выразили желание, чтобы рассмотрение сообщения было продолжено.

Рассмотрение дела по существу

10.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами в соответствии с требованиями пункта 1 статьи 5 Факультативного протокола.

10.2 Авторы утверждают, что в нарушение пункта 1 статьи 14 они были лишены возможности обратиться в независимый и беспристрастный суд. В этой связи они утверждают, что единственными судами, компетентными рассматривать земельные споры во Французской Полинезии, являются местные суды и что им должна была быть предоставлена возможность обратиться в такой суд. Комитет отмечает, что авторы могли обратиться во французский суд, но намеренно не сделали этого, утверждая, что французские власти обязаны были сохранить действующие местные суды. Комитет отмечает, что спор о праве собственности на землю был разрешен судом Папэте в 1961 году и что предыдущие владельцы не оспаривали это решение. Кроме мирного занятия участка авторы не предприняли никаких дополнительных шагов для того, чтобы оспорить право собственности на землю или ее использование. В этих обстоятельствах Комитет пришел к выводу, что представленные ему факты не свидетельствуют о нарушении пункта 1 статьи 14.

10.3 Авторы утверждают, что строительство гостиничного комплекса на спорном участке привело бы к разрушению захоронения их предков, которое занимает важное место в их истории, культуре и жизни, и явилось бы произвольным вмешательством в их частную и семейную жизнь в нарушение статей 17 и 23. Они также утверждают, что на этом участке захоронены члены их семей. Комитет отмечает, что цели Пакта требуют расширительного толкования понятия "семья", которое включает в себя семью в том понимании, которое существует в данном обществе. Этим обуславливается необходимость учитывать культурные традиции при определении понятия "семья" в конкретной ситуации. Из утверждений авторов следует, что они считают отношения со своими предками важным элементом своего самосознания, играющим значительную роль в их семейной жизни. Государство-участник не оспаривает этого; государство-участник также не оспаривает утверждения о том, что указанное захоронение играет важную роль в истории, культуре и жизни авторов. Государство-участник оспаривает обращение авторов только на том основании, что они не установили наличия родственных связей между останками, обнаруженными в захоронении, и собой. Комитет считает, что то обстоятельство, что авторы не установили прямых родственных связей, не может быть обращено против них в обстоятельствах, которые изложены в сообщении: захоронение возникло до прихода европейских поселенцев и признано, что в нем имеются останки предков современного полинезийского населения Таити. Таким образом, Комитет заключает, что строительство

гостиничного комплекса на месте захоронения предков авторов составляет вмешательство в их право на семейную и частную жизнь. Государство-участник не доказало, что такое вмешательство является разумным в данных обстоятельствах, и ничто в информации, имеющейся в Комитете, не свидетельствует о том, что государство-участник надлежащим образом учло значение захоронения для авторов, когда оно приняло решение о сдаче участка в аренду под строительство гостиничного комплекса. Комитет считает, что имело место произвольное вмешательство в права авторов на семейную и частную жизнь в нарушение пункта 1 статьи 17 и пункта 1 статьи 23.

10.4 Как указано в пункте 7.3 решения от 30 октября 1995 года, Комитет также рассмотрел утверждения авторов об осуществляемой в нарушение статьи 26 Пакта дискриминации в связи с отсутствием конкретных мер юридической защиты захоронений во Французской Полинезии. Комитет принял к сведению возражения государства-участника против приемлемости рассмотрения жалобы, а также дополнительную подробную аргументацию, относящуюся к существу дела.

10.5 На основании информации, представленной государством-участником и авторами, Комитет не имеет возможности определить, имело ли место нарушение статьи 26 в деле, описанном в настоящем сообщении.

11. На основании положений пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах Комитет считает, что представленная ему информация о фактических обстоятельствах дела свидетельствует о нарушении пункта 1 статьи 17 и пункта 1 статьи 23 Пакта.

12. Комитет по правам человека полагает, что авторы имеют право, согласно подпункту а) пункта 3 статьи 2 Пакта, на соответствующую защиту. Государство-участник обязано эффективно защитить права авторов и обеспечить, чтобы аналогичные нарушения не имели места в будущем.

13. Принимая во внимание, что государство-участник, ставшее участником Факультативного протокола, признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязуется обеспечить всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и предоставлять эффективные и подлежащие принудительному осуществлению средства правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет просит государство-участника представить не позднее чем через 90 дней информацию о мерах, принятых во исполнение изложенных Комитетом соображений.

ДОБАВЛЕНИЕ I

*Особое мнение членов Комитета г-жи Элизабет Эватт,
г-жи Сесилии Медины Кироки, г-на Фаусто Покара, г-на Мартина Шейнина
и г-на Максвелла Ялдена в соответствии с пунктом 3 правила 94 правил процедуры Комитета по
сообщению № 549/1993 Франсис Ою и Топоаиту Бессер против Франции*

Мы не согласны с решением Комитета от 30 июня 1994 года о признании жалобы авторов неприемлемой для рассмотрения в связи со статьей 27 Пакта. Сколь бы юридически обоснованным ни было заявление Франции о применимости статьи 27 в отношении территории метрополии, мы не считаем, что замечания, высказанные в указанном заявлении, применимы к заморским территориям, находящимся под французским суверенитетом. В тексте указанного заявления содержится ссылка на статью 2 французской Конституции 1958 года, которая исключает различия между французскими гражданами перед законом. Однако в статье 74 указанной Конституции содержится положение, специально касающееся заморских территорий, согласно которому они имеют особую организацию, учитывающую их собственные интересы в рамках общих интересов Республики. Наличие такой особой организации может, как отмечает сама Франция в своих представлениях по настоящему

сообщению, привести к тому, что такие территории будут иметь иное законодательство, учитывающее их географические, социальные и экономические особенности. Таким образом, само заявление, обоснованное Францией, делает статью 27 Пакта применимой в отношении заморских территорий.

По нашему мнению, в сообщении поднимаются важные вопросы, предусмотренные статьей 27 Пакта, которые должны были быть рассмотрены по существу, несмотря на заявление, сделанное Францией в связи со статьей 27.

После того как Комитет принял решение не открывать вновь вопрос о приемлемости жалобы авторов по статье 27, мы можем присоединиться к мнению Комитета по остальным аспектам сообщения.

ДОПОЛНЕНИЕ II

Особое (несовпадающее) мнение членов Комитета г-на Дэвида Крецмера и г-на Томаса Бургенталя, подписанное также г-ном Нисуке Андо и лордом Колвиллем, в соответствии с пунктом 3 правила 94 правил процедуры Комитета по сообщению № 549/1993, Франсис Опю и Теноаиту Бессер против Франции

1. К сожалению, мы не можем присоединиться к мнению Комитета о том, что в настоящем сообщении получили подтверждение факты нарушения статей 17 и 23 Пакта.

2. Ранее Комитет постановил (сообщение № 220/1987 и сообщение № 222/1987, объявленные неприемлемыми 8 ноября 1989 года), что заявление Франции относительно статьи 27, сделанное при ратификации Пакта, должно рассматриваться как оговорка, в соответствии с которой Франция не связана обязательствами по данной статье. Основываясь на этом решении, Комитет постановил в своем решении о приемлемости от 30 июня 1994 года, что сообщение авторов не может быть принято к рассмотрению в той его части, которая относится к вопросу о нарушении статьи 27. Это решение, сформулированное в общих выражениях, не позволяет нам рассмотреть вопрос о применимости заявления Франции по отношению не только к метрополии, но и к ее заморским территориям, на которых, по заявлению самого государства-участника, могут действовать особые условия.

3. Авторы утверждают, что государство-участник не обеспечило охраны захоронения их предков, которое играет важную роль как их культурное наследие. Представляется, что в связи с данным заявлением может возникнуть вопрос о том, не отрицает ли таким образом государство-участник право религиозных или этнических меньшинств совместно с другими членами своей группы пользоваться своей культурой или исповедовать свою религию. Однако по причинам, изложенным выше, Комитет не смог рассмотреть этот вопрос. Вместо этого Комитет счел, что строительство гостиницы на месте захоронения представляет собой произвольное вмешательство в семейную и частную жизнь авторов. Мы не можем согласиться с этими утверждениями.

4. Сделав вывод о том, что приведенные в деле факты не свидетельствуют о вмешательстве в семейную и частную жизнь авторов, мы не отвергаем точку зрения, изложенную в Замечании общего порядка 16, принятом Комитетом по статье 17 Пакта, согласно которому понятие "семья" должно "толковаться широко и охватывать всех тех, кто входит в состав семьи, как она понимается в обществе соответствующего государства-участника". Таким образом, термин "семья" применительно к местному населению Французской Полинезии может включать в себя и родственников, которые в это понятие не входят в других обществах, в том числе и во французской метрополии. Однако при расширительном толковании термин "семья" приобретает дискретное значение. Он не включает всех членов этнической или культурной группы. Он также не обязательно включает в себя всех предков с незапамятных времен. Утверждение о том, что какое-то место является захоронением предков этнической или культурной группы, само по себе не подразумевает, что в данном захоронении погребены члены семьи авторов. Авторы не представили свидетельств того, что данное захоронение связано с их семьей, а не со всем коренным населением данной местности. Общего утверждения о том, что члены их семей захоронены на этом участке, без уточнения характера отношений между

ними и теми, кто там погребен, недостаточно для обоснования приведенных авторами аргументов, даже если допустить, что местное понятие семьи отличается от понятий, существующих в других обществах. Поэтому мы не можем согласиться с мнением Комитета, будто авторы обосновали свое утверждение о том, что строительство на месте захоронения равносильно вмешательству в их семейную жизнь.

5. Комитет упоминает утверждение авторов, что "они считают отношения со своими предками важным элементом своего самосознания, играющим значительную роль в их семейной жизни". Исходя из того, что государство-участник не оспаривало ни этого утверждения, ни заявления авторов о том, что захоронения играют важную роль в их истории, культуре и жизни, Комитет пришел к выводу, что строительство гостиничного комплекса на месте захоронения является вмешательством в право авторов на семейную и частную жизнь. Ссылка Комитета на историю, культуру и жизнь авторов говорит о многом, ибо она показывает, что защищаются не такие ценности, как семья или частная жизнь, а культурные ценности. Мы разделяем озабоченность Комитета судьбой таких ценностей. Однако такие ценности охраняются статьей 27 Пакта, а не положениями, на которые ссылается Комитет. Мы сожалеем, что в данном случае Комитет не может применить статью 27.

6. Вопреки мнению Комитета мы не можем согласиться с тем, что утверждение авторов о вмешательстве в их право на частную жизнь было обосновано. Единственное, на чем основывается вывод Комитета в данном вопросе, это утверждение авторов, что связь с предками играет важную роль в их самосознании. Центральным элементом представления о частной жизни является защита таких аспектов жизни личности или ее отношений с другими, которые скрываются от посторонних глаз или вторжения со стороны. Оно не включает в себя доступ к общественному имуществу, какова бы ни была его природа или цель такого доступа. Более того, тот факт, что посещения определенного места играют важную роль в чем-то самосознании, не трансформирует такие посещения в право данного человека на частную жизнь. Можно представить себе множество видов деятельности, например участие в коллективном богослужении или в культурных мероприятиях, играющих важную роль в самосознании членов различных обществ. Вмешательство в такую деятельность может представлять собой нарушение статей 18 или 27, но не составляет вмешательства в частную жизнь.

7. Мы с определенным сожалением приходим к выводу об отсутствии в настоящем сообщении фактов нарушения прав авторов, закрепленных в Пакте. Мы так же, как и Комитет, озабочены проявленным государством-участником неуважением к месту, которое играет бесспорно важную роль в культурном наследии коренного населения Французской Полинезии. Однако мы полагаем, что эта озабоченность не оправдывает искажения обычного и общепринятого смысла понятий "семья" и "частная жизнь".

Сообщение No. 552/1993

Представлено: Веслав Калл

Предполагаемая жертва: Автор

Государство-участник: Польша

Объявлено приемлемым: 5 июля 1995 года (пятьдесят четвертая сессия)

Дата принятия сообщений: 14 июля 1997 года (шестидесятая сессия)

Предмет сообщения: Увольнение с работы бывшего государственного служащего

Вопросы процедуры: Исчерпание внутренних средств правовой защиты - Приемлемость *ratione materiae*

Вопросы существа: Дискриминация с точки зрения доступа к государственной службе

Статьи Пакта: 25 (с)

Статья Факультативного протокола и правила процедуры: 5, пункт 2 (а) и (b), и правило 91

Заключение: Отсутствие нарушения

1. Автор сообщения от 31 марта 1993 года - Веслав Калл, гражданин Польши, проживающий в настоящее время в Хербы, Польша. Он утверждает, что является жертвой нарушения пункта 1 статьи 2 и статьи 25 с) Международного пакта о гражданских и политических правах. Пакт вступил в силу для Польши 18 марта 1977 года. Факультативный протокол вступил в силу для Польши 7 февраля 1992 года.

Факты в изложении автора

2.1 Автор работал на различных должностях в гражданской милиции министерства внутренних дел в течение 19 лет; с 1982 по 1990 год - кадровый офицер отдела политики и пропаганды в ранге старшего инспектора. Он подчеркивает, что гражданская милиция не идентична полиции безопасности, и он никогда не носил формы полиции безопасности, а только гражданской милиции. 2 июля 1990 года он был задним числом объявлен офицером полиции безопасности и 31 июля 1990 года уволен со своей должности в соответствии с законом о защите государственной службы 1990 года, которым полиция безопасности был упразднена и заменена новой организацией.

2.2 В соответствии с этим законом учрежден специальный комитет, на который было возложено решение вопроса о назначении бывших сотрудников полиции безопасности на те или иные должности в новом управлении. Автор утверждает, что не должен был подвергаться процедурам "проверки", поскольку никогда не был офицером службы безопасности. По причине его левых взглядов и членства в Польской объединенной рабочей партии заявление автора было отклонено провинциальным квалификационным комитетом округа Жесточова. Комитет посчитал, что автор не отвечает требованиям, предъявляемым офицерам министерства внутренних дел. Автор обратился в Центральный квалификационный комитет в Варшаве, который 21 сентября 1990 года отменил это решение и постановил, что автор может претендовать на должность в министерстве внутренних дел.

2.3 Однако последующее обращение автора с просьбой о восстановлении на службе в провинциальной полиции округа Жесточова было отклонено 24 октября 1990 года. Письмом от 11 марта 1991 года автор направил жалобу министру внутренних дел. Министр ответил, что его увольнение со службы было законным и соответствовало процедурам реорганизации управления. В этой связи министр сослался на инструкцию № 53 от 2 июля 1990 года, в соответствии с которой офицеры, проходившие службу в отделе политики и пропаганды, считались сотрудниками полиции безопасности.

2.4 16 декабря 1991 года автор обратился в Административный суд с жалобой на несправедливое увольнение и на то, что его ошибочно подвергли процедуре проверки. 6 марта 1992 года Суд отклонил его заявление на том основании, что рассмотрение обращений в провинциальные квалификационные комитеты не входит в его компетенцию.

Жалоба

3. Автор утверждает, что был уволен необоснованно. Он утверждает, что объявление его сотрудником полиции безопасности потребовалось для его увольнения, поскольку закон не предусматривал пересмотра контрактов с сотрудниками гражданской милиции. Кроме того, он утверждает, что впоследствии ему был закрыт доступ на гражданскую службу из-за его политических взглядов, поскольку он был активным членом Польской объединенной рабочей партии и отказался сдать свой партийный билет во время происходивших в министерстве перемен политического характера. Он утверждает, что подвергся дискриминации и в нарушение положений статьи 25 с) Международного пакта.

Решение Комитета о приемлемости

4. 25 октября 1993 года сообщение было передано государству-участнику в соответствии с правилом 91 правил процедур Комитета по правам человека. От государства-участника не было получено никакого представления в соответствии с правилом 91, несмотря на направленное ему 7 декабря 1994 года уведомление. В своем письме от 11 мая 1995 года автор сообщил, что его положение не изменилось.

5.1 Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости этого сообщения в ходе своей пятьдесят четвертой сессии. Комитет отметил с обеспокоенностью, что государство-участник не представило какой-либо информации или замечаний по вопросу о приемлемости сообщения.

5.2 Комитет подтвердил, как того требует подпункт а) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола, что этот же самый вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования. В отношении исчерпания внутренних средств правовой защиты Комитет установил, что автор действует в соответствии с положениями подпункта в) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола.

5.3 Комитет отметил, что, по словам автора, ему было отказано в возможности получить, на основании общепризнанных принципов равноправия, работу на гражданской службе, и его заявление может быть признано приемлемым *ratione materiae*, в частности согласно статье 25 с) Пакта.

6. 5 июля 1995 года Комитет по правам человека объявил сообщение приемлемым.

Представление государства-участника по вопросам существа и соответствующие замечания автора

7.1. В представлении от 11 марта 1996 года государство-участник приносит свои извинения за несвоевременное направление замечаний по вопросу о приемлемости сообщения. Как утверждает государство-участник, задержка была вызвана интенсивными консультациями по существу дела. Государство-участник выражает готовность в полной мере сотрудничать с Комитетом в рассмотрении сообщения, представленного в соответствии с Факультативным протоколом.

7.2 Государство-участник представляет информацию, касающуюся правовых аспектов фактов, изложенных в сообщении. Оно разъясняет, что после кардинальных политических перемен, имевших целью восстановление демократии, необходимо было реорганизовать министерство внутренних дел, особенно структуру его политической службы. 6 апреля 1990 года парламент принял закон о полиции и закон о защите государственной службы. Закон о защите государственной службы предусматривал роспуск полиции безопасности и *ex lege* увольнение ее офицеров. Законом о полиции предусматривался роспуск гражданской милиции, но при этом ее офицеры *ex lege* становились сотрудниками полиции. Однако статья 149 (2) делает исключение в отношении тех офицеров милиции, которые до 31 июля 1989 года оставались офицерами полиции безопасности, занимавшими должности в милиции. Эти офицеры *ex lege* увольнялись со своих должностей. Положение о таких изменениях вступило в силу 1 августа 1990 года.

7.3 В соответствии со статьей 132 (2) Закона о защите государственной службы Совет министров выпустил инструкцию № 69 от 21 мая 1990 года, предусматривавшую "процедуры проверки" *ex lege* уволенных офицеров в квалификационном комитете. Офицеры, получившие отрицательную аттестацию в региональных квалификационных комитетах, могли обращаться в Центральный квалификационный комитет. В связи с их заявлениями Комитет рассматривал вопрос о том, отвечает ли автор заявления требованиям, предъявляемым к офицерам министерства внутренних дел, а также обладает ли он высокими моральными качествами. Лица, получившие положительные аттестации, имели право занять определенную должность в министерстве. Как утверждает государство-участник, 10 349 бывших офицеров полиции безопасности, прошедших проверку, были аттестованы положительно, а 3595 офицеров - отрицательно. Государство-участник разъясняет, что реорганизация министерства привела к значительному сокращению числа должностей, и положительная аттестация была лишь условием, позволявшим обращаться с заявлением о предоставлении работы, но не гарантировала ее получения.

7.4 2 июля 1990 году министерство внутренних дел издало приказ, устанавливающий категории должностей, относящиеся к полиции безопасности. В соответствии с этим приказом офицеры, занимавшие до 31 июля 1989 года должности, в частности, начальников и заместителей начальников отдела политики и пропаганды, считались сотрудниками полиции безопасности.

7.5 Государство-участник отмечает далее, что в соответствии с законом о полиции и законом о защите государственной службы прием на работу регулируется не Кодексом о труде, а Кодексом об административных процедурах, в соответствии с которым назначение на должность производится в результате специального представления, а не на основе трудового контракта. Заинтересованные стороны могут, таким образом, подавать апелляции, касающиеся решений о их приеме на работу, в высшие административные органы. Апелляция на решение о приеме или неприеме на работу в министерство внутренних дел может быть подана в высшую инстанцию - Высший административный суд.

8.1 В отношении дела автора государство-участник отмечает, что он начал свою гражданскую службу в сентябре 1971 года в гражданской милиции, с 1972 по 1977 год учился в школе милиции, а затем служил в Штабе региональной милиции в Жесточове. 16 января 1982 года он стал заместителем начальника регионального отдела внутренних дел в Люблинице, курировавшего управление политики и пропаганды. С 1 февраля 1990 года он занимал должность старшего инспектора регионального отдела внутренних дел в Жесточове.

8.2 17 июля 1990 года автор представил свое заявление в региональный квалификационный отдел в Жесточове с просьбой принять его на работу в полицию. По мнению государства-участника, это само по себе уже свидетельствует о том, что автор считал себя офицером полиции безопасности, поскольку, если бы он уже был сотрудником милиции, его пребывание на службе было бы автоматически продлено. Региональный квалификационный комитет дал негативную аттестацию делу автора. Однако в связи с его апелляцией Центральный квалификационный комитет отменил аттестацию и констатировал, что автор может работать в полиции или в других подразделениях министерства внутренних дел.

8.3 Впоследствии, 3 октября 1990 года, автор подал заявление о приеме на работу в региональный штаб полиции в Жесточове. 24 октября 1990 года начальник региональной полиции поставил его в известность, что "не может удовлетворить" его заявление о приеме на работу. Государство-участник отмечает, что автор мог опротестовать отказ предоставить ему работу, обратившись к главному начальнику полиции. Автор не сделал этого, вместо этого он 11 марта 1991 года направил министру внутренних дел жалобу на то, что был несправедливо подвергнут "процедуре проверки". Министр ответил, что процедура была законной и что решение о его увольнении не будет пересмотрено. Далее, 16 декабря 1991 года, автор направил жалобу в Высший административный суд с просьбой изменить оценку региональной квалификационной комиссии. 6 марта 1992 года Суд отклонил жалобу автора по той причине, что в его компетенцию не входило рассмотрение исков против квалификационных комитетов, поскольку они не являлись административными органами.

9.1 Государство-участник просит Комитет пересмотреть решение о признании сообщения приемлемым. Государство-участник констатирует, что Пакт вступил в силу для Польши 18 марта 1977 года, а Факультативный протокол - 7 февраля 1992 года, из чего следует, что Комитет может рассматривать только те сообщения о якобы имевших место нарушениях прав человека, которые имели место после вступления Протокола в силу для Польши. Поскольку процедура проверки автора закончилась 21 сентября 1990 года после принятия Центральным квалификационным комитетом решения о том, что он имеет право на работу в министерстве, и автору было отказано в приеме на работу 24 октября 1990 года, государство-участник считает, что его сообщение неприемлемо *ratione temporis*. В этой связи государство-участник поясняет, что автор мог оспорить отказ предоставить ему работу, обратившись в течение 14 дней в более высокую инстанцию. Поскольку он этого не сделал, решение от 24 октября 1990 года стало окончательным. Государство-участник утверждает, что жалобы автора, направленные министру и в Высший административный суд, не могут быть приняты во внимание, поскольку этими инстанциями не исчерпывались все доступные ему внутренние средства правовой защиты.

9.2 Государство-участник придерживается мнения, что в отношении данного дела нет оснований для применения обратной силы Факультативного протокола, как это предусмотрено разработанными юридическими правилами Комитета. Государство-участник отрицает, что якобы имевшие место нарушения имеют продолжающийся характер, и ссылается на решение Комитета по сообщению № 520/1992¹ о том, что продолжающееся нарушение должно истолковываться как следующее за вступлением в силу Факультативного протокола подтверждение действием или очевидным последствием предыдущих нарушений со стороны государства-участника.

9.3 В отношении исчерпания внутренних средств правовой защиты государство-участник ссылается на правило 90 (1) f) правил процедуры Комитета, согласно которому Комитет должен удостовериться, что данное лицо исчерпало все имеющиеся внутренние средства правовой защиты. Государство-участник ссылается на обстоятельства рассматриваемого в суде дела и утверждает, что внутренними средствами правовой защиты, доступными автору, которому отказали в приеме на работу, были обращение к высшему начальнику полиции и, в случае необходимости, в Высший административный суд. Автор предпочел не пользоваться этими средствами защиты, а вместо этого направил жалобу министру внутренних дел. По мнению государства-участника, эта жалоба не может рассматриваться как средство правовой защиты, поскольку она относится не к факту отказа в приеме на работу, а к квалификационным процедурам. Подобным же образом обращение автора в Высший административный суд по поводу аттестации, проведенной Региональным квалификационным комитетом, не было адекватным средством правовой защиты, чтобы можно было считать исчерпанными все средства, доступные автору. Соответственно, государство-участник заявляет, что сообщение неприемлемо, поскольку автор не исчерпал все внутренние средства правовой защиты.

10.1 В отношении существа сообщения государство-участник отмечает, что, по утверждению автора, ему было безосновательно отказано в приеме на работу в новой полиции и что объявление его бывшим офицером полиции безопасности было всего лишь предлогом для увольнения за политические убеждения. Государство-участник допускает, что автор не был поставлен в

¹ Э. и А. К. против Венгрии, объявленное неприемлемым 7 апреля 1994 года.

известность, что членство в партии или политические взгляды являются основанием для увольнения или отказа в предоставлении работы. Государство-участник ссылается на действующее законодательство и отмечает, что автор был уволен со своей должности *ex lege* вместе с другими офицерами, занимавшими подобные должности. Государство-участник особо подчеркивает, что решение парламента распустить полицию безопасности было правомерным и законным. Оно добавляет, что приказ министра от 2 июля 1990 года был не чем иным, как уточнением перечня должностей, который был утвержден в соответствии с новым законодательством и не менял существовавшей классификации должностей.

10.2 Государство-участник разъясняет, что как полиция безопасности, так и гражданская милиция входили в состав министерства внутренних дел. Как заявляет государство-участник, на уровне региональных и районных административных органов министерства внутренних дел существовали специальные отделения полиции безопасности, возглавляемые офицерами в должности заместителя начальника регионального или районного управления министерства внутренних дел. Автор занимал пост заместителя начальника регионального управления министерства внутренних дел, курировавшего отдел политики и пропаганды. Согласно утверждению государства-участника нет никаких сомнений в том, что эта должность входила в штатное расписание полиции безопасности. Закон о защите государственной службы был, таким образом, правомерно применен в отношении автора, и в результате он был уволен с занимаемого им поста *ex lege*. Государство-участник добавляет, что полученное офицерами образование и форма, которую они носили, не являются решающими факторами при определении их квалификаций.

10.3 В отношении отказа вновь принять автора на службу в полицию государство-участник настаивает на том, что решения о приеме на службу относятся к компетенции руководителя организации, который делает выбор по своему усмотрению. Кроме того, возможность приема на работу зависит от количества вакантных должностей. Государство-участник ссылается на принцип *travaux préparatoires* статьи 25 с) и отмечает, что преследуемая цель состояла в предотвращении монополизации государственного аппарата привилегированными группами, но при этом считалось, что государства должны иметь возможность установления определенных критериев приема своих граждан на государственную службу. Государство-участник отмечает, что при упразднении полиции безопасности значительную роль сыграли этические и политические соображения. В этой связи государство-участник ссылается на высказанную Комитетом экспертов Совета Европы точку зрения относительно того, что отбор государственных служащих на ключевые административные посты может осуществляться по политическим соображениям.

10.4 Государство-участник далее отмечает, что права, предусмотренные статьей 25, не являются абсолютными, а разрешают разумные ограничения, отвечающие цели этого закона. По мнению государства-участника, реорганизация полиции и управления государственной безопасности и ограниченное число вакантных должностей достаточно убедительно свидетельствуют об обоснованности отказа автору в приеме на службу в полицию. Более того, государство-участник утверждает, что статья 25 с) не обязывает государство гарантировать принятие на государственную службу. По мнению государства-участника, эта статья обязывает государства установить общедоступные гарантии, в частности процедурного характера, обеспечивающие равные возможности при приеме на государственную службу. Государство-участник считает, что законодательство Польши установило эти гарантии, как об этом говорилось выше. Государство-участник утверждает поэтому, что права автора, предусмотренные статьей 25 с), не были нарушены.

11.1 В своем ответе на представление государства-участника автор повторяет, что никогда не был сотрудником полиции безопасности, а всегда служил в структурах гражданской милиции. Он утверждает, что в его личном деле не содержится приказа, который свидетельствовал бы о том, что он стал сотрудником полиции безопасности. По мнению автора, приказ министра от 2 июля 1990 года носил произвольный характер и его должность задним числом квалифицировалась как должность офицера полиции безопасности. В этой связи автор отмечает, что в соответствии с циркуляром министерства внутренних дел, изданным до обнародования приказа от 2 июля 1990 года, к штату полиции безопасности были причислены следующие должности: все должности департаментов I и II, должности оперативной группы штаба полиции безопасности, советники министерства, секретариат

разведки и контрразведки, заместители начальников провинциальных отделений полиции безопасности, начальники и старшие специалисты по делам полиции безопасности провинциальных отделений министерства внутренних дел. Автор считает, что из приведенного перечня видно, что его должности не было в штатном расписании полиции безопасности.

11.2 Автор ссылается на доклад омбудсмена 1993 года, в котором он приходит к выводу, что причисление задним числом офицеров к сотрудникам полиции безопасности является незаконным. Автор ссылается также на сделанные в 1996 году заявления членов парламента по поводу неприемлемой практики принуждения сотрудника милиции, который никогда не был сотрудником полиции безопасности, к прохождению процедур проверки.

11.3 Автор не оспаривает утверждение государства-участника о том, что полиция безопасности была расформирована на законных основаниях. Однако он утверждает, что процедуры проверки, введенные законом и приказом министра, были неправомерными и произвольными.

11.4 Что касается требования исчерпать внутренние средства правовой защиты, то автор заявляет, что он не получил каких-либо имеющих законную силу документов, в которых разъяснялось бы, на каких основаниях он уволен со службы. Он не получил приказа об увольнении, его не проинструктировали о возможностях подачи апелляции. Он утверждает, что направил жалобу министерству внутренних дел потому, что не знал, к кому конкретно следует обращаться, и надеялся, что министр направит его жалобу соответствующему должностному лицу, как того требует статья 65 Кодекса административных процедур. Он также утверждает, что направил жалобу в Высший административный суд, как только узнал из прессы, что можно прибегнуть к такой мере защиты. Не имея возможности получить юридическую консультацию, он, однако, в своей жалобе оспаривал решение квалификационной комиссии, а не отказ в приеме его на службу.

11.5 Что касается процедуры проверки, то автор заявляет, что у него был выбор - пройти ее или быть уволенным. Он не согласен с тем, что, согласившись на процедуру проверки, он тем самым продемонстрировал, что считает себя сотрудником полиции безопасности. В этой связи он отмечает, что на бланке, где было указано "заявление бывшего сотрудника полиции безопасности", он вычеркнул слова "полиции безопасности" и заменил их словами "гражданской милиции".

11.6 Что же касается существа дела, то автор убежден: если бы он был добропорядочным католиком, то в настоящее время он наверняка служил бы в полиции. Поскольку Центральный квалификационный комитет вынес в отношении его положительное решение, он не видит иных причин, по которым ему не могут предложить должность в полиции, кроме его членства в коммунистической партии и его политических убеждений. В этом контексте он заявляет, что его коллега, рекомендованный епископом Жесточова на должность начальника региональной полиции, был принят на службу.

Решение Комитет о приемлемости

12. Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о неприемлемости сообщения *ratione temporis*, а также по той причине, что автор не исчерпал внутренних средств правовой защиты. Комитет рассмотрел относящуюся к делу информацию, представленную государством-участником. Однако Комитет рассмотрел также соответствующую информацию, представленную автором, и пришел к выводу, что факты и аргументы, выдвинутые государством-участником в пользу своего утверждения, не дают оснований для пересмотра решения Комитета о приемлемости.

Рассмотрение дела по существу

13.1 Комитету предстоит решить вопрос о том, являются ли увольнение автора, процедуры проверки и последующий отказ в приеме на службу в полицию нарушением его прав, предусмотренных статьей 25 с) Пакта.

13.2 Комитет отмечает, что статья 25 с) предусматривает, что каждый гражданин должен иметь право и возможность без всякой дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства допускаться в своей стране к государственной службе. Комитет, однако, далее отмечает, что это право не предусматривает, что каждый гражданин должен иметь гарантию получения места на государственной службе.

13.3 Комитет отмечает, что, согласно утверждению автора, он был уволен незаконно, так как он не был сотрудником полиции безопасности. Комитет, однако, обращает внимание на то, что 2 июля 1990 года автор был задним числом объявлен офицером полиции безопасности; что в результате упразднения полиции безопасности, в соответствии со вступившим в силу законом о защите государственной службы, должность автора как сотрудника полиции безопасности была упразднена и это привело к его увольнению 31 июля 1990 года. Комитет отмечает, что автор не был специально выбран для ретроспективного пересмотра статуса его должности - одновременно задним числом была проведена реклассификация аналогичных должностей в различных региональных участках. Пересмотр штатного расписания был частью процесса всесторонней реорганизации министерства внутренних дел с целью восстановления в стране демократии и верховенства закона.

13.4 Комитет отмечает, что упразднение должности автора было результатом упразднения полиции безопасности в соответствии с законом о защите государственной службы и в связи с упразднением полиции безопасности должности всех сотрудников полиции безопасности были упразднены без каких-либо различий и дифференциации.

13.5 Кроме того, по поводу жалобы автора, касающейся процедуры проверки, которой он был подвергнут, Комитет отмечает, что после апелляции автор был признан достойным получения должности в полиции. Таким образом, факты свидетельствуют, что на том этапе автору не было отказано в доступе на государственную службу.

13.6 Остается вопрос, является ли факт отказа в приеме автора на службу в полицию достаточным основанием для вывода о том, что ему было отказано по политическим соображениям или же этот отказ был обусловлен ограниченным числом вакантных должностей. Как указывалось выше, статья 25 с) не предусматривает предоставления каждому гражданину места на государственной службе, а устанавливает право доступа на государственную службу на общих условиях равенства. Информация, имеющаяся у Комитета, не подтверждает вывода о том, что это право было нарушено в случае с автором.

14. Комитет пришел к выводу, что факты, которыми он располагает, не свидетельствуют о нарушении каких-либо положений Пакта.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое мнение членов Комитета г-жи Элизабет Эватти г-жи Сесилии Медины Кироги, подписанное также г-жой Кристиной Шане, в соответствии с пунктом 3 правила 94 правил процедуры Комитета по сообщению № 552/1993, Веслав Калл против Польши

Автор утверждает, что в его случае имело место нарушение статьи 25 с) Пакта, поскольку он был необоснованно уволен из гражданской милиции. Комитет установил, что государство не нарушало Пакта. Мы не можем согласиться с таким соображением на основании следующих фактов и причин:

1. Согласно принятому Польшей закону от 6 апреля 1990 года была упразднена полиция безопасности и *de lege* уволены все ее сотрудники. Действительно, полиция безопасности была упразднена по этическим и политическим соображениям, как об этом заявляет само государство-участник (пункт 10.3). Этот закон не распространялся на автора, поскольку он не был сотрудником полиции безопасности.

В соответствии с изданной позднее инструкцией № 69 от 21 мая 1990 года все сотрудники упраздненной полиции безопасности были подвергнуты процедуре проверки, которая, если ее результаты оказывались положительными, давала им возможность обращаться в министерство внутренних дел с просьбой предоставить новые должности в его подразделениях.

Последующий приказ министра внутренних дел от 2 июля 1990 года ввел перечень должностей, которые считались принадлежащими к полиции безопасности, среди которых оказалась и должность автора. Внутренних средств правовой защиты, для того чтобы оспорить этот приказ, не существовало (пункт 8.3.).

2. Государство-участник утверждает, что автор был уволен со своей должности *ex lege*, поскольку не было никаких сомнений в том, что его должность относилась к штатному расписанию полиции безопасности (пункты 10.1 и 10.2). Однако уволить его с должности на основании одного только закона было невозможно, и потребовался изданный позднее приказ министра. Таким образом, трудно себе представить, что не было никаких сомнений в принадлежности автора к сотрудникам полиции безопасности, и это приводит нас к выводу, что автор не был уволен со своей должности *ex lege*.

Поскольку дело обстоит таким образом, то мы должны начинать с предположения, что автор был уволен в соответствии с приказом министра от 2 июля 1990 года и, следовательно, надлежало выяснить, было бы причисление должности автора к штатным должностям полиции безопасности необходимым и адекватным средством достижения законных целей, а именно цели восстановления служб внутреннего правопорядка, свободных от влияния прежнего режима, как утверждает государство-участник, или незаконным, произвольным и дискриминационным актом, как утверждает автор. Из самой формулировки вопроса ясно, что данное дело связано с серьезной проблемой, возникающей в связи со статьей 25 с), и что существовал вопрос, который должен был поставить автор при выборе правового средства, которое позволило бы ему оспорить приказ министра.

3. Это приводит к рассмотрению вопроса о том, соблюдала ли Польша пункт 3 статьи 2 Пакта в отношении автора. В соответствии с пунктом 3 статьи 2 Пакта государства-участники обязуются обеспечить каждому лицу, права которого нарушаются, эффективное средство защиты от этого нарушения. Комитет встал на ту точку зрения, что констатировать нарушение этой статьи государством-участником невозможно до тех пор, пока не будет выявлено соответствующего нарушения другого права, признаваемого в настоящем Пакте. Мы не думаем, что это правильная форма толкования пункта 3 статьи 2.

Следует принять во внимание, что статья 2 обращена не к Комитету, а к государствам-участникам; она формулирует обязательства, которые берут на себя государства, с тем чтобы обеспечить возможность находящимся под их юрисдикцией людям пользоваться провозглашенными Пактом правами. В трактовке этой статьи Комитетом она видится лишенной смысла, поскольку тогда Пакт должен предписывать государствам-участникам принимать меры по исправлению ситуации лишь после того, как Комитет выявит факт нарушения прав. Такая трактовка пункта 3 статьи 2 лишает ее смысла. Статья 2 имеет целью обеспечить ситуацию, при которой в случае любого нарушения прав человека, признаваемых в Пакте, в результате действий государства существует установленная государством процедура, позволяющая лицу, права которого ущемлены, обратиться в компетентный орган с жалобой на имевшее место нарушение прав. Такое толкование соответствует главной идее Пакта, а именно: государства-участники должны выполнять Пакт и обеспечивать соответствующие средства предотвращения возможных нарушений прав граждан государственными ведомствами. основополагающий принцип международного права состоит в том, что вмешательство международного сообщества требуется только в том случае, если государство не соблюдает взятые на себя международные обязательства.

Следовательно, поскольку автор не имел возможности получить ответ на свою жалобу на то, что он был уволен произвольно и за свои политические убеждения, а эта жалоба формально ставила вопрос о существовании дела, мы считаем, что права автора, предусмотренные пунктом 3 статьи 2, были нарушены.

Сообщение No. 554/1993

Представлено: Робинсон Лавенде [представлен организацией "Интерайтс", Лондон]

Предполагаемая жертва: Автор

Государство-участник: Тринидад и Тобаго

Объявлено приемлемым: 12 октября 1995 года (пятьдесят пятая сессия)

Дата принятия сообщений: 29 октября 1997 года (шестьдесят первая сессия)

Предмет сообщения: Длительное содержание лица, приговоренного к смертной казни в камере смертников

Вопросы процедуры: Нет

Вопросы существа: Синдром смертника

Статьи Пакта: 7, 10 (1), и 14 (3) (d) и (5)

Статья Факультативного протокола и правила процедуры: 4 (2), и правило 91

Заключение: Нарушение [ст. 14, пункт 3 (d), и 5]

1. Автор сообщения является Робинсон Лавенде, гражданин Тринидада, который в момент представления его сообщения ожидал приведение в исполнение приговора о его смертной казни в государственной тюрьме города Порт-оф-Спейн, Тринидад и Тобаго. Он утверждает, что является жертвой нарушений Тринидадом статьи 7, пункта 1 статьи 10 и пункта 3(d) статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. 31 декабря 1993 года приговор к смертной казни был заменен пожизненным заключением в соответствии с руководящими принципами, изложенными в судебном решении Судебного комитета Тайного совета от 2 ноября 1993 года по делу Пратт и Морган против Генерального прокурора Ямайки. Он представлен находящейся в Лондоне организацией "Интерайтс".

Факты в изложении автора

2.1 Автор был предан суду по обвинению в убийстве, признан виновным и приговорен к смертной казни в июле 1975 года; не было представлено никакой информации относительно фактической стороны дела или проведения судебного процесса. Апелляционный суд Тринидада и Тобаго отклонил жалобу автора 28 ноября 1977 года.

2.2 В начале 1978 года автор обратился за правовой помощью в Министерство национальной безопасности Тринидада, с тем чтобы подготовить документы для дальнейшего обжалования в Судебном комитете Тайного совета; в этой просьбе о предоставлении правовой помощи ему было отказано. В результате, как утверждает автор, он не смог обратиться с ходатайством в Судебный комитет с просьбой дать ему разрешение на дальнейшее обжалование решения.

2.3 30 сентября 1993 года ему был зачитан приказ о приведении в исполнение смертной казни 5 октября 1993 года. Предусмотренное конституцией ходатайство о приостановлении исполнения смертного приговора было подано от его имени в Высший суд Тринидада и Тобаго 1 октября 1993 года. В ночь с 4 на 5 октября 1993 года было вынесено решение об отсрочке исполнения смертного приговора.

2.4 Автор утверждает, что он исчерпал внутренние средства правовой защиты в понимании их Факультативным протоколом и что факт подачи от его имени предусмотренного конституцией ходатайства о приостановлении исполнения смертного приговора не препятствует ему обратиться за помощью в Комитет по правам человека. В том что касается отказа в правовой помощи для целей подачи ходатайства в Судебный комитет Тайного совета, утверждается, что государство-участник в настоящее время лишено права ссылаться на то, что прежде чем обратиться в Комитет, он должен был продолжить рассмотрение этого вопроса в национальных судах.

2.5 Адвокат далее утверждает, что в силу самого характера положения ее клиента он, несомненно, будет пытаться использовать все имеющиеся процедуры, видимо, до запланированной даты смертной казни. Поэтому требование об исчерпании им всех последних процедур до обращения в Комитет по правам человека будет означать, что либо заявитель должен дожидаться исключительно опасного и близкого ко времени его предполагаемой смертной казни момента, либо он должен воздержаться от ссылки на все потенциально возможные внутренние средства правовой защиты. Утверждается, что ни одно из таких возможных решений не отвечает букве и духу Факультативного протокола.

Жалоба

3.1 Автор, находившийся в камере смертников со времени признания его виновным в июле 1975 года до момента замены его смертного приговора пожизненным заключением 31 декабря 1993 года, т.е. в течение более 18 лет, утверждает о нарушении статьи 7 на том основании, что период времени, проведенный в камере смертников, равнозначен грубому, бесчеловечному и унижающему достоинство обращению. Далее он утверждает, что проведение им в камере смертников столь длительного периода времени противоречит предусмотренному пунктом 1 статьи 10 праву на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности. Утверждается, что приведение в исполнение приговора к смертной казни после стольких лет содержания в камере смертников будет представлять собой нарушение вышеупомянутых положений. В поддержку своих доводов адвокат ссылается на недавние примеры судебной практики и, в частности, на недавнее решение Верховного суда Зимбабве¹, решение Европейского суда прав человека по делу *Соеринга*² и доводы адвоката в поддержку заявителей в деле *Пратт и Морган против Генерального прокурора Ямайки*.

3.2 Утверждается, что государство-участник нарушило пункт 3(d) статьи 14, отказав автору в правовой помощи для целей подачи ходатайства в Судебный комитет для получения разрешения на дальнейшее обжалование. Адвокат основывается в своих действиях на практике Комитета, в соответствии с которой правовая помощь должна предоставляться заключенным, ожидающим приведение в исполнение смертного приговора, причем это применяется ко всем стадиям уголовного разбирательства³. Ссылка делается также на судебные решения Верховного суда США⁴.

¹ Верховный суд Зимбабве, решение № В.С. 73/93 от июня 1993 года.

² *Соеринг против Соединенного Королевства*, 11 ЕСПЧ 439 (1989).

³ Соображения по сообщению № 250/1987 (*С. Рейд против Ямайки*), принятые 20 июля 1990 года, пункт 11.4; соображения по сообщению № 230/1987 (*Генри против Ямайки*), принятые 1 ноября 1991 года, пункт 8.3.

⁴ Например, *Лейн против Брауна*, 372 США 477 (1963).

Решение Комитета о приемлемости

4.1 В течение пятьдесят пятой сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости этого сообщения. Он отметил, что государство-участник направило ноту от 9 февраля 1994 года, заявив, что смертный приговор автору был заменен пожизненным заключением 31 декабря 1993 года; государство-участник отметило также, что сообщение является следствием решения Судебного комитета Тайного совета по делу *Пратт и Морган против Генерального прокурора Ямайки*⁵. Никакой дополнительной информации, предусмотренной правилом 91 правил процедуры Комитета, не было получено от государства-участника, несмотря на напоминание, направленное ему 7 декабря 1994 года.

4.2 Комитет приветствовал информацию от 9 февраля 1994 года, но отметил, что государство-участник не представило информацию и замечания относительно приемлемости жалобы автора, которая не была поставлена под сомнение в результате изменения вида наказания. В той мере, в какой утверждения автора были подтверждены доказательствами, им должно быть уделено должное внимание.

4.3 Что касается жалоб, представляемых в соответствии со статьями 7 и пунктом 1 статьи 10, Комитет отметил, что государство-участник само заменило смертный приговор автору, с тем чтобы выполнить требования руководящих принципов, сформулированных Судебным комитетом Тайного совета по вышеуказанному делу. Правительство не информировало Комитет о существовании каких-либо дополнительных средств правовой защиты применительно к вышеуказанным жалобам; действительно, молчание государства-участника в этом отношении можно рассматривать как признание того, что таких средств правовой защиты не существовало.

4.4 Касаясь жалобы по пункту 3(d) статьи 14, Комитет отметил, что автору было отказано в правовой помощи для целей подачи ходатайства в Судебный комитет Тайного совета с целью получения разрешения на дальнейшее обжалование. Нет никакого указания на то, что автор не имел права продолжить такое обжалование, и поэтому Комитет пришел к выводу, что такая жалоба, которая по всей видимости поднимает также вопросы, предусмотренные пунктом 5 статьи 14, должна быть рассмотрена по существу.

4.5 12 октября 1995 года Комитет объявил сообщение приемлемым в связи с тем, что оно, по-видимому, поднимает вопросы по статьям 7, пункту 1 статьи 10 и пунктам 3(d) и 5 статьи 14 Пакта.

Рассмотрение дела по существу

5.1 Установленный для государства-участника срок представления информации и замечаний в соответствии с пунктом 2 статьи 4 Факультативного протокола истек 16 мая 1996 года. От государства-участника не было получено никаких материалов, несмотря на напоминание, направленное ему 11 марта 1997 года. Комитет высказывает сожаление в связи с тем, что государство-участник не проявило должного сотрудничества со своей стороны. Он рассмотрел данное сообщение, с учетом всей информации, предоставленной ему сторонами, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

5.2 Комитет должен сначала определить, является ли содержание автора в камере смертников - с июля 1975 года по декабрь 1993 года (более 18 лет) - нарушением статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта. Адвокат утверждает о нарушении этих положений, ссылаясь на продолжительность содержания автора в камере смертников в государственной тюрьме в Порт-оф-Спейне. Продолжительность содержания в камере смертников в этом случае действительно является беспрецедентной и вызывает серьезную обеспокоенность. Однако с учетом сложившейся практики

⁵ Апелляция № 10 от 1993 года, поданная в Тайный совет, решение от 2 ноября 1993 года.

Комитета длительное содержание в камере смертников как таковое не представляет собой нарушения статьи 7 или пункта 1 статьи 10. Более подробное мнение Комитета по этому вопросу изложено в соображениях относительно сообщения № 588/1994 года (*Эррол Джонсон против Ямайки*)⁶. Учитывая важность этого вопроса, Комитет считает уместным вновь подтвердить свою позицию.

5.3 При рассмотрении вопроса о том, может ли содержание в камере смертников представлять собой нарушение статей 7 и 10, следует учитывать следующие факторы:

а) Пакт не запрещает смертную казнь, хотя он предусматривает строгие ограничения для ее применения. Поскольку содержание в камере смертников является необходимым следствием вынесения смертного приговора, каким бы жестоким, унижающим достоинство человека и бесчеловечным оно ни было, само по себе оно не может рассматриваться как нарушение статей 7 и 10 Пакта.

б) В то время как Пакт не запрещает смертную казнь, Комитет занял позицию, отраженную во втором Факультативном протоколе к Пакту, согласно которой статья 6 "в целом ссылается на отмену казни в выражениях, которые красноречиво свидетельствуют о том, что отмена казни является желательной". Поэтому сокращение числа случаев применения смертной казни можно рассматривать как одну из задач и целей Пакта.

в) Положения Пакта следует толковать с учетом задач и целей Пакта (статья 31 Венской конвенции о праве международных договоров). Поскольку одной из задач и целей является содействие сокращению масштабов применения смертной казни в качестве наказания, следует по возможности избегать такого толкования положения Пакта, которое может подтолкнуть государство-участника к сохранению смертной казни как наказания.

5.4 С учетом этих факторов мы должны рассмотреть последствия признания длительного содержания в камере смертников в качестве нарушения статей 7 и 10. Первое и наиболее серьезное последствие состоит в том, что если государство-участник казнит осужденного заключенного после того, как тот провел определенный период времени в камере смертников, то это не будет нарушением обязательств государства по Пакту, в то время как, если он воздержится от смертной казни, он нарушит положения Пакта. Толкование Пакта, ведущее к такому результату, не согласуется с задачами и целями Пакта. Такого последствия нельзя избежать, просто воздержавшись от установления конкретного периода содержания в камере смертников, после которого возникнет презумпция того, что содержание в камере смертников представляет собой грубое и бесчеловечное наказание. Установление конкретной даты, несомненно, усугубит проблему и установит для государства-участника четкий срок казни лица, если оно желает избежать нарушения своих обязательств по Пакту. Однако это последствие является не следствием установления максимально допустимого периода содержания в камере смертников, а превращения временного фактора в определяющий. Если максимально допустимый период не установлен, то государства-участники, пытающиеся избежать нарушения установленных сроков, будут склонны учесть решения Комитета по предыдущим делам, с тем чтобы определить, какую продолжительность содержания в камере смертников Комитет признал в прошлом допустимой.

5.5 Вторым последствием превращения временного фактора в определяющий, т.е. фактора, который превращает содержание в камере смертников в нарушение Пакта, состоит в том, что оно подталкивает государства-участники, сохраняющие применение в стране смертной казни, к тому, чтобы они приводили в исполнение смертный приговор как можно скорее после его вынесения. Но вовсе не это Комитет желает рекомендовать государствам-участникам. Жизнь в камере смертников, сколь бы тяжелой она ни была, всегда предпочтительнее смерти. Более того, опыт показывает, что задержки в приведении в исполнение смертного приговора могут быть обязательным следствием ряда факторов, многие из которых обусловлены государством-участником. Иногда в период рассмотрения вопроса об отмене смертной казни устанавливается мораторий на приведение

⁶ Соображения по сообщению № 588/1994 года (*Эррол Джонсон против Ямайки*), принятые 22 марта 1996 года, пункты 8.1-8.6.

смертных приговоров в исполнение. В других случаях исполнительные власти откладывают приведение смертных приговоров в исполнение, даже если с политической точки зрения отмена смертной казни не представляется разумной. Комитет желал бы избежать принятия решений, которые ослабили бы влияние факторов, могущих сократить фактическое число казненных заключенных. Следует подчеркнуть, что, занимая позицию, согласно которой длительное содержание в камере смертников не может как таковое рассматриваться в качестве грубого и бесчеловечного обращения или наказания по Пакту, Комитет вовсе не желает создавать впечатление, что многолетнее содержание осужденных заключенных в камере смертников является приемлемой формой обращения с ними. Естественно, она таковой не является. Однако жестокость феномена камеры смертников является первым и важнейшим следствием допустимости по положениям Пакта применимости смертной казни. Такая ситуация приводит к нежелательным последствиям.

5.6 Согласие с тем, что длительное содержание в камере смертников само по себе не является нарушением статьи 7 и пункта 1 статьи 10, вовсе не означает, что другие обстоятельства, связанные с содержанием в камере смертников, не могут превратить такое содержание в жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство человека обращение или наказание. Практика Комитета состояла в том, что, когда другие обязательные обстоятельства содержания в камере смертников подтверждены, такое содержание под стражей может представлять собой нарушение статьи 7 и/или пункта 1 статьи 10 Пакта.

5.7 В этом случае, помимо длительного содержания в камере смертников, адвокат не утверждал о наличии каких-либо обстоятельств, которые могли бы превратить содержание автора в камере смертников в государственной тюрьме в акт, нарушающий статью 7 и пункт 1 статьи 10. Поскольку Комитет в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола должен рассмотреть сообщение с учетом всей информации, предоставленной сторонами, он не может в отсутствие информации о дополнительных фактах сделать вывод о том, что имело место нарушение этих положений.

5.8 В том что касается жалобы по пункту 3(d) статьи 14, государство-участник не отрицало, что автору было отказано в правовой помощи для цели подачи ходатайства в Судебный комитет Тайного совета с целью получения разрешения на дальнейшее обжалование. Комитет напоминает об исключительной важности оказания правовой помощи заключенному, приговоренному к смертной казни, причем это относится ко всем стадиям судебного процесса⁷. Раздел 109 конституции Тринидада и Тобаго предусматривает возможность подачи апелляции в Судебный комитет Тайного совета. Бесспорно, что в этом случае Министерство национальной безопасности отказало автору в правовой помощи для подачи ходатайства в Судебный комитет *in forma pauperis*, тем самым действительно отказав ему в правовом содействии на дальнейшей стадии апелляционного судебного производства, несмотря на то, что такое содействие предусмотрено конституцией; по мнению Комитета, этот отказ представляет собой нарушение пункта 3(d) статьи 14, гарантии которой относятся ко всем стадиям разбирательства в апелляционных органах. В результате предусмотренное пунктом 5 статьи 14 право автора на то, чтобы его осуждение и приговор были пересмотрены "вышестоящей судебной инстанцией согласно закону", было также нарушено, поскольку, действительно, отказ в правовой помощи при апелляции в Судебном комитете исключал пересмотр этим органом осуждения и приговора г-на Лавенде.

6. Действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, Комитет по правам человека считает, что известные Комитету факты не свидетельствуют о нарушении пунктов 3(d) и 5 статьи 14 Пакта.

⁷ Соображения по сообщению № 588/1994 года (*Эррол Джонсон против Ямайки*), принятые 22 марта 1996 года, пункты 8.1-8.6.

7. Согласно пункту 3(a) статьи 2 Пакта автор имеет право на эффективные средства правовой защиты. В то время как Комитет приветствует замену 31 декабря 1993 года властями государства-участника вынесенного автору смертного приговора пожизненным заключением, он считает, что в данном случае эффективные средства правовой защиты предусматривают дополнительные жесты милосердия.

8. Принимая во внимание тот факт, что, становясь государством - участником Факультативного протокола, оно признало компетенцию Комитета определять, имеет ли место нарушение Пакта, и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник взяло на себя обязательство обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в настоящем Пакте, и предоставлять эффективные средства правовой защиты в установленном случае нарушения, и вновь подчеркивая свое удовлетворение в связи с заменой смертной казни пожизненным заключением, Комитет желает получить от государства-участника в ближайшие 90 дней информацию о мерах, принятых для выполнения рекомендаций, содержащихся в настоящих сообщениях.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое мнение г-на Фаусто Покара, г-на Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-жи Кристин Шане, г-жи Пилар Гайтан де Помбо, г-на Хулио Прадо Вальехо и г-на Максвелл Ялден в соответствии с пунктом 3 правила 94 правил процедуры Комитета в отношении решения Комитета по сообщению № 554/1993, Робинсон Лавенде против Тринидада и Тобаго

В отношении данных дел Комитет вновь подтверждает свое мнение о том, что длительное содержание в камере смертников не может само по себе являться нарушением статьи 7 Пакта. Это мнение является отражением недостаточной гибкости, которая не позволяет Комитету рассматривать обстоятельства каждого дела, с тем чтобы определить, является ли в данном конкретном случае длительное содержание в камере смертников грубым, бесчеловечным или унижающим достоинство обращением в понимании вышеупомянутого положения. Такой подход вынуждает Комитет сделать в рамках данных дел вывод о том, что содержание в камере смертников в течение 16-18 лет осужденных после исчерпания ими местных средств правовой защиты не позволяет сделать вывод о нарушении статьи 7. Мы не можем согласиться с таким выводом. Содержание заключенного в камере смертников в течение столь многих лет после исчерпания внутренних средств правовой защиты и в отсутствие какого-либо дополнительного объяснения со стороны государства-участника относительно причин такой меры представляет собой грубое и бесчеловечное обращение. Именно государству-участнику надлежит пояснить основания, требующие или обосновывающие такое длительное содержание в камере смертников; однако в связи с данными делами государством-участником не было представлено никаких объяснений.

Даже если допустить, как это делает большинство членов Комитета, что длительное содержание в камере смертников само по себе не является нарушением статьи 7 Пакта, обстоятельства данного сообщения в любом случае свидетельствуют о нарушении вышеуказанного положения Пакта. Содержащиеся в сообщении факты в изложении автора и не оспоренные государством-участником, свидетельствуют о том, что "30 сентября 1993 года автору был зачитан приказ о приведении 5 октября 1993 года в исполнение смертного приговора... В ночь с 4 на 5 октября 1993 года было принято решение об отсрочке исполнения приговора". По нашему мнению, ознакомление с приказом об исполнении смертного приговора заключенного, находящегося до этого в камере смертников в течение столь длительного периода времени, и попытка проведения казни после столь долгих лет - в момент, когда государство-участник породило у заключенного столь законную надежду на отмену смертной казни, представляют сами по себе грубое и бесчеловечное обращение с автором сообщения в понимании статьи 7 Пакта. Более того, такие меры являются дополнительными "обязательными обстоятельствами", которые должны подвести Комитет к тому, чтобы признать, что длительное содержание в камере смертников в данном случае является нарушением статьи 7 Пакта, даже если Комитет не желает отходить от своей сложившейся практики.

Сообщение No. 555/1993

Представлено: Рамчаран Биккару [представлен Лондонской организацией "Интерайтс"]

Предполагаемая жертва: Автор

Государство-участник: Тринидад и Тобаго

Объявлено приемлемым: 12 октября 1995 года (пятьдесят пятая сессия)

Дата принятия сообщений: 29 октября 1997 года (шестьдесят первая сессия)

Предмет сообщения: Длительное содержание лица, приговоренного к смертной казни в камере смертников

Вопросы процедуры: Нет

Вопросы существа: Синдром смертника

Статьи Пакта: 7 и 10 (1)

Статьи Факультативного протокола и правила процедуры: нет

Заключение: Отсутствие нарушения

1. Автором сообщения является Рамчаран Биккару, гражданин Тринидада, который в момент подачи его жалобы ожидал приведения в исполнение приговора к смертной казни в государственной тюрьме в Порт-оф-Спейне, Тринидад и Тобаго. Он утверждает, что является жертвой нарушения Тринидадом статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Международного пакта о гражданских и политических правах. 31 декабря 1993 года вынесенный ему смертный приговор был заменен, по решению президента Тринидада и Тобаго, пожизненным заключением в соответствии с руководящими принципами, изложенными в решении Судебного комитета Тайного совета 2 ноября 1993 года по делу Пратт и Морган против Генерального прокурора Ямайки. Он представлен находящейся в Лондоне организацией "Интерайтс".

Факты в изложении автора

2.1 Автор сообщения был арестован в 1975 году и обвинен в совершении убийства. Не было предоставлено никакой информации об обстоятельствах или фактах преступления, в совершении которого он был обвинен. Он был осужден за совершение убийства судом присяжных города Порт-оф-Спейн, признан виновным и приговорен к смертной казни 5 апреля 1978 года. 21 июня 1979 года поданная им жалоба была отклонена Апелляционным судом Тринидада и Тобаго.

2.2 В неуказанную дату после отклонения его жалобы адвокат сообщил автору о том, что нет никаких оснований, препятствующих дальнейшему и, возможно, весьма успешному обжалованию решения в Судебном комитете Тайного совета. 30 сентября 1993 года⁸ был издан приказ о приведении 5 октября 1993 года в исполнение смертного приговора. Предусмотренное конституцией ходатайство о приостановлении исполнения приговора было подано от его имени в Верховный суд Тринидада и Тобаго, а в ночь с 4 на 5 октября 1993 года было принято решение об отсрочке исполнения приговора.

⁸ На сообщении отсутствует четкая дата; однако, по-видимому, этот приказ был принят в тот же день, что и приказ о казни г-на Робинсона Лавенде (см. сообщение № 554/1993).

2.3 Автор сообщения утверждает, что он исчерпал внутренние средства правовой защиты в понимании Факультативного протокола и факт подачи предусмотренного конституцией ходатайства от его имени в Верховный суд Тринидада и Тобаго не должен препятствовать его обращению в Комитет по правам человека. Он утверждает, что в силу самого характера своего положения находящееся в камере смертников лицо, которому был зачитан приказ о приведении в исполнение смертного приговора, обязательно будет использовать все имеющиеся процедуры, возможно вплоть до запланированной даты казни.

2.4 Адвокат добавляет, что требование об исчерпании всех возможных процедур до обращения в Комитет по правам человека означает, что заявитель должен либо ожидать наступления опасного момента его казни, либо воздержаться от использования всех потенциально возможных внутренних средств правовой защиты. Утверждается, что ни один из этих вариантов не соответствует букве и духу Факультативного протокола.

Жалоба

3.1 Автор, который находился в камере смертников государственной тюрьмы с момента его осуждения в апреле 1978 года по 31 декабря 1993 года, т.е. почти 16 лет, утверждает о нарушении статьи 7 Пакта на том основании, что его длительное содержание в камере смертников, по сути, представляет собой жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. Далее он утверждает, что факт его длительного содержания в камере смертников противоречит предусмотренному в пункте 1 статьи 10 праву на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего его личности.

3.2 Высказывается также довод о том, что приведение в исполнение приговора после стольких лет пребывания в камере смертников является нарушением вышеуказанных положений. В подкрепление своих доводов адвокат ссылается на недавние решения, в частности решение Верховного суда Зимбабве¹ и доводы адвоката в пользу заявителей по делу *Пратт и Морган против Генерального прокурора Ямайки*.

Решение Комитета о приемлемости

4.1 В ходе своей пятьдесят пятой сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения. Он отметил, что от государства-участника не было получено материалов, предусмотренных в правиле 91, несмотря на напоминание, направленное ему 6 декабря 1994 года. Государство-участник просто направило список имен лиц, чьи смертные приговоры были заменены после решения Судебного комитета Тайного совета по делу *Пратт и Морган*; этот список включал и имя автора. Приветствуя эту информацию, Комитет вместе с тем отмечает, что жалобы, поданные автором сообщения в соответствии с Пактом, не потеряли своего значения в результате замены смертного приговора. Поскольку государство-участник не смогло предоставить информацию в соответствии с правилом 91, должное внимание следует уделить утверждениям автора в том случае, если они были в достаточной степени подтверждены доказательствами.

4.2 В отношении жалобы, поданной в соответствии со статьей 7 и пунктом 1 статьи 10 Комитет отметил, что государство-участник само заменило смертный приговор автору, с тем чтобы обеспечить соблюдение основных принципов, сформулированных Судебным комитетом Тайного совета по делу *Пратт и Морган против Генерального прокурора*. Государство-участник не сообщило Комитету о существовании каких-либо дополнительных средств правовой защиты применительно к этим жалобам; на деле его молчание по этому вопросу можно расценивать как признание отсутствия таких правовых средств.

¹ Верховный суд Зимбабве, решение № S.C. 73/93 от июня 1993 года. См. также постановление Европейского суда по правам человека по делу *Соеринг против Соединенного Королевства*, 11 ЕСПЧ 439 (1989).

4.3 12 октября 1995 года Комитет объявил сообщение приемлемым в связи с тем, что оно, по всей видимости, затрагивает вопросы, регулируемые статьей 7 и пунктом 1 статьи 10 Пакта.

Рассмотрение по существу

5.1 Установленный для государства-участника предельный срок представления информации и замечаний в соответствии с пунктом 2 статьи 4 Факультативного протокола истек 16 мая 1996 года. От государства-участника не было получено никаких материалов, несмотря на напоминание, направленное ему 11 марта 1997 года. Комитет высказывает сожаление в связи с недостаточным сотрудничеством со стороны государства-участника. Он рассмотрел данное сообщение с учетом всей информации, предоставленной ему сторонами, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

5.2 Комитет должен определить, можно ли рассматривать содержание автора в камере смертников в период с апреля 1978 по декабрь 1993 года как нарушение статей 7 и 10 Пакта. Адвокат утверждает о нарушении этих положений, ссылаясь лишь на длительное содержание автора в камере смертников в государственной тюрьме Порт-оф-Спейна. Продолжительность пребывания в камере смертников в этом деле является действительно беспрецедентной и вызывает серьезную обеспокоенность. Однако, согласно сложившейся практике Комитета, длительное пребывание в камере смертников само по себе не является нарушением статьи 7 и пункта 1 статьи 10. Более подробное мнение Комитета по этому вопросу изложено в соображениях относительно сообщения № 588/1994 года (*Эррол Джонсон против Ямайки*)². Учитывая важность этого вопроса, Комитет считает уместным вновь подтвердить свою позицию.

5.3 При рассмотрении вопроса о том, может ли длительное содержание в камере смертников представлять собой нарушение статей 7 и 10, следует учитывать следующие факторы:

а) Пакт не запрещает смертную казнь, хотя он предусматривает строгие ограничения для ее применения. Поскольку содержание в камере смертников является необходимым следствием вынесения смертного приговора, каким бы жестоким, унижающим достоинство человека и бесчеловечным оно ни было, само по себе оно не может рассматриваться как нарушение статей 7 и 10 Пакта;

б) в то время как Пакт не запрещает смертную казнь, Комитет занял позицию, отраженную во втором Факультативном протоколе к Пакту, согласно которой статья 6 "в целом ссылается на отмену казни в выражениях, которые красноречиво свидетельствуют о том, что отмена казни является желательной". Поэтому сокращение числа случаев применения смертной казни можно рассматривать как одну из задач и целей Пакта;

в) положения Пакта следует толковать с учетом задач и целей Пакта (статья 31 Венской конвенции о праве международных договоров). Поскольку одной из задач и целей Пакта является содействие сокращению масштабов применения смертной казни в качестве наказания, следует по возможности избегать такого толкования положения Пакта, которое может подтолкнуть государство-участника к сохранению смертной казни как наказания.

5.4 С учетом этих факторов мы должны рассмотреть последствия признания длительного содержания в камере смертников в качестве нарушения статей 7 и 10. Первое и наиболее серьезное последствие состоит в том, что если государство-участник казнит осужденного заключенного после того, как тот провел определенный период времени в камере смертников, то это не будет нарушением обязательств государства по Пакту, в то время как, если он воздержится от смертной казни, он нарушит положения Пакта. Толкование Пакта, ведущее к такому результату, идет вразрез с задачами и целями Пакта. Такого последствия нельзя избежать, просто воздерживаясь от установления конкретного периода содержания в камере смертников, после которого возникнет презумпция того,

² Соображения по сообщению № 588/1994 года (*Эррол Джонсон против Ямайки*), принятые 22 марта 1996 года, пункты 8.1-8.6.

что содержание в камере смертников представляет собой грубое и бесчеловечное наказание. Установление конкретной даты, несомненно, усугубит проблему и установит для государства-участника четкий срок казни лица, если оно желает избежать нарушения своих обязательств по Пакту. Однако это последствие является не следствием установления максимально допустимого периода содержания в камере смертников, а превращения временного фактора в определяющий. Если максимально допустимый период не установлен, то государства-участники, пытающиеся избежать нарушения установленного срока, будут склонны учесть решения Комитета по предыдущим делам, с тем чтобы определить, какую продолжительность содержания в камере смертников Комитет признал в прошлом допустимой.

5.5 Второе последствие превращения временного фактора в определяющий, т.е. фактора, который превращает содержание в камере смертников в нарушение Пакта, состоит в том, что оно подталкивает государства-участники, сохраняющие в стране смертную казнь, к тому, чтобы они приводили в исполнение смертный приговор как можно скорее после его вынесения. Но вовсе не это Комитет желает рекомендовать государствам-участникам. Жизнь в камере смертников, сколь бы тяжелой она ни была, всегда предпочтительнее смерти. Кроме того, опыт показывает, что задержки в приведении смертного приговора в исполнение могут быть обязательным следствием ряда факторов, многие из которых обусловлены государством-участником. Иногда в период рассмотрения вопроса об отмене смертной казни устанавливается мораторий на приведение в исполнение смертных приговоров. В других случаях исполнительные власти откладывают приведение смертных приговоров в исполнение, даже если постановка вопроса об отмене смертной казни является неразумной с политической точки зрения. Комитет желал бы избежать принятия решений, которые ослабляли бы влияние факторов, могущих сократить фактическое число казненных заключенных. Следует подчеркнуть, что, занимая позицию, согласно которой длительное содержание в камере смертников не может как таковое рассматриваться в качестве грубого и бесчеловечного обращения или наказания в соответствии с Пактом, Комитет вовсе не желает создавать впечатление, что многолетнее содержание осужденных заключенных в камере смертников является приемлемой формой обращения с ними. Естественно, она таковой не является. Однако жестокость феномена камеры смертников является первым и важнейшим следствием допустимости по Пакту смертной казни. Такая ситуация приводит к нежелательным последствиям.

5.6 Согласие с тем, что длительное содержание в камере смертников само по себе не является нарушением статей 7 и 10, вовсе не означает, что другие обстоятельства, связанные с содержанием в камере смертников, не могут превратить такое содержание в жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство человека обращение или наказание. Практика Комитета состояла в том, что содержание в камере смертников может стать нарушением статьи 7 или пункта 1 статьи 10 Пакта, если подтверждены доказательствами другие обязательные обстоятельства, связанные с содержанием.

5.7 В этом случае помимо длительного содержания в камере смертников адвокат не утверждал о наличии каких-либо обстоятельств, которые могли бы превратить содержание автора в камере смертников в государственной тюрьме в акт, нарушающий статью 7 и пункт 1 статьи 10. Поскольку Комитет в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола должен рассмотреть сообщение с учетом всей информации, предоставленной сторонами, он не может в отсутствие информации о дополнительных фактах сделать вывод о том, что имело место нарушение этих положений.

6. Действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, Комитет по правам человека считает, что известные Комитету факты не свидетельствуют о нарушении Тринидадом и Тобаго каких-либо положений Пакта.

7. Комитет приветствует замену властями государства-участника в декабре 1993 года смертного приговора г-ну Биккару пожизненным заключением.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое мнение г-на Фаусто Покара, г-на Прафуллагандра Н. Бхагвати, г-жи Кристин Шане, г-жи Пилар Гайтан де Помбо, г-на Хулио Прадо Вальехо и г-на Максвелл Ялден в соответствии с пунктом 3 правила 94 правил процедуры Комитета в отношении решения Комитета по сообщению № 555/1993, Рамчаран Биккару против Тринидада и Тобаго

В рамках данных дел Комитет вновь подтверждает свое мнение о том, что длительное содержание в камере смертников не может само по себе составлять нарушение статьи 7 Пакта. Это мнение является отражением недостаточной гибкости, которая не позволяет Комитету рассматривать обстоятельства каждого дела с тем, чтобы определять, является ли в данном конкретном случае длительное содержание в камере смертников грубым, бесчеловечным или унижающим достоинство обращением в понимании вышеупомянутого положения. Этот подход вынуждает Комитет сделать в рамках данных дел вывод о том, что содержание в камере смертников в течение 16-18 лет осужденных после исчерпания ими местных средств правовой защиты не позволяет прийти к заключению о нарушении статьи 7. Мы не можем согласиться с таким выводом. Содержание заключенного в камере смертников в течение столь многих лет после исчерпания внутренних средств правовой защиты и в отсутствие какого-либо дополнительного объяснения со стороны государства-участника относительно причин такой меры, представляет собой грубое и бесчеловечное обращение. Именно государству-участнику надлежит пояснить основания, требующие или обосновывающие такое длительное содержание в камере смертников, однако в связи с данными делами государством-участником не было предоставлено никаких обоснований.

Даже если допустить, как это делает большинство членов Комитета, что длительное содержание в камере смертников само по себе не является нарушением статьи 7 Пакта, обстоятельства данного сообщения в любом случае свидетельствуют о нарушении вышеуказанного положения Пакта. Содержащиеся в сообщении Факты в изложении автора и оспоренные государством-участником, свидетельствуют о том, что "30 сентября 1993 года автору был зачитан приказ о приведении 5 октября 1993 года в исполнение смертного приговора ... В ночь с 4 на 5 октября 1993 года было принято решение об отсрочке исполнения приговора". По нашему мнению, ознакомление с приказом об исполнении смертного приговора заключенного, находящегося в камере смертников в течение столь длительного периода времени, и попытка проведения казни после столь долгих лет - в момент, когда государство-участник породило у заключенного столь законную надежду на отмену смертной казни, представляет само по себе грубое и бесчеловечное обращение с автором сообщения в понимании статьи 7 Пакта. Более того, такие меры являются дополнительными "обязательными обстоятельствами", которые должны подвести Комитет к признанию того, что длительное содержание в камере смертников в данном случае является нарушением статьи 7 Пакта, даже если Комитет не желает отходить от своей сложившейся практики.

Сообщение No. 560/1993

Представлено: А. [представлен адвокатом]

Предполагаемая жертва: Автор

Государство-участник: Австралия

Объявлено приемлемым: 4 апреля 1995 года (пятьдесят третья сессия)

Дата принятия сообщений: 3 апреля 1997 года (шестьдесят первая сессия)

Предмет сообщения: Обязательное задержание иммиграционными властями просителей убежища

Вопросы процедуры: Приемлемость *ratione temporis* – Признание государством-участником приемлемости одного утверждения – Перенос рассмотрения утверждений согласно ст. ст. 9, пункт 4, и 14, пункт 1, на стадию рассмотрения дела по существу - Неприемлемость двух пунктов утверждений за неисчерпанием внутренних средств правовой защиты - Отсутствие обоснования для целей приемлемости

Вопросы существа: “Произвольность” задержания - Право на судебный пересмотр правомерности задержания и объем такого пересмотра - Компенсация за незаконное задержание

Статьи Пакта: 9 (1) (4) и (5), 14 (1) и (3) (b), (c) и (d) в совокупности со ст. 2 (1)

Статья Факультативного протокола и правила процедуры: 5, пункт 2 (b)

Заключение: Нарушение [ст. ст. 9, пункты 1 и 4, в совокупности с 2, пункт 3]

1. Автор сообщения от 16 апреля 1993 года является А., гражданин Камбоджи, который в момент подачи сообщения 20 июня 1993 года находился под стражей в Центре Управления по делам иммиграции Порт-Хедленда, Кок-Пойнт, Западная Австралия. Он был освобожден из заключения 27 января 1994 года. Он утверждает, что является жертвой нарушения Австралией пунктов 1, 4 и 5 статьи 9, пункта 1 и подпунктов b), c) и d) пункта 3 статьи 14 вместе с пунктом 1 статьи 2 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его представляет адвокат. Факультативный протокол вступил в силу для Австралии 25 декабря 1991 года.

Факты в изложении автора

2.1 А., гражданин Камбоджи, 1934 года рождения, прибыл в Австралию на судне под названием "Пендер-Бей" вместе с 25 другими гражданами Камбоджи, в том числе членами его семьи, 25 ноября 1989 года. Вскоре после прибытия он обратился к властям с просьбой предоставить ему статус беженца в соответствии с положениями Конвенции 1951 года о статусе беженцев и Протокола к ней 1967 года. Его просьба в декабре 1992 года была отклонена на формальных основаниях.

2.2 Адвокат представляет подробную хронологию событий, связанных с данным делом. Первоначальное заявление автора с просьбой предоставить ему статус беженца было зарегистрировано 9 декабря 1989 года при содействии переводчика кхмерского языка и сотрудника иммиграционной службы. При подготовке заявления автору не оказывалось никакой юридической помощи. 13 декабря 1989 года автор и другие прибывшие на судне были поодиночке опрошены тем же сотрудником иммиграционной службы. 21 декабря 1989 года автор вместе с другими прибывшими на судне "Пендер-Бей" людьми был направлен в центр для содержания под стражей в Виллавуде, Сидней. 27 апреля 1990 года автор был вновь опрошен сотрудниками иммиграционной службы в связи с его апелляцией о предоставлении статуса беженца. Его апелляция была отклонена Комитетом федерального правительства по определению статуса беженца 19 июня 1990 года; о решении Комитета автору сообщено не было. Адвокат отмечает, что в это время ни один из задержанных, прибывших на судне "Пендер-Бей", ни разу не встречался с юристом.

2.3 После взаимных контактов заинтересованных сторон министр по делам иммиграции разрешил Комиссии по оказанию правовой помощи Нового Южного Уэльса рассмотреть дела прибывших в страну на судне "Пендер-Бей". На основе выводов, сделанных после рассмотрения этих дел, Комиссия была уполномочена представить дальнейшие заявления и материалы в Управление по делам иммиграции. Юристы Комиссии впервые посетили автора в Виллавуде в сентябре 1990 года. Комиссия приняла официальные заявления, представленные от его имени, 24 марта и 13 апреля 1991 года, но в связи с введением в декабре 1990 года новых правил деятельности Комитета по определению статуса беженца все апелляции подлежали повторному рассмотрению сотрудниками аппарата Управления по делам иммиграции. 26 апреля 1991 года Комиссии был предоставлен срок в две недели для подготовки материалов о результатах повторного рассмотрения; ответы были представлены 13 мая 1991 года. 15 мая 1991 года представитель министра отклонил апелляцию автора.

2.4 20 мая 1991 года автору и другим задержанным было сообщено, что по их делам были приняты неблагоприятные решения, что им предоставляется 28 дней на подачу апелляции и что их переведут в Дарвин, расположенный в нескольких тысячах километров от Виллавуда - в Северном округе. Им была вручена копия письма с отказом в апелляции, но без перевода на кхмерский язык. В то время задержанные думали, что их возвращают в Камбоджу, им не разрешали разговаривать с другими задержанными, не позволяли звонить по телефону. Вскоре Комиссия по оказанию правовой помощи Нового Южного Уэльса была оповещена о том, что ее юрисдикция более не распространяется на ее недавних клиентов.

2.5 Затем автор был переведен в лагерь Карраганди, в 85 километрах от Дарвина. Это место было охарактеризовано комиссаром австралийской организации по правам человека и равным возможностям как "полностью неприемлемый" центр содержания беженцев под стражей, поскольку в сезон дождей оно становилось зоной наводнений. Однако более серьезным обстоятельством оказалось то, что перевод в Северный округ прервал контакты между автором и Комиссией по оказанию правовой помощи Нового Южного Уэльса.

2.6 11 июня 1991 года Комиссия по оказанию правовой помощи Северного округа представила апелляцию в Комитет по оценке статуса беженца (заменивший Комиссию по определению статуса беженца), в которой просила пересмотреть решение об отказе предоставить статус беженца автору сообщения и другим задержанным, прибывшим на судне "Пендер-Бей". 6 августа 1991 года автора перевели в лагерь Берримакс, расположенный ближе к Дарвину, и оттуда 21 октября 1991 года - в центр содержания Порт-Хедленд, Западная Австралия, находящийся на расстоянии около 2000 километров от прежнего места его пребывания. В результате последнего перевода автор потерял контакт с юристом, представлявшим его интересы в Комиссии по оказанию правовой помощи Северного округа.

2.7 5 декабря 1991 года Комитет по оценке статуса беженца отклонил все апелляции задержанных, прибывших на судне "Пендер-Бей", о предоставлении им статуса беженца, включая апелляцию автора. Задержанных не информировали об этих решениях до тех пор, пока бывшие представители их интересов в Комиссии по оказанию правовой помощи Нового Южного Уэльса не получили письма, датированные 22 января 1992 года. 29 января Комиссия обратилась к Комитету с письмом, в котором просила пересмотреть принятое им решение и предоставить задержанным, прибывшим на судне "Пендер-Бей", достаточно времени, чтобы они могли найти юриста, представляющего их интересы, и подготовить ответные замечания по поводу принятого решения.

2.8 В начале 1992 года Федеральное управление по делам иммиграции поручило Совету Австралии по делам беженцев выступить в качестве юридического консультанта, оказывающего правовую помощь ищущим убежища лицам, которые содержались под стражей в Порт-Хедленде. 4 февраля 1992 года юристы Совета приступили к опросу тех, кто содержался в Порт-Хедленде, и 3 марта 1992 года Совет направил представителю министра от имени автора ответ на решение Комитета по оценке статуса беженца. 6 апреля 1992 года автор и несколько других задержанных пассажиров судна "Пендер-Бей" были поставлены в известность, что представитель министра отклонил их апелляции о предоставлении статуса беженца. Управление по делам иммиграции

решило без промедления принять меры, с тем чтобы никто из задержанных не был депортирован до тех, пока им не будет предоставлена возможность оспорить это решение в Федеральном суде Австралии; в принятии таких мер было отказано. Однако впоследствии, 6 апреля, автор получил судебный запрет Федерального суда Дарвина, который предотвращал выполнение принятого решения. 13 апреля 1992 года министр по делам иммиграции отдал распоряжение аннулировать решение своего представителя на том основании, что в судебном процессе якобы была допущена ошибка. В соответствии с этим решением это дело должно было быть выведено из юрисдикции Федерального суда.

2.9 14 апреля 1992 года слушания в Федеральном суде были прекращены, и юристы Управления по делам иммиграции уверили Суд, что предусмотренный доклад о ситуации в Камбодже будет представлен Совету Австралии по делам беженцев министерством иностранных дел и внешней торговли в двухнедельный срок. Тем временем адвокат автора посоветовал ему продолжать настаивать на рассмотрении его апелляции Федеральным судом, с тем чтобы добиться освобождения его из-под стражи; слушания по делу были назначены на 7 мая 1992 года в Федеральном суде в Мельбурне.

2.10 5 мая 1992 года австралийский парламент принял поправки к закону о миграции, которые изменили положения Закона о миграции 1958 года; в закон был включен новый раздел 4В, в соответствии с которым автор и другие лица в ситуации, подобной той, в какой оказался автор, квалифицируются как "обозначенные лица". Статья 54R оговаривает: "Суд не имеет права освобождать из-под стражи обозначенных лиц". 22 мая 1992 года по настоянию автора начались слушания в Верховном суде Австралии, благодаря которым он рассчитывал добиться деклараторного решения о том, что соответствующие положения поправок к закону о миграции не имеют силы.

2.11 Пересмотренный доклад министерства иностранных дел и внешней торговли, который обещано было представить в конце апреля 1992 года, в окончательном варианте появился только 8 июля 1992 года. 27 июля 1992 года Совет Австралии по делам беженцев представил ответ на этот пересмотренный вариант доклада Управлению по делам иммиграции, и 25 августа 1992 года Комитет по оценке статуса беженца вновь рекомендовал отклонить апелляцию автора о предоставлении ему статуса беженца. 5 декабря 1992 года представитель министра отказал автору в иске.

2.12 Автор пытался еще раз добиться пересмотра этого решения в Федеральном суде Австралии, и поскольку Управление по делам иммиграции отказалось дать гарантии, что автор не будет немедленно депортирован в Камбоджу, судебный запрет на высылку автора Управлением был получен в Федеральном суде. Между тем своим решением от 8 декабря Федеральный суд аннулировал действие основных разделов поправок к закону о миграции, которые означали, что автор должен был бы оставаться в заключении.

Жалоба

3.1 Адвокат утверждает, что его клиент был задержан "произвольно" по смыслу пункта 1 статьи 9. Он ссылается на Замечание общего порядка по статье 9 Комитета по правам человека, который распространяет сферу действия статьи 9 на случаи иммиграционного контроля; он также ссылается на соображения Комитета по сообщению № 305/1988¹, в которых "произвольный характер" был определен не просто как противозаконный, но и как включающий элементы "неуместности, несправедливости и отсутствия предсказуемости". Ссылаясь на статью 31 Конвенции о статусе беженцев и на вывод № 44 (1986) Исполнительного комитета Программы Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций о задержании беженцев и ищущих убежища лиц, он утверждает, что в соответствии с положениями международных договоров и обычного международного права необходимо, как правило, избегать задержания лиц, ищущих политического убежища. Там, где такое задержание может оказаться необходимым, оно должно быть резко ограниченным [см. вывод № 44, подпункт b)]. Адвокат представляет результаты

¹ См. соображения (*Ван Альфен против Нидерландов*), принятые 23 июля 1990 года, пункт 5.8.

сравнительного анализа правил иммиграционного контроля и законодательства нескольких европейских стран, а также Канады и Соединенных Штатов Америки. Он отмечает, что, в соответствии с австралийским законодательством, не все нелегальные иммигранты подлежат задержанию, как и не все лица, ищущие убежища. Те, кто прибывает на границы Австралии без юридически действующей визы, квалифицируются как "нарушающие запрет" и могут быть задержаны в соответствии со статьями 88 и 89 закона о миграции 1958 года. Статья 54В относит лиц, задержанных до или во время прибытия в Австралию, к "лицам, не прошедшим процедуры". Такие лица не расцениваются как въехавшие в Австралию, и их доставляют в "места прохождения процедур".

3.2 Автор и другие лица, прибывшие в Австралию до 1992 года, содержались федеральным правительством в соответствии с положением статьи 88 в качестве "лиц, не прошедших процедуры", до вступления в силу раздела 4В поправок к закону о миграции. Адвокат утверждает, что в соответствии с этими положениями государство-участник ввело более строгий режим для лиц, ищущих убежища, которые прибыли в Австралию по морю, без документов ("люди в лодках") и которые квалифицируются в соответствии с данным положением. Практическим следствием этой поправки стало автоматическое задержание лиц, попадающих под положения раздела 4В, до тех пор и если их не высылают из Австралии или они не получают разрешение на въезд.

3.3 Утверждается, что политика государства-участника, которое задерживает "людей в лодках", является неуместной, несправедливой и произвольной, поскольку ее главная цель состоит в устрашении "людей в лодках" и недопущении таким образом их въезда в Австралию, а также в устрашении тех, кто уже находится в стране и подал ходатайство о получении статуса беженца. Применение нового законодательства квалифицируется как политика "устрашения людей", в основе которой лежит практика строгого содержания под стражей лиц, ищущих убежища, в таких условиях и в течение столь продолжительного времени, что потенциально ищущие убежища лица принуждаются путем устрашения даже не подавать ходатайство о получении статуса беженца, а те, кто уже является лицом, ищущим убежища, теряют всякую надежду и возвращаются домой.

3.4 Утверждается, что нет каких-либо объективных причин для задержания автора, так же как нет законных оснований для использования в качестве основания для содержания под стражей вывода № 44 (см. пункт 3.1, выше). Далее, срок задержания - 1299 дней, или 3 года и 204 дня, по состоянию на 20 июня 1993 года - квалифицируется как нарушение пункта 1 статьи 9.

3.5 Адвокат также утверждает, что в деле автора был нарушен пункт 4 статьи 9. Вследствие применения положений раздела 4В поправок к закону о миграции предусматривается, что объявление лица "обозначенным лицом" не оставляет никакой альтернативы его заключению, а факт заключения не может быть эффективно рассмотрен в суде, поскольку суды лишены права издавать приказ об освобождении такого лица. Это было признано в письме министра по делам иммиграции, адресованном Постоянному сенатскому комитету по анализу законопроектов, который выразил озабоченность тем, что данная законодательная поправка имела целью лишить "обозначенные лица" доступа в суды для рассмотрения их проблем в свете обязательств Австралии по Пакту. Комиссар Австралии по правам человека также выразил мнение, что недоступность судебных процедур, с помощью которых можно было бы проверить целесообразность или необходимость такого задержания, составляет нарушение пункта 4 статьи 9.

3.6 Далее утверждается, что такие лица, как автор, не имеют эффективного доступа к юридическим консультациям, что противоречит статье 16 Конвенции о статусе беженцев. Тот факт, что лица, подобные автору, в течение долгого времени содержатся под стражей, делает обеспечение им доступа к услугам юристов еще более важной проблемой. В связи с делом автора адвокат утверждает, что государство-участник нарушило пункт 4 статьи 9 и статью 14 в отношении следующих положений:

- а) при подготовке ходатайства о предоставлении статуса беженца;

b) при лишении доступа к услугам юриста на административном этапе процесса рассмотрения ходатайства о предоставлении статуса беженца;

c) при лишении доступа к услугам адвокатов на этапе судебного рассмотрения вопроса о предоставлении статуса беженца; в этом контексте отмечается, что частые переводы автора в места содержания под стражей, расположенные на значительном расстоянии от основных городских центров, существенно затруднили предоставление ему юридических консультаций. Так, например, в Порт-Хедленд, где автор содержался в течение двух лет, можно попасть только самолетом, что связано со значительными расходами, а ближайший крупный город - Перт - находится на расстоянии более 2000 километров. По причине значительных расходов, а также проблем, связанных с материально-техническим обеспечением, было трудно найти компетентных адвокатов - сотрудников Совета Австралии по делам беженцев, которые могли бы заняться этим делом.

3.7 Адвокат утверждает, что серьезные отсрочки, допущенные государством-участником в рассмотрении ходатайства автора о предоставлении ему статуса беженца, представляют собой нарушение подпункта c) пункта 3 статьи 14, особенно с учетом того обстоятельства, что в течение большей части этого процесса он находился в заключении.

3.8 Утверждается, что, поскольку А. был задержан произвольно, он имеет право на компенсацию в соответствии с пунктом 5 статьи 9 Пакта. Адвокат считает, что под "компенсацией" в этом случае следует понимать "справедливое и адекватное" возмещение нанесенного ему ущерба, и добавляет, что государство-участник исключило из законодательства любое право на компенсацию за незаконное заключение в соответствии с поправкой к закону о миграции. Он отмечает, что в результате решения Верховного суда Австралии по делу А. в Верховном суде начались дальнейшие судебные слушания от имени задержанных пассажиров судна "Пендер-Бей", включая автора, которые требовали возмещения ущерба в связи с незаконным заключением. 24 декабря 1992 года парламент добавил статьи 54RA(1)-(4) в раздел 4В закона о миграции, что, по мнению адвоката, было прямой реакцией на постановление Верховного суда по делу автора и на сложившуюся ситуацию в связи с неизбежностью подачи новых исков с требованием компенсации за незаконное задержание. Новое положение пункта 3 ограничивает компенсацию за незаконное задержание до символической суммы в 1 доллар за день. Предполагается, что автор должен получить справедливую и адекватную компенсацию за: а) денежный ущерб, связанный с потерей судна, на котором он прибыл в Австралию; б) неденежный ущерб, включая ущемление свободы, ущерб, нанесенный репутации, и моральные страдания; в) отягчающий и очевидный ущерб, имеющий в своей основе, в частности, длительность содержания под стражей и условия содержания. Символическая сумма, которая могла бы полагаться автору в соответствии со статьей 54RA раздела 4В, не отвечала бы критериям компенсации, установленным в соответствии с пунктом 5 статьи 9.

3.9 Наконец, адвокат утверждает, что автоматическое задержание "людей в лодках", прежде всего азиатского происхождения, на единственном основании, что они отвечают критериям раздела 4В закона о миграции 1958 года, является актом дискриминации согласно положению об "ином обстоятельстве", о котором говорится в пункте 1 статьи 2 Пакта, имея в виду, что "иное обстоятельство" относится к статусу "людей в лодках".

Замечания государства-участника по вопросу о приемлемости и соответствующие комментарии

4.1 В своем представлении государство-участник, в соответствии с правилом 91, излагает дополнительные факты, помимо представленных автором, и приводит хронологию судебного процесса, в котором участвовал и продолжает участвовать автор. Оно отмечает, что, после того как в декабре 1992 года было принято окончательное решение отклонить ходатайство автора о предоставлении ему статуса беженца, автор продолжал возбуждать судебные дела, имевшие целью оспорить законность этого решения. Содержание под стражей после декабря 1992 года, говорится в представлении, является исключительно следствием судебного иска автора, оспаривающего упомянутое решение. В этом контексте государство-участник напоминает, что в своем письме от 2 ноября 1993 года министр по делам иммиграции предложил автору - в случае его добровольного возвращения в Камбоджу - подать апелляцию о повторном въезде в Австралию через 12 месяцев с

постоянной визой согласно категории "оказание специальной помощи". Государство-участник далее добавляет, что ходатайство жены автора о получении статуса беженца было удовлетворено, что в результате этого 21 января 1994 года автор был освобожден из-под стражи и ему было разрешено остаться в Австралии.

4.2 Государство-участник допускает приемлемость сообщения в той его части, в которой содержится утверждение, что задержание автора было "произвольным" по смыслу пункта 1 статьи 9. Государство-участник, однако, решительно возражает против утверждения, что заключение под стражу носило "произвольный характер" и содержало элементы "неуместности, несправедливости и отсутствия предсказуемости".

4.3 Государство-участник оспаривает приемлемость других элементов, относящихся к пункту 1 статьи 9. В этой связи оно отмечает, что сообщение неприемлемо *ratione materiae* в том отношении, что в нем содержатся ссылки на положения обычного международного права или положения других международных документов, таких как Конвенция о статусе беженцев 1951 года. Государство-участник утверждает, что Комитет компетентен только определять, имели ли место нарушения каких-либо прав, предусмотренных Пактом; недопустимо использовать обычное международное право или другие международные документы в качестве основы для иска.

4.4 Подобным же образом государство-участник утверждает, что заявление адвоката о том, что проводимая Австралией политика по задержанию "людей в лодках" противоречит пункту 1 статьи 9, неприемлемо, поскольку в компетенцию Комитета не входит оценка *in abstracto* конкретных действий правительства или рассмотрение практики проведения такой политики в качестве оснований для выявления нарушений Пакта. Поэтому государство-участник считает сообщение неприемлемым в той его части, где Комитету предлагается определить в общем плане, противоречит ли политика задержания "людей в лодках" пункту 1 статьи 9.

4.5 Государство-участник оспаривает приемлемость заявления, сделанного в соответствии с положениями пункта 4 статьи 9, и утверждает, что существующие методы пересмотра вопроса о законности задержания в соответствии с законом о миграции не противоречат пункту 4 статьи 9. Оно отмечает, что адвокат не утверждает, будто австралийское законодательство не предусматривает права оспаривать в суде законность задержания. *Habeas corpus*, например, как средство, предназначенное для урегулирования таких ситуаций, не было использовано автором. Отмечается, что автор не оспорил конституционную законность раздела 4В части 2 закона о миграции в Верховном суде Австралии, опротестовавшем соответствующее постановление, согласно которому автор с 6 мая 1992 года находился под стражей. В своем решении Верховный суд подтвердил, что, если лицо незаконно задержано, оно может обратиться в суд с просьбой об освобождении. До освобождения из-под стражи А. не возбуждал никаких судебных разбирательств с целью оспорить законность его задержания, хотя у него была такая возможность. Однако другие задержанные успешно инициировали судебные процессы и были освобождены на том основании, что содержались под стражей в течение более длительного срока, чем это разрешено положениями раздела 4В закона о миграции². После проведения этих судебных разбирательств еще 34 задержанных были освобождены из-под стражи. Государство-участник считает, что в представленных адвокатом материалах нельзя найти "абсолютно никаких оснований, опираясь на которые Комитет мог бы констатировать нарушение пункта 4 статьи 9 по той причине, что автор был не в состоянии оспорить незаконность своего задержания". Заявление о допущенном нарушении не было в достаточной степени обосновано, как того требует правило 90 b) правил процедуры Комитета. Государство-участник добавляет, что заявления о нарушении пункта 4 статьи 9 могут быть расценены как злоупотребление правом подачи жалобы и что в любом случае автор не исчерпал имевшиеся при этих обстоятельствах

² Танг Джиа Ксин против министра по делам иммиграции и этническим проблемам, № 1 (1993), 116 ALR 329; Танг Джиа Ксин против министра по делам иммиграции и этническим вопросам, № 2 (1993), 116 ALR 349.

в его распоряжении внутренние средства правовой защиты, поскольку он не принял меры для определения в суде законности своего задержания.

4.6 Что касается попытки автора сообщения констатировать нарушение пункта 4 статьи 9 на том основании, что целесообразность или уместность задержания не может быть опротестована в суде, то государство-участник считает, что отсутствие у суда полномочий для издания приказа об освобождении лица из-под стражи никоим образом не подпадает под действие положений пункта 4 статьи 9, которые касаются только определения законности задержания.

4.7 Относительно содержащегося в сообщении утверждения, что имело место нарушение пункта 4 статьи 9 из-за отсутствия эффективного доступа к услугам профессиональных юристов, с тем чтобы они представляли автора, государство-участник отмечает, что это положение не предусмотрено статьей: доступ к услугам профессиональных юристов для представления интересов автора, по мнению государства-участника, следует в любом случае толковать как предусмотренное положением указанной статьи право, имеющее отношение к обязательной правовой норме или предоставляющее эту обязательную норму, которая обусловлена гарантией участия того или иного лица в судебных разбирательствах. Оно утверждает, что у автора был доступ к юридическим консультациям. Так, средства для оплаты услуг по оказанию юридической помощи выделялись на всех этапах административной процедуры; следовательно, у автора был доступ к юридическим консультациям как средству правовой защиты. По этим причинам государство-участник утверждает, что изложенных фактов недостаточно для того, чтобы констатировать нарушение пункта 4 статьи 9 по причине отсутствия доступа к услугам профессиональных юристов. Что касается утверждения о доступе к услугам профессиональных юристов, которое в сообщении связывается со статьей 16 Конвенции о статусе беженцев, то государство-участник ссылается на свои аргументы, изложенные в пункте 4.3, выше.

4.8 Государство-участник оспаривает, что обстоятельства задержания автора дают основания для предъявления каких-либо исков о компенсации в соответствии с пунктом 5 статьи 9 Пакта. Оно отмечает, что само правительство Австралии признало в ходе судебного разбирательства, начатого автором и другими лицами по этому делу, что авторы апелляции были задержаны без законных на то полномочий, дававших право содержать под стражей "людей в лодках" до введения в действие раздела 4В закона о миграции: это было результатом добросовестной, но ошибочной трактовки положений законодательства, в соответствии с которыми автор содержался под стражей. В отношении оснований для незаконного задержания лиц, решение о котором было принято по небрежности и которое может относиться к лицам, оказавшимся в ситуации, подобной той, в какой находится автор, австралийский парламент принял специальный закон о компенсации. Государство-участник считает, что этот закон соответствует положениям пункта 5 статьи 9.

4.9 Государство-участник отмечает, что многие "люди в лодках" начали судебное разбирательство, имеющее целью опротестовать конституционность соответствующего законодательства. Поскольку автор участвует в этом разбирательстве, нельзя считать, что он исчерпал все доступные ему внутренние средства правовой защиты в отношении его жалобы, принесенной в соответствии с пунктом 5 статьи 9.

4.10 Государство-участник отвергает утверждение автора, согласно которому статья 14 применима к задержанию иммигрантов, и считает неприемлемым сообщение в той его части, где в нем содержатся ссылки на статью 14. Оно напоминает, что статья 14 применима только в случае обвинений в совершении уголовных преступлений; задержание в интересах соблюдения правил иммиграции не является задержанием, предусмотренным уголовным правом, а представляет собой административное задержание, к которому абсолютно неприменим пункт 3 статьи 14. По этой причине данная часть сообщения не может считаться приемлемой *ratione materiae*.

4.11 Наконец, государство-участник опровергает утверждение автора о якобы имевшей место дискриминации, подпадающей под положения статей 9 и 14 в сочетании с пунктом 1 статьи 2, на том основании, что в деле отсутствуют свидетельства в поддержку жалобы о дискриминации по признаку расы. Оно утверждает далее, что статус "людей в лодках" не может быть отнесен к "иным обстоятельствам" по смыслу статьи 2. Соответственно, в этом отношении дело представляется неприемлемым *ratione materiae*, как не имеющее отношения к положениям Пакта.

4.12 Касаясь заявления о якобы имевшей место дискриминации по признаку расы, государство-участник настаивает, что для этой жалобы отсутствуют основания, поскольку закон, согласно положениям которого задерживаются "люди в лодках", относится к лицам всех национальностей независимо от их этнического происхождения или расы. Государство-участник исходит из анализа содержания термина "иное обстоятельство", содержащегося в статьях 2 и 26 Пакта, и, ссылаясь на правовую компетенцию Комитета в данном деле, напоминает о высказанном самим Комитетом мнении относительно необходимости установить в толковании термина "иное обстоятельство" определенные ограничения. Для того чтобы автор был причислен к статусу, обозначаемому этим термином, утверждает государство-участник, в сообщении должны быть упомянуты определенные обстоятельства, в основе которых лежат личные характеристики лица, о котором идет речь. В соответствии с австралийским законодательством единственным основанием может быть факт нелегального прибытия лица на лодке: "С учетом того обстоятельства, что государство должно в соответствии с международным правом установить, кому оно разрешает въезд на свою территорию, оно не может допустить нарушения положений статей 9 и 14 в сочетании с пунктом 1 статьи 2, касающихся особых методов обращения с нелегально въехавшими лицами, с учетом способа, использованного ими для въезда на его территорию". По мнению государства-участника, правовые полномочия Комитета не дают ему оснований для рассмотрения вопроса о дискриминации в свете положений статьи 26, согласно которой "людей в лодках" можно считать лицами, оказавшимися "в иных обстоятельствах" по смыслу статьи 2.

5.1 В своих комментариях адвокат обратился к некоторым аргументам государства-участника. Он оспаривает утверждение, что трехлетний период, который оказался необходимым для окончательного рассмотрения заявления автора о предоставлении ему статуса беженца, был в значительной степени обусловлен задержками в предоставлении документов и апелляций юристами, стремившимися опротестовать процесс принятия решения. В этой связи он отмечает, что из 849 дней, в течение которых продолжалась административная процедура, 571 день - две трети всего этого периода - заявление автора находилось у австралийских властей. Он далее напоминает, что за это время автора четыре раза переводили в иное место содержания под стражей и по этой причине он был вынужден иметь дело с тремя различными группами юристов, представлявших его интересы; все они располагали лишь ограниченными средствами из общественных фондов, и им требовалось время для ознакомления с его делом.

5.2 Адвокат признает, что 21 января 1994 года автору было предоставлено (временное) разрешение на проживание в интересах внутренней защиты и он был освобожден из-под стражи, после того как его жена как вьетнамка по происхождению получила статус беженца. Подразумевается, что автор не мог добиться своего освобождения из-под стражи, согласившись добровольно покинуть Австралию и возвратиться в Камбоджу, во-первых, потому, что искренне боялся преследований в случае возвращения в Камбоджу, и, во-вторых, потому, что было бы бессмысленно ожидать, что он вернется в Камбоджу без своей жены.

5.3 Адвокат автора еще раз подтверждает, что его ссылка на статью 31 Конвенции о статусе беженцев 1951 года или другие международные документы в подтверждение своих утверждений относительно нарушений положений пункта 1 статьи 9 имеет лишь одну цель - истолковать и расширить рамки обязательства государства-участника в соответствии с Пактом. Он утверждает, что другие международные документы могут оказаться релевантными при толковании положений Пакта, и в этой связи обращает внимание Комитета на заявление управления Генерального прокурора на

заседании Объединенного комитета по делам миграции; согласно этому заявлению органы, наблюдающие за соблюдением международных договоров, такие как Комитет по правам человека, могут ссылаться на другие международные документы в целях толкования сферы применения договора, за соблюдением которого они наблюдают.

5.4 Адвокат повторяет, что не оспаривает политику государства-участника в отношении "людей в лодках" *in abstracto*, но допускает, что цель политики Австралии, а именно устрашение, имеет отношение к делу в том плане, что дает возможность оценить степень "произвольности" по смыслу пункта 1 статьи 9: "Невозможно определить, было ли задержание того или иного лица уместным, справедливым и предсказуемым, не выяснив, что в действительности было целью задержания". В случае с автором цель задержания была сформулирована в предисловии министра по делам иммиграции к законопроекту о поправках к закону о миграции 1992 года; этот закон, как утверждается, был принят как прямая ответная реакция на заявление автора и других граждан Камбоджи с просьбой освободить их из-под стражи, которое было направлено в Федеральный суд и должно было рассматриваться в Суде через два дня.

5.5 Относительно утверждения, касающегося пункта 4 статьи 9, адвокат полагает, что при отсутствии дискреционных полномочий, предусмотренных разделом 4В закона о миграции 1958 года в отношении освобождения из-под стражи "обозначенного лица", проведение слушаний в суде с целью освобождения из-под стражи теряет смысл.

5.6 Адвокат признает, что после решения Верховного суда, вынесенного в декабре 1992 года, не предпринималось попыток опротестовать законность задержания автора. Причина этого состояла в том, что автор полностью попадал под действие раздела 4В, а не в сферу применения статьи 54Q, предусматривавшей 273-дневное задержание, и поэтому дальнейшие попытки опротестовать его задержание были бы бессмысленными. Утверждается, что автору не было необходимости продолжать бесплодные поиски средств правовой защиты с целью установления факта нарушения пункта 4 статьи 9 или доказательства, что внутренние средства правовой защиты исчерпаны, как того требует подпункт b) пункта 2 Факультативного протокола.

5.7 Адвокат настаивает, что право на разбирательство дела в суде, предусмотренное пунктом 4 статьи 9, предполагает императивное обязательство предоставлять заинтересованному лицу услуги адвоката. Когда же лицо находится под стражей, его интересы в суде обычно могут быть представлены назначенным для этого адвокатом. В этом контексте адвокат оспаривает, что его клиенту были предоставлены адекватные услуги адвоката: с 30 ноября 1989 года до 13 сентября 1990 года, когда его интересы начала представлять Комиссия по оказанию правовой помощи Нового Южного Уэльса, он был лишен возможности пользоваться услугами адвоката. Утверждается, что автора, который не знал о своем праве пользоваться юридической помощью и не говорит по-английски, должны были уведомить о его праве на такую помощь и что государство-участник, безусловно, однозначно было обязано выяснить, желает ли автор воспользоваться помощью адвоката. Это обязательство государства-участника предусмотрено принципом 17(1) Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, и правилом 35 (1) Минимальных стандартных правил обращения с заключенными.

5.8 Адвокат автора добавляет, что в двух случаях его клиент был принудительно выведен из-под государственной юрисдикции и поэтому не имел возможности воспользоваться помощью адвоката. Ни в одном из случаев его адвокаты не были своевременно оповещены о его перемещении. Утверждается, что эти события представляют собой лишение автора доступа к помощи его адвокатов.

5.9 Что касается замечаний государства-участника в отношении жалобы, заявленной в соответствии с пунктом 5 статьи 9, адвокат отмечает, что в настоящее время автор не представлен на судебном процессе, который имеет целью оспорить легитимность законодательных положений, ограничивающих размер компенсации за незаконное задержание суммой в 1 долл. за день. Кроме того, автор выступает истцом в отдельном процессе, в котором еще не завершены процессуальные действия и слушания в котором не начнутся еще по крайней мере в течение года. Адвокат утверждает, что его клиенту нет необходимости ждать завершения этого судебного разбирательства,

для того чтобы выполнить требования подпункта б) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола. В этой связи он отмечает, что в июне 1994 года парламент Австралии принял новый закон, который задним числом внес поправки в закон о миграции 1958 года, таким образом ликвидировав любые права истцов в деле Чу Кенг Лима (касающемся незаконного задержания "людей в лодках") на компенсацию ущерба в результате незаконного задержания. 21 сентября 1994 года правительство внесло законопроект о поправках к закону о миграции (№ 3) 1994 года ("поправка № 3"), цель которого - аннулировать первоначальное положение закона "1 доллар за день". Прямым следствием принятия этого закона стал перенос слушаний по делу *Ли Сок Фенг против министра по делам иммиграции, местного управления и этническим вопросам* с октября 1994 года по крайней мере на апрель 1995 года. Если поправка № 3 получит статус закона, что продолжает оставаться намерением федерального правительства, любые действия автора, предпринятые с целью получить компенсацию за незаконное задержание, окажутся бессмысленными.

5.10 Адвокат оспаривает аргумент страны-участника о неприменимости пункта 3 статьи 14 в отношении лиц, подвергнутых административному задержанию, и в этом контексте ссылается на правило 94 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, которое приравнивает права лиц, находящихся в заключении за уголовные преступления, с правами "заключенных по гражданским делам".

5.11 Наконец, адвокат еще раз подтверждает, что "люди в лодках" представляют собой сплоченную группу, положение которой можно охарактеризовать термином "иное обстоятельство" в значении пункта 1 статьи 2 Пакта: "Все они имеют общую характеристику лиц, прибывших в Австралию в установленное время, не имея визы, и получивших квалификацию Управления по делам иммиграции". Все лица, попадающие под это определение, должны быть задержаны. По мнению адвоката, именно эта "непреложная" характеристика, которая определяет причастность к этой группе, будет рассматриваться как обстоятельство, отличающее их от других лиц, ищущих убежища в Австралии.

Решение Комитета о приемлемости

6.1 Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения на своей пятьдесят третьей сессии. Он принял к сведению, что ряд событий, которые составляют жалобу автора, произошли до вступления в силу для Австралии Факультативного протокола; однако, поскольку государство-участник не пожелало оспаривать приемлемость сообщения на этом основании и поскольку автор оставался под стражей после вступления в силу для Австралии Факультативного протокола, Комитет удовлетворен тем, что жалоба признана приемлемой *ratione temporis*. Было также признано, что государство-участник согласилось с приемлемостью жалобы автора, принесенной в соответствии с пунктом 1 статьи 9.

6.2 Комитет принял к сведению утверждение автора о том, что у него не было другой возможности добиться реальной оценки законности его задержания, что противоречит положениям пункта 4 статьи 9, и возражение государства-участника против аргументации автора. Комитет посчитал, что вопросы о том, имели ли место в случае автора нарушения пункта 4 статьи 9, и о том, предусматривают ли эти положения право получить доступ к помощи адвоката, должны рассматриваться по существу дела.

6.3 Комитет специально отметил отличие этого определения от принятого ранее решения по делу *В.М.Р.Б. против Канады*³, поскольку в данном случае право автора на получение статуса беженца предстояло установить в ходе рассмотрения сообщения, в то время как в предыдущем случае уже действовал приказ о запрещении въезда.

³ Сообщение № 2366/1987 (*В.М.Р.Б. против Канады*), объявленное неприемлемым в силу решения от 18 июня 1988 года, пункт 6.3.

6.4 Относительно иска, заявленного в соответствии с пунктом 5 статьи 9, Комитет отметил, что судебное дело, имевшее целью оспорить конституционность статьи 54RA закона о миграции, в то время продолжалось. Автор утверждал, что было бы слишком сложно оспорить конституционность этого положения и было бы бессмысленным пытаться воспользоваться этим средством защиты вследствие продолжительных отсрочек в судебных разбирательствах и по причине намерения правительства аннулировать это средство защиты. Комитет отметил, что сами по себе сомнения относительно эффективности внутренних средств правовой защиты или перспектива значительных финансовых издержек не освобождали автора от необходимости пользоваться этими средствами правовой защиты. Касаясь ссылки адвоката на проект закона, принятие которого свело бы на нет действие желаемых средств защиты, Комитет отметил, что проект еще не был принят в качестве закона, и поэтому адвокат полагался в своих утверждениях на гипотетические изменения австралийского законодательства. Эта часть сообщения, соответственно, была признана неприемлемой в контексте положений подпункта b) пункта 2 Факультативного протокола.

6.5 В связи со ссылкой на статью 14 Комитет напомнил заявление государства-участника о том, что задержание "людей в лодках" квалифицировалось как "административное задержание", которое не может расцениваться как попадающее под действие пункта 1 статьи 14, не говоря уже о пункте 3. Комитет отметил, что задержание автора, как вопрос, относящийся к австралийскому законодательству, не имело отношения ни к обвинениям в уголовных преступлениях, выдвинутых в его адрес, ни к определению его прав и обязанностей в рамках судебного иска. Однако считается, что вопрос о том, попадают ли тем не менее слушания по делу, имеющие целью определить статус автора в соответствии с поправками к закону о миграции, под сферу применения пункта 1 статьи 14, должен рассматриваться по существу.

6.6 Наконец, по поводу иска, предъявленного в соответствии с пунктом 1 статьи 2 в сочетании со статьями 9 и 14, Комитет отметил, что с точки зрения приемлемости сообщения он не был обоснован в плане утверждения, что в отношении А. была допущена дискриминация по признаку его расы и/или этнического происхождения. Из этого далее следовало, что внутренние средства правовой защиты в этом отношении не были исчерпаны, поскольку вопрос о предполагаемой дискриминации по признаку расы или этнического происхождения никогда не поднимался в ходе судебных разбирательств. Учитывая эти обстоятельства, Комитет признал упомянутый иск неприемлемым в соответствии с подпунктом b) пункта 2 Факультативного протокола.

6.7 Таким образом, 4 апреля 1995 года Комитет объявил настоящее сообщение приемлемым в той его части, в какой оно может затрагивать вопросы, касающиеся пунктов 1 и 4 статьи 9 и пункта 1 статьи 14.

Замечания государства-участника по существу дела и соответствующие комментарии адвоката

7.1 В своем представлении в соответствии с пунктом 2 статьи 4 Факультативного протокола, датированном маем 1996 года, государство-участник приводит дополнительные факты по делу и обращается к искам, заявленным в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 9 и пунктом 1 статьи 14. Оно напоминает, что политика задержания лиц, прибывших в страну без разрешения, является составной частью иммиграционной политики Австралии. Смысл ее сводится к тому, чтобы создать условия, при которых лица, въехавшие в страну без разрешения, не допускались в австралийское сообщество до тех пор, пока право, которым они якобы обладают, не будет соответствующим образом оценено и не будет сделан вывод о том, что их въезд в страну оправдан. Задержание имеет целью обеспечить положение, при котором любое лицо, въехавшее на территорию Австралии без разрешения, может рассчитывать на то, что его просьба остаться здесь будет рассмотрена, а если она будет отклонена, оно будет подлежать высылке. Государство-участник отмечает, что начиная с конца 1989 года имело место неожиданное и беспрецедентное увеличение числа заявлений с просьбой о предоставлении статуса беженца от лиц, высадившихся на побережье страны. Это привело к резкому увеличению сроков содержания под стражей лиц, подавших такие заявления, а также к реформам законодательства и процедур рассмотрения заявлений лиц, высадившихся на побережье и обратившихся с просьбой о предоставлении им права на убежище.

7.2 В отношении необходимости задержания государство-участник напоминает, что лица, высадившиеся без разрешения на побережье Австралии в 1990 и в начале 1991 года, содержались в не огороженных гостиницах для мигрантов и должны были регулярно сообщать о своем местонахождении. Однако из-за того, что ряд лиц, содержащихся в этих гостиницах, скрылись, и из-за трудностей в получении помощи от местных этнических общин в поимке лиц, не выполнявших обязательства докладывать о своем местонахождении, пришлось усилить меры безопасности; за период с 1991 по октябрь 1993 года 59 человек, прибывших в Австралию на лодках, совершили побег из места содержания. Что касается лиц, которым было разрешено проживание в Австралии, пока рассматривались их апелляции о предоставлении им статуса беженца, то отмечается, что из группы численностью 8000 человек, которым было отказано в статусе беженца, около 27% незаконно остались на территории Австралии, не имея для этого никаких оснований.

7.3 Государство-участник отмечает, что проводимая им политика обязательного задержания некоторых истцов по делам о пересечении границы должна рассматриваться в свете полного и детального рассмотрения их заявлений о предоставлении статуса беженца и в свете предоставляемых им широких возможностей оспорить отрицательные решения по заявлениям о предоставлении статуса беженца. С учетом сложности обстоятельств настоящего дела, при том что потребовалось время для сбора информации о постоянно меняющейся ситуации в Камбодже, а также для подготовки адвокатами А. необходимых представлений, время содержания под стражей автора не было оскорбительно продолжительным. Более того, условия содержания А. под стражей не были суровыми, не напоминали содержания в тюрьме и каким-либо другим образом бесосновательно не ограничивали его существования.

7.4 Государство-участник повторяет, что автор был информирован в ходе его первого опроса после высадки в Австралии о том, что ему необходимо заняться поиском юридических консультаций и юридической помощи. У него были продолжительные контакты с группами поддержки сообществ, которые могли информировать его о таком его праве. По мнению государства-участника, юридическая консультация не требуется для того, чтобы подать заявление с просьбой о предоставлении статуса беженца, поскольку предоставление такого права - прежде всего вопрос факта. Государство-участник подчеркивает, что в течение всего времени задержания автора разумные средства для получения юридических консультаций или возбуждения судебного разбирательства были бы предоставлены автору, если бы он стремился к этому. После 13 сентября 1990 года автор действительно выступал в качестве одной из сторон в нескольких судебных процессах; по мнению государства-участника, отсутствуют доказательства, что автору когда-либо отказывали в юридических консультациях или в представительстве его интересов адвокатом, когда он к этому стремился. В целом условия, в которых автор содержался под стражей, не затрудняли для него доступа к юридическим консультациям (см. пункты 7.8-7.11, ниже). Государство-участник считает, что, несмотря на утверждение адвоката, длительные задержки не были вызваны сменой юридических консультантов в результате последовательных переводов А. из одного центра содержания под стражей в другой.

7.5 Касаясь заявления, сделанного в соответствии с пунктом 1 статьи 9, государство-участник утверждает, что задержание автора было законным и нет никаких оснований считать его произвольным. А. въехал в Австралию без разрешения и впоследствии ходатайствовал о предоставлении ему права остаться в стране в статусе беженца. Сначала его содержали под стражей в ожидании рассмотрения его ходатайства. Последующее его задержание было вызвано его апелляциями на решения об отказе в его просьбе, в соответствии с которыми он должен был быть депортирован. Задержание считалось необходимым прежде всего для того, чтобы не дать ему возможности скрыться и пребывать в австралийском обществе нелегально.

7.6 Государство-участник отмечает, что *travaux préparatoires* по пункту 1 статьи 9 свидетельствует о том, что, с точки зрения составителей проекта Пакта, понятие "произвольность" включало "несовместимость с принципами справедливости или достоинством человеческой личности". Кроме того, государство-участник ссылается на сферу юриспруденции Комитета, в соответствии с которой понятие "произвольность" не должно отождествляться с понятием "противозаконность", а должно толковаться шире - как включающее элементы неуместности,

несправедливости и непредсказуемости⁴. В этом контексте государство-участник полагает, что задержание в таких обстоятельствах, какие имеют место в случае автора, не было ни непропорциональным, ни несправедливым; оно не было также непредсказуемым, поскольку австралийское законодательство широко освещалось в печати. По мнению государства-участника, утверждение адвоката о несоответствии закону *per se* задержания лиц, въезжающих в Австралию без разрешения, не подтверждается ни одним из положений Пакта.

7.7 Государство-участник настаивает на том, что утверждение, будто существует норма публичного международного права - независимо от того, выводится ли это утверждение из обычного или договорного права, - запрещающая задержание лиц, ищущих убежища, не только ошибочно, но и не подтверждается установившейся практикой Комитета и к тому же не имеет отношения к делам, которые рассматривает Комитет по правам человека. Документы и практика, на которые, среди прочего, ссылается адвокат, а именно Конвенция о статусе беженцев 1951 года, вывод 44 Исполнительного комитета Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев, Конвенция о правах ребенка, практика 12 западных государств, в конечном счете вовсе не доказывают существования нормы обычного международного права. В частности, государство-участник не согласно с утверждением, что нормы или стандарты, которые, как известно, действуют в соответствии с обычным международным правом или с другими международными соглашениями, могут быть инкорпорированы в Пакт. Государство-участник делает вывод, что задержание, даже если требуется высылка из страны, необходимое для рассмотрения заявлений о предоставлении защиты и о предоставлении статуса беженца или о разрешении на въезд в страну, а также для защиты государственной безопасности, полностью совместимо с положениями пункта 1 статьи 9.

7.8 В отношении иска, заявленного в соответствии с положениями пункта 4 статьи 9, государство-участник вновь подтверждает, что оно никогда не запрещало автору возбуждать иски, опротестовывая законность его задержания, например обращаться с требованием дать определение, отвечает ли его задержание положениям австралийского законодательства. Судебные инстанции действительно имели право освободить А. из-под стражи, если бы они установили, что он задержан незаконно. В этой связи государство-участник обращается к вопросу о соображениях Комитета относительно приемлемости сообщения на основании положения пункта 4 статьи 9. С точки зрения государства-участника, это положение не требует, чтобы судебные органы государства всегда имели право подменять своими полномочиями полномочия парламента, когда речь идет о задержании: "Пакт не требует, чтобы суд в обязательном порядке имел возможность издавать приказ об освобождении задержанного, даже если такое решение об освобождении и соответствует закону".

7.9 Кроме того, государство-участник особенно решительно отвергает замечание о том, что пункт 4 статьи 5 косвенно подразумевает предоставление тех же (процедурных) гарантий оказания юридической помощи, что и пункт 3 статьи 14: по его мнению, следует проводить различие между положением об оказании бесплатной юридической помощи, предусмотренной пунктом 3 статьи 14, и разрешением доступа к юридической помощи. В любом случае, продолжает государство-участник, нет оснований для заявления автора о том, что ему чинились препятствия в реализации им, в соответствии с пунктом 4 статьи 9, своих прав, поскольку он якобы был лишен адекватного доступа к юридической помощи. У автора "был широкий доступ к юридической помощи, и ему была предоставлена возможность иметь лицо, представляющее его интересы, при подаче протеста относительно законности его задержания", и когда он направил этот протест, его интересы представлял адвокат.

7.10 Чтобы подтвердить свою аргументацию, государство-участник приводит подробную хронологию попыток информировать А. о его праве на юридические консультации:

⁴ См. соображения по сообщению № 305/1988 (*Хуго ван Альфен против Нидерландов*), принятые 23 июля 1990 года, пункт 5.8.

а) бланк, который используется для заполнения заявления о предоставлении статуса беженца, уведомляет заявителей о их праве требовать присутствия во время опроса их адвоката, а также о праве просить об оказании юридической помощи. Содержание бланка было зачитано автору 9 декабря 1989 года в Уилли-Крик переводчиком на кхмерском языке; бланк был заполнен и подписан автором. В то время автор не просил предоставить ему юридические консультации или услуги адвоката;

б) в течение первых шести месяцев своего задержания автор имел контакты с представителями австралийского общества, в том числе с камбоджийской, кхмерской и индийско-китайской общинами Сиднея, которые оказывали определенную поддержку задержанному, прибывшему на судне "Пендер-Бей". Эти этнические группы могли бы обеспечить автору доступ к юридическим консультациям;

с) в июне/июле 1990 года иезуитская служба по делам беженцев обратилась в Комиссию по оказанию правовой помощи Нового Южного Уэльса с предложением дать ей возможность представлять интересы задержанных пассажиров "Пендер-Бей". 11 сентября 1990 года А. уполномочил Комиссию по оказанию правовой помощи представлять его интересы. В начале октября 1990 года, еще до того как Комиссия по оказанию правовой помощи приступила к оказанию услуг автору, Управление по делам иммиграции и этническим вопросам планировало перевести задержанных лиц, прибывших на судне "Пендер-Бей", из Сиднея. Для того чтобы члены этой группы имели постоянный доступ к представлявшим их юристам, группу не переводили в Дарвин до 20 мая 1991 года;

д) во время перевода группы в Дарвин Комиссия по оказанию правовой помощи сообщила Комиссии по оказанию правовой помощи Северного округа, что группа будет переведена. Юристы Комиссии по оказанию правовой помощи Северного округа прибыли в лагерь Карраганди (около Дарвина) через неделю после перевода туда группы лиц с судна "Пендер-Бей". После перевода А. в Порт-Хедленд 21 октября 1991 года Комиссия Северного округа продолжала представлять его интересы вплоть до 29 января 1992 года, когда она поставила в известность Управление по делам иммиграции и этническим вопросам, что не может больше представлять интересы задержанных лиц, прибывших на судне "Пендер-Бей". 3 февраля 1992 года функции по представительству всех задержанных лиц с судна "Пендер-Бей" взял на себя Совет Австралии по делам беженцев;

е) члены группы лиц с судна "Пендер-Бей" сохранили за собой возможность пользоваться услугами Комиссии по правовой помощи Северного округа на слушаниях в Федеральном суде в апреле 1992 года. Совет Австралии по делам беженцев продолжал проводить юридические консультации по вопросам, связанным с заявлениями о предоставлении статуса беженца.

7.11 Государство-участник отмечает, что до периода 1991-1992 годов средства на оказание юридической помощи адресно не направлялись на оплату услуг задержанным - лицам, ищущим убежища, - однако отдельные заявители получали юридическую помощь по обычным каналам; поддержку им оказывали также неправительственные организации. С 1992 года юридическая помощь заявителям предоставляется на основании контрактных соглашений между Управлением по делам иммиграции и этническим вопросам и Советом Австралии по делам беженцев и организацией "Австралийские юристы - в защиту беженцев". Государство-участник отмечает, что на судебном разбирательстве дела по опротестованию решения об отказе предоставить автору статус беженца А. представляли юристы. Среди его юридических консультантов были представители не только Комиссии по оказанию правовой помощи Нового Южного Уэльса и Комиссии по оказанию правовой помощи Северного округа, но и Службы консультаций по делам беженцев и двух крупных адвокатских фирм.

7.12 Государство-участник оспаривает утверждение, что отсрочки в разбирательстве дела А. были вызваны утратой его связей с адвокатами после каждого перевода его в новый центр содержания под стражей. Когда автора 21 мая 1991 года перевели из Сиднея в Карраганди, Комиссия по оказанию правовой помощи Нового Южного Уэльса незамедлительно сообщила об этом Комиссии по оказанию правовой помощи Северного округа, и 11 июня Комиссия по оказанию правовой помощи Северного округа направила в Комитет по оценке статуса беженца заявление с просьбой пересмотреть решение об отказе предоставить статус беженца членам этой группы. Когда 21 октября 1991 года автор был переведен в Порт-Хедленд, это заявление о пересмотре решения рассматривалось Комитетом по оценке статуса беженца, и не было необходимости в том, чтобы адвокаты автора немедленно предпринимали еще какие-либо действия. После того как 22 января 1992 года рекомендация Комитета об отказе автору в предоставлении статуса беженца стала известна Комиссии по оказанию правовой помощи Северного округа, Комиссия направила запрос о предоставлении приемлемого времени для оказания ему юридической помощи. Представители Совета Австралии по делам беженцев прибыли 3 февраля 1992 года в Порт-Хедленд, чтобы представлять автора, и 3 марта 1992 года опротестовали рекомендацию Комитета по оценке статуса беженца. По утверждению государства-участника, нет никаких данных о том, что в обоих этих случаях протесты, касающиеся пересмотра решения, могли быть направлены значительно раньше, если бы не изменились юристы, представлявшие интересы автора.

7.13 Наконец, государство-участник отрицает, что какие-либо данные свидетельствуют о том, что удаленность центра содержания под стражей Порт-Хедленда от центра страны затрудняла получение автором юридической помощи. Ежедневно в Перт и из Перта совершается 42 авиарейса, причем время в полете составляет 130P140 минут; первым утренним рейсом адвокаты могут прибыть в Порт-Хедленд ранее 9 часов утра. Государство-участник отмечает, что группа из шести адвокатов и шести переводчиков, работавших по контракту с Советом Австралии по делам беженцев, который финансировался Управлением по делам иммиграции и этническим вопросам, жила в Порт-Хедленде большую часть 1992 года и оказывала задержанным юридическую помощь.

7.14 Относительно пункта 1 статьи 14 государство-участник заявляет, что заявления о нарушении права автора на равенство перед законом в судах не имеют под собой почвы: автор, в частности, не подвергался какой бы то ни было форме дискриминации на том основании, что является иностранцем. Государство-участник отмечает, что если бы Комитет должен был рассматривать вопрос о равенстве перед судами как норму, предусматривающую право на (обязательное) оказание юридической помощи и представительство в суде, то следовало бы напомнить, что на пути доступа автора к таким консультациям никогда, ни на одном этапе его содержания под стражей не чинились препятствия (см. пункты 7.9 и 7.10, выше).

7.15 Государство-участник утверждает, что второе и третье предложения пункта 1 статьи 14 неприменимы к проведению судебных разбирательств для определения статуса беженца. Такое судопроизводство не может квалифицироваться как процесс, призванный "определить его права и обязанности в гражданском процессе". В этой связи государство-участник ссылается на решения Европейской комиссии по правам человека, которые, по его словам, подтверждают такой вывод⁵ Государство-участник полностью допускает, что иностранцам, находящимся под его юрисдикцией, должны быть обеспечены условия для защиты их прав, предусмотренных Пактом: "Однако при определении, какие положения Пакта применимы в таких условиях, необходимо проанализировать используемые в тексте термины. Такая трактовка подтверждается терминами, содержащимися во втором и третьем предложениях пункта 1 статьи 14 и относящимися лишь к ограниченному типу процедур определения тех видов прав, которые не затрагиваются в (данном) деле". Если бы Пакт устанавливал процедурные гарантии для определения права на получение статуса беженца, то, по мнению государства-участника, в этом случае более уместными были бы термины, используемые в статье 13, чем в пункте 1 статьи 14.

⁵ См. *X.Y.Z и W. против Соединенного Королевства* (сообщение № 3325/67); и *Эйджи против Соединенного Королевства* (сообщение № 7729/76).

7.16 Если бы Комитету пришлось рассматривать вопрос о применимости второго и третьего предложений пункта 1 статьи 14 к делу автора, то следовало бы отметить, по словам государства-участника, что:

а) во всех случаях, когда автор был одной из сторон, разбирательство велось компетентными, независимыми и беспристрастными судами;

б) судебные слушания по пересмотру ранее принятых постановлений проводились публично, и выносимые решения принимались также публично;

с) административные процедуры, имевшие целью определить, должен ли министр по делам иммиграции, местного управления и этническим вопросам предоставлять статус беженца, проводились в закрытом судебном заседании, но государство-участник утверждает, что закрытость этих административных процедур была обусловлена соображениями поддержания общественного порядка, поскольку публичное рассмотрение дел лиц, обратившихся за получением статуса беженцев, могло бы нанести им ущерб;

д) подобные решения административных судов, разбиравших дело автора, не должны приниматься открыто. По мнению правительства Австралии, ограниченные исключения из правила публичного вынесения судебных решений, предусмотренные формулировками пункта 1 статьи 14, свидетельствуют о том, что понятие "гражданский процесс" не должно применяться к административным процедурам, в ходе которых рассматриваются заявления о предоставлении статуса беженца;

е) А. всегда имел доступ к юридическому представительству его интересов и к юридическим консультациям:

ф) наконец, принимая во внимание сложность дела и юридических процедур, связанных с делом автора, государство-участник повторяет, что задержки в рассмотрении дела не были такими, чтобы их можно было квалифицировать как нарушение его права на справедливое разбирательство.

8.1 В комментариях, представленных 22 августа 1996 года, адвокат поднимает вопрос, касающийся обоснованности причин задержания иммигрантов, согласно объявлениям, приведенным государством-участником. Во время нахождения автора под стражей единственной категорией лиц, которые въехали в страну без разрешения и обязательно подвергались задержанию, были так называемые "люди в лодках". Он полагает, что власти Австралии необоснованно боялись притока в страну без разрешения "людей в лодках" и что политика обязательного задержания использовалась как форма устрашения. Касаясь утверждения, что в период с конца 1989 года имел место "беспрецедентный приток" в Австралию "людей в лодках", адвокат отмечает: число прошений о предоставлении статуса беженца, поданных в период 1989-1993 годов - 33 414 - должно быть представлено в истинном свете; эта цифра "бледнеет" по сравнению с числом таких прошений, поданных за тот же период во многих государствах Западной Европы. Австралия остается единственной западной страной убежища, в которой проводится политика обязательного задержания, не подлежащего изменению.

8.2 В любом случае, добавляет адвокат, неготовность и отсутствие достаточных ресурсов у государства не может оправдывать нарушения прав личности на свободу от произвольного задержания; он ссылается на установившуюся практику рассмотрения судебных дел Комитетом в том отношении, что отсутствие бюджетных ассигнований на осуществление процедур уголовного судопроизводства не оправдывает четырехлетний период содержания под стражей до начала судебного разбирательства. Утверждается, что 77-недельный период содержания под стражей, в течение которого заявление автора о предоставлении ему убежища проходило первичную обработку, было результатом отсутствия необходимых ресурсов.

8.3 Адвокат возражает против попытки государства-участника отнести задержки в рассмотрении дела на счет автора и его адвокатов. Он повторяет, что Австралия неправильно рассматривала дело автора, и вновь заявляет, что не может быть оправдания действиям властей, которым потребовалось семь месяцев для вынесения первичного решения по его заявлению и которые даже не оповестили его об этом, и еще восемь месяцев для принятия дополнительного первичного решения, шесть месяцев - для пересмотра решения и около пяти месяцев - для окончательного отказа удовлетворить его просьбу, которое нельзя оспорить в суде. Адвокат утверждает, что не столь большое значение имеет выявление причин задержек, гораздо важнее ответ на вопрос, почему автор находился под стражей в течение всего периода рассмотрения его заявления: когда первичное решение было направлено обратно иммиграционным властям, после чего правительство Австралии не могло защищать его в суде, государство-участник предприняло беспрецедентный шаг, приняв специальный законодательный акт (Поправки к закону о миграции 1992 года), единственной целью которого было оставить под стражей автора и других лиц, ищущих убежища.

8.4 По поводу вопроса о доступе автора к юридической помощи адвокат утверждает, что, вопреки оговоркам государства-участника, юридическая экспертиза необходима при подаче заявления с просьбой о предоставлении статуса беженца, так же как и в случае подачи любых других апелляций; автор был бы депортирован из Австралии в начале 1992 года, если бы он не получил доступа к услугам адвокатов. Адвокат считает относящимся к делу то обстоятельство, что, согласно современной практике, власти Австралии немедленно назначают адвокатов и предоставляют юридические консультации лицам, ищущим убежища, как только они выражают желание обратиться за получением убежища. Утверждается, что автору должны были быть предоставлены услуги юриста, когда в декабре 1989 года он обратился с просьбой о предоставлении ему убежища.

8.5 Адвокат повторяет, что автор не имел контактов с каким-либо юристом, который представлял бы его интересы, в течение почти 10 месяцев после своего прибытия в Австралию, то есть до сентября 1989 года, хотя окончательное решение по его заявлению было принято в июне 1990 года. Когда в 1992 году он обратился за юридической помощью, чтобы получить правовую оценку решения об отказе удовлетворить его заявление о получении статуса беженца, в этой просьбе ему было отказано. Просьба обеспечить представительство автора *pro bono* была удовлетворена только тогда, когда ему было отказано в юридической помощи, и, по мнению адвоката, утверждение, что в юридической помощи, оплачиваемой государством, не было необходимости, потому что автору была оказана помощь *pro bono* некорректно; в действительности *pro bono* оказалось необходимым потому, что автору уже было отказано в юридической помощи.

8.6 Адвокат признает, что прибыть в Порт-Хедленд и уехать из него можно многими авиарейсами, но подчеркивает, что это дорогой вид передвижения. Он считает, что удаленность от центра Порт-Хедленда фактически затрудняет доступ к получению помощи юристов; этот вопрос неоднократно ставился перед Объединенным постоянным комитетом по делам миграции, который хотя и признал, что существуют определенные трудности, тем не менее отверг любые рекомендации относительно изменения местоположения места содержания под стражей.

8.7 По вопросу о "произвольности" задержания автора адвокат отмечает, что государство-участник поступает некорректно, стремясь переложить вину за увеличение срока содержания автора под стражей на самого автора. В этой связи он утверждает, что А. не следовало наказывать длительным содержанием под стражей за попытки реализовать свои законные права. Он также отрицает, что задержание было правомерным из-за гипотетического предположения, что автор мог совершить побег из центра содержания под стражей; адвокат отмечает, что государство-участник не сумело представить никаких объяснений в связи с этим вопросом, кроме общих деклараций. В действительности, утверждает адвокат, последствия длительного содержания под стражей столь велики, что тяжесть доказательства справедливости задержания в конкретных обстоятельствах этого дела ложится на власти государства; бремя доказательства нельзя уменьшить, прибегая к пустой фразеологии, типа: лицо может совершить побег, если будет выпущено из места содержания под стражей.

8.8 Адвокат вновь подтверждает, что существует норма обычного международного права, которая состоит в том, что ищущие убежища лица не должны подвергаться задержанию на длительный срок, и что заявления авторитетных международных органов, таких как Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев, а также практика других государств однозначно свидетельствуют о том, что такое правило существует.

8.9 В связи с утверждением государства-участника, что у автора всегда была возможность оспорить законность его задержания и что такая попытка вовсе не обязательно окончится неудачей, адвокат обращает внимание на следующее:

а) Хотя Верховный суд определил, что статья 54R превышает законодательные полномочия государства-участника и по этой причине является неконституционной, это положение, не могущее быть осуществленным в принудительном порядке, на практике не означает, что, если лицо является "обозначенным лицом" в контексте закона о миграции, оно действительно в состоянии оспорить факт задержания. Проще говоря, это означает, что у парламента, согласно статье 54R, нет полномочий, чтобы приказывать судебной власти не освобождать из заключения "обозначенное лицо". На практике, однако, если кто-либо попадает под определение "обозначенное лицо", у него по-прежнему нет возможности получить в суде распоряжение об освобождении из мест содержания под стражей.

б) Утверждается - со ссылкой на статью 54Q закона (в новой редакции статья 182), в соответствии с которой положения о задержании утрачивают силу в отношении "обозначенного лица", чей срок задержания в связи с иммиграцией превысил 273 дня, - что срок продолжительностью в 273 дня, в течение которого отсутствует возможность освобождения из-под стражи по решению суда, является *per se* произвольным по смыслу пункта 1 статьи 9. По мнению адвоката, "обозначенному лицу" практически невозможно добиться освобождения из-под стражи даже по истечении 273 календарных дней, поскольку, в соответствии со статьей 54Q, отсчет 273 дней, когда истекает срок, прекращается, как только Управление по делам иммиграции и этническим вопросам обращается за информацией к лицам, не находящимся в его ведении.

8.10 Адвокат отвергает утверждение, что А. не имел права доступа к юридической помощи, оплачиваемой государством, поскольку гарантии, предоставляемые в соответствии с подпунктом d) пункта 3 статьи 14, не прописаны в пункте 4 статьи 9. Он заявляет, что задержание в связи с иммиграцией представляет собой квазиуголовное заключение, которое, по его мнению, требует процедурной защиты в соответствии с положениями пункта 3 статьи 14. В этом контексте он отмечает, что другие международные документы, такие как Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или содержанию под стражей в какой бы то ни было форме (Принцип 17), признают: все лица, подвергаемые любой форме задержания, должны иметь доступ к юридическим консультациям и им бесплатно должны быть назначены адвокаты, когда этого требуют интересы правосудия.

8.11 Наконец, адвокат еще раз подтверждает, что судебное разбирательство по делу о статусе А., в соответствии с поправками к закону о миграции, может быть отнесено к сфере применения пункта 1 статьи 14: (даже) на административном этапе заявление автора о предоставлении ему статуса беженца подпадало под сферу действия статьи 14. Пересмотр дела о его правах в связи с заявлением о предоставлении статуса беженца в судебном порядке, а также иск, направленный в местные суды в связи с его задержанием, послужили причиной начала "гражданского процесса". В этой связи адвокат утверждает, что с началом слушаний против Управления по делам иммиграции и этническим вопросам с целью пересмотра решения об отказе предоставить автору статус беженца процедура вышла за пределы рассмотрения жалобы по существу и превратилась в гражданский спор о неспособности Управления гарантировать ему справедливую процедуру разбирательства. Инициировав судопроизводство с целью добиться освобождения из-под стражи, автор оспорил конституционность новых положений закона о миграции, в соответствии с которыми он был лишен свободы, и это опять, по словам адвоката, представляет собой гражданско-правовой спор.

Рассмотрение дела по существу

9.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей представленной ему информации, как это предусмотрено пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола к Пакту. Следующие три вопроса должны быть рассмотрены по существу:

а) было ли длительное содержание автора под стражей в ожидании предоставления ему права на обретение статуса беженца "произвольным" в контексте пункта 1 статьи 9;

б) были ли предположительно имевшая место невозможность оспорить законность задержания автора и отсутствие доступа к юридическим консультациям нарушениями пункта 4 статьи 9;

в) подпадает ли производство по делу о его заявлении с просьбой предоставить статус беженца под сферу применения пункта 1 статьи 14, и если попадает, то имело ли место нарушение пункта 1 статьи 14.

9.2 По поводу первого вопроса Комитет напоминает, что понятие "произвольный" не должно отождествляться с понятием "противозаконный", а должно истолковываться в более широком смысле слова, чтобы оно включало в себя такие элементы, как понятия "неуместный" и "несправедливый". Кроме того, возвращение под стражу могло бы считаться произвольным, если бы этого не требовали обстоятельства его дела, например задержание в целях предотвращения побега или воздействия на свидетелей: в этом контексте становится уместным элемент пропорциональности. Однако государство-участник пытается обосновать задержание автора тем обстоятельством, что он незаконно прибыл в Австралию и, если он останется на свободе, у него будут мотивы скрыться от властей. Комитет должен решить вопрос, достаточно ли этих оснований для оправдания содержания под стражей, не имеющего правового определения и продолжительного по сроку.

9.3 Комитет согласен с тем, что в данном случае нет оснований для утверждения автора, будто задержание лиц, обращающихся с просьбой об убежище, является *per se* произвольным актом. Комитет не может также найти оснований в поддержку утверждения, что существует норма обычного международного права, в соответствии с которой все подобного рода случаи задержания квалифицируются как произвольные.

9.4 Комитет, однако, отмечает, что любое решение о содержании лица под стражей должно быть открыто для периодических пересмотров, позволяющих оценить основания, которыми оправдывалось бы задержание. В любом случае содержание под стражей не должно продолжаться дольше срока, который государство может надлежащим образом обосновать. Например, факт нелегального въезда в страну может свидетельствовать о необходимости расследования, могут существовать и другие факторы, такие как вероятность побега или нежелание сотрудничать с властями, что может оправдывать задержание на определенный срок. При отсутствии таких факторов задержание может квалифицироваться как произвольное, даже если имел место незаконный въезд в страну. В данном случае государство-участник не представило каких-либо оснований, относящихся к делу автора, которые оправдывали бы его непрерывное содержание под стражей в течение четырех лет; причем за это время его переводили в различные центры содержания под стражей. Поэтому Комитет приходит к выводу, что содержание автора под стражей в течение четырех лет было произвольным по смыслу пункта 1 статьи 9.

9.5 Комитет отмечает, что автор мог в принципе апеллировать к суду с просьбой дать правовую оценку оснований его задержания до вступления в действие поправок к закону о миграции от 5 мая 1992 года; после этой даты внутренние суды сохранили свои полномочия издавать приказы об освобождении того или иного лица из-под стражи, если они установят, что задержание противоречит австралийскому законодательству. В действительности, однако, контроль со стороны судов и их полномочия отдавать приказ об освобождении лица были ограничены возможностью лишь вынести определение о том, принадлежит ли лицо к категории "обозначенное лицо" в контексте поправок к закону о миграции. Если бы соблюдались установленные для такого определения критерии, у судов

не было полномочий оценивать факт непрерывного содержания лица под стражей и отдавать приказ о его/ее освобождении. По мнению Комитета, оценка судом правомерности содержания под стражей с точки зрения соответствия пункту 4 статьи 9, которая должна включать возможность издания приказа об освобождении из-под стражи, не ограничивается лишь установлением факта соответствия задержания национальному законодательству. В то время как различные национальные правовые системы могут предусматривать разные методы оценки судом постановления об административном задержании, решающим для целей пункта 4 статьи 9 является то обстоятельство, что такая оценка, с учетом ее последствий, является реальной, а не просто формальной. В соответствии с содержащейся в пункте 4 статьи 9 оговоркой о том, что суды должны иметь полномочия отдавать распоряжение об освобождении, "если задержание незаконно", Пакт требует, чтобы суд был правомочен издавать приказ об освобождении, если заключение несовместимо с требованиями пункта 1 статьи 9 или другими положениями этого документа. Этот вывод подкрепляется положениями пункта 5 статьи 9, который со всей очевидностью утверждает право на компенсацию за содержание под стражей, являющееся "незаконным" либо в соответствии с национальным законодательством, либо по смыслу положений Пакта. Поскольку факты, представленные государством-участником по данному делу, свидетельствуют о том, что оценка суда, которой мог воспользоваться А., реально сводилась к формальной констатации очевидного факта, что он действительно является "обозначенным лицом" в значении поправок к закону о миграции, Комитет приходит к заключению, что предусмотренные пунктом 4 статьи 9 права автора на возможность разбирательства обстоятельств его задержания в суде были нарушены.

9.6 Касаясь утверждения автора, что положения пункта 4 статьи 9 предусматривают право на юридическую помощь, для того чтобы имелся доступ к судам, Комитет отмечает на основе имеющихся у него материалов, что автор имел право на юридическую помощь со дня его обращения с просьбой о предоставлении убежища, и получил бы ее, если бы попросил об этом. Действительно, 9 декабря 1989 года автор, ознакомившись с приложением к бланку, который он подписал в тот день, получил информацию о том, что он имеет право на юридическую помощь. Весь текст бланка был зачитан ему на кампучийском, его родном, языке опытным переводчиком. Тот факт, что автор в то время не воспользовался этой возможностью, не может быть поставлен в вину государству-участнику. Впоследствии (по состоянию на сентябрь 1990 года) автор обращался за юридической помощью и всегда получал ее, когда просил об этом. Тот факт, что А. неоднократно переводился из одного центра содержания под стражей в другой и что ему приходилось менять юристов, представлявших его интересы, не может отвлечь внимание от того обстоятельства, что он снова получал доступ к юридическим консультациям; тот факт, что этот доступ был неудобным - по причине удаленности Порт-Хедленда, - не дает оснований, по мнению Комитета, для постановки вопроса в соответствии с пунктом 4 статьи 9.

9.7 Исходя из обстоятельств дела и с учетом приведенных выше постановлений, Комитет не видит необходимости в рассмотрении вопроса о соответствии дела пункту 1 статьи 14 Пакта.

10. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, приходит к выводу, что факты, установленные Комитетом, свидетельствуют о нарушениях Австралией пунктов 1 и 4 статьи 9 и пункта 3 статьи 2 Пакта.

11. В соответствии с пунктом 3 статьи 2 Пакта автор имеет право на эффективное средство правовой защиты, что, по мнению Комитета, должно включать адекватную компенсацию за продолжительность срока содержания под стражей, которому был подвергнут А.

12. Принимая во внимание, что государство-участник, ставшее участником Факультативного протокола, признает компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что, в соответствии со статьей 2 Пакта, государство-участник обязуется обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые Пактом, и предоставлять эффективное и подлежащее принудительному осуществлению средство правовой защиты в случае установления факта нарушения этих прав, Комитет просит государство-участника

представить в течение 90 дней информацию о принятых мерах по практической реализации изложенных им соображений.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое мнение г-на Прафулладранды Н. Бхагвати в соответствии с пунктом 3 правила 94 правил процедуры Комитета в отношении решения Комитета по сообщению № 569/1993, А против Австралии

Я согласен с высказанным Комитетом мнением, кроме и за исключением того, что в связи с пунктом 5 статьи 9 предпочел бы следующую формулировку:

"9.5 Комитет отмечает, что автор в принципе мог апеллировать к суду с просьбой дать оценку оснований его задержания до вступления в действие поправок к закону о миграции от 5 мая 1992 года; после этой даты внутренние суды сохранили свои полномочия представлять правовую оценку задержания, имея в виду перспективу освобождения лица из-под стражи, если они установят, что задержание было незаконным. Однако, согласно поправкам к закону о миграции, полномочия судов оценивать законность задержания и отдавать приказ об освобождении из-под стражи в отношении некоторых категорий лиц, попадающих под определение "обозначенные лица", если задержание признается незаконным, были аннулированы статьей 54R поправок к закону о миграции. Если задержанное лицо являлось "обозначенным лицом", суды не имели полномочий, для того чтобы оценивать продолжающееся содержание такого лица под стражей и отдавать приказ о его/ее освобождении. Единственная форма судебного контроля, которая была доступна в обстоятельствах настоящего дела, сводилась к установлению факта, что данное лицо было "обозначенным лицом", и, если он таковым являлся, суд не мог продолжать процедуру рассмотрения дела о законности его задержания и не мог издать приказ о его/ее освобождении из-под стражи. Автору сообщения, представленного в связи с настоящим делом, который, по общему признанию, считался "обозначенным лицом", согласно статье 54R поправок к закону о миграции было отказано в возможности оспорить законность его продолжающегося заключения и добиваться своего освобождения в соответствии с судебным решением".

Однако от имени государства-участника утверждается, что пункт 4 статьи 9 Пакта требует всего лишь предоставления задержанному лицу права и возможности возбудить в суде дело с целью оценить законность его/ее задержания, причем установление законности должно ограничиваться определением, соответствует ли факт задержания внутреннему законодательству. Единственное разбирательство, на которое задержанное лицо должно было бы иметь право, согласно положениям пункта 4 статьи 9, состояло бы в обращении в суд с просьбой установить, соответствовало ли задержание внутреннему законодательству, каким бы это законодательство ни было. Но в этом случае было бы слишком узким толкование формулировок пункта 4 статьи 9, которыми предусматривается обеспечение права человека. И было бы неправильным соглашаться с таким толкованием, которое сузит представление о праве человека. Толкование пункта 4 должно быть полнообъемным и расширительным. Предлагаемая государством-участником трактовка даст ему возможность принимать внутреннее законодательство, практически игнорируя право, предусмотренное пунктом 4 статьи 9, и тем самым лишая его смысла. В этом случае государство могло бы принять внутренний закон, разрешающий задержание определенной категории лиц, и лицо, попадающее под такую категорию, действительно лишилось бы его/ее права, предусмотренного пунктом 4 статьи 9. Поэтому я предложил бы широкое толкование слова "законный", которое включало бы в себя предмет и цель Пакта, и, по моему мнению, пункт 4 статьи 9 требует, чтобы у суда были полномочия освободить из-под стражи, "если содержание незаконно", то есть если задержание было произвольным или не отвечающим требованиям пункта 1 статьи 9 или других положений Пакта. Нет никаких сомнений в том, что составители проекта Пакта действительно использовали слово "незаконный" наряду со словом "произвольный" в тексте статьи 17, тогда как в формулировках пункта 4 статьи 9 слово "произвольный" отсутствует. Однако, само собой разумеется - если задержание произвольно, то

оно незаконно, иными словами, противоречит закону. Более того, слово "законность", которое требует толкования в пункте 4 статьи 9, используется в тексте Пакта и поэтому должно толковаться в контексте положений Пакта и во взаимосвязи с предметом и целью Пакта. Такое заключение к тому же подкрепляется пунктом 5 статьи 9, который предусматривает предоставление компенсации за задержание потому, что оно было "незаконным", либо согласно положениям внутреннего законодательства, либо по смыслу Пакта или же потому, что оно было произвольным. Поскольку в данном случае автор в силу действия статьи 54R поправок к закону о миграции был полностью лишен возможности опротестовать "законность" своего задержания и принять меры к освобождению из-под стражи, его право, предусмотренное пунктом 4 статьи 9, было нарушено.

Сообщение No. 563/1993

Представлено: Федерико Андреу (представляющим семью г-жи Нидии Эрики Баутиста де Ареллана)

Предполагаемая жертва: Нидия Эрика Баутиста де Ареллана

Государство-участник: Колумбия

Объявлено приемлемым: 11 октября 1994 года (пятьдесят вторая сессия)

Дата принятия сообщений: 27 октября 1995 года (пятьдесят пятая сессия)

Предмет сообщения: Похищение, содержание под стражей без связи с внешним миром и последующее исчезновение жертвы - Ответственность государства-участника за исчезновение

Вопросы процедуры: Исчерпание внутренних средств правовой защиты

Вопросы существа: Принудительное исчезновение и право на жизнь - Произвольный арест - Пытки - Справедливое судебное разбирательство – Обязанность преследовать за преступление в форме принудительного исчезновения

Статьи Пакта: 2 (3), 6 (1), 7, 9, 10 и 14 (3) (с)

Статьи Факультативного протокола и правила процедуры: 4, пункт 2; 5, пункт 2 (а) и (б), и правило 93 (3)

Заключение: Нарушение [ст. ст. 6, пункт 1; 7; 9, пункт 1]

1. Автором сообщения является Федерико Андреу, колумбийский адвокат, проживающий в Брюсселе. Он представляет родственников и семью Нидии Эрики Баутиста де Ареллана, гражданки Колумбии, которая пропала без вести 30 августа 1987 года и тело которой было обнаружено позднее. Утверждается, что она является жертвой нарушений Колумбией пункта 3 статьи 2, пункта 1 статьи 6 и статей 7 и 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Факты в изложении автора

2.1 25 августа 1986 года Нидия Эрика Баутиста де Ареллана, член Движения 19 апреля ("М-19"), была задержана в Кали, Колумбия, военным подразделением третьей бригады. Ее содержали под стражей инкоммуникадо в течение трех недель и, как утверждается, в течение этого периода подвергали пыткам. После подписания заявления о том, что во время содержания под стражей с ней хорошо обращались, она была освобождена. Упоминаются другие случаи насильственных исчезновений активистов Движения М-19, которые имели место как до, так и после ареста Нидии Баутиста.

2.2 30 августа 1987 года Нидия Баутиста была похищена из дома, в котором она проживала со своей семьей в Боготе. Согласно показаниям свидетелей, ее затащили в джип марки "Сузуки" восемь мужчин, которые были вооружены, но одеты в гражданскую одежду. Один из свидетелей запомнил номер джипа.

2.3 Похищение г-жи Баутиста было сразу же доведено до сведения местных властей Ассоциацией солидарности с политическими заключенными. 3 сентября 1987 года ее отец представил официальную жалобу в отдел Генеральной прокуратуры, занимающийся вопросами прав человека (*Procuraduria Delegada para los Derechos Humanos*). Совместно с начальником указанного отдела отец Нидии наводил справки о ее местонахождении в различных полицейских и военных подразделениях, а также в разведслужбе, однако это не привело ни к каким результатам. 14 сентября 1987 года должностное лицо Генеральной прокуратуры, назначенное для расследования данного дела, рекомендовало направить полученную в ходе расследования информацию компетентному судье.

2.4 25 сентября 1987 года дело было передано в суд № 53. Предварительное слушание состоялось в ноябре 1987 года. 10 февраля 1988 года следственный судья прекратил судопроизводство и передал дело на рассмотрение технической службы судебной полиции (*Cuerpo Técnico de la Policía Judicial*).

2.5 Тем временем, 12 сентября 1987 года в городе Гуаябетал, Кундинамарка, Колумбия, было обнаружено тело женщины. В свидетельстве о смерти, составленном перед захоронением найденного тела на кладбище в Гуаябетале, говорилось о 35-летней женщине, "которая была одета в белое платье с голубым рисунком и имела белую сумочку". В нем также указывалось, что "у нее были завязаны глаза и связаны руки; ее лицо было изуродовано". Согласно результатам вскрытия, скончавшаяся была убита выстрелом в голову. Никаких других мер для опознания тела принято не было. 14 сентября 1987 года мэр Гуаябетала передал свидетельство о смерти местному следственному судье, который приступил к расследованию данного дела 8 октября 1987 года.

2.6 22 декабря 1987 года следственный судья Гуаябетала передал данное дело в районный отдел технической службы судебной полиции. 30 июня 1988 года начальник отделения предварительных расследований в составе этой службы издал распоряжение о заслушании всех потенциальных свидетелей. 8 июля 1988 года он поручил начальнику районной полиции принять необходимые меры с целью выяснения обстоятельств случившегося и обнаружения преступников. Проведение расследования было поручено двум полицейским. 17 августа 1988 года эти два полицейских сообщили в отделение предварительных расследований о том, что они "не смогли обнаружить убийц или установить мотив преступления, поскольку место, в котором было обнаружено тело, способствовало сокрытию следов совершения такого преступления...". Они также не смогли установить личность жертвы, поскольку в сентябре 1987 года не были сняты отпечатки пальцев, и пришли к выводу о том, что преступники и жертва являлись выходцами из другого района, т.е. Боготы или Виллавивенсио. После этого рассмотрение данного дела было приостановлено.

2.7 В начале 1990 года семье Нидии Баутиста стало известно о том, что в Гуаябетале была захоронена неопознанная женщина, чьи установленные приметы соответствовали приметам Нидии. После значительного давления со стороны семьи отдел особых расследований Генеральной прокуратуры 16 мая 1990 года издал распоряжение об эксгумации тела, которая была произведена 26 июля 1990 года. Сестра Нидии опознала кусочки ткани, сумочку и сережку, и 11 сентября 1990 года в подробном докладе, подготовленном экспертами судебной медицины, было подтверждено, что найденные останки являются останками Нидии Баутиста.

2.8 22 февраля 1991 года сержант 20-й бригады подразделения военной разведки и контрразведки Бернардо Альфонсо Гарсон Гарсон дал показания перед начальником отдела особых расследований о том, что Нидия Баутиста была похищена сотрудниками 20-й бригады, которые действовали с согласия или по приказу самого старшего начальника некоего (бывшего) полковника Альваро Веландии Уртадо. Он также сообщил о том, что джип, в котором была похищена Нидия Баутиста, вел сержант Ортега Араке, и добавил, что в течение двух дней ее держали на ферме, после чего доставили в Кебрадабланку, где она была убита.

2.9 Отец Нидии Баутиста представил ходатайство о возбуждении дисциплинарного производства против лиц, считающихся несущими ответственность за исчезновение его дочери. В течение последующего года семье ничего не было известно о том, действительно ли отдел особых расследований или отдел по правам человека возбудил уголовное или дисциплинарное производство

по данному делу. Адвокат семьи направил многочисленные письма министру обороны и Генеральному прокурору с просьбой представить информацию о результатах расследований, если таковые имеются, а также о том, на какой стадии находится рассмотрение данного дела судами. 29 января 1992 года прокурор в отделе по правам человека информировал его о том, что это дело было возвращено в компетентную прокуратуру с целью завершения по нему расследования. 3 февраля 1992 года Генеральный секретарь министерства обороны сообщил о том, что военные суды не проводят расследования по данному делу.

2.10 Адвокат заявил, что в то время, когда Нидия была похищена, ее семья не могла представить ходатайство об ампаро, поскольку в соответствии с одним из требований представления такого ходатайства проситель должен указать, в каком месте и каким органом задерживается соответствующее лицо. Семья жертвы также не имела возможности выступать в ходе разбирательства в качестве гражданской стороны, поскольку следственные судьи, которым было поручено данное дело, передали его технической службе судебной полиции, где оно находилось на рассмотрении.

2.11 Адвокат утверждает, что колумбийские власти проявили крайнюю халатность в связи с рассмотрением дела Нидии Баутиста. Он отмечает, что они ни разу не обеспечили надлежащего расследования событий и что координация между различными органами, занимавшимися данным делом, являлась плохой или отсутствовала вообще. Так, после отстранения от должности начальника отдела особых расследований рассмотрение дела было прекращено, несмотря на свидетельские показания г-на Гарсона Гарсона. На протяжении нескольких лет семья Нидии Баутиста зависела от неправительственных организаций в получении информации о каких-либо мерах, принятых с целью судебного преследования преступников. В этой связи отмечается, что в феврале 1992 года одна неправительственная организация получила информацию о том, что рассмотрение данного дела было возобновлено, что были возбуждены дисциплинарные и уголовные иски против полковника Веландии Уртадо и что было также начато расследование с целью выяснения предполагаемой причастности других лиц.

2.12 И наконец, адвокат отмечает, что семье Нидии Баутиста и ему самому угрожали физической расправой и подвергали запугиванию, поскольку они настаивали на продолжении рассмотрения данного дела.

Жалоба

3. Утверждается, что указанные выше факты свидетельствуют о нарушениях Колумбией пункта 3 статьи 2, пункта 1 статьи 6 и статей 7 и 14 Пакта.

Информация и замечания государства-участника по вопросу о приемлемости

4.1 Государство-участник утверждает, что его власти делали и продолжают делать все возможное для предания правосудию лиц, которые считаются несущими ответственность за исчезновение и смерть Нидии Баутиста. Оно добавляет, что в данном деле имеющиеся внутренние средства правовой защиты исчерпаны не были.

4.2 Состояние дисциплинарного производства по данному делу представляется следующим образом:

- Дисциплинарное производство было сначала возбуждено отделом особых преследований Генеральной прокуратуры (*Procuraduria General*). Этот отдел назначил следователя судебной полиции (*Policia Judicial*). После того как результаты расследования оказались неубедительными, дело было передано в обычные суды.
- В 1990 году отдел особых расследований вновь приступил к рассмотрению данного дела после обнаружения тела жертвы. 22 февраля 1991 года этот отдел заслушал свидетельские показания г-на Гарсона Гарсона, служившего в то время в колумбийской национальной армии. Согласно

утверждению государства-участника, его показания так и не удалось подтвердить. Государство-участник отмечает, что в настоящее время местонахождение г-на Гарсона Гарсона неизвестно..

- После этого заявления отдел особых расследований направил три сообщения сестре Нидии Баутиста, на которые не было представлено никакого ответа.
- Вследствие отсутствия доказательств указанный отдел прекратил расследование данного дела, однако, тем не менее, передал досье национальному уполномоченному по правам человека (*Delegado para los Derechos Humanos*). Этот орган рассмотрел возможность возбуждения дисциплинарных исков против г-на Веландии Уртадо и сержанта Ортеги Араке, оба из которых, согласно показаниям г-на Гарсона Гарсона, были непосредственно причастны к рассматриваемым событиям.

4.3 Государство-участник представляет следующее резюме так называемых административных процедур в связи с данным делом: 24 июля 1992 года семья Баутиста представила административную жалобу против министерства обороны, обратившись с ходатайством в Административный трибунал Кундинамарки о выплате компенсации. Это дело было зарегистрировано под № 92D-8064 в соответствии со статьей 86 Кодекса административной процедуры (*Código Contencioso Administrativo*). 18 августа 1992 года указанная жалоба была признана приемлемой, и министерство представило устные ответы на предъявленные обвинения 3 ноября 1992 года. 27 ноября 1992 года Административный трибунал издал распоряжение о сборе дополнительных доказательств; согласно государству-участнику, сбор доказательств по-прежнему продолжается, хотя после издания распоряжения прошло свыше 18 месяцев.

4.4 Государство-участник утверждает, что будут приняты меры с целью предотвращения практики насильственных исчезновений. В частности, оно отмечает, что в настоящее время оно рассматривает вопрос о введении законодательства, предусматривающего наказание этого преступления в соответствии с Уголовным кодексом Колумбии.

Решение Комитета о приемлемости

5.1 Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости данного сообщения на своей пятьдесят второй сессии. В отношении исчерпания имеющихся внутренних средств правовой защиты он отметил, что сразу же после исчезновения г-жи Баутиста ее отец представил жалобу в отдел по правам человека Генеральной прокуратуры. Восстанавливая хронологию событий после обнаружения тела жертвы и деятельность различных судебных органов, связанных с рассмотрением данного дела, Комитет отметил, что по прошествии свыше семи лет после исчезновения жертвы не было возбуждено уголовного судопроизводства, а также не были обнаружены, арестованы или преданы правосудию лица, несущие ответственность за исчезновение г-жи Баутиста. Комитет счел эту задержку в ходе судебного разбирательства "неоправданной" по смыслу пункта 2b статьи 5 Факультативного протокола.

5.2 Комитет выразил мнение о том, что претензии автора по статьям 6, 7 и 14 Пакта являются достаточно обоснованными для целей приемлемости, и отметил, что представленные факты, как представляется, также затрагивают вопросы по статьям 9 и 10.

5.3 11 октября 1994 года Комитет признал сообщение приемлемым в той мере, в которой оно затрагивает вопросы по пункту 1 статьи 6, статьям 7, 9 и 10 и пункту 3с статьи 14 Пакта.

Информация и замечания государства-участника по существу и замечания по ним адвоката

6.1 В своем первоначальном представлении в соответствии с пунктом 2 статьи 4 Факультативного протокола, датированном 30 мая 1995 года, государство-участник отмечает, что рассмотрение данного дела еще не завершено, и просит Комитет принять этот факт во внимание при принятии любого окончательного решения.

6.2 Что касается дисциплинарного производства, то государство-участник отмечает, что дело, возбужденное против Веландии Уртадо и Ортеги Араке, находится на рассмотрении уполномоченного по правам человека под № 008-147452. Официальная процедура была возбуждена 3 марта 1994 года. Согласно информации, представленной уполномоченным, по состоянию на 17 апреля 1995 года рассмотрение данного дела все еще продолжалось.

6.3 Что касается уголовного судопроизводства, то государство-участник отмечает, что прокуратура Какесы (Кундинамарка) (*Unidad de Fiscalías de Caqueza*) рассматривал данное дело под руководством прокурора Мирлама Айда Саха Уртадо. Официальное уголовное расследование было начато лишь на основании решения от 17 марта 1995 года (*Resolución de Apertura de la Instrucción*), принятого прокурором района Кундинамарки (*Fiscal Seccional 2ª de la Unidad Delegada ante los Jueces del Circuito de Caqueza (Cundinamarca)*), который счел, что в досье по делу содержится достаточно доказательств для предъявления обвинений Веландии Уртадо и другим лицам. Однако на основании решения от 5 апреля 1995 года указанное досье, состоящее из 12 папок, было передано объединенному секретариату управления районных прокуроров в Боготе (*Sacretaria Común de la Dirección Regional de Fiscalías de Santafé de Bogotá*), которое было сочтено компетентным рассматривать данный вопрос.

6.4 И наконец, касаясь административных процедур, возбужденных семьей Нидии Баутиста против министерства обороны, государство-участник отмечает, что Административный трибунал Кундинамарки завершает рассмотрение этих жалоб. После принятия 27 февраля и 4 апреля 1995 года двух решений, касающихся процедуры ("*... se decretaron pruebas de oficio mediante autos del 27 de febrero y 4 de abril de 1995*"), рассматриваемое дело было подготовлено для принятия по нему судебного решения.

6.5 В последующем представлении, датированном 14 июля 1995 года, государство-участник препровождает копии решения уполномоченного по правам человека, принятого 5 июля 1995 года, а также решения Административного трибунала Кундинамарки от 22 июня 1995 года.

6.6 Основные положения решения уполномоченного по правам человека (озаглавленного "*Resolución 13 de Julio 5 de 1995 mediante la cual se falla el proceso disciplinario 008-147452*"), в котором также перечисляются факты и процедуры за период с 3 марта 1994 года по весну 1995 года, являются следующими:

- Уполномоченный отклоняет аргументацию полковника (в настоящее время бригадного генерала) Веландии Уртадо о том, что возбужденный против него дисциплинарный иск подпадает под применимый закон об исковой давности и что уполномоченный по правам человека не был компетентен рассматривать данное дело. Аналогичная аргументация, высказанная сержантом Ортегой Араке, также отклоняется.
- Уполномоченный характеризует явление насильственных исчезновений в целом как нарушение самых основополагающих прав, закрепленных в международных договорах по правам человека, таких, как право на жизнь и право на свободу и физическую неприкосновенность, рассматриваемых в качестве составной части *jus cogens* и/или международного обычного права.
- На основе представленных ему доказательств уполномоченный расценивает похищение и последующее содержание под стражей Нидии Баутиста как незаконные ("*la captura de Nydia E. Bautista fue abiertamente ilegal por cuanto no existia orden de captura en su contra y no fue sorprendida en flagrancia cometiendo delito alguno*").
- Ответственность за исчезновение должна быть возложена на государственных должностных лиц, которые никого не информировали о задержании жертвы и ее местонахождении, несмотря на расследование, проводившееся военными властями с целью установления местонахождения г-жи Баутиста: "Похищение жертвы не было доведено до сведения каких-либо властей, а также не было зафиксировано ни в каком регистре" ("*... sobre su retención no se informó a ninguna autoridad y tampoco apareció registrada in ningún libro*").

- Уполномоченный расценивает в качестве внушающих доверие и исключаящих разумные сомнения доказательства, касающиеся насильственной смерти Нидии Баутиста после того, как она была подвергнута жестокому обращению, в частности на основании доклада, подготовленного отделом особых расследований (*Oficina de Investigaciones Especiales*) после эксгумации останков жертвы.
- Несмотря на возражения, представленные Веландией Уртадо и Ортегой Араки против свидетельских показаний Бернардо Гарсона Гарсона, уполномоченный рассматривает показания, представленные г-ном Гарсоном Гарсоном 22 февраля 1991 года, как внушающие полное доверие.
- Уполномоченный отклоняет в качестве необоснованного утверждение подсудимых о том, что дисциплинарное производство не отвечало всем надлежащим процессуальным требованиям. В частности, она отклоняет аргументацию г-на Веландии Уртадо о том, что его не следует привлекать к ответственности, поскольку он не отдавал приказа, преследующего цель исчезновения и смерти жертвы.

Напротив, уполномоченный делает вывод о том, что, являясь начальником разведки и контрразведки своего военного подразделения, г-н Веландия Уртадо "был обязан, а также располагал полномочиями и возможностью предотвратить совершение этого преступления против человечности" (... *"tenia el deber, y poder y la oportunidad de evitar que se produjera este crimen contra la humanidad"*).

- Уполномоченный заключает, что, поскольку г-н Веландия Уртадо не предотвратил исчезновение и убийство Нидии Баутиста, он нарушил ее права в соответствии со статьями 2, 5, 11, 12, 16, 28, 29 и 30 Конституции Колумбии, статьями 3, 4, 6, 7 и 17 Американской конвенции о правах человека и статьями 6, 9, 14 и 16 Международного пакта о гражданских и политических правах. Своими действиями г-н Веландия Уртадо также нарушил свои обязанности как военнослужащего, равно как и положения пункта a раздела В статьи 65 и пункта a раздела F статьи 65 Устава о воинской дисциплине в вооруженных силах (*Reglamento Disciplinario para las Fuerzas Armadas*).
- Аналогичные выводы касаются ответственности сержанта Ортеги Араке. В частности, уполномоченный отклоняет аргументацию г-на Ортеги о том, что он лишь исполнял приказы вышестоящего начальника, поскольку повиновение "не может быть слепым" (*"la obediencia no puede ser ciega"*).

6.7 Поскольку уполномоченный не обнаружила никаких смягчающих обстоятельств в связи с действиями Веландии Уртадо и Ортеги Араке, она ходатайствовала об их суммарном увольнении из вооруженных сил. Это решение было препровождено министру вооруженных сил.

6.8 Основные положения, содержащиеся в решении Административного трибунала Кундинамарки от 22 июня 1995 года, могут быть резюмированы следующим образом:

- Трибунал считает жалобу, представленную семьей Нидии Баутиста, приемлемой по форме. Он отклоняет аргумент министерства обороны о том, что предъявленные обвинения подпадают под применимый закон об исковой давности (пять лет), поскольку данное дело касается не только исчезновения жертвы, но и пыток и смерти; в отношении последнего аспекта конкретные доказательства могли иметься лишь после эксгумации тела в июле 1990 года.
- Трибунал считает установленным тот факт, что Нидия Баутиста была похищена 30 августа 1987 года и что впоследствии она была подвергнута пыткам и убита. Он заключает, что имеющиеся в его распоряжении доказательства со всей очевидностью подтверждают ответственность вооруженных сил за события, приведшие к смерти жертвы. В этой связи делается ссылка на процедуру, используемую уполномоченным по правам человека.

- Как и уполномоченный по правам человека, трибунал считает вполне внушающими доверие показания, представленные г-ном Гарсоном Гарсоном 22 февраля 1991 года, которые по всем основным моментам подтверждают утверждения, представленные семьей Нидии Баутиста с августа 1987 года; это касается, например, марки и номерных знаков джипа, в котором Нидия Баутиста была похищена. Трибунал отмечает тот факт, что г-н Гарсон Гарсон обратился с просьбой об обеспечении ему самому и его семье защиты со стороны полиции после дачи им свидетельских показаний.
- Трибунал делает вывод о том, что власти государства-участника, имеющие отношение к незаконному исчезновению и смерти жертвы, в полной мере несут за это ответственность. Поэтому он присуждает компенсацию в размере 1000 г золота обоим родителям, мужу и сыну Нидии Баутиста и компенсацию в размере 500 г золота ее сестре. Министерству обороны также предписывается выплатить компенсацию на общую сумму в 1 575 888,20 песо вместе с процентами и коррективом на инфляцию сыну Нидии Баутиста за причиненный ему моральный ущерб.

6.9 Посредством записки от 2 октября 1995 года государство-участник препровождает копию президентского указа № 1504 от 11 сентября 1995 года, в котором говорится, что с этой даты г-н Веландия Уртадо уволен со службы в вооруженных силах. В пояснительном коммюнике для прессы отмечается, что г-н Веландия Уртадо имеет возможность оспорить этот указ или принять такие другие меры, которые он сочтет необходимыми, перед компетентным административным трибуналом.

7.1 В своих первоначальных замечаниях адвокат отмечает, что г-н Веландия Уртадо пытался оспорить компетенцию уполномоченного по правам человека, занимавшейся рассмотрением данного дела, д-ра Валенси Вилла, в марте 1995 года и что он пытался выдвинуть против нее уголовные обвинения, предположительно за диффамацию. На основе недавних сообщений о новых случаях запугивания сестры Нидии Баутиста сотрудниками службы военной разведки адвокат выражает обеспокоенность в отношении физической неприкосновенности уполномоченного по правам человека.

7.2 В последующих замечаниях, датированных 27 июля 1995 года, адвокат отмечает, что усилия, направленные на уведомление лично Веландии Уртадо или Ортеги Араке о резолюции № 13 от 5 июля 1995 года, до сих пор оказывались безрезультатными, поскольку ни они сами, ни их адвокаты не ответили на предписание, изданное министерством обороны. Учитывая это положение, бюро уполномоченного по правам человека направило уведомление заказным письмом, ходатайствуя перед министерством обороны обеспечить соблюдение законодательства и положений резолюции № 13. Г-н Веландия Уртадо, в свою очередь, представил ходатайство о защите его конституционных прав (*acción de tutela*) в Административный трибунал Кундинамарки на том основании, что в связи с его делом не были соблюдены надлежащие процессуальные гарантии. Адвокат добавляет, что семья Нидии Баутиста, и в частности ее сестра, продолжают подвергаться актам запугивания и преследованию. В этой связи он отмечает, что первый адвокат семьи, д-р А. де Хесус Педраса Бесерра, исчез в Боготе 4 июля 1990 года и что это исчезновение было осуждено Межамериканской комиссией по правам человека, занимавшейся рассмотрением данного дела.

7.3 Адвокат подтверждает получение судебного решения Административного трибунала Кундинамарки от 22 июня 1995 года и отмечает, что это решение вместе с резолюцией № 13, принятой уполномоченным по правам человека, представляет собой неопровержимое доказательство ответственности государственных должностных лиц за исчезновение и последующую смерть Нидии Баутисты.

7.4 Что касается состояния уголовного судопроизводства, то адвокат отмечает, что это дело по-прежнему находится на рассмотрении управления районных прокуроров в Боготе (*Dirección Regional de Fiscalías de Santafé de Bogotá*), где оно было поручено одному из недавно созданных отделов по правам человека в управлении главного прокурора. Согласно информации адвоката, эти отделы по правам человека до сих пор не функционируют: так, когда семья Нидии Баутиста попыталась

получить информацию о состоянии уголовного судопроизводства, она узнала, что здание, в котором должны находиться отделы по правам человека, все еще пустует. Адвокат далее отмечает, что в соответствии со статьей 324 Уголовно-процессуального кодекса Колумбии предварительные расследования должны начинаться после установления личности лиц, которые, как предполагается, несут ответственность за совершение уголовного преступления, а официальное расследование, следующее за предъявлением обвинения, - в течение двух месяцев. Поскольку в рассматриваемом случае личность лиц, несущих ответственность за исчезновение и смерть Нидии Баутиста, была установлена, исходя из самых поздних сроков, после представления свидетельских показаний г-ном Гарсоном Гарсоном 22 февраля 1991 года, адвокат делает вывод о том, что положения статьи 324 соблюдены не были.

7.5 В связи с последним аспектом адвокат вновь обращает внимание на то, что, по его мнению, свидетельствует о недопустимой халатности и задержках в ходе уголовного расследования. По меньшей мере один раз, 30 июня 1992 года, следственный судья 94 (*Juzgado 94 de Instrucción Criminal*) издал распоряжение о прекращении расследования, несмотря на показания г-на Гарсона Гарсона. Судья обосновал свое решение положениями Закона 23 1991 года (*Ley de Decongestión de Despachos Judiciales*), в котором статья 118 предусматривает прекращение предварительных расследований в тех случаях, когда личность подозреваемого не была установлена в течение более двух лет. Адвокат отмечает, что на практике это решение является необоснованным, учитывая показания г-на Гарсона Гарсона. Он приходит к выводу о том, что с той даты, когда суд по рассмотрению уголовных дел № 53 (*Juzgado 53 de Instrucción Criminal*) начал предварительное уголовное расследование (*Indagación Preliminar* № 280) 5 ноября 1987 года, прошло почти восемь лет. За почти восьмилетний период распоряжение об увольнении Веландии Уртадо и Ортеги Араке представляет собой первую реальную санкцию, которая до сих пор еще не была осуществлена.

7.6 В письме от 29 августа 1995 года автор жалуется на то, что правительство государства-участника продолжает затягивать выполнение распоряжения об увольнении г-на Веландии Уртадо. Последний представил апелляцию против решения уполномоченного по правам человека об уведомлении его о решении, принятого 5 июля 1995 года, путем направления заказного письма (*Acción de tutela*, см. пункт 7.2 выше). 2 августа 1995 года Административный трибунал Кундинамарки принял решение в его пользу, руководствуясь тем соображением, что способ уведомления, избранный бюро национального уполномоченного по правам человека, является незаконным. Он предписал бюро уполномоченного уведомить лично Веландию Уртадо о резолюции № 13.

7.7 Адвокат утверждает, что после принятия Административным трибуналом этого решения резолюция № 13 от 5 июля 1995 года не может быть осуществлена. Поскольку останки Нидии Баутиста были обнаружены 26 июля 1990 года и в соответствии с положениями применимой дисциплинарной процедуры срок исковой давности, составляющий пять лет, начинает отсчитываться со дня "окончательного акта, представляющего собой преступление" ("*último acto constitutivo de la falta*" - Закон № 24 1975 года, статья 12), в настоящее время существует вероятность того, что данное дело будет прекращено по причине давности преступлений, приписываемых г-м Веландии Уртадо и Ортеге Араке.

7.8 Адвокат далее указывает на то, что власти не только не распорядились об увольнении г-на Веландии Уртадо из вооруженных сил, но и присвоили ему звание бригадного генерала, а в течение первой недели августа 1995 года наградили его орденом "За воинскую доблесть" имени Хосе Марии Кордовы. Это награждение было осуществлено на основании указа, подписанного президентом Республики. По мнению адвоката, оно идет вразрез с решениями судебных органов Колумбии и представляет собой признание прошлой деятельности г-на Веландии Уртадо. В целом оно может лишь свидетельствовать о том, что органы исполнительной власти Колумбии готовы проявлять терпимое отношение и оставлять безнаказанными даже серьезные нарушения прав человека. Сообщается, что эта позиция была подтверждена так называемым *Defensor del Pueblo* (народным защитником) в его втором докладе конгрессу Колумбии, в котором он критикует тот факт, что в Колумбии лица, совершающие нарушения прав человека, могут рассчитывать на полную безнаказанность.

7.9 И наконец, адвокат ссылается на инцидент, имевший место 31 августа 1995 года, который, как утверждается, подтверждает тот факт, что ничего не делается и не будет сделано для предания правосудию лиц, несущих ответственность за смерть Нидии Баутиста. В этот день семья г-жи Баутиста и члены Ассоциации родственников пропавших без вести лиц собрались в одном из популярных ресторанов в Боготе по случаю восьмой годовщины со дня исчезновения Нидии. Вскоре после их прибытия в ресторан вошел человек в гражданской одежде и сел за стол недалеко от них. Все присутствующие узнали в нем бригадного генерала Веландию Уртадо, который продолжал наблюдать за собравшимися в течение всей встречи. Присутствие в этом месте и в этот день г-на Веландии Уртадо, который командует бригадой третьей армии в Кали, рассматривается в качестве еще одного свидетельства запугивания, которому подвергается семья Нидии Баутисты.

Рассмотрение дела по существу

8.1 Комитет по правам человека рассмотрел данное дело на основе материалов, представленных ему сторонами, в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

8.2 В своем представлении от 14 июля 1995 года государство-участник отмечает, что на основании резолюции 13 от 5 июля 1995 года были приняты дисциплинарные санкции против г-д Веландии Уртадо и Ортеги Араке и что Административный трибунал Кундинамарки в решении от 22 июня 1995 года удовлетворил ходатайство о компенсации, представленное семьей Нидии Баутиста. Государство-участник также вновь заявляет о своем стремлении полностью гарантировать осуществление прав человека и основных свобод. Эти замечания, казалось бы, свидетельствуют о том, что, по мнению государства-участника, вышеупомянутые решения представляют собой эффективное средство правовой защиты для семьи Нидии Баутиста. Комитет не разделяет этого мнения, поскольку чисто дисциплинарные и административные меры не могут рассматриваться в качестве адекватных и эффективных средств правовой защиты по смыслу пункта 3 статьи 2 Пакта в случае особо серьезных нарушений прав человека, в частности в случае предполагаемого нарушения права на жизнь.

8.3 В связи с предполагаемым нарушением пункта 1 статьи 6 Пакта Комитет ссылается на свое общее замечание № 6 (16) по статье 6, в котором говорится, в частности, что государства-участники обязаны принимать конкретные и эффективные меры с целью предотвращения случаев исчезновения лиц и обеспечивать эффективные возможности и процедуры для тщательного расследования соответствующим беспристрастным органом случаев, связанных с пропажей без вести и исчезновением лиц при обстоятельствах, которые могут быть связаны с нарушением права на жизнь. В рассматриваемом случае Комитет отмечает, что резолюция № 13 уполномоченного по правам человека от 5 июля 1995 года и решение Административного трибунала Кундинамарки от 22 июня 1995 года со всей очевидностью свидетельствуют об ответственности государственных должностных лиц за исчезновение и последующую смерть Нидии Баутиста. Соответственно Комитет делает вывод о том, что при этих обстоятельствах государство-участник несет прямую ответственность за исчезновение и последующее убийство Нидии Э. Баутиста де Ареллана.

8.4 Что касается утверждения в соответствии со статьей 7 Пакта, то Комитет принял к сведению выводы, содержащиеся в резолюции № 13 от 5 июля 1995 года и решении Административного трибунала Кундинамарки от 22 июня 1995 года о том, что г-жа Нидия Баутиста была подвергнута пыткам до того, как ее убили. Учитывая выводы, содержащиеся в этих решениях, и обстоятельства похищения г-жи Баутиста, Комитет приходит к заключению о том, что после исчезновения Нидия Баутиста подвергалась пыткам в нарушение статьи 7.

8.5 Автор представил утверждение о нарушении статьи 9 Пакта. Оба вышеупомянутых решения содержат вывод о том, что похищение и последующее содержание под стражей Нидии Баутиста являлись "незаконными" (см. пункты 6.6 и 6.8 выше), поскольку не издавалось никакого ордера на арест и против нее не было выдвинуто никаких официальных обвинений. Следовательно, имело место нарушение пункта 1 статьи 9.

8.6 И наконец, автор утверждает, что имело место нарушение пункта 3с статьи 14 Пакта вследствие неоправданных задержек в ходе уголовного судопроизводства, возбужденного против лиц, несущих ответственность за смерть Нидии Баутиста. Как Комитет уже неоднократно отмечал, Пакт не предусматривает за отдельными лицами права представлять требования о том, чтобы государство осуществляло уголовное преследование против других лиц¹. Тем не менее Комитет считает, что государство-участник обязано тщательно расследовать предполагаемые нарушения прав человека, и в частности насильственные исчезновения лиц и нарушения права на жизнь, и обеспечивать уголовное преследование, осуждение и наказание лиц, несущих ответственность за совершение таких нарушений. Эта обязанность применима прежде всего к тем случаям, в которых личность тех, кто совершил такие нарушения, была установлена.

9. Комитет по правам человека, действуя во исполнение пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении государством-участником пункта 1 статьи 6, статьи 7 и пункта 1 статьи 9 Пакта.

10. В соответствии с пунктом 3 статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить семье Нидии Баутиста соответствующее средство правовой защиты, которое должно включать в себя возмещение ущерба и соответствующую защиту членов семьи Нидии Баутисты от преследования. В этой связи Комитет выражает удовлетворение в отношении содержания резолюции № 13, принятой уполномоченным по правам человека 5 июля 1995 года, и решения Административного трибунала Кундинамарки от 22 июня 1995 года, определяющего размер компенсации, которая являлась бы соответствующей в рассматриваемом случае. Кроме того, хотя Комитет с равным удовлетворением принимает к сведению принятие президентского указа № 1504 от 11 сентября 1995 года, он настоятельно призывает государство-участник ускорить уголовное судопроизводство, ведущее к безотлагательному судебному преследованию и осуждению лиц, несущих ответственность за похищение, пытки и смерть Нидии Баутиста. Государство-участник также обязано обеспечить, чтобы подобные случаи не имели места в будущем.

11. Учитывая тот факт, что, став участником Факультативного протокола, государство-участник признало компетенцию Комитета принимать решения по вопросу о том, имели ли место нарушения Пакта или нет, и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечивать всем лицам, находящимся на его территории и подпадающим под его юрисдикцию, признаваемые в Пакте права и предоставлять эффективные средства правовой защиты, обладающие исковой силой, в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о мерах, принятых с целью осуществления рекомендаций, содержащихся в соображениях Комитета.

¹ См. решения по делам № 213/1968 (*H.C.M.A. v. the Netherlands*), решение от 30 марта 1989 года, пункт 11.6; № 275/1988 (*S.E. v. Argentina*), решение от 26 марта 1990 года, пункт 5.5; и №№ 343-345/1988 (*R.A.V.N. et al. v. Argentina*), решение от 26 марта 1990 года, пункт 5.5.

Сообщение No. 574/1994

Представлено: Гын-Дэ Ким [представлен адвокатом]

Предполагаемая жертва: Автор

Государство-участник: Республика Корея

Объявлено приемлемым: 14 марта 1996 года (пятьдесят шестая сессия)

Дата принятия сообщений: 3 ноября 1998 года (шестьдесят четвертая сессия)

Предмет сообщения: Соответствие положениям Пакта национальных законов о государственной безопасности

Вопросы процедуры: Приемлемость *ratione temporis* - Длительное действие нарушения Пакта-
Обоснование жалобы - Исчерпание внутренних средств правовой защиты

Вопросы существа: Свобода выражения - Допустимые ограничения права на свободу выражения

Статьи Пакта: 2 (3) и 19

Статьи Факультативного протокола и правила процедуры: 4, пункт 2, и правило 93 (3)

Заключение: Нарушение [ст. 19]

1. Автор сообщения является г-н Гын-Дэ Ким, гражданин Кореи, проживающий в Добонг-Ку, Сеул, Республика Корея. Он утверждает, что является жертвой нарушения Республикой Корея пункта 2 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах. Он представлен адвокатом.

Факты в изложении автора

2.1 Автор является членом-основателем Национальной коалиции в поддержку демократического движения (Чунминрюм; далее именуемой НКДД). Он является руководителем Комитета политического планирования и Председателем Исполнительного комитета этой организации. Вместе с другими членами НКДД он участвовал в подготовке документов, критикующих правительство Республики Корея и его зарубежных союзников, и выступал за национальное воссоединение. На заседании, посвященном основанию НКДД, 21 января 1989 года эти документы были распространены среди присутствующих и зачитаны перед аудиторией, насчитывающей приблизительно 4 тыс. человек; после закрытия заседания автор сообщения был арестован.

2.2 24 августа 1990 года единоличный судья Окружного уголовного суда Сеула признал автора сообщения виновным в правонарушении на основании пунктов 1 и 5 статьи 7 Закона о национальной безопасности, Закона о собраниях и демонстрациях и Закона о наказании за насильственные действия и приговорил его к трем годам тюремного заключения и одному году лишения избирательного права. 11 января 1991 года Апелляционная комиссия того же суда отклонила апелляционную жалобу г-на Кима, однако сократила срок его тюремного заключения до двух лет. 26 апреля 1991 года Верховный суд отклонил поданную в эту инстанцию апелляцию. Утверждается, что, поскольку 2 апреля 1990 года Конституционный суд вынес решение о том, что пункты 1 и 5 статьи 7 Закона о национальной безопасности не противоречат Конституции, автор исчерпал все имеющиеся внутренние средства правовой защиты.

2.3 Настоящая жалоба касается исключительно наказания автора сообщения на основании пунктов 1 и 5 статьи 7 Закона о национальной безопасности. В пункте 1 предусматривается, что "любое лицо, которое содействует антигосударственной организации, пропагандируя или поддерживая деятельность этой организации, подлежит наказанию". Пункт 5 предусматривает, что "любое лицо, которое выпускает или распространяет документы, рисунки или любые иные материалы, отвечающие интересам антигосударственной организации, подлежит наказанию". 2 апреля 1990 года Конституционный суд постановил, что эти положения не противоречат Конституции, так как они применяются [только] в тех случаях, когда под угрозой оказывается безопасность государства или когда инкриминируемая деятельность подрывает демократические основы общества.

2.4 Автор сообщения представил перевод на английский язык соответствующих выдержек из постановлений судов, согласно которым суд первой инстанции пришел к заключению, что Северная Корея является антигосударственной организацией, преследующей цель насильственного изменения существующего строя в Южной Корее. По мнению суда, автор сообщения, зная об этих целях, напечатал материалы, которые отражали точку зрения Северной Кореи, и поэтому суд вынес постановление о том, что автор сообщения выпустил и распространил печатные материалы с целью поддержки и пропаганды интересов антигосударственной организации.

2.5 Автор сообщения обжаловал судебное решение от 24 августа 1990 года на основании следующего:

- хотя в выпущенных и распространенных им документах содержатся идеи, сходные с теми, которые отстаивает режим Северной Кореи, судья неправильно истолковал факты, так как общий смысл указанных документов состоял в "достижении воссоединения на основе принципов независимости и демократии". Следовательно, нельзя утверждать, что автор сообщения восхвалял или поощрял деятельность Северной Кореи или что содержание документов напрямую служит интересам северокорейского режима;
- запрещенные действия и идеи, перечисленные в пунктах 1 и 5 статьи 7 Закона о национальной безопасности, определяются настолько широко и нечетко, что эти положения нарушают принцип законности, точнее, пункт 1 статьи 21 Конституции, в котором предусматривается, что свободы и права граждан могут быть ограничены законом только в том случае, если это абсолютно необходимо для поддержания национальной безопасности, правопорядка или общественного благосостояния и что такие ограничения не должны противоречить важнейшим аспектам основных прав; и
- в свете решений Конституционного суда применение этих положений должно быть приостановлено в отношении деятельности, которая не представляет прямой угрозы национальной безопасности или существованию демократического порядка. Поскольку инкриминируемые материалы были выпущены и распространены не с целью восхваления Северной Кореи и не содержат никакой информации, которая могла бы, безусловно, поставить под угрозу само существование или безопасность Республики Корея или ее демократическое устройство, автор сообщения не подлежит наказанию.

2.6 Апелляционный суд оставил приговор в силе, поскольку можно считать доказанным, что в подготовленных автором сообщения печатных материалах, которые тот зачитал перед большой аудиторией, утверждалось, что Республика Корея находится под влиянием иностранных держав, правительство характеризовалось как военная диктатура и содержались другие заявления, аналогичные пропагандистским заявлениям Северной Кореи. По мнению суда, в данных материалах тем самым выражалась поддержка политики Северной Кореи, и поэтому у суда первой инстанции имелись достаточные основания признать, что автор сообщения поддерживал антигосударственную организацию и отстаивал ее интересы.

2.7 26 апреля 1991 года Верховный суд постановил, что соответствующие положения Закона о национальной безопасности не противоречат Конституции, поскольку они применяются в отношении деятельности, которая ставит под угрозу само существование страны и национальную безопасность или основы либерального, демократического устройства. Таким образом, в соответствии с пунктом 1 статьи 7 "деятельность, которая поддерживает... и защищает интересы" антигосударственной организации означает, что данный запрет применяется в том случае, если такая деятельность объективно могла бы отвечать интересам этой организации. Запрет применим в случае, если здравомыслящий человек с нормальным уровнем умственного развития, признает, что рассматриваемая деятельность могла бы служить интересам антигосударственной организации, или если имеет место добровольное признание того, что она могла бы отвечать указанным интересам. По мнению Верховного суда, это означает, что соответствующему лицу не обязательно иметь намерение или мотивацию того, чтобы данная деятельность "отвечала интересам" антигосударственной организации. Суд, далее, утверждает, что автор сообщения и его коллеги выпустили материалы, которые в целом могут быть объективно расценены как поддерживающие пропагандистские заявления Северной Кореи, и что автор сообщения, который обладает нормальными умственными способностями и здравым смыслом, зачитал их и поддержал их, объективно признав тем самым, что его деятельность могла бы отвечать интересам Северной Кореи.

2.8 10 мая 1991 года Национальное собрание приняло ряд поправок к Закону о национальной безопасности; положения пунктов 1 и 5 статьи 7 были дополнены словами "зная, что это поставит под угрозу национальную безопасность или существование страны или свободное и демократическое устройство".

Жалоба

3.1 Адвокат утверждает, что, хотя пункт 1 статьи 21 Конституции Республики Корея предусматривает, что "все граждане пользуются свободой слова, печати, собраний и ассоциации", статья 7 Закона о национальной безопасности часто применялась для ограничения свободы мысли, совести и выражения своих убеждений в речах или публикациях, деяниях, объединениях и т. д. В соответствии с этим положением любое лицо, которое поддерживает или положительно относится к социализму, коммунизму или политической системе Северной Кореи, подлежит наказанию. Далее утверждается, что имеются многочисленные случаи, когда это положение применялось для наказания лиц, критикующих проводимую правительством политику, поскольку их критические замечания оказывались сходными с теми, которые режим Северной Кореи выдвигал в адрес Южной Кореи. По мнению адвоката, дело автора сообщения является типичным случаем такого неправильного применения Закона о национальной безопасности в нарушение пункта 2 статьи 19 Пакта.

3.2 Далее утверждается, что приводимые судами основания для вынесения решения служат убедительным примером манипулирования Законом о национальной безопасности для ограничения права на свободное выражение своих убеждений, исходя из следующих соображений, противоречащих статье 19 Пакта. Во-первых, суды сочли, что автор сообщения высказывал мнения, критикующие политику, проводимую правительством Республики Корея; во-вторых, Северная Корея критиковала правительство Южной Кореи за то, что оно искажает южнокорейскую действительность; в-третьих, Северная Корея характеризуется как антигосударственная организация, которая была образована с целью свержения правительства Южной Кореи (статья 2 Закона о национальной безопасности); в-четвертых, автор сообщения написал и опубликовал материалы, содержащие критические высказывания, аналогичные тем, которые высказываются Северной Кореей в адрес Южной Кореи; в-пятых, автор сообщения, вероятно, знал об этих критических высказываниях; и наконец, действия автора сообщения были, вероятно, предприняты в интересах Северной Кореи и поэтому могут быть приравнены к восхвалению и поощрению режима этой страны.

3.3 Адвокат ссылается на замечания Комитета по правам человека, которые были утверждены после рассмотрения первоначального доклада Республики Корея в соответствии со статьей 40 Пакта. В данном случае Комитет отметил:

"Главным поводом для [его] беспокойства является продолжающееся действие Закона о национальной безопасности. Хотя та обстановка, которая сложилась в Республике Корея, оказывает влияние на общественный порядок в стране, это влияние не следует переоценивать. Комитет считает, что обычных законов и конкретных положений уголовного законодательства должно быть достаточно для того, чтобы бороться с преступлениями против национальной безопасности. Кроме того, некоторые положения Закона о национальной безопасности сформулированы в несколько расплывчатой форме, допускающей их широкое толкование, в результате чего они могут предусматривать наказания за деяния, которые могут и не представлять реальной угрозы для государственной безопасности [...] Комитет рекомендует государству-участнику активизировать свои усилия, с тем чтобы в большей степени привести свое законодательство в соответствие с положениями Пакта. С этой целью необходимо предпринять решительные усилия и поэтапно прекратить действие Закона о национальной безопасности, который, по мнению Комитета, является одним из главных препятствий на пути полного осуществления закрепленных в Пакте прав, и до его полной отмены не ущемлять некоторые основные права" [...].

3.4 В заключение говорится, что, хотя события, в связи с которыми автор сообщения был осужден и приговорен к тюремному заключению, произошли до вступления Пакта в силу для Республики Корея 10 июля 1990 года, суды выносили свои решения по данному делу после наступления этой даты и поэтому должны были при рассмотрении дела руководствоваться пунктом 2 статьи 19 Пакта.

Информация и замечания государства-участника по вопросу о приемлемости и комментарии автора

4.1 В своем заявлении, представленном в соответствии с правилом 91 правил процедуры Комитета, государство-участник утверждает, что, поскольку в основе сообщения лежат события, которые произошли до вступления Пакта в силу для Республики Корея, жалоба является неприемлемой *ratione temporis* как основывающаяся на этих событиях.

4.2 Государство-участник признает, что автор сообщения был обвинен в нарушении Закона о национальной безопасности в период с января 1989 по май 1990 года. Вместе с тем оно заявляет, что в жалобе не упоминается, что г-н Ким был также признан виновным в организации незаконных демонстраций и неоднократном подстрекательстве к насилию в период с января 1989 по май 1990 года. В ходе этих демонстраций, по сообщению государства-участника, демонстранты "забросали полицейские участки и другие государственные учреждения тысячами бутылок с зажигательной смесью и камнями. Они также подожгли 13 автомашин и ранили 134 полицейских". Все эти события имели место до 10 июля 1990 года - даты вступления Пакта в силу для государства-участника, тем самым они выходят за рамки компетенции Комитета *ratione temporis*.

4.3 Что касается событий, происшедших после 10 июля 1990 года, то вопрос заключается в том, были ли г-ну Киму гарантированы все права, обеспечиваемые в соответствии с Пактом. Государство-участник утверждает, что все права г-на Кима в соответствии с Пактом, в частности его права в соответствии со статьей 14, соблюдались с даты его ареста (13 мая 1990 года) до момента его освобождения (12 августа 1992 года).

4.4 В отношении якобы имевшего место нарушения пункта 2 статьи 19 Пакта государство-участник утверждает, что автор сообщения не смог четко обосновать свою жалобу и что он исходил из предположения о том, что некоторые положения Закона о национальной безопасности противоречат Пакту и что обвинения, предъявляемые на основе этих положений Закона о национальной безопасности, противоречат пункту 2 статьи 19. Государство-участник заявляет, что такая жалоба выходит за рамки компетенции Комитета; оно утверждает, что в соответствии с Пактом

и Факультативным протоколом Комитет не может рассматривать (абстрактно) соответствие Пакту того или иного закона или положений законодательства государства-участника. Ссылка делается на соображения Комитета по правам человека относительно сообщения № 55/1979¹, которое, как утверждается, подкрепляет эти выводы государства-участника.

4.5 Учитывая вышесказанное, государство-участник просит Комитет объявить сообщение неприемлемым *ratione temporis* в силу того, что в нем идет речь о событиях, происшедших до 10 июля 1990 года, и что автор сообщения не смог обосновать факт нарушения его прав в соответствии с Пактом в связи с событиями, которые произошли после этой даты.

5.1 В своих комментариях автор сообщения отмечает, что в его деле речь идет не о событиях (т.е. до 10 июля 1990 года), которые привели к нарушению его прав, а о последующих судебных разбирательствах, на основании которых суды вынесли обвинительный приговор. Таким образом, он был наказан после вступления Пакта в силу для Республики Корея за нарушение Закона о национальной безопасности. Он отмечает, что его деятельность представляла собой всего лишь мирное выражение его собственных убеждений и мыслей, как об этом говорится в пункте 2 статьи 19 Пакта, и государство-участник обязано было защищать мирное осуществление этого права. В этом контексте органы государственной власти, и в частности суды, были обязаны применить соответствующие положения Пакта в их общепринятом значении. В данном случае суды не учли пункт 2 статьи 19 Пакта, когда они допрашивали и выносили приговор автору сообщения. Короче говоря, наказание автора сообщения за осуществление права на свободное выражение своего мнения после вступления Пакта в силу для Республики Корея повлекло нарушение его права в соответствии с пунктом 2 статьи 19.

5.2 Адвокат отмечает, что так называемые незаконные демонстрации и акты насилия, на которые ссылалось государство-участник, не имеют к данному случаю никакого отношения; вопрос, поднятый им в Комитете, не касается обстоятельств, при которых он был наказан за организацию демонстраций. Это не означает, добавляет адвокат, что обвинение его клиента на основании Закона о демонстрациях и собраниях было разумно и надлежащим образом доказано: по сообщениям, арест лидеров оппозиции в Республике Корея за организацию любой демонстрации на территории страны на основании доктрины о так называемой "подразумеваемой заговорщической деятельности" является обычным явлением.

5.3 Автор сообщения вновь заявляет, что он не поднимал вопроса о соответствии Пакту Закона о национальной безопасности. Однако он считает, что, как признал Комитет в своих заключительных комментариях по первоначальному докладу государства-участника, вышеуказанный Закон служит серьезным препятствием для полного осуществления закрепленных в Пакте прав. Вместе с тем он подчеркивает, что его сообщение касается "исключительно того, что он был наказан за мирное осуществление права на свободное выражение своего мнения в нарушение пункта 2 статьи 19 Пакта".

Решение Комитета о приемлемости

6.1 На своей пятьдесят шестой сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости данного сообщения.

6.2 Комитет принял во внимание довод государства-участника о том, что, поскольку данное дело основано на событиях, которые произошли до вступления Пакта и Факультативного протокола в силу для Республики Корея, оно должно рассматриваться как неприемлемое *ratione temporis*. В данном деле Комитет не должен ссылаться на свою предыдущую практику, когда последствия нарушения, продолжавшегося после вступления Пакта в силу для государства-участника, могли сами по себе представлять нарушение Пакта, так как нарушение, которое, по словам автора сообщения, якобы имело место, заключалось в признании его виновным на основании Закона о национальной

¹ Дело № 55/1979 (*Александр МакИсаак против Канады*), соображения приняты 14 октября 1982 года, пункты 10-12.

безопасности. Поскольку приговор был вынесен после вступления Пакта в силу 10 июля 1990 года (24 августа 1990 года - вынесение приговора, 11 января 1991 года - отклонение апелляции и 26 апреля 1991 года - постановление Верховного суда), Комитету ничто не мешает *ratione temporis* рассматривать данное сообщение.

6.3 Государство-участник утверждало, что права автора сообщения во время судебного разбирательства полностью защищались и что он оспаривает в целом соответствие Пакту Закона о национальной безопасности. Комитет не разделяет этой точки зрения. Автор сообщения утверждал, что он был признан виновным на основании пунктов 1 и 5 статьи 7 Закона о национальной безопасности всего лишь за осуществление своего права на свободное выражение собственных убеждений. Он далее утверждал, что не было предъявлено никаких конкретных доказательств, которые подтверждали бы его намерение поставить под угрозу государственную безопасность или нанесение государству конкретного ущерба. Эти утверждения не означают абстрактного оспаривания соответствия Закона о национальной безопасности Пакту, однако говорят о том, что автор сообщения стал жертвой нарушения государством-участником его права на свободное выражение своего мнения в соответствии со статьей 19 Пакта. Этот довод был достаточно обоснован для того, чтобы потребовать от государства-участника ответа по существу дела.

6.4 Исходя из представленных ему материалов, Комитет пришел к выводу, что автор сообщения исчерпал все имеющиеся внутренние средства правовой защиты по смыслу пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола; в этой связи он отметил, что государство-участник не возражало против приемлемости данного дела на этом основании.

7. В связи с этим 14 марта 1996 года Комитет по правам человека постановил, что сообщение является приемлемым, поскольку оно, как представляется, касается вопросов, на которые распространяется действие статьи 19 Пакта.

Замечания государства-участника по существу и комментарии адвоката

8.1 В своем заявлении от 21 февраля 1997 года государство-участник поясняет, что его Конституция гарантирует гражданам страны основные права и свободы, включая право на свободу совести, свободу слова и печати и свободу собраний и ассоциации. Эти права и свободы могут ограничиваться законом только по соображениям национальной безопасности, поддержания правопорядка и общественного благосостояния. Конституция далее предусматривает, что даже в случае применения такого ограничения ни один существенный аспект свободы или права не нарушается.

8.2 Государство-участник заявляет, что оно использует Закон о национальной безопасности в качестве минимального правового средства защиты своей демократической системы в условиях постоянной угрозы ее безопасности, исходящей от Северной Кореи. Данный Закон содержит ряд положений, которые частично ограничивают права и свободы в интересах защиты национальной безопасности в соответствии с Конституцией страны. Статья 1 Закона о национальной безопасности гласит: "Цель настоящего Закона состоит в борьбе с антигосударственной деятельностью, которая угрожает национальной безопасности, для обеспечения безопасности государства, а также самого его существования и свободы его граждан". Пункт 1 статьи 7 гласит: "Любое лицо, которое восхваляет, поощряет или поддерживает деятельность антигосударственной организации или ее членов, или лицо, которое получает указания от такой организации или действует в интересах антигосударственной организации иными средствами, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок до семи лет". Пункт 5 статьи 7 гласит: "Любое лицо, которое с целью совершения действий, предусмотренных в вышеуказанных пунктах, печатает, импортирует, размножает, хранит, транспортирует, распространяет, продает или приобретает документы, рисунки или иные подобные средства выражения своих убеждений, подлежит такому же наказанию, как это предусмотрено в каждом из данных пунктов".

8.3 Государство-участник полагает, что автор сообщения преступил границы права на свободное выражение. В этой связи государство-участник ссылается на доводы апелляционной комиссии сеульского окружного уголовного суда, изложенные в ее решении от 11 января 1991 года, относительно наличия достаточных доказательств, позволяющих сделать вывод, что автор сообщения занимался антигосударственной деятельностью в интересах Северной Кореи, что распространявшиеся им материалы и организованные им демонстрации, которые вылились в серьезные нарушения общественного порядка, представляли непосредственную угрозу существованию государства и его свободному, демократическому государственному устройству. В связи с этим государство-участник утверждает, что право на свободное выражение своих взглядов должно не только осуществляться мирным путем, но и преследовать мирные цели. Государство-участник отмечает, что автор сообщения подготовил и распространял материалы, в которых он поддерживал и пропагандировал идеологию Северной Кореи, преследующей цель установления коммунистического режима на всем Корейском полуострове с помощью силы. Кроме того, автор сообщения выступил организатором незаконных демонстраций, вылившихся в массовые столкновения с полицией. Государство-участник утверждает, что эти деяния представляли серьезную угрозу для общественного порядка и безопасности и повлекли за собой многочисленные жертвы.

8.4 В заключение государство-участник заявляет о своей твердой убежденности в том, что Пакт не оправдывает никакие акты насилия или акты, провоцирующие насилие и совершаемые под предлогом осуществления права на свободное выражение своих убеждений.

9.1 В своих комментариях к замечаниям государства-участника адвокат повторяет, что его сообщение касается отнюдь не факта признания автора сообщения виновным на основании Закона о демонстрациях и собраниях и Закону о наказании за насильственные действия. Адвокат утверждает, что признание автора сообщения виновным в соответствии с этими законами не может служить основанием для признания его виновным в соответствии с Законом о национальной безопасности за выражение взглядов, якобы служащих интересам врага. Поэтому адвокат заявляет, что, если такие деяния не ставили под угрозу безопасность страны, автор сообщения не должен был быть наказан в соответствии с Законом о национальной безопасности.

9.2 Адвокат отмечает, что избирательные права автора сообщения были восстановлены государством-участником и что автор сообщения на всеобщих выборах в апреле 1996 года был избран членом Национального собрания. В связи с этим адвокат оспаривает доводы, которые легли в основу признания автора сообщения виновным в якобы имевшей место пропаганде и поддержке идеологии Северной Кореи, нацеленной на насильственное установление коммунистического режима на Корейском полуострове.

9.3 По мнению адвоката, государство-участник, используя Закон о национальной безопасности, попирает демократию под предлогом ее защиты. В связи с этим адвокат заявляет, что суть демократической системы состоит в обеспечении мирного осуществления права на свободное выражение своих убеждений.

9.4 Адвокат заявляет, что государству-участнику не удалось неопровержимо доказать, что, распространяя документы, автор сообщения поставил безопасность страны под угрозу. По словам адвоката, государство-участник не смогло установить какую-либо связь между Северной Кореей и автором сообщения и продемонстрировать, какую угрозу для безопасности его страны представляли деяния автора сообщения. Адвокат заявляет, что автор сообщения не только осуществлял право на свободное выражение своих убеждений мирным путем, но и преследовал при этом мирные цели.

9.5 В заключение адвокат ссылается на продолжающийся процесс демократического развития в Корее и заявляет, что нынешняя демократизация достигнута благодаря жертвам многих людей, включая автора сообщения. Он отмечает, что многие активисты страны, которые на основании Закона о национальной безопасности были обвинены в приверженности коммунистической идеологии, теперь играют видную роль, являясь членами Национального собрания.

10.1 В своем заявлении от 21 февраля 1997 года государство-участник вновь заявляет, что автор сообщения был также признан виновным в организации демонстраций, сопровождавшихся актами насилия, и подчеркивает, что основания для признания его виновным в соответствии с Законом о национальной безопасности заключались в том, что он поддерживал стратегию воссоединения, пропагандируемую Северной Кореей, выступая за объединение в печатных материалах, которые были распространены среди приблизительно 4 000 участников Учредительного съезда, посвященного образованию Национальной коалиции в поддержку демократического движения, и что действия, в частности способствующие реализации северокорейской стратегии, квалифицируются как подрывная антигосударственная деятельность. В связи с этим государство-участник отмечает, что фактически оно находится в состоянии войны с Северной Кореей с 1953 года и что Северная Корея не оставляет попыток дестабилизировать положение в стране. Поэтому государство-участник настаивает на необходимости наличия средств защиты для поддержания демократии и считает Закон о национальной безопасности минимальным средством, необходимым для правовой защиты либерального, демократического строя в этой стране.

10.2 Государство-участник объясняет, что избирательные права автора сообщения были восстановлены, поскольку он не совершал повторного правонарушения в течение определенного периода времени после отбытия им срока тюремного заключения, а также в целях содействия национальному примирению. Государство-участник заявляет, что факт восстановления прав автора сообщения не перечерчивает его прошлой уголовной деятельности.

10.3 Государство-участник согласно с адвокатом в том, что право на свободное выражение своих убеждений является одним из основных элементов свободной демократической системы. Вместе с тем оно подчеркивает, что право на свободное выражение своего мнения, безусловно, не может быть гарантировано людям, которые стремятся подорвать и разрушить сами основы свободной и демократической системы. Государство-участник объясняет, что простое выражение идеологических воззрений или научные исследования в области идеологий не подлежат наказанию по Закону о национальной безопасности, даже если эти идеологии несовместимы с либеральной, демократической системой. Однако действия, совершенные под прикрытием свободы слова и подрывающие основные устои либеральной, демократической системы страны, подлежат наказанию по соображениям национальной безопасности.

10.4 Что касается довода адвоката относительно того, что государству-участнику не удалось доказать существование связи между автором сообщения и Северной Кореей и что его действия представляли серьезную угрозу для национальной безопасности, то государство-участник отмечает, что Северная Корея постоянно предпринимает попытки дестабилизировать положение в стране, призывая к свержению южнокорейского "военно-фашистского режима" и его замене "народно-демократическим правительством", которое обеспечит "воссоединение страны" и "освобождение народа". В документах, которые распространял автор сообщения, утверждалось, что правительство Южной Кореи выступает за сохранение разделения страны и диктаторского режима; что корейский народ в течение последних 50 лет ведет борьбу с влиянием американского и японского неокOLONIALИЗМА, которое направлено на сохранение разделения Корейского полуострова и угнетения корейского народа; что ядерное оружие должно быть вывезено, а американские солдаты выведены из Южной Кореи, поскольку их присутствие представляет большую угрозу для существования страны и ее народа; и что следует положить конец совместным военным учениям Южной Кореи и США.

10.5 Государство-участник заявляет, что оно выступает за мирное воссоединение, а не за сохранение разделения страны, как утверждает автор сообщения. Далее государство-участник касается вопроса о субъективизме автора сообщения в отношении присутствия вооруженных сил США и американского и японского влияния. Оно отмечает, что присутствие американских вооруженных сил является эффективным сдерживающим фактором, препятствующим Северной Корее установить на полуострове коммунистический режим с помощью военной силы.

10.6 По словам государства-участника, совершенно очевидно, что доводы автора сообщения созвучны с доводами Северной Кореи и что тем самым его деятельность отвечает интересам Северной Кореи, следуя ее стратегии и тактике. Государство-участник согласно с тем, что демократия подразумевает наличие различных точек зрения, однако считает необходимым ограничивать некоторые действия, которые могут причинить ущерб основам правопорядка, необходимого для существования страны. Государство-участник считает незаконным подготовку и распространение печатных материалов, восхваляющих и поддерживающих северокорейскую идеологию и в конечном счете способствующих достижению ее стратегической цели разрушения свободной и демократической системы Республики Корея. Оно убеждено в том, что такие действия направлены на достижение этих преступных целей и не могут истолковываться как мирные.

11. В своем письме от 1 июня 1998 года адвокат от имени автора сообщения информирует Комитет о том, что у него больше не имеется комментариев.

Вопросы и процедуры в Комитете

12.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, предоставленной ему сторонами, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

12.2 Комитет отмечает, что в соответствии со статьей 19 Пакта любые ограничения права на свободное выражение своих убеждений должны в совокупности отвечать следующим условиям: они должны предусматриваться законодательством, должны служить одной из целей, изложенных в пункте 3 а) и б) статьи 19 (уважение прав и репутации других лиц; охрана национальной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения), и должны быть необходимы для достижения законной цели.

12.3 Ограничения права автора сообщения на свободное выражение своего мнения действительно предусматривались законом, в частности Законом о национальной безопасности в том виде, в каком он тогда действовал; из решений судов хорошо видно, что автор сообщения в данном случае также вероятно был бы признан виновным, даже если бы его судили на основании Закона с поправками, внесенными в 1991 году, хотя в данном случае речь идет не об этом. Единственный вопрос, который следует рассмотреть Комитету, состоит в том, является ли ограничение права на свободу выражения своих убеждений, примененное в отношении автора сообщения, необходимым в соответствии с одной из целей, изложенных в пункте 3 статьи 19. Необходимость внимательного рассмотрения Комитетом обусловлена довольно общими и расплывчатыми формулировками, в которых данное правонарушение подводится под действие Закона о национальной безопасности.

12.4 Комитет отмечает, что автор сообщения был признан виновным в оглашении и распространении печатных материалов, которые были расценены как сходные с программными заявлениями КНДР (Северной Кореи), с которой государство-участник формально находится в состоянии войны. Автор был признан судами виновным на основании заключения о том, что он сделал это с намерением поддержать деятельность КНДР. Верховный суд вынес решение, что просто осведомленность о том, что это действие могло служить интересам Северной Кореи, является достаточным основанием для установления факта вины. Даже принимая данный аспект во внимание, Комитету следует решить, имеет ли политическая речь автора сообщения и факт распространения им политических документов характер, предусматривающий введение ограничения, допускаемого пунктом 3 статьи 19, а именно для защиты национальной безопасности. Совершенно ясно, что политика Северной Кореи хороша известна на территории государства-участника, и не понятно, каким образом (неопределенная) "выгода", которую КНДР могла бы извлечь из опубликования взглядов, сходных с ее собственными, создает угрозу для национальной безопасности, и не ясно, каковы характер и степень такой угрозы. Нет никаких указаний на то, что суды любой инстанции поднимали или рассматривали эти вопросы или решали, оказало ли содержание этой речи или документов какое-либо дополнительное воздействие на аудиторию или читателей в плане создания угрозы для общественной безопасности, защита которой оправдывала бы необходимость применения ограничения в соответствии с положениями Пакта.

12.5 Поэтому Комитет считает, что государство-участник не смогло конкретно определить характер угрозы, якобы созданной в связи с осуществлением автором сообщения права на свободу выражения своего мнения, и что государству-участнику не удалось представить конкретное обоснование того, почему помимо наказания автора сообщения за нарушения Закона о собраниях и демонстрациях и Закона о наказании за насильственные действия (к которым жалоба автора сообщения не относится) под предлогом соображений национальной безопасности автора сообщения потребовалось наказывать за осуществление им своего права на свободное выражение собственных убеждений. Поэтому Комитет считает, что ограничение права автора сообщения на свободное выражение своих убеждений несовместимо с положениями пункта 3 статьи 19 Пакта.

13. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные на его рассмотрение факты свидетельствуют о нарушении статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах.

14. В соответствии с подпунктом а) пункта 3 статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору сообщения эффективное средство правовой защиты.

15. Став государством - участником Факультативного протокола, Республика Корея признала компетенцию Комитета выносить решения по вопросу о том, имели ли место нарушения Пакта. Согласно статье 2 Пакта государство-участник обязуется обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в настоящем Пакте, и обеспечивать эффективные и применимые средства правовой защиты, если факт нарушения был установлен. Комитет желает в течение 90 дней получить от государства-участника информацию о мерах, принятых по осуществлению соображений Комитета. Государству-участнику предлагается также опубликовать соображения Комитета.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое мнение Нисуке Андо в соответствии с пунктом 3 правила 94 правил процедуры Комитета в отношении решения Комитета по сообщению № 574/1994, Гын-Дэ Ким против Республики Корея

В данном случае я не могу согласиться с мнением Комитета о том, что "ограничение права автора сообщения на свободное выражение своих убеждений несовместимо с положениями пункта 3 статьи 19 Пакта". (пункт 12.5)

По мнению Комитета, "нет никаких указаний на то, что суды ... решали, оказало ли содержание этой речи [автора сообщения] или документов [распространенных им] какое-либо дополнительное воздействие на аудиторию или читателей в плане создания угрозы для общественной безопасности" (пункт 12.4) и что "государству-участнику не удалось представить конкретное обоснование того, почему, помимо наказания автора сообщения за нарушения Закона о собраниях и демонстрациях и Закона о наказании за насильственные действия, (к которым жалоба автора сообщения не относится) под предлогом соображений национальной безопасности автора сообщения потребовалось наказывать за осуществление им своего права на свободное выражение собственных убеждений". (пункт 12.5)

Вместе с тем, как отмечало государство-участник, автор сообщения был признан виновным в организации незаконных демонстраций и неоднократном подстрекательстве к насилию в период с января 1989 по май 1990 года. В ходе этих демонстраций, по сообщению государства-участника, демонстранты "забросали полицейские участки и другие государственные учреждения тысячами бутылок с зажигательной смесью и камнями. Они также подожгли 13 автомашин и ранили 134 полицейских"Е. [пункт 4.2] В этой связи Комитет "отмечает, что автор сообщения был признан виновным в оглашении и распространении печатных материалов ... сходных с программными заявлениями КНДР (Северной Кореи), с которой государство-участник формально находится в состоянии войны. (пункт 12.4. См. также объяснения государства-участника в пунктах 10.4 и 10.5)

Адвокат автора сообщения утверждает, что "его сообщение касается отнюдь не факта признания автора сообщения виновным на основании Закона о демонстрациях и собраниях и Закона о наказании за насильственные действия" и что "признание автора сообщения виновным в соответствии с этими законами не может служить основанием для признания его виновным в соответствии с Законом о национальной безопасности за выражение взглядов, якобы служащих интересам врага". (пункт 9.1)

Тем не менее оглашение и распространение автором сообщения указанных печатных материалов, вмененное ему в вину на основании этих законов, являлись теми самыми деяниями, которые были вменены ему в вину на основании Закона о национальной безопасности и которые привели к нарушению общественного порядка, как это указывало государство-участник. По сути дела, адвокату не удалось оспорить тот факт, что оглашение и распространение автором сообщения указанных печатных материалов привело к нарушению общественного порядка, которое могло быть квалифицировано государством-участником как угроза национальной безопасности.

Я разделяю обеспокоенность адвоката тем, что формулировки некоторых положений Закона о национальной безопасности являются чересчур общими, что ведет к их неправильному применению и толкованию. Вместе с тем, к сожалению, фактом остается то, что в 50-е годы Северная Корея напала на Южную Корею и на Корейском полуострове разрядка напряженности, наблюдающаяся в отношениях Востока и Запада, еще не наступила. В любом случае у Комитета нет никакой информации, для того чтобы доказать, что вышеуказанные деяния автора сообщения не повлекли за собой нарушение общественного порядка, и, согласно пункту 3 статьи 19 Пакта, защита "общественного порядка", а также защита "государственной безопасности" служит законным основанием для ограничения осуществления права на свободное выражение своих убеждений.

Сообщение No. 577/1994

Представлено: Роза Эспиноза де Полай

Предполагаемая жертва: Виктор Альфредо Полай Кампос

Государство-участник: Перу

Объявлено приемлемым 15 марта 1996 года (пятьдесят шестая сессия)

Дата принятия сообщений: 6 ноября 1997 года (шестьдесят первая сессия)

Предмет сообщения: Судебное разбирательство и условия содержания под стражей осужденного руководителя террористической группы

Вопросы процедуры: Жалоба, находящаяся на рассмотрении другого международного органа

Вопросы существа: рассмотрение дел "анонимным судом" и нарушение процессуальных гарантий - Бесчеловечное и унижающее достоинство обращение и условия содержания под стражей

Статьи Пакта: 2 (1), 7, 10 (1), 14 (1) (2) и (3) (b) и (d)

Статьи Факультативного протокола и правила процедуры: 2 и 5, пункт 2 (a)

Заключение: Нарушение [ст. ст. 7, 10, пункт 1, 14, пункты 1, 2 и 3 (b) и (d)]

1. Автором сообщения является Роза Эспиноза де Полай, гражданка Перу, в настоящее время проживающая в городе Нант, Франция. Она представляет сообщение от имени ее супруга Виктора Альфреда Полай Кампоса, гражданина Перу, в настоящее время находящегося в заключении в тюрьме усиленного режима на военно-морской базе Каллао в городе Лима, Перу. Она утверждает, что он является жертвой нарушения Перу пункта 1 статьи 2, статей 7, 10, 14 и 16 Международного пакта о гражданских и политических правах.

2.1 Супруг автора сообщения является руководителем "Революционного движения Тупак Амару" (*Movimiento Revolucionario Túpac Amaru*). 9 июня 1992 года он был арестован в городе Лиме. 22 июля 1992 года он был переведен в тюрьму Мигеля Кастро-Кастро в Янамайю, вблизи города Пуно, расположенного на высоте 4000 метров. Утверждается, что условия содержания в этой тюрьме являются бесчеловечными. Автор утверждает также, что в течение девяти месяцев ее супруг находился в одиночном заключении в течение 23,5 часа в день в камере без электричества и воды, размером два на два метра. Ему запрещено писать или общаться с кем-либо, и ему разрешено покидать камеру лишь один раз в день на 30 минут. Автор далее утверждает, что температура в камере составляет от 0 до минус 5 градусов и что он практически лишен еды.

2.2 3 апреля 1993 года Виктор Альфредо Полай Кампос был осужден в тюрьме Янамайя так называемым "трибуналом анонимных судей", учрежденным в соответствии со специальным законодательством по борьбе с терроризмом. Такой орган состоит из судей, которым разрешено скрывать свои лица, с тем чтобы гарантировать их анонимность и с тем чтобы они могли избежать преследования со стороны активных членов террористических групп. Г-н Полай Кампос был признан виновным и приговорен к пожизненному тюремному заключению. Утверждается, что его возможности получить юридическое представительство или подготовить свою защиту были серьезно ограничены. Хотя автор не указывает преступление (преступления), в совершении которых ее супруг был признан виновным, из дела следует, что он был признан виновным в совершении актов терроризма при отягчающих обстоятельствах.

2.3 26 апреля 1993 года он был переведен в тюрьму на военно-морской базе Каллао вблизи Лимы. В этой связи автор прислала газетную вырезку, в которой Виктор Полай Кампос показан в наручниках в закрытой клетке. Автор утверждает, что во время переезда из Янамайя в Каллао ее супруга избивали и пытали электрическим током.

2.4 Автор далее утверждает, что ее супруг содержится в подземной камере, куда солнечный свет попадает лишь 10 минут в день через небольшое отверстие в потолке. В течение первого года его содержания в тюрьме ему не были разрешены встречи с друзьями или родными и ему не было разрешено отправлять или получать корреспонденцию. Разрешение посетить его получила делегация Международного комитета Красного Креста.

2.5 Что касается требования об исчерпаниии внутренних средств правовой защиты, то автор утверждает, что адвокат ее супруга обжаловал осуждение и приговор, но апелляционная палата трибунала подтвердила решение, принятое судом первой инстанции. Автор далее утверждает, что адвокат д-р Эдуардо Диас Каналес сам был заключен в тюрьму в июне 1993 года исключительно за то, что представлял интересы ее супруга, и что с тех пор "все было парализовано". 3 июня 1994 года мать г-на Полай Кампоса обратилась в Конституционный суд с *recurso de amparo* (запросом о применении института хабеас корпус) от его имени в связи с грубым с ним обращением. По словам автора, этот иск был отклонен в неуказанную дату.

2.6 3 августа 1993 года Конституционное собрание Перу восстановило применение смертной казни за акты терроризма. Автор опасается, что это новое положение будет иметь обратную силу по отношению к ее супругу и что поэтому он может быть приговорен к смертной казни.

2.7 Автор не сообщает о том, было ли это же дело передано на рассмотрение другого органа международного расследования и урегулирования. Комитет, однако, выяснил, что другое дело, касающееся супруга автора, было представлено в Межамериканскую комиссию по правам человека, где оно зарегистрировано как дело № 11.048, но в настоящее время не рассматривается.

Жалоба

3. Автор утверждает, что вышеописанная ситуация свидетельствует о том, что ее супруг является жертвой нарушений Перу пункта 1 статьи 2 и статей 7, 10, 14 и 16 Пакта.

Информация и замечания государства-участника и комментарии адвоката

4.1 В сообщении от 1 февраля 1995 года государство-участник просило Комитет прекратить рассмотрение сообщения, отмечая, что автор был осужден в соответствии с законодательством, касающимся актов терроризма, при полном уважении его прав человека. Оно добавляло, что тюремные власти обращаются с автором надлежащим образом, о чем свидетельствуют периодические посещения делегатов Международного комитета Красного Креста.

4.2 Государство-участник далее утверждает в вербальной ноте от 1 февраля 1995 года, касаясь предположительно грубого обращения с супругом автора, что место его содержания посещали представители Красного Креста и что 20 декабря 1994 года его посетили окружной прокурор и зарегистрированный в суде врач. Они не нашли каких-либо следов грубого обращения с г-ном Полай Кампосом, а состояние напряженности и эмоционального стресса, в котором он находился, было описано как обычные симптомы, присущие состоянию любого заключенного.

4.3 В дополнительном сообщении от 21 марта 1995 года государство-участник заявило, что автор не представил каких-либо новых аргументов и не оспаривает сообщения государства-участника. Однако государство-участник конкретно не затрагивал и не отклонял обвинения автора о грубом обращении или пытках, применяемых к ее супругу.

5. Автор прокомментировала это сообщение, однако не представила новых доказательств.

Решение Комитета о приемлемости

6.1 В течение своей пятьдесят шестой сессии в марте 1996 года Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения. Он отметил, что дело г-на Полай Кампоса было передано в Межамериканскую комиссию по правам человека, где оно зарегистрировано как дело № 11.048 в августе 1992 года, но что Комиссия сообщила об отсутствии у нее каких-либо планов подготовить доклад по этому делу в ближайшие 12 месяцев. В данных обстоятельствах Комитет не считает, что это может каким-либо образом помешать ему рассмотреть сообщение на основании пункта 2(a) статьи 5 Факультативного протокола¹.

6.2 В том что касается жалобы на пытки и грубое обращение с г-ном Полай Кампосом в нарушение статей 7 и 10, Комитет считал, что представленные факты, по всей видимости, затрагивают вопросы, регулируемые Пактом, в частности статьями 7 и 10.

6.3 В том что касается жалобы на возможность применения смертной казни к г-ну Полай Кампосу ретроактивно, то в этой связи не было представлено никаких доказательств того, что положения нового законодательства Перу о распространении применения смертной казни будут иметь обратную силу в отношении ее супруга. Соответственно Комитет полагает, что это обвинение является неприемлемым в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

6.4 Комитет отмечает, что автор выдвинул подробные обвинения относительно условий содержания под стражей ее супруга и предполагаемой несовместимости со статьей 14 процесса, имевшего место в Специальном военном трибунале. Он также принял к сведению утверждение государства-участника о том, что уголовное судопроизводство против г-на Полай Кампоса проходило в соответствии с ныне действующим законодательством Перу о борьбе с терроризмом. Оно пришло к выводу о том, что это утверждение должно быть изучено по существу.

6.5 Поэтому 15 марта 1996 года Комитет объявил сообщение приемлемым. В частности, государству-участнику было предложено направить Комитету копию соответствующих докладов представителей Международного комитета Красного Креста о результатах их посещений г-на Полай Кампоса, а также доклад окружного прокурора и врача, который посетил и провел осмотр г-на Полай Кампоса 20 декабря 1994 года, а также отчеты о последующих посещениях. Государству-участнику было настоятельно предложено оказать надлежащую медицинскую помощь г-ну Полай Кампосу в месте его заключения. Государству-участнику было также предложено представить подробную информацию о действии специальных трибуналов, учреждаемых в соответствии с законодательством Перу по борьбе с терроризмом, а также о нынешних условиях заключения жертвы.

Замечания государства-участника по существу дела

7.1 В трех сообщениях от 27 августа, 12 и 28 ноября 1996 года государство-участник предоставило копии некоторых из отчетов, запрошенных Комитетом, а также информацию о медицинской помощи, оказанной г-ну Полай Кампосу и его нынешних условиях содержания под стражей. Государство-участник, однако, не представило информацию об условиях заключения г-на Полай Кампоса в тюрьме Кастро-Кастро в Янамайо или об обвинениях в грубом с ним обращении во время его перевода из Янамайо в блок усиленной охраны на военно-морской базе Каллао.

7.2 Государство-участник отметило, что два документа, касающиеся г-на Полай Кампоса, были представлены после его перевода на военно-морскую базу Каллао. Один из них является заключением психотерапевта, сделанным 23 июля 1992 года в Пуно (поблизости от тюрьмы в Янамайо), в котором внешний вид жертвы и его здоровье были описаны как нормальные. Другим документом являлась подборка документов о г-не Полай Кампосе, подготовленная одним из департаментов Министерства юстиции.

7.3 В том что касается состояния здоровья г-на Полай Кампоса, то государство-участник направило копии трех докладов. В первом, датированном 26 апреля 1993 года, делается вывод о том, что его внешний вид и здоровье являются нормальными (*apreciación general: ... despierto, ... orientado en tiempo, espacio y persona. Algo ansioso, no refiere molestia ninguna*). В нем также отмечается, что на теле г-на Полай Кампоса нет никаких шрамов или следов грубого обращения ("*...piel y anexos: no signos de lesiones primarias y secundarias*").

7.4 Второй доклад, представленный государством-участником, касается посещения г-на Полай Кампоса 20 декабря 1994 года окружным прокурором и назначенным судом врачом (см. пункт 4.2 выше). В нем отмечается, что, действительно, г-н Полай Кампос страдает от мускульной контрактуры главным образом из-за психологического стресса, вызванного условиями его содержания в заключении. Далее в нем заявляется, что г-н Полай Кампос жалуется на боль в левом плече, которое следует лечить с применением лекарства (пироксикан). В докладе отмечается, что испытываемый автором эмоциональный стресс требует применения успокаивающих средств, позволяющих г-ну Полай Кампосу нормально спать, и в идеальном случае ему было бы полезно пройти обследование у психолога. С учетом этого в целом г-н Полай Кампос признан здоровым, и проведение клинических анализов не выявило каких-либо признаков физического насилия или давления. Г-н Полай Кампос подтвердил, что раз в две недели его навещает врач и что в последний раз тот прописал ему лекарство пироксикан. Он также подтвердил, что каждый раз, когда у него случаются проблемы со здоровьем, его лечит врач и он принимает надлежащие лекарства. Ему также была оказана необходимая помощь стоматолога.

7.5 В третьем докладе, составленном без указания даты в 1996 году, также делается вывод о том, что здоровье г-на Полай Кампоса является вполне нормальным (*buen estado general, lucido, orientado en espacio, persona y tiempo, comunicativo, entimico asimtomática - peso 76 kgs*) и что нет никаких признаков того, что, как сообщала об этом его мать, его зрение ухудшается ("*visión y campo visual conservados...*"). В этом последнем докладе кратко перечисляются все встречи с врачами и указываются лекарства, предписанные для лечения г-на Полай Кампоса. Государство-участник вновь

подчеркивает, что со времени его перевода на военно-морскую базу Каллао Виктор Полай Кампос проходил медицинский осмотр приблизительно раз в две недели или когда это требовало его состояние. Он также осматривался и по-прежнему периодически осматривается психиатром и стоматологом.

7.6 Государство-участник вновь подтверждает, что г-на Полай Кампоса также регулярно посещали представители Международного комитета Красного Креста, которые подтвердили доклады о состоянии его здоровья, составляемые врачами военно-морской базы Каллао. Оно добавляет, что никогда не получало письменных отчетов от представителей Красного Креста, поскольку такие посещения г-на Полай Кампоса проводятся на конфиденциальной основе. Согласно списку, предоставленному государством-участником, представители Красного Креста посетили г-на Полай Кампоса 21 раз в период с начала декабря 1993 года по конец августа 1996 года; из этого списка следует, что самый большой перерыв между двумя таким посещениями составлял три месяца и 28 дней (между 25 октября 1994 года и 22 февраля 1995 года).

7.7 Что касается нынешних условий содержания в тюрьме Виктора Полай Кампоса, государство-участник представляет следующую информацию о его правах:

- ежедневная 30-минутная прогулка или спортивные занятия во дворе тюрьмы;
- 30-минутное свидание с двумя родственниками в месяц;
- еженедельное трехчасовое прослушивание кассет с помощью портативного переносного магнитофона;
- стирка раз в неделю;
- стрижка раз в две недели;
- ежедневное трехразовое питание;
- доступ к печатным материалам и книгам;
- и возможность переписки с членами семьи (*familiares cercanos*).

7.8 Государство-участник не предоставило никакой информации о судебном процессе над г-ном Полай Кампосом и об общих процедурах, которых придерживаются так называемые "трибуналы анонимных судей". Оно лишь направило копию юридического заключения генерального прокурора (*Fiscal supremo*) от 21 апреля 1993 года о том, что приговор, вынесенный специальной палатой Верховного суда Лимы (от 3 апреля 1993 года), был сделан в соответствии с процессуальными требованиями и поэтому является законным. Верховный суд одобрил это заключение 24 мая 1993 года. Государство-участник подтвердило, что решение специальной палаты Верховного суда Лимы стало окончательным и что нет никакой информации о процедуре обжалования приговора (*recurso de revisión*), возбужденной от имени Виктора Полай Кампоса.

Рассмотрение дела по существу

8.1 Комитет по правам человека рассмотрел данное сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами в данном деле, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

8.2 В данном деле возникает два вопроса: во-первых, составляют ли условия заключения г-на Полай Кампоса и грубое обращение, которому он якобы подвергается, нарушение статей 7 и 10 Пакта и, во-вторых, является ли его осуждение группой анонимных судей ("безликих судей") нарушением пункта 1 статьи 14 Пакта.

8.3 Что касается первого вопроса, то Комитет отмечает, что государство-участник не предоставило никакой информации о содержании г-на Полай Кампоса в тюрьме Кастро Кастро в Янамайо в период с 22 июля 1992 года по 26 апреля 1993 года и об обстоятельствах его перевода на военно-морскую базу Каллао, в то время как оно предоставило информацию об условиях заключения жертвы после его перевода в Каллао. Комитет считает уместным осмотреть отдельно эти два самостоятельных периода заключения.

Заключение в период с 22 июля 1992 года по 26 апреля 1993 года и перевод из Янамайо в Каллао

8.4 Автор утверждает, что Виктор Полай Кампос содержался без связи с внешним миром со времени его прибытия в тюрьму в Янамайо до его перевода в центр содержания под стражей на военно-морской базе Каллао. Государство-участник не отрицает этого обвинения; оно также не отрицает тот факт, что г-ну Полай Кампосу не было разрешено общаться с кем-либо или писать кому-либо в это время, что также косвенно подразумевает, что он не мог общаться со своим юридическим представителем, что он содержался в неосвещаемой камере в течение 23 с половиной часов в день при очень низкой температуре. По мнению Комитета, эти условия составляют нарушение пункта 1 статьи 10 Пакта.

8.5 Автор утверждает, что ее супруг был избит и подвергнулся пыткам электрическим током во время его перевода в тюрьму на военно-морской базе Каллао и что в этой связи он был показан средствам массовой информации сидящим в клетке. Хотя это заявление осталось без комментариев государства-участника, Комитет считает, что автор не подтвердила достаточными доказательствами свое утверждение относительно избиения и применения пыток электрическим током во время перевода ее супруга в Каллао. Поэтому он не делает какого-либо заключения по статье 7 и пункту 1 статьи 10 Пакта. С другой стороны, бесспорным является тот факт, во время его перевода в Каллао г-н Полай Кампос был показан прессе сидящим в клетке: по мнению Комитета, это составляет унижающее достоинство человека обращение, противоречащее статье 7, и обращение, не совместимое с положениями пункта 1 статьи 10, поскольку оно не смогло проявить уважение к человеческому достоинству, присущему личности г-на Полая Кампоса.

Содержание в Каллао в период с 26 апреля 1993 года по настоящее время

8.6 Что касается содержания Виктора Полай Кампоса в тюрьме Каллао, то, как следует из материалов дела, ему было отказано во встречах с членами семьи и родственниками в течение одного года после его осуждения, т.е. до 3 апреля 1994 года. Кроме того, он не мог получать и отправлять корреспонденцию. Эта последняя информация подтверждается письмом от 14 сентября 1993 года, которое было направлено Международным комитетом Красного Креста автору и где указывается, что представители Красного Креста не смогли передать письма от родных г-на Полая Кампоса во время посещения его 22 июля 1993 года, поскольку доставка и обмен корреспонденцией по-прежнему оставались запрещенными. По мнению Комитета, эта полная изоляция г-на Полая Кампоса в течение одного года и ограничение его переписки с родными представляет собой бесчеловечное обращение в понимании статьи 7 и противоречит стандартам человеческого обращения, которые предусмотрены в пункте 1 статьи 10 Пакта.

8.7 Что касается общих условий содержания г-на Полай Кампоса в тюрьме Каллао, Комитет принимает к сведению подробную информацию государства-участника о медицинском лечении, которое получал и по-прежнему получает г-н Полай Кампос, а также о его правах на отдых и нормальные санитарные условия, личную гигиену, доступ к печатным материалам и возможность переписываться с родными. Государство-участник не предоставило какую-либо информацию относительно жалобы на то, что г-н Полай Кампос по-прежнему содержится в одиночном заключении в камере размером два на два метра и что помимо его ежедневной прогулки он выходит на дневной свет не более, чем на 10 минут в день. Комитет выражает серьезную обеспокоенность в связи с этими последними аспектами содержания под стражей г-на Полай Кампоса. Комитет полагает, что условия заключения Полай Кампоса, особенно его изоляция на 23 с половиной часа в сутки в маленькой камере, а также тот факт, что он не может видеть дневной свет более 10 минут в день, представляет собой обращение, противоречащее статье 7 и пункту 1 статьи 10 Пакта.

8.8 Что касается судебного процесса над г-ном Полай Кампосом и его осуждения 3 апреля 1993 года официальным трибуналом "анонимных судей", то государство-участник не представило никакой информации несмотря на соответствующий запрос Комитета, содержащийся в его решении о приемлемости от 15 марта 1996 года. Как указал Комитет в своих предварительных замечаниях от 25 июля 1996 года по третьему периодическому докладу Перу и в своих заключительных замечаниях от 6 ноября 1996 года¹ относительно этого же доклада, такое судебное разбирательство специальными трибуналами, состоящими из анонимных судей, не совместимо со статьей 14 Пакта. Автора трудно упрекнуть в том, что она представила недостаточную информацию относительно судебного процесса над ее супругом: действительно сам характер системы судебных процессов, проводимых "анонимными судьями" в отдаленных тюрьмах, исключает присутствие публики во время таких разбирательств. В такой ситуации подсудимые не знают, кто их судит, и создаются неприемлемые условия для подготовки их защиты и общения со своими адвокатами. Более того, эта система не может гарантировать важнейший аспект справедливого разбирательства в понимании статьи 14 Пакта: относительно того, что суд должен быть независимым и беспристрастным. При системе проведения судебного процесса "анонимными судьями" не может быть гарантирована независимость или беспристрастность судей, поскольку суд, учреждаемый на чрезвычайной основе, может включать действующих членов вооруженных сил. По мнению Комитета, такая система не может также гарантировать презумпцию невиновности, которая гарантируется пунктом 2 статьи 14. С учетом обстоятельств данного дела суд приходит к выводу о том, что пункты 1, 2 и 3(b) и (d) статьи 14 Пакта были нарушены.

9. Действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, Комитет по правам человека считает, что выявленные Комитетом факты свидетельствуют о нарушениях статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта, в том что касается заключения г-на Полай Кампоса в Янамайю, публичного показа его в клетке во время перевода в Каллао и содержания в полной изоляции в течение первого года заключения в Каллао, условий его продолжающегося содержания в Каллао и о нарушениях пункта 1 статьи 14 в том, что касается судебного процесса над ним трибуналом "анонимных судей".

10. В соответствии с пунктом 3(a) статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить г-ну Виктору Полай Кампосу эффективные средства правовой защиты. Он был приговорен в рамках судебного процесса, который не смог обеспечить основные гарантии справедливого разбирательства. Комитет считает, что г-н Полай Кампос должен быть освобожден, если только законодательство Перу не предусматривает возможность нового судебного процесса, которое могло бы обеспечить все гарантии, требуемые статьей 14 Пакта.

11. Учитывая, что, становясь участником Факультативного протокола, государство-участник признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник взяло на себя обязательство обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и подпадающим под его юрисдикцию лицам права, признаваемые в Пакте, и предоставлять эффективные и подкрепленные правовыми санкциями средства правовой защиты в случае установленного нарушения, Комитет желал бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о мерах, принятых для выполнения рекомендаций Комитета.

¹ См. ежегодный доклад Комитета за 1996 год (А/51/40), пункты 350 и 363. См. также документ ССРР/С/ 79/Add.72 (18 ноября 1996 года), пункт 11.

Сообщение No. 586/1994

Представлено: Йозеф Франк Адам [представлен адвокатом]

Предполагаемая жертва: Автор

Государство-участник: Чешская Республика

Объявлено приемлемым: 16 марта 1995 года (пятьдесят третья сессия)

Дата принятия соображений: 23 июля 1996 года (пятьдесят седьмая сессия)

Предмет сообщения: Предполагаемая дискриминация при применении закона о возвращении конфискованного имущества

Вопросы процедуры: Приемлемость *ratione materiae* и *ratione temporis* – Длится ли действие предполагаемого нарушения– Исчерпание внутренних средств правовой защиты

Вопросы сущности: Запрещение дискриминации

Статьи Пакта: 2 (3) (а), и 26

Статьи Факультативного протокола и правила процедуры: 4, пункт 2, и 5, пункт 2 (а) и (b)

Заключение: Нарушение [ст. 26]

1. Автор сообщения является гражданин Австралии г-н Йозеф Франк Адам, родившийся в Австралии от родителей чешского происхождения и проживающий в городе Мельбурне, Австралия. Он представляет сообщение от своего имени и от имени двух своих братьев Джона и Луиса. Он утверждает, что они являются жертвами нарушения статьи 26 Международного пакта о гражданских и политических правах Чешской Республикой. Факультативный протокол вступил в силу для Чешской Республики 12 июня 1991 года².

Факты в изложении авторов

2.1 Отец автора сообщения Влатислав Адам был гражданином Чехии. В 1949 году правительство Чехословакии конфисковало его имущество и предприятие. Г-н Адам бежал из страны и в конечном счете выехал в Австралию, где у него родились три сына, в том числе автор сообщения. В 1985 году Влатислав Адам умер, завещав сыновьям свое имущество в Чехии. После этого сыновья тщетно пытались вернуть себе их имущество.

2.2 В 1991 году Чешская и Словацкая Республика ввела в действие закон, предусматривающий реабилитацию чешских граждан, покинувших страну под давлением коммунистов, и возвращение им их имущества или компенсацию за его потерю. 6 декабря 1991 года автор сообщения и его братья возбудили иск о возвращении имущества через посредство чешских адвокатов. Их иск был отклонен на основании несоблюдения действовавшего тогда двойного требования закона № 87/91, в соответствии с которым истцы должны иметь чешское гражданство и постоянно проживать на территории Чешской Республики.

² Чешская и Словацкая Федеративная Республика ратифицировала Факультативный протокол в марте 1991 года, но 31 декабря 1992 года прекратила свое существование. 22 февраля 1993 года Чешская Республика уведомила о своем правопреемстве в отношении Пакта и Факультативного протокола.

2.3 После отклонения своего иска автор сообщения несколько раз подавал чешским властям ходатайства с объяснением своего положения, пытаясь найти решение, но безрезультатно. В своих ответах власти ссылались на действующее законодательство и утверждали, что положения закона, предусматривающие возможность возвращения имущества и компенсации только для чешских граждан, необходимы и применяются одинаково ко всем потенциальным истцам.

Жалоба

3. Автор сообщения утверждает, что применение законоположения о возвращении имущества или компенсации за его потерю только к искам чешских граждан по смыслу статьи 26 Пакта является дискриминацией по отношению к нему и его братьям.

Разъяснения государства-участника и замечания автора

4.1 23 августа 1994 года сообщение было препровождено государству-участнику на основании правила 91 правил процедуры Комитета.

4.2 В своем представлении от 17 октября 1994 года государство-участник сообщает, что применение гражданско-правовых средств правовой защиты, которые могут использоваться в случае г-на Адама, регламентируется законом № 99/1963, Гражданско-процессуальным кодексом с внесенными в него поправками, в особенности законом № 519/1991 и законом № 263/1992.

4.3 Государство-участник привело цитаты из нескольких разделов закона, не дав, однако, пояснений в отношении того, как автор должен был воспользоваться этими положениями. В заключение оно отметило, что с 1 июля 1993 года в соответствии с законом № 182/1993 о Конституционном суде гражданам предоставляется право на обращение с жалобой также и в Конституционный суд Чешской Республики. В конечном счете возможностью обратиться с жалобой в Конституционный суд г-н Адам не воспользовался.

5.1 В своем письме от 7 ноября 1994 года автор информирует Комитет о том, что государство-участник пытается проигнорировать его права, выставив его имущество и предприятие на продажу.

5.2 В письме от 5 февраля 1995 года автор утверждает, что представленная государством-участником информация общего характера не имеет отношения к делу и вновь сообщает о том, что его адвокаты в Чехословакии пытаются вернуть его имущество с момента смерти отца в 1985 году. Он утверждает, что ввиду требования чешского законодательства о принадлежности истца к чешскому гражданству возможность успешного предъявления в чешских судах иска в отношении имущества его отца фактически отсутствует.

Решение Комитета о приемлемости

6.1 До рассмотрения любых жалоб, содержащихся в сообщениях, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 87 правил процедуры Комитета вынести решение о том, отвечают ли они требованиям приемлемости Факультативного протокола к Пакту.

6.2 Комитет отметил *ratione materiae*, что, хотя жалоба автора касается имущественных прав, как таковых не охраняемых Пактом, в ней также утверждается, что конфискации при прежних правительствах Чехословакии носили дискриминационный характер и что новое законодательство Чешской Республики является дискриминационным по отношению к лицам, не имеющим чешского гражданства. Поэтому факты, изложенные в сообщении, как представляется, дают основания для рассмотрения этого дела в контексте статьи 26 Пакта.

6.3 Комитет также изучил возможность рассмотрения предполагаемых нарушений *ratione temporis*. Он отмечает, что, хотя конфискации предшествовали вступлению в силу Пакта и Факультативного протокола для Чешской Республики, последствия введения нового законодательства, исключая из круга потенциальных истцов лиц, не являющихся чешскими гражданами, имеют неограниченный во времени характер и относятся к более позднему периоду по сравнению с моментом вступления в силу Факультативного протокола для Чешской Республики, в связи с чем может быть поставлен вопрос о допущении дискриминации в нарушение статьи 26 Пакта.

6.4 Согласно пункту 2а статьи 5 Факультативного протокола Комитет не может рассматривать сообщение, если этот же вопрос рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования. С учетом этого Комитет удостоверился в том, что этот вопрос в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования не рассматривается.

6.5 Что касается требования об исчерпании внутренних средств правовой защиты, то Комитет напоминает, что должны быть исчерпаны лишь те средства правовой защиты, которые являются доступными и эффективными. Если же говорить о конфискованном имуществе, то применяемые в этом случае правовые нормы не позволяют автору сообщения добиться возвращения имущества или получения компенсации. Кроме того, Комитет отмечает, что автор сообщения пытается вернуть свое имущество с момента смерти отца в 1985 году и что в этих обстоятельствах период применения внутренних средств правовой защиты можно считать неоправданно затянувшимся.

7. Руководствуясь этими соображениями, Комитет по правам человека постановил 16 марта 1995 года, что сообщение является приемлемым постольку, поскольку оно может затрагивать вопросы, относящиеся к статье 26 Пакта.

Разъяснения государства-участника

8.1 В своей вербальной ноте от 10 ноября 1995 года государство-участник повторяет свои возражения в отношении приемлемости сообщения, указывая, в частности, на то, что автор сообщения не исчерпал всех внутренних средств правовой защиты.

8.2 Оно утверждает, что автор является гражданином Австралии, постоянно проживающим в Австралии. Что касается предполагаемой конфискации имущества его отца в 1949 году, то государство-участник поясняет, что Указ Президента Республики № 5/1945 не предусматривал передачи прав собственности государству, а лишь ограничивал собственника в его имущественных правах.

8.3 Отец автора сообщения Влатислав Адам являлся гражданином Чехословакии и выехал из страны в Австралию, где родился автор сообщения. Даже если Влатислав Адам действительно указал в завещании, что он оставляет сыну в наследство свое имущество в Чехии, вопрос о том, владел ли он в 1985 году в этой стране каким-либо имуществом, остается неясным, при всем этом автор не пояснил, какие шаги он предпринял для получения наследства, если им вообще принимались какие-либо меры.

8.4 В 1991 году Чешская и Словацкая Федеративная Республика приняла закон (закон № 87/1991) о реабилитации во внесудебном порядке, который предусматривал реабилитацию чешских граждан, покинувших страну в условиях коммунистического гнета, и возвращение им их имущества или выплату компенсации за его потерю. 6 декабря 1991 года автор сообщения и его братья возбудили иск о возвращении имущества. Иск был отклонен на том основании, что они не имели права на возвращение имущества в соответствии с законом о реабилитации во внесудебном порядке: в их случае не выполнялись требования относительно принадлежности к гражданству Чешской Республики и постоянного проживания в ней. Автор сообщения не упомянул о средствах правовой защиты, которыми можно было воспользоваться для обжалования решения об отказе в возврате ему

имущества. Кроме того, автор сообщения не уложил в установленный шестимесячный срок подачи исков о возвращении имущества, который истек 1 октября 1991 года. Тем не менее со ссылкой на пункт 4 статьи 5 закона о реабилитации во внесудебном порядке автор сообщения все же мог бы предъявить свой иск в суд до 1 апреля 1992 года, но не сделал этого.

8.5 Автор объясняет, что, по мнению его адвоката, эффективные средства правовой защиты отсутствовали, поэтому они отказались от апелляции. Это - субъективная оценка, которая противоречит объективному факту существования средств правовой защиты. В частности, он мог бы подать жалобу в Конституционный суд.

8.6 Конституционное право Чехии, в том числе Хартия основных прав и свобод, обеспечивает охрану права на владение собственностью и гарантирует право на получение наследства. Экспроприация возможна лишь в интересах общества и на основе закона, причем в этом случае предусматривается компенсация.

8.7 В закон о реабилитации во внесудебном порядке были внесены поправки, исключаящие требование о постоянном проживании, с учетом решения Конституционного суда Чешской Республики, принятого 12 июля 1994 года. Кроме того, при невозможности возвращения недвижимого имущества возможна выплата денежной компенсации.

8.8 Статьи 1 и 3 Хартии основных прав и свобод предусматривают равное пользование правами и запрещают дискриминацию. Право на судебную защиту регламентируется в статье 36 Хартии. Конституционный суд выносит решения об отмене законов или их отдельных положений, если они противоречат нормам конституционного права или международным договорам. Право на подачу жалобы в Конституционный суд имеют физические и юридические лица.

8.9 Автор не только своевременно не воспользовался соответствующими положениями закона о реабилитации во внесудебном порядке, но и не подал иск в судебные органы страны, пользуясь возможностью непосредственного применения Международного пакта о гражданских и политических правах со ссылкой на статью 10 Конституции, статью 36 Хартии основных прав и свобод, статьи 72 и 74 закона о Конституционном суде и статью 3 Гражданско-процессуального кодекса. Если бы автор воспользовался этими процедурами, но не был бы удовлетворен результатом, он мог бы продолжать добиваться пересмотра правовых актов в соответствии с законом о Конституционном суде.

9.1 Государство-участник также пытается объяснить, что у данного случая более широкий политический и правовой контекст, и утверждает, что факты изложены автором неверно. После начала процесса демократизации в ноябре 1989 года Чешская и Словацкая Республика, а впоследствии и Чешская Республика предприняли значительные усилия для устранения некоторых форм имущественной несправедливости, возникших из-за действий коммунистического режима. Попытка вернуть имущество в соответствии с законом о реабилитации явилась в какой-то мере продиктованным соображениями морали добровольным актом правительства, а не действием, направленным на выполнение долга или правового обязательства. "Необходимо также указать на невозможность и даже нежелательность устранения всех последствий от действий прежнего режима за 40 лет ввиду необходимости охраны объективных интересов граждан ныне существующей Чешской Республики".

9.2 Принадлежность к гражданству как предварительное условие возвращения имущества или компенсации не следует истолковывать как нарушение положения о запрете дискриминации в соответствии со статьей 26 Пакта. "Возможность установления четких ограничений на приобретение в собственность некоторых видов имущества с предоставлением такого права лишь определенным лицам предусматривается в пункте 2 статьи 11 Хартии основных прав и свобод. В этой статье говорится о том, что закон может устанавливать имущественные ограничения и предоставлять право на владение некоторыми видами имущества лишь гражданам или юридическим лицам, зарегистрированным в Чешской и Словацкой Федеративной Республике. В этой своей части Хартия

касается граждан Чешской и Словацкой Федеративной Республики, а после 1 января 1993 года - граждан Чешской Республики".

9.3 Чешская Республика считает законным установление ограничений на осуществление имущественных прав с введением требования о принадлежности к ее гражданству. В этой связи она ссылается не только на пункт 1 статьи 3 Хартии основных прав и свобод, содержащий положение о недискриминации, но и прежде всего на соответствующие положения международных договоров по правам человека.

Замечания автора сообщения

10.1 Касаясь изложенных в жалобе фактов, автор поясняет, что в январе 1949 года его отцу было приказано оставить свое предприятие, которое затем было конфисковано. Он был вынужден передать бухгалтерские книги и банковские счета и даже не имел возможности взять свои личные вещи. Он не имел возможности законно выехать из Чехословакии и был вынужден нелегально пересечь границу с Западной Германией, где оставался в лагере для беженцев в течение одного года, прежде чем получил возможность эмигрировать в Австралию.

10.2 Автор сообщения оспаривает утверждение государства-участника о том, что он не использовал внутренние средства правовой защиты. Он повторяет, что он сам и его адвокаты в Праге пытались предъявить иск по поводу наследства с момента смерти его отца в 1985 году, но безуспешно. В декабре 1991 года он и его братья предъявили свой иск, но он был отклонен из-за невыполнения требования о гражданстве и постоянном проживании. Более того, их иск касался именно наследства. Далее он жалуется на неоправданно долгую процедуру судебного разбирательства в Чешской Республике, в частности на то, что их письма в адрес чешского правительства доходили до чешских властей не более чем за одну неделю, а ответы последних приходилось ждать 3-4 месяца.

10.3 Что касается чешского гражданства, то, как утверждается, консульство в Австралии информировало их о том, что, если мать и отец были чешскими гражданами, то дети также автоматически являются гражданами этой страны. Однако впоследствии чешское правительство отказалось интерпретировать закон таким образом.

Рассмотрение вопроса о приемлемости

11.1 Государство-участник просило Комитет пересмотреть его решение о приемлемости на том основании, что автор сообщения не исчерпал внутренних средств правовой защиты. Комитет принял во внимание все доводы, представленные государством-участником, и объяснение автора. С учетом обстоятельств этого дела, а также того факта, что авторы находятся за границей, а их адвокаты - в Чешской Республике, представляется нецелесообразным устанавливать для лиц, проживающих за границей, строгие временные ограничения на подачу жалоб. В случае автора Комитет принял во внимание то обстоятельство, что он пытался предъявить иск по поводу наследства с 1985 года и что действия его пражских адвокатов были безуспешными, причем в конечном счете не из-за установленных временных ограничений, а из-за того, что закон о реабилитации с внесенными в него поправками предусматривает право требовать возвращения имущества или компенсацию только для граждан. Поскольку автор, согласно его последнему представлению, которое не было оспорено государством-участником (пункт 10.3), не является чешским гражданином, он не может сослаться на закон о реабилитации, чтобы вернуть имущество его отца.

11.2 При отсутствии законодательства, которое позволяло бы автору требовать возврата имущества, обращение в Конституционный суд не может рассматриваться как доступное и эффективное средство правовой защиты с точки зрения пункта 2b статьи 5 Факультативного протокола. С учетом обстоятельств дела такое средство правовой защиты должно расцениваться как экстраординарное, поскольку оспариваемое право не является конституционным правом на возвращение имущества как таковым ввиду того, что законодательство Чешской и Словацкой Республики рассматривало закон о реабилитации 1991 года, скорее, как средство моральной реабилитации, нежели как правовое

обязательство (пункт 9.1). Кроме того, государство утверждает, что это совместимо с Конституцией Чехии и идет в русле ее государственной политики, направленной на то, чтобы право владеть собственностью имели только граждане.

11.3 В этих обстоятельствах Комитет не считает целесообразным отменять свое решение о приемлемости от 16 марта 1995 года.

Рассмотрение дела по существу

12.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей информации, предоставленной ему сторонами, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

12.2 Данное сообщение было объявлено приемлемым лишь постольку, поскольку оно может затрагивать вопросы, относящиеся к статье 26 Пакта. Как Комитет уже пояснил в своем решении о приемлемости (см. выше пункт 6.2), имущественные права как таковые Пактом не охраняются. Вместе с тем конфискация частной собственности или отказ государства-участника выплатить компенсацию за конфискованное имущество все же может привести к нарушению положений Пакта в том случае, если соответствующее действие или бездействие основывалось на дискриминационных принципах в нарушение статьи 26 Пакта.

12.3 Комитету предстоит рассмотреть вопрос, приводит ли применение закона 87/1991 в отношении автора и его братьев к нарушению их прав на равенство перед законом и равную защиту закона. Комитет отмечает, что в данном случае рассматривается не вопрос о конфискациях как таковых, а, скорее, вопрос о том, почему автору и его братьям отказали в праве на возвращение имущества, в то время как другим истцам в соответствии с этим законом их имущество было возвращено или они получили компенсацию за него.

12.4 В данном случае автор пострадал в результате исключаящего действия положения закона 87/1991, предусматривающего, что истцы должны быть чешскими гражданами. Таким образом, Комитету надлежит рассмотреть вопрос, является ли такое предварительное условие для возвращения имущества или выплаты компенсации за него совместимым с требованием статьи 26 Пакта о недопущении дискриминации. В этой связи Комитет вновь повторяет на основании своей практики, что не всякая дифференциация в подходе может считаться дискриминационной по смыслу статьи 26 Пакта¹. Дифференциация, которая совместима с положениями Пакта и исходит из разумных оснований, не означает запрещаемой дискриминации по смыслу статьи 26.

12.5 При рассмотрении вопроса о совместимости условий для возвращения имущества или выплаты компенсации с положениями Пакта Комитету надлежит изучить все соответствующие факторы, включая первоначальные права отца автора на владение данной собственностью и характер конфискации. Государство-участник само признает, что конфискации при коммунистических правительствах наносили ущерб, в связи с чем был принят специальный закон с целью обеспечить возвращение имущества в той или иной форме. Комитет отмечает, что такое законодательство не должно приводить к дискриминации жертв более ранних конфискаций, поскольку все жертвы имеют право на возмещение ущерба без произвольных различий. С учетом того, что изначальные права автора на владение завещанного ему имущества не основывались на гражданстве, Комитет считает, что требования в отношении гражданства, предусмотренные в законе 87/1991, являются неоправданными.

¹ См. *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сорок вторая сессия, Дополнение № 40 (A/42/40)*, приложение VIII.D, сообщение № 182/1994 года (*Зваан де Врис против Нидерландов*), сообщения, принятые 9 апреля 1987 года, пункт 13.

12.6 В этой связи Комитет напоминает мотивировочную часть своих соображений в отношении сообщения № 516/1992 (*Симунк и др. против Чешской Республики*), утвержденных 19 июля 1995 года², в которой он высказал мнение о том, что авторы в этом случае, как и многие другие лица, находившиеся в аналогичном положении, покинули Чехословакию по своим политическим убеждениям и пытались найти защиту от политических преследований в других странах, где в конечном счете они остались проживать постоянно и получили новое гражданство. Если принять во внимание, что государство-участник само несет ответственность за отъезд родителей автора в 1949 году, то требование к автору и его братьям о получении чешского гражданства в качестве предварительного условия для возвращения их имущества или же для выплаты соответствующей компенсации не совместимо с положениями Пакта.

12.7 Государство-участник утверждает, что положения Пакта не нарушены, поскольку, принимая закон 87/1991, чешские и словацкие законодатели не имели дискриминационных намерений. Однако Комитет придерживается того мнения, что при решении вопроса о нарушении положений статьи 26 Пакта определяющим фактором являются не сами по себе намерения законодательных органов, а, скорее, последствия принятого законодательства. Какими бы ни были мотивы или намерения законодательных органов, закон все равно может противоречить статье 26, если его последствия имеют дискриминационный характер.

12.8 С учетом вышеизложенных соображений Комитет приходит к выводу, что закон 87/1991 и продолжающаяся практика невозвращения имущества негражданам Чешской Республики имеют своим следствием для автора и его братьев нарушение их прав, закрепленных в статье 26 Пакта.

13.1 Комитет по правам человека, руководствуясь пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола, считает, что отказ вернуть автору и его братьям их имущество или выплатить им компенсацию представляет собой нарушение статьи 26 Международного пакта о гражданских и политических правах.

13.2 В соответствии с подпунктом а пункта 3 статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору и его братьям эффективное средство правовой защиты, которым в данном случае может быть компенсация, если соответствующее имущество не может быть возвращено. Комитет далее предлагает государству-участнику пересмотреть соответствующее законодательство для обеспечения того, чтобы ни закон как таковой, ни практика его применения не носили дискриминационного характера.

13.3 Принимая во внимание, что присоединение государства-участника к Факультативному протоколу означает признание им компетенции Комитета выносить решения по факту наличия или отсутствия нарушения Пакта и что во исполнение статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечивать всем находящимся на его территории и под его юрисдикцией лицам права, признанные в Пакте, и обеспечивать эффективное и имеющее исковую силу средство правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника не позднее чем через 90 дней информацию о мерах, принятых с целью фактической реализации сформулированных Комитетом соображений.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое мнение г-на Нисуке Андо в соответствии с пунктом 3 правила 94 правил процедуры Комитета в отношении решения Комитета по сообщению № 586/1994, Йозеф Франк Адам против Чешской Республики

Принимая во внимание содержание соображений Комитета по правам человека относительно сообщения № 516/1992, я в данном случае не возражаю против их принятия Комитетом. Однако мне хотелось бы указать на следующее.

² Там же, *пятидесятая сессия, Дополнение № 40 (A/50/40)*, том II, приложение X.K.

Во-первых, в соответствии с ныне действующими общими нормами международного права государство свободно выбирать свой экономический строй. Фактически, когда в 1966 году Организация Объединенных Наций приняла Международный пакт о гражданских и политических правах, существовавшие тогда социалистические государства имели плановую экономику, в условиях которой частная собственность в значительной мере ограничивалась или запрещалась в принципе. Даже сегодня многие государства - участники Пакта, включая государства с рыночной экономикой, ограничивают иностранцев в имущественных правах или запрещают им частным образом владеть недвижимым имуществом на их территории.

Во-вторых, с учетом вышесказанного государство-участник вполне может предоставить право на владение недвижимым имуществом на своей территории только националам или гражданам, таким образом лишив их жен и детей, имеющих другую национальность или гражданство, возможности наследовать это имущество. Порядок такого наследования регламентируется нормами международного частного права, применяемыми в соответствующих государствах, а, насколько мне известно, какого-либо универсально признанного "абсолютного права на наследование частной собственности" не существует.

В-третьих, хотя Международный пакт о гражданских и политических правах закрепляет принцип недискриминации и равенства перед законом, он не запрещает "законных различий", основанных на объективных и разумных критериях. Кроме того, экономические права как таковые в Пакте не определяются и им не охраняются. Это значит, что при рассмотрении вопросов дискриминации в экономической области Комитет по правам человека должен действовать крайне осторожно. В частности, ограничение или запрещение некоторых экономических прав, включая право на наследование, на основе таких признаков, как национальность или гражданство, вполне может быть оправданным с учетом возможности существования законных различий.

Сообщение No. 588/1994

Представлено: Эррол Джонсон [представлен адвокатом]

Предполагаемая жертва: Автор

Государство-участник: Ямайка

Объявлено приемлемы: 22 марта 1996 года (пятьдесят шестая сессия)

Дата принятия сообщений:* 22 марта 1996 года (пятьдесят шестая сессия)

Предмет сообщения: длительное содержание в камере смертников человека, приговоренного к смертной казни

Вопросы процедуры: нет

Вопросы существа: Синдром смертника - Бесчеловечное и унижающее достоинство обращение - Соблюдение гарантий должного судопроизводства в деле о преступлении, наказуемом смертной казнью

Статьи Пакта: 6, 7, 10 (1), и 14 (1), (3) (с), (g) и (5)

Статья Факультативного протокола и правила процедуры: 4, пункт 2, и правило 85

Заключение: Нарушение [ст. 14, пункты 3 (с) и 5; 6]

1. Автор сообщения является Эррол Джонсон, гражданин Ямайки, который на момент представления своего сообщения ожидал смертной казни в окружной тюрьме Св. Екатерины, Ямайка. Он утверждает, что является жертвой нарушения Ямайкой статей 6, 7, пункта 1 статьи 10, пунктов 1, 3с и g и 5 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Автор представлен адвокатом. В начале 1995 года преступление, за совершение которого автор был осужден, было квалифицировано как "умышленное убийство, не караемое смертной казнью", и вынесенный ему смертный приговор был заменен 16 марта 1995 года пожизненным тюремным заключением.

* В соответствии с правилом 85 правил процедуры член Комитета г-н Лорел Фрэнсис не участвовал в утверждении настоящих сообщений.

Факты в изложении автора

2.1 15 декабря 1983 года автор вместе с обвиняемым Эрвином Рейнолдсом был осужден за совершение убийства некоего Реджинальда Кемпбелла и приговорен Кларендонским окружным судом к смертной казни. 29 февраля 1988 года Апелляционный суд отклонил его ходатайство о разрешении на подачу апелляции; 14 марта 1988 года было вынесено мотивированное решение по апелляции. 9 июля 1992 года при раздельном слушании дел Судебный комитет Тайного совета отклонил ходатайства автора и г-на Рейнолдса о предоставлении специального разрешения на подачу апелляции.

2.2 31 октября 1982 года около 9 часов утра Реджинальд Кемпбелл, владелец магазина, был обнаружен мертвым в своей лавке. Результаты вскрытия показали, что он скончался от проникающих ранений острым предметом в область шеи. Свидетель обвинения показал, что утром того же дня около 6 часов он видел г-на Кемпбелла в его саду, а также двух мужчин, находившихся поблизости от магазина. В ходе опознания, проведенного 11 ноября 1982 года, этот свидетель опознал г-на Рейнолдса, а не автора, в качестве одного из мужчин, которых он видел поблизости от магазина. Другой свидетель обвинения показал, что в то же утро приблизительно через час он встретил Эрвина Рейнолдса, с которым он был знаком, и автора, которого он опознал в ходе опознания, шедших от магазина Кемпбелла. Он шел вместе с ними около двух миль и видел, что Рейнолдс держал в руках нож, они оба несли дорожные сумки, и их поведение было подозрительным. Например, когда они увиделидвигающийся им навстречу микроавтобус, Рейнолдс поспешно скрылся за насыпью дороги, как будто он пытался спрятаться.

2.3 Версия обвинения также основывалась на обнаруженных полицейскими во время обыска в комнатах, где проживали автор и г-н Рейнолдс, уликах, к которым, в частности, относились четыре чека, подписанные г-ном Кемпбеллом, а также такие предметы, как спортивная обувь и моющие средства, аналогичные тем, которые были украдены из магазина. Кроме того, заявление, якобы сделанное г-ном Джонсоном в полиции 12 ноября 1982 года, было принято после предварительного допроса в суде в качестве доказательства; в этом заявлении автор указал, что г-н Рейнолдс вошел в магазин с целью купить сигареты, а он ожидал его на улице. Затем он услышал какой-то шум, вошел в магазин и увидел лежавшего на полу и истекавшего кровью г-на Кемпбелла и стоявшего рядом Рейнолдса с ножом в руке.

2.4 В ходе судебного разбирательства автор и Рейнолдс построили защиту, ссылаясь на алиби. Во время допроса в суде автор под присягой отрицал, что он продиктовал вышеупомянутое заявление полицейским, и утверждал, что его принудили подписать заранее подготовленное заявление. По его словам, после того, как в кабинете следователя он отказался подписывать данное заявление до тех пор, пока с ним не ознакомится его защитник, его отвели в комнату для охранников. В этой комнате следователь, инспектор В., четыре раза ударил его палкой по коленям; когда он упал, его стали бить ногами в живот и нанесли несколько ударов по голове. Он заявил, что, когда он подписал данное заявление, у него текла кровь из уха. Эти показания были подтверждены Рейнолдсом, который в сделанном в суде не под присягой заявлении отметил, что, когда он проходил мимо комнаты охранников, он видел, что у автора по лицу текла кровь. Во время допроса в суде и в присутствии присяжных следователи были подвергнуты защитой перекрестному допросу в связи с вопросом о жестоком обращении.

2.5 По завершении представления дела обвинением защитник автора, Королевский адвокат, заявил о том, что в действиях обвиняемого отсутствует состав преступления, поскольку доказательства свидетельствуют лишь о том, что на момент совершения убийства Эррол Джонсон находился поблизости от данного магазина. Судья отклонил аргумент защиты об отсутствии в действиях автора состава преступления.

2.6 В апелляции защитник автора утверждал, что поскольку судья не дал должных наставлений присяжным относительно заявления автора, то присяжные не рассматривали вопрос о возможности вынесения приговора за совершение неумышленного убийства. По мнению защитника, заявление автора свидетельствовало о том, что, хотя он и присутствовал на месте преступления, он не являлся его соучастником. Апелляционный суд отклонил этот аргумент, постановив, что "сделанное автором заявление опровергает его алиби и доказывает его присутствие на месте преступления".

2.7 Главные аргументы, на основе которых было подано последующее ходатайство о предоставлении специального разрешения на подачу апелляции в Судебный комитет Тайного совета, являлись следующими:

- проводивший разбирательство судья допустил фактическую ошибку, отклонив аргумент защиты об "отсутствии в действиях обвиняемого состава преступления", несмотря на то, что представленные обвинением факты не доказывали, что автор совершил это убийство или являлся его соучастником, т.е. был виновен в совершении умышленного или неумышленного убийства; и
- напутственное слово судьи относительно характера соучастия было противоречивым, и он не дал присяжным должных наставлений по вопросу о том, какие факты по делу могли бы обусловить вынесение вердикта в связи с совершением неумышленного убийства.

2.8 Адвокат отмечает, что автор не обращался с ходатайством в Верховный (Конституционный) суд Ямайки в отношении подачи жалобы на основании конституционных положений, поскольку такая конституционная жалоба не была бы эффективной с учетом прецедентов в практике Судебного комитета, в частности в деле *Д.П.П. против Насраллы*¹ и дела *Райли и другие против Генерального прокурора Ямайки*², по которым он постановил, что положения Конституции Ямайки направлены на предупреждение принятия несправедливых законов, а не только, как утверждают податели ходатайств, несправедливого обращения в соответствии с законом. Кроме того, даже если допустить, что теоретически в распоряжении автора имелась возможность подачи конституционной жалобы, на практике он не смог бы воспользоваться этим средством правовой защиты, поскольку он не имеет средств для найма защитника в частном порядке, а при подаче конституционных жалоб бесплатная правовая помощь не обеспечивается. В этой связи можно сослаться на установившуюся практику Комитета.

Жалоба

3.1 Утверждается, что автор в течение более 10 лет содержался в камере смертников, и если после такой длительной отсрочки он будет казнен, то эта казнь будет равнозначна жестокому и унижающему достоинство обращению или наказанию в нарушение положений статьи 7 Пакта. Обосновывая свое утверждение, адвокат ссылается на заключение Судебного комитета Тайного совета по делу *Пратт и Морган против Генерального прокурора Ямайки* и постановления Верховного суда Зимбабве по одному из рассмотренных недавно дел. Сам факт содержания автора в течение такого длительного периода в камере смертников в ужасных условиях заключения в окружной тюрьме Св. Екатерины, как утверждается, представляет собой нарушение статьи 7.

3.2 Адвокат утверждает, что избивание, которому подвергся его подзащитный в ходе допроса в полиции, представляет собой нарушение статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта. Он напоминает, что автор информировал об этом факте своего адвоката, который поднимал этот вопрос в ходе судебного разбирательства, что автор сам повторял свое утверждение под присягой и в заявлении не под

¹ 2 All E.R. 161 (1967)

² 2 All E.R. 469 (1982)

присягой в ходе судебного разбирательства, и что его соответчик подтвердил версию автора. Ссылаясь на практику Комитета³, адвокат утверждает, что следователи оказывали на автора физическое и психологическое давление с целью получения признания вины в нарушение пункта 3г статьи 14 Пакта.

3.3 Адвокат далее утверждает, что срок в 51 месяц между судебным разбирательством по делу автора и отклонением его апелляции является нарушением пунктов 3с и 5 статьи 14 Пакта, и ссылается на практику Комитета в этой области⁴. Он направляет копию письма адвоката автора на Ямайке, который указывает, что имела место длительная задержка при подготовке протокола судебного разбирательства. Из переписки между автором и Советом по правам человека Ямайки также вытекает, что 26 июня 1986 года Совет был проинформирован о том, что апелляция автора еще находится на рассмотрении. 10 июня 1987 года Совет обратился к секретарю Апелляционного суда с просьбой направить ему замечания по фактам данного дела. Такой запрос был вновь направлен в ноябре и декабре 1987 года. 23 февраля 1988 года Совет проинформировал автора о том, что он не в состоянии оказать ему помощь в связи с тем, что Совет по-прежнему не получил протокола судебного разбирательства. В результате задержки с предоставлением автору протокола судебного разбирательства и мотивированного напутственного слова судьи, как утверждает, автору было фактически отказано в осуществлении права на пересмотр его осуждения и приговора вышестоящей судебной инстанцией согласно закону.

3.4 Утверждается также, что отсутствие адекватного напутствия судьей присяжных по вопросу о том, какие факты по делу могли бы позволить вынести вердикт о неумышленном убийстве, является нарушением пункта 1 статьи 14 Пакта.

3.5 И наконец, адвокат утверждает, что вынесение смертного приговора по завершении судебного разбирательства, в ходе которого были нарушены положения Пакта, представляет собой нарушение пункта 2 статьи 6 Пакта в том случае, если не обеспечивается возможность дальнейшего обжалования этого приговора.

Информация и замечания, представленные государством-участником, и комментарии по ним адвоката

4.1 В своих замечаниях от 13 февраля 1995 года государство-участник не выдвигает возражений против приемлемости этого сообщения и "в целях ускорения рассмотрения и в духе сотрудничества" представляет замечания по существу дела.

4.2 В отношении утверждения о том, что продолжительный срок, проведенный автором в камере смертников, представляет собой нарушение статьи 7 Пакта, государство-участник утверждает, что постановление Судебного комитета Тайного совета от 2 ноября 1993 года по делу *Пратт и Морган против Генерального прокурора Ямайки* не всегда определяет принимаемые решения по любым другим делам, касающимся случаев содержания узников в камере смертников в течение более пяти лет. Напротив, каждое дело необходимо рассматривать по существу. В обоснование своего аргумента государство-участник ссылается на соображения Комитета по делу *Пратта и Моргана*, в которых он заявил, что сами по себе задержки в рамках судопроизводства не представляют собой жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение по смыслу статьи 7.

³ См. сообщение № 253/1987 (*Поль Келли против Ямайки*), соображения, принятые 8 апреля 1991 года.

⁴ Например, сообщение № 230/1987 (*Генри против Ямайки*), соображения, принятые 1 ноября 1991 года, пункт 8.4; сообщение № 282/1988 (*Смит против Ямайки*), соображения, принятые 31 марта 1993 года, пункт 10.5; и сообщение № 203/1986 (*Муньос Эрмоса против Перу*), соображения, принятые 4 ноября 1988 года, пункт 11.3.

4.3 Государство-участник отмечает, что оно проводит расследование в связи с утверждениями автора о жестоком обращении в ходе допроса и обещает представить свои заключения "немедленно по завершении этого расследования". По состоянию на 16 октября 1995 года результаты этого расследования Комитету представлены не были.

4.4 Что касается срока в 51 месяц между судебным разбирательством по делу автора и отклонением его апелляции, то государство-участник также заявляет о том, что оно проводит расследование с целью выяснения причин такой задержки. На 16 октября 1995 года результаты этого расследования Комитету представлены не были.

4.5 Государство-участник отрицает, что имело место нарушение пункта 1 статьи 14 Пакта в связи с неадекватностью наставлений судьи присяжным и заявляет, что это утверждение касается вопросов оценки фактов и доказательств по делу, которые, согласно практике Комитета, в целом не относятся к сфере его компетенции. Без представления каких-либо аргументов государство-участник также отрицает, что имело место нарушение пункта 2 статьи 6 Пакта.

5.1 В своих замечаниях относительно представления государства-участника адвокат выражает согласие на одновременное рассмотрение вопроса о приемлемости и существа дела. Он подтверждает, что его подзащитный является жертвой нарушения статей 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта в связи со сроком, проведенным им в камере смертников. Он утверждает, что постановление Судебного комитета Тайного совета от 2 ноября 1993 года по делу Пратта и Моргана представляет собой соответствующий судебный прецедент.

5.2 С учетом этого адвокат утверждает, что в связи с приведением в исполнение любого приговора по прошествии более пяти лет после осуждения несомненно возник бы вопрос об упомянутых Судебным комитетом "серьезных основаниях", позволяющих считать, что такая отсрочка являлась бы бесчеловечным и унижающим достоинство обращением и наказанием. Он утверждает, что в соответствии с руководящими положениями, разработанными Судебным комитетом, по прошествии трех с половиной - пяти лет после осуждения на основе оценки обстоятельств каждого дела с учетом продолжительности отсрочки, условий тюремного заключения и возраста и психического состояния заявителя мог бы быть сделан вывод о бесчеловечном или унижающем достоинство обращении. Он также утверждает, что само по себе заключение в камере смертников в течение более пяти лет является жестоким и унижающим достоинство обращением.

Соображения по вопросу о приемлемости и рассмотрении вопросов существа

6.1 До рассмотрения любых жалоб, содержащихся в каком-либо сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры решить, является ли дело приемлемым или неприемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 Комитет удостоверился, как того требуют положения пункта 2а статьи 5 Факультативного протокола, что этот вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

6.3 Комитет отмечает, что, ввиду отклонения Судебным комитетом Тайного совета в июле 1992 года ходатайства автора о специальном разрешении на подачу апелляции, автор исчерпал внутренние средства правовой защиты по смыслу Факультативного протокола. В этой связи Комитет принимает к сведению, что государство-участник не выдвинуло никаких возражений против приемлемости настоящей жалобы и представило свои комментарии по вопросам существа с целью ускорения процедуры рассмотрения. Комитет напоминает, что в пункте 2 статьи 4 Факультативного протокола предусматривается, что получившее уведомление государство представляет свои

письменные замечания по существу сообщения в течение шести месяцев с даты препровождения ему этого сообщения. Комитет повторяет, что в интересах правосудия и если государство-участник этого желает, указанный срок может быть сокращен⁵. Комитет также отмечает, что на нынешнем этапе адвокат согласен с рассмотрением дела по существу.

7. В этой связи Комитет постановляет, что данное сообщение является приемлемым, и приступает без дальнейших отсрочек к рассмотрению существа утверждений автора с учетом всей информации, представленной ему сторонами, в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

8.1 Комитету прежде всего надлежит установить, является ли продолжительный срок содержания автора в камере смертников с декабря 1983 года, т.е. более 11 лет, нарушением статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта. Адвокат заявляет о нарушении этих статей, лишь ссылаясь на продолжительность заключения г-на Джонсона в камере смертников в окружной тюрьме Св. Екатерины. Хотя срок содержания в камере смертников, превышающий 11 лет, несомненно вызывает серьезную обеспокоенность, согласно практике Комитета содержание под стражей в течение определенного периода времени не представляет собой нарушение статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта при отсутствии некоторых дополнительных исключительных обстоятельств. Комитет осознает, что его практика вызывает противоречивые толкования и желает подробно разъяснить свою позицию.

8.2 В этой связи необходимо установить, может ли сам по себе срок содержания осужденного лица в камере смертников являться нарушением государством-участником предусмотренных в статьях 7 и 10 обязательств не применять жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание и обращаться со всеми лицами гуманно. При выяснении этого вопроса необходимо принимать во внимание следующие факторы:

а) Пакт не запрещает смертную казнь, хотя он предусматривает строгие ограничения в отношении ее применения. Поскольку содержание под стражей в камере смертников является необходимым следствием вынесения смертного приговора, то такое содержание, каким бы жестоким, унижающим достоинство или бесчеловечным оно не представлялось, само по себе не может рассматриваться как нарушение статей 7 и 10 Пакта.

б) Хотя Пакт не запрещает смертную казнь, точка зрения Комитета, которая отражена во втором Факультативном протоколе к Пакту, заключается в том, что формулировки статьи 6, "касающиеся отмены смертной казни, являются веским указанием на желательность отмены"⁶. Сокращение числа случаев применения смертной казни может таким образом рассматриваться в качестве одной из целей Пакта.

в) Положения Пакта необходимо толковать с учетом объекта и целей Пакта (статья 31 Венской конвенции о праве международных договоров). Поскольку одной из этих целей является содействие сокращению числа случаев применения смертной казни, по возможности следует избегать такого толкования положений Пакта, которое может побудить государства-участники, сохранившие смертную казнь, к приведению смертного приговора в исполнение.

8.3 С учетом этих факторов необходимо рассмотреть последствия утверждения о том, что сам по себе срок содержания в камере смертников представляет собой нарушение статей 7 и 10. Первое и наиболее серьезное последствие заключается в том, что если государство-участник приводит в исполнение вынесенный осужденному смертный приговор после того, как он провел определенное время в камере смертников, то это не будет являться нарушением его обязательств по Пакту, а если государство-участник не применяет эту меру наказания, то оно нарушит положения Пакта.

⁵ См. сообщение № 606/1994 года (*Фрэнсис против Ямайки*), соображения, принятые 25 июля 1995 года, пункт 7.4.

⁶ См. замечание общего порядка № 6 (16), пункт 6; см. также преамбулу ко второму Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах относительно отмены смертной казни.

Приводящее к такому выводу толкование положений Пакта не может соответствовать объекту и целям Пакта. Вышеуказанного последствия невозможно избежать путем отказа от установления определенного срока содержания в камере смертников, по истечении которого такое содержание будет равнозначно жестокому и бесчеловечному наказанию. Точное определение срока, несомненно, усугубляет эту проблему и устанавливает для государства-участника четкие временные рамки для казни того или иного лица, с тем чтобы не допускать нарушений своих обязательств по Пакту. Вместе с тем указанное последствие является результатом не установления максимально допустимого срока содержания в камере смертников, а превращения временного фактора *per se* в определяющий. Если максимально допустимый срок не ограничивается, то это будет побуждать государства-участники, стремящиеся не допускать превышения установленного срока, обращаться к принятым Комитетом решениям по рассмотренным ранее делам, с тем чтобы установить, какой срок содержания в камере смертников Комитет ранее признавал допустимым.

8.4 Второе последствие превращения временного фактора *per se* в решающий, т.е. в фактор, позволяющий рассматривать содержание в камере смертников как нарушение Пакта, заключается в том, что для государств-участников, сохранивших смертную казнь, он означает, что им следует приводить в исполнение смертный приговор как можно скорее после его вынесения. Это идет вразрез с идеями, которые Комитет хотел бы донести до государств-участников. Заключение в камере смертников, каким бы тяжелым оно не являлось, предпочтительнее смерти. Кроме того, практика показывает, что задержки в приведении в исполнение смертного приговора могут быть вызваны несколькими факторами, ответственность за многие из которых может быть возложена на государство-участника. В отдельных случаях, когда рассматривается вопрос о применении смертной казни в целом, вводится мораторий на приведение в исполнение смертных приговоров. В других случаях исполнительные органы государства откладывают приведение в исполнение смертных приговоров, несмотря на то, что с учетом политической обстановки отмена смертной казни является нецелесообразной. Комитет хотел бы избежать практики, ослабляющей влияние факторов, которые могут весьма эффективно привести к фактическому сокращению числа казненных узников. Следует подчеркнуть, что, принимая точку зрения, согласно которой длительный срок содержания в камере смертников сам по себе не может рассматриваться на основании положений Пакта в качестве жестокого и бесчеловечного обращения или наказания, Комитет не желает создавать впечатление, что содержание осужденных узников в камере смертников в течение многих лет является приемлемым обращением с ними. Оно таковым не является. Однако жестокость такого явления, как содержание в камере смертников, прежде всего и в основном является следствием допустимости в соответствии с Пактом применения смертной казни. Такая ситуация приводит к нежелательным последствиям.

8.5 И наконец, утверждение о том, что длительный срок содержания в камере смертников сам по себе не является нарушением статей 7 и 10 Пакта, не означает, что другие обстоятельства, связанные с таким содержанием, не могут превратить его в жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение или наказание. Практика Комитета показывает, что, когда подтверждаются тяжелые условия такого содержания под стражей, оно может представлять собой нарушение положений Пакта. При рассмотрении дел в будущем этот подход следует сохранять.

8.6 В данном деле ни автор, ни его адвокат не указали никаких исключительных обстоятельств, помимо срока содержания под стражей в камере смертников, которые означали бы, что содержание под стражей г-на Джонсона представляет собой нарушение статей 7 и 10. Поэтому Комитет не устанавливает никакого нарушения этих положений.

8.7 В отношении жалобы на основании статьи 7 и пункта 3g статьи 14 Пакта относительно того, что полицейские подвергли автора избиению во время допроса с целью вынудить его признать себя виновным, Комитет повторяет, что формулировка пункта 3g статьи 14, согласно которой никто не может "быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или признанию себя виновным", должна пониматься как отсутствие любого прямого или косвенного физического и психологического давления со стороны сотрудников следственных органов на обвиняемого в целях добиться признания

вины⁷. Хотя утверждение автора не было опровергнуто государством-участником, которое обещало провести расследование по факту жалобы, но не представило Комитету свои выводы, Комитет отмечает, что данное утверждение автора было оспорено обвинением в ходе судебного разбирательства и противоречит его заявлению о признании своей вины, которое было принято судьей. Комитет напоминает, что он обязан рассматривать утверждения о нарушении положений Пакта с учетом всех письменных данных, представленных ему сторонами (пункт 1 статьи 5 Факультативного протокола); в данном деле эти материалы включают протокол судебного разбирательства. Последний свидетельствует о том, что данное утверждение автора было тщательно рассмотрено судом в ходе допроса, что этому вопросу посвящено 28 страниц протокола судебного разбирательства и что после тщательного изучения доказательств заявление автора было впоследствии принято судьей; аналогичным образом присяжные заключили, что заявление было сделано без принуждения, тем самым подтвердив решение судьи о том, что автор не подвергался жестокому обращению. В деле не имеется никаких элементов, позволяющих Комитету поставить под сомнение решение судьи и присяжных. Следует также отметить, что в апелляции адвокат автора признал добровольный характер заявления г-на Джонсона и использовал его с целью добиться изменения квалификации выдвинутого против него подзащитного обвинения с умышленного убийства на неумышленное убийство. С учетом вышеизложенного Комитет считает, что положения статьи 7 и пункта 3g статьи 14 нарушены не были.

8.8 Автор заявляет о нарушении пунктов 3с и 5 статьи 14 Пакта в связи с тем, что срок в 51 месяц между его осуждением и отклонением его апелляции был необоснованно длительным. Государство-участник обещало провести расследование относительно причин этой задержки, однако не представило Комитету свои заключения. В частности, оно не представило никакой информации, свидетельствующей о том, что эта задержка произошла по вине автора или его защитника. Вместе с тем адвокат автора представил информацию, свидетельствующую о том, что автор принимал активные меры с целью обжалования и что ответственность за задержку в рассмотрении этой апелляции должна быть возложена на государство-участника. Комитет считает, что задержка в четыре года и три месяца слушания апелляции по делу о преступлении, караемом смертной казнью, при отсутствии исключительных обстоятельств, является необоснованно длительной и несовместимой с пунктом 3с статьи 14 Пакта. Никаких исключительных обстоятельств, которые оправдали бы такую задержку, в данном деле установлено не было. Следовательно, положения пунктов 3с и 5 статьи 14 были нарушены, поскольку несвоевременное представление автору протокола судебного разбирательства не позволило оперативно рассмотреть его апелляционную жалобу.

8.9 Комитет повторяет, что вынесение смертного приговора по окончании судебного разбирательства, в ходе которого положения Пакта не соблюдались, при отсутствии возможности обжалования путем подачи апелляции, представляет собой нарушение статьи 6 Пакта. Как отметил Комитет в своем Замечании общего порядка № 6 (16), положение, предусматривающее, что смертный приговор может быть вынесен только в соответствии с законом, который не противоречит положениям Пакта, означает, что "предусмотренные в нем гарантии процедурного характера должны соблюдаться...". Поскольку в рассматриваемом деле при вынесении окончательного приговора к смертной казни судом не были соблюдены предусмотренные статьей 14 требования относительно справедливого судебного разбирательства, надлежит сделать вывод о том, что право, закрепленное статьей 6 Пакта, было нарушено.

9. Комитет по правам человека, действуя на основании пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что факты, которыми он располагает, свидетельствуют о нарушении пунктов 3с и 5 статьи 14 и соответственно статьи 6 Пакта.

⁷ См., например, сообщение № 248/1987 (*Кэмпбелл против Ямайки*), соображения, принятые 30 марта 1992 года, пункт 6.7.

10. В соответствии с пунктом 3а статьи 2 Пакта автор имеет право на эффективное средство правовой защиты. Принимая во внимание смягчение 16 марта 1995 года вынесенного автору смертного приговора, Комитет считает целесообразным принятие какой-либо дополнительной меры снисхождения. Государство-участник обязано обеспечить, чтобы подобные нарушения не имели место в будущем.

11. Учитывая, что, став участником Факультативного протокола, государство - участник Пакта признало компетенцию Комитета определять факты нарушения положений Пакта и что, согласно статье 2 Пакта, государство-участник обязуется обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, а также эффективное и гарантированное средство правовой защиты в том случае, если какое-либо нарушение установлено, Комитет обращается к государству-участнику с просьбой предоставить в течение 90 дней информацию о мерах, принятых в связи с настоящими соображениями Комитета.

ДОБАВЛЕНИЕ I

Особое мнение 2-жи Кристин Шане в соответствии с пунктом 3 правила 94 правил процедуры Комитета в отношении решения Комитета по сообщению № 588/1994, Эррол Джонсон против Ямайки

Развитие правовой практики Комитета большинством его членов в связи с настоящим сообщением побуждает меня не только подтвердить точку зрения, которую я высказала в связи с делом *Барретта и Сатклиффа* (№ 270 и 271/1988) в моем особом мнении, но и пояснить ее более подробным образом.

Соображения, принятые относительно настоящего дела, привели Комитет, который желает быть последовательным, к выводу о том, что само по себе содержание в камере смертников не является нарушением статьи 7 Пакта; другими словами, оно не представляет собой жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение независимо от срока ожидания приведения в исполнение приговора, который может составлять 15-20 лет или более.

Если исключить возможность полного пересмотра практики Комитета, то можно говорить об отсутствии каких-либо оснований для принятия Комитетом иного решения относительно неограниченного срока ожидания или ожидания в течение нескольких лет.

Факторы, приведенные в обоснование этой точки зрения, являются следующими:

- Пакт не запрещает смертную казнь;
- если Пакт не запрещает смертную казнь, то приведение в исполнение смертного приговора не может запрещаться;
- до приведения в исполнение смертного приговора должно пройти какое-то время, что отвечает интересам осужденного лица, которому должна быть обеспечена возможность для исчерпания соответствующих средств правовой защиты;
- установление Комитетом ограничения в отношении этого срока создавало бы угрозу поспешного приведения в исполнение смертного приговора. Комитет даже заявляет, что содержание в камере смертников предпочтительнее смерти.

Вместе с тем Комитет, сознавая опасность максималистского применения государствами такого подхода, признает, что содержание лиц в камере смертников в течение нескольких лет представляет собой неадекватное обращение с ними.

Эта точка зрения является весьма спорной по следующим причинам:

- Пакт действительно не запрещает смертную казнь;
- из этого логично вытекает, что приведение в исполнение смертного приговора также не запрещается и что существование камеры смертников, а следовательно и содержание в ней в течение определенного периода до приведения в исполнение приговора в этом смысле является неизбежным.

С другой стороны, нельзя оспаривать вывод о том, что отсутствие временного ограничения может представлять собой жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, заявляя, что ожидание смерти предпочтительнее самой смерти и что любое противоречащее этой точке зрения действие Комитета поощряло бы применение государством поспешных казней.

Такие основания можно считать чрезмерно субъективными по двум причинам. При анализе поведения человека встречаются случаи, когда какое-либо лицо, например, страдающее от неизлечимого заболевания, предпочитает покончить с собой, чем ожидать неминуемого фатального исхода, тем самым отдавая предпочтение немедленной смерти, а не психологической пытке ожидания неминуемой смерти.

Что касается позиции, которую Комитет не желает доводить до сведения государств, чтобы подобное ограничение срока не приводило к поспешным казням, то она в равной мере является результатом субъективного анализа, на основании которого Комитет прогнозирует предполагаемую реакцию государств.

Я считаю, что нам следует вернуться к исходным соображениям гуманности и вновь вести дискуссию лишь на основе правовых рамок самого Пакта.

Не имеет смысла пытаться установить, что предпочтительнее в данном случае. Разумеется, само ожидание смертной казни представляет собой психологическую пытку. Однако является ли это нарушением статьи 7 Пакта? Является ли само по себе содержание в камере смертников жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращением?

Некоторые авторы считают, что оно таковым является. Вместе с тем этот аргумент вступает в противоречие с тем, что смертная казнь не запрещена Пактом, хотя отсутствие упоминания об этом в Пакте может привести к толкованиям, которые исключаются пунктом 1 статьи 2 Европейской конвенции о правах человека, в котором ясно предусматривается, что смертная казнь является допустимым отступлением от права на жизнь. Этому аргументу противоречит само существование Факультативного протокола.

Поэтому я считаю, что само по себе содержание в камере смертников в ожидании казни не может рассматриваться в качестве жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. Однако следует исходить из того, что продолжительность присущей такому ожиданию психологической пытки, которая не является нарушением статьи 7 Пакта, должна быть сведена государством к минимуму, необходимому для исчерпания средств правовой защиты.

Таким образом государство обязано обеспечивать наличие средств правовой защиты и устанавливать разумные сроки для их исчерпания и рассмотрения, допускать применение смертной казни лишь по исчерпанию последнего средства правовой защиты; так, согласно системе, действовавшей во Франции до принятия Закона от 9 октября 1981 года об отмене смертной казни, осужденному сообщалось об отклонении его прошения о помиловании одновременно с объявлением о приведении в исполнение смертного приговора непосредственно перед самой казнью.

Это нельзя рассматривать в качестве некой формулы, поскольку, по моему мнению, нельзя считать естественным механизм, с помощью которого государство может преднамеренно и хладнокровно лишить жизни человека, который не питает никаких иллюзий в отношении своей участи. Вместе с тем, поскольку Пакт не запрещает смертную казнь, то не может запрещаться и вынесение смертного приговора, однако Комитету по правам человека надлежит обеспечивать, чтобы положения Пакта в целом не нарушались в связи с приведением такого приговора в исполнение.

Разумеется, каждое дело следует рассматривать по существу: необходимо принимать во внимание физические и психологические аспекты обращения с заключенным, его возраст и состояние здоровья с целью оценки действий государства применительно к положениям статей 7 и 10 Пакта. Аналогичным образом судебная процедура и имеющиеся средства правовой защиты должны отвечать требованиям статьи 14 Пакта. И наконец, в данном конкретном случае законодательство и действия государства, а также действия заключенного являются теми элементами, на основании которых устанавливается, является ли разумным срок между вынесением приговора и приведением его в исполнение.

Таковы пределы субъективности Комитета при выполнении им своих контрольных функций, предусмотренных Пактом и Факультативным протоколом, исключая такие факторы, как предпочтение, которое заключенный предположительно отдает смерти или ее ожиданию, или опасение возможного неверного толкования государством мнения, изложенного в решениях Комитета.

ДОБАВЛЕНИЕ II

Особое мнение г-на Прафуллачандра Натварлала Бхавати, г-на Марко Тулио Бруни Челли, г-на Фаусто Покара и г-на Хулио Прадо Вальехо в соответствии с пунктом 3 правила 94 правил процедуры Комитета в отношении решения Комитета по сообщению № 588/1994, Эррол Джонсон против Ямайки

Развитие практики Комитета в связи с рассмотрением настоящего сообщения побуждает нас выразить мнение, расходящееся с точкой зрения большинства членов Комитета. В связи с рассмотрением некоторых дел Комитет постановил, что сам по себе длительный срок содержания в камере смертников не представляет собой нарушение статьи 7 Пакта, и мы соглашались с этими решениями с учетом особых обстоятельств каждого представленного на рассмотрение сообщения.

Однако соображения, принятые Комитетом в данном случае, свидетельствуют о недостаточной гибкости, что не позволит ему в дальнейшем рассматривать обстоятельства каждого дела с целью установления в каждом конкретном случае, является ли длительный срок содержания в камере смертников жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращением по смыслу статьи 7 Пакта. Необходимость проведения оценки каждого конкретного случая побуждает нас не согласиться с точкой зрения большинства членов Комитета и поддержать мнение других членов Комитета, которые не сочли возможным согласиться с позицией большинства, в частности особое мнение, выраженное г-жой Кристин Шане.

ДОБАВЛЕНИЕ III

Особое мнение г-на Франсиско Хосе Агилара Урбины в соответствии с пунктом 3 правила 94 правил процедуры Комитета в отношении решения Комитета по сообщению № 588/1994, Эррол Джонсон против Ямайки

Мнение большинства по настоящему сообщению вынуждает меня высказать свое особое мнение. Из предыдущих решений Комитета следует, что практика содержания заключенного в камере смертника сама по себе не является нарушением статьи 7 Пакта. Комитет неоднократно обращал внимание на то, что положение приговоренного к смерти как таковое нельзя квалифицировать в качестве жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. В ряде случаев я разделял эту позицию, высказывая при этом оговорку, - которую я хотел бы вновь высказать в представляемом мною особом мнении, - что считаю сам по себе смертный приговор бесчеловечным, жестоким и унижающим достоинство наказанием.

Я полагаю, что Комитет совершает ошибку, неукоснительно следуя своим предыдущим решениям, не пытаясь при этом выяснить, проанализировать и оценить конкретные обстоятельства представленного на рассмотрение дела. Стремление Комитета действовать при рассмотрении настоящего сообщения в русле своих предыдущих решений заставило его сделать вывод о том, что длительность пребывания заключенного в положении смертника ни в коем случае не может противоречить статье 7 Пакта.

По всей видимости, мнение большинства базировалось на предположении о том, что лишь полный отказ от своей прежней позиции мог бы позволить Комитету принять решение, согласно которому чрезмерно продолжительное пребывание в положении смертника может повлечь за собой нарушение вышеупомянутой нормы. В своих рассуждениях большинство исходило из следующих предпосылок:

1. Международный пакт о гражданских и политических правах не запрещает смертную казнь, хотя и жестко ограничивает возможность ее применения.

2. Пребывание в "камере смертников" является необходимым следствием вынесения смертного приговора, и каким бы жестоким, унижающим достоинство и бесчеловечным оно ни казалось, эта процедура сама по себе не может рассматриваться в качестве нарушения статей 7 и 10 Пакта.

3. Хотя Пакт не запрещает смертную казнь, его формулировки четко указывают на желательность отмены смертной казни.

4. Положения Пакта надлежит толковать в свете объекта и целей этого документа, которые призваны, в частности, содействовать сокращению случаев применения смертной казни, избегая при этом толкований, способных побудить государство к применению этой меры наказания.

С учетом этих соображений большинство членов Комитета по правам человека сформулировали ряд выводов, которые, по их мнению, позволяют им констатировать отсутствие какого бы то ни было нарушения статей 7 и 10 Пакта со стороны государства, являющегося объектом сообщения:

1. Государство-участник, приводящее в исполнение смертный приговор в отношении осужденного лица, которое ожидало этого в течение определенного времени, не нарушает положений Пакта, тогда как государство, не приводящее в исполнение такой приговор, нарушает эти положения. Из вышеизложенного следует, что о проблеме длительности содержания под стражей в камере смертников можно говорить лишь в том случае, если будет определен строго конкретный срок, несоблюдение которого влечет за собой нарушение Пакта.

2. Использование фактора времени в качестве определяющего признака нарушения Пакта может быть истолковано государствами-участниками как призыв к скорейшему приведению в исполнение смертного приговора после его вынесения.

3. Соображение о том, что продолжительное пребывание в камере смертников само по себе не является нарушением статей 7 и 10 Пакта, не исключает возможности того, что другие обстоятельства, связанные с таким заключением, могут придать ему характер жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство наказания.

Полностью принимая некоторые аргументы, изложенные большинством членов Комитета, я могу согласиться лишь с последним из сформулированных ими выводов и полагаю, что мнение большинства можно оспорить:

1. Я согласен с тем, что Пакт не запрещает смертную казнь, хотя и жестко ограничивает возможность ее применения.

2. Я также согласен с тем, что по причине отсутствия запрета на применение смертной казни государства-участники, все еще предусматривающие этот вид наказания в системе своих уголовных санкций, не могут быть лишены права ее применять при условии соблюдения установленных Пактом жестких ограничений и что существование "камеры смертников", где осужденный находится с момента вынесения смертного приговора до момента приведения его в исполнение, является в этой связи неизбежным.

3. Я также считаю, что положения Пакта недвусмысленно указывают на желательность отмены смертной казни.

4. В любом случае, нельзя отрицать непреложность того, что положения Пакта следует толковать в свете объекта и целей данного договора. Однако, соглашаясь с тем, что к числу определенных в Пакте целей и задач относится, в частности, сокращение числа случаев применения смертной казни, я тем не менее полагаю, что данная задача со всей определенностью вытекает из более широкой задачи, заключающейся в сокращении числа категорий преступлений, за которые предусмотрено вынесение смертных приговоров и, в конечном счете, в отмене смертной казни.

В настоящем случае, равно как и в случае со многими другими сообщениями по Ямайке, представленными за последнее десятилетие, не остается ничего другого, как с сожалением отметить, что отказ государства-участника соблюдать в течение последних 10 лет свое обязательство по представлению докладов в Комитет по правам человека в соответствии со статьей 40 Пакта лишает Комитет возможности вынести в рамках процедуры рассмотрения докладов решение по вопросу о применении смертной казни на Ямайке. Ямайка должна была представить свой второй периодический доклад 1 августа 1986 года и 3 августа 1991 года. Иными словами, в течение 15 лет Комитет не имеет возможности рассмотреть вопрос о том, соответствуют ли принципы применения смертной казни на Ямайке предусмотренным Пактом жестким ограничениям.

Вместе с тем я не могу согласиться с изложенным в этой связи мнением большинства, которое считает предпочтительным пребывание осужденного в камере смертников независимо от продолжительности такой процедуры. В любом случае аргументы большинства носят субъективный характер и не являются следствием объективного анализа договорных норм.

Во главу угла в данном случае ставится базовое предположение, согласно которому ожидание смертной казни предпочтительнее приведения в исполнение смертного приговора. Тем не менее этот аргумент нельзя считать обоснованным, поскольку, как я уже отмечал выше, сообщения данной категории можно рассматривать лишь в свете сопутствующих обстоятельств; иными словами, решения по таким сообщениям следует принимать лишь с учетом конкретных обстоятельств каждого дела.

Кроме того, доводы большинства носят сугубо субъективный характер, поскольку строятся на анализе образа действий человека, отражающем чувства членов Комитета, что не дает оснований для безоговорочного применения его результатов. Так, например, не было бы ничего удивительного в том, если бы приговоренное к смерти лицо, страдающее каким-либо неизлечимым или прогрессирующим заболеванием, предпочло бы казнь ее ожиданию в камере смертников, равно как нет ничего странного в том, что некоторые люди совершают убийства именно с той целью, чтобы их подвергли затем смертной казни; для таких людей каждый день пребывания в камере смертников превращается в настоящую пытку.

5. Кроме того, я не разделяю позицию, согласно которой решение о том, что чрезмерно продолжительное время, проведенное Эрролом Джонсоном в камере смертников, представляет собой нарушение Пакта, будет воспринято как обращенный к государствам-участникам "призыв" к скорейшему приведению в исполнение приговора в отношении приговоренных к смерти. Такая позиция также представляет собой субъективное мнение большинства и отражает эмоции членов Комитета, не являясь при этом результатом юридического анализа. Кроме того, такое суждение создает дополнительную проблему, обусловленную необходимостью определения *a priori* допустимых форм поведения государств-участников.

В этой связи я хотел бы также с сожалением отметить, что действия государства-участника не дают Комитету возможности оценить занимаемую им позицию по вопросу применения смертной казни. Более того, это обстоятельство относится к числу факторов, заставляющих меня не согласиться с мнением большинства:

а) я считаю невозможным предсказать будущий образ действий государства, которое неоднократно отказывалось выполнять свои обязательства по статье 40 (представление периодических докладов), поскольку Комитет лишен возможности обсудить этот конкретный вопрос с компетентными органами этого государства;

б) в конечном итоге принятое решение нельзя не расценивать как поощрение государства, которое по меньшей мере в течение десяти лет отказывалось соблюдать свои договорные обязательства, поскольку именно в его пользу были истолкованы сомнения в отношении действий, подлежащих прояснению в соответствии с процедурой, предусмотренной в статье 40.

Комитет не компетентен решать, какие действия были бы предпочтительными в ситуации, аналогичной той, которая описывается в настоящем сообщении. Равным образом Комитету не следует переводить рассмотрение данного сообщения в сугубо гипотетическую плоскость, с тем чтобы побудить абстрактных государственных чиновников к каким-либо конкретным действиям. В основе любого мнения должны лежать конкретные условия заключения г-на Джонсона.

Кроме того, любое решение по настоящему сообщению должно иметь под собой исключительно юридическую основу. Для большинства людей ожидание неминуемой смерти, несомненно, является пыткой; большинство приговоренных к смертной казни находится в аналогичной ситуации. Независимо от того, что, согласно моим философским убеждениям, наказание в виде смертной казни и соответственно его последствия (вынесение смертного приговора и ожидание приведения его в исполнение) представляют собой бесчеловечное, жестокое и унижающее достоинство наказание, я должен решить для себя следующий вопрос: указывают ли эти факты и, как это имеет место в настоящем случае, факт пребывания в камере смертников на нарушение Пакта.

В процессе обоснования любого суждения нельзя не учитывать того, что Пакт не запрещает смертную казнь. В силу этого нельзя утверждать, что феномен пребывания в камере смертников сам по себе относится к категории жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. Равным образом не может быть запрещено приведение смертного приговора в исполнение.

Тем не менее все государства-участники обязаны свести к минимуму последствия психологической пытки, связанной с ожиданием казни. Иными словами, государство должно обеспечить сведение к необходимому минимуму тех страданий, которые выпадают на долю лиц, ожидающих приведения смертного приговора в исполнение.

В этой связи необходимо обеспечить соблюдение следующих гарантий:

1. Юридические процедуры, устанавливающие вину осужденного к смерти, должны отвечать всем требованиям, предусмотренным в статье 14 Пакта.
2. Обвиняемый должен иметь право на надлежащее использование любых необходимых средств правовой защиты до тех пор, пока его вина не будет неоспоримо доказана.
3. Необходимо установить разумные предельные сроки исчерпания этих средств правовой защиты и их рассмотрения независимыми судами.
4. Смертная казнь может быть приведена в исполнение лишь после того, как будет исчерпано последнее средство правовой защиты и смертный приговор приобретет силу окончательного и не подлежащего обжалованию решения.
5. Обращение с осужденным, ожидающим смертной казни, должно в любом случае носить гуманный характер и исключать, в частности, неоправданные страдания, обусловленные фактом ожидания смерти.

Комитет по правам человека обязан обеспечить, чтобы положения Международного пакта о гражданских и политических правах не нарушались вследствие исполнения приговора. В этой связи я подчеркиваю, что Комитет должен изучать обстоятельства каждого конкретного дела. Для того чтобы определить, соответствует ли образ действия государственных властей положениям статей 7 и 10 Пакта, Комитету надлежит дать определение физическим и психологическим условиям содержания под стражей осужденного лица.

В этой связи Комитет должен установить, позволяют ли законы и практика государства, а также поведение и условия содержания осужденного, вынести решение по вопросу о том, является ли разумным срок, истекший с момента вынесения смертного приговора до момента его приведения в исполнение, и не влечет ли это за собой нарушение положений Пакта. Именно в этих рамках и должен действовать Комитет в процессе вынесения решения относительно соблюдения или нарушения норм Международного пакта о гражданских и политических правах.

Сообщение No. 612/1995

Представлено: Хосе Висенте и Амадо Вильяфанье Чапарро, Диоселина Торрес Креспо, Эрмес Энрике Торрес Солис и Висенсио Чапарро Искьердо [представлены адвокатом]

Предполагаемые жертвы: Хосе Висенте и Амадо Вильяфанье Чапарро, Луис Наполеон Торрес Креспо, Анхел Мария Торрес Арройо и Антонио Угэс Чапарро Торрес

Государство-участник: Колумбия

Объявлено приемлемым: 14 марта 1996 года (пятьдесят шестая сессия)

Дата принятия сообщений:* 29 июля 1997 года (шестидесятая сессия)

Предмет сообщения: Арест и последующее похищение лидеров коренной общины военнослужащими государства-участника

Вопросы процедуры: Исчерпание внутренних средств правовой защиты

Вопросы существа: Принудительные исчезновения и право на жизнь - Незаконное и произвольное задержание - Обязанность расследовать принудительные исчезновения - Пытки

Статьи Пакта: 2 (3), 6 (1), 7, 9, 14 и 27

Статьи Факультативного протокола и правила процедуры: 4, пункт 2, и 5, пункт 2 (b)

Заключение: Нарушение [ст. ст. 6, 7 и 9]

1. Авторами сообщения являются Хосе Висенте Вильяфанье Чапарро и Амадо Вильяфанье Чапарро, подающие жалобу от своего имени, и Диоселина Торрес Креспо, Эрмес Энрике Торрес Солис и Висенсио Чапарро Искьердо, действующие от имени своих умерших отцов, соответственно, Луиса Наполеона Торреса Креспо, Анхеля Мария Торреса Арройо и Антонио Угэса Чапарро Торреса. Все авторы сообщения являются членами общины Аруако, группы коренного населения Колумбии, проживающей в Вальедупаре, департамент Сесар, Колумбия. Утверждается, что они являются жертвами нарушения Колумбией положений пункта 3 статьи 2, пункта 1 статьи 6 и статей 7, 9, 14 и 27 Международного пакта о гражданских и политических правах. Их представляет адвокат г-н Федерико Эндрю Гусман.

Факты в изложении автора

2.1 28 ноября 1990 года приблизительно в 13 часов Луис Наполеон Торрес Креспо, Анхель Мария Торрес Арройо и Антонио Угэс Чапарро Торрес сели в Вальедупаре на автобус, следующий до Боготы, где они должны были принять участие в ряде встреч с государственными чиновниками. В тот же день приблизительно в 23 часа Хосе Висенте Вильяфанье и его брат Амадо Вильяфанье были арестованы солдатами из 2-го артиллерийского батальона "Ла Попа", расположенного в Вальедупаре. Командир батальона подполковник Луис Фернандо Дуке Искьердо дал санкцию на проведение обыска в домах братьев Вильяфанье, приказав лейтенанту Педро Фернандесу Окампо взять четырех солдат и провести этот обыск. Обыск был санкционирован на основании сведений военной разведки о том, что эти двое являются членами подразделения поддержки партизанской группы ЭЛН ("Эхерсито де Либерасьон Насьональ") и хранят оружие и материалы, предназначенные для использования исключительно вооруженными силами. Братья были освобождены 4 декабря 1990 года после серьезного давления, оказанного со стороны общины Аруако.

* В соответствии с правилом 85 правил процедуры один член Комитета, г-жа Пилар Гайтан де Помбо, не принимала участия в принятии сообщений.

2.2 Мануэль де ла Роса Пертус Пертус был тоже арестован 28 ноября 1990 года, когда он вышел из своего дома, чтобы помочь братьям Вильяфанье. Его доставили в казармы "Ла Попа", где, как утверждается, армейские офицеры жестоко обращались с ним, завязали ему глаза и подвергли допросу. Он был освобожден 29 ноября приблизительно в 19 часов 15 минут. Амарилис Эррера Араухо, гражданская жена Амадо Вильяфанье Чапарро, была также арестована ночью 28 ноября 1990 года, доставлена в казармы "Ла Попа" и допрошена. Она была освобождена около 1 часа ночи 29 ноября 1990 года. В двух последних случаях санкций на арест не было, однако оба арестованных были лишены возможности получить правовую помощь.

2.3 Вскоре выяснилось, что лидеры общины Аруако так и не прибыли в пункт их назначения в Боготе. 12 декабря 1990 года делегация общины Аруако отправилась в Курумани для проверки полученной информации о насильственном похищении ее лидеров. Было установлено, что 28 ноября 1990 года водитель автобуса (в котором ехали лидеры общины Аруако) сообщил полиции в Курумани, что примерно в 16 часов, когда автобус остановился около ресторана в Курумани, четверо вооруженных людей силой усадили в машину трех пассажиров из числа коренного населения. Полиция, тем не менее, не приняла никаких мер по этому заявлению.

2.4 13 декабря 1990 года в муниципалитете Босконьи делегации общины Аруако сообщили, что 2 декабря 1990 года в окрестностях Босконьи были обнаружены три трупа: один в самой Босконьи, второй в г. Эль-Пасо, а третий - в Лома-Линде возле реки Аргуари. Попытка опознать тела не предпринималась, однако одежда и другие детали, перечисленные в свидетельствах о смерти, указывали на то, что это были тела Луиса Наполеона Торреса Креспо, Анхеля Мария Торреса Арройо и Антонио Угэса Чапарро Торреса. В свидетельствах о смерти далее было указано, что на всех трех телах были обнаружены следы пыток. По распоряжению следователя из Вальедупара была произведена эксгумация этих тел. Первые два тела были эксгумированы 14 декабря, а третье - 15 декабря 1990 года. Приглашенные для опознания члены общины Аруако подтвердили, что это были тела Луиса Наполеона Торреса Креспо, Анхеля Мария Торреса Арройо и Антонио Угэса Чапарро Торреса. Вскрытие показало, что они были подвергнуты пыткам, а затем убиты выстрелом в голову.

2.5 В тот же день, 14 декабря 1990 года, община Аруако организовала встречу с государственными чиновниками и средствами массовой информации в Вальедупаре. На этой встрече Хосе Висенте Вильяфанье рассказал, что, когда он и его брат находились под арестом в казармах батальона "Ла Попа", на них оказывалось психическое давление, их подвергали телесным пыткам и допросам по поводу насильственного похищения партизанской группой одного землевладельца, некоего Хорхе Эдуардо Маттоса. Хосе Висенте Вильяфанье указал на командира батальона "Ла Попа" подполковника Луиса Фернандо Дуке Искьердо и командира разведывательного подразделения батальона лейтенанта Педро Антонио Фернандес Окампо как на лиц, которые несут ответственность за жестокое обращение с ним и с его братом. Далее он показал, что во время допроса и пыток они (офицеры) утверждали, что "у них под арестом находятся трое других лиц, которые уже во всем признались", и угрожали ему тем, что "если он не признается, они убьют других индейцев". Кроме того, однажды его допрашивал брат Хорхе Эдуардо Маттоса, Эдуардо Энрике Маттос, который сначала предлагал ему деньги в обмен на информацию о местонахождении его брата, а затем угрожал тем, что, если он не признается в течение 15 дней, они убьют еще несколько индейцев. По мнению Хосе Висенте Вильяфанье, тот факт, что его арест и исчезновение лидеров общины Аруако произошли в один и тот же день, а также угрозы в его адрес явно свидетельствуют о том, что лейтенант Фернандес Окампо и подполковник Дуке Искьердо несут ответственность за убийство трех лидеров общины Аруако и что Эдуардо Энрике Маттос заплатил им за это.

2.6 Община Аруако, далее, обвинила директора Управления по делам коренного населения в Вальедупаре Луиса Альберто Урибе в соучастии в этом преступлении, поскольку он сопровождал лидеров общины Аруако до автобусной остановки и был одним из очень немногих, кто знал о цели и пункте назначения этой поездки; кроме того, он, как утверждается, препятствовал попыткам общины добиться немедленного освобождения братьев Вильяфанье.

2.7 В связи с вопросом об исчерпании внутренних средств правовой защиты установлено, что предварительное следствие по этому делу первоначально вел следователь суда № 7 Вальедупара (*Juzgado 7° de Instrucción Criminal Ambulante de Valledupar*); 23 января 1991 года дело было передано следователю суда № 93 в Боготе (*Juzgado 93° de Instrucción Criminal Ambulante de Bogotá*), а 14 марта 1991 года - суду № 65 в Боготе. 30 мая 1991 года командир второй бригады в Барранкилье, действуя в качестве судьи военного трибунала первой инстанции, попросил следователя суда № 65 прекратить производство по делу в отношении подполковника Дуке Искьердо и лейтенанта Фернандеса Окампо, поскольку военный суд № 15 (*Juzgado 15° de Instrucción Penal Militar*) приступил к собственному расследованию этого дела. Кроме того, поскольку предполагаемые преступления были совершены соответствующими офицерами во время несения службы, то есть в статусе военнослужащих, они подпадают исключительно под военную юрисдикцию.

2.8 Следователь суда № 65 отказался прекратить производство по делу и обратился в дисциплинарный трибунал с просьбой вынести решение по этому вопросу; 23 июля 1991 года дисциплинарный трибунал вынес решение о том, что компетенцией судить подполковника Дюке Искьердо и лейтенанта Фернандеса Окампо фактически обладают военные суды, то есть вторая бригада в Барранкилье. При вынесении этого решения было зарегистрировано одно особое мнение, поскольку один из судей считал, что поведение этих двух офицеров не имело непосредственного отношения к их военному статусу. Утверждается, что военное уголовное разбирательство по делу двух обвиняемых в отношении заявления братьев Вильяфанье было прекращено 30 апреля 1992 года, а в отношении исчезновения и последующего убийства трех индейских вождей - 5 мая 1992 года. Эти решения были подтверждены Высоким военным судом (*Tribunal Superior Militar*) 8 марта 1993 года и в июле 1993 года.

2.9 Тем временем часть уголовного дела, в рамках которой предъявлялись обвинения Эдуардо Энрике Маттосу и Луису Альберто Урибе, была передана суду № 93; 23 октября 1991 года суд оправдал обоих обвиняемых и постановил прекратить любое возбужденное против них уголовное преследование. После этого адвокат подал апелляцию в Высокий суд в Вальедупаре, который оставил в силе решение от 23 октября 1991 года. Он постановил, что доказательства, имеющихся против Луиса Альберто Урибе, недостаточно для подтверждения его причастности к убийствам, и принял во внимание тот факт, что к тому времени Эдуардо Энрике Маттос скончался.

2.10 Отдел по правам человека Генеральной прокуратуры (*Procuraduría Delegada para la Defensa de los Derechos Humanos*) начал независимое дисциплинарное разбирательство по этому делу. В решении от 17 апреля 1992 года он признал подполковника Дуке Искьердо и лейтенанта Фернандеса Окампо виновными в пытках Хосе Висенте и Амадо Вильяфанье и в участии в тройном убийстве Луиса Наполеона Торреса Креспо, Анхеля Мария Торреса Арройо и Антонио Угэса Чапарро Торреса. Он вынес постановление об увольнении их из армии в дисциплинарном порядке. В то же время директор Управления по делам коренного населения был оправдан. Адвокат утверждает, что выводы Отдела по правам человека Генеральной прокуратуры упорно игнорируются колумбийскими властями, как явствует из ответа генерал-майора Эрнандо Камило Суньиха Чапарро от 3 ноября 1994 года на запрос информации, направленный колумбийской секцией Андской комиссии юристов. В своем ответе он заявил, что эти два офицера уволились из армии в декабре 1991 года и в сентябре 1992 года по собственному желанию.

Жалоба

3.1 Утверждается, что, как показывает вышеизложенная ситуация, члены общины Аруако Луис Наполеон Торрес Креспо, Анхель Мария Торрес Арройо и Антонио Угэс Чапарро Торрес, а также оба брата Вильяфанье являются жертвами нарушения Колумбией положений пункта 3 статьи 2, пункта 1 статьи 6 и статей 7, 9, 14 и 27 Пакта.

3.2 Адвокат утверждает, что исчезновение 28 ноября 1990 года и последующее убийство трех лидеров коренной общины военнослужащими вооруженных сил представляют собой нарушение положений статьи 6 Пакта.

3.3 Адвокат утверждает, что насильственное похищение и последующее убийство трех лидеров коренной общины населения без санкции на их арест являются нарушением положений статьи 9 Пакта.

3.4 Братья Вильяфанье утверждают, что жестокое обращение, которому они подвергались со стороны военнослужащих вооруженных сил, находясь под арестом в батальоне № 2 "Ла Попа" (им завязывали глаза и погружали с головой в канал и т. д.), представляет собой нарушение положений статьи 7.

3.5 Кроме того, допрос братьев Вильяфанье, членов коренной общины, военнослужащими вооруженных сил при полном игнорировании правил надлежащего процесса, что выразилось в лишении их помощи адвоката, а также убийство трех человек из числа коренного населения явно в нарушение колумбийской правовой системы, которая прямо запрещает вынесение смертных приговоров, представляют собой нарушение положений статьи 14 Пакта.

3.6 Наконец, братья Вильяфанье утверждают, что произвольное задержание и пытки двух членов общины Аруако, являющейся коренной общиной, а также исчезновение и убийство трех других членов этой общины, двое из которых были ее духовными лидерами, представляют собой нарушение культурных и религиозных прав членов общины Аруако по смыслу статьи 27 Пакта.

Информация и замечания, представленные государством-участником

4.1 В представлении от 22 марта 1995 года государство-участник утверждает, что его власти делали и делают все возможное для того, чтобы предать правосудию тех, кто повинен в исчезновении и убийстве Луиса Наполеона Торреса Креспо, Анхеля Мария Торреса Арройо и Антонио Угэса Чапарро Торреса. Государство-участник утверждает, что в данном деле внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны.

4.2 Государство-участник резюмирует положение дел в области дисциплинарного разбирательства следующим образом:

Дисциплинарное расследование было предпринято Отделом по правам человека Генеральной прокуратуры в связи с пытками, которым подвергались братья Вильяфанье, а затем в связи с насильственным похищением и убийством Луиса Наполеона Торреса Креспо, Анхеля Мария Торреса Арройо и Антонио Угэса Чапарро Торреса. Результатом этого расследования стала рекомендация об увольнении двух офицеров и об оправдании директора Управления по делам коренного населения Альберто Урибе Оньате. Это решение было обжаловано, однако 27 октября 1992 года решение суда низшей инстанции было оставлено в силе.

Уголовное преследование было возбуждено судом № 65 в Боготе и военным судом № 15; коллизия юрисдикций была разрешена в пользу военной юрисдикции. Государство-участник отмечает, что Генеральной прокуратурой был назначен специальный представитель для участия в этом разбирательстве. 5 мая 1993 года военный суд постановил, что доказательств, достаточных для обвинения подполковника Луиса Фернандо Дуке Искьердо и лейтенанта Педро Фернандеса Окампо (к тому времени капитана), нет и расследование следует прекратить. Высоким военным судом это решение было оставлено в силе.

Тем временем 23 октября 1991 года уголовный суд № 93 вынес постановление о прекращении дела против Альберто Урибе Оньате и Эдуардо Энрике Матгоса; он также вынес решение о том, что это дело должно быть возвращено в судебную полицию Вальдупара для дальнейшего расследования. В соответствии со статьей 324 Уголовно-процессуального кодекса предварительное расследование должно проводиться до тех пор, пока не будет собрано достаточно доказательств либо для обвинения, либо для установления личности тех, кто, как предполагается, повинен в совершении преступления.

4.3 В своем ответе адвокат утверждает, что заявление государства-участника о наличии внутренних средств правовой защиты является ложным доводом, поскольку в военном кодексе Колумбии нет положений, позволяющих жертвам нарушений прав человека или их семьям возбуждать уголовное судопроизводство о возмещении ущерба в военном суде.

4.4 В последующем представлении от 8 декабря 1995 года государство-участник отмечает, что своим решением по апелляции на приговор от 26 августа 1993 года, вынесенный административным трибуналом Вальедупара в отношении причастности военнослужащих к исчезновению и последующему убийству трех лидеров коренной общины, третья секция Административной палаты Государственного совета оставила в силе решение нижестоящего суда о том, что нет доказательств, подтверждающих их участие в убийстве трех лидеров коренной общины.

Решение Комитета о приемлемости

5.1 На своей пятьдесят шестой сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения и принял к сведению просьбу государства-участника признать это сообщение неприемлемым. В связи с вопросом об исчерпании имеющихся внутренних средств правовой защиты Комитет отметил, что об исчезновении жертв водитель автобуса немедленно сообщил полиции в Курумани, что в жалобе, поданной в Отдел по правам человека Генеральной прокуратуры, четко указано, кто из армейских офицеров несет ответственность за нарушения и должен понести наказание, и что в уголовном суде № 93 было возбуждено дальнейшее судопроизводство. Невзирая на эти существенные доказательства, было проведено военное расследование, в результате которого оба офицера были оправданы и не предстали перед судом. По мнению Комитета, решения военного суда № 15 ставят под сомнение эффективность средств правовой защиты, находящихся в распоряжении авторов сообщения. В данных обстоятельствах необходимо сделать вывод о том, что авторы сообщения настойчиво, но безуспешно ходатайствовали о средствах правовой защиты, направленных на уголовное преследование двух армейских офицеров, которые должны нести ответственность за исчезновение трех лидеров общины Аруако и пытки братьев Вильяфанье. С момента событий, о которых идет речь в настоящем сообщении, прошло более пяти лет, а тем, кто несет ответственность за смерть трех лидеров общины Аруако, так и не было предъявлено обвинение, не говоря уже о суде над ними. Комитет пришел к выводу о том, что авторы сообщения выполнили требования подпункта b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола.

5.2 Комитету пришлось принимать решение о том, можно ли считать дисциплинарное и административное разбирательство эффективными внутренними средствами правовой защиты по смыслу подпункта b) пункта 2 статьи 5. Комитет напомнил, что внутренние средства правовой защиты должны быть не только доступными, но и эффективными и что термин "внутренние средства правовой защиты" необходимо истолковывать как касающийся в первую очередь средств судебной защиты. Комитет признал, что эффективность средства правовой защиты зависит также от характера предполагаемого нарушения. Иными словами, если предполагаемое преступление является наиболее серьезным, как, например, в случае нарушений основных прав человека, в особенности права на жизнь, чисто административные и дисциплинарные средства правовой защиты нельзя считать достаточными и эффективными. Такой вывод касается, в частности, ситуаций, в которых, как и в настоящем деле, жертвы или их семьи не могут быть стороной в судебном процессе или даже вступать в процесс в рамках военной юрисдикции и тем самым лишены возможности получить какую-либо компенсацию в рамках этих юрисдикций.

5.3 В отношении жалобы на основании статьи 27 Комитет признал, что авторы сообщения не смогли в достаточной степени обосновать, каким образом действия, приписываемые военнослужащим и властям государства-участника, нарушили право общины Аруако пользоваться своей культурой или исповедовать свою религию. Соответственно в этой части жалоба была признана неприемлемой.

5.4 В свете вышеизложенных пунктов 5.1 и 5.2 Комитет признал, что авторы сообщения выполнили требования подпункта b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола. Их жалобы на основании пункта 1 статьи 6 и статей 7, 9 и 14 Пакта были достаточно обоснованными и могут быть рассмотрены по существу дела.

Информация и замечания государства-участника по существу дела и комментарии адвоката по ним

6.1 В своем представлении от 14 ноября 1996 года в соответствии с пунктом 2 статьи 14 Факультативного протокола государство-участник отмечает, что при получении информации, необходимой для подготовки ответа Комитету по рассматриваемому делу, возникали трудности внутреннего характера. Оно считает, что это дело следует признать неприемлемым, поскольку внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны, и отмечает, что готово вернуться к рассмотрению данного дела в случае появления новых доказательств, обосновывающих такие действия.

6.2 В отношении уголовного разбирательства государство-участник утверждает, что первое разбирательство по делу, возбужденному против г-на Эдуардо Энрике Маттоса и г-на Альберто Урибе после убийства лидеров коренной общины, закончилось безрезультатно и установить виновных не представилось возможным. 18 января 1995 года проведение расследования было поручено семнадцатой прокуратуре при окружном суде Вальедупара, и на основании статьи 326 Уголовно-процессуального кодекса прокуратура приостановила расследование, поскольку с 30 июня 1992 года новых доказательств не появилось. 23 марта 1995 года прокурор семнадцатой прокуратуры возобновил расследование с целью рассмотрения возможности обеспечения взаимодействия с предполагаемым свидетелем событий. 9 мая 1995 года этот свидетель был допрошен штатным психологом Группы технического расследования в Букараманге. 1 ноября 1995 года психолог представил отчет по вопросу о надежности свидетеля. Учитывая противоречия в показаниях, которые свидетель дал прокурору и психологу, прокурор принял решение о том, что этот свидетель не заслуживает доверия. 2 сентября 1996 года он распорядился временно приостановить расследование по этому делу на основании той же статьи 326 Уголовно-процессуального кодекса.

6.3 Что касается дисциплинарного расследования и увольнения подполковника Луиса Фернандо Дуке Искьердо и лейтенанта Фернандеса Окампо, то они вышли в отставку по собственному желанию на основании решений от декабря 1991 года и сентября 1992 года, которые были оставлены в силе решением от 7 ноября 1996 года.

7.1 В своих комментариях к уголовному расследованию адвокат отмечает, что это расследование проводилось в двух сферах: в рамках обычной юрисдикции и в рамках военной юрисдикции. Обычное уголовное расследование имело запутанный характер: 30 июня 1992 года расследование было приостановлено решением Высокого суда Вальедупара; 23 марта 1995 года расследование было возобновлено на основании постановления Генерального прокурора страны; 2 сентября 1995 года расследование было временно приостановлено по ходатайству прокурора семнадцатой прокуратуры в Вальедупаре. Через шесть лет после начала следствия проводившееся по обоим направлениям расследование завершилось закрытием дела.

7.2 Адвокат утверждает, что это уголовное расследование резко отличается от четких и убедительных действий со стороны Отдела по правам человека Генеральной прокуратуры. В решении № 006 от 27 апреля 1992 года Отдел по правам человека признал обоснованными следующие факты:

Вожди индейской общины Аруако Луис Наполеон Торрес Креспо, Анхель Мария Торрес Арройо и Антонио Угэс Чапарро Торрес 28 ноября 1990 года были задержаны подразделениями колумбийской армии вблизи Курумани, департамент Сесар.

В тот же день, 28 ноября, приблизительно в 22 час. братья Хосе Висенте и Амадо Вильяфанье Чапарро, являющиеся членами коренной общины, а также Мануэль де ла Роса Пертус были задержаны в Вальедупаре, департамент Сесар, группами военнослужащих под командованием лейтенанта Педро Антонио Фернандеса Окампо в ходе операции, проводимой по приказу военного суда № 15, и позднее доставлены в казармы артиллерийского батальона "Ла Попа", где они подверглись пыткам (листы дела 12 и 13). По мнению Отдела по правам человека, "нет никаких сомнений в том, что подполковник Дуке Искьердо играл активную роль в расследуемых событиях" (лист дела 13).

Хосе Висенте Вильяфанье Чапарро против его воли и после применения к нему пыток был доставлен на вертолете в одно из горных мест (листы дела 14 и 17), где его в рамках расследования, проводимого группой военных, прикомандированных к военному суду № 15, пытали военнослужащие подразделений второго артиллерийского батальона "Ла Попа" с целью определения местонахождения г-на Хосе Эдуардо Матгоса, похищенного повстанческой группой.

Когда братья Вильяфанье Чапарро находились под стражей в армейских казармах, они в присутствии военного персонала подверглись допросу и пыткам со стороны Эдуардо Энрике Матгоса, который был гражданским лицом и братом похищенного лица. Эдуардо Энрике Матгос угрожал братьям Вильяфанье тем, что убьет индейцев, если братья не раскроют ему местонахождение его брата, и сказал "в подтверждение этого, что трое из них ими уже задержаны" (лист дела 31).

Согласно доказательствам, собранным Отделом по правам человека, военные операции, в ходе которых были задержаны лидеры коренной общины Луис Наполеон Торрес Креспо, Анхель Мария Торрес Арройо и Антонио Угэс Чапарро Торрес, с одной стороны, и братья Вильяфанье Чапаррос и Мануэль де ла Роса Пертус - с другой, координировались из Вальедупара и, почти несомненно, из 2-го артиллерийского батальона "Ла Попа" (лист дела 19).

7.3 В вышеупомянутом решении 1992 года Отдел по правам человека признал, что участие этих двух офицеров в данных событиях установлено, о чем в решении была сделана следующая запись:

"Луис Фернандо Дуке Искьердо и Педро Антонио Фернандес Окампо принимали участие как в телесных пытках членов местной общины Аруако Хосе Висенте и Амадо Вильяфанье Чапарро и одного гражданского лица Мануэля де ла Роса Пертуса Пертуса, так и в оказании психического давления на них, а также в насильственном похищении и последующем убийстве Анхеля Мария Торреса, Луиса Наполеона Торреса и Антонио Угэса Чапарро" (лист дела 30). Основываясь на доказательствах, собранных Отделом по правам человека, адвокат отвергает доводы колумбийского правительства, оправдывающие задержки и остановки в проведении расследования.

7.4 Адвокат утверждает, что дисциплинарная процедура, в результате которой было принято постановление о двух санкциях, имела не судебный, а административный характер, то есть характер "дисциплинарного расследования", направленного "на сохранение упорядоченного прохождения государственной службы и защиту принципа законности, нарушаемого представителями государства, которые совершают незначительные административные проступки". В силу своих дисциплинарных полномочий Генеральный прокурор страны после завершения дисциплинарной процедуры может, в случае необходимости, распорядиться о применении административных санкций. Частные лица не могут быть сторонами дисциплинарного расследования и не могут возбуждать уголовное разбирательство по делу о возмещении ущерба. Аналогичным образом, лица, получившие телесные повреждения в результате административных правонарушений, не могут использовать дисциплинарную процедуру для получения соответствующей компенсации за нанесенные им травмы.

Цель дисциплинарного разбирательства заключается не в том, чтобы обеспечить компенсацию за телесные повреждения, полученные в результате действий представителя государства, или восстановление нарушенного права. В этой связи адвокат ссылается на предыдущие решения Комитета¹.

7.5 Адвокат настаивает на том, что внутренние средства правовой защиты были исчерпаны, когда соответствующее заявление о возбуждении уголовного дела было подано в компетентный обычный суд и когда было возбуждено уголовное разбирательство по делу о возмещении ущерба. Разбирательство по этому делу было прекращено. В ходе разбирательства была допущена необоснованная задержка.

Рассмотрение дела по существу

8.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей информации, предоставленной ему сторонами, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

8.2 В своем представлении от 14 ноября 1996 года государство-участник отмечает, что лейтенант Фернандес Окампо и подполковник Искьердо уволились из армии по собственному желанию на основании решений 7177 от 7 сентября 1992 года и 9628 от 26 декабря 1991 года, соответственно. Кроме того, рекомендация Отдела по правам человека Генеральной прокуратуры об увольнении этих двух человек не была осуществлена, поскольку они уволились из армии по собственному желанию. Государство-участник также еще раз заявляет о своем стремлении в полной мере гарантировать осуществление прав человека и основных свобод. Эти замечания, как представляется, должны означать, что, по мнению государства-участника, вышеупомянутое решение представляет собой эффективное средство правовой защиты для семей погибших лидеров коренной общины и для братьев Вильяфанье. Комитет не разделяет это мнение: как отмечается в его решении о приемлемости, чисто дисциплинарные и административные средства правовой защиты нельзя считать достаточными и эффективными средствами правовой защиты по смыслу пункта 3 статьи 2 Пакта в случае наиболее серьезных нарушений прав человека, в особенности когда речь идет о нарушении права на жизнь.

8.3 В отношении предполагаемого нарушения пункта 1 статьи 6 Комитет отмечает, что в решении Отдела по правам человека № 006/1992 от 27 апреля 1992 года четко устанавливается ответственность представителей государства за исчезновение и последующую смерть трех индейских вождей. Комитет, соответственно, приходит к выводу о том, что в данных обстоятельствах государство-участник несет непосредственную ответственность за исчезновение и последующее убийство Луиса Наполеона Торреса Креспо, Анхеля Мария Торреса Арройо и Антонио Угэса Чапарро Торреса в нарушение статьи 6 Пакта.

8.4 В том что касается утверждения на основании статьи 7 в отношении трех лидеров коренной общины, Комитет отметил результаты вскрытия, а также содержащиеся в свидетельствах о смерти данные, которые говорят о том, что лидеры общины были подвергнуты пыткам, а затем убиты выстрелом в голову. Учитывая обстоятельства насильственного похищения г-на Луиса Наполеона Торреса Креспо, г-на Анхеля Мария Торреса Арройо и г-на Антонио Угэса Чапарро Торреса, а также результаты вскрытия и отсутствие информации по этому вопросу со стороны государства-участника, Комитет делает вывод о том, что г-н Луис Наполеон Торрес Креспо, г-н Анхель Мария Торрес Арройо и г-н Антонио Угэс Чапарро Торрес после своего исчезновения подвергались пыткам в нарушение статьи 7.

¹ См. соображения по сообщению № 563/1993 (*Индия Баутиста де Ареллана против Колумбии*), принятые 27 октября 1995 года, пункт 8.2.

8.5 В отношении утверждения братьев Вильяфанье на основании статьи 7 Комитет отметил содержащиеся в решении от 27 апреля 1992 года выводы о том, что братья подвергались жестокому обращению со стороны солдат 2-го артиллерийского батальона "Ла Попа", в частности им завязывали глаза и погружали их с головой в канал. Комитет приходит к выводу о том, что Хосе Висенте и Амадо Вильяфанье подвергались пыткам в нарушение статьи 7 Пакта.

8.6 Адвокат утверждал о нарушении статьи 9 в отношении трех убитых лидеров индейской общины. В вышеупомянутом решении Отдела по правам человека содержался вывод о том, что насильственное похищение и последующее содержание под стражей лидеров коренной общины было незаконным (см. пункты 7.2 и 7.3, выше), поскольку не было санкции на их арест и им не было предъявлено никаких официальных обвинений. Комитет приходит к выводу о том, что содержание авторов сообщения под стражей было незаконным и произвольным, что является нарушением статьи 9 Пакта.

8.7 Адвокат утверждал о нарушении статьи 14 Пакта в связи с допросом братьев Вильяфанье военнослужащими вооруженных сил и гражданским лицом с разрешения военнослужащих в отсутствие адвоката и при полном игнорировании правил надлежащего процесса. Поскольку братьям Вильяфанье не было предъявлено никаких обвинений, Комитет считает целесообразным вести речь о произвольном задержании, а не о несправедливом судебном разбирательстве или несправедливых процессуальных действиях по смыслу статьи 14. Соответственно Комитет приходит к выводу о том, что Хосе Висенте и Амадо Вильяфанье подверглись произвольному задержанию в нарушение статьи 9 Пакта.

8.8 Наконец, Комитет неоднократно заявлял о том, что в Пакте не предусматривается право частных лиц требовать от государства осуществления уголовного преследования других лиц². Тем не менее Комитет считает, что государство-участник обязано провести тщательное расследование предполагаемых нарушений прав человека, в частности насильственных исчезновений и нарушений права на жизнь, и подвергнуть тех, кто, как предполагается, повинен в таких нарушениях, уголовному преследованию, суду и наказанию. Эта обязанность применяется *a fortiori* к тем случаям, когда установлены лица, совершившие такие нарушения.

9. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, приходит к выводу о том, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении государством-участником статей 7 и 9 Пакта по делу братьев Вильяфанье и статей 6, 7 и 9 Пакта по делу трех вождей - Луиса Наполеона Торреса Креспо, Анхеля Мария Торреса Арройо и Антонио Угэса Чапарро Торреса.

10. В соответствии с пунктом 3 статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить г-ну Хосе Висенте и г-ну Амадо Вильяфанье и семьям убитых лидеров коренной общины эффективные средства правовой защиты, включая компенсацию за ущерб и травмы. Комитет принимает к сведению содержание решения Отдела по правам человека № 029/1992 от 29 сентября 1992 года, подтверждающего решение № 006/1192 от 27 апреля, однако обращается к государству-участнику с настоятельным призывом ускорить уголовное разбирательство в целях быстрого осуществления уголовного преследования и привлечения к суду лиц, ответственных за насильственное похищение, пытки и смерть г-на Луиса Наполеона Торреса Креспо, г-на Анхеля Мария Торреса Арройо и г-на Антонио Угэса Чапарро Торреса, а также лиц, ответственных за насильственное похищение и пытки братьев Вильяфанье. Кроме того, государство-участник обязано обеспечить, чтобы подобные случаи не повторялись в будущем.

² См. соображения по сообщению № 213/1986 (*Н.С.М.А. против Нидерландов*), принятые 30 марта 1989 года, пункт 11.6; сообщению № 275/1988 (*С.Е. против Аргентины*), принятые 26 марта 1990 года, пункт 5.5; сообщениям № 343Р345/1988 (*Р.А., V.N. и др. против Аргентины*), принятые 26 марта 1990 года, пункт 5.5.

11. Принимая во внимание, что при присоединении государства-участника к Факультативному протоколу оно признало компетенцию Комитета устанавливать, имело ли место нарушение Пакта, и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в настоящем Пакте, и обеспечивать эффективные средства правовой защиты в случае установления какого-либо нарушения, Комитет был бы признателен за получение от государства-участника в течение 90 дней информации о мерах, принятых для выполнения настоящих соображений Комитета.

Сообщения №№ 623, 624, 626 и 627/1995

Представлено: Виктор Домуковский, Заза Циклаури, Петр Гельбахиани и Ираклий Доквадзе

Предполагаемые жертвы: Авторы

Государство-участник: Грузия

Объявлено приемлемым: 5 июля 1996 года (пятьдесят седьмая сессия)

Дата принятия соображений: 6 апреля 1998 года (шестьдесят вторая сессия)

Предмет сообщения: Предполагаемое похищение после отказа в выдаче по обвинению в терроризме, жестокое обращение во время содержания под стражей и несправедливое судебное разбирательство

Вопросы процедуры: Временные меры защиты - Отсутствие сотрудничества со стороны государства-участника

Вопросы существа: Незаконный арест - пытки и жестокое обращение - Несправедливое судебное разбирательство - Произвольное назначение смертного приговора - Неадекватность процедуры обжалования

Статьи Пакта: 7, 9, 10, 12, 14, 15, 19, 21 и 25

Статья Факультативного протокола и правила процедуры: правило 86

Заключение: Нарушения [ст. ст. 7, 9, пункты 1 и 2, 10, пункт 1, 14, пункты 3 (d) и 5]

1. Авторами сообщений являются Виктор П. Домуковский, Заза Циклаури, Петр Гельбахиани и Ираклий Доквадзе, трое из которых грузины, а один - русский, находящиеся в тюремном заключении в Грузии, при этом два последних лица приговорены к смертной казни. Они утверждают, что они являются жертвами нарушений Грузией положений статей 7, 9, 10, 12, 14, 15, 19, 21 и 25 Международного пакта о гражданских и политических правах.

1.2 5 июля 1996 года Комитет постановил совокупно рассматривать эти сообщения.

Факты в изложении авторов

2.1 Автором первого сообщения (№ 623/1995) является г-н Домуковский, русский. 5 октября 1993 года г-н Домуковский и 18 других лиц предстали перед судом в Верховном суде Грузии по обвинению в участии в террористических актах с целью ослабления государственной власти и убийства главы государства г-на Шеварднадзе. 6 марта 1995 года г-н Домуковский был признан виновным и приговорен к 14 годам лишения свободы.

2.2 Он заявляет, что 3 февраля 1993 года правительство Азербайджана, где он искал убежище, отказало Грузии в просьбе о его выдаче и выдаче проходившего с ним по одному делу г-на П Гельбахиани. После этого в апреле 1993 года он был похищен с территории Азербайджана и незаконно арестован. В этой связи он заявляет, что президент Грузии публично похвалил спецслужбы, которые совершили это похищение, за отлично проведенную операцию. Автор заявляет, что после ареста он был избит и содержался под стражей с 6 апреля 1993 года по 27 мая 1993 года, после чего был переведен в одиночную камеру в КГБ, где содержался до августа 1993 года. Он далее утверждает, что его арест был незаконным, поскольку он являлся депутатом Верховного совета Грузии и как таковой обладал иммунитетом.

2.3 13 августа и 11 декабря 1994 года он был жестоко избит в своей камере, в результате чего получил сотрясение мозга. Не приводя никаких подробностей, он утверждает далее, что его вынудили давать показания против самого себя.

2.4 Автор заявляет, что 13 октября 1993 года в нарушение применимых юридических норм суд отказал ему в просьбе получить копию обвинительного заключения на являющемся для него родным русском языке. Он далее заявляет, что ему не были представлены копии всех связанных с предъявленными ему обвинениями материалов. Кроме того, он утверждает, что судья несколько раз препятствовал его встречам с его юридическими представителями. В этой связи он заявляет, что он был вынужден обращаться к судье за разрешением встретиться со своим адвокатом. Он утверждает, что непредоставление ему беспрепятственного доступа к защитнику является нарушением пункта 3(b) статьи 14.

2.5 Он жалуется на то, что ему не было позволено говорить что-либо в суде, что он беспричинно был удален из зала заседания. Из приложений следует, что автор повернулся спиной к суду в знак протеста против не соответствующего правилам характера ведения заседаний и что суд над ним проходил в его отсутствие и без защитника. В этой связи он заявляет, что судья отстранил трех адвокатов от участия в судебном разбирательстве и что его четвертый адвокат не был допущен судьей на судебное разбирательство. В этих обстоятельствах, по заявлению автора, он не имел возможности вызвать кого бы то ни было из свидетелей или провести перекрестный допрос свидетелей, дававших показания против него.

2.6 Он утверждает, что суды в Грузии не являются независимыми, а действуют в соответствии с указаниями президента Шеварднадзе.

2.7 Он утверждает, что в нарушение положений статьи 19 Пакта его преследуют за то, что он придерживается иных политических взглядов, и за попытку выразить свои взгляды и защиту конституции Грузии, которая была нарушена 22 декабря 1991 года в результате смены политической власти. Он отрицает свою вину в каких бы то ни было насильственных действиях.

2.8 Что касается исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты, то г-н Домуковский заявляет, что он безуспешно подавал апелляции Председателю Верховного суда, судье, который вел судебное разбирательство по его делу, Председателю Государственной комиссии по правам человека, министру внутренних дел и Председателю КГБ. Судья якобы сказал ему, что, поскольку судебное разбирательство по его делу не является обычным, следовать закону нет возможности. Заявляется, что решение Верховного суда обжалованию не подлежит.

3.1 Автором второго сообщения (№ 624/1995) является г-н Циклаури, грузин, 1961 года рождения, физик по профессии. Он был арестован 7 августа 1992 года при посещении им своего брата, являвшегося депутатом Верховного совета и префектом района Казбеги до военного переворота 1991-1992 годов. Он утверждает, что он был арестован без ордера на арест. Год спустя ему показали ордер на арест, предъявив ему обвинение в подготовке переворота в июле 1992 года, хранении

оружия и взрывчатки, государственной измене и чинении помех следствию. Он отвергает эти обвинения, которые, как он утверждает, подпадают под государственную амнистию от 4 августа 1992 года. Он поясняет, что причина этих обвинений в борьбе сторонников президента Гамсахурдии против режима, который взял власть в декабре 1991 года - январе 1992 года и не стал законным до выборов, состоявшихся в октябре 1992 года.

3.2 Г-н Циклаури утверждает, что на него оказывалось постоянное психологическое, физическое давление, с тем чтобы установить его контакты с бывшим президентом Звиадом Гамсахурдией. В результате такого обращения он получил тяжелые увечья, сотрясение мозга, у него произошла утрата речи и способности двигаться, были сломаны ноги, ребра, он имел открытые кровоточащие раны и ожоги, причиненные кипятком. Он утверждает, что в результате пыток он подписал признание в собственной виновности. Он обосновывает свои утверждения приложенными несколькими заявлениями свидетелей, свидетельствующими о результатах пыток.

3.3 Он утверждает, что суд над ним и лицами, обвиняемыми вместе с ним, был абсолютно несправедливым и нарушившим почти все статьи Уголовного кодекса Грузии. Более конкретно он заявляет, что ему не предоставили копии обвинительного заключения или других документов, касающихся предъявленных ему обвинений. Он далее заявляет, что ему было отказано в том, чтобы в слушании дела участвовал адвокат по его выбору, что ему не было позволено вызвать свидетелей защиты, что ему было запрещено присутствовать на судебном разбирательстве и что в результате он не мог произвести перекрестный допрос свидетелей, показывавших против него, и вести свою защиту. 6 марта 1995 года он был осужден и приговорен к пяти годам лишения свободы.

4.1 Автором сообщения № 626/1995 является г-н Гельбахиани, профессор медицины. Он грузин и родился в Тбилиси в 1962 году.

4.2 Г-н Гельбахиани заявляет, что 6 января 1992 года президент Грузии, избранный 87 процентами населения, был свергнут в результате военного переворота в нарушение положений статьи 25 Пакта. С того времени оппозиция жестоко подавляется. Г-н Гельбахиани утверждает, что в нарушение статьи 19 Пакта он преследовался за свои политические взгляды, высказывавшиеся, в частности, на митингах и собраниях, и что 7 мая 1992 года в нарушение статьи 21 был разогнан митинг врачей, на котором он председательствовал. В этих условиях он предпочел покинуть страну. В этой связи он также ссылается на положения пункта 2 статьи 12 Пакта.

4.3 Он заявляет, что имел разрешение от президента Азербайджана и министра внутренних дел на проживание в Баку, столице Азербайджана. 6 апреля 1993 года 30 хорошо вооруженных людей похитили его и г-на Домуковского и доставили их в Тбилиси, где их подвергли физическим и моральным пыткам, с тем чтобы выбить из них показания. Он заявляет, что он провел два месяца в камере, в которой заключенные могут содержаться лишь в течение трех дней.

4.4 В то время как дело находилось на рассмотрении Верховного суда, г-н Шеварднадзе якобы высказывался в газетах и по телевидению, игнорируя принцип презумпции невиновности, называя подзащитных "убийцами" и "требуя вынесения смертного приговора", в нарушение пункта 2 статьи 14 Пакта.

4.5 Автор также утверждает о наличии грубых нарушений уголовно-процессуального кодекса, поскольку лишь определенным лицам было разрешено присутствовать на суде. Эти лица были перечислены в специальном списке, подписанном судьей. Заявляется, что это представляет собой нарушение положений пункта 1 статьи 14 Пакта.

4.6 Г-н Гельбахиани утверждает, что ему было отказано в справедливом разбирательстве. Несколько из проходивших с ним по этому делу подзащитных не имели адвокатов и им не было разрешено изучить дело на своем родном языке, что препятствовало их защите. Автор заявляет, что он не имел возможности заранее ознакомиться с материалами судебного разбирательства. Кроме того, судья назначил для его защиты того адвоката, которому он уже дал отвод.

4.7 Судебное разбирательство в Верховном суде несколько раз останавливалось без объективных на то причин и продолжалось с 5 октября 1993 года по 6 марта 1995 года.

4.8 На одном из этапов он был удален из зала судебного заседания, и впоследствии суд проходил в его отсутствие. Основные свидетели не были допрошены в суде, и против него было выставлено лишь очень небольшое количество свидетелей. Он утверждает, что в течение всего процесса допроса на него оказывалось моральное и физическое давление, с тем чтобы вынудить его заявить о своей виновности и "сознаться".

4.9 6 марта 1995 года он был приговорен к смертной казни. Он утверждает, что он приговорен к смертной казни в нарушение положений статьи 15 Пакта, поскольку действовавшая на момент инцидента, за который он был осужден, Конституция запрещала применение наказания в виде смертной казни.

5.1 Автором сообщения № 627/1995 является гражданин Грузии г-н Доквадзе, который родился в Тбилиси в 1961 году.

5.2 Г-н Доквадзе заявляет, что он был арестован 3 сентября 1992 года и подвергся жестоким пыткам в нарушение положений статьи 7 Пакта. Во время следствия его принудили признать свою вину под угрозой убийства его двух малолетних дочерей. Автор заявляет, что он отказался от этого признания на суде.

5.3 Как и проходящие по одному делу с ним некоторые подзащитные, г-н Доквадзе был удален из зала заседания и впоследствии на заседаниях отсутствовал. Он утверждает, что, как и проходившим совместно с ним по делу подзащитным, ему было отказано в справедливом разбирательстве беспристрастным и компетентным судом.

5.4 6 марта 1995 года он был приговорен к смертной казни.

Жалоба

6. Авторы утверждают, что как их арест, так и содержание их под стражей носили произвольный и противоречащий различным положениям статьи 9 Пакта характер. Они жалуются, что подвергались пыткам и жестокому обращению в нарушение статей 7 и 10 Пакта. Далее они утверждают, что государство-участник нарушило положения статей 19, 21 и 25 в отношении них, поскольку им не давали вести политическую деятельность и преследовали их за их политические взгляды. Что касается возбужденных против них уголовных разбирательств, то они утверждают, что суд не был беспристрастным и были нарушены принцип презумпции невиновности и гарантии справедливого разбирательства. Что касается двух приговоров, предусматривающих смертную казнь, то они предположительно влекут за собой нарушение принципа *nulla poena sine lege* в нарушение статьи 15 Пакта, а следовательно и положений статьи 6 Пакта.

Информация государства-участника и комментарии авторов

7.1 Сообщения г-на Домуковского и г-на Циклаури были препровождены государству-участнику в соответствии с правилом 91 правил процедуры 2 марта 1995 года с просьбой к государству-участнику представить замечания относительно приемлемости сообщений. В то же время Комитет просил государство-участника в соответствии с правилом 86 отложить приведение в исполнение любых смертных приговоров до того времени, когда Комитет сможет рассмотреть эти дела. Сообщения г-на Гельбахиани и г-на Доквадзе были препровождены в соответствии с правилами 86 и 91 правил процедуры 10 марта 1995 года.

7.2 Хотя государство-участника просили представить его замечания относительно приемлемости, оно 10 марта 1996 года представило лишь информацию относительно того, что 6 марта 1996 года 17 подзащитных по уголовному делу № 7493010 получили различные приговоры, включая двух подзащитных, а именно Петра Гельбахиани и Ираклия Доквадзе, которые были приговорены к смертной казни. Был также представлен перечень осужденных и вынесенных им приговоров. Что касается приговоров к смертной казни в целом, то государство-участник указало, что они могут быть обжалованы в Верховном суде и что приведение в исполнение приговоров к смертной казни отложено до рассмотрения вопроса о помиловании Комиссией по помилованию.

7.3 В письме от 23 марта 1995 года г-н Циклаури информировал Комитет, что он был приговорен к пяти годам лишения свободы с отбыванием срока наказания в колонии строгого режима и что его имущество было конфисковано. Он утверждал, что его пытали, что он невиновен, что в ходе судебного разбирательства неоднократно нарушался принцип презумпции невиновности, что он не присутствовал на суде, за исключением последнего дня, когда зачитывался вердикт, что ему было отказано в праве на защитника по собственному выбору, что он не имел возможности давать показания в свою пользу, что ему было отказано в праве на допрос свидетелей. Письмо г-на Циклаури вместе с сопроводительными документами, подтверждающими его утверждение, было направлено государству-участнику 11 мая 1995 года, однако, несмотря на посланное 30 октября 1995 года напоминание, никаких замечаний от государства-участника получено не было.

7.4 В письмах от 17 марта 1995 года д-р Петр Гельбахиани и Ираклий Доквадзе вновь заявили о своей невиновности и просили Комитет вмешаться. Письма были препровождены государству-участнику 16 мая 1995 года. Никакого ответа от государства-участника получено не было.

Решение Комитета о приемлемости

8.1 На своей пятьдесят седьмой сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения. Он установил, как того требует пункт 2(а) статьи 5 Факультативного протокола, что тот же вопрос не находится на рассмотрении в соответствии с иной процедурой международного расследования или урегулирования.

8.2 Комитет с озабоченностью отметил отсутствие сотрудничества со стороны государства-участника, несмотря на напоминания, направленные ему. На основе имеющейся у него информации Комитет определил, что ничто не препятствует рассмотрению им сообщения в соответствии с пунктом 2(б) статьи 5 Факультативного протокола.

8.3 На основе имеющихся у него материалов Комитет отметил, что для целей решения о приемлемости авторы в достаточной степени обосновали свои утверждения о нарушениях Пакта государством-участником, в частности, статей 7, 9, 10, 14, 15, 19, 21 и 25, которые следует рассмотреть по существу.

9. В связи с этим 5 июля 1996 года Комитет по правам человека постановил, что это сообщение является приемлемым. Он просил государство-участника в соответствии с правилом 86 правил процедуры не приводить в исполнение смертный приговор в отношении г-на Доквадзе и г-на Гельбахиани, пока их сообщение рассматривается Комитетом.

Представление государства-участника относительно обоснованности сообщения и комментарии авторов

10.1 В представлении от 21 февраля 1997 года государство-участник сообщает свои замечания по существу сообщения.

10.2 Что касается г-на Домуковского, то государство-участник поясняет, что он был приговорен к 14 годам лишения свободы за бандитизм, подготовку террористических актов и подрывные действия в целях ослабления Республики Грузия.

10.3 Государство-участник заявляет, что г-н Домуковский и г-н Гельбахиани были на законных основаниях задержаны в Азербайджане в силу соглашения между соответствующими министерствами Грузии и Азербайджана, которое предусматривает розыск и задержание подозреваемых, скрывающихся в одном из этих государств. Они были задержаны 6 апреля 1993 года на основании ордера на арест, выданного государственным прокурором 30 сентября 1992 года.

10.4 Государство-участник отрицает, что г-н Домуковский пользовался депутатским иммунитетом во время своего ареста. Оно объясняет, что в момент задержания действовал вновь избранный парламент и как член бывшего Верховного совета он уже не пользовался иммунитетом.

10.5 Государство-участник заявляет, что утверждения г-на Домуковского о физическом насилии и психическом понуждении в ходе предварительного следствия не нашли подтверждения в ходе судебного расследования. Суд пришел к этому заключению ввиду того, что ни обвиняемый, ни его защитник в присутствии которого он допрашивался, никак не упомянули о таком насилии. Кроме того, материалы по делу, собранные следственной бригадой, также содержали протоколы, в которых г-н Домуковский отрицал ответственность за целый ряд инцидентов. Суд сделал вывод о том, что этого не произошло бы, если бы следствие проводилось несправедливо.

10.6 Что касается инцидента, происшедшего 13 августа 1995 года, то государство-участник заявляет, что после поступления в суд 15 августа заявления от г-на Домуковского медицинской службе в следственном изоляторе было дано указание обследовать его. Он был обследован 17 августа. Согласно протоколу осмотра, по утверждению государства-участника, на его теле не было никаких признаков повреждений и состояние его здоровья было сочтено удовлетворительным. Подтверждений его избиению найдено не было. Никакой копии протокола представлено не было.

10.7 Что касается непредставления судом г-ну Домуковскому текста обвинительного заключения на русском языке, то государство-участник поясняет, что суд установил, что г-н Домуковский отлично владеет грузинским языком. В этой связи заявляется, что он давал показания на грузинском языке в ходе предварительного следствия и не обратился с просьбой о предоставлении переводчика. По заявлению государства-участника, г-н Домуковский читал показания на грузинском языке и расписывался в их правильности, составлял свои собственные заявления на грузинском языке и указал в документах, что грузинский язык является его родным. В свете вышеуказанного суд счел выдвижение им требования о предоставлении ему текста обвинительного заключения на русском языке как тактику проволочек.

10.8 Государство-участник заявляет, что после предварительного следствия г-н Домуковский и его защитник ознакомились со всем собранным материалом. Ни в одном из своих заявлений они не просили предоставить им доступ к дополнительным материалам и не утверждали, что материал был представлен им не в полном объеме. До начала судебного разбирательства г-н Домуковский просил предоставить ему возможность еще раз ознакомиться с материалами. Суд удовлетворил эту просьбу. Заявляется, что г-н Домуковский изучал материалы по своему делу с 13 октября 1993 года по 6 января 1994 года.

10.9 Государство-участник заявляет, что г-н Домуковский и обвиняемые, проходившие с ним по одному делу, имели неограниченное право на защиту на протяжении всего предварительного следствия и судебного расследования. Им была предоставлена возможность выбрать своего собственного защитника. В этих целях суд вызвал членов семей подзащитных и дал им возможность неоднократно встретиться с подзащитными, с тем чтобы определить тех адвокатов, которых они хотят пригласить.

10.10 Государство-участник заявляет, что одной из целей подзащитных являлась задержка рассмотрения этого дела и срыв работы суда. Оно поясняет, что после того, как защитник Домуковского отказался от ведения дела, ему и его семье было предоставлено предусмотренное законом время для того, чтобы подыскать нового адвоката. Поскольку до истечения срока они никого не назначили, суд назначил адвоката, которому было отведено полтора месяца для ознакомления с делом. В течение этого периода разбирательства были приостановлены. Когда суд возобновился, Домуковский отказался от услуг этого адвоката без основательных, по заявлению государства-участника, на то причин и угрожал ему. Тогда защитник отказался от ведения дела, после чего суд постановил, что он злоупотребил своим правом на защиту, и слушание дела было завершено без присутствия защитника Домуковского.

10.11 Государство-участник поясняет, что г-н Домуковский и другие обвиняемые регулярно нарушали порядок ведения заседаний в течение слушаний в суде, демонстрируя неуважение к суду, игнорируя указания председательствующего и создавая помехи нормальной работе суда. Государство-участник заявляет, что они поворачивались спиной к суду, оказывали сопротивление военной охране, убегали из зала заседаний суда в свои камеры и свистели. В одном случае г-н Домуковский перепрыгнул через барьер в зал суда и схватился за автомат охранника. Государство-участник делает вывод о том, что это послужило достаточной причиной для того, чтобы суд продолжал рассмотрение дела в отсутствие подзащитных, как это разрешено статьей 262 Уголовно-процессуального кодекса Грузии. Государство-участник указывает, что суд разрешил подзащитным вернуться по истечении определенного периода времени, однако они продолжали нарушать процедуры, после чего они вновь были удалены.

10.12 Государство-участник отвергает предположение г-на Домуковского о том, что суды в Грузии не являются независимыми, и заявляет, что они подчиняются только закону. Оно далее отвергает его утверждения о том, что он был осужден за свои политические взгляды, и подчеркивает, что он был осужден за совершение уголовных преступлений.

10.13 Государство-участник поясняет, что серьезные уголовные дела, по которым могут выноситься смертные приговоры, согласно законодательству Грузии, рассматриваются Верховным судом. Вынесенные Верховным судом приговоры не подлежат обжалованию в кассационном порядке, однако закон предусматривает судебный пересмотр в порядке надзора. После пересмотра в порядке надзора приговор и мера наказания г-на Домуковского и проходящих с ним по одному делу подзащитных были сочтены правомерными и законными.

11.1 В своих комментариях относительно представления государства-участника защитник г-на Домуковского заявляет, что он обращался с запросом в министерство внутренних дел Азербайджана с просьбой найти какие-либо следы санкции на производство ареста и задержания г-на Домуковского и г-на Гельбахиани. Он прикладывает ответ министерства от 7 июля 1995 года, в котором начальник департамента уголовных преследований заявляет, что ему не известно об этом деле. Защитник утверждает, что если бы г-н Домуковский и г-н Гельбахиани были арестованы действительно на основе двустороннего соглашения между Азербайджаном и Грузией, то было бы логичным, чтобы министерство Азербайджана располагало документами относительно этого мероприятия. В отсутствие таких документов защитник утверждает, что г-н Домуковский и г-н Гельбахиани были арестованы в нарушение положений статьи 9 Пакта.

11.2 Защитник высказывает мнение о том, что арест г-на Домуковского был произведен в нарушение его депутатского иммунитета. Он отрицает, что выборы, состоявшиеся 11 октября 1992 года, были свободными и демократическими. Он далее заявляет, что, даже если принять, что выборы были законными, ордер на арест г-на Домуковского был выдан до проведения выборов 30 сентября 1992 года и что в этих обстоятельствах выдача ордера без согласия Верховного совета на снятие им его иммунитета была незаконной. Защитник утверждает, что таким образом арест г-на Домуковского произведен в нарушение положений статьи 25 Пакта.

11.3 Что касается избиений и психологического давления, которым были подвергнуты г-н Домуковский и другие обвиняемые, то защитник утверждает, что каких-либо письменных заявлений сделать не представлялось возможным, поскольку это не было бы позволено; поскольку эти заявления должны были бы быть адресованы должностным лицам, причастным к этим избиениям, и поскольку обвиняемые тревожились за свои семьи и пытались защитить их своим молчанием. Защитник заявляет, что г-н Домуковский содержался под стражей в предварительном заключении с 7 апреля по 28 мая 1993 года, в то время как по закону он должен был содержаться под стражей в предварительном заключении только в течение трех дней. Он был полностью изолирован и не мог встретиться со своим адвокатом. Лишь после того, как 25 мая он начал голодовку, его перевели 28 мая 1993 года в следственный изолятор тюрьмы КГБ. На него постоянно оказывалось психологическое и физическое давление, и ему угрожали задержанием его семьи. В конечном итоге он согласился признать себя виновным по делу Кварели, если получит доказательства того, что члены его семьи живы и невредимы. Далее защитник утверждает, что давней уловкой, применяемой для того, чтобы сделать протоколы допросов более убедительными, является понуждение обвиняемого к отрицанию некоторых обвинений.

11.4 Что касается инцидента, происшедшего 13 августа 1995 года, то защитник утверждает, что многие из присутствовавших 15 августа в суде лиц видели, что г-н Домуковский был избит. По словам защитника, один из журналистов сделал видеозапись, однако днем позже заявил, что он не располагает ею. Далее защитник заявляет, что судья первоначально не желал давать указание о проведении медицинского осмотра и что лишь благодаря супруге г-на Домуковского, которая в это время действовала в качестве его защитника, медицинский осмотр в конце-концов был проведен 15 августа 1995 года. По словам защитника, осмотр показал наличие кровоподтеков на локте и правом плече, и, как представляется, ему должен был быть прописан 10-дневный постельный режим по причине сотрясения мозга. Тем не менее, по словам защитника, последнее не было упомянуто в протоколе медицинского осмотра.

11.5 Защитник указывает, что государство-участник не расследовало второй инцидент, происшедший 11 декабря 1994 года. Защитник ссылается на инцидент (дата которого неясна), когда судья беседовал с врачами до и после их осмотра г-на Домуковского и когда они сняли кардиограмму с, по всей видимости, плохо прикрепленным левым электродом. По утверждению защитника, они установили наличие остаточных признаков болезни Бабинского. Защитник вновь заявляет, что обвиняемые не имели никакой возможности протестовать, однако попытки к этому они, тем не менее предпринимали.

11.6 Защитник заявляет, что он располагает справками, которые свидетельствуют о том, что г-н Домуковский закончил курс обучения в Тбилисском университете на русском языке и что он проводил исследовательскую работу в Академии наук Грузии также на русском языке. Он указывает, что в протоколах допроса от 12 апреля 1993 года указывается, что ему было объяснено его право давать показания на своем родном языке и пользоваться услугами переводчика. После этого его заставили подписать заявление, в котором он указал, что хорошо говорит на грузинском языке и нуждается в переводчике. По словам защитника, проводившие допрос лица были так рады тому, что он указал, что хорошо говорит на грузинском языке, что не заметили, что он не написал "не" в отношении потребности в переводчике. В этой связи защитник также указывает, что г-н Домуковский всегда пытался расписываться как на грузинском, так и на русском языках в знак протеста. Защитник заявляет, что адвокат Домуковского на этапе предварительного следствия был грузином по национальности и, таким образом, у него не было затруднений в чтении дела.

11.7 Что касается доступа к материалам дела, то защитник объясняет, что в начале Домуковский точно не знал, что его будут судить вместе с 18 другими лицами, и, кроме того, судебное разбирательство по делу Кварели еще не было закончено. Защитник поясняет, что Домуковскому также предъявили обвинение по делу Кварели и что все обвиняемые по этому делу отказались от своих показаний, сделанных в ходе предварительных слушаний. По словам защитника, заявления

обвиняемых, сделанные в ходе публичного заседания суда, не были представлены Домуковскому или его адвокату. Защитник подтверждает, что начиная с 13 октября г-ну Домуковскому были известны материалы, однако он указывает, что в период между 18 и 25 ноября он объявил голодовку, с тем чтобы получить доступ к материалам по основному делу.

11.8 Что касается доступа к его юридическим представителям, то защитник заявляет, что это его право было жестко ограничено, когда он содержался сначала под стражей в камере предварительного заключения, а затем в тюрьме КГБ, и что в течение этого периода его защитник мог посещать его лишь в присутствии прокурора.

11.9 Защитник отрицает, что г-н Домуковский срывает ход судебных заседаний, однако заявляет, что он участвовал в пассивном протесте, выразившемся в том, что он повернулся спиной к судье. Защитник утверждает, что у него не было иного способа продемонстрировать свое несогласие с судом, поскольку судья не принимал никаких заявлений. Защитник объясняет, что г-н Домуковский перепрыгнул через барьер, будучи спровоцирован вульгарными словами судьи. Кроме того, в тот раз он не был удален из зала заседаний. Защитник заявляет, что судья не по своей собственной воле позволил обвиняемому вернуться в зал заседаний суда, а что он был вынужден сделать это ввиду 64-дневной голодовки, продолжавшейся с 13 января по 17 марта 1994 года. Адвокат заявляет, что г-н Домуковский до сих пор страдает от последствий голодовки для его здоровья.

11.10 13 сентября 1994 года г-н Домуковский был еще раз удален с судебного разбирательства, когда он поставил под вопрос факт отстранения от дела его адвоката. В этой связи защитник объясняет, что судья находился под влиянием политического положения в стране и что он вначале отсрочил суд по политическим соображениям. По утверждению защитника, отсрочка судебного процесса никогда не может отвечать интересам обвиняемого.

11.11 Указывается, что по не зависящим от него причинам г-н Домуковский оказался 6 июня 1994 года без адвоката. Ему было дано 10 дней для подыскания нового адвоката, однако уже спустя восемь дней судья сам назначил ему адвоката. Когда он спросил Домуковского, одобряет ли он его выбор, то тот ответил, что он не может ничего сказать, поскольку не знает этого человека. Защитник отвергает утверждение государства-участника о том, что Домуковский согласился с назначением этого адвоката. Указывается, что адвокат посетил Домуковского лишь дважды и что оба раза он был пьян. 15 августа г-н Домуковский информировал судью, что он не может согласиться с назначением этого человека в качестве своего адвоката, если тот не будет посещать его чаще, чтобы познакомиться с делом. Поскольку адвокат не посещал его, г-н Домуковский отозвал свое согласие. Защитник заявляет, что 12 сентября 1994 года судья неправомерно отстранил жену Домуковского от выполнения обязанностей его юридического представителя, поскольку она потребовала проведения медицинского осмотра. 13 сентября 1994 года г-на Домуковского лишили возможности присутствовать на слушании. 19 сентября Домуковский назначил нового защитника, который следил за ходом разбирательства с самого начала в качестве представителя одного из других обвиняемых. Тем не менее судья отказался утвердить его назначение и 24 сентября 1994 года постановил, что Домуковский останется без защитника.

11.12 Защитник утверждает, что президент Шеварднадзе оказал воздействие на суды в газетном интервью, данном 29 ноября, в ходе которого он заявил, что обвиняемые совершили акты терроризма. Кроме того, указывается, что судья отдал приказ составить перечень всех лиц, посещающих судебное разбирательство. По словам защитника, о политическом характере этого суда свидетельствует и само решение по этому делу, в котором говорится, что представители прежней власти и враги нынешней власти организовали вооруженные отряды для совершения преступлений против государства. Защитник утверждает, что для осуждения Домуковского за бандитизм не было достаточных улик.

11.13 Что касается пересмотра в порядке судебного надзора, то защитник, как представляется, дает понять, что г-н Домуковский все еще не получил ответа на свое ходатайство о пересмотре Верховным судом.

12.1 Государство-участник разъясняет, что г-н Циклаури был осужден за незаконное ношение огнестрельного оружия и хранение взрывчатки. Он был приговорен к пяти годам лишения свободы.

12.2 Государство-участник заявляет, что ордер на арест Циклаури был выдан 1 августа 1993 года и что он был арестован 7 августа 1993 года. По утверждению государства-участника, на него не распространяется объявленная Государственным советом амнистия, поскольку она применяется лишь к тем лицам, которые участвовали в нападении на здание, в котором размещается радио и телевидение Грузии, в Тбилиси 24 июня 1992 года и захвате его.

12.3 Государство-участник заявляет, что суд отклонил утверждение Циклаури о том, что он подвергался физическому и психологическому принуждению в ходе предварительного следствия, поскольку ни Циклаури, ни его адвокат не упомянули об этом в ходе следствия. Допросы проводились в присутствии адвоката, и Циклаури писал свои признания собственноручно и подписал протоколы допросов как адекватные. Кроме того, государство-участник заявляет, что в течение срока содержания Циклаури под стражей его посещали представители международных организаций, которым он не утверждал, что он был подвергнут какому бы то ни было давлению. Кроме того, прокурором было возбуждено уголовное дело в связи с телесными повреждениями Циклаури, и было проведено полное расследование. Однако это дело пришлось закрыть за недостатком улик. По утверждению государства-участника, было установлено, что он выпрыгнул из машины, в которой его перевозили.

12.4 Государство-участник заявляет, что г-ну Циклаури была выдана копия обвинительного заключения в соответствии с законом. После окончания предварительного следствия Циклаури и другие обвиняемые вместе со своими адвокатами ознакомились с материалами. Государство-участник отмечает, что в представленных заявлениях не упоминалась необходимость ознакомления с дополнительным материалом. Перед судом Циклаури обратился с просьбой ознакомиться с материалами дела, и суд согласился и предоставил доступ с 13 октября 1993 года по 6 января 1994 года к материалам и протоколам, имевшимся на то время. Судебные разбирательства были приостановлены на этот период.

12.5 Государство-участник утверждает, что Циклаури пользовался неограниченным правом на защиту в течение всего предварительного следствия и судебного расследования. Ему была предоставлена возможность выбрать своего собственного адвоката. Г-н Циклаури предпочел, чтобы с 21 сентября 1992 года и далее его защищал Т. Нижарадзе. 6 января 1994 года он обратился с просьбой о том, чтобы в качестве дополнительного защитника была допущена его супруга Н. Нацвлишвили и чтобы ей было позволено ознакомиться с материалами дела. Суд, посчитав это умышленной попыткой затянуть судебное разбирательство, отказал в этой просьбе, и судебное разбирательство продолжалось с участием Нижарадзе в качестве защитника.

12.6 Что касается утверждения Циклаури о том, что судебное разбирательство проходило в его отсутствие, то государство-участник ссылается на свои разъяснения по делу г-на Домуковского (см. пункт 10.11).

13.1 В своих комментариях относительно представления государства-участника г-н Циклаури заявляет, что 7 августа 1992 года его отвезли с квартиры его матери в КГБ для "беседы". Его семья не была информирована о его местонахождении. 17 августа 1992 года глава КГБ г-н Батиашвили выступил по национальному телевидению и объявил о своей отставке по причине плохого обращения с Циклаури.

13.2 Г-н Циклаури утверждает, что он увидел ордер на свой арест лишь год спустя после ареста, когда подходило к концу предварительное следствие и ему вручили материалы его дела. Он утверждает, что такая информация в датированном 1 августа 1992 года ордере, как дата рождения, адрес и гражданское состояние, не совпадала с реальным положением дел. Он далее заявляет, что в качестве оснований в ордере указывались активное участие в подготовке военного переворота 24 июня 1992 года и хранение оружия и взрывчатки. Он заявляет, что, судя по материалам в его деле, официальные обвинения против него датируются 20 августа 1992 года и не соответствуют тем, которые упомянуты в ордере.

13.3 Он утверждает, что преступления, в которых он был обвинен и осведомленность о которых он отрицает, попадали под амнистию, объявленную 3 августа 1992 года, которая, по его словам, гласила: "... № 10. Исходя из высших интересов единства и согласия, лица, которые принимали участие в акциях, направленных против властей Республики Грузии, с 6 января текущего года, освобождаются от уголовных обвинений, если они не совершили серьезных преступлений против мирного населения... № 12. Участники авантюрной попытки переворота 24 июля 1992 года освобождаются от обвинений в преступлениях, совершенных ими против страны и народа". Таким образом, г-н Циклаури подтверждает, что предъявленные ему обвинения попадали под амнистию.

13.4 Г-н Циклаури отрицает, что полученные им телесные повреждения были вызваны тем, что он выпал из машины. Он заявляет, что расследование причин телесных повреждений проводилось теми же лицами, которые вели следствие по уголовным обвинениям, предъявленным ему. Он отрицает, что он когда бы то ни было пытался совершить побег, выпрыгнув из машины, и заявляет о лживости утверждения о том, что он обжег треть своего тела, пролив на себя горячий чай, который он пил. Он заявляет далее, что это можно было бы легко установить, если бы было проведено судебное слушание этого дела.

13.5 Г-н Циклаури далее заявляет, что, за исключением признаний, полученных в результате пытки, во всех показаниях, данных в присутствии его адвоката, отрицается вина во вменяемых ему преступлениях. Он заявляет, что суд ни разу не позаботился о том, чтобы проверить, действительно ли показания в ходе предварительного следствия давались им самим. Он далее поясняет, что по той причине, что ему не было позволено присутствовать на судебных слушаниях, он не имел возможности давать показания, допрашивать свидетелей и представлять доказательства своей невиновности.

13.6 Он далее оспаривает замечание государства-участника о том, что он никогда не заявлял представителям международных организаций, что его подвергают пыткам. Он заявляет, что он делал заявления в суде, а также представителям организации "Хьюман райтс уотч/Хельсинки" и Британской хельсинкской правозащитной группы. Он далее ссылается на доклад о пытках в Грузии и заявление Батиашвили по национальному телевидению от 17 августа 1992 года, а также газетную статью от 27 августа 1992 года и интервью с Британской правозащитной хельсинкской группой. Г-н Циклаури также ссылается на свое заявление медицинскому эксперту от 18 августа 1992 года, которое, судя по всему, отражено в материалах дела и в котором говорится, что он был жестоко избит неизвестными 7 августа 1992 года. Он далее ссылается на письмо КГБ в прокуратуру, в котором КГБ заявляет, что основанием для заявления Батиашвили, сделанного 17 августа, явилась встреча в тот же день с Циклаури в камере предварительного заключения, когда Циклаури утверждал, что он был избит, после этого подвергнут пыткам неизвестными, ошпарившими его кипятком. Кроме того, он ссылается на показания, данные в ходе слушаний в суде Гедеваном Гельбахиани, Гелой Мечедилишвили и Гией Хахвиашвили, которые все свидетельствуют о том, что он был подвергнут пыткам.

13.7 Г-н Циклаури заявляет, что после выступления руководителя КГБ по телевидению была образована Специальная комиссия для расследования. Он заявляет, что состояние его здоровья вызывает серьезные опасения и что у него имеются множественные переломы и им частично утрачена речь. Он добавляет, что его не переводили в тюремную больницу до тех пор, пока он не подписал фиктивные показания. После этого в ходе одного из обычных допросов в присутствии его адвоката он отказался от заявлений, данных под пыткой.

13.8 Г-н Циклаури утверждает, что он не имел доступа ко всем материалам по своему делу.

13.9 Г-н Циклаури заявляет, что он был оставлен без адвоката сразу после своего задержания и что лишь в октябре 1992 года ему удалось нанять адвоката. 22 марта 1994 года он обратился в суд с просьбой позволить своей супруге Нино Нацвлишвили стать его юридическим представителем на слушании. Эта просьба была отклонена судом, поскольку ей понадобилось бы дополнительное время, чтобы ознакомиться с материалами дела, что привело бы к задержке судебного разбирательства. Когда Циклаури заявил, что никакого дополнительного времени не требуется, суд все же отказался удовлетворить его требование. 4 апреля 1994 года адвокат Нижарадзе, которому суд заявил, чтобы он продолжал защиту г-на Циклаури, обратился с просьбой освободить его от обязанности защищать Циклаури, поскольку соглашение между ним и подзащитным было расторгнуто. Отказ суда, по утверждению автора, явился нарушением закона, и адвокат заявил суду, что он не может защищать его против его воли. Тогда судья письменно обратился в коллегии адвокатов, информировав ее о том, что тот отказался выполнить постановление суда вести защиту Циклаури. Впоследствии он был исключен из коллегии, в результате чего он более не может практиковать в качестве адвоката. 8 июля 1994 года суд назначил нового адвоката г-на Г. Капанадзе, которому для ознакомления с материалами было отведено время сроком до 29 июля. Хотя он и не отказался от этого назначения, адвокат публично заявлял о недоверии Циклаури к нему и о том, что в результате этого он фактически был оставлен без защиты. Он дал ясно понять, что он не отказывается вести дело из боязни увольнения. 9 февраля 1995 года адвокат заявил в суде, что обвиняемый не хочет иметь его в качестве своего адвоката, что он не поддерживает контактов с ним и что он имеет право сам выбирать своего защитника и отказаться от услуг адвоката даже на этом этапе разбирательства. Он заявил, что решение суда отказать ему в адвокате по собственному выбору нарушает его права.

13.10 В этой связи г-н Циклаури заявляет, что именно сам суд задерживал судебное разбирательство, в то время как подзащитные требовали своевременного проведения судебного процесса. По его утверждению, судья не рассмотрел ни одного из законных требований подзащитных, создавал стрессовые ситуации и открыто нарушал закон. Судья якобы заявил, что закон писался для нормальных судебных слушаний, а не для тех, которые являются ненормальными. Утверждается, что суды в Грузии не являются независимыми, а подчинены правительству. В этой связи делается ссылка на заявления председателя Верховного суда Грузии.

13.11 Г-н Циклаури заявляет, что он ни разу не нарушал ни одного из постановлений суда в течение судебного разбирательства и что не было причин удалять его из зала заседаний. Он заявляет, что судья не хотел его присутствия, поскольку он не желал удовлетворять его законные требования. Он заявляет, что инцидент, в ходе которого они все повернулись спиной к судье, случился, когда судья принял решение удалить одного из подзащитных из зала заседаний суда, поскольку тот просил оказания специальной помощи ввиду расстройства слуха, вызванного пытками. Все подзащитные были тогда удалены судьей. По истечении трех месяцев им опять позволили следить за ходом слушания в суде, однако судья продолжал отказывать в законных просьбах подзащитных. Г-н Циклаури заявляет, что он после этого был удален с заседания суда за "циничную улыбку". Ему не позволили вернуться, а поэтому он был лишен возможности защищать себя.

Дело г-на Петра Г. Гельбахиани

14.1 Государство-участник заявляет, что г-н Гельбахиани был осужден за бандитизм, подготовку террористических актов, подготовку подрывных актов в целях ослабления Республики Грузии и за умышленное убийство нескольких человек и покушение на убийство при отягчающих обстоятельствах. Он был приговорен к смертной казни. 25 июля 1997 года его приговор был заменен 20 годами лишения свободы.

14.2 Государство-участник отвергает утверждение Гельбахиани о том, что он был осужден за свои политические взгляды, и подчеркивает, что он был осужден за совершение уголовных преступлений.

14.3 Государство-участник вновь заявляет, что г-н Гельбахиани и г-н Домуковский были арестованы в Азербайджане по заключенному между Грузией и Азербайджаном соглашению. Ордер на арест г-на Гельбахиани был выдан государственным прокурором 30 сентября 1992 года. Он был арестован 6 апреля 1993 года.

14.4 По заявлению государства-участника, утверждение о том, что на г-на Гельбахиани на предварительном следствии оказывалось психологическое и физическое давление, не нашло своего подтверждения.

14.5 В рамках пересмотра в порядке надзора было установлено, что в ходе предварительного следствия или судебного расследования не было допущено никаких нарушений процедуры.

14.6 Государство-участник поясняет, что судебное разбирательство проходило в открытом заседании и что вход в зал заседаний и посещение заседаний ограничивались лишь тогда, когда не было достаточно места для всех, кто желал присутствовать.

14.7 Государство-участник заявляет, что г-ну Гельбахиани была представлена копия текста обвинительного заключения в полном соответствии с законом. После окончания предварительного следствия он и другие обвиняемые вместе со своими адвокатами ознакомились с материалами дела. Государство-участник отмечает, что в представленных заявлениях не упоминалась необходимость ознакомиться с дополнительным материалом. Перед судом Гельбахиани обратился с просьбой посмотреть материалы дела, и суд дал согласие и предоставил ему доступ к материалам и протоколам, которые имелись на то время, с 13 октября 1993 года по 6 января 1994 года. Судебное разбирательство на этот период было приостановлено.

14.8 Государство-участник заявляет, что г-н Гельбахиани пользовался неограниченным правом на защиту в течение всего периода предварительного следствия и судебного расследования. Ему была предоставлена возможность выбрать своего собственного защитника. В этих целях суд дал ему возможность встретиться с членами его семьи, с тем чтобы определить адвокатов, которых он хотел пригласить. Г-н Гельбахиани предпочел, чтобы с 24 сентября 1993 года и далее его защищал И. Константириди. Этот адвокат защищал его и в ходе предварительного следствия. 16 февраля 1994 года Константириди обратился в суд с просьбой об освобождении его от ведения дела, однако суд отказал в этом, сочтя, что это заявление являлось попыткой затянуть разбирательство.

14.9 В этой связи государств-участник указывает, что судебное разбирательство продолжалось один год и пять месяцев, однако суд рассматривал это дело лишь в течение шести месяцев. В остальное время рассмотрение задерживалось из-за необоснованных заявлений, поступавших от подзащитных.

14.10 Что касается утверждения Гельбахиани о том, что суд проводился в его отсутствие, то государство-участник ссылается на свои разъяснения по делу г-на Домуковского (см. пункт 10.11).

14.11 Что касается законности смертного приговора, то государство-участник разъясняет, что в Декларации Верховного совета Республики Грузии от 21 февраля 1992 года признается примат Конституции Демократической Грузии от 21 февраля 1921 года и устанавливается процедура ее осуществления с должным учетом нынешних условий. В соответствии с пунктом 1 Указа, принятого Государственным советом 24 февраля 1992 года, существовавшее на то время законодательство должно было применяться в Республике Грузии до приведения текущего законодательства в соответствие с принципами грузинской Конституции. Кроме того, 11 июня 1992 года Государственный совет принял указ, разъясняющий, что существующее законодательство, включая установленную в уголовном кодексе систему наказаний, которая предусматривает смертную казнь, действует на территории Республики Грузии. Государство-участник в связи с этим утверждает, что утверждение Гельбахиани о том, что смертный приговор был вынесен ему в нарушение Конституции, действовавшей в то время, не имеет под собой оснований.

15.1 В своих комментариях г-н Гельбахиани разъясняет, что он покинул Грузию из-за своих политических взглядов и получил разрешение на проживание в Азербайджане. 6 апреля 1993 года 30 вооруженных лиц окружили его дом и похитили его и г-на Домуковского. Он заявляет, что ему не был предъявлен ордер на арест и он был перевезен в Грузию незаконно.

15.2 Он утверждает, что его избили после ареста и у него до сих пор есть шрамы на лице. Во время допроса на него оказывалось психологическое давление, и допрашивавшие лица угрожали членам его семьи. Он заявляет, что его содержали под стражей в камере предварительного заключения в течение двух месяцев, в то время как по закону максимальный срок такого содержания - три дня.

15.3 Он заявляет, что в ходе суда над ним нарушались принципы должной процедуры, и рядовым гражданам не разрешали присутствовать на судебном разбирательстве. Он далее заявляет, что был нарушен принцип презумпции невиновности, поскольку президент Республики назвал обвиняемых убийцами и потребовал смертной казни.

15.4 Он далее вновь заявляет, что ему было отказано в доступе к документам по так называемому делу Кварели, которое первоначально рассматривалось вместе с его делом, но затем было выделено в отдельное дело.

15.5 28 января 1994 года г-н Гельбахиани решил расторгнуть договор со своим адвокатом из-за испорченных рабочих отношений с судом. Договор был расторгнут 28 января 1994 года. Тем не менее суд не удовлетворил эту просьбу и 16 февраля 1994 года назначил вновь того же самого адвоката. Когда адвокат заявил протест, коллегия адвокатов подтвердила решение суда 21 февраля 1994 года. Г-н Гельбахиани утверждает, что, поскольку его защиту вел адвокат, которого он отстранил до этого, ему было отказано в свободном выборе защитника и он фактически был оставлен без адвоката.

15.6 По утверждению г-на Гельбахиани, 25 февраля 1992 года была восстановлена Конституция 1921 года, в соответствии с которой упразднялась смертная казнь. Такая правовая ситуация сохранялась до 17 июня 1992 года. Поскольку инцидент, за который он был осужден, имел место 14 июня 1992 года, по закону высшая мера наказания не могла быть применена по его делу.

Дело г-на Ираклия Доквадзе

16.1 Государство-участник разъясняет, что г-н Доквадзе был осужден за бандитизм, подготовку террористических актов, подготовку подрывных актов в целях ослабления Республики Грузии и за умышленное убийство нескольких человек и покушение на убийство при отягчающих обстоятельствах. Он был приговорен к смертной казни. 25 июля 1997 года его приговор был заменен 20 годами лишения свободы.

16.2 Государство-участник заявляет, что утверждение г-на Доквадзе о том, что он давал показания под физическим и психологическим принуждением, не нашло подтверждения в ходе судебного расследования этого дела. Государство-участник разъясняет, что на всем протяжении предварительного следствия г-н Доквадзе ни разу не упоминал о том, что он подвергался пыткам или психологическому давлению, хотя он неоднократно встречался наедине со своим адвокатом и, таким образом, имел возможность апеллировать к властям или к международным правозащитным организациям, с представителями которых он также встречался. Государство-участник заявляет, что 8 сентября 1992 года с ним состоялось интервью, транслировавшееся по телевидению, и он признал свои преступления. Далее в ходе предварительного следствия он допрашивался в присутствии адвоката и собственноручно написал свое признание, читал протоколы допросов, добавлял замечания и подписывал показания как точные. На этом основании суд пришел к выводу о том, что утверждение о применении к нему насилия не подтверждается фактами.

16.3 Что касается утверждения о том, что судебное разбирательство проводилось в его отсутствие, то государство-участник ссылается на свои разъяснения по делу г-на Домуковского (см. пункт 10.11).

17. От г-на Доквадзе не было получено никаких комментариев, несмотря на то, что 20 ноября 1997 года ему было направлено напоминание.

Вопросы и процедуры на рассмотрении Комитета

18.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

18.2 Что касается утверждения г-на Домуковского и г-на Гельбахиани о том, что они были незаконно арестованы, когда они проживали в Азербайджане, то Комитет отмечает, что государство-участник заявило, что они были арестованы после того, как с властями Азербайджана было заключено соглашение о сотрудничестве в уголовных вопросах. Государство-участник не представило конкретной информации об этом соглашении и не дало разъяснений относительно того, каким образом это соглашение было применено в данном случае. Вместе с тем защитник г-на Домуковского представил письмо от министерства внутренних дел Азербайджана, в котором говорится, что ему не было известно о какой бы то ни было просьбе относительно их ареста. В отсутствие более обстоятельного разъяснения от государства-участника относительно юридического основания для их ареста в Азербайджане Комитет считает, что следует придать должный вес подробным утверждениям авторов, и находит, что их арест являлся незаконным в нарушение пункта 1 статьи 9 Пакта.

18.3 В данных обстоятельствах Комитету нет нужды рассматривать вопрос о том, был ли арест г-на Домуковского также незаконным и ввиду наличия у него, как он утверждает, депутатского иммунитета и был ли он произведен в нарушение статьи 25 Пакта.

18.4 Г-н Циклаури утверждал, что он был арестован незаконно в августе 1992 года без ордера на арест и что ордер на арест был показан ему лишь после того, как он в течение года содержался под стражей. Государство-участник отвергает это утверждение, заявляя, что он был арестован в августе 1993 года, однако оно не касается вопроса об этом утверждении в деталях и не приводит никаких документальных данных. В отсутствие информации государства-участника относительно того, когда г-ну Циклаури был предъявлен ордер на арест и когда в первый раз ему формально были предъявлены обвинения, и в отсутствие ответа на утверждение автора о том, что он содержался под стражей целый год, прежде чем был выдан ордер на арест, Комитет считает, что надлежащий вес необходимо придать утверждению автора. Вследствие этого Комитет находит, что по делу г-на Циклаури были нарушены положения пункта 2 статьи 9.

18.5 Что касается утверждения г-на Циклаури о том, что выдвинутые против него обвинения подпадали под указ об амнистии от 3 августа 1992 года, то Комитет считает, что информация, которой он располагает, не дает ему возможности сделать какие бы то ни было выводы в этом отношении, и находит, что утверждение автора не подтверждено.

18.6 Каждый из авторов утверждал, что он подвергался пыткам и жестокому обращению, включая жестокие избиения и физическое и психологическое давление, следствием чего явились в случае Домуковского - сотрясение мозга, в случае Циклаури - сотрясение мозга, переломы, телесные повреждения и ожог, в случае Гельбахиани - шрамы, а в случае Доквадзе применялись как пытки, так и угрозы по отношению к членам его семьи. Государство-участник отвергло утверждение о том, что имели место пытки, и заявило, что судебное расследование установило, что эти утверждения неосновательны. Вместе с тем оно не указало, каким образом суд проводил расследование этих утверждений, и не представило копии протоколов медицинских осмотров в этой связи. В частности, что касается утверждения, сделанного г-ном Циклаури, то государство-участник не остановилось подробно на этом утверждении, просто сославшись на расследование, которое якобы показано, что он выпрыгнул на ходу из автомобиля и что он пролил на себя горячий чай. Комитету не было

представлено никакой копии протокола расследования, и г-н Циклаури оспорил результаты расследования, которое, по его словам, было произведено полицейскими без слушания в суде. В этих обстоятельствах Комитет считает, что находящиеся в его распоряжении факты показывают, что авторы подвергались пыткам и жестокому и бесчеловечному обращению в нарушение статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта.

18.7 Комитет принял к сведению утверждение г-на Домуковского о том, что он не получил копии обвинительного заключения на русском языке и что ему было отказано в услугах переводчика, в то время как он русский, а не грузин. Государство-участник заявило, что суд счел, что автор обладает отличным знанием грузинского языка. Кроме того, автор, как указывалось, делал свои заявления на грузинском языке. Защитник автора заявил, что тот проходил курс обучения и проводил исследовательскую работу на русском языке, однако не продемонстрировал, что тот не обладает достаточным знанием грузинского языка. В этих обстоятельствах Комитет находит, что имеющаяся в его распоряжении информация не показывает, что было нарушено право г-на Домуковского, вытекающее из положений пункта 3(f) статьи 14, на бесплатную помощь переводчика, если он не может говорить на используемом в суде языке или понимать его.

18.8 Что касается вопроса о доступе авторов ко всем материалам в ходе суда над ними, то Комитет отмечает, что имеющаяся у него информация не позволяет сделать однозначный вывод. Комитет находит, что утверждение авторов не является обоснованным.

18.9 Комитет отмечает неоспоримость того факта, что авторов вынудили отсутствовать в течение длительных периодов времени на судебном разбирательстве и что г-н Домуковский не имел представительства в течение части разбирательства, в то время как и г-н Циклаури, и г-н Гельбахиани были представлены адвокатами, от услуг которых они отказались, и им не позволили проводить свою собственную защиту или быть представленными адвокатами по их собственному выбору. Комитет подтверждает, что на судебном разбирательстве, в результате которого может быть вынесен приговор к смертной казни, что и являлось той ситуацией, в которой находился каждый автор, право на защиту имеет неотъемлемый характер и должно соблюдаться в каждом случае и без исключения. Отсюда вытекает право на присутствие на судебном разбирательстве по собственному делу и на защиту защитником, выбранным по собственному усмотрению, и не быть принужденным давать согласие на защиту защитником *ex-officio*¹. В данном случае государство-участник не продемонстрировало, что оно приняло все разумные меры по обеспечению непрерывного присутствия авторов на судебном разбирательстве, несмотря на их предположительно нарушавшее порядок поведение. Не обеспечило государство-участник и того, чтобы каждого из авторов постоянно защищал адвокат, выбранный по их собственному усмотрению. Соответственно, Комитет приходит к выводу о том, что факты по данному делу указывают на наличие нарушения положений пункта 3(d) статьи 14 в отношении каждого автора.

18.10 Г-н Гельбахиани утверждает, что вынесение ему и г-ну Доквадзе смертного приговора незаконно, поскольку действовавшая на время совершения преступлений Конституция не допускает меры наказания в виде смертной казни. Государство-участник утверждает, что по указу Государственного совета эта часть конституции была неприменима и что наказание в виде смертной казни сохранялось. Комитет выражает свою обеспокоенность тем, что основные права, закрепленные в Конституции, были бы отменены указом Государственного совета. Тем не менее ввиду отсутствия у него точной информации и ввиду замены вынесенного авторам приговора к смертной казни Комитету нет необходимости рассматривать вопрос о том, было ли вынесение приговора к смертной казни в данном случае действительно незаконным по причинам, приведенным авторами. Вместе с тем Комитет напоминает, что вынесение приговора к смертной казни по завершении судебного разбирательства, в ходе которого положения Пакта не были соблюдены, представляет собой при отсутствии возможности дальнейшего обжалования приговора нарушение положений статьи 6 Пакта.

¹ См. соображения Комитета, в частности, по сообщениям № 52/1979, *Садис де Лопес против Уругвая*, принятые 29 июля 1981 года, 74/1980, *Эстрелья против Уругвая*, принятые 29 марта 1983 года. См. также 232/1987, *Пинто против Тринидада и Тобаго*, соображения, принятые 20 июля 1990 года.

18.11 Комитет отмечает, что, как следует из имеющейся у него информации, авторы не могли обжаловать решение об их виновности и приговор, однако закон предусматривает только пересмотр в порядке судебного надзора, который, судя по всему, производится без слушания и лишь по вопросам, касающимся соблюдения законности. Комитет считает, что такой пересмотр не отвечает полностью требованиям пункта 5 статьи 14 Пакта относительно полной оценки фактических данных по делу и проведения судебного разбирательства, а следовательно имело место нарушение этого положения в отношении каждого автора.

18.12 Комитет находит, что утверждения авторов о том, что им было отказано в публичном судебном разбирательстве, что в их случае был нарушен принцип презумпции невиновности, что суды не были беспристрастными, и что их преследовали в нарушение их права на свободу взглядов и выражения своего мнения, и что была нарушена их свобода ассоциации, не были обоснованы.

19. Комитет по правам человека, действуя на основании пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что находящиеся в его распоряжении факты указывают на наличие нарушения положений статьи 7, пункта 1 статьи 10 и пунктов 3(d) и 5 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах в отношении каждого автора, а также нарушения положений пункта 1 статьи 9 в отношении г-на Домуковского и г-на Гельбахяни и положений пункта 2 статьи 9 в отношении г-на Циклаури.

20. Комитет считает, что на основании пункта 3(a) статьи 2 Пакта авторы имеют право на эффективное средство правовой защиты, включая их освобождение. Государство-участник несет обязательство по обеспечению недопущения в будущем подобных нарушений.

21. Учитывая, что, став государством - участником Факультативного протокола, государство-участник признало компетенцию Комитета устанавливать наличие или отсутствие нарушения Пакта и что, согласно статье 2 Пакта, государство-участник обязуется обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и обеспечить эффективное и применимое средство правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет желает получить от государства-участника в 90-дневный срок информацию о мерах, принятых по осуществлению соображений Комитета.

[Составлено на английском, испанском и французском языках, при этом подлинным является текст на английском языке. Впоследствии издано также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Сообщение No. 628/1995

Представлено: Дэ Хун Пак [представлен адвокатом]

Предполагаемая жертва: Автор

Государство-участник: Республика Корея

Объявлено приемлемым 5 июля 1996 года (пятьдесят седьмая сессия)

Дата принятия сообщений: 20 октября 1998 * (шестьдесят четвертая сессия)

Предмет сообщения: Соответствие положениям Пакта национальных законов о государственной безопасности

Вопросы процедуры: Приемлемость *ratione temporis* -Длящееся действие нарушения- Исчерпание внутренних средств правовой защиты

Вопросы существа: Допустимость ограничения свободы выражения и свободы мысли - Дискриминация

Статьи Пакта: 2 (3) (а), 18 (1), 19 (1) и (2), и 26

Статьи Факультативного протокола и правила процедуры: 4, пункт 2, и 5, пункт 2 (а) и (b)

Заключение: Нарушение [ст. 19]

1. Автором сообщения является г-н Дэ Хун Пак, гражданин Кореи, родившийся 3 ноября 1963 года. Он утверждает, что является жертвой нарушения Республикой Корея пункта 1 статьи 18, пунктов 1 и 2 статьи 19 и статьи 26 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его представляет г-н Йонг-Ван Чхо из юридической фирмы "Дуксу" в Сеуле. Международный пакт о гражданских и политических правах и Факультативный протокол к нему вступили в силу для Республики Корея 10 июля 1990 года.

Факты в изложении автора

2.1 В своем решении, принятом 22 декабря 1989 года, Сеульский окружной уголовный суд признал автора сообщения виновным в нарушении пунктов 1 и 3 статьи 7 Закона 1980 года о национальной безопасности. В Закон о национальной безопасности были внесены поправки 31 мая 1991 года. Между тем, к автору сообщения был применен закон 1980 года, в котором статья 7 имела следующее содержание (перевод на английский язык был предоставлен самим автором сообщения):

"1) Любое лицо, действующее в интересах антигосударственной организации путем ее восхваления, поощрения ее деятельности или проявления солидарности с ней или путем других способов выражения поддержки деятельности антиправительственной организации, ее членов или лиц, действующих по указанию такой организации, подлежит наказанию в виде тюремного заключения сроком до 7 лет".

...

"3) Любое лицо, создавшее или вступившее в организацию, которая преследует цель совершения деяний, предусмотренных в пункте 1 настоящей статьи, подлежит наказанию в виде тюремного заключения сроком до одного года".

...

* В соответствии с правилом 85 правил процедуры Комитета г-н Максуэлл Ялден в рассмотрении дела не участвовал.

"5) Любое лицо, которое в целях совершения деяний, предусмотренных в пунктах 1-4 настоящей статьи, выпускает, ввозит, размножает, владеет, перевозит, распространяет, продает или приобретает документы, рисунки или аналогичные средства выражения, подлежит наказанию, предусмотренному, соответственно, в вышеназванных пунктах".

и приговорил его к одному году тюремного заключения условно и к одному году лишения права на работу по его профессии. Автор сообщения обратился с апелляцией в Сеульский высокий суд, однако в связи с тем, что в тот момент он был призван в Корейскую армию по Закону о воинской службе, Сеульский высокий суд передал его дело в Военный высокий суд Армии. Военный высокий суд в своем решении от 11 мая 1993 года отклонил его апелляционную жалобу. Тогда автор сообщения обратился с апелляционной жалобой в Верховный суд, который в своем решении от 24 декабря 1993 года подтвердил вынесенный ему приговор. В такой ситуации, как утверждается, все имеющиеся внутренние средства правовой защиты были исчерпаны. В этой связи было заявлено, что Конституционный суд в своем решении от 2 апреля 1990 года признал пункты 1 и 5 статьи 7 Закона о национальной безопасности конституционными. Автор сообщения утверждает, что, хотя в решении Суда пункт 3 статьи 7 не упоминается, из этого решения вытекает, что пункт 3 тоже является конституционным, поскольку этот пункт органически увязан с пунктами 1 и 5 этой статьи.

2.2 Основанием для вынесения автору сообщения приговора послужил тот факт, что он являлся членом и принимал участие в деятельности Союза молодых корейцев (СМК) во время его учебы в Соединенных Штатах в Чикагском университете штата Иллинойс в период с 1983 по 1989 год. СМК является американской организацией, в которую входят молодые корейцы и которая занимается проведением обсуждений по вопросам установления мира и объединения Северной и Южной Кореи. В то время эта организация очень критически относилась к тогдашнему военному правительству Республики Корея и к поддержке этого правительства со стороны Соединенных Штатов. Автор сообщения подчеркивает, что вся деятельность СМК носила мирный характер и проводилась в рамках законов Соединенных Штатов.

2.3 Суд признал, что СМК является организацией, которая преследует цель совершения преступлений в виде поддержки и пропаганды деятельности правительства Северной Кореи, т.е. "враждебной организацией". Членство автора сообщения в этой организации, следовательно, представляет собой преступление согласно пункту 3 статьи 7 Закона о национальной безопасности. Более того, участие автора сообщения в демонстрациях, проводимых в Соединенных Штатах в знак протеста против американского вмешательства, представляло собой поддержку Северной Кореи в нарушение пункта 1 статьи 7 Закона о национальной безопасности. Автор сообщения указывает на то, что на основании вынесенного против него подобного решения любой член СМК может быть привлечен к суду за принадлежность к "враждебной организации".

2.4 Из переводов судебных решений по делу автора сообщения, представленных его адвокатом, явствует, что осуждение и приговор были вынесены по факту того, что автор сообщения своим участием в некоторых мирных демонстрациях и других манифестациях, проводившихся в Соединенных Штатах, выражал свою поддержку или симпатию к определенным политическим лозунгам и взглядам.

2.5 Заявляется при этом, что приговор автору сообщения был вынесен на основании использования его принудительных признаний. Автор сообщения был арестован в конце августа 1989 года без ордера на арест и в течение 20 дней подвергался допросам в Управлении планирования национальной безопасности, а затем еще в течение 30 дней содержался под стражей до вынесения обвинения. Автор сообщения заявляет, что, хотя в своем сообщении он не хочет поднимать вопрос о справедливости судебного процесса, следует отметить, что корейские суды проявили недобросовестность при рассмотрении его дела.

2.6 Адвокат заявляет, что деятельность, за которую был осужден автор сообщения, имела место до вступления в силу Пакта для Республики Корея, а рассмотрение его дела Военным высоким судом и Верховным судом проводилось после вступления Пакта в силу. Поэтому, как утверждается, на это дело распространяется действие Пакта, и суды должны были принимать во внимание соответствующие статьи Пакта. В этой связи автор сообщения заявляет, что в своем апелляционном обращении в Верховный суд он указывал на замечания Комитета по правам человека после рассмотрения последним первоначального доклада, представленного Республикой Корея в соответствии со статьей 40 Пакта (CCPR/C/79/Add.6), в которых Комитет выразил обеспокоенность по поводу продолжающегося применения Закона о национальной безопасности; он утверждал, что Верховный суд должен применять и толковать Закон о национальной безопасности в соответствии с рекомендацией, вынесенной Комитетом. Между тем, Верховный суд в своем постановлении от 24 декабря 1993 года заявил:

"Даже несмотря на то что Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах, указал на упомянутые проблемы в отношении Закона о национальной безопасности, необходимо сказать, что этот закон не утрачивает своей силы на основании лишь этого. ...Следовательно, нельзя говорить о том, что наказание обвиняемого за нарушение этого закона является отступлением от международной нормы защиты прав человека или противоречит справедливому применению законодательства" (английский перевод автора сообщения).

Жалоба

3.1 Автор сообщения заявляет, что он был осужден за свои критические взгляды на ситуацию и проводимую политику в Южной Корее, которые, по мнению южнокорейских властей, выражались им в целях поддержки Северной Кореи, лишь на том основании, что Северная Корея тоже критически относится к южнокорейским властям и проводимой ими политике. Автор сообщения утверждает, что подобная презумпция является абсурдной и лишает права на свободу выражения любых критических взглядов в отношении проводимой правительством политики.

3.2 Автор утверждает, что его осуждение и вынесенный ему приговор представляют собой нарушение пункта 1 статьи 18, пунктов 1 и 2 статьи 19 и статьи 26 Пакта. Он утверждает, что, хотя он и был осужден за участие в организации, на самом деле его осудили за критические взгляды, которые выражал он и другие члены СМК в отношении официальной политики правительства Южной Кореи. Он далее заявляет, что, несмотря на гарантию свободы ассоциации, закрепленную в Конституции, Закон о национальной безопасности ограничивает свободу ассоциации тех, кто не согласен с официальной политикой правительства. По сути, это представляет собой дискриминацию в нарушение статьи 26 Пакта. В связи с тем, что Республика Корея выразила оговорку по статье 22 Пакта, автор не указывает в своем сообщении о нарушении этой статьи.

3.3 Автор сообщения просит Комитет заявить о том, что Республика Корея нарушила его права на свободу убеждений, на свободу мнений и их выражения и его право на равенство перед законом в осуществлении им его права на свободу ассоциации. Он далее просит Комитет потребовать от Республики Корея отменить пункты 1, 3 и 5 статьи 7 Закона о национальной безопасности и приостановить действие этих статей, пока вопрос об их отмене будет рассматриваться в Национальном собрании. Он также просит предоставить ему право на повторный судебный процесс и признать его невиновным и требует компенсации за страдания, причиненные ему в результате этих нарушений.

Замечания государства-участника и комментарии адвоката

4.1 В представлении от 8 августа 1995 года государство-участник напомнило о том, что составом преступления в деле автора сообщения было, в частности, то, что он поддерживал, наряду с другими антигосударственными взглядами, мнение о том, что Соединенные Штаты контролируют Южную Корею с помощью режима военной диктатуры.

4.2 Государство-участник утверждает о неприемлемости представленного сообщения в силу того, что не были исчерпаны внутренние средства правовой защиты. В этой связи государство-участник отмечает, что, если автор сообщения утверждает, что он был арестован без предъявления ему ордера на арест и что он был задержан без оснований, то эти вопросы он мог бы попытаться решить путем использования установленной процедуры обжалования или обращения с апелляционной жалобой в Конституционный суд. Кроме того, государство-участник утверждает, что автор сообщения мог бы потребовать повторного судебного процесса, если у него есть веские доказательства своей невиновности или совершения преступлений теми, кто проводил следствие по его делу.

4.3 Государство-участник далее утверждает о неприемлемости представленного сообщения в связи с тем, что речь идет о событиях, которые имели место до вступления в силу Пакта и Факультативного протокола к нему.

4.4 Наконец, государство-участник отмечает, что 11 января 1992 года в Конституционный суд было направлено заявление третьей стороны в отношении конституционности пунктов 1 и 3 статьи 7 Закона о национальной безопасности. В настоящее время Конституционный суд занимается рассмотрением этого вопроса.

5.1 В своих комментариях по представлению государства-участника адвокат отметил, что государство-участник неправильно понимает смысл требований автора сообщения. Он подчеркнул, что в настоящем деле речь не идет о возможных нарушениях прав автора сообщения в ходе расследования и судебного процесса. При этом адвокат отмечает, что вопрос о повторном судебном процессе не имеет отношения к требованиям автора. Он не оспаривает предъявленные против него доказательства, а утверждает, что по этим установленным фактам его не должны были осуждать и наказывать, поскольку его деятельность проводилась строго в рамках мирного осуществления им своего права на свободу убеждения, мнения и выражения.

5.2 В том, что касается утверждения государства-участника о неприемлемости представленного сообщения *ratione temporis*, адвокат отмечает, что, несмотря на то что дело против автора сообщения было возбуждено до вступления в силу Пакта и Факультативного протокола, Военный высокий суд и Верховный суд подтвердили вынесенный против него приговор после даты вступления в силу названных документов. Следовательно, по его мнению, Пакт был применим и сообщение должно быть приемлемым.

5.3 В том, что касается заявления государства-участника о том, что в настоящее время в Конституционном суде рассматривается вопрос о конституционности пунктов 1 и 3 статьи 7 Закона о национальной безопасности, адвокат отмечает, что Суд 2 апреля 1990 года уже вынес решение о конституционности статей Закона о национальной безопасности. Последующие обращения по этому же вопросу в Суд были также оставлены им без удовлетворения. Поэтому адвокат утверждает, что дальнейшее рассмотрение Конституционным судом не имеет шанса на успех, ибо естественно ожидать, что Суд подтвердит вынесенное им ранее решение.

Решение Комитета о приемлемости

6.1 На своей пятьдесят седьмой сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости представленного сообщения.

6.2 Комитет отметил утверждение государства-участника о неприемлемости представленного сообщения с учетом того, что жалоба касается событий, имевших место до вступления в силу Пакта и Факультативного протокола к нему. Комитет отметил, однако, что, несмотря на то что автор сообщения был осужден первой инстанцией 22 декабря 1989 года, т. е. до вступления в силу Пакта и Факультативного протокола к нему для Кореи, обе его апелляционные жалобы рассматривались после даты вступления в силу этих документов. В этих обстоятельствах Комитет пришел к выводу о том, что заявленные нарушения имели место уже после вступления в силу Пакта и Факультативного протокола к нему и что это не препятствует Комитету рассматривать *ratione temporis* представленное сообщение.

6.3 Комитет также отметил утверждение государства-участника о том, что автор сообщения не исчерпал всех имеющихся в его распоряжении внутренних средств правовой защиты. Комитет отметил, что некоторые из названных государством-участником средств правовой защиты касаются тех аспектов судебного преследования, которые не были указаны автором в представленном в Комитет сообщении. Комитет далее отметил, что государство-участник утверждает, что вопрос о конституционности статьи 7 Закона о национальной безопасности все еще находится на рассмотрении Конституционного суда. Комитет также отметил, что автор сообщения утверждает о бесперспективности обращения в Конституционный суд с учетом того, что Суд уже вынес, впервые 2 апреля 1990 года, решение о том, что указанная статья 7 не противоречит Корейской конституции, и затем неоднократно подтверждал это решение. На основании представленной ему информации Комитет не считает, что у автора сообщения остались еще какие-либо эффективные средства правовой защиты по смыслу пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

6.4 Комитет удостоверился, согласно требованию пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, что этот вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

6.5 Комитет пришел к выводу, что Факты в изложении автора сообщения, могут вызывать вопросы в отношении статей 18, 19 и 26 Пакта, которые требуют их рассмотрения по существу.

7. С учетом вышеизложенного, 5 июля 1996 года Комитет по правам человека принял решение о приемлемости представленного сообщения.

Замечания государства-участника по существу и комментарии по ним адвоката

8.1 В своих замечаниях государство-участник отмечает, что автор сообщения был осужден за нарушение национального законодательства после надлежащего расследования неопровержимых фактов по его делу. Государство-участник заявляет, что, несмотря на нестабильную обстановку в области безопасности в стране, оно делает все возможное для обеспечения гарантии полного соблюдения всех основных прав человека, включая свободу выражения своих убеждений и мнений. Вместе с тем, государство-участник отмечает, что непреложная необходимость сохранения основ своей демократической системы требует принятия защитных мер.

8.2 Корейская конституция содержит положение (пункт 2 статьи 37), устанавливающее, что "свободы и права граждан могут быть ограничены законом только в том случае, когда это необходимо для обеспечения национальной безопасности, поддержания правопорядка и благополучия населения". Согласно Конституции в Законе о национальной безопасности содержатся некоторые положения, которые могут частично ограничивать свободы или права отдельных граждан. По утверждению государства-участника население единодушно поддерживает Закон о национальной безопасности, так как считает, что он необходим для защиты страны от северокорейских коммунистов. В этой связи государство-участник ссылается на инциденты насильственного характера. По словам государства-участника, нет сомнения в том, что деятельность автора сообщения в качестве члена враждебной организации СМК, поддерживающей политику северокорейских коммунистов, представляла угрозу сохранению демократической системы в Республике Корея.

8.3 В том, что касается утверждения автора сообщения о том, что при рассмотрении его дела Суд должен был применять положения Пакта, государство-участник заявляет, что "автор был осужден не потому, что Суд преднамеренно ограничил применение Пакта, а потому, что это было вопросом необходимости отдать приоритет положениям Закона о национальной безопасности над некоторыми правами отдельных граждан, закрепленными в Пакте, с учетом обстановки в области безопасности в Корею".

9.1 В своих комментариях касательно представления государства-участника адвокат утверждает, что тот факт, что в стране сложилась нестабильная обстановка в области безопасности, не имеет никакого отношения к мирному осуществлению автором сообщения его прав на свободу убеждения, мнения, выражения взглядов и собрания. Адвокат утверждает, что государство-участник не смогло установить никакой связи между северокорейскими коммунистами и СМК или автором сообщения и не предъявило никаких убедительных объяснений относительно того, какую политику северокорейских коммунистов поддерживал СМК или автор сообщения. По словам адвоката, государство-участник не смогло также доказать, какую угрозу безопасности страны представляла деятельность СМК или автора сообщения.

9.2 Было заявлено, что автор сообщения в студенческие годы вступил в СМК с надеждой на демократическое и мирное объединение своей страны. В своей деятельности он никогда не проявлял намерения действовать в интересах Северной Кореи или ставить под угрозу безопасность своей страны. По словам адвоката, мнение, которое выражал автор сообщения, можно опровергнуть в ходе дискуссий и дебатов, однако, если выражение такого мнения осуществляется мирно, его нельзя пресекать уголовным преследованием. В этой связи адвокат заявляет, что государство не должно брать на себя роль непогрешимого судьи в вопросах определения истины и заблуждений или добра и зла.

9.3 Адвокат утверждает, что автор сообщения был наказан за его политические убеждения, взгляды и их мирное выражение. Он также утверждает, что автор был лишен права на равную защиту перед законом в соответствии со статьей 26 Пакта. В этой связи он поясняет, что в то время как всем гражданам, в соответствии со статьей 21 Конституции, гарантировано право на свободу ассоциации, автор был наказан и, следовательно, подвергся дискриминации за вступление в организацию СМК, которая якобы имеет иные политические взгляды, отличные от позиции правительства Республики Корея.

9.4 Автор сообщения ссылается на доклад о результатах миссии в Республику Корея Специального докладчика по вопросам обеспечения и защиты права на свободу мнения и выражения (E/CN.4/1996/39/Add.1). Автор сообщения просит Комитет рекомендовать правительству опубликовать в официальном правительственном бюллетене соображения Комитета по данному сообщению и их перевод на корейский язык.

Вопросы и процедуры на рассмотрении Комитета

10.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей информации, предоставленной ему сторонами, как это предусмотрено пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

10.2 Комитет принимает к сведению то обстоятельство, что автор не ссылается на статью 22 Пакта, касающуюся свободы ассоциации. В качестве причины отказа указать на это положение адвокат ссылается на оговорку или заявление Республики Корея, согласно которым статья 22 будет применяться лишь тогда, когда корейское законодательство, в том числе Конституция, будет приведено в соответствие с этой статьей. Поскольку жалобы и утверждения автора сообщения можно рассматривать с учетом других положений Пакта, Комитету нет необходимости по своей инициативе занимать ту или иную позицию в отношении возможного воздействия сделанной оговорки или заявления. Таким образом, Комитету предстоит решить вопрос о том, является ли осуждение автора сообщения на основании Закона о национальной безопасности нарушением его прав по смыслу статей 18, 19 и 26 Пакта.

10.3 Комитет отмечает, что статья 19 гарантирует свободу мнения и выражения взглядов и допускает ограничения только в случаях, когда они установлены законом и являются необходимыми а) для уважения прав и репутации других лиц и б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения. Право на свободу выражения мнения имеет важнейшее значение в любом демократическом обществе, и любые ограничения осуществления этого права должны отвечать строгому критерию оправданности. Если государство-

участник заявляет, что ограничения были оправданы необходимостью охраны государственной безопасности и были установлены на законном основании согласно статье 7 Закона о национальной безопасности, Комитет все равно должен определить, была ли необходимость в принятии таких мер для достижения заявленной цели. Комитет отмечает, что государство-участник аргументирует свою позицию соображениями национальной безопасности, ссылаясь на общую ситуацию в стране и на угрозу со стороны "северокорейских коммунистов". Комитет считает, что государство-участник не смогло конкретизировать точный характер угрозы, которую, по его утверждению, представляло собой осуществление автором сообщения права на свободу выражения мнения, и приходит к выводу о том, что ни один из аргументов, выдвинутых государством-участником, не является достаточным и совместимым с пунктом 3 статьи 19 основанием для введения ограничения на право автора сообщения на свободу выражения мнения. Комитет внимательно изучил судебные решения, по которым автор сообщения был осужден, и считает, что ни одно из этих решений или представлений государства-участника не доказывает, что осуждение автора сообщения было вызвано необходимостью защиты одной из законных целей, предусмотренных в пункте 3 статьи 19. Таким образом, осуждение автора сообщения за акты выражения им своих взглядов должно классифицироваться как нарушение права автора сообщения, закрепленного в статье 19 Пакта.

10.4 В этой связи Комитет не согласен с заявлением государства-участника о том, что "автор был осужден не потому, что Суд преднамеренно ограничил применение Пакта, а потому, что это было вопросом необходимости отдать приоритет положениям Закона о национальной безопасности над некоторыми правами отдельных граждан, закрепленными в Пакте, с учетом обстановки в области безопасности в Корее". Комитет отмечает, что государство-участник, став участником Пакта, взяло, в соответствии со статьей 2, на себя обязательство соблюдать и обеспечивать все закрепленные в нем права. Оно также взяло на себя обязательство принимать такие законодательные или иные меры, которые могут быть необходимы для осуществления этих прав. Комитет считает несовместимым с положениями Пакта то обстоятельство, что государство-участник отдает приоритет применению своего национального законодательства над своими обязательствами по Пакту. В этой связи Комитет отмечает, что государство-участник не делало, в соответствии с пунктом 3 статьи 4 Пакта, объявления о том, что в стране возникло чрезвычайное положение и поэтому оно приостанавливает действие некоторых прав, закрепленных в Пакте.

10.5 В свете вышеназванных обстоятельств Комитет не обязан рассматривать вопрос о том, является ли осуждение автора сообщения нарушением статей 18 и 26 Пакта.

11. Действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, Комитет по правам человека считает, что имеющиеся в его распоряжении факты свидетельствуют о нарушении статьи 19 Пакта.

12. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить г-ну Дэ Хун Паку эффективные средства правовой защиты, в том числе надлежащую компенсацию в связи с его осуждением за осуществление им своего права на свободу выражения своих взглядов. Государство-участник обязано обеспечить, чтобы подобные нарушения не повторялись в будущем.

13. Став участником Факультативного протокола, государство-участник признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник взяло на себя обязательство обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и подпадающим под его юрисдикцию лицам права, признаваемые в Пакте, и предоставлять эффективные и применимые средства правовой защиты в случае установленного нарушения. Комитет желает получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о мерах, принятых по осуществлению соображений Комитета. Государству-участнику предлагается перевести и опубликовать соображения Комитета и, в частности, довести эти соображения Комитета до сведения судебных органов.

Сообщение No. 633/1995

Представлено: Роберт У. Готье [представлен адвокатом]
Предполагаемая жертва: Автор
Государство-участник: Канада
Объявлено приемлемым 10 июля 1997 года (шестидесятая сессия)

Предмет сообщения: Непредоставление равного доступа к услугам парламентского пресс-центра

Вопросы процедуры: Исчерпание внутренних средств правовой защиты - Необоснование жалобы - Частичная отмена решения относительно приемлемости

Вопросы существа: Право на свободу выражения - Свобода ассоциаций - Дискриминация

Статьи Пакта: 2 (3), 19, 22 и 26

Статья Факультативного протокола и правила процедуры: 2, и правила 85 и 93 (4)

Заключение: Нарушение [ст. 19]

1. Автор сообщения является Роберт У. Готье, гражданин Канады. Он утверждает, что является жертвой нарушения Канадой статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Факты в изложении автора

2.1 Автор сообщения является издателем газеты "Нэшнл кэпитал ньюс", которая была основана в 1982 году. Автор обратился в "Парламентскую пресс-галерею", частную ассоциацию, занимающуюся вопросами, связанными с аккредитацией журналистов и получением доступа в здания парламента. Ему был выдан временный пропуск, дающий лишь ограниченные права. На свои неоднократные просьбы предоставить ему доступ на равных с другими репортерами и издателями условиях он получил отказ.

2.2 Автор указывает на то, что временный пропуск не обеспечивает тех прав, которые дает постоянное членство, поскольку его обладатели, в частности, не вносятся в список членов "Пресс-галереи", и он не дает доступа к почтовой ячейке с пресс-релизами.

2.3 В том, что касается исчерпания внутренних средств правовой защиты, автор сообщения объясняет, что он неоднократно направлял заявки не только в "Пресс-галерею", но и на имя спикера парламента, но тщетно. По словам автора сообщения, отказ в предоставлении ему полного доступа ничем не аргументировался. Автор сообщения обращался в Федеральный суд с просьбой отменить решение "Пресс-галереи", однако Суд постановил, что он не обладает юрисдикцией в отношении решений "Пресс-галереи", поскольку эта ассоциация не является правительственным учреждением Канады. Жалоба, направленная в Бюро по антимонопольной политике с разъяснением того, что лишение газеты "Нэшнл кэпитал ньюс" равного доступа представляет собой факт нечестной конкуренции, была отклонена.

2.4 Затем автор возбудил иск в Провинциальном суде против спикера Палаты общин, требуя, чтобы суд признал, что отказ в предоставлении ему доступа в здания парламента наравне с членами "Канадской парламентской пресс-галереи" ущемляет его право на свободу прессы, гарантированное Канадской хартией прав и свобод. 30 ноября 1994 года суд вынес свое постановление, в котором указывалось, что решение спикера об отказе в предоставлении автору сообщения доступа к материалам и техническим средствам в Палате общин, которыми пользуются члены "Пресс-галереи", было принято в порядке осуществления парламентской привилегии и поэтому не подлежит обжалованию ни на основании Хартии, ни в судебном порядке.

2.5 Автор указывает, что с 1982 года он пытался добиться равного доступа к материалам и техническим средствам, предоставляемым прессе в здании парламента, и поэтому утверждает, что обращение к внутренним средствам правовой защиты неоправданно затянулось, по смыслу пункта 2 б) статьи 5 Факультативного протокола. Он также выражает сомнения по поводу эффективности такого обращения.

Жалоба

3. Автор сообщения утверждает, что отказ в предоставлении ему равного доступа к материалам и техническим средствам, предоставляемым прессе в здании парламента, является нарушением его прав, закрепленных в статье 19 Пакта.

Замечания государства-участника

4.1 В представлении от 28 ноября 1995 года государство-участник заявляет о неприемлемости данного сообщения.

4.2 Государство-участник напоминает, что автор сообщения издает в Оттаве газету "Нэшнл кэпитал ньюс", которая выходит нерегулярно.

4.3 Государство-участник напоминает, что "Канадская парламентская пресс-галерея" является частной, независимой, добровольной ассоциацией, созданной с целью объединения профессиональных работников средств массовой информации, деятельность которых в основном связана с освещением, комментированием и выпуском новостей парламента и федерального правительства.

4.4 Спикер Палаты общин является гарантом прав и свобод Палаты и ее членов и в этом качестве, в силу наличия у него парламентской привилегии, осуществляет исключительный контроль за теми частями здания парламента, которые занимает Палата общин. Одной из его задач является обеспечение контроля за доступом в эти помещения.

4.5 Государство-участник разъясняет, что доступ в парламента имеют все канадские граждане, и этот доступ обеспечивается выдачей пропусков различного типа. Пропуск для представителей прессы дает право доступа к материалам и техническим средствам, предоставляемым прессе в парламенте, и выдается автоматически всем аккредитованным членам "Пресс-галереи".

4.6 Государство-участник разъясняет, что между спикером и "Пресс-галереей" не существует никаких формальных, официальных или юридических отношений. Спикер обеспечивает "Пресс-галерею" возможность пользоваться материалами и техническими средствами, предоставляемыми прессе в парламенте, в частности иметь рабочие помещения, телефонную связь, доступ в библиотеку и ресторан, а также отводит места в галереях для посетителей. Спикер не имеет никакого отношения к повседневной работе этих средств, руководит которой исключительно "Пресс-галерея".

4.7 Государство-участник указывает на то, что большинство принадлежащих "Пресс-галерее" технических средств и оборудования находится не на Парламентском холме, т.е. расположено вне зданий парламента. Государство-участник также отмечает, что все заседания Палаты общин транслируются в прямом эфире на всю Канаду, и поэтому многие журналисты на практике редко используют технические службы информации самого парламента.

4.8 В "Пресс-галерее" существует несколько категорий членства, среди которых наиболее распространено постоянное и временное членство. Постоянное членство обеспечивает доступ ко всем материалам и техническим средствам, предоставляемым прессе в зданиях парламента, на протяжении всего времени, пока представитель отвечает установленным критериям, то есть пока он или она работает в регулярно выпускаемой газете и нуждается в доступе к материалам и техническим средствам в рамках выполнения своей основной работы по освещению парламентских или правительственных новостей. Тем, кто не отвечает этим критериям, "Пресс-галерея" предоставляет

временное членство, которое выдается на определенный срок и дает доступ практически ко всем материалам и техническим средствам, предоставляемым прессе в парламенте, за исключением доступа в ресторан парламента.

4.9 Как указывает государство-участник, с момента основания газеты "Нэшнл кэпитал ньюс" в 1982 году автор сообщения неоднократно подавал заявление о приеме в члены "Пресс-галереи". Его заявки на предоставление постоянного членства не были удовлетворены, потому что "Галерея" была не в состоянии выяснить, отвечает ли он установленным критериям. Вместо этого ему было предоставлено только временное членство, которое неоднократно продлевалось. В этой связи государство-участник указывает на то, что автор сообщения отказывался предоставлять "Пресс-галерее" информацию о регулярности выпуска своей газеты. Без такой информации, которая необходима для выяснения вопроса о том, отвечает ли автор сообщения установленным критериям, "Галерея" не может предоставить ему полноправное членство.

4.10 Автор сообщения обратился к спикеру Палаты общин с просьбой встать на его защиту. Спикер отказался сделать это, так как он придерживается позиции строгого невмешательства в дела "Пресс-галереи". Государство-участник подчеркивает, что всякий раз, когда автор сообщения получал временный пропуск "Пресс-галереи", он пользовался доступом во все здания парламента и ко всем предоставляемым прессе материалам и техническим средствам.

4.11 Государство-участник заявляет, что автор сообщения несколько раз возбуждал разбирательство в связи с отказом "Пресс-галереи" предоставить ему постоянное членство. В 1989 году он направил жалобу в Бюро по антимонопольной политике, которое пришло к выводу о том, что такой отказ не противоречит Закону о конкуренции. В октябре 1991 года обращение автора сообщения с целью обжалования этого решения в судебном порядке было отклонено Федеральным судом на основании того, что такое решение обжалованию не подлежит. В 1990 году Федеральный суд отклонил обращение автора сообщения об обжаловании в судебном порядке решения "Пресс-галереи" об отказе в предоставлении ему постоянного членства, поскольку этот вопрос не входит в компетенцию Суда.

4.12 В Суде провинции Онтарио (камера по гражданским делам) все еще нерешенным остается иск против "Пресс-галереи". В этом иске автор сообщения требует выплаты компенсации за ущерб в размере 5 млн. долларов.

4.13 Суд провинции Онтарио (камера по гражданским делам) отклонил иск автора против спикера Палаты общин, в котором автор сообщения требовал принятия судом заявления о том, что "отказ в предоставлении доступа в здания парламента наравне с членами "Канадской парламентской пресс-галереи" ущемляет его право на свободу прессы, гарантированное Канадской хартией прав и свобод". Свое решение Суд обосновал тем, что осуществление законодательным органом Канады присущих ему привилегий не подлежит обжалованию на основании Хартии. Автор сообщения подал апелляционную жалобу против этого решения в Апелляционный суд провинции Онтарио, но еще не представил необходимую документацию, оформленную в надлежащем виде.

4.14 Государство-участник заявляет о неприемлемости представленного сообщения в силу того, что не были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты. Государство-участник отмечает, что сообщение автора, направленное против спикера Палаты общин, неверно адресовано, поскольку спикер регулирует порядок доступа к материалам и техническим средствам в парламенте на основании решений "Пресс-галереи" по вопросам членства. Решение о предоставлении членства находится целиком в ведении "Пресс-галереи" и не входит в компетенцию спикера. По мнению государства-участника, идея о том, что спикер должен вмешиваться во внутренние дела "Пресс-галереи", может подорвать свободу прессы. Поскольку причиной жалобы автора сообщения является отказ "Пресс-галереи" предоставить ему постоянное членство, государство-участник придерживается мнения, что автор не исчерпал имеющихся у него средств правовой защиты.

4.15 Государство-участник заявляет, что нежелание автора сообщения сотрудничать с "Пресс-галереей" означает явный отказ от исчерпания имеющихся у него внутренних средств правовой защиты. Государство-участник далее отмечает, что в Суде провинции Онтарио (камера по гражданским делам) еще не закончено судебное разбирательство по делу против "Пресс-галереи" и что остается нерешенной, до соблюдения им процессуальных требований, апелляционная жалоба автора сообщения против постановления Суда провинции Онтарио (камера по гражданским делам) об отказе в удовлетворении его иска против спикера Палаты общин.

4.16 Более того, государство-участник утверждает о неприемлемости представленного сообщения в силу несостоятельности утверждения о том, что отказ в предоставлении автору сообщения полноправного членства в "Пресс-галерее" означает лишение его прав, закрепленных в статье 19 Пакта. В этой связи государство-участник напоминает, что, когда у него был временный журналистский пропуск, автору сообщения никогда не отказывали в доступе в здания парламента и что он имел доступ к материалам и техническим средствам, предоставляемым прессе в парламенте. Автор не привел ни одного случая, когда ему не дали возможности получить доступ в парламент или распространять информацию о работе парламента.

Комментарии автора сообщения по представлению государства-участника

5.1 В представлении от 17 января 1996 года автор сообщения информирует Комитет о том, что ему запретили доступ к материалам и техническим средствам, предоставляемым прессе в здании парламента (поскольку у него не было журналистского пропуска). Автор сообщения разъясняет, что он действительно может пойти в галерею для посетителей, однако такая возможность мало что дает профессиональному журналисту, поскольку в галерее для посетителей не разрешается вести записи.

5.2 Автор далее заявляет, что "Пресс-галерея" получила судебное постановление от 8 января 1996 года, запрещающее ему входить в ее помещения. Автор сообщения признает, что эти помещения находятся не на Парламентском холме, однако заявляет, что правительственные пресс-релизы и другие материалы, выдаваемые в помещениях "Пресс-галереи", оплачиваются налогоплательщиками Канады и составляют часть материалов, технических средств и услуг, предоставляемых правительством средствам массовой информации.

6.1 В своих комментариях по представлению государства-участника от 5 февраля 1996 года автор сообщения утверждает, что ответ государства-участника содержит как ложную и неполную информацию, так и множество дезориентирующих утверждений.

6.2 Он заявляет, что, несмотря на то, что ни парламента, ни правительство Канады юридически не передавали "Канадской парламентамтской пресс-галерее" никаких прав или полномочий, "Галерея" присвоила себе право разрешать доступ или отказывать в доступе к материалам, техническим средствам и услугам, предоставляемым парламентом и правительством Канады средствами массовой информации. Автор заявляет, что он неоднократно и безуспешно пытался направлять свои просьбы о доступе в "Пресс-галерею", а также неоднократно обращался, тоже безуспешно, к административным работникам парламента с заявлениями об обеспечении ему доступа к материалам и техническим средствам, предоставляемым прессе. Безрезультатными были также и все его попытки решить этот вопрос в судебном порядке.

6.3 Автор сообщения заявляет, что с 1982 года, когда была основана его газета, он пытается решить проблему отказа в доступе к материалам и техническим средствам, предоставляемым прессе, и требует признать, что обращение к внутренним средствам правовой защиты сопряжено с неоправданной волокитой. В этой связи автор сообщения указывает на "череду преднамеренных и надуманных проволочек, на отказы дать ответ или подтвердить получение обоснованных заявок на предоставление информации и помощи, а также на свидетельства о том, что подобные проволочки будут продолжаться и впредь".

6.4 Кроме того, автор заявляет о том, что возможности получения эффективных средств правовой защиты в Канаде в обозримом будущем не существует. В этой связи он отмечает, что в последнее время меры по недопущению его к своей профессиональной деятельности стали даже более жесткими, о чем свидетельствуют уведомление об отказе в предоставлении ему доступа в помещения "Пресс-галереи", его осуждение за незаконное проникновение в помещения "Пресс-галереи", его осуждение за незаконное проникновение в здание на Парламентском холме и постановление суда о запрете ему иметь доступ в помещения "Пресс-галереи", т.е. "к субсидируемым государством материалам, техническим средствам и услугам, предоставляемым правительством Канады средствами массовой информации".

6.5 Автор также заявляет, что "Канадская парламентская пресс-галерея", разглагольствуя о том, что она будто бы изо всех сил старается обеспечить доступ к материалам, техническим средствам и услугам, предоставляемым правительством Канады средствами массовой информации, продолжает тем временем приводить в исполнение судебное предписание о запрете предоставления издателю газеты "Нэшнл кэпитал ньюс" доступа к таким материалам, техническим средствам и услугам; причем, вдобавок к лишению его доступа к информации, автор сообщения также находится под угрозой привлечения к ответственности за неуважение к суду, если он только попытается получить равный со своими конкурентами доступ к информации, конкретно и специально предоставляемой правительством и парламентом Канады средствами массовой информации, как отечественным, так и зарубежным".

6.6 Автор жалуется на то, как его высмеивают и принижают. Он ссылается на слова судьи Федерального суда, который сравнил его с "Дон Кихотом, сражающимся с ветряными мельницами", на высказывания судьи Провинциального суда, который сказал: "Вы, похоже, обижаетесь по пустякам", а также на ответ государства-участника Комитету по правам человека, в котором, по утверждению автора, принижается значение вопроса, вынесенного на рассмотрение Комитета. По его мнению, это свидетельствует о том, что в Канаде он никогда не сможет получить эффективных средств правовой защиты.

6.7 Автор сообщения оспаривает утверждение государства-участника о том, что в прямой телевизионной трансляции рассказывается обо всем, что происходит в Палате общин.

6.8 Автор не согласен с утверждением государства-участника о том, что он вступил в конфликт с частной организацией. Он заявляет, что его жалоба касается отказа канадскими должностными лицами и судебными органами в предоставлении ему доступа к материалам, техническим средствам и услугам, предоставляемым парламентом и правительством Канады средствами массовой информации. При этом он добавляет, что "для целей пункта 2 статьи 19 Пакта, предлог о том, что для получения такого доступа необходимо членство в какой-то группе самозванных журналистов, называющих себя "Канадской парламентской пресс-галереей", не имеет существенного значения в решении этого вопроса". Он указывает на то, что "Пресс-галерея" была организационно оформлена в 1987 году, с тем чтобы ограничить персональную ответственность ее членов, и что на практике она контролирует доступ к материалам и техническим средствам, предоставляемым Канадой прессе. Между тем, по мнению автора сообщения, он не обязан удовлетворять предварительным условиям, установленным "Пресс-галереей" и ограничивающим его свободу выражения мнения. Автор сообщения также заявляет, что технические средства, предоставляемые прессе в парламенте, обслуживаются государственными служащими и что офисное оборудование принадлежит государству.

6.9 Автор сообщения заявляет, что он выпускает газету "Нэшнл кэпитал ньюс" "с регулярностью, которая более чем достаточна для удовлетворения критерия определения, что должна представлять собой газета". Из представленного автором сообщения номера газеты "Нэшнл кэпитал ньюс" от 26 октября 1992 года явствует, что газета была "основана в 1982 году и задумана как ежедневная". Он утверждает, что надлежащей процедуры рассмотрения заявлений о предоставлении членства в "Галерее" не существует и что доступ предоставляют или в нем отказывают по прихоти. По словам автора сообщения, "Пресс-галерея" никогда всерьез не рассматривала его заявления и не просматривала представленной им информации. В этой связи он утверждает, что от членов "Пресс-

галереи" был утаен график выхода в свет его газеты. Он оспаривает утверждение государства-участника о том, что он не смог сотрудничать с "Пресс-галереей". Он далее утверждает, что спикер Палаты общин может рассматривать ситуации, затрагивающие журналистов, и в прошлом делал это.

6.10 Далее автор заявляет, что в 1982-1983 годах ему выдавались однодневные пропуска, позднее ему стали выдавать недельные, а затем и месячные пропуска. Только в 1990 году ему было предоставлено временное членство сроком на шесть месяцев. Он заявляет, что возвратил временный пропуск, поскольку такое членство не предоставляло ему равного с другими доступа. Автор сообщения заявляет, что временное членство лишало его права участвовать в голосовании, задавать вопросы на пресс-конференциях, иметь почтовую ячейку для приема всех информационных материалов, которые рассылались постоянным членам, и быть зарегистрированным в списке членов ассоциации. По словам автора сообщения, в результате этого "не было гарантии в том, что автору сообщения будут предоставляться все информационные материалы и что до него будет доходить информация, рассылаемая индивидуально по списку членов ассоциации".

6.11 Автор сообщения заявляет, что 4 января 1996 года Суд провинции Онтарио отклонил его иск против "Пресс-галереи". Автор заявляет, что обжалует это решение, но, поскольку процедуры бывают неоправданно затянутыми, ожидание результатов обжалования не должно стать препятствием при определении приемлемости его сообщения. Более того, он заявляет, что его сообщение направлено против государства-участника и что для целей Факультативного протокола его иск против "Пресс-галереи" не может считаться средством правовой защиты, которое должно быть исчерпано. Автор сообщения добавляет при этом, что он отозвал свою апелляцию против постановления Суда провинции Онтарио от 30 ноября 1994 года, касающегося его иска против спикера Палаты общин, поскольку судебные органы действительно не обладают юрисдикцией в отношении парламента.

6.12 В том, что касается утверждения государства-участника о том, что автор не выдвинул обвинений *prima facie*, он заявляет, что государство-участник запретило ему иметь доступ в помещения "Пресс-галереи" в зданиях парламента и что оно не вмешалось и не обеспечило ему доступа в помещения "Пресс-галереи" за пределами зданий парламента. По словам автора сообщения, очевидно, что государство-участник "не имеет никакого желания или намерения выполнять свои обязанности и обязательства по соблюдению положений пункта 2 статьи 19".

Дополнительное представление государства-участника

7.1 В представлении от 25 октября 1996 года государство-участник вносит некоторые уточнения и признает, что автор сообщения был лишен доступа в здания парламента в период с 25 июля 1995 года по 4 августа 1995 года вслед за инцидентом, произошедшим 25 июля, после чего он был обвинен в незаконном проникновении, так как пытался войти в помещения "Пресс-галереи" в парламенте. Он был осужден за незаконное проникновение 26 апреля 1996 года, а 9 июля 1996 года была отклонена его апелляционная жалоба.

7.2 Государство-участник разъясняет, что, несмотря на наличие у автора сообщения доступа в здания парламента, у него не было доступа в помещения "Пресс-галереи", расположенные в зданиях парламента. Однако судебного постановления, запрещающего ему иметь такой доступ, не было; вынесенное судебное постановление касалось только помещений "Пресс-галереи", расположенных за пределами Парламентского холма.

7.3 Государство-участник предоставляет копию постановления Суда провинции Онтарио (камера по гражданским делам) от 4 января 1996 года, в котором было установлено отсутствие веских оснований для судебного разбирательства по иску автора сообщения против "Пресс-галереи". Судья установил, что, исходя из неоспоримых свидетельских показаний, привилегиями (обеспечением доступа к материалам и техническим средствам, предоставляемым прессе в парламенте), которых добивается автор сообщения, распоряжается не "Пресс-галерея", а спикер Палаты общин. По вопросу об отказе в членстве судья установил, что "Пресс-галерея" не отказывала автору сообщения в

обычной справедливости. Судья отметил, что автору неоднократно предоставлялось временное членство и что неполучение им постоянного членства объясняется его отказом ответить на вопросы, которые ему задавали в Совете директоров "Пресс-галереи" с целью определения, удовлетворяет ли он требованиям для получения постоянного членства.

7.4 Государство-участник вновь заявляет, что неполучение автором сообщения доступа в помещения "Парламентской пресс-галереи" прямо объясняется его нежеланием сотрудничать с "Пресс-галереей" при рассмотрении его заявления о предоставлении ему постоянного членства. По мнению государства-участника, он, тем самым, не исчерпал имевшееся у него самое простое и самое прямое внутреннее средство правовой защиты. Государство-участник при этом добавляет, что спикер Палаты общин имеет "все основания ожидать, что граждане должны использовать обычные каналы получения доступа в помещения "Парламентской пресс-галереи", расположенные в зданиях парламента. Для соблюдения порядка в предоставлении доступа в здания парламента спикер должен обеспечить контроль за доступом в любое помещение в зданиях парламента. С этой целью в конкретном случае, когда речь идет о помещениях "Парламентской пресс-галереи", расположенных в зданиях парламента, спикер по сложившейся практике обуславливает такой доступ членством в "Канадской пресс галерее". Государство-участник заявляет, что применяемая спикером практика является разумной и оправданной и согласуется с принципами свободы выражения мнения и свободы прессы.

Дополнительные комментарии автора

8.1 В своих комментариях по дополнительному представлению государства-участника автор сообщения жалуется относительно проволочек со стороны государства-участника и заявляет, что его жалоба хорошо обоснована и имеет под собой почву, особенно с учетом использования государством-участником практики и попыток затягивания внутреннего процесса урегулирования спора.

8.2 Автор вновь заявляет, что правительство Канады не дает ему возможности искать и получать информацию и наблюдать за происходящим в интересах его читателей, а также запрещает ему иметь доступ к материалам, техническим средствам и услугам, предоставляемым средствами массовой информации. Он подчеркивает, что журналисты, к которым относятся благосклонно, пользуются особыми привилегиями, в том числе бесплатным телефоном, услугами девяти государственных служащих, доступом на пресс-конференции, служебными помещениями, доступом к получению пресс-релизов и информации о расписании поездок государственных деятелей, автомобильной парковкой, доступом в библиотеку парламента.

8.3 Автор сообщения заявляет, что согласно судебному постановлению он не может получить у "Пресс-галереи" привилегий, которых он требует, поскольку ими распоряжается спикер Палаты общин. Вместе с тем спикер не желает вмешиваться в то, что он называет внутренними делами "Пресс-галереи". Автор сообщения заявляет, что он пытался удовлетворить требования, установленные "Пресс-галереей". Он заявляет, что за один год он в среднем выпускал три номера в месяц, однако процедуры обжалования ее решений не существует. Автор оспаривает утверждение о том, что временный пропуск не ограничивает свободы выражения, поскольку он лишает владельца полного доступа ко всем предоставляемым прессе материалам и техническим средствам.

8.4 Автор признает, что "Пресс-галерея", видимо, имеет определенные основания для проверки заявителей, желающих получить доступ к материалам, техническим средствам и услугам, предоставляемым средствами массовой информации, но при этом утверждает, что должна быть процедура обжалования решений, если они вынесены несправедливо или в нарушение основополагающих прав человека. Он заявляет, что государство явно не желает предоставлять такое средство обжалования, о чем свидетельствует отказ спикера Палаты общин заниматься этим вопросом, а также ответ государства-участника, представленный в Комитет, и утверждает, что тем самым были исчерпаны все имеющиеся и эффективные внутренние средства правовой защиты.

Решение Комитета о приемлемости

9.1 На своей шестидесятой сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости данного сообщения.

9.2 Комитет отметил, что государство-участник утверждает, что сообщение является неприемлемым, так как не были исчерпаны внутренние средства правовой защиты. Комитет тщательно проанализировал средства правовой защиты, названные государством-участником, и пришел к выводу о том, что у автора сообщения не было эффективных средств правовой защиты. В этой связи Комитет отметил, что, как явствует из судебных постановлений по этому делу, решение вопросов предоставления доступа, которого добивается автор сообщения, находится в сфере компетенции спикера Палаты общин и что решения спикера по таким вопросам не подлежат обжалованию в судах. Утверждение государства-участника о том, что автор сообщения мог бы решить этот вопрос путем сотрудничества при определении квалификационных требований для предоставления ему членства в "Канадской парламентской пресс-галерее", не снимает затронутую автором в его сообщении проблему относительно того, является ли ограничение доступа членам "Пресс-галереи" к материалам и техническим средствам, предоставляемым прессе в парламенте, нарушением его права по смыслу статьи 19 Пакта.

9.3 Государство-участник далее утверждало, что автор не выдвинул обвинений *prima facie* и поэтому сообщение является неприемлемым в силу бездоказательности нарушения. Комитет отметил, что, как явствует из представленных ему материалов, автор был лишен доступа к материалам и техническим средствам, предоставляемым прессе в парламенте, поскольку он не был членом "Канадской парламентской пресс-галереи". Комитет далее отметил, что без такого доступа автор не имел возможности вести записи дебатов в парламенте. Комитет пришел к выводу, что это обстоятельство может, в соответствии с пунктом 2 статьи 19 Пакта, вызвать вопрос, который требует рассмотрения по существу.

9.4 Комитет далее заключил, что вопрос о том, может ли государство-участник выдвигать требование о получении членства в частной организации в качестве условия реализации свободы искать и получать информацию, должен быть рассмотрен по существу, поскольку это может вызывать вопросы не только по статье 19, но и по статьям 22 и 26 Пакта.

10. С учетом вышеизложенного, 10 июля 1997 года Комитет по правам человека принял решение о приемлемости данного сообщения.

Представление государства-участника по существу

11.1 В представлении от 14 июля 1998 года государство-участник дало ответ по существу вопросов, содержащихся в сообщении. Оно вновь изложило свои ранее представленные замечания и разъяснения о том, что спикер Палаты общин, в силу парламентских привилегий, распоряжается вопросами размещения и обеспечения обслуживания в тех помещениях зданий парламента, которые занимает сама Палата общин или кто-то другой по ее распоряжению. В этой связи обеспечение контроля за доступом в эти помещения входит в обязанность спикера. Государство-участник подчеркивает, что важнейшим и основополагающим принципом общего государственного устройства Канады является наделение парламента абсолютной юрисдикцией в отношении его собственной деятельности.

11.2 В том, что касается взаимоотношений между спикером и "Пресс-галереей", государство-участник разъясняет, что эти отношения не носят формального, официального или юридического характера. Будучи высшей инстанцией в решении вопросов о предоставлении физического доступа к материалам и техническим средствам, предоставляемым прессе в парламенте, спикер, однако, не связан с использованием этих материалов и технических средств, которым полностью руководит "Пресс-галерея".

11.3 Журналистские пропуска, предоставляющие прессе доступ к материалам и техническим средствам в парламенте, выдаются только членам "Галереи". Государство-участник вновь заявляет, что предоставление членства "Пресс-галереи" является ее внутренним делом и что спикер всегда занимает позицию строгого невмешательства. Государство-участник заявляет, что как член общества автор сообщения имеет доступ в здания парламента, открытые для посетителей, и может присутствовать на открытых слушаниях Палаты общин.

11.4 В этой связи государство-участник вновь заявляет, что заседания Палаты общин транслируются по телевидению и что любой журналист может эффективно освещать заседания Палаты общин, не пользуясь материалами и техническими средствами, предоставляемыми прессе в парламенте. Государство-участник добавляет при этом, что с отчетами о дебатах в Палате общин можно ознакомиться в Интернете на следующий день после их проведения. Тексты выступлений и пресс-релизы канцелярии премьер-министра распространяются в фойе парламента, которое открыто для публики, а пресс-релизы к тому же размещаются в Интернете.

11.5 Государство-участник утверждает, что автора сообщения не лишали свободы получать и распространять информацию. Хотя как простому посетителю ему не разрешается делать записи в галерее для посетителей в Палате общин, он может наблюдать за ходом заседаний Палаты и освещать ее работу. Государство-участник разъясняет, что "в галереях для посетителей в Палате общин традиционно запрещено вести записи по соображениям необходимости соблюдения порядка и приличия, а также по соображениям обеспечения безопасности (например, чтобы на парламентариев с галереи наверху не бросали какие-либо предметы)". Более того, информацию, которую он хочет иметь, можно получить в прямых радио- и телепередачах, а также в Интернете.

11.6 Кроме того, государство-участник утверждает, что любые ограничения возможности автора сообщения получать и распространять информацию, которые могут возникнуть в результате запрета на ведение записей в галереях для посетителей в Палате общин, являются минимальными и оправданными, позволяющими достигнуть баланса между необходимостью соблюдения права на свободу выражения мнения и необходимостью обеспечения эффективности и достоинства в деятельности парламента, а также обеспечения охраны и безопасности его членов. По мнению государства-участника, государствам должна быть предоставлена широкая возможность решать вопросы эффективности управления и обеспечения безопасности, поскольку они лучше других могут оценить имеющиеся риски и потребности.

11.7 Государство-участник отвергает также утверждение о том, что в деле автора сообщения было допущено нарушение статьи 26. Государство-участник подтверждает, что существует разный режим для журналистов-членов "Пресс-галереи" и тех, кто не отвечает критериям для получения членства, однако заявляет при этом, что это обстоятельство не привело к сколь-нибудь значительному ухудшению положения автора сообщения. Государство-участник ссылается также на прошлые решения Комитета о том, что не всякое разграничение можно считать дискриминацией, и заявляет, что существующее разграничение совместимо с положениями Пакта и основано на объективных критериях. В этой связи государство-участник подчеркивает, что доступ к материалам и техническим средствам, предоставляемым прессе в парламенте, должен лимитироваться, поскольку их хватает лишь на ограниченное число людей. Целесообразно ограничивать такой доступ теми журналистами, которые регулярно освещают работу парламента. Спикеру известны критерии получения членства в "Пресс-галерее", и он опирается на эти критерии, считая их надлежащим стандартом в определении того, кому нужно, а кому не нужно обеспечить доступ к материалам и техническим средствам, предоставляемым прессе в парламенте. При этом указывается, что эти критерии, которые спикер косвенно одобрил и утвердил, являются конкретными, справедливыми и оправданными и не могут считаться произвольными или неоправданными.

11.8 В том, что касается статьи 22 Пакта, государство-участник замечает, что правительство не заставляет автора сообщения вступать в какую-либо организацию. Он волен не вступать в "Пресс-галерею", равно как никто никак не обуславливает его возможность заниматься своей профессиональной деятельностью журналиста членством в "Пресс-галерее".

12.1 В своих комментариях от 25 сентября 1998 года автор сообщения ссылается на сделанные им ранее представления. Он подчеркивает, что у него не осталось средств правовой защиты, поскольку спикер отказывается вмешаться и поддержать его, а также предоставить ему доступ к материалам и техническим средствам или просто выслушать его. Автор сообщения подчеркивает, что спикер не передавал "Пресс-галерею" никаких полномочий, да и не имел права делегировать свои функции отдельной группе лиц без отчета перед членами парламента. По мнению автора сообщения, парламентские привилегии не имеют силы или действия, если они ущемляют основополагающие права, в частности права, закрепленные в Пакте. Автор сообщения утверждает, что государство-участник позволяет частной организации ограничивать доступ к новостям и информации.

12.2 Автор сообщения приводит также примеры того, как спикер вмешивался в прошлом и предоставлял доступ к материалам и техническим средствам в парламенте отдельным журналистам, которым было отказано в членстве в "Пресс-галерею". Он отвергает утверждение государства-участника о том, что вмешательство спикера означало бы вмешательство в свободу прессы. Как раз наоборот, утверждает он, в таких случаях спикер обязан вмешиваться в целях защиты свободы выражения мнения.

12.3 Автор вновь заявляет, что как журналист он должен иметь равный доступ к материалам и техническим средствам, предоставляемым прессе в парламенте. Автор сообщения имеет в виду состоявшееся в 1992 году ежегодное совещание "Пресс-галереи", на котором члены этой ассоциации заявили, что они обладают основополагающим правом пользоваться материалами и техническими средствами парламента с целью получения доступа к информации. Он заявляет, что, хотя представляется целесообразным, чтобы спикер поручил заниматься вопросами аккредитации журналистов сотруднику, назначенному для работы с "Пресс-галереей", обстановка вышла из-под контроля, и "Пресс-галерея" стала проявлять благосклонность к одним и применять средства нажима и шантажа к другим, в результате чего автор сообщения был лишен доступа и возможности обжалования. Он подчеркивает, что отвечает всем требованиям для получения аккредитации. В любом случае, утверждает он, внутренние правила "Галереи" не могут затрагивать его основополагающих прав иметь доступ к информации, как это предусмотрено в пункте 2 статьи 19. Он добавляет при этом, что внутренние правила "Галереи" являются произвольными, непоследовательными и тираническими и нарушают не только положения Пакта, но и собственную конституцию государства-участника. Автор заявляет, что если какая-то группа журналистов хочет создать свою собственную ассоциацию, то она вольна это сделать. Эту частную, добровольную организацию ни в коем случае нельзя наделять полномочиями или правом осуществления контроля за какими-либо функциями или службами, финансируемыми из государственных источников, какие она осуществляет сейчас, тем более что не существует возможности обжаловать ее решения. Он не признает обязательность получения членства в этой ассоциации в качестве предварительного условия возможности осуществления своего основополагающего права на свободу выражения мнения и заявляет, что никто не должен заставлять его быть членом "Пресс-галереи", с тем чтобы он мог получать информацию, распространяемую Палатой общин.

12.4 В том, что касается утверждения государства-участника о том, что ведутся прямые передачи всех заседаний Палаты общин, автор сообщения заявляет, что кабельный канал общественного вещания, который ведет передачи с заседаний Палаты общин, является новой информационной службой, которая конкурирует с его газетой. Он заявляет, что для журналистов этот канал не имеет большой пользы, поскольку на нем показывают только то, что хотят показать. Более того, автор оспаривает тот факт, что в прямой передаче транслируются все заседания Палаты общин, поскольку очень часто дебаты показывают в записи, а большинство заседаний в комитетах вообще не показывают. Автор сообщения также утверждает, что, помимо показа заседаний Палаты общин, освещения заслуживают и многие другие аспекты деятельности парламента. Кроме того, важное

значение для успешной работы по освещению деятельности государственных структур имеет признание тебя в глазах этих структур полноправным членом журналистского корпуса. Потому автор и утверждает, что ограничения в виде лишения его доступа к материалам и техническим средствам, предоставляемым прессе в парламенте, серьезно затрудняют, а то и исключают для него возможность искать и получать информацию о деятельности парламента и правительства Канады.

12.5 Автор сообщения отвергает утверждение государства-участника о том, что получение им разрешения работать вместе с остальными 300 аккредитованными журналистами якобы снизит уровень эффективности и достоинства в деятельности парламента, а также уровень охраны и безопасности его членов. В том, что касается статьи 26 Пакта, автор сообщения отрицает оправданность применения разного режимы по отношению к нему и к журналистам-членам "Пресс-галереи" и вновь заявляет, что ему было произвольно отказано в равном доступе к материалам и техническим средствам, предоставляемым прессе. Несмотря на свое согласие с тем, что государство-участник может ограничивать доступ к материалам и техническим средствам, предоставляемым прессе в парламенте, он заявляет, что такие ограничения не должны быть неоправданно жесткими, должны производиться справедливо, не должны ущемлять право любого гражданина на свободу выражения и право искать и получать информацию, а также должны предусматривать процедуру обжалования. По мнению автора сообщения, отсутствие канала обжалования решений "Пресс-галереи" является нарушением принципа равной правовой защиты. Автор не согласен с тем, что ограниченность помещений означает, что ему не может быть разрешено пользоваться материалами и техническими средствами, предоставляемыми прессе в парламенте, - ведь другие новые журналисты были допущены, и к тому же существуют иные возможности решения этой проблемы, как, например, ограничение числа аккредитованных журналистов, работающих от одной и той же информационной организации. Автор сообщения имеет в виду государственную вещательную корпорацию Си-би-си, которая, по его словам, имеет в "Пресс-галерее" 105 членов.

12.6 Наконец, автор сообщения заявляет, что лишение доступа к необходимым материалам, техническим средствам и услугам, предоставляемым Палатой общин прессе, тех журналистов, которые не имеют членства в "Канадской пресс-галерее", является нарушением права на свободу ассоциации, поскольку никого нельзя заставлять вступать в какую-либо ассоциацию для осуществления такого основополагающего права, как свобода получать информацию.

Рассмотрение по существу в Комитете

13.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами, как это предусмотрено пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

13.2 В том, что касается утверждений автора о нарушении статей 22 и 26 Пакта, Комитет, в соответствии с пунктом 4 статьи 93 своих Правил процедуры, пересмотрел свое решение о приемлемости, принятое на его шестидесятой сессии, и считает, что автор сообщения не обосновал, для целей определения приемлемости, свою жалобу о нарушении этих статей. Он также не обосновал эту жалобу, для тех же целей, в своем дополнительном представлении. В этих обстоятельствах Комитет приходит к заключению о неприемлемости сообщения автора в том, что касается статей 22 и 26 Пакта, согласно статье 2 Факультативного протокола. В этой части решение о приемлемости тем самым отменяется.

13.3 Таким образом, вопрос, который предстоит решить Комитету, заключается в том, является ли ограничение доступа автора сообщения к материалам и техническим средствам, предоставляемым прессе в парламенте, нарушением его права искать, получать и распространять информацию, закрепленного в статье 19 Пакта.

13.4 В этой связи Комитет также ссылается на право принимать участие в ведении государственных дел, закрепленное в статье 25 Пакта, и, в частности, на Замечание общего порядка № 25 (57), которое, среди прочего, гласит: "Для обеспечения полного осуществления прав, закрепленных в статье 25, особое значение имеет свободный обмен информацией и мнениями по

государственным и политическим вопросам между гражданами, кандидатами и избранными представителями народа. Это предполагает свободу прессы и других средств информации, которая могла бы комментировать государственные вопросы без контроля или ограничений и информировать о них общественность"¹. Вместе со статьей 19 это предполагает, что граждане, в частности через средства массовой информации, должны иметь широкий доступ к информации и возможность распространять информацию и мнения о деятельности выборных органов и их членов. Вместе с тем Комитет признает, что такой доступ не должен мешать или препятствовать осуществлению функций выборных органов и что государство-участник, следовательно, имеет право ограничивать доступ. Однако любые ограничения, вводимые государством-участником, должны быть совместимы с положениями Пакта.

13.5 В данном случае, государство-участник ограничивает право пользоваться материалами и техническими средствами, предоставляемыми прессе в парламенте и финансируемыми из государственных источников, в том числе право вести записи при наблюдении за работой заседаний парламента, теми представителями прессы, которые являются членами частной организации "Канадская пресс-галерея". Автор сообщения получил отказ в предоставлении ему постоянного (т. е. полноправного) членства в "Пресс-галерее". В отдельных случаях автор сообщения имел временное членство, которое давало ему доступ к некоторым, но не ко всем материалам и техническим средствам организации. При отсутствии хотя бы временного членства он не имеет доступа к предоставляемым прессе материалам и техническим средствам и не может вести записи парламентских заседаний. Комитет отмечает, что, по утверждению государства-участника, автор сообщения не испытывает сколь-нибудь значительного ухудшения своего положения, поскольку достижения научно-технического прогресса позволяют общественности легко получать информацию о заседаниях парламента. Государство-участник утверждает, что автор сообщения может освещать заседания, используя информацию вещательных служб или наблюдая за ходом заседаний. Между тем, с учетом важности доступа к информации для демократического процесса, Комитет не согласен с утверждением государства-участника и придерживается того мнения, что отказ автору сообщения в участии является ограничением его права иметь доступ к информации, гарантированного в пункте 2 статьи 19. Вопрос заключается в том, является ли это ограничение оправданным по смыслу пункта 3 статьи 19. Это ограничение, как утверждается, введено на законных основаниях, то есть ограничение доступа граждан в здание парламента или в отдельные его части по решению спикера вытекает из положений закона о парламентской привилегии.

13.6 Государство-участник утверждает, что ограничения оправданы достижением баланса между необходимостью соблюдения права на свободу выражения мнения и необходимостью обеспечения эффективности и достоинства в деятельности парламента, а также обеспечения охраны и безопасности его членов, и что государство-участник может лучше определить, какие существуют риски и потребности. Как указывалось выше, Комитет согласен с тем, что охрана установленного режима в парламенте может быть признана законным основанием для цели обеспечения общественного порядка, и система аккредитации может, тем самым, служить оправданным инструментом достижения этой цели. Вместе с тем, поскольку система аккредитации ограничивает права, закрепленные в статье 19, ее введение и применение должно быть необходимым и соразмерным с указанной целью, а не произвольным. Комитет не согласен с тем, что этот вопрос должен решаться исключительно государством. Устанавливаемые для системы аккредитации критерии должны быть конкретными, справедливыми и оправданными, а их применение должно быть прозрачным. В данном случае государство-участник позволяет частной организации контролировать без своего вмешательства доступ к парламентским материалам и техническим средствам, предоставляемым прессе. Эта система не гарантирует, что при решении вопроса о предоставлении доступа к этим парламентским материалам и техническим средствам не будет случаев произвольного отказа. В этих обстоятельствах Комитет придерживается того мнения, что не было доказано, что существующая система аккредитации является необходимым и соразмерным

¹ Замечание общего порядка № 25, пункт 25, принято Комитетом 12 июля 1996 года.

ограничением прав по смыслу пункта 3 статьи 19 Пакта, призванным обеспечить эффективную работу парламента и охрану его членов. Отказ автору сообщения в доступе к предоставляемым прессе парламентским материалам и техническим средствам на основании того, что он не является членом ассоциации "Канадская пресс-галерея", является, тем самым, нарушением пункта 2 статьи 19 Пакта.

13.7 В этой связи Комитет отмечает отсутствие возможности обратиться с обжалованием в судебные инстанции или в парламент для установления законности отказа или его необходимости для достижения целей, предусмотренных в статье 19 Пакта. Комитет напоминает, что, в соответствии с пунктом 3 статьи 2 Пакта, государства-участники обязуются обеспечить любому лицу, права которого нарушены, эффективное средство правовой защиты, а любому лицу, которое обратится за такой защитой, право на нее, установленное компетентными властями. Исходя из этого, в случаях, когда действия агента государства затрагивают права, признаваемые Пактом, государство обязано устанавливать процедуру, позволяющую гражданам, чьи права были затронуты, направлять в компетентный орган жалобу о нарушении их прав.

14. Действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, Комитет по правам человека считает, что имеющиеся в его распоряжении факты свидетельствуют о нарушении пункта 2 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах.

15. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить г-ну Готье эффективные средства правовой защиты, в том числе независимое рассмотрение его заявления о предоставлении ему доступа к материалам и техническим средствам, предоставляемым прессе в парламенте. Государство-участник обязано обеспечить, чтобы подобные нарушения не повторялись в будущем.

16. Учитывая, что, став участником Факультативного протокола, государство-участник признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник взяло на себя обязательство обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и подпадающим под его юрисдикцию лицам права, признаваемые в Пакте, и предоставлять эффективные и применимые средства правовой защиты в случае какого-либо нарушения, Комитет желал бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о мерах, принятых по осуществлению соображений Комитета. Государству-участнику предлагается также опубликовать соображения Комитета.

ДОБАВЛЕНИЕ I

Особое мнение г-на Прафулачандры Натварлала Бхагвати, лорда Колвилла, г-жи Элизабет Эватт, г-жи Сесилии Медины Кирога и г-на Иполито Солари Иригойена в соответствии с пунктом 3 правила 94 правил процедуры Комитета в отношении решения Комитета по сообщению № 633/1995, Роберт У. Готье против Канады

Касательно пункта 13.2 соображений Комитета мы считаем, что утверждения автора сообщения о нарушении статей 22 и 26 Пакта достаточно обоснованы, и нет оснований для пересмотра решения о приемлемости.

Статья 26 Пакта устанавливает, что все люди равны перед законом. Равенство предполагает, что применение законодательных и нормативных актов, а также административных решений государственными должностными лицами не должно быть произвольным, а должно строиться на четко определенных основаниях, гарантирующих равенство обращения. Отказ предоставить автору сообщения, который является журналистом, желающим освещать парламентские заседания, доступ к

парламентским материалам и техническим средствам, предназначенным для прессы, без конкретного указания оснований является актом произвола. Кроме того, не было установленной процедуры обжалования. В этих обстоятельствах мы считаем, что в случае с автором сообщения был нарушен принцип равенства перед законом, закрепленный в статье 26 Пакта.

Касательно статьи 22 утверждение автора сообщения сводится к тому, что установление требования быть членом ассоциации "Пресс-галерея" в качестве условия для получения доступа к парламентским материалам и техническим средствам, предоставляемым прессе, нарушает его права, закрепленные в статье 22. Право на свободу ассоциации предполагает, что в принципе государство не может никого заставлять вступать в ту или иную ассоциацию. В случаях, когда занятие определенной профессией или призванием обуславливается требованием вступления в какую-то ассоциацию или когда нежелание быть членом какой-то ассоциации влечет за собой применение санкций, государство-участник должно доказать необходимость обязательного членства в такой ассоциации в демократическом обществе для достижения предусмотренных Пактом целей. Рассмотрение в Комитете этого вопроса, отраженное в пункте 13.6 соображений, явно свидетельствует о том, что государство-участник не смогло доказать, что установление требования быть членом конкретной организации является необходимым ограничением, предусмотренным в пункте 2 статьи 22, для регулирования доступа в пресс-галерею парламента с целью достижения указанных целей. Таким образом, ограничения, которым был подвергнут автор сообщения, являются нарушением статьи 22 Пакта.

ДОБАВЛЕНИЕ II

Особое мнение г-на Давида Кретцмера в соответствии с пунктом 3 правила 94 правил процедуры Комитета в отношении решения Комитета по сообщению № 633/1995, Роберт У. Готье против Канады

Я присоединяюсь к мнению моих коллег, считающих, что в данном случае имело место нарушение статьи 22. Вместе с тем я не разделяю их мнения о том, что утверждение о нарушении статьи 26 тоже было обосновано. На мой взгляд, для доказательства нарушения статьи 26 недостаточно просто заявить, что для принятия решения не было оснований. Кроме того, мне представляется, что утверждение автора сообщения о нарушении статьи 26 является, по сути, повтором его утверждения о нарушении статьи 19. Это утверждение сводится к тому, что автору сообщения было отказано в доступе, а другим доступ в "пресс-галерею" был разрешен. Согласиться с тем, что это является нарушением статьи 26, означало бы, что практически во всех случаях, когда нарушаются права отдельных граждан, закрепленные в других статьях Пакта, автоматически имеет место нарушение статьи 26. Поэтому я присоединяюсь к выводу Комитета о том, что утверждение автора сообщения о нарушении статьи 26 необоснованно. Решение Комитета о приемлемости должно быть пересмотрено, а утверждение о нарушении статьи 26 следует считать неприемлемым.

ДОБАВЛЕНИЕ III

Особое мнение г-на Раджусумера Лаллаха в соответствии с пунктом 3 правила 94 правил процедуры Комитета в отношении решения Комитета по сообщению № 633/1995, Роберт У. Готье против Канады

Комитет придерживается того мнения, что утверждения автора сообщения о нарушении статей 22 и 26 Пакта были недостаточно обоснованы для целей приемлемости, и пересмотрел ранее принятое им положительное решение о приемлемости.

Мне представляется, что статьи 22 и 26 в конкретных обстоятельствах данного сообщения являются особенно применимыми при решении вопроса о том, имело ли место нарушение, по смыслу пункта 2 статьи 19 Пакта, права автора сообщения искать, получать и распространять информацию в отношении парламентских заседаний, которые являются предметом общественного интереса. Следует отметить, что при этом доступ к парламентским материалам и техническим средствам, предоставляемым прессе, разрешен исключительно членам одной ассоциации, которая, так сказать,

монополизировала этот доступ. Свобода ассоциации, гарантированная в статье 22, органически включает в себя свободу не вступать ни в какую ассоциацию. Предъявление к автору сообщения требования быть членом ассоциации в качестве предварительного условия для получения доступа к парламентским материалам и техническим средствам, предоставляемым прессе, по сути означает, что автор сообщения вынужден просить о приеме в ассоциацию, которая может принять или не принять его в члены, иначе ему пришлось бы отказаться от полного осуществления им своих прав, закрепленных в пункте 2 статьи 19 Пакта.

Права автора сообщения в отношении равного обращения, гарантированного статьей 26, были нарушены в том смысле, что государство-участник фактически делегировало свой контроль за предоставлением равных условий для прессы на территории государственных помещений некой частной ассоциации, которая может по своим собственным соображениям и при отсутствии правового регулирования принимать или не принимать журналиста, такого как автор сообщения, в свои члены. Делегирование государством-участником такого контроля исключительно частной ассоциации порождает неравенство в обращении с журналистами, разделяя их на тех, кто является членами ассоциации, и на тех, кто таковыми не является.

Поэтому я считаю, что автор сообщения является жертвой нарушения его прав, закрепленных в пункте 2 статьи 19, в результате принятия государством-участником мер, которые направлены на предоставление доступа журналистам, освещающим парламентские заседания, и которые сами противоречат положениям статей 22 и 26 Пакта и не могут быть оправданы ограничениями, предусмотренными в пункте 3 статьи 19 Пакта.

Сообщение No. 671/1995

Представлено: Юни Е. Лянсман, Юни А. Лянсман, Эйно Лянсман и Марко Торрика
[представлены адвокатом]

Предполагаемые жертвы: Авторы

Государство-участник: Финляндия

Объявлено приемлемым: 14 марта 1996 года (пятьдесят шестая сессия)

Дата принятия соображений: 30 октября 1996 года (пятьдесят восьмая сессия)

Предмет сообщения: Отрицательные последствия лесозаготовительной деятельности для занятия оленеводством представителями общины саами

Вопросы процедуры: Временные меры защиты - Просьба государства-участника об отмене временных мер - Отмена временных мер защиты

Вопросы существа: право представителей меньшинства на пользование своей собственной культурой

Статьи Пакта: 27

Статьи Факультативного протокола и правила процедуры: 2, 3, и 5, пункт 2 (а) и (b), и правило 86

Заключение: Отсутствие нарушения

1. Авторами сообщения (от 28 августа 1995 года) являются Юни Е. Лянсман, Юни А. Лянсман, Эйно А. Лянсман и Марко Торрика - члены Комитета пастухов Муоткатунтури. Авторы утверждают, что они являются жертвами нарушения Финляндией статьи 27 Международного пакта о гражданских и политических правах. Их представляет адвокат.

Факты в изложении авторов

2.1 Авторы являются оленеводами саамского этнического происхождения; они оспаривают планы Центрального лесохозяйственного совета Финляндии утвердить заготовку и транспортировку леса и строительство дорог в районе площадью 3 тыс. га, находящемся на территории, принадлежащей Комитету пастухов Муоткатунтури. Члены Комитета пастухов Муоткатунтури занимают районы на севере Финляндии общей площадью 255 000 га, из которых для зимних пастбищ пригодна лишь пятая часть. Район площадью 3 000 га приходится как раз на эти зимние пастбища.

2.2 Авторы отмечают, что вопрос о владении землей, традиционно используемой саами, еще не разрешен.

2.3 Деятельность Центрального лесохозяйственного совета по заготовке и транспортировке леса была начата в конце октября 1994 года, но 10 ноября 1994 года она была приостановлена на основании судебного запрета, вынесенного Верховным судом Финляндии (*Korkein oikeus*). По утверждению авторов сообщения, представитель Центрального лесохозяйственного совета недавно заявил, что до наступления зимы его деятельность возобновится; они выражают озабоченность по поводу того, что заготовка и транспортировка леса возобновится в октябре или ноябре 1995 года, поскольку срок действия судебного запрета, вынесенного Верховным судом, истек 22 июня 1995 года.

2.4 Спорный район находится неподалеку от деревни Ангели рядом с норвежской границей, а также недалеко от принадлежащей Комитету пастухов Муоткатунтури скотобойни и места ежегодного загона северных оленей. Авторы сообщения утверждают, что зимой около 40% общего поголовья оленей, принадлежащих Комитету пастухов Муоткатунтури, пасутся на оспариваемых землях. Авторы отмечают, что в данном районе находятся старые девственные леса, а это означает, что как почва в этих местах, так и деревья покрыты лишайником. Это особенно важно, поскольку лишайник используется как корм для оленей и служит в качестве "резервного корма" для взрослых оленей в экстремальных погодных условиях. Авторы добавляют, что весной в оспариваемом районе самки оленей производят на свет потомство, поскольку здесь тихо и спокойно.

2.5 Авторы отмечают, что экономическая целесообразность оленеводства продолжает снижаться и что финские оленеводы саами с трудом выдерживают конкуренцию со шведскими оленеводами, поскольку шведское правительство субсидирует производство оленины. Кроме того, традиционные финские оленеводы саами на севере Финляндии с трудом конкурируют с производителями оленины на юге территории саами, которые используют ограждения и сено в качестве корма - методы, резко отличающиеся от методов традиционных саами, основанных на использовании природных ресурсов.

2.6 Авторы отмечают, что заготовка и транспортировка леса - не единственный вид деятельности, имеющий негативные последствия для оленеводства саами. Они признают, что спор касается конкретного географического района и заготовки и транспортировки леса, а также строительства дорог в этом районе. Однако они полагают, что и другие виды деятельности, как, например, добыча камня, которая уже ведется, заготовка и транспортировка леса, которые уже осуществляются или будут осуществляться, а также любая деятельность горнодобывающих компаний (на которую министерство торговли и промышленности уже выдало лицензии) во всем районе, традиционно используемом саами, будут приняты во внимание при рассмотрении фактов по их новому делу. В этом контексте авторы ссылаются на представление Центрального лесохозяйственного совета в суд первой инстанции в Инари (*Inarin kihlakunnanoikeus*) от 28 июля 1993 года, в котором Совет заявил о своем намерении к 2005 году заготовить и вывезти в общей сложности 55 тыс. куб. метров древесины с лесного массива площадью 1100 га в западных районах зимних пастбищ, принадлежащих Комитету пастухов Муоткатунтури. Авторы отмечают, что заготовка и транспортировка леса уже осуществляются в других районах зимних пастбищных земель, в частности в районе Паадарскайди на юго-востоке.

2.7 Авторы повторяют, что на севере Финляндии для саами складывается очень трудная ситуация и что любые новые меры, чреватые негативными последствиями для оленеводства в районе Ангели, будут означать отказ местным саами в праве на пользование собственной культурой. В этом контексте авторы ссылаются на пункт 9.8 соображений по сообщению № 511/1992, положения которого они истолковывают как предупреждение государству-участнику относительно принятия новых мер, которые могли бы затрагивать условия жизни местных саами.

2.8 В связи с требованием об исчерпании внутренних средств правовой защиты авторы сообщения, ссылаясь на статью 27 Пакта, обратились с жалобой в суд первой инстанции в Инари (*Inarin kihlakunnanoikeus*). Авторы просили суд запретить любую заготовку и транспортировку леса и строительство дорог в ограниченном географическом районе. Суд признал это приемлемым, но по существу дела 20 августа 1993 года вынес решение не в пользу авторов. По мнению суда, деятельность, являющаяся предметом спора, в течение ограниченного периода времени может иметь определенные негативные последствия, но лишь в незначительной степени.

2.9 После этого авторы подали апелляцию в Апелляционный суд в Рованиеми (*Rovaniemen hovioikeus*), который после устных слушаний вынес 16 июня 1994 года свое решение. Апелляционный суд постановил, что негативные последствия деятельности, являющейся предметом спора, намного серьезнее, чем считает суд первой инстанции. Тем не менее двое из трех входящих в состав судейской группы судей пришли к выводу о том, что негативные последствия для оленеводства не представляют собой "отказа в праве на пользование своей культурой" по смыслу статьи 27 Пакта. Апелляционный суд признал недоказанным, "что заготовка и транспортировка леса на указанной в ходатайстве территории, а также строительство дорог... помешают им совместно с другими членами

их группы пользоваться культурой саами, занимаясь оленеводством". Третий судья выразил особое мнение, утверждая, что заготовку и транспортировку леса и строительство дорог следует запретить и прекратить. Авторы обратились с ходатайством о предоставлении им разрешения на подачу апелляции в Верховный суд (*Korkein oikeus*), отметив, что они удовлетворены установлением фактов Апелляционным судом и просят Верховный суд лишь рассмотреть вопрос о том, являются ли негативные последствия рассматриваемой деятельности "отказом" авторам в их правах в соответствии со статьей 27 Пакта. 23 сентября 1994 года Верховный суд предоставил разрешение на подачу апелляции, но не вынес постановления о принятии временных мер защиты. Однако 10 ноября 1994 года он издал судебный приказ Центральным лесохозяйственным советом деятельности, которая была начата в конце октября 1994 года. 22 июня 1995 года Верховный суд оставил в силе решение Апелляционного суда во всей его полноте и отозвал временный судебный запрет. Авторы утверждают, что они исчерпали все внутренние средства правовой защиты.

Жалоба

3.1 Авторы утверждают, что изложенные факты свидетельствуют о нарушении их прав в соответствии со статьей 27, и ссылаются на соображения Комитета по делам *Иван Кито против Швеции* (сообщение № 197/1985), *Оминайяк против Канады* (сообщение № 167/1984) и *Илмари Лянсман и др. против Финляндии* (сообщение № 511/1992), а также на Конвенцию МОТ о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах № 169, общее замечание Комитета № 23[50] по статье 27 и проект декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов.

3.2 Наконец, авторы, которые утверждают, что заготовка и транспортировка леса и строительство дорог могут возобновиться в октябре или ноябре 1995 года и, таким образом, неминуемы, обращаются с просьбой о принятии временных мер защиты на основании правила 86 правил процедуры, с тем чтобы предотвратить невозполнимый ущерб.

Дополнительные сообщения, представленные сторонами

4.1 В соответствии с правилом 91 правил процедуры Комитета 15 ноября 1995 года сообщение было направлено государству-участнику. В соответствии с правилом 86 правил процедуры Комитет обращался к государству-участнику с просьбой воздержаться от принятия мер, которые могли бы причинить невозполнимый ущерб окружающей среде, имеющей, по утверждению авторов, жизненно важное значение для их культуры и жизненного уклада. Государству-участнику было предложено, чтобы в том случае, если оно будет утверждать, что с учетом обстоятельств дела просьба о принятии временных мер защиты нецелесообразна, оно уведомило об этом Специального докладчика по новым сообщениям Комитета и обосновало свое утверждение. После этого Специальный докладчик пересмотрит вопрос о целесообразности поддержания этой просьбы на основании правила 86.

4.2 В дополнительном представлении от 8 декабря 1995 года авторы отмечают, что отделение Центрального лесохозяйственного совета в Верхней Лапландии приступило к заготовке и транспортировке леса в районе, указанном в настоящем сообщении от 27 ноября 1995 года. Согласно плану деятельность по заготовке и транспортировке леса продлится до конца марта 1996 года: намечено вырубить около 13 тыс. куб. метров древесины. В период с 27 ноября по 8 декабря 1995 года было вырублено около 1 тыс. куб. метров древесины на площади в 20 га. Учитывая эту ситуацию, авторы сообщения просят Комитет вновь обратиться к государству-участнику с просьбой в соответствии с правилом 86 и настоятельно рекомендовать ему немедленно прекратить заготовку и транспортировку леса.

4.3 Со своей стороны группа чиновников в области лесного хозяйства из числа саами из района Инари, зарабатывающих на жизнь занятием лесохозяйственной деятельностью и деревообработкой, в своем представлении на имя Комитета от 29 ноября 1995 года утверждает, что лесохозяйственная деятельность в том виде, в каком она осуществляется в настоящее время, не препятствует оленеводству и что в одних и тех же районах можно одновременно заниматься оленеводством и лесным хозяйством. Такая оценка получила поддержку со стороны Верховного суда в его решении от

22 июня 1995 года. Если запретить лесохозяйственную деятельность в районе Инари, то группы саами, занимающиеся двумя различными видами деятельности, окажутся в неравном положении.

4.4 В представлении от 15 декабря 1995 года государство-участник утверждает, что следует сдержанно относиться к принятию временных мер защиты и прибегать к ним лишь в случае серьезных нарушений прав человека, когда возможность причинения невосполнимого ущерба является реальной, например когда под угрозой оказываются жизнь или физическая неприкосновенность жертвы. По мнению государства-участника, в настоящем сообщении не отражены обстоятельства, свидетельствующие о возможности причинения невосполнимого ущерба.

4.5 Государство-участник отмечает, что в настоящее время заготовка и транспортировка леса осуществляются на площади, не превышающей 254 га из общей площади лесного массива, принадлежащего государству и предоставляемого для оленеводства Комитету пастухов Муоткатунтури, которая составляет 36 тыс. га. Этот район включает территорию Национального парка Лемменйоки, на которой, несомненно, запрещена любая лесозаготовительная деятельность. Район лесозаготовок состоит из небольших отдельных участков, на которых в целях естественного восстановления леса применяется семенно-лесосечная рубка. Девственные леса между лесосеками остаются нетронутыми.

4.6 Государство-участник отмечает, что Центральный лесохозяйственный совет Финляндии своевременно и до того, как он приступил к своей деятельности по заготовке и транспортировке леса, провел переговоры с Ассоциацией оленеводов Муоткатунтури, к которой принадлежат и авторы сообщения; планы и график лесозаготовок не вызвали возражения у этой Ассоциации. По мнению государства-участника, письмо, упомянутое в пункте 4.3, выше, свидетельствует о необходимости координации разнообразных и различающихся интересов, преобладающих в образе жизни группы меньшинства саами. Наконец, государство-участник отмечает, что некоторые авторы осуществляли вырубку в своих собственных лесах, что, как утверждается, свидетельствует о "безвредности" лесозаготовительной деятельности в рассматриваемом районе.

4.7 В свете вышеизложенного государство-участник, с учетом обстоятельств дела, считает просьбу, выраженную в соответствии с правилом 86 правил процедуры, неуместной и просит Комитет отклонить ее в соответствии с правилом 86. Тем не менее в ожидании окончательного решения Комитета оно обязуется не разрабатывать планы дальнейшей заготовки и транспортировки леса в рассматриваемом районе и сократить объем ведущихся лесозаготовок на 25 процентов.

4.8 Государство-участник признает, что настоящее сообщение является приемлемым, и обязуется как можно скорее подготовить свои замечания по существу этой жалобы.

Решение Комитета о приемлемости

5.1 Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости настоящего сообщения на своей пятьдесят шестой сессии. Он принял к сведению аргументацию государства-участника в пользу отклонения просьбы о принятии временных мер защиты по данному делу и его заявление о том, что настоящее сообщение отвечает всем критериям приемлемости. Тем не менее Комитет рассмотрел вопрос о том, отвечает ли данное сообщение критериям приемлемости в соответствии со статьей 2, статьей 3 и подпунктами а) и б) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола, и пришел к выводу, что сообщение отвечает таким критериям и что требование авторов сообщения на основании статьи 27 следует рассмотреть по существу.

5.2 Таким образом, 14 марта Комитет признал сообщение приемлемым и отклонил просьбу о принятии временных мер защиты.

6.1 В своем представлении на основании пункта 2 статьи 4 Факультативного протокола государство-участник дополняет и уточняет Факты в изложении авторов сообщения. Оно напоминает, что часть пастбищных земель, принадлежащих Комитету пастухов Муоткатунтури, - район, где преобладает сосновый лес, пригодный для оленеводства в зимнее время, - находится на территории Национального парка Лемменьоки. В отношении процесса консультаций между Национальной лесопарковой службой (в дальнейшем именуемой НЛПС; прежнее название - Центральный лесохозяйственный совет) и местными оленеводами саами государство-участник отмечает, что представители НЛПС установили контакт с председателем ассоциации владельцев оленей Дж. С, который, в свою очередь, пригласил представителей НЛПС на внеочередное заседание Комитета пастухов Муоткатунтури, состоявшееся 16 июля 1993 года. На этом заседании были обсуждены планы лесозаготовок и согласованы поправки к ним: возврат к использованию зимних дорог и исключение северной части из района лесозаготовок. Из протоколов окружного суда в Инари (28 июля 1993 года) следует, что на этом заседании было высказано два мнения: одно мнение в поддержку авторов, а другое - против них. Комитет пастухов Муоткатунтури не делал никаких заявлений, направленных против НЛПС.

6.2 Государство-участник далее напоминает, что некоторые саами являются владельцами лесов и занимаются лесным хозяйством, а другие поступают на службу в НЛПС и выполняют функции, связанные с лесным хозяйством. Оно подчеркивает, что приведенное авторами сопоставление территорий, предназначенных для лесозаготовок, не является показательным, поскольку оно не относится к лесохозяйственной деятельности. Вместо этого было бы лучше сопоставить планы НЛПС с планами лесозаготовок в частных лесах в районе Ангели. Так, НЛПС планирует к 2005 году осуществление лесозаготовок на площади 900 га, тогда как региональный план по частным лесам в районе Ангели (1994-2013 годы) включает восстановление лесов на площади 1 150 га путем использования метода семенных деревьев.

6.3 Государство-участник напоминает, что жалобы авторов сообщения рассматривались местными судами (например, окружным судом в Инари, Апелляционным судом в Рованиеми и Верховным судом). В распоряжении суда каждой инстанции находилась обширная документация, на основе которой осуществлялось разбирательство по этому делу, в частности в свете статьи 27 Пакта. Суды всех трех инстанций отклонили жалобы авторов, прямо ссылаясь при этом на статью 27. Государство-участник добавляет, что требования статьи 27 постоянно учитываются властями государства-члена при применении и осуществлении ими национального законодательства и рассматриваемых мер.

6.4 В контексте вышеизложенного государство-участник утверждает, что, учитывая признание авторами в Верховном суде правильности установления фактов Апелляционным судом в Рованиеми, оно, в сущности, просит Комитет еще раз взвесить и оценить эти факты в свете статьи 27 Пакта. Государство-участник заявляет, что у национального судьи гораздо больше шансов рассмотреть это дело во всех его аспектах, чем у любой международной инстанции. Оно добавляет, что Пакт был включен в финское законодательство Актом парламента и что его положения непосредственно применяются всеми финскими органами власти. Таким образом, нет необходимости заявлять - как это предпочитают делать авторы сообщения - о том, что финские суды воздерживаются от толкования положений Пакта и ждут, когда Комитет выразит свое мнение по "пограничным инцидентам и новым событиям". В том же контексте у авторов сообщения нет оснований утверждать, что толкование статьи 27 Пакта Верховным судом и Апелляционным судом является "минималистическим" или "пассивным".

6.5 Государство-участник признает, что община саами представляет собой этническую общину по смыслу статьи 27 Пакта и что авторы сообщения как члены этой общины имеют право на защиту на основании данного положения. Оно анализирует практику Комитета, касающуюся статьи 27 Пакта, включая соображения по сообщениям № 167/1984 (*Б. Оминьяк и члены группы Озеро Лубиконо против Канады*), № 197/1985 (*Кито против Швеции*) и № 511/1992 (*И. Лянсман против Финляндии*), и признает, что понятие "культура" по смыслу статьи 27 охватывает оленеводство как существенный элемент культуры саами.

6.6 Государство-участник также признает, что "культура" по смыслу статьи 27 предусматривает защиту традиционных укладов жизни национальных меньшинств в той степени, в какой они имеют существенное значение для культуры и необходимы для ее выживания. Не все меры или их последствия, которые определенным образом изменяют прежние условия, можно истолковывать как незаконное ущемление права меньшинств пользоваться своей культурой. Именно этими соображениями руководствовался Парламентский комитет по конституционному праву, заявивший, что согласно обязательствам Финляндии по международным конвенциям оленеводство, которым занимаются саами, не должно становиться объектом необоснованных ограничений.

6.7 Государство-участник ссылается на общее замечание Комитета по статье 27 (Замечание общего порядка № 23 [50], принятое в апреле 1994 года), где признается, что защита прав в соответствии со статьей 27 направлена на обеспечение "выживания и постоянного развития культурных, религиозных и социальных особенностей соответствующих меньшинств" (пункт 9). Оно далее ссылается на *ratio decidendi* соображений Комитета по сообщению № 511/1992 (*И. Лянсман и др. против Финляндии*), где утверждается, что государства-участники по вполне понятным причинам, возможно, стремятся поощрять экономическое развитие и разрешать экономическую деятельность и что меры, которые оказывают определенное ограниченное воздействие на образ жизни лиц, принадлежащих к тому или иному меньшинству, не обязательно означают нарушение положений статьи 27. Государство-участник утверждает, что настоящее сообщение во многих отношениях похоже на сообщение № 511/1992, а именно: а) ответственность за деятельность, являющуюся предметом спора, вновь возлагается на государство-участника; б) меры, являющиеся предметом спора, оказывают лишь некоторое ограниченное воздействие; в) экономическая деятельность и занятие оленеводством были соответствующим образом согласованы; и д) предыдущие и перспективные планы лесозаготовок были прямо учтены при вынесении решений по этому делу местными судами.

6.8 Кроме того, государство-участник ссылается на решение Верховного суда Норвегии по сопоставимому делу, в котором местные саами оспаривали факт затопления небольшого земельного участка после сооружения плотины гидроэлектростанции. В этом деле для Верховного суда также решающее значение имела степень фактического ущемления интересов местных саами, которая была признана слишком незначительной для того, чтобы поднимать вопрос о защите меньшинств в соответствии с международным правом. Мотивировка Верховного суда впоследствии была одобрена Европейской комиссией по правам человека. Государство-участник приходит к выводу о том, что, как показывает прецедентная практика Комитета, не все меры, которые ставятся в вину государству, означают отказ в правах, предусмотренных в статье 27: этот принцип, как утверждается, должен применяться и в настоящем деле.

6.9 Тем не менее в связи с утверждением авторов сообщения о том, что разные права и интересы не могут быть согласованы и что право саами на занятие оленеводством должно преобладать над осуществлением других прав, таких, например, как право на заготовку и транспортировку леса, государство-участник заявляет, что интересы как лесного хозяйства, так и оленеводства могут быть и были учтены и согласованы в рамках запланированных или планируемых мер, касающихся лесного хозяйства. Этим, как правило, занимается НЛПС. В районе, указанном авторами, и во всем регионе, где ведется оленеводческое хозяйство, согласование не только возможно, но и имеет существенное значение, поскольку оленеводством занимаются на всей территории, населенной саами. Отмечается, что такой тип согласования был прямо одобрен Комитетом в его соображениях по сообщению № 511/1992 (пункт 9.8), где было признано, что "для обеспечения соответствия экономической деятельности положениям статьи 27 она должна осуществляться таким образом, чтобы авторы и

впредь могли с пользой для себя заниматься оленеводством". Государство-участник добавляет, что меры, касающиеся лесного хозяйства, могут принести пользу для оленеводства во многих отношениях и что многие оленеводы одновременно занимаются лесным хозяйством.

6.10 По мнению государства-участника, авторы всего лишь поставили перед Комитетом те же вопросы, которые они ставили перед местными судами, в частности какие виды мер в соответствующих районах могут инициировать возникновение "порогового уровня", выше которого эти меры могут считаться "отказом" - по смыслу статьи 27 - саами в их праве пользоваться своей культурой. При рассмотрении этого дела в местных судах было признано, что ущерб, причиняемый оленеводству заготовкой и транспортировкой леса и строительством дорог, ниже этого порогового уровня. Государство-участник считает, что авторы не представили новых оснований, которые помогли бы Комитету оценить вопрос "порогового уровня" как-либо иначе, чем это сделали местные суды.

6.11 В этом контексте государство-участник заявляет, что если понятие "отказ" по смыслу статьи 27 будет толковаться так же широко, как это делают авторы сообщения, то тогда оленеводы саами, в сущности, получают право отвергать любой вид деятельности, который может ущемлять интересы оленеводства даже в незначительной степени: "право вето подобного типа в отношении мелкомасштабной разумной законной деятельности землевладельцев и других землепользователей было бы предоставлено пастухам, занимающимся оленеводством, и одновременно оказало бы существенное влияние на систему принятия решений". В то же время законодательство, регулирующее разработку полезных ископаемых, а также существующие планы землепользования стали бы "почти бесполезными". Это, как подчеркивает государство-участник, не может быть целью и задачей Пакта и статьи 27. Следует отметить далее, что, поскольку право саами на занятие оленеводством не ограничивается районом, принадлежащим государству, решение Комитета окажет значительное воздействие на то, каким образом частные лица смогут использовать и эксплуатировать принадлежащие им земли в районе оленеводства.

6.12 По мнению государства-участника, приверженность Комитета принципу "эффективного участия членов общин меньшинств в принятии затрагивающих их решений"¹ - принципу, который был подтвержден в соображениях по сообщению № 511/1992, - в полной мере проявилась в рассматриваемом деле. Район, в котором сосуществуют и, возможно, вступают в конфликт интересы лесного хозяйства и оленеводства, является частью территории, принадлежащей Комитету пастухов Муоткатунтури (юридическому лицу, отвечающему за вопросы, касающиеся оленеводства). Государство-участник и Комитет пастухов договорились о проведении постоянных переговоров, в рамках которых происходит согласование интересов лесного хозяйства и оленеводства. Государство-участник утверждает, что опыт такого переговорного процесса является удачным и что он гарантирует право саами на занятие оленеводством в соответствии со статьей 27. НЛПС поддерживает постоянный контакт с Комитетом пастухов Муоткатунтури, членами которого являются авторы.

6.13 Государство-участник поясняет, что оленеводство отчасти было преобразовано в деятельность, в рамках которой используются возможности, предлагаемые лесным хозяйством. Пастухи используют дороги, построенные для целей лесного хозяйства: государство-участник напоминает, что в находящихся в частной собственности лесах в районе, принадлежащем Комитету пастухов Муоткатунтури, лесозаготовки осуществляются теми, кто занимается оленеводством. Кроме того, государство-участник отмечает, что практика ведения лесного хозяйства саами не отличается от соответствующей практики других собственников частных лесов. Если сравнить методы ведения лесного хозяйства и лесозаготовок в районах, находящихся под управлением НЛПС, с методами лесозаготовок, которые используются в частных лесах и саами, то более щадящие методы ведения лесного хозяйства, используемые НЛПС, и ручная лесозаготовка учитывают интересы оленеводства в большей мере, чем лесозаготовительная деятельность в частных лесах, осуществляемая с применением специальной техники. НЛПС намерена осуществлять лесозаготовки вручную, что

¹ Замечание общего порядка № 23 [50], пункт 7.

является более естественным методом по сравнению с механизированной заготовкой и транспортировкой леса, которая осуществлялась в частных лесах в районе Ангели зимой 1993/94 года. Кроме того, ручные лесозаготовки больше соответствуют традиционному образу жизни и культуре саами и, таким образом, имеют меньшие последствия для них.

6.14 В заключение государство-участник отмечает, что озабоченность авторов сообщения по поводу перспектив оленеводства была надлежащим образом учтена в настоящем деле. Несмотря на то что заготовка и транспортировка леса и тракторные колеи временно будут иметь ограниченные негативные последствия для зимних пастбищ, используемых для выпаса оленей, по мнению государства-участника, не было приведено доказательств, свидетельствующих о том, что это может причинить существенный и длительный ущерб, который помешает авторам сообщения продолжать занятия оленеводством в рассматриваемом районе в его нынешнем масштабе. Таким образом, авторам не отказано в праве пользоваться своей культурой по смыслу статьи 27 Пакта.

7.1 В своих комментариях авторы с самого начала отмечают, что заготовка и транспортировка леса в районе Пихьярви, который входит в состав района, указанного в их жалобе, была завершена в марте 1996 года. Негативные последствия заготовки и транспортировки леса для северных оленей, как утверждает, в основном носят долгосрочный характер. Однако авторы и другие оленеводы уже отмечали, что северные олени не пасутся в районах лесозаготовок и в "девственных лесах", растущих между этими районами. Таким образом, зимой 1996 года значительная часть зимних пастбищ, принадлежащих Комитету пастухов Муоткатунтури, стала недоступной для оленей. Это привело к значительному увеличению объема работы оленеводов и к дополнительным затратам по сравнению с предыдущими годами.

7.2 По утверждению авторов, некоторые негативные последствия заготовки и транспортировки леса проявятся лишь через несколько лет или даже десятилетий. Например, в случае наступления особенно суровой зимы, во время которой прочный ледяной покров не позволит оленям выкапывать в снегу ягель, многие олени могут пасть от голода из-за отсутствия их природного резервного корма - лишайника, растущего на старых деревьях. Если сильные ураганы повалят на землю оставшиеся деревья, возникнет реальная опасность того, что обширные территории останутся вовсе без деревьев, в результате чего будет постоянно сокращаться площадь зимних пастбищных земель, принадлежащих Комитету пастухов Муоткатунтури.

7.3 Адвокат отмечает, что вследствие низкой экономической выгоды от оленеводства многим оленеводам приходилось искать дополнительные источники дохода. Эта тенденция усилилась после того, как большинству комитетов пастухов пришлось сократить поголовье оленей в своих стадах. Необходимость сокращения поголовья оленей была вызвана нехваткой пастбищных земель и плохим состоянием существующих истощенных пастбищ. В подобной ситуации районы, пригодные для зимних пастбищ, являются поистине критическим ресурсом, который определяет масштабы сокращения поголовья оленей, принадлежащих каждому оленеводческому комитету. В целях выживания авторам самим пришлось развивать другие виды экономической деятельности помимо оленеводства. Они работают мясниками в других оленеводческих комитетах, работают на местных частных владельцев земли или занимаются мелкомасштабными лесозаготовками в собственных частных лесах. Однако все они предпочли бы работать исключительно оленеводами.

7.4 Что касается масштабов уже осуществленных лесозаготовок, то адвокат передает четыре фотографии, в том числе сделанные с помощью аэрофотосъемки, которые, как утверждает, позволяют четко осознать характер и последствия лесозаготовительной деятельности: в районах лесозаготовок на площади до 20 га деревьев почти не осталось, а все старые деревья, на которых обильно рос лишайник, были вырублены.

7.5 Авторы сообщения не согласны с замечаниями государства-участника о масштабах и характере лесозаготовок, ибо они вводят в заблуждение, поскольку упомянутые государством-участником 254 га касаются лишь уже завершенных лесозаготовок, тогда как НЛПС планирует продолжить лесозаготовки в указанном в жалобе районе. В порядке сравнения с более крупным районом авторы напоминают о длительной и обширной деятельности по заготовке леса в

Паадарскайди - другой части района зимних пастбищ Комитета пастухов Муоткатунтури. Как утверждается, последствия лесозаготовительной деятельности в Паадарскайди вызывают тревогу, поскольку олени просто покинули этот район. Авторы также оспаривают замечания государства-участника о методах лесозаготовок и утверждают, что так называемая семенно-лесосечная рубка также наносит вред оленеводству, поскольку животные по целому ряду причин избегают такие леса. Кроме того, существует опасность того, что ураганы повалят семенные деревья и этот район постепенно останется совсем без деревьев.

7.6 Адвокат подчеркивает, что если двое из авторов сообщения и пытались обеспечить себе дополнительный доход за счет лесного хозяйства, это не было продиктовано их свободным выбором и никоим образом не говорит о том, что лесозаготовительная деятельность может стать частью образа жизни саами. Он критикует замечания государства-участника, в которых этот аргумент используется против авторов вместо того, чтобы служить серьезным показателем изменений, которые угрожают культуре саами и их образу жизни. Утверждается, что попытка государства-участника представить "ручные лесозаготовки" как близкие традиционному образу жизни и культуре саами абсолютно беспочвенна и искажает факты.

7.7 Авторы конкретно указывают масштабы различных проектов лесозаготовок в этом районе. В отведенном Комитету пастухов Муоткатунтури районе общей площадью 255 000 га около 36 000 га занимают леса, находящиеся в ведении НЛПС. Наиболее пригодные зимние пастбища, принадлежащие Комитету пастухов Муоткатунтури, находятся в гуще лесов именно на этих контролируемых государством территориях. Частные леса занимают площадь около 14 600 га и принадлежат 111 различным собственникам. Площадь каждого из этих частных лесов в основном не превышает 100 га, и они, как правило, находятся вдоль основных дорог. Соответственно эти леса менее пригодны для выпаса оленей по сравнению, например, со стратегически важными зимними пастбищами, указанными авторами сообщения в настоящем деле.

7.8 Авторы оспаривают утверждение государства-участника об "эффективном участии" Комитета пастухов Муоткатунтури и их самих в процессе переговоров. Напротив, по их утверждению, при подготовке государственными лесохозяйственными органами своих планов лесозаготовок никаких переговоров или реальных консультаций с местными саами не проводилось. В лучшем случае Председателя Комитета пастухов Муоткатунтури ставили в известность о таких планах. По мнению авторов, установленные финскими судами факты говорят не в пользу точки зрения государства-участника. Кроме того, саами в целом недовольны тем, как государственные лесохозяйственные органы осуществляют свои полномочия "землевладельцев". 16 декабря 1995 года парламент саами обсудил опыт проведения лесозаготовительными органами государства-участника консультаций с саами по поводу планов лесозаготовок. В принятой резолюции отмечается, в частности, что, "по мнению парламента саами, существующая система консультаций между Центральным лесохозяйственным советом и руководителями оленеводческого хозяйства действует неудовлетворительно".

7.9 В отношении заготовки и транспортировки леса в районе Ангели авторы отмечают, что, даже если согласиться с утверждением государства-участника, "переговоры" были начаты лишь после того, как авторы возбудили судебное разбирательство с целью предотвращения лесозаготовок. Местные саами "случайно узнали" о существующих планах лесозаготовок, по поводу которых авторы сообщения возбудили судебное разбирательство. По утверждению авторов, то, что государство-участник называет "переговорами" с местными оленеводами, является всего лишь приглашением председателей оленеводческих комитетов на ежегодные заседания лесохозяйственного совета, на которых их информируют о краткосрочных планах лесозаготовок. Авторы подчеркивают, что этот процесс не предусматривает никаких реальных консультаций с саами. Они хотели бы оказывать более существенное влияние на процессы принятия решений, касающихся лесозаготовительной деятельности на их территории, и опровергают мнение государства-участника о том, что опыт существующего процесса консультаций якобы является удачным (см. пункт 6.12, выше).

7.10 В связи с заявлением государства-участника о том, что авторы фактически добиваются от Комитета переоценки доказательств, которые уже были тщательно изучены и взвешены местными судами, авторы утверждают, что единственное, чего они добиваются от Комитета, - это толкования статьи 27, а не "переоценки доказательств", как это предполагает правительство. Они отвергают замечания государства-участника о роли национального судьи как неуместные (см. пункт 6.4, выше).

7.11 В отношении замечаний государства-участника, приведенных в пункте 6.7, выше, авторы в основном согласны с теми положениями этих замечаний, которые касаются ответственности правительства за ущемление прав саами и оценки местными судами всей соответствующей деятельности и ее последствий. Они решительно не согласны со вторым положением этих замечаний, а именно с тем, что согласованные и применяемые меры оказывают лишь ограниченное воздействие. В первом деле *Лянсмана* Комитет в своей окончательной оценке мог ограничиться уже завершенной деятельностью. Настоящее дело касается не только тех лесозаготовок, которые уже завершены, но и всей будущей лесозаготовительной деятельности в указанном в жалобе географическом районе. Так, зимние пастбища, являющиеся предметом спора в настоящем деле, имеют для местных саами стратегическое значение: лесозаготовки причиняют оленеводству долгосрочный или постоянный ущерб, который сохраняется даже после прекращения самой деятельности. Таким образом, "ограниченное воздействие" добычи камня на горе Риутусваара, лежавшее в основе первого дела^{2/}, нельзя использовать в качестве критерия для вынесения решения по настоящему делу, в котором негативные последствия, как утверждаетса, имеют совершенно иные масштабы.

7.12 Точно так же авторы сообщения не согласны с утверждением государства-участника о наличии соответствующего согласования интересов оленеводства и экономической деятельности и отмечают, что, как правило, планы лесозаготовок разрабатывались без участия авторов или местных саами.

7.13 Авторы оспаривают оценку государством-участником воздействия уже осуществленных лесозаготовок на возможность авторов продолжать занятие оленеводством. Они считают, что осуществленные лесозаготовки и, тем более, последующие запланированные лесозаготовки не позволят им продолжать заниматься с пользой для себя оленеводством. Оптимистическая оценка, данная правительством, резко отличается от оценки, данной Апелляционным судом в Рованиеми, который признал, что лесозаготовки могут нанести "значительный" и "долговременный" ущерб местным саами. Однако местные суды не запретили запланированную лесозаготовительную деятельность, поскольку они установили пороговый уровень для применения статьи 27, взяв за основу вынужденный "отказ от занятия оленеводством", а не возможность "продолжать с пользой для себя заниматься оленеводством"^{3/}.

7.14 В дополнение к вышеизложенному авторы представляют информацию о недавних изменениях, касающихся прав саами в Финляндии. Несмотря на позитивный характер этих изменений в отношении конституционных поправок и официального признания власти парламента саами, они оказались негативными и ненадежными в других отношениях, например в отношении экономического благополучия саами, которые в основном живут за счет оленеводства и связанной с ним деятельности. Авторы далее ссылаются на находящееся на рассмотрении Верховного административного суда Финляндии дело, касающееся прав на разработку месторождений, на которые претендовали финские и иностранные компании на территории саами. Основной правовой основой для административных апелляций, поданных саами по этому делу, была статья 27 Пакта; в решении от 15 мая 1996 года Верховный административный суд отклонил заявки 104 компаний, которые ранее были одобрены министерством торговли и промышленности, и вернул их в министерство для пересмотра. Решение по существу этого дела еще не принято.

^{2/} См. соображения по сообщению № 511/1992 (*И. Лянсман и др. против Финляндии*), принятые 26 октября 1994 года.

^{3/} См. примечание 3, пункт 9.8.

7.15 Авторы делают вывод о том, что в целом лесозаготовки, проведенные лесохозяйственными органами государства-участника в указанном в сообщении районе, имели "прямые негативные последствия для авторов и оленеводов саами в районе Ангели и для Комитета пастухов Муоткатунтури в целом". Эти и последующие лесозаготовки, запланированные соответствующими органами государства-участника, вызовут серьезные долгосрочные и даже постоянные негативные последствия для них. По мнению авторов, такой вывод вполне обоснован документально и подтвержден решениями Апелляционного суда в Рованиеми и Верховного суда по этому делу.

8.1 В дополнительных замечаниях от 27 июня 1996 года государство-участник отвергло как необоснованные пояснения авторов, касающиеся так называемой экономической непригодности некоторых участков в районе лесозаготовок. Оно отмечает, что в отношении возможных потерь молодняка оленей после суровой зимы 1996 года такие потери обусловлены исключительно поздним наступлением весны и глубоким снежным покровом, который сохранялся необычайно долгое время. Такая ситуация была характерной для всего оленеводческого района, и поскольку потери ожидалась на всей территории этого района, то, соответственно, был увеличен объем дополнительных кормов для оленей. Государство-участник отмечает, что причиной, заставившей сократить поголовье оленей, стали не меры, связанные с лесным хозяйством, а размер оленеводческого хозяйства; постоянное истощение пастбищных районов является общеизвестным фактом. Наконец, государство-участник считает "самоочевидным", что выборочная семенно-лесосечная рубка является более щадящим методом лесозаготовок по сравнению со сплошной лесосечной рубкой.

8.2 В отношении лесозаготовительной деятельности, осуществляемой самими авторами, государство-участник отмечает, что частные землевладельцы обладают самостоятельной властью в вопросах, касающихся лесозаготовок в их собственных лесах. Трудно представить, чтобы собственники оленей занимались лесозаготовкой, если ее последствия для оленеводства и культуры саами были столь пагубными, как это утверждают авторы.

8.3 Государство-участник вновь заявляет, что процессы, с помощью которых ассоциации оленеводов или пастухи участвуют в принятии затрагивающих их решений, являются эффективными. Сам вопрос об "эффективном участии" обсуждался на совещании с участием НЛПС, Ассоциации комитетов оленеводов и различных комитетов оленеводов, которое состоялось 19 февраля 1996 года в Ивало. На этом совещании система переговоров, изложенная государством-участником в его представлении, сделанном на основании пункта 2 статьи 4 Факультативного протокола, была признана полезной. Государство-участник заявляет также, что, вопреки утверждению авторов сообщения, со стороны Комитета пастухов Муоткатунтури не было негативной реакции на планы лесозаготовок, первоначально представленные НЛПС. Государство-участник выражает сожаление по поводу того, что авторы склонны лишь частично ссылаться на его комментарии и замечания, что искажает подлинный смысл замечаний финского правительства.

8.4 В связи с вопросом о воздействии лесозаготовительной деятельности на возможность авторов заниматься оленеводством государство-участник вновь ссылается на мотивировку Апелляционного суда в Рованиеми, который пришел к выводу о недоказанности того факта, что "лесозаготовки на территории, указанной в ходатайстве, и строительство дорог в силу любых других причин, упомянутых [авторами], помешают им совместно с другими членами их группы пользоваться культурой саами путем занятия оленеводством". По мнению государства-участника, такой вывод полностью совместим не только с формулировкой статьи 27 Пакта, но и с пунктами 9.6 и 9.8 соображений Комитета по первому делу *Лянсмана*: соответственно, эти меры не причиняют такого значительного и долгосрочного вреда, который хотя бы временно помешал авторам продолжать заниматься оленеводством.

9.1 В дополнительных комментариях от 1 июля 1996 года авторы оспаривают некоторые из замечаний государства-участника, приведенных в пункте 8.1, выше. В частности, они оспаривают утверждение правительства о том, что выборочная семенно-лесосечная рубка представляет собой более щадящий способ лесозаготовок по сравнению со сплошной лесосечной рубкой, и заявляют, что в экстремальных климатических условиях района, являющегося предметом спора, так называемая "выборочная рубка", после которой на каждом гектаре остается не более 8Р10 деревьев, имеет те же последствия, что и сплошная рубка. Кроме того, негативные последствия для оленеводства являются такими же из-за усиления воздействия ураганов, которые могут повалить оставшиеся деревья.

9.2 Авторы утверждают, что если правительство приводит аргумент о том, что выборочная рубка приводит к более умеренным по сравнению со сплошной рубкой последствиям, то следует сделать единственный вывод о том, что любую дальнейшую лесозаготовительную деятельность в районе, являющемся предметом спора, следует отложить до тех пор, пока не будут получены объективные научные данные о том, что леса в районе, в котором уже проведены лесозаготовки, - районе Пихьярви - восстановлены. Авторы отмечают далее, что в представлении правительства допущена явная ошибка, когда в нем говорится, что "лесозаготовки не затрагивают района зимних пастбищ в Пихьярви", поскольку район, в котором уже проведены лесозаготовки, даже самой НЛПС именуется "Пихьярви" и находится в районе зимних пастбищ Комитета пастухов Муокатунтури.

9.3 По вопросу об "эффективном участии" авторы заявляют, что совещания, подобные совещанию, состоявшемуся 19 февраля 1996 года, на которое ссылалось государство-участник (см. пункт 8.3, выше), не являются надлежащим механизмом, обеспечивающим эффективное участие. Это подтвердил парламент саами 14 июня 1996 года, когда он вновь заявил об отсутствии удовлетворительного сотрудничества между НЛПС и комитетами оленеводов. Авторы отрицают, что они каким-либо образом исказили содержание предыдущих представлений государства-участника, заключений Апелляционного суда в Рованиеми или соображений Комитета по первому делу *Лянсмана*.

Рассмотрение дела по существу

10.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами, как это требуется положениями пункта 1 статьи 5 Факультативного протокола. Вопрос, который предстоит решить Комитету, заключается в том, являются ли заготовка и транспортировка леса в районе площадью 3 тыс. га на территории Комитета пастухов Муокатунтури (членами которого являются авторы), то есть уже осуществляемая и предстоящая заготовка и транспортировка леса, нарушением прав авторов в соответствии со статьей 27 Пакта.

10.2 Не вызывает сомнения тот факт, что авторы являются представителями меньшинства по смыслу статьи 27 Пакта и в качестве таковых имеют право пользоваться собственной культурой. Не вызывает сомнения и то, что оленеводство является важным элементом их культуры; тот факт, что некоторые из авторов занимаются другими видами экономической деятельности с целью получения дополнительного дохода, не влияет на этот вывод. Комитет напоминает, что экономическая деятельность может подпадать под действие статьи 27, если она является важным элементом культуры какого-либо этнического общества⁴.

10.3 Согласно статье 27, представителю меньшинства нельзя отказывать в его праве пользоваться своей культурой. Меры, которые в силу своего воздействия сводятся к отказу в таком праве, несовместимы с обязательством по статье 27. Однако, как отметил Комитет в своих соображениях по сообщению № 511/1992, меры, которые оказывают определенное ограниченное воздействие на образ жизни и жизненный уклад лиц, принадлежащих к тому или иному меньшинству, не обязательно означают отказа в правах, предусмотренных статьей 27.

⁴ Ср. соображения по сообщению № 197/1985 (*Кито против Швеции*), принятые 27 июля 1988 года, пункт 9.2; по сообщению № 511/1992 (*И. Лянсман и др. против Финляндии*), принятые 26 октября 1994 года, пункт 9.1.

10.4 Важнейший вопрос, который предстоит решить в настоящем деле, состоит в том, действительно ли лесозаготовки, уже осуществленные в районе, указанном в сообщении, а также такие лесозаготовки, которые были утверждены на предстоящий период и продлятся несколько лет, имеют такие масштабы, что можно вести речь об отказе авторам в праве пользоваться собственной культурой в данном районе. Комитет ссылается на пункт 7 своего общего замечания по статье 27, согласно которому меньшинства или группы коренного населения имеют право на защиту традиционной деятельности, такой как охота, рыболовство или оленеводство, и необходимы меры, "направленные на обеспечение эффективного участия членов общин меньшинств в принятии решений, которые их затрагивают".

10.5 Тщательно изучив материалы, представленные ему сторонами, и должным образом приняв во внимание тот факт, что между сторонами нет согласия по вопросу о долгосрочном воздействии уже осуществленной и запланированной деятельности в области заготовки и транспортировки леса, Комитет не может сделать вывод о том, что уже осуществляемая, а также запланированная деятельность представляет собой отказ авторам в праве пользоваться своей культурой. Бесспорно, что в процессе разработки планов лесозаготовки с Комитетом пастухов Муоткатунтури, членами которого являются авторы, проводились консультации. В ходе консультаций Комитет пастухов Муоткатунтури не выразил негативного отношения к этим планам. На оценку, данную Комитетом, не влияет тот факт, что этот консультационный процесс признан авторами неудовлетворительным и обладает возможностями для более активного взаимодействия. Отсюда следует, что власти государства-участника при принятии решения, касающегося наиболее подходящих методов ведения лесного хозяйства, то есть методов заготовки и транспортировки леса, выбора районов лесозаготовок и строительства дорог в районах, указанных в жалобе, в действительности взвешивали интересы авторов и общие экономические интересы в этом районе. Внутренние суды конкретно рассматривали вопрос о том, является ли предлагаемая деятельность отказом в правах по смыслу статьи 27. Комитет, исходя из имеющихся у него данных, не может сделать вывод о том, что воздействие планов лесозаготовок окажется столь значительным, что будет представлять собой отказ авторам в их правах, предусмотренных в статье 27, или что в своем решении, подтвержденном Верховным судом, Апелляционный суд в свете имевшихся у него фактов неправильно истолковал и/или неправильно применил статью 27 Пакта.

10.6 В отношении будущей деятельности в области заготовки и транспортировки леса Комитет отмечает, что, по имеющейся у него информации, лесохозяйственные органы государства-участника утвердили планы лесозаготовок, которые, хотя и приведут к увеличению объема работы и дополнительным затратам для авторов и других оленеводов, как представляется, не угрожают самому выживанию оленеводчества. Судя по имеющимся данным, низкая экономическая рентабельность этого вида деятельности объясняется не тем, что государство-участник поощряет другие виды экономической деятельности в данном районе, а иными, внешними, экономическими факторами.

10.7 Комитет считает, что если в районе, являющемся предметом спора, будут утверждены планы лесозаготовок в более крупных масштабах по сравнению с теми, что уже были согласованы на предстоящие годы, или если станет возможным доказать, что воздействие уже запланированных лесозаготовок является более серьезным, чем это можно предположить в настоящее время, то тогда ему, возможно, придется рассмотреть вопрос о том, является ли это нарушением права авторов пользоваться своей культурой по смыслу статьи 27. Из предыдущих сообщений Комитету известно, что в районе проживания народа саами планируются и осуществляются другие крупномасштабные разработки, затрагивающие природную среду, такие как добыча камня. Несмотря на то что в связи с настоящим сообщением Комитет пришел к выводу о том, что факты этого дела не свидетельствуют о нарушении прав авторов, Комитет считает важным отметить, что при принятии мер, затрагивающих права, предусмотренные в статье 27, государство-участник должно учитывать, что, хотя отдельные виды деятельности сами по себе могут не являться нарушением указанной статьи, в совокупности они могут ущемлять право народа саами пользоваться своей культурой.

11. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные ему факты не свидетельствуют о нарушении статьи 27 Пакта.

Сообщение No. 692/1996

Представлено: А.Р.Дж. [представлен адвокатом]

Предполагаемая жертва: Автор

Государство-участник: Австралия

Объявлено приемлемым 28 июля 1997 года (шестидесятая сессия)

Дата принятия сообщений: 28 июля 1997 года (шестидесятая сессия)

Предмет сообщения: Возвращение в страну происхождения лица, осужденного за наркопреступления в государстве-участнике

Вопросы процедуры: Временные меры защиты - Просьба государства-участника об отмене временных мер - Приемлемость *ratione materiae*

Вопросы существа: Возвращение лица государством-участником в страну его происхождения и возможность подвергнуться обращению, противоречащему ст. 7

Статьи Пакта: 6 (1), 7, 14 (1), (3) и (7), 15 и 16

Статьи Факультативного протокола и правила процедуры: ст. ст. 1 и 3, и правила 86 и 94 (1) и (2)

Заключение: Отсутствие нарушения

1. Автор сообщения является А.Р. Дж., гражданин Исламской Республики Иран, 1968 года рождения, содержащийся в момент представления своего сообщения под стражей в региональной тюрьме в Олбани, Западная Австралия. Он утверждает, что является жертвой нарушения Австралией пункта 1 статьи 2, пункта 1 статьи 6, статьи 7, пунктов 1, 3 и 7 статьи 14, пункта 1 статьи 15 и статьи 16 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его интересы представляет адвокат.

Факты в изложении автора

2.1 Автор являлся членом команды судна Иранской судоходной компании и был арестован 15 декабря 1993 года в Эсперанс, Западная Австралия, за незаконный ввоз двух килограммов смолы каннабиса и владение ими в нарушение статьи 233В (1) Закона о таможене. Он пытался продать каннабис агенту таможенной службы, работавшему под прикрытием. В апреле 1994 года он был приговорен к пяти годам и шести месяцам лишения свободы; суд постановил, что он не может быть освобожден досрочно в течение двух лет и шести месяцев, которые истекли 7 октября 1996 года.

2.2 13 июня 1994 года автор подал в Департамент по делам иммиграции и этническим вопросам ходатайство о получении статуса беженца и охранного (постоянного) разрешения на въезд. 19 июля 1994 года на уровне первой инстанции он получил отказ в своем ходатайстве от должностного лица, представлявшего министра по делам иммиграции и этническим вопросам. По мнению этого должностного лица, г-ну Дж. в Исламской Республике Иран не угрожала какая-либо реальная опасность преследований, на основании которой можно было бы говорить о применении Конвенции 1951 года о статусе беженцев.

2.3 10 августа 1994 года автор подал заявление о пересмотре этого решения в Суд по рассмотрению дел беженцев. Пересмотр указанного решения еще не был завершен, когда 1 сентября 1994 года вступили в силу изменения, внесенные в действующие в Австралии Закон о миграции и Миграционные правила. Согласно новым правилам ходатайство автора должно было теперь рассматриваться как ходатайство о выдаче охранной визы. 10 ноября 1994 года Суд по рассмотрению дел беженцев подтвердил первоначальное решение от 19 июля 1994 года. Суд постановил, что опасения автора по поводу возвращения в Исламскую Республику Иран основывались на том, что в Австралии он был приговорен по делу, связанному с наркотиками, и что он не выдвинул каких-либо иных аргументов, которые подтверждали бы, что перед ним возникнут серьезные трудности, если ему придется возвратиться в свою страну.

2.4 Суд пришел к следующему заключению: "Суд сочувствует заявителю в том плане, что в случае возвращения последнего в Исламскую Республику Иран он может с большой долей вероятности быть подвергнут чрезвычайно суровому обращению, однако заявитель все же не может считаться беженцем. Заявитель должен испытывать вполне обоснованные опасения стать жертвой преследований на основаниях, указанных в Конвенции, а именно по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений. Опасения же, испытываемые заявителем, не вытекают из каких-либо оснований подобного рода... [a] основываются исключительно на факте его осуждения за совершение преступного деяния".

2.5 В начале 1995 года судья Ли распорядился о продлении до 25 мая 1995 года конечного срока подачи автором ходатайства о вынесении приказа относительно пересмотра решения Суда по рассмотрению дел беженцев, а также о том, чтобы исправленное ходатайство, которое было подано 24 мая 1995 года, рассматривалось в качестве такового при пересмотре дела в Федеральном суде Австралии.

2.6 14 ноября 1995 года судья Френч объявил решение Федерального суда Австралии. Это решение содержало вывод, согласно которому автор не смог доказать ошибочность в чем-либо рассуждений Суда по рассмотрению дел беженцев или наличие каких-либо оснований, на которых его можно было бы считать подпадающим под меры защиты, предусмотренные в Конвенции. Несмотря на это, опасность, которой он может подвергнуться по возвращении в Исламскую Республику Иран, дает повод для серьезной озабоченности. В стране, имеющей определенные гуманитарные традиции, нельзя с легкостью игнорировать возможность того, что автор может быть подвергнут несправедливому судебному разбирательству, лишению свободы и пыткам. Федеральный суд, однако, не рассматривал вопрос о том, может ли автор быть возвращен в какую-либо иную страну или можно ли ему разрешить оставаться некоторое время в Австралии на каком-либо ином основании. Федеральный суд должен был выяснить, не допустил ли каких-либо ошибок Суд по рассмотрению дел беженцев, вынося свое решение о неприменимости к автору мер защиты, предусматриваемых в Конвенции о статусе беженцев. Поскольку в данном случае таких ошибок допущено не было, было решено отказать в ходатайстве.

2.7 В свете решения Федерального суда Комиссия по правовой помощи штата Западная Австралия сочла, что дальнейшая апелляция к пленуму Федерального суда Австралии будет бесполезной и что в этом отношении правовой помощи оказывать не следует. И все же автор подал в Комиссию по правовой помощи штата Западная Австралия просьбу сделать представление министру по делам иммиграции и этническим вопросам об осуществлении последним своих дискреционных полномочий по выдаче г-ну Дж. разрешения остаться в Австралии по гуманитарным причинам.

2.8 11 января 1996 года представитель Комиссии по правовой помощи штата Западная Австралия информировал автора о том, что министр не готов осуществить свои дискреционные полномочия, предусмотренные статьей 417 Закона о миграции, чтобы разрешить г-ну Дж. остаться в Австралии по гуманитарным причинам. Тогда адвокат высказал мнение о том, что вряд ли еще что-нибудь может быть сделано в интересах автора.

2.9 Руководство по рекомендациям гуманитарного характера содержит не являющийся исчерпывающим перечень указаний членам Суда по рассмотрению дел беженцев, а также должностному лицу, ответственному за их рассмотрение, или членам иных судов относительно выполнения ими своих рекомендательных функций. В Руководстве предусматривается следующее:

- а) в интересах Австралии как определенного человеческого социума добиваться обеспечения того, чтобы лица, не удовлетворяющие техническим характеристикам определения "беженец", не были возвращены в страны их происхождения, если имеются разумные основания предполагать, что по возвращении их личная безопасность может быть подвергнута серьезной, конкретно на них направленной угрозе;

b) в интересах общества защита, предоставляемая на гуманитарных основаниях, но вытекающая не из международных обязательств, а из позитивных соображений дискреционного порядка, должна предоставляться лишь тем лицам, которые действительно испытывают в ней острую нужду;

c) осуществляемая в качестве дискреционной меры выдача разрешений на пребывание в стране по гуманитарным причинам должна ограничиваться лишь исключительными случаями, содержащими элементы угрозы личной безопасности и тяжелых человеческих страданий;

d) процедура установления статуса беженца не должна распространяться на случаи благотворительного характера, касающиеся, в частности, семейных затруднений, экономических тягот или медицинских проблем, которые не связаны с серьезными нарушениями прав человека;

e) не предполагается рассмотрение ситуаций общего характера, связанных с проведением в других странах различий между отдельными группами или элементами общества;

f) Руководство должно применяться только по отношению к лицам, обстоятельства и характеристики которых дают им разумные основания полагать, что по возвращении их личная безопасность может быть подвергнута серьезной угрозе в результате целенаправленных действий соответствующих лиц в стране, куда они возвращаются;

g) для обеспечения того, чтобы предусмотренные в рамках данного процесса средства защиты ограничивались лишь случаями, действительно того требующими, соображения гуманитарного порядка не следует распространять на любое лицо, которое i) имеет возможность отправиться в безопасную для себя третью страну; ii) может впоследствии уменьшить степень предполагаемой опасности, переехав в какой-либо безопасный регион в пределах страны происхождения; или iii) добивается возможности проживания в Австралии главным образом в целях обеспечения для себя более широких социальных, экономических или образовательных возможностей.

2.10 Было заявлено, что дело автора сообщения было также передано для принятия соответствующих мер в Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев. На момент представления настоящего сообщения в Комитет ответа из Управления еще не последовало.

Жалоба

3.1 Автор сообщения утверждает, что Австралия нарушит статью 6, если ему придется возвратиться в Исламскую Республику Иран. Считается установленным фактом, что лица, совершившие преступления, связанные с наркотиками, подлежат юрисдикции исламских революционных трибуналов, и существует реальная возможность того, что автор может подвергнуться преследованию на том основании, что он был признан виновным в совершении преступления, которое имело отношение к иранскому государственному учреждению - а именно к Иранской судоходной компании, служащим которой являлся автор, - и что такое преследование может завершиться назначением высшей меры наказания.

3.2 Заявляется, что вынесение смертных приговоров за совершение преступлений, связанных с наркотиками, является в Исламской Республике Иран обычной практикой. Автор указывает, что смертные приговоры, выносимые исламскими революционными судами по итогам разбирательств, в ходе которых не соблюдаются международные стандарты надлежащей правовой процедуры, нарушают право на жизнь, охраняемое статьей 6, равно как и противоречат положениям второго Факультативного протокола об отмене смертной казни, к которому присоединилась Австралия.

3.3 Автор утверждает, что его депортация в Исламскую Республику Иран является нарушением статьи 7 Пакта, а также статьи 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. И хотя в статье 7 Пакта об этом прямо не говорится, сознательная выдача другому государству заключенного, в отношении которого имеются серьезные основания предполагать, что там он может подвергнуться угрозе пыток, явно противоречит предмету и цели этой статьи. Была сделана ссылка на решение Европейского суда по правам человека в деле *Соеринг против Соединенного Королевств*¹, а также на решение Государственного совета Франции от 27 февраля 1987 года². В свете информации, которая легко может быть получена из докладов, представленных в Комиссию по правам человека Организации Объединенных Наций, а также из докладов, подготовленных другими правительственными или неправительственными организациями, и с учетом комментариев, сделанных Судом по рассмотрению дел беженцев и судьей Френчем, принудительная репатриация автора в Исламскую Республику Иран может породить проблемы, связанные со статьей 7.

3.4 Утверждается, что если автора депортируют в Исламскую Республику Иран, то тем самым Австралия нарушит статью 14. Правонарушение, в совершении которого автор признан виновным, является по своему характеру преступлением против законов ислама, а исламские революционные трибуналы обладают юрисдикцией в отношении такого рода правонарушений. Считается общепризнанным, что революционные суды не соблюдают международно принятые нормы надлежащей правовой процедуры, что в них не действует право на обжалование и что обвиняемый обычно не представлен адвокатом. Эту точку зрения разделял и член Федерального суда Австралии судья Френч.

3.5 Автор утверждает, что любое преследование, которому в случае его депортации он может подвергнуться в Исламской Республике Иран, будет противоречить пункту 7 статьи 14 Пакта, поскольку над ним нависнет серьезная опасность дважды понести уголовную ответственность за одно и то же преступление. Таким образом, его насильственная депортация на родину будет, по всей видимости, равнозначна соучастию в двойном наказании за одно и то же преступление.

3.6 Далее автор заявляет о возможном нарушении статей 15 и 16 Пакта и пытается это обосновать. От имени своего клиента, которому в любой момент угрожает репатриация в Исламскую Республику Иран, адвокат добивается принятия временных мер защиты, предусмотренных правилом 86 правил процедуры.

Представленные государством-участником информация и замечания по вопросу приемлемости и существа сообщения

4.1 В своем представлении от 17 октября 1996 года государство-участник предлагает свои комментарии относительно как приемлемости, так и существа данного дела. В связи с утверждениями автора по поводу статьи 2 государство-участник выдвигает аргумент, согласно которому права, предусмотренные этим положением, являются по своему характеру дополнительными и связаны с другими конкретными правами, закрепленными в Пакте. Оно напоминает о толковании Комитета по поводу обязательств государства-участника, вытекающих из пункта 1 статьи 2, согласно которому, если государство-участник принимает решение, касающееся какого-либо лица, находящегося в пределах его юрисдикции, при этом неизбежным и прогнозируемым следствием такого решения будет нарушение предусмотренных Пактом прав этого лица в пределах какой-либо иной юрисдикции, то государство-участник само может оказаться нарушающим положения Пакта³. Однако государство-участник отмечает, что предыдущая практика

¹ Series A No. 161 (1989).

² FIDAN's case [1987], *Recueil Dalloz - Sirey* 305P310.

³ См. пункт 6.2 соображений по сообщению № 469/1991 (*Ч. Нг против Канады*), принятых 5 ноября 1993 года, и соображения по сообщению № 470/1991 (*Дж. Киндлер против Канады*), принятые 30 июля 1993 года.

рассмотрения дел в Комитете касалась случаев, связанных с экстрадицией, тогда как в отношении дела данного автора возникает проблема "неизбежных и прогнозируемых последствий" в контексте выдворения лица, которое было признано виновным в совершении серьезных преступлений, связанных с наркотиками, и не имело никаких юридических оснований для того, чтобы оставаться в Австралии: нельзя утверждать, что повторный судебный процесс по поводу преступлений, связанных с контрабандой наркотиков, обязательно состоится или что это является целью возвращения г-на Дж. в Исламскую Республику Иран.

4.2 С точки зрения государства-участника, узкое толкование критерия "неизбежных и прогнозируемых последствий" позволяет осуществить такое толкование положений Пакта, которое уравнивает принцип ответственности государства-участника, закрепленный в статье 2 (как она истолкована Комитетом), и право государства-участника на осуществление принадлежащих ему полномочий относительно того, кому предоставлять право на въезд. По мнению государства-участника, такой толковательный подход позволяет сохранить целостность Пакта и избежать ненадлежащего использования Факультативного протокола лицами, въезжающими в Австралию с целью совершения какого-либо преступления и не имеющими реальных юридических оснований для выдвижения требований о предоставлении статуса беженца.

4.3 В том, что касается утверждений автора по поводу статьи 6, государство-участник ссылается на практику Комитета, получившую отражение в соображениях по сообщению № 539/1993⁴, и указывает, что, хотя статья 6 Пакта и не запрещает вынесение смертных приговоров, Австралия, присоединившись ко второму Факультативному протоколу к Пакту, взяла на себя обязательство не подвергать смертной казни ни одно лицо, находящееся в пределах ее юрисдикции, и отменить смертную казнь. Государство-участник выдвигает довод, согласно которому автору не удалось доказать свое утверждение о том, что неизбежным и прогнозируемым последствием его принудительного выдворения из Австралии будет нарушение прав, принадлежащих ему согласно статье 6 Международного пакта о гражданских и политических правах и пункту 1 статьи 1 второго Факультативного протокола; эта сторона дела должна быть объявлена неприемлемой по статье 2 Протокола или отклонена как лишенная существенных оснований.

4.4 Государство-участник приводит ряд других аргументов, которые, по его мнению, свидетельствуют о том, что жизни автора в случае его возвращения в Исламскую Республику Иран не будет угрожать никакая реальная опасность. Во-первых, оно отмечает, что высылка - это не то же самое, что экстрадиция, поскольку экстрадиция производится на основании просьбы одного государства к другому относительно выдачи какого-либо лица для целей судебного преследования или вынесения либо исполнения приговора, связанного с его преступным поведением. В соответствии с этим практически с полной вероятностью можно утверждать, что следствием просьбы об экстрадиции в принимающем государстве будет проведение судебного процесса над соответствующим лицом или исполнение приговора. С другой стороны, нельзя утверждать, что такие последствия обязательно наступят или предусматриваются как результат передачи такого лица в связи с обычной практикой его депортации или выдворения. Как считает государство-участник, когда речь идет о выдворении, решающим является вопрос о том, имеет ли принимающее государство очевидное намерение подвергнуть депортируемое лицо судебному преследованию. В отсутствие очевидного намерения организовывать какое-либо судебное преследование заявления типа тех, которые были выдвинуты автором, являются чисто спекулятивными.

4.5 Продолжая свои рассуждения по поводу утверждений, касающихся статьи 6, государство-участник заявляет, что в отношении автора сообщения постановление об аресте в Исламской Республике Иран не выносилось и что иранские власти никакого особого интереса к автору не проявляют. Поэтому, согласно информации, полученной от посольства Австралии в Тегеране, "...тот

⁴ См. соображения по сообщению № 539/1993 (*Кит Кокс против Канады*), принятые 31 октября 1994 года, пункт 16.1.

факт, что иранцы не добиваются помощи Интерпола по данному делу, является наиболее убедительным свидетельством того, что предполагаемая жертва не будет подвергнута по возвращении аресту или повторному тюремному заключению за совершение преступления, связанного с наркотиками. Эту точку зрения разделяют все посольства западных стран, которым приходилось заниматься подобными делами в недавнем прошлом".

4.6 Государство-участник отмечает, что через свое посольство в Тегеране оно консультировалось относительно конкретных обстоятельств дела, связанных с автором сообщения, с независимым адвокатом, практикующим в Исламской Республике Иран. Суть полученной консультации заключалась в том, что весьма маловероятно, чтобы иранский гражданин, уже отбывающий срок за рубежом за совершение какого-либо преступления (связанного с наркотиками), был подвергнут повторному судебному преследованию и в отношении него был вынесен повторный приговор. Единственная возможность этого относится к случаю, когда наказание, определенное за рубежом, считается иранскими властями чересчур мягким; приговор же о лишении свободы на срок в шесть лет они вряд ли сочтут таковым. Кроме того, как подчеркивает государство-участник, иранское законодательство не предусматривает вынесения смертного приговора за контрабанду двух килограммов смолы каннабиса; напротив, за контрабанду смолы каннабиса в объеме от 500 гр до 5 кг оно предусматривает наказание в виде штрафа в размере 10-40 млн. риалов, 20-74 ударов плетью и 1-5 лет лишения свободы. В том что касается утверждения автора о существовании в Исламской Республике Иран обычной практики вынесения смертных приговоров по делам, связанным с контрабандой наркотиков, государство-участник отмечает, что ссылка на якобы существующую обычную практику вынесения смертных приговоров является недостаточной для подтверждения реальной опасности в тех конкретных обстоятельствах, в которых находится предполагаемая жертва; г-н Дж. не представил никаких доказательств, которые подтверждали бы, что лично ему может угрожать вынесение смертного приговора.

4.7 Расследование обстоятельств дела, проведенное самим государством-участником, не выявило каких-либо подтверждений того, что депортированным лицам, которые были осуждены за совершение преступлений, связанных с наркотиками, угрожает повышенная опасность, связанная с нарушением их права на жизнь. Так, посольство Австралии в Тегеране сообщает, что ему не известно о каких-либо случаях, когда иранские граждане подвергались бы судебному преследованию за совершение такого же или аналогичных преступлений. Согласно информации, полученной австралийским посольством от посольства другой страны, которому приходится заниматься большим количеством случаев, касающихся предоставления убежища, за последние годы это другое посольство имело дело с рядом аналогичных случаев и ни в одном из них лица, депортированные в Исламскую Республику Иран после отбывания тюремного заключения в стране этого посольства, по возвращении не имели проблем с иранскими властями. Как дополнительно сообщает государство-участник, по информации, полученной от других стран, депортировавших осужденных за контрабанду наркотиков иранцев, ни один из них не был подвергнут повторному аресту или привлечен к повторному судебному разбирательству.

4.8 С тем чтобы удостовериться в наличии или отсутствии реальной возможности того, что автору в Исламской Республике Иран может угрожать смертная казнь, государство-участник через свое посольство в Тегеране обратилось за юридической консультацией по вопросу о том, не повысит ли уголовное прошлое г-на Дж. риск привлечения к нему неблагоприятного внимания со стороны местных властей. По результатам полученной юридической консультации это предположение не подтверждается. Была получена дополнительная информация о том, что хотя в 1989 году автор уже подвергался аресту за потребление алкоголя и не был допущен к работе на нефтехимическом заводе, это вовсе не означает, что по возвращении в Исламскую Республику Иран он вновь будет подвергнут аресту или привлечет дополнительное неблагоприятное внимание.

4.9 В заключение государство-участник утверждает, что автору не удалось подкрепить доказательствами свое заявление о том, что по его возвращении в страну своего происхождения он может подвергнуться казни без суда. Оно утверждает, что иранские граждане, оказавшиеся в таком же положении, что и автор сообщения, ничуть не рискуют быть подвергнутыми внесудебной казни, пропасть без вести или оказаться без суда в заключении, где к ним могут быть применены пытки.

4.10 В том что касается утверждения автора касательно статьи 7 Пакта, государство-участник признает, что если бы г-на Дж. судили в Исламской Республике Иран, то, согласно исламскому уголовному кодексу, его могли бы приговорить к 20-74 ударам плетью. И все же, по мнению государства-участника, не существует реальной опасности того, что автор, если возвратится в Иран, будет вновь предан суду и получит повторный приговор. А поэтому оно считает данное утверждение необоснованным и несущественным.

4.11 Государство-участник приводит свои возражения, согласно которым утверждение автора о том, что его преследование в одном из исламских революционных судов нарушит его право, предусмотренное пунктом 7 статьи 14 Пакта, несовместимо с положениями Пакта и должно быть объявлено неприемлемым по статье 3 Факультативного протокола. В связи с этим государство-участник - ссылаясь на подготовительные материалы по принятию Пакта и на практику рассмотрения дел в Комитете - заявляет, что пункт 7 статьи 14 не гарантирует *ne bis in dem* в отношении национальных юрисдикций двух или более государств⁵, а считает, что пункт 7 статьи 14 запрещает лишь наложение двойного наказания за одно и то же преступление в каком-либо конкретном государстве.

4.12 Согласно доводам государства-участника, его обязательство в отношении будущих нарушений прав человека каким-либо иным государством возникает лишь в связи со случаями, касающимися возможного нарушения самых основных прав человека, и не возникает в связи с утверждениями г-на Дж. по пунктам 1 и 3 статьи 14. Оно напоминает, что в своей предыдущей работе Комитет ограничивался случаями, когда предполагаемой жертве угрожала экстрадиция и когда жалобы касались нарушения статей 6 и 7. В связи с этим оно ссылается на практику Европейского суда по правам человека в деле *Соеринг против Соединенного Королевства*, в котором Суд, установив нарушение статьи 3 Европейской конвенции, все же заявил в отношении статьи 6, т.е. статьи, эквивалентной статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, что вопросы, возникающие в связи с этим положением, могут затрагиваться в решении об экстрадиции лишь в порядке исключения, когда лицо страдает или рискует пострадать ввиду явного отказа в надлежащей правовой процедуре в государстве, направившем запрос о его выдаче. В рассматриваемом же деле г-н Дж. утверждает, что ему не будет обеспечена надлежащая правовая процедура, но не приводит никаких доказательств, которые подтверждали бы, что, учитывая обстоятельства его дела, иранские суды наверняка нарушают его права, предусмотренные статьей 14, и что у него не будет никакой возможности противостоять таким нарушениям. Помимо этого, как считает государство-участник, нет никакой реальной опасности того, что право автора на юридическое представительство, предусмотренное пунктом 3 статьи 14, будет нарушено. Это возражение государство основывает на заключении, полученном от посольства Австралии в Тегеране, в соответствии с которым:

"Относительно деятельности иранских революционных судов юридическое заключение Посольства состоит в том, что лицо, которому предъявлено обвинение в контрабанде наркотиков, имеет право пользоваться услугами адвоката... Обвиняемый может прибегнуть к услугам либо адвоката, назначенного судом, либо избранного им самим. В последнем случае избранный адвокат должен получить разрешение выступать в революционном суде. Тот факт, что полномочия адвоката утверждаются революционным судом, не нарушает независимости этого адвоката. В условиях существующей в Исламской Республике Иран системы адвокат, который знаком с практикой такого суда и сам известен суду, обычно может добиться для клиента большего. Существует также возможность пересмотра судебного вердикта и приговора в суде более высокой инстанции".

⁵ Сообщение № 204/1986 (*А. П. против Италии*) объявлено неприемлемым в ходе тридцать первой сессии (2 ноября 1987 года), пункт 7.3.

4.13 Что касается заявления автора относительно статьи 15, государство-участник полагает, что это утверждение выходит за сферу применения данного положения, а поэтому должно быть объявлено неприемлемым *ratione materiae* согласно статье 3 Факультативного протокола: хотя, по утверждению г-на Дж., если его будут судить по нормам иранского уголовного права, он будет приговорен к наказанию более строгому, чем то, которое он отбывает в Австралии, но он не поднимает вопрос об обратной силе, а значит, и не возникает вопроса о нарушении статьи 15.

4.14 И наконец, в том что касается заявления автора относительно статьи 16, государство-участник признает автора в качестве субъекта права и признает свою обязанность обеспечивать всем лицам, находящимся в пределах его территории и подчиняющимся его юрисдикции, признаваемые в данном Пакте права. Оно отвергает утверждение автора относительно статьи 16 как лишенное оснований, а значит, и неприемлемое согласно статье 2 Факультативного протокола, или же, другими словами, как лишенное существа.

Рассмотрение вопроса о приемлемости и вопросов существа

5.1 3 апреля 1996 года данное сообщение было переслано государству-участнику с просьбой представить информацию и замечания относительно приемлемости сообщения. Согласно правилу 86 правил процедуры Комитета государству-участнику было предложено воздержаться от каких-либо действий, которые могли бы привести к принудительной депортации автора в какую-либо страну, где ему может угрожать вынесение смертного приговора. 5 марта 1997 года Генеральный прокурор Австралии направил Председателю Комитета письмо с просьбой о снятии Комитетом своего предложения о применении временных мер защиты согласно правилу 86, указав, что автор был признан виновным в совершении серьезного уголовного преступления после того, как вступил на территорию Австралии с явным намерением совершить преступление. Иммиграционные власти государства-участника рассмотрели ходатайства автора полностью и внимательно. После того как 7 октября 1996 года г-н Дж. обрел потенциальное право на условное освобождение, он, в ожидании депортации, был помещен под иммиграционный арест согласно Закону о миграции 1958 года. Далее Генеральный прокурор указал, что автор будет содержаться под иммиграционным арестом до тех пор, пока Комитет не примет окончательного решения по его заявлениям, и настоятельно призвал Комитет принять решение по заявлениям г-на Дж. в первоочередном порядке.

5.2 На своей пятьдесят девятой сессии в марте 1997 года Комитет рассмотрел просьбу Генерального прокурора и отнесся к ней с вниманием. Он постановил, что с учетом имеющихся в Комитете материалов рекомендация о предоставлении временной защиты должна быть оставлена в силе и что вопрос о приемлемости и вопросы существа дела данного автора должны быть рассмотрены на шестидесятой сессии. Адвокату автора было предложено направить свои замечания относительно представления государства-участника своевременно к шестидесятой сессии Комитета. От адвоката никаких комментариев пока не поступило.

6.1 Комитет высоко оценивает тот факт, что государство-участник, даже оспаривая приемлемость заявлений автора жалобы, представило также информацию и замечания по существу утверждений автора. Это дает Комитету возможность рассмотреть как вопрос о приемлемости, так и вопросы существа настоящего дела в соответствии с пунктом 1 правила 94 правил процедуры Комитета.

6.2 Согласно пункту 2 правила 94 правил процедуры Комитет не принимает решения относительно существа сообщения, не рассмотрев вопрос о применимости всех оснований приемлемости, указанных в Факультативном протоколе.

6.3 Автор утверждал о нарушениях статей 15 и 16 Пакта. Комитет, однако, отмечает, что в данном деле вопроса о якобы осуществляющемся применении уголовного законодательства в порядке обратной силы (статья 15) не возникает. Отсутствуют также какие-либо указания на то, что государство-участник не признает автора в качестве субъекта права (статья 16). Поэтому Комитет считает данные утверждения неприемлемыми согласно статье 2 Факультативного протокола.

6.4 Автор утверждал о нарушении пункта 7 статьи 14, поскольку считает, что повторное рассмотрение его дела в иранском суде в случае его депортации в эту страну подвергнет его опасности вторично понести наказание за одно и то же преступление. Комитет напоминает, что пункт 7 статьи 14 Пакта не гарантирует *ne bis in idem* в отношении национальных юрисдикций двух или более государств: это положение запрещает лишь вторичное привлечение к ответственности за совершение преступления, по которому уже было вынесено судебное решение в каком-либо конкретном государстве⁶. В соответствии с этим данное утверждение является неприемлемым *ratione materiae* согласно статье 3 Факультативного протокола как несовместимое с положениями Пакта.

6.5 Государство-участник считает, что утверждения автора относительно статей 6 и 7 и пунктов 1 и 3 статьи 14 являются неприемлемыми либо на основании их неподтвержденности, либо потому, что автора нельзя рассматривать в качестве "жертвы" нарушения этих положений по смыслу статьи 1 Факультативного протокола. Кроме того, оно отвергает эти утверждения как лишённые оснований.

6.6 Мнение Комитета заключается в том, что с точки зрения приемлемости автор недостаточно обосновал свои утверждения относительно статей 6 и 7 и пунктов 1 и 3 статьи 14 Пакта. Что же касается того, станет ли он по смыслу статьи 1 Факультативного протокола "жертвой" нарушений вышеупомянутых положений, если государство-участник депортирует его обратно на родину, то здесь следует напомнить, что и Суд по рассмотрению дел беженцев, и судья Федерального суда Австралии (в своем единоличном решении) сочли вполне реальной опасностью того, что в случае депортации автора в Исламскую Республику Иран он может быть подвергнут чрезвычайно суровому обращению и что такая опасность вызывает серьезную озабоченность. Учитывая эти обстоятельства, Комитет полагает, что с точки зрения приемлемости автор выдвинул весьма состоятельный довод относительно того, что в случае его депортации в Исламскую Республику Иран он станет "жертвой" по смыслу Факультативного протокола и существует реальная опасность того, что в отношении лично него будут нарушены положения Пакта.

6.7 Поэтому Комитет пришел к выводу о том, что сообщение автора является приемлемым в той мере, в какой в нем, судя по всему, поднимаются вопросы, касающиеся статей 6, 7 и пунктов 1 и 3 статьи 14 Пакта.

6.8 Проблемным в данном деле является вопрос о том, будет ли г-н Дж. подвергнут реальной опасности (то есть неизбежному и прогнозируемому последствию) нарушения его прав согласно Пакту в случае его депортации Австралией в Исламскую Республику Иран. Государства-участники должны обеспечивать выполнение всех своих правовых обязательств, которые либо лежат на них согласно нормам внутреннего права, либо вытекают из соглашений с другими государствами, таким образом, чтобы это соответствовало положениям Пакта. В связи с этим имеет значение предусмотренная в пункте 1 статьи 2 Пакта обязанность государств-участников обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте. Право на жизнь является самым основным из этих прав.

6.9 Если какое-либо государство депортирует то или иное лицо, находящееся в пределах его территории и под его юрисдикцией, при таких обстоятельствах, что в результате возникает реальная опасность нарушения признаваемых в Пакте прав этого лица в пределах какой-либо иной юрисдикции, то такое государство-участник само может оказаться нарушителем положений Пакта.

⁶ См. пункты 7.3 и 8 решения по делу № 204/1986 (*А. П. против Италии*), объявленному неприемлемым 2 ноября 1987 года.

6.10 В связи с возможными нарушениями статей 6, 7 и 14 Пакта в случае принятия Австралией решения о депортации автора в Исламскую Республику Иран возникают три относящихся к делу вопроса:

а) Означает ли, что содержащееся в пункте 1 статьи 6 требование об охране права автора на жизнь и факт присоединения Австралии ко второму Факультативному протоколу к Пакту запрещают данному государству-участнику подвергать автора реальной опасности (т.е. неизбежному и прогнозируемому последствию) быть приговоренным к смерти и лишиться жизни в обстоятельствах, несовместимых со статьей 6 Пакта, вследствие его депортации в Исламскую Республику Иран?

б) Означает ли, что требования статьи 7 запрещают государству-участнику подвергать автора неизбежному и прогнозируемому последствию обращения с ним в нарушение статьи 7 в результате его депортации в Исламскую Республику Иран?

в) Означает ли, что содержащиеся в статье 14 гарантии справедливого судебного разбирательства запрещают Австралии депортировать автора в Исламскую Республику Иран, если в результате такой депортации для него наступит неизбежное и прогнозируемое последствие в виде нарушения гарантий надлежащей правовой процедуры, закрепленных в статье 14?

6.11 Комитет отмечает, что пункт 1 статьи 6 Пакта следует рассматривать вместе с пунктом 2 статьи 6, который не запрещает вынесение смертных приговоров за наиболее тяжкие преступления. Австралия не обвиняет автора в совершении преступления, за которое полагается смертная казнь, но намеревается депортировать его в Исламскую Республику Иран, т.е. в государство, где смертная казнь все еще существует. Если в Исламской Республике Иран автору будет угрожать реальная опасность, связанная с нарушением пункта 2 статьи 6, то это будет означать нарушение Австралией своего обязательства, предусмотренного в пункте 1 статьи 6.

6.12 В данном конкретном случае, как замечает Комитет, утверждение г-на Дж. о том, что его депортация в Исламскую Республику Иран будет означать для него "неизбежное и прогнозируемое последствие", выражающееся в нарушении статьи 6, опровергается доказательствами, представленными государством-участником. Во-первых, и это наиболее важно, государство-участник утверждает, что преступление, в совершении которого автор признан виновным в Австралии, не влечет за собой смертной казни по иранскому уголовному праву, максимальный срок тюремного заключения, к которому может быть приговорен автор за контрабанду такого количества каннабиса, за которое он был приговорен в Австралии, может составить пять лет, то есть меньше, чем в Австралии. Во-вторых, государство-участник проинформировало Комитет о том, что Исламская Республика Иран не проявляет никакого намерения подвергать автора аресту и судебному преследованию по обвинению в преступлении, за которое полагается смертная казнь, и что на г-на Дж. в его родной стране постановление об аресте не выписано. В-третьих, государство-участник привело состоятельный аргумент, согласно которому отсутствуют какие-либо прецеденты того, чтобы лицам, находившимся в аналогичной с автором ситуации, предъявлялись обвинения в совершении преступлений, наказуемых смертной казнью, и что в их отношении выносились смертные приговоры.

6.13 Несмотря на то что государства-участники должны помнить о своих обязательствах охранять право на жизнь находящихся под их юрисдикцией лиц при осуществлении своего права депортировать или не депортировать таких лиц, Комитет не считает, что формулировки статьи 6 в обязательном порядке требуют от Австралии воздерживаться от депортации какого-либо лица в то или иное государство, где сохраняется смертная казнь. Материалы, которыми располагает Комитет, свидетельствуют о том, что как судебные, так и иммиграционные органы, которым приходилось

заниматься данным делом, рассмотрели большое количество доводов относительно того, подвергнет ли автора депортация в Исламскую Республику Иран реальной опасности нарушения статьи 6. В свете этих обстоятельств, и особенно учитывая соображения, изложенные в пункте 6.12, выше, Комитет полагает, что Австралия не нарушит права автора, предусмотренные в статье 6, если приведет в исполнение свое решение о его депортации.

6.14 Оценивая в данном конкретном деле возможность того, что автор подвергнется реальной опасности нарушения статьи 7, следует привести соображения, аналогичные приведенным в пункте 6.12, выше. Комитет вовсе не безразлично воспринимает возможность того, что в случае повторного суда и вынесения повторного приговора в Исламской Республике Иран автору может быть назначено наказание в виде 20Р74 ударов плетью. Но опасность того, что он подвергнется такому обращению, должна быть реальной, то есть она должна быть неизбежным и прогнозируемым последствием депортации. Согласно информации, представленной государством-участником, нет каких-либо подтверждений реального намерения иранского правительства подвергнуть автора судебному преследованию. Напротив, государство-участник представило подробную информацию по ряду аналогичных случаев депортации, когда судебное преследование в Исламской Республике Иран не возбуждалось. Поэтому приведенный государством-участником довод, согласно которому существует крайне малая вероятность того, что иранские граждане, уже отбывшие за рубежом наказание за преступления, связанные с наркотиками, могут быть повторно привлечены к суду и приговорены к новому наказанию, является достаточным для того, чтобы Комитет мог основывать на нем свою оценку возможности обращения с автором, которое могло бы составить нарушение положений статьи 7. Более того, обращение с автором, которое противоречило бы статье 7, маловероятно также и в свете прецедентов по другим делам о депортации, на которые ссылалось государство-участник. На основании таких соображений можно сделать вывод о том, что депортация автора в Исламскую Республику Иран не подвергнет его в качестве неизбежного и прогнозируемого последствия такому обращению, которое противоречило бы статье 7 Пакта, а значит, в случае депортации г-на Дж. Австралия не нарушит статью 7.

6.15 И наконец, в том что касается предполагаемого нарушения пунктов 1 и 3 статьи 14, Комитет принял к сведению довод государства-участника, в соответствии с которым у этого государства возникает обязательство по поводу будущих нарушений прав человека каким-либо иным государством лишь в отношении тех случаев, которые касаются нарушений самых основных прав, но не в отношении возможных нарушений гарантий надлежащей правовой процедуры. С точки зрения Комитета, автор не смог представить существенные доказательства в поддержку своего утверждения о том, что в случае его депортации иранские судебные власти вполне могут нарушить его права, закрепленные в пунктах 1 и 3 статьи 14, и что у него не будет возможности противостоять таким нарушениям. В связи с этим Комитет принимает к сведению представленную государством-участником информацию, согласно которой предусмотрена возможность юридического представительства в трибуналах, в компетенцию которых может входить рассмотрение дела автора в Исламской Республике Иран, а также возможность пересмотра обвинительного вердикта и приговора, которые могут быть вынесены такими судами, в судах более высоких инстанций. Комитет напоминает о том, что не существует никаких подтверждений того, что в случае возвращения г-на Дж. в Исламскую Республику Иран он будет подвергнут судебному преследованию. Поэтому нельзя утверждать, что неизбежным и прогнозируемым последствием его депортации в Исламскую Республику Иран будет нарушение его прав, закрепленных в пунктах 1 и 3 статьи 14 Пакта.

7. Комитет по правам человека, действуя на основании пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что факты, которыми он располагает, не свидетельствуют о каких-либо нарушениях Австралией ни одного из положений Пакта.

Сообщение No. 676/1996

Представлено: Абдул Салим Яссин и Ноэль Томас [представлены Лондонской организацией "Интеррайтс"]

Предполагаемые жертвы: Авторы

Государство-участник: Гайана

Объявлено приемлемым: 11 июля 1997 года (шестидесятая сессия)

Дата принятия сообщений: 30 марта 1998 года (шестьдесят вторая сессия)

Предмет сообщения: Предполагаемое жестокое обращение с обвиняемыми в совершении преступлений, караемых смертной казнью

Вопросы процедуры: Исчерпание внутренних средств правовой защиты - Эффективность средства правовой защиты

Вопросы существа: Предполагаемое принуждение к признанию вины - Физические посягательства во время содержания под стражей до суда – Справедливость судебного разбирательства

Статьи Пакта: 6 (4), 7, 9, 10 (2), 14 (1) и (3) (b), (c), (d), (e) и (g)

Статья Факультативного протокола и правила процедуры: 5, пункт 2 (b)

Заключение: Нарушения [ст. ст. 10, пункт 1, и 14, пункты 3 (b), (c), (d) и (e)]

1. Авторами сообщения являются Абдул Салим Яссин и Ноэль Томас, двое граждан Гайаны, ожидающих приведения в исполнение смертного приговора в центральной тюрьме Джорджтауна, Гайана. Они утверждают, что они являются жертвами нарушений Гайаной пунктов 1 и 4 статьи 6, статьи 7, пунктов 1 и 2 статьи 10 и пунктов 1 и 3(a)-(e) и (g) статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Они представлены находящейся в Лондоне организацией "Интеррайтс".

Факты в изложении авторов

2.1 30 марта 1987 года авторам было предъявлено обвинение в убийстве некоего Калима Яссина, который являлся единокровным братом одного из авторов. 2 июня 1988 года они были признаны виновными в этом преступлении в Высоком суде Эссекибо и приговорены к смертной казни. 25 октября 1990 года Апелляционный суд вынес постановление о повторном судебном разбирательстве. Повторное судебное разбирательство было прервано, и в сентябре 1992 года состоялось третье судебное разбирательство. 6 декабря 1992 года авторы были вновь осуждены за это преступление и приговорены к смертной казни. Их вторая апелляционная жалоба против осуждения и приговора была отклонена в июне 1994 года. 5 июля 1994 года авторы обратились к Президенту с ходатайством использовать его прерогативу помилования. 1 февраля 1996 года им было зачитано постановление о приведении приговора в исполнение. Затем исполнение приговора было приостановлено до рассмотрения их апелляционной жалобы в Высоком суде.

2.2 20 марта 1987 года Салим Яссин сделал устное заявление полиции в полицейском участке Садди. Он утверждал, что его не было в городе во время этого убийства и что он возвратился после того, как услышал о нем. 21 марта 1987 года Ноэль Томас сделал устное заявление полиции, содержание которого является неизвестным. Он был помещен в камеру в полицейском участке, в которой не было туалета, причем ему не давали ни пищи, ни воды и ему не были разрешены свидания.

2.3 24 марта был арестован Яссин. Затем авторы были доставлены к магистрату и помещены под стражу в центральной тюрьме: они содержались под стражей вместе с осужденными заключенными. Условия в тюрьме были ужасающими. Авторы были помещены в камеру размером 80 на 30 футов, в которой находились примерно 150 других заключенных. В камере была только одна электрическая лампочка и один функционирующий туалет. Заключенным разрешалось пользоваться единственным душем только один раз в день. Канализация не работала, и авторы были вынуждены принимать душ стоя в грязной воде. Они были вынуждены спать на полу из-за отсутствия матрацев. Прогулки не проводились. Им было разрешено лишь одно свидание с родственниками в месяц.

2.4 На предварительном следствии полиция представила письменное заявление, которое, как утверждалось, является признанием Ноэля Томаса. Г-н Томас утверждает, что признание было получено незаконным путем; полиция подвергала его физическому насилию, которое выразилось в том, что ему защемляли плоскогубцами половой орган. Полицейский, которому он якобы сделал признание, инспектор Маркс, не давал показания во время предварительного слушания. Инспектор Баррен предъявил свой блокнот, в который он записал, по его утверждению, устное признание Яссина. Этот блокнот, а также блокнот инспектора Маркса и журнал полицейского участка Садди за период с 21 по 26 марта 1987 года впоследствии исчезли. Журнал полицейского участка хранился в закрываемой на замок комнате. Все три документа были предъявлены во время первого судебного разбирательства, но вскоре после этого исчезли.

2.5 26 июля 1987 года авторы были доставлены в магистратский суд Садди на общественном транспорте. Эта поездка заняла по меньшей мере восемь часов, причем на них были наручники и они находились на виду у публики. Это повторялось примерно 10 раз во время предварительного следствия, которое длилось с 27 июля 1987 года по 29 февраля 1988 года.

2.6 Первое судебное разбирательство состоялось в мае 1988 года. Во время судебного разбирательства авторы содержались в одиночной камере в полицейском участке Садди размером 8 на 14 футов, в которой не было туалета, матраца и освещения и в которой была лишь одна отдушина. После осуждения авторы были возвращены в центральную тюрьму и помещены в одиночные камеры для смертников, в которых они находились в течение рассмотрения их апелляции. Они содержались в камерах размером семь на семь футов высотой восемь футов, в которых не было освещения, туалета, душа; они были также лишены прогулок.

2.7 В марте 1990 года авторы подали апелляцию. Слушания длились примерно три месяца; принятие решения было отложено до 25 октября 1990 года. В этот день апелляция была удовлетворена и было вынесено постановление о проведении повторного судебного разбирательства по причине ненадлежащего отбора присяжных и с учетом того факта, что инспектор Маркс получил разрешение дать показания на судебном процессе и во время допроса на предмет выяснения беспристрастности или непредубежденности, хотя он и не давал свидетельских показаний на предварительном следствии (несмотря на то, что он находился в городе). В ноябре 1990 года Яссин был помещен в камеру с двумя другими осужденными. В январе 1991 года, когда ему было диагностировано психическое расстройство, он был помещен в одиночную камеру и находился в ней до апреля 1991 года, когда его перевели в лазарет. Яссин не был осмотрен врачом, а его просьба о встрече с директором тюрьмы не была удовлетворена.

2.8 В мае-июне 1991 года было проведено повторное судебное разбирательство. Оно было прекращено через две недели на основании манипуляций с составом жюри присяжных. В течение судебного разбирательства авторы содержались в полицейском участке Садди в условиях, которые уже были охарактеризованы. После судебного разбирательства их возвратили в центральную тюрьму. Г-н Яссин был помещен в лазарет до сентября 1992 года из-за сломанной ноги в результате инцидента в тюрьме. В лазарете он находился в палате под названием "чесоточная". В этой палате находились еще восемь человек с инфекционными заболеваниями.

2.9 Третье судебное разбирательство началось в октябре 1992 года. 6 декабря 1992 года авторы были признаны виновными в предъявленных им обвинениях и приговорены к смертной казни. Адвокат г-на Яссина не смог участвовать в судебном разбирательстве в течение первых четырех дней и соответственно обратился с просьбой о продлении разбирательства. В этой просьбе ему было отказано, и в результате автор фактически не был представлен адвокатом.

2.10 Версия обвинения основывалась на предполагаемых заявлениях авторов о признании. Один из свидетелей, который был арестован 25 марта 1987 года и сделал заявление полиции по этому делу, был вызван для дачи показаний, однако не явился в суд; этот свидетель давал показания на первом судебном разбирательстве. Журнал полицейского участка и полицейские блокноты, которые были предъявлены на первом судебном разбирательстве, не были предъявлены на третьем судебном разбирательстве. По мнению авторов, из них было бы видно, что г-н Яссин не находился под арестом

во время его предполагаемого устного признания. Два медицинских работника центральной тюрьмы показали, что г-н Томас подвергался физическому насилию, находясь в полицейском участке. После судебного разбирательства авторы узнали, что старшиной жюри присяжных был дядя жены погибшего. Они были возвращены в центральную тюрьму и содержались в камерах для смертников в условиях, которые уже были охарактеризованы. Костыли, которыми пользовался г-н Яссин из-за сломанной ноги, были у него отобраны, и таким образом он был вынужден ползать.

2.11 В четверг, 1 февраля 1996 года, в 15 ч. 00 м. авторам было зачитано постановление о приведении их приговоров в исполнение в 8 часов утра в понедельник, 5 февраля 1996 года. Обычная практика заключается в том, что такие постановления зачитываются в четверг, а исполнение приговора производится в следующий вторник. Семьям авторов сообщили о приведении приговора в исполнение посредством анонимного телефонного звонка в 22 ч. 00 м. в четверг, 1 февраля.

2.12 В субботу, 3 февраля 1996 года, было рассмотрено ходатайство о приостановлении исполнения приговора и было запрошено охранительное предписание, с тем чтобы можно было провести слушание. В выдаче охранительного предписания было отказано, однако было разрешено подать апелляцию против этого решения в Апелляционный суд полного состава. Было вынесено решение о приостановлении исполнения приговора на семь дней. 7 февраля авторы были уведомлены о том, что слушание в Апелляционном суде по существу их дела запланировано на 8 февраля.

2.13 Адвокат отмечает, что в Гайане не разрешается обращаться с ходатайствами в Тайный совет; поэтому указывается, что авторы исчерпали внутренние средства правовой защиты. Они утверждают, что рассмотрение ходатайства о выдаче охранительного предписания по двум причинам не должно считаться означающим, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны. Во-первых, потому, что авторы считают маловероятным, что это ходатайство будет удовлетворено. Во-вторых, поскольку с учетом характера сложившейся ситуации авторы будут использовать все правовые процедуры до самой последней минуты, нельзя предполагать, что они будут ждать момента, когда будет заслушано их окончательное требование, прежде чем подавать жалобу в Комитет по правам человека; это потребовало бы, чтобы они ожидали до момента, который является опасно близким к их смертной казни, прежде чем прибегать к своим правам согласно Международному пакту о гражданских и политических правах, или же вынудило бы их воздержаться от всех возможных шагов во внутренних судах.

Жалоба

3.1 Адвокат авторов полагает, что они были лишены права на справедливое разбирательство в нарушение статьи 14 Пакта. Утверждается, что авторы были осуждены на основании незначительных доказательств, и, хотя признается, что Комитет по правам человека, как правило, не дает оценки фактам и доказательствам, утверждается, что в данном случае доказательственная масса была столь незначительной, что приведение в исполнение смертного приговора на основании таких слабых доказательств было бы равнозначным грубой судебной ошибке. Адвокат отмечает, что авторы были осуждены на основании их собственных предполагаемых признаний; признание в случае г-на Томаса было получено от него в результате применения физической силы, а в случае г-на Яссина оно было сделано в устной форме, что он полностью отрицает. Кроме того, авторы полагают, что им было отказано в судебном разбирательстве в беспристрастном суде, поскольку позднее выяснилось, что старшина жюри присяжных на последнем судебном процессе был дядей жены погибшего.

3.2 Поскольку их судебный процесс не был проведен без неоправданной задержки, авторы утверждают, что имело место нарушение пункта 3(с) статьи 14. В этом отношении указывается, что авторы находились в заключении свыше 10 лет с момента предъявления им обвинения в убийстве в марте 1987 года.

3.3 Адвокат полагает, что право авторов на допрос свидетелей и предъявление доказательств не было гарантировано, поскольку один из свидетелей по имени Хирам Нарин не явился в суд, несмотря на многочисленные повестки, и поскольку исчезнувшие полицейские блокноты и журнал могли содержать доказательства их невиновности; как отмечается, это является нарушением пункта 3(е) статьи 14 Пакта.

3.4 Авторы утверждают, что имело место нарушение и пункта 3(g) статьи 14, поскольку их принуждали к признанию вины. В случае г-на Томаса против него использовалась физическая сила для получения его признания; в случае г-на Яссина ошибочно утверждалось, что он сделал устное признание.

3.5 Адвокат полагает, что г-н Томас не был в срочном порядке уведомлен о предъявляемом ему обвинении в нарушение пункта 3(a) статьи 14, поскольку он был арестован 20 марта 1987 года, а обвинение было предъявлено только через четыре дня после его ареста. В отношении г-на Яссина утверждается, что он стал жертвой нарушения пункта 3(b) и (d) статьи 14, поскольку его адвокат не смог участвовать в последнем судебном разбирательстве в течение первых четырех дней, несмотря на то, что была направлена просьба о перерыве в разбирательстве, и, таким образом, автор не был представлен адвокатом.

3.6 Авторы утверждают, что имело место нарушение статьи 7 и пункта 1 статьи 10 на том основании, что г-н Томас был подвергнут физическому насилию во время содержания под стражей, что привело к ложному признанию. Они совершили по меньшей мере 11 поездок, каждая из которых длилась восемь часов, на общественном транспорте для участия в слушаниях; в течение этих поездок они находились в наручниках и их могли видеть другие пассажиры, что привело к созданию унижительной для них ситуации. Условия их содержания под стражей были плохими, и им неоднократно отказывали в питании, медицинской помощи и возможности поддерживать элементарную гигиену, свиданиях с семьей и прогулках; г-н Яссин был лишен доступа к услугам врача, хотя было объявлено, что он страдает психическим расстройством, и у него отняли костыли, что вынудило его ползать. Кроме того, утверждается, что авторам причинялись большие душевные страдания, поскольку в течение девяти лет они жили в ужасных тюремных условиях во время досудебного содержания под стражей и в течение периодов между различными судебными разбирательствами. Все это усугублялось отсутствием ответов на их прошения о помиловании; они узнали об отказе Президента воспользоваться своей прерогативой помилования только во время ознакомления их с постановлением о приведении в исполнение смертного приговора. Их семьи не были официально информированы о дате казни, но получили анонимный телефонный звонок.

3.7 Адвокат утверждает, что авторы являются жертвами нарушения пункта 2 статьи 10, поскольку во многих случаях они содержались вместе с осужденными заключенными, причем не было никаких исключительных обстоятельств, оправдывающих эту ситуацию.

3.8 Отсутствие какого-либо официального ответа на прошение авторов о помиловании и несоблюдение властями обычной процедуры при установлении даты казни (авторам был предоставлен срок на один день меньше, в течение которого они могли предпринимать процессуальные шаги), как утверждается, представляют собой нарушения пункта 4 статьи 6 Пакта.

Замечания государства-участника по поводу приемлемости и замечания адвоката в этой связи, а также решение Комитета о приемлемости

4.1 9 февраля 1996 года государство-участник утверждало, что внутренние средства правовой защиты, к которым все еще могут прибегнуть авторы, не были исчерпаны, поскольку решения Высокого суда по их ходатайствам могут быть обжалованы в Апелляционном суде, являющемся последней судебной инстанцией государства-участника. В своей ноте от 11 апреля 1996 года государство-участник просило о продлении предельного срока для представления замечаний по вопросу о приемлемости сообщения.

4.2 28 февраля 1997 года адвокат уведомил Комитет о том, что 14 мая 1996 года Апелляционный суд Гайаны отклонил ходатайство авторов и что Суд решил направить дело на рассмотрение на новом заседании Комитета по помилованиям. По мнению адвоката, все имеющиеся внутренние средства правовой защиты были исчерпаны отклонением ходатайства авторов Апелляционным судом.

4.3 На своей шестидесятой сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости данного сообщения. Он выразил сожаление по поводу отсутствия сотрудничества со стороны государства-участника и отверг утверждение государства-участника, которое было сделано в вербальной ноте от 9 мая 1997 года, адресованное Комитету, и которое заключалось в том, что Комитет рассматривает настоящее сообщение с неоправданной задержкой. Что касается требования об исчерпании внутренних средств правовой защиты, то, по мнению Комитета, после отклонения апелляции авторов Апелляционным судом Гайаны последующая передача дела Комитету по помилованиям не является эффективным средством защиты, которое авторы должны исчерпать для целей Факультативного протокола.

4.4 Комитет счел, что авторы надлежащим образом обосновали для целей приемлемости свои утверждения согласно статьям 7, 9, 10 и 14 Пакта, которые следует рассмотреть по существу. Соответственно 11 июля 1997 года Комитет объявил сообщение приемлемым.

Замечания государства-участника по существу дела и замечания адвоката

5.1 В своей вербальной ноте от 19 августа 1997 года Министр иностранных дел государства-участника выразил "разочарование и ...беспокойство" по поводу решения Комитета о приемлемости, отметив, что Комитет не принял во внимание замечания правительства от 3 октября 1996 года по поводу утверждений авторов. В результате проведенного Комитетом расследования выяснилось, что представление государства-участника, датированное этим числом, было направлено на имя Специального докладчика Комиссии Организации Объединенных Наций по правам человека по вопросу о казнях без надлежащего судебного разбирательства и произвольных казнях. 27 августа 1997 года об этом было уведомлено правительство Гайаны. В своей ноте от 29 августа 1997 года государство-участник просило включить его замечания от 3 октября 1996 года в материалы дела, а также просило Комитет провести свое заседание для рассмотрения вопроса о приемлемости и/или существа этого дела в течение шестидесят первой сессии в октябре 1997 года. Комитет был информирован об этих событиях в ходе его шестидесят первой сессии и счел, что адвокату авторов следует предоставить возможность высказать замечания по замечаниям государства-участника от 3 октября 1996 года. 11 декабря 1997 года государство-участник было уведомлено о том, что это дело было передано на окончательное разрешение Комитету на его шестидесят второй сессии.

5.2 В своих замечаниях от 3 октября 1996 года государство-участник подробно излагает детали этого дела, которые в некоторых моментах отличаются от версии авторов. Оно отмечает, что Ноэль Томас и другие лица были арестованы 21 марта 1987 года и допрошены по поводу убийства Калима Яссина. Томас отрицал какую-либо причастность к этому убийству и был освобожден из-под стражи. 23 марта был арестован и допрошен некий Хирам Нарин; он предоставил информацию о соответствующих разговорах между ним и Томасом, после чего Томас был в тот же день вновь арестован. 24 марта 1987 года Абдул Яссин был арестован и уведомлен о том, что он подозревается в причастности к убийству его брата. Позднее в тот же день была проведена очная ставка Ноэля Томаса и Хирама Нарина, на которой Нарин вновь подтвердил то, что он заявил полиции ранее. Томас был ознакомлен со своими правами и отметил, что его использовал Абдул Салим; затем он предложил добровольно сделать письменное заявление. По словам государства-участника, Томас согласился с тем, чтобы помощник полицейского инспектора Маркс записал это заявление, и отказался от присутствия адвоката или родственника.

5.3 Вскоре после подготовки письменного заявления Абдулу Яссину была предъявлена копия этого заявления; он прочитал его, подтвердил правильность версии Томаса и предложил добровольно сделать устное заявление. 26 марта 1987 года обоим обвиняемым был задан вопрос о местонахождении пистолета, который использовался для убийства Калима Яссина. Ноэль Томас, как утверждается, сделал заявление, в котором указывает на Абдулу Яссина как на подстрекателя в связи с этим преступлением. 30 марта 1987 года они были обвинены в убийстве в магистратском суде Садди.

5.4 Государство-участник отмечает, что после каждого заседания в рамках предварительного следствия обвиняемые возвращались в тюрьму Джорджтауна, поскольку в округе Эссекибо (местонахождение суда) нет тюрьмы. По словам государства-участника, помещения тюрьмы Джорджтауна не являются переполненными и в них есть туалеты и душевые комнаты. В них также имеется "достаточное количество матрацев для сна, хотя и не отрицается, что заключенные иногда предпочитают спать на полу, чтобы не делить матрац с другим заключенным". Утверждение авторов о том, что они принимали душ, стоя в грязной воде, что вызвано поломкой канализационной системы, отвергается как ложное. Средством передвижения в магистратский суд Садди и из него является паром, который используется общей публикой, включая адвокатов, магистратов и судей. Заключенные, обвиненные в убийстве, совершают четырехчасовую поездку в наручниках, что является мерой безопасности.

5.5 Предварительное следствие было завершено 29 февраля 1988 года; в ходе предварительного следствия никто из них не вызывал каких-либо свидетелей. Судебное разбирательство в Высоком суде началось в мае 1988 года и завершилось 2 июня 1988 года; обвиняемые были признаны виновными в соответствии с предъявленными им обвинениями. В ходе судебного разбирательства Абдул Яссин отрицал, что он сделал какое-либо устное признание помощнику инспектора Марксу, а Ноэль Томас утверждал, что письменное заявление было подписано им под принуждением. Далее Томас утверждал, что полицейские его избивали и защемляли плоскогубцами его половой орган. Судья по делу провел допросы на предмет выяснения беспристрастности или непредубежденности в связи с этими утверждениями и, заслушав показания свидетелей обвинения и защиты относительно добровольного характера этого заявления, отклонил утверждение Томаса и принял его заявление в качестве доказательства.

5.6 3 июня 1988 года авторы обжаловали осуждение и приговор. 25 октября 1990 года апелляционная жалоба была принята к рассмотрению на том основании, что а) свидетель полиции, который не вызывался для дачи показаний в ходе предварительного следствия, получил разрешение дать показания на судебном процессе без каких бы то ни было разъяснений со стороны обвинения в отношении того, почему он не был вызван в качестве свидетеля обвинения в то время; б) судья по делу неправомерно выводил присяжных из состава жюри на явно неубедительном основании, согласно которому они опасались, что они могут быть выведены из состава жюри на определенной стадии в течение судебного разбирательства. Было вынесено постановление о проведении повторного судебного разбирательства. Повторное разбирательство началось в Высоком суде под председательством другого судьи в июне 1991 года; оно было прекращено после изучения судьей утверждений о том, что одного из членов жюри видели вместе с родственником Абдула Яссина и при этом они вели какой-то разговор. Через две недели это разбирательство было прекращено.

5.7 Третье судебное разбирательство планировалось начать в июне 1992 года, однако оно было отложено на три месяца из-за отсутствия адвоката у Абдула Яссина в период между июлем и сентябрем 1992 года. В конечном счете оно началось в октябре 1992 года, а 4 декабря 1992 года обвиняемые вновь были признаны виновными согласно предъявленным им обвинениям и приговорены к смертной казни. В период между апрелем и июнем 1994 года была рассмотрена и отклонена их апелляционная жалоба. По словам государства-участника, "до принятия этого окончательного решения дважды наступали рождественские каникулы и ежегодные судебные каникулы продолжительностью два или более месяцев". Далее государство-участник подробно излагает содержание ходатайства на основании конституционных положений и ход апелляционного разбирательства по жалобе, представленной от имени авторов после выдачи 1 февраля 1996 года предписания о приведении в исполнение смертного приговора.

5.8 Что касается условий содержания авторов под стражей, то государство-участник поясняет, что лица, которым предъявлено обвинение в совершении уголовных преступлений, ожидают суда под стражей в одном из корпусов тюрьмы Джорджтауна. Авторы никогда не содержались вместе с осужденными заключенными до того, как они были сами осуждены. В этом корпусе имеются надлежащие освещение, вентиляция и количество матрацев, а также четыре туалета и две душевые комнаты. Как заключенным, ожидающим суда, авторам были разрешены свидания с друзьями или родственниками дважды в неделю. Государство-участник признает, что в одном из корпусов тюрьмы Джорджтауна содержатся заключенные с инфекционными заболеваниями. Абдул Яссин никогда не находился в этом корпусе.

5.9 Государство-участник отмечает, что все заключенные в тюрьме Джорджтауна получают медицинскую помощь, которая оказывается квалифицированным медицинским персоналом. История болезни Абдула Яссина показывает, что в целом он осматривался 21 раз в лазарете тюрьмы. Никогда ему не было диагностировано психическое расстройство, никогда он не ломал ногу и никогда ему не приходилось передвигаться на костылях. В отношении г-на Томаса история болезни показывает, что в период его нахождения в тюрьме он проходил лечение в связи с инфекцией мочеиспускательного канала, которую он получил до его взятия под стражу.

5.10 Заключенные, в отношении которых вынесены смертные приговоры, содержатся в одиночных камерах размером восемь на восемь футов. Эти камеры освещены с помощью источников света, находящихся за пределами камеры, поскольку за заключенными, находящимися в камерах смертников, осуществляется тщательное наблюдение. Государство-участник отмечает, что "в каждой камере имеется надлежащая вентиляция". В камерах для смертников нет отдельных туалетов, однако заключенным предоставляются специальные емкости для отправления естественных потребностей: "эти емкости опустошаются и чистятся после использования настолько часто, насколько это является практически возможным". Прогулки разрешены всем заключенным, включая авторов, и с этой целью заключенные выводятся на прогулку в течение одного часа в день.

5.11 Оба автора содержались под стражей в специальном корпусе тюрьмы Джорджтауна до июня 1988 года. Когда им было разрешено в 1990 году подать апелляционные жалобы, они были возвращены в этот корпус. После их осуждения в декабре 1992 года оба автора были вновь помещены в одиночные камеры для заключенных, в отношении которых вынесен смертный приговор.

6.1 В своих замечаниях адвокат отмечает, что государство-участник не отклоняет утверждение о том, что г-н Яссин не был представлен в течение первых четырех дней третьего судебного разбирательства, хотя была высказана просьба о перерыве в разбирательстве с целью поиска адвоката. Независимо от того, что в июне был объявлен перерыв на три месяца, остается фактом то, что судебное разбирательство началось в октябре 1992 года в отсутствие адвоката для г-на Яссина. Первоначально г-н Яссин пригласил в качестве адвоката Б. де Сантоса, которому был выплачен гонорар в размере 300 000 гайанских долларов. За неделю до начала судебного разбирательства де Сантос возвратил всю сумму гонорара, заявив, что он не в состоянии вести защиту. Затем г-н Яссин пригласил другого старшего адвоката С. Хардьяла, который обратился к судье с ходатайством об объявлении перерыва, поскольку он не мог участвовать в разбирательстве в установленные сроки. В объявлении перерыва было отказано, судебное разбирательство началось, и в отсутствие адвоката были допрошены и дали показания двое свидетелей обвинения.

6.2 Ссылаясь на предыдущие решения Комитета¹, адвокат отмечает, что начало судебного разбирательства в отсутствие адвоката нарушило права автора согласно пунктам 3(b) и (d) статьи 14. Она отмечает, что допрос двух свидетелей обвинения в отсутствие адвоката причинил непоправимый ущерб защите обвиняемого, поскольку для адвоката оказалось невозможным подвергнуть версию обвинения полному состязательному оспариванию. Подчеркивается, что не может иметь никаких

¹ См. соображения в отношении сообщения № 223/1987 (*Фрэнк Робинсон против Ямайки*), принятые 30 марта 1989 года, пункт 10.3.

оснований утверждение о том, что адвокат отсутствовал в течение относительно второстепенных дней, например дней, когда обвинение излагало свою версию и судебное разбирательство касалось процессуальных вопросов. Напротив, адвокат отсутствовал в течение первых четырех дней судебного разбирательства, когда обвинение представляло доказательства по делу авторов.

6.3 Что касается утверждения о том, что было нарушено право авторов допрашивать свидетелей и предъявлять доказательства согласно пункту 3(е) статьи 14, то, поскольку один из потенциально благоприятных для обвиняемых свидетелей, Херам Нарин, не явился в суд, несмотря на направлявшиеся ему повестки, и поскольку важные полицейские документы и журналы исчезли и не были предъявлены по запросу во время судебного разбирательства, адвокат ссылается на отсутствие какой-либо информации государства-участника по этому вопросу.

6.4 В отношении утверждения авторов о том, что их принудили сделать признание в убийстве Калима Яссина, адвокат отмечает, что само государство-участник признало, что версия обвинения почти полностью основывается на двух предполагаемых признаниях, не предлагая при этом достоверного изложения обстоятельств, при которых они были сделаны. Адвокат отклоняет версию государства-участника, согласно которой Ноэль Томас сделал, как утверждается, спонтанное признание, которое было записано помощником инспектора Марксом, а г-н Яссин сделал предполагаемое спонтанное устное признание, как сомнительную: хотя обвинение утверждает, что подзащитные спонтанно решили отказаться от правовых услуг и сделать полное признание, г-да Яссин и Томас неизменно утверждали, что они не делали добровольных признаний. Адвокат отмечает, что судебные протоколы переполнены убедительными показаниями врача, который осматривал Ноэля Томаса и который описывает телесные повреждения, полученные г-ном Томасом в то время, когда его принуждали сделать признание. При этих обстоятельствах адвокат полагает, что данные два сомнительных признания не могут быть основанием для осуждения авторов и вынесения им смертных приговоров.

6.5 Адвокат напоминает, что государство-участник не оспаривает утверждение о нарушении пункта 1 статьи 14, поскольку старшина жюри присяжных во время третьего судебного разбирательства являлся родственником жены погибшего, и лишь утверждает, что этот вопрос не ставился во время внутреннего судебного разбирательства.

6.6 Адвокат утверждает, что общая продолжительность задержек в судебном разбирательстве в период между 1988 и 1994 годами представляет собой нарушение пункта 3(с) статьи 14 Пакта. Единственным разъяснением государства-участника по поводу этих задержек является заявление о том, что задержка в отношении третьего судебного разбирательства и апелляционного производства объясняется в двух случаях рождественскими каникулами и ежегодными судебными каникулами продолжительностью два или более месяцев. Утверждается, что это абсолютно недостаточное объяснение с учетом душевных страданий авторов, которые ожидают решения по своим делам.

6.7 Адвокат вновь выдвигает утверждения, относящиеся к ужасающим условиям содержания под стражей до и после судебного разбирательства, и направляет два affidavits, подписанных в ноябре 1997 года под присягой отцом Абдулы Яссина и джорджтаунским бизнесменом и другом Абдулы Яссина². В обоих affidavits говорится о крайне плохих условиях содержания автора под стражей, включая переполненность камер, нехватку спальных принадлежностей и туалетов, плохое освещение, тесные помещения, отсутствие в достаточном количестве одежды и продовольствия, недостаточное время прогулок и ограниченный доступ к свежему воздуху. Далее адвокат отмечает, что государство-участник не оспаривает конкретные утверждения, касающиеся обращения с авторами во время содержания их под стражей, в частности:

- авторы иногда были вынуждены спать на полу, что признается замечанием о том, что иногда заключенные предпочитают спать на полу, а не делить матрасы с кем бы то ни было еще; утверждается, что это противоречит правилу 19 Стандартных минимальных правил обращения с заключенными, принятых Организацией Объединенных Наций;

² Подлинники тексты этих affidavits хранятся в материалах дела.

- возможности для отправления естественных потребностей в камерах для смертников являются неадекватными; утверждается, что это означает нарушение правила 16 Стандартных минимальных правил;
- в камерах для смертников, в которых содержались авторы, плохое освещение, и это признается государством-участником, которое заявило о том, что эти камеры освещаются с помощью осветительных устройств, находящихся за их пределами. Адвокат утверждает, что осветительные устройства за пределами камер не соответствуют правилу 11(b) Стандартных минимальных правил. Более того, государство-участник не отклонило утверждение о том, что авторы были лишены доступа к свежему воздуху и солнечному свету (правило 11(a) и правило 21.1 Стандартных минимальных правил);
- государство-участник признает, что авторы совершали многочисленные поездки в общественном транспорте и в течение всех поездок находились в наручниках на виду у публики, в результате чего они подвергались значительному и ничем не оправданному унижению. Вышеизложенные условия содержания под стражей, как утверждается, представляют собой нарушение статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта.

Рассмотрение вопроса о приемлемости и изучение сообщения по существу

7.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами, как это предусматривается в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола к Пакту. Комитет принял к сведению просьбу государства-участника от 29 августа 1997 года о повторном рассмотрении вопроса о приемлемости сообщения с учетом замечаний государства-участника от 3 октября 1996 года, которые были доведены до сведения Комитета после объявления сообщения приемлемым.

7.2 Комитет в этом отношении отмечает, что представление государства-участника от октября 1996 года затрагивает существо жалоб авторов и что в нем не оспаривается приемлемость этого сообщения на любом из оснований, перечисленных в Факультативном протоколе, за исключением утверждения авторов о том, что старшина жюри присяжных на последнем судебном разбирательстве (1992 год) является родственником жены погибшего. Государство-участник утверждает, что этот вопрос авторы не ставили в ходе судебного разбирательства против них. Комитет отмечает, что в этом отношении фактически внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны и что решение о приемлемости от 11 июля 1997 года соответственно отменяется в том, что касается данного утверждения. Что касается других утверждений, выдвинутых авторами, то Комитет не видит оснований пересматривать свое решение о приемлемости.

7.3 По существу утверждений авторов следует рассмотреть три разные группы вопросов:

- вопрос о предполагаемых признаниях авторов, сделанных под принуждением, вопрос о физическом насилии против г-на Томаса в течение досудебного содержания под стражей, а также вопрос о плохих условиях содержания под стражей до судебного разбирательства;
- вопросы об условиях содержания под стражей после первого осуждения авторов (1988 год); и
- вопросы, относящиеся к проведению последнего судебного разбирательства против авторов (1992 год).

7.4 В отношении первой группы вопросов Комитет отмечает, что авторы, в частности г-н Томас, утверждают, что они подвергались жестокому обращению во время досудебного нахождения под стражей, что они содержались в плохих условиях вместе с осужденными заключенными и что они подвергались ничем не оправданному унижению в результате того, что их перевозили в наручниках общественным транспортом для доставки на судебные слушания на виду у публики. Государство-

участник представило подробное описание ситуации, которое в некоторых отношениях отличается от того, что утверждали авторы, и дало некоторые разъяснения причин такого обращения с ними. Вместе с тем государство-участник признало, что заключенным приходится делить матрасы. Комитет устанавливает, что эта ситуация означает нарушение требований пункта 1 статьи 10 Пакта.

7.5 Г-н Томас утверждает, что он подвергался жестокому обращению с целью принудить его признаться в убийстве Калима Яссина в нарушение пункта 3(g) статьи 14. Комитет отмечает, что судья рассмотрел это утверждение во время первого судебного разбирательства (1988 год) в ходе допросов на предмет выяснения непредвзятости и непредубежденности и установил, что оно является безосновательным. Комитет не располагает материалами, которые указывали бы, были ли какие-либо вопросы, относящиеся к предполагаемому жестокому обращению или признанию, поставлены во время последнего судебного разбирательства (1992 год) или во время апелляционного производства (1994 год). При этих обстоятельствах Комитет полагает, что нет оснований для установления нарушения пункта 3(g) статьи 14.

7.6 Авторы утверждают, что их длительное содержание под стражей в унижающих человеческое достоинство условиях означает нарушение статьи 7 и пункта 1 статьи 10. Они представили сделанные под присягой affidavits, подтверждающие их утверждение о том, что условия их содержания в камерах для смертников являются бесчеловечными и крайне вредными для здоровья. Государство-участник отклоняет эти утверждения, однако признает, что камеры авторов освещены внешними осветительными устройствами, что предполагает, что в камерах нет естественного освещения. Комитет полагает, что то обстоятельство, что авторы были лишены естественного освещения, за исключением одночасовой ежедневной прогулки, представляет собой нарушение пункта 1 статьи 10 Пакта, поскольку это означает неуважение присущего авторам человеческого достоинства.

7.7 Комитет принял к сведению утверждение адвоката о том, что г-н Томас не был в срочном порядке уведомлен о выдвигаемых против него обвинениях в нарушение пункта 3(a) статьи 14. Это утверждение не подтверждается материалами, предоставленными государством-участником, и не было выдвинуто вновь адвокатом в ее замечаниях по представлению государства-участника от 3 октября 1996 года. Таким образом, нет оснований для установления факта нарушения пункта 3(a) статьи 14.

7.8 В отношении г-на Яссина адвокат утверждает о нарушении пункта 3(b) и (d) статьи 14, поскольку автор не был представлен адвокатом в течение первых четырех дней последнего судебного разбирательства (1992 год). Государство-участник лишь отметило, что в разбирательстве был объявлен перерыв между июлем и сентябрем 1992 года по просьбе предыдущего адвоката автора, однако никак иначе не отвергло это утверждение. Комитет напоминает об очевидности того, что при рассмотрении дел, связанных с возможным смертным приговором, должна предоставляться правовая помощь³. Это верно даже в том случае, если отсутствие частного адвоката в какой-то степени объясняется действиями самого автора, и даже в том случае, если предоставление правовой помощи влечет за собой перерыв в судебном разбирательстве. Это требование не превращается в излишнее усилие, которые судья по делу может в иных отношениях предпринять для оказания обвиняемому помощи в ведении его защиты в отсутствие адвоката. Комитет считает, что отсутствие у г-на Яссина адвоката в течение первых четырех дней судебного разбирательства представляет собой нарушение пункта 3(b) и (d) статьи 14 Пакта.

7.9 Адвокат утверждает, что собранные против авторов доказательства были настолько слабыми, что они превращают их осуждение и смертный приговор в судебную ошибку. Адвокат, в частности, утверждает, что автор явился жертвой нарушения пункта 3(e) статьи 14, поскольку на последнее судебное разбирательство (1992 год) не явился один из свидетелей и на нем не были предъявлены определенные полицейские блокноты и журналы. В отношении этого свидетеля Комитет отмечает, что, как вытекает из имеющейся в его распоряжении информации, этот свидетель дал показания в

³ См. соображения в отношении сообщения № 223/1987 (*Фрэнк Робинсон против Ямайки*), принятые 30 марта 1989 года, пункт 10.3.

пользу обвинения во время первого судебного разбирательства (1988 год). Информация, имеющаяся в распоряжении Комитета, не указывает на то, каким образом отсутствие этого свидетеля на последнем судебном разбирательстве (1992 год) могло бы причинить ущерб интересам авторов. При этих обстоятельствах Комитет устанавливает, что адвокат не обосновал свое утверждение о том, что неявка свидетеля на последнее судебное разбирательство (1992 год) сопряжена с лишением авторов их права, предусмотренного пунктом 3(е) статьи 14.

7.10 В отношении исчезнувших журналов и блокнотов Комитет отмечает, что, как утверждают авторы, они могли содержать доказательства их невиновности. Государство-участник не затронуло это утверждение. В отсутствие каких-либо разъяснений со стороны государства-участника Комитет полагает, что данным утверждениям авторов следует придавать должный вес и что то обстоятельство, что на последнем судебном разбирательстве (1992 год) на были предъявлены полицейские документы, которые были предъявлены на первом судебном разбирательстве (1988 год) и которые могли содержать доказательства в пользу авторов, представляет собой нарушение пункта 3(b) и (е) статьи 14, поскольку это могло создавать препятствия авторам в подготовке их защиты.

7.11 В заключение адвокат утверждает о факте нарушения пункта 3(с) статьи 14 с учетом общей продолжительности задержек в период между арестом авторов в 1987 году, их осуждением после двух судебных разбирательств в декабре 1992 года и отклонением их апелляционной жалобы летом 1994 года. Комитет отмечает, что эти задержки не всегда в полной мере вызваны действиями государства-участника, поскольку сами авторы обращались с просьбами о перерывах в разбирательстве. Тем не менее Комитет полагает, что задержка продолжительностью два года в период между решением Апелляционного суда о проведении повторного судебного разбирательства и результатами этого повторного судебного разбирательства носит такой характер, что представляет собой нарушение пункта 3(с) статьи 14.

7.12 Комитет считает, что вынесение смертного приговора по завершении судебного разбирательства, в ходе которого положения Пакта не соблюдались, является, если подача новой апелляционной жалобы против этого приговора не представляется возможной, нарушением статьи 6 Пакта. В этом случае авторы были осуждены после судебного разбирательства, в ходе которого они не располагали своим правом на гарантированную защиту. Это означает, что окончательный смертный приговор по их делу был вынесен без соблюдения требований справедливого разбирательства, установленных в статье 14 Пакта. Поэтому Комитет обязан сделать вывод о том, что право, защищаемое согласно статье 6, также было нарушено.

8. Комитет по правам человека, действуя на основании пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что факты, которыми он располагает, свидетельствуют о нарушении государством-участником пункта 1 статьи 10 и пункта 3(b), (с) и (е) статьи 14 в отношении обоих авторов, а также пункта 3(b) и (d) статьи 14 в отношении г-на Абдула Яссина.

9. В соответствии с пунктом 3(а) статьи 2 Пакта г-да Абдул С. Яссин и Ноэль Томас имеют право на эффективное средство правовой защиты. Комитет считает, что с учетом обстоятельств их дела это должно повлечь за собой их освобождение.

10. Поскольку присоединение государства-участника к Факультативному протоколу означает, что государство-участник признало компетенцию Комитета выносить решения по вопросу о наличии или отсутствии нарушений Пакта и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязано обеспечивать всем находящимся на его территории и под его юрисдикцией лицам права, закрепленные в Пакте, и предоставлять им в случае установления факта нарушения эффективное и действенное средство правовой защиты, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о мерах, принятых с целью практической реализации сформулированных Комитетом соображений.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое мнение г-на Нисуке Андо в соответствии с пунктом 3 правила 94 правил процедуры Комитета в отношении решения Комитета по сообщению № 676/1996, Абдул Салим Яссин и Ноэль Томас против Гайаны

Я не возражаю против вывода Комитета о нарушениях статьи 14 Пакта. Однако я не могу согласиться с его выводом о нарушении пункта 1 статьи 10 по следующим причинам.

В отношении вопросов согласно пункту 1 статьи 10 (а также статьи 7, по мнению автора) авторы первоначально выдвинули утверждения, отраженные в пункте 3.6 соображений Комитета. Однако эти утверждения были подробным образом опровергнуты государством-участником в его замечаниях, датированных 3 октября 1996 года, как указывается в пунктах 5.4 и 5.8-5.11. Затем авторы попытались оспорить отклонение этих утверждений, приводя цитаты из двух affidavits, в которых описываются условия содержания под стражей, как указывается в пункте 6.7. По моему мнению, все описания, содержащиеся в этих affidavits, носят общий характер, и, несмотря на попытку авторов, на самом деле вызывает сомнение то, затрагивали ли и каким образом эти общие условия каждого из этих двух авторов конкретно. Единственный момент, которым Комитет смог обосновать свой вывод о нарушении пункта 1 статьи 10, - это тот факт, что "авторы были лишены естественного освещения, за исключением одночасовой ежедневной прогулки", причем это обстоятельство было выведено из признания государства-участника, согласно которому "камеры авторов освещены внешними осветительными устройствами, что предполагает, что в камерах нет естественного освещения". (См. пункт 7.6. Подчеркнуто мною.)

Я сознаю, что авторы предприняли попытку основывать свои утверждения о нарушении пункта 1 статьи 10 Пакта на принятых Организацией Объединенных Наций Стандартных минимальных правилах обращения с заключенными (см. пункт 6.7). По моему мнению, эти стандарты вполне могут представлять собой "желательные" нормы, касающиеся обращения с заключенными, и как таковой Комитет может обратиться к любому государству - участнику Пакта сделать все от него зависящее, для того чтобы соблюдать эти нормы при рассмотрении Комитетом доклада этого государства-участника. Тем не менее я не считаю, что эти нормы являются императивными нормами международного права, которые Комитет должен применять при принятии решения об обоснованности утверждений каждого отдельного автора сообщения. Кроме того, с учетом условий содержания под стражей в городских районах многих государств - участников Пакта я не могу согласиться с выводом о нарушении пункта 1 статьи 10 в связи с данным конкретным сообщением.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОТВЕТЫ, ПОЛУЧЕННЫЕ ОТ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ И АВТОРОВ, ПОСЛЕ ПРИНЯТИЯ СООБРАЖЕНИЙ КОМИТЕТОМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Сообщение No. 422/1990, 423/1990 и 424/1990

Представлено: Адимайо М. Адуайом, Софиану Т. Т. Диассо и Яво С. Добу
Предполагаемая жертва: Авторы
Государство-участник: Того
Объявлено приемлемым: 30 июня 1994 года (пятьдесят первая сессия)
Дата принятия соображений: 14 июля 1996 года (пятьдесят седьмая сессия))

Последующая информация, полученная от государства-участника:

В своем представлении от 24 сентября 2001 года государство-участник сообщило, что снятие обвинений не означает отсутствие факта совершения деяния; поэтому выплата компенсации не представляется возможной. Государство-участник утверждает, что авторы стремились дестабилизировать политическую обстановку в стране; потому принятые государством меры были оправданы в соответствии с пунктом 3 статьи 19 Пакта. Как следствие, компенсация не была выплачена. Что касается статьи 25, то, как утверждает государство-участник, эта статья неприменима к лицам, которые имели доступ к государственной службе или находились на ней. Поэтому вместо компенсации можно лишь говорить о регулировании правового положения авторов сообщения, что и было сделано.

Сообщение No. 480/1991

Представлено: Хосе Луис Гарсия Фуэнсалида [представлен неправительственной организацией]
Предполагаемая жертва: Автор
Государство-участник: Эквадор
Объявлено приемлемым: 15 марта 1995 года (пятьдесят третья сессия)
Дата принятия соображений: 12 июля 1996 года (пятьдесят седьмая сессия)

Последующая информация, полученная от государства-участника

Правительство Эквадора проинформировало Комитет о достижении им полюбовного урегулирования с автором сообщения 16 июня 1999 года на основании соображений Комитета.

Сообщение No. 526/1993

Представлено: Майкл и Брайен Хилл [представлены неправительственной организацией]

Предполагаемая жертва: Авторы

Государство-участник: Испания

Объявлено приемлемым: 22 марта 1995 года (пятьдесят третья сессия)

Дата принятия соображений: 2 апреля 1997 года (пятьдесят девятая сессия)

Последующая информация, полученная от государства-участника

В своем представлении от 9 октября 1997 года Испания сообщила о том, что заявители имеют право использовать эффективное средство правовой защиты на основе административной, судебной, конституционной (ампаро) или даже международной процедуры (на основании Европейской конвенции). В этой связи государство-участник сослалось на ст. ст. 24 (1), 106 (2) и 121 Конституции по поводу компенсации за ущерб, причиненный в результате нарушения прав отдельных лиц.

Сообщение No. 549/1993

Представлено: Франсис Опю и Топоаиту Бессер [представлены адвокатом]

Предполагаемая жертва: Авторы

Государство-участник: Франция

Объявлено приемлемым: 30 июня 1994 года (пятьдесят первая сессия)

Дата принятия соображений: 29 июля 1997 года (шестидесятая сессия)

Последующая информация, полученная от государства-участника

В своем представлении от 29 января 1998 года государство-участник сообщило о недавно принятых им юридических мерах по защите объектов культуры и привело примеры их успешного применения. В отношении объекта, о котором идет речь в деле авторов, государство-участник отмечает, что в археологическом отчете за июль 1996 года определены точные границы объекта и после необходимых научных изысканий принято решение изменить первоначальный план строительства, с тем чтобы защитить захоронения, находящиеся недалеко от моря. Для обеспечения их сохранности была сооружена специальная стена.

Сообщение No. 563/1993

Представлено: Федерико Андреу (представляет семью г-жи Нидии Эрики Баутиста де Ареллана)

Предполагаемая жертва: г-жа Нидия Эрика Баутиста де Ареллана

Государство-участник: Колумбия

Объявлено приемлемым: 11 октября 1994 года (пятьдесят вторая сессия)

Дата принятия соображений: 27 октября 1995 года (пятьдесят пятая сессия)

Последующая информация, полученная от государства-участника

В своем представлении от 21 апреля 1997 года государство-участник препроводило копию решения № 11/96, которое было принято министерским комитетом, учрежденным на основании законодательного акта № 288 от 1996 года, 11 сентября 1996 года, и в котором рекомендуется выплатить семье жертвы компенсацию. В следующей ноте от 2 ноября 1999 года содержится информация о том, что данное дело будет рассмотрено позднее Высшим военным трибуналом. Государство-участник отметило, что определенная сумма была выплачена семье, при этом ни размер этой суммы, ни дата ее выплаты не указаны.

Сообщение No. 628/1995

Представлено: Дэ Хун Пак [представлен адвокатом]

Предполагаемая жертва: Автор

Государство-участник: Республика Корея

Объявлено приемлемым: 5 Июля 1996 года (пятьдесят седьмая сессия)

Дата принятия соображений: 20 Октября 1998 года (шестьдесят четвертая сессия)

Последующая информация, полученная от государства-участника

В своем представлении от 15 марта 1999 года государство-участник проинформировало Комитет о том, что просьба автора о компенсации рассматривается Верховным судом. Оно далее известило Комитет о том, что им изучается вопрос об изменении Закона о национальной безопасности и принятии нового закона, учитывающего соображения Комитета. Министерство юстиции организовало перевод соображений Комитета и их широкое распространение через средства массовой информации. Были также соответствующим образом проинформированы судебные власти.

Сообщение No. 633/1995

Представлено: Роберт У. Готье [представлен адвокатом]

Предполагаемая жертва: Автор

Государство-участник: Канада

Объявлено приемлемым: 10 июля 1997 года (шестидесятая сессия)

Дата принятия соображений: 7 апреля 1999 (шестьдесят пятая сессия)

Последующая информация, полученная от государства-участника:

В своем представлении от 20 октября 1999 года государство-участник проинформировало Комитет о том, что оно назначило независимого эксперта для рассмотрения вопроса о критериях, регламентирующих порядок аккредитации представителей прессы на заседания парламента, а также заявления автора об аккредитации. В целях учета мнения Комитета о том, чтобы лицам, которым отказывается в доступе на места для представителей прессы во время заседаний, была обеспечена возможность подачи апелляции, в будущем спикер палаты будет компетентен принимать к рассмотрению жалобы и назначать независимого эксперта, призванного подготавливать для него заключение по поводу обоснованности конкретной жалобы. Более поздней корреспонденцией от 4 марта 2000 года правительство препроводило в Комитет один экземпляр экспертного доклада, касающегося критериев аккредитации представителей прессы на заседания парламента, а также порядка их применения в случае автора.

**УКАЗАТЕЛИ
УКАЗАТЕЛЬ ПО СТАТЬЯМ ПАКТА**

<i>Ст.</i>	<i>Сообщение</i>	<i>Стр.</i>	<i>Ст.</i>	<i>Сообщение</i>	<i>Стр.</i>
2	643/1995.....	15		676/1996	266
2 (1)	540/1993.....	87	9 (1)	422, 423 и 424/1990	35
	549/1993.....	93		560/1993	124
	577/1994.....	165	9 (4)	560/1993	124
2 (3)	540/1993.....	87	9 (5)	422, 423 и 424/1990	35
	563/1993.....	145		560/1993	124
	574/1994.....	155	10	480/1991	45
	612/1995.....	194		526/1993	51
	633/1995.....	227		563/1993	145
2 (3) (a)	480/1991.....	45		623, 624, 626 и 627/1995	203
	549/1993.....	93	10 (1)	540/1993	87
	586/1994.....	172		554/1993	113
	628/1995.....	220		555/1993	119
3	480/1991.....	45		577/1994	165
6	645/1995.....	18		588/1994	179
	588/1994.....	179		676/1996	266
6 (1)	540/1993.....	87	12	623, 624, 626 и 627/1995	203
	563/1993.....	145	12 (4)	669/1995	24
	612/1995.....	194		670/1995	29
	692/1996.....	255		538/1993	66
6 (4)	676/1996.....	266	13	538/1993	66
7	480/1991.....	45	14	669/1995	24
	538/1993.....	66		670/1995	29
	540/1993.....	87		480/1991	45
	554/1993.....	113		549/1993	93
	555/1993.....	119		612/1995	194
	563/1993.....	145		623, 624, 626 и 627/1995	203
	577/1994.....	165	14 (1)	593/1994	4
	588/1994.....	179		454/1991	41
	612/1995.....	194		526/1993	51
	623, 624, 626 и 627/1995.....	203		560/1993	124
	692/1996.....	255		577/1994	165
	676/1996.....	266		588/1994	179
	480/1991.....	45		692/1996	255
	526/1993.....	51		676/1996	266
	538/1993.....	66	14 (2)	526/1993	51
	540/1993.....	87		577/1994	165
	563/1993.....	145	14 (3)	692/1996	255
	612/1995.....	194			
	623, 624, 626 и 627/1995.....	203			

<i>Ст.</i>	<i>Сообщение.....</i>	<i>Стр.</i>	<i>Ст.</i>	<i>Сообщение.....</i>	<i>Стр.</i>
14 (3) (b)	526/1993.....	51	23	538/1993	66
	560/1993.....	124	23 (1)	549/1993	93
	577/1994.....	165	24 (1)	540/1993	87
	676/1996.....	266	25	454/1991	41
14 (3) (c)	526/1993.....	51		623, 624, 626 и 627/1995	203
	560/1993.....	124	25 (c)	422, 423 и 424/1990	35
	563/1993.....	145		552/1993	105
	588/1994.....	179	26	608/1995	10
	676/1996.....	266		643/1995	15
14 (3) (d)	526/1993.....	51		669/1995	24
	554/1993.....	113		670/1995	29
	560/1993.....	124		549/1993	93
	577/1994.....	165		612/1995	194
	676/1996.....	266		671/1995	242
14 (3) (e)	526/1993.....	51	1	454/1991	41
	676/1996.....	266		608/1995	10
14 (3) (g)	588/1994.....	179		645/1995	18
	676/1996.....	266		692/1996	255
14 (5)	526/1993.....	51	2	454/1991	41
	554/1993.....	113		480/1991	45
	588/1994.....	179		538/1993	66
14 (7)	692/1996.....	255		577/1994	165
15	623, 624, 626 и 627/1995.....	203		608/1995	10
	692/1996.....	255		633/1995	227
16	692/1996.....	255		643/1995	15
17	643/1995.....	15		645/1995	18
	645/1995.....	18		669/1995	24
	538/1993.....	66		670/1995	29
17 (1)	549/1993.....	93		671/1995	242
18 (1)	628/1995.....	220	2 (3) (a)	422, 423 и 424/1990	35
19	422, 423 и 424/1990.....	35	3	454/1991	41
	574/1994.....	155		480/1991	45
	623, 624, 626 и 627/1995.....	203		671/1995	242
	633/1995.....	227		692/1996	255
19 (1)	628/1995.....	220			
19 (2)	628/1995.....	220			
21	623, 624, 626 и 627/1995.....	203			
22	633/1995.....	227			

УКАЗАТЕЛЬ ПО СТАТЬЯМ ФАКУЛЬТАТИВНОГО ПРОТОКОЛА

<i>Ст.</i>	<i>Сообщение.....</i>	<i>Стр.</i>	<i>Ст.</i>	<i>Сообщение.....</i>	<i>Стр.</i>
4 (2)	422, 423 и 424/1990.....	35		538/1993	66
	480/1991.....	45		540/1993	87
	549/1993.....	93		552/1993	105
	554/1993.....	113		560/1993	124
	563/1993.....	145		563/1993	145
	574/1994.....	155		586/1994	172
	586/1994.....	172		593/1994	4
	588/1994.....	179		612/1995	194
	612/1995.....	194		628/1995	220
	628/1995.....	220		669/1995	24
4 (3)	628/1995.....	220	5 (4)	670/1995	29
5 (1)	422, 423 и 424/1990.....	35		671/1995	242
5 (2) (a)	526/1993.....	51		480/1991	45
	540/1993.....	87		628/1995	220
	552/1993.....	105			
	577/1994.....	165			
	586/1994.....	172			
	628/1995.....	220			
	645/1995.....	18			
	671/1995.....	242			
5 (2) (b)	422, 423 и 424/1990.....	35			
	454/1991.....	41			
	480/1991.....	45			
	526/1993.....	51			

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А	<p>Адекватность процедуры ареста 526/1993 51</p> <p>Арест и увольнение гражданских служащих за предполагаемое оскорбление главы государства-участника 422, 423 и 424/1990 35</p> <p>Арест и последующее похищение лидеров коренной общины военнослужащими государства-участника 612/1995 194</p>	<p>Дискриминация 593/1994 4 608/1995 10 643/1995 15 628/1995 220</p> <p>Длительное содержание лица, приговоренного к смертной казни в камере смертников 554/1993 113 555/1993 119 588/1994 179</p> <p>Допустимые ограничения свободы выражения и свободы мысли 628/1995 220 574/1994 155</p>
Б	<p>Бесчеловечное и унижающее достоинство обращение 588/1994 179 577/1994 165</p>	<p>Длительное действие нарушения 628/1995 220 586/1994 172 422, 423 и 424/1990 35 574/1994 155</p>
В	<p>Вмешательство в семейную жизнь 538/1993 66 645/1995 18</p> <p>Временные меры защиты 538/1993 66 623, 624, 626 и 627/1995 203 671/1995 242 692/1996 255</p> <p>Возвращение в страну происхождения лица, осужденного за наркопреступления в государстве-участнике 692/1996 255</p>	Ж
Д	<p>Дела, находящиеся на рассмотрении других правозащитных механизмов 540/1993 87</p> <p>Дискриминация и жестокое обращение с задержанными по признаку сексуальной ориентации 480/1991 45</p> <p>Дискриминация с точки зрения доступа к государственной службе 454/1991 41 552/1993 105</p>	<p>Жалоба, находящаяся на рассмотрении другого международного органа 577/1994 165</p> <p>Жестокое и бесчеловечное обращение 540/1993 87</p>
		З
		<p>Запрещенная дискриминация 586/1994 172</p>
		И
		<p>Исчерпание внутренних средств правовой защиты 593/1994 4 526/1993 51 552/1993 105 560/1993 124 563/1993 145 574/1994 155 586/1994 172 612/1995 194 628/1995 220 633/1995 227 676/1996 266</p>

К		государства-участника 623, 624, 626 и 627/1995.....	203
Квалификация заявления государства-участника по статье 27 в качестве оговорки 549/1993	93	Отказ в равном доступе к государственной службе 422, 423 и 424/1990.....	35
Компенсация за произвольный арест 422, 423 и 424/1990	35	Отказ в справедливом слушании 454/1991.....	41
Компенсация за незаконное задержание 560/1993	124	Обязанность проводить расследование и осуществлять преследование в случае принудительных исчезновений 612/1995.....	194
М		563/1993.....	145
Минимальные гарантии защиты в уголовном процессе 526/1993	51	Обязательное задержание иммиграционными властями просителей убежища 560/1993.....	124
Н		Осуществление прав меньшинств 669/1995.....	24
Неадекватность обжалования 623, 624, 626 и 627/1995	203	671/1995.....	242
Неприемлемость <i>ratione temporis</i> 593/1994	4	Оспаривание государством-участником обоснованности временных мер 538/1993.....	66
643/1995	15	Отказ государства-участника сотрудничать 676/1996.....	266
Недостаточное обоснование жалобы 669/1995	24	Обоснование жалобы 574/1994.....	155
670/1995	29	643/1995.....	15
480/1991	45	526/1993.....	51
560/1993	124	633/1995.....	227
Неисчерпание внутренних средств правовой защиты 669/1995	24	Ответственность государства-участника за исчезновение 563/1993.....	145
670/1995	29	Отмена временных мер защиты 671/1995.....	242
454/1991	41	П	
Несправедливое судебное разбирательство 480/1991	45	Похищение, содержание под стражей без связи с внешним миром и последующее исчезновение жертвы 563/1993.....	145
593/1994	4		
623, 624, 626 и 627/1995	203		
577/1994	165		
577/1994	165		
Незаконное задержание 612/1995	194		
О			
Оговорка к статье 5 (2) а) Факультативного протокола 645/1995	18		
Отсутствие сотрудничества со стороны			

Приемлемость <i>ratione materiae</i>		Произвольное вмешательство в частную и семейную жизнь	
552/1993	105	549/1993.....	93
692/1996	255	Принудительные исчезновения и право на жизнь	
586/1994	172	540/1993.....	87
Приемлемость <i>ratione temporis</i>		563/1993.....	145
422, 423 и 424/1990	35	612/1995.....	194
560/1993	124	Принуждение к признанию вины	
574/1994	155	676/1996.....	266
628/1995	220	Посягательство на честь и репутацию	
586/1994	172	643/1995.....	15
Предполагаемое жестокое обращение с обвиняемыми в совершении преступлений, караемых смертной казнью		Правомерность особого отношения	
676/1996.....	266	643/1995.....	15
Право представителей меньшинства не быть лишенными возможности пользоваться своей собственной культурой		Принцип недискриминации	
671/1995.....	242	643/1995	15
Право на судебный пересмотр правомерности задержания и объем такого пересмотра		669/1995.....	24
560/1993	124	670/1995.....	29
Право пользоваться собственной культурой		480/1991.....	45
549/1993	93	549/1993.....	93
Право на пересмотр осуждения и приговора		586/1994	172
526/1993	51	Пытках, утверждения о	
Право быть судимым без неоправданной задержки		563/1993.....	145
526/1993.....	51	612/1995.....	194
Просьба государства-участника об отмене временных мер		480/1991.....	45
671/1995	242	623, 624, 626 и 627/1995.....	203
692/1996	255		
Произвольный арест		Р	
480/1991	45	Равенство перед судами	
563/1993	145	669/1995.....	24
540/1993	87	670/1995.....	29
Произвольное лишение права въехать в свою собственную страну		С	
538/1993	66	Синдром смертника	
Произвольное задержание		554/1993.....	113
560/1993	124	555/1993.....	119
540/1993	87	588/1994.....	179
Произвольное назначение смертного приговора		Справедливое судебное разбирательство	
623, 624, 626 и 627/1995	203	563/1993.....	145
		Справедливость и беспристрастность разбирательства в специальных уголовных судах	
		593/1994.....	4
		676/1996.....	266

Свобода ассоциаций	
633/1995	227
Свобода выражения	
422, 423 и 424/1990	35
574/1994	155
633/1995	227
Статус "жертвы" по смыслу статьи	
Факультативного протокола	
645/1995	18
Соблюдение гарантий должного	
судопроизводства в деле о преступлении,	
наказуемом смертной казнью	
588/1994	179

У

Увольнение с работы бывшего государственного	
служащего	
552/1993	105

Ф

Физические посягательства во время содержания	
под стражей до суда	
676/1996	266

Ч

Частичная отмена решения относительно	
приемлемости	
454/1991	41
633/1995	227
422, 423 и 424/1990	35

Э

Эффективное средство правовой защиты и	
доступ к независимому суду	
549/1993	93
676/1996	266

Я

Ядерное оружие и право на жизнь	
645/1995	18

УКАЗАТЕЛЬ ПО АВТОРАМ И ЖЕРТВАМ

	<i>Сообщение</i> No.	<i>A = автор</i> <i>Ж = жертва</i> <i>A, Ж = Автор</i> <i>тот же, что и</i> <i>жертва</i>	<i>Государство-</i> <i>участник</i>	<i>Стр.</i>
А				
Адам, Йозеф Франк Адуайом, Адимайо М.	586/1994 422/1990, 423/1990 и 424/1990	А, Ж А, Ж	Чешская Республика Того	172 35
Ареллана, Нидия Эрика Баутиста де	563/1993	Ж	Колумбия	145
Б				
Бессер, Топоаиту Биккару, Рамчаран Бордес, Вайхере	549/1993 555/1993 645/1995	А, Ж А, Ж А, Ж	Франция Тринидад и Тобаго Франция	93 119 18
В				
Вильяфанье Чапарро, Амадо	612/1995	А, Ж	Колумбия	194
Г				
Гарсия Понс, Энрике Готье, Роберт У. Гельбахиани, Петр	454/1991 633/1995 623, 624, 626 и 627/1995	А, Ж А, Ж А, Ж	Испания Канада Грузия	41 227 203
Д				
Диассо, Софиану Т. Т. Добу, Яво С. Доквадзе, Ираклий	422/1990, 423/1990 и 424/1990 422/1990, 423/1990 и 424/1990 623, 624, 626 и 627/1995	 А, Ж А, Ж А, Ж	 Того Того Грузия	 35 35 203
Домуковский, Виктор Дробек, Петер Джонсон, Эррол	623, 624, 626 и 627/1995 643/1995 588/1994	А, Ж А, Ж А, Ж	Грузия Грузия Словакия Ямайка	203 203 15 179
К				
Калл, Веслав Ким, Гын-Дэ Креспо, Диоселина Торрес	552/1993 574/1994 612/1995	А, Ж А, Ж А	Польша Республика Корея Колумбия	105 155 194

	<i>Сообщение No.</i>	<i>A = автор Ж = жертва А, Ж = Автор тот же, что и жертва</i>	<i>Государство- участник</i>	<i>Стр.</i>
Л				
Лянсман, Эйно	671/1995	А, Ж	Финляндия	242
Лянсман, Юни А.	671/1995	А, Ж	Финляндия	242
Лянсман, Юни Е.	671/1995	А, Ж	Финляндия	242
Лавенде, Робинсон	554/1993	А, Ж	Тринидад и Тобаго	113
М				
Малик, Герхард	669/1995	А, Ж	Чешская Республика	24
Н				
Нахлик, Франц	608/1995	А, Ж	Австрия	10
О				
Опю, Франсис	549/1993	А, Ж	Франция	93
П				
Пак, Дэ Хун	628/1995	А, Ж	Республика Корея	220
Полай Кампос, Виктор Альфредл	577/1994	Ж	Перу	165
С				
Стюарт, Чарльз	538/1993	А, Ж	Канада	66
Селис Лауреано, Ана Росфрио	540/1993	Ж	Перу	87
Т				
Темехаро, Джон	645/1995	А, Ж	Франция	18
Томас, Ноэль	676/1996	А, Ж	Гайана	266
Торрика, Марко	671/1995	А, Ж	Финляндия	242
Торрес Солис, Эрмес Энрике	612/1995	А	Колумбия	194
Ф				
Фуэнсалида, Хосе Луис Гарсия	480/1991	А, Ж	Эквадор	45
Х				
Хилл, Майкл	526/1993	А, Ж	Испания	51
Хилл, Брайан	526/1993	А, Ж	Испания	51
Холланд, Патрик	593/1994	А, Ж	Ирландия	4
Ц				
Циклаури, Заза	623, 624, 626 и 627/1995	А, Ж	Грузия	203

	<i>Сообщение No.</i>	<i>A = автор Ж = жертва А, Ж = Автор тот же, что и жертва</i>	<i>Государство- участник</i>	<i>Стр.</i>
Ч				
Чапарро Искьердо, Висенсио	612/1995	А	Колумбия	194
Чапарро, Хосе Висенте	612/1995	А, Ж	Колумбия	194
Ш				
Шлоссер, Рюдигер	670/1995	А, Ж	Чешская Республика	29
Я				
Яссин, Абдул Салим	676/1996	А, Ж	Гайана	266

ПОДБОРКА РЕШЕНИЙ КОМИТЕТА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СООТВЕТСТВИИ С ФАКУЛЬТАТИВНЫМ
ПРОТОКОЛОМ/ТОМ 6